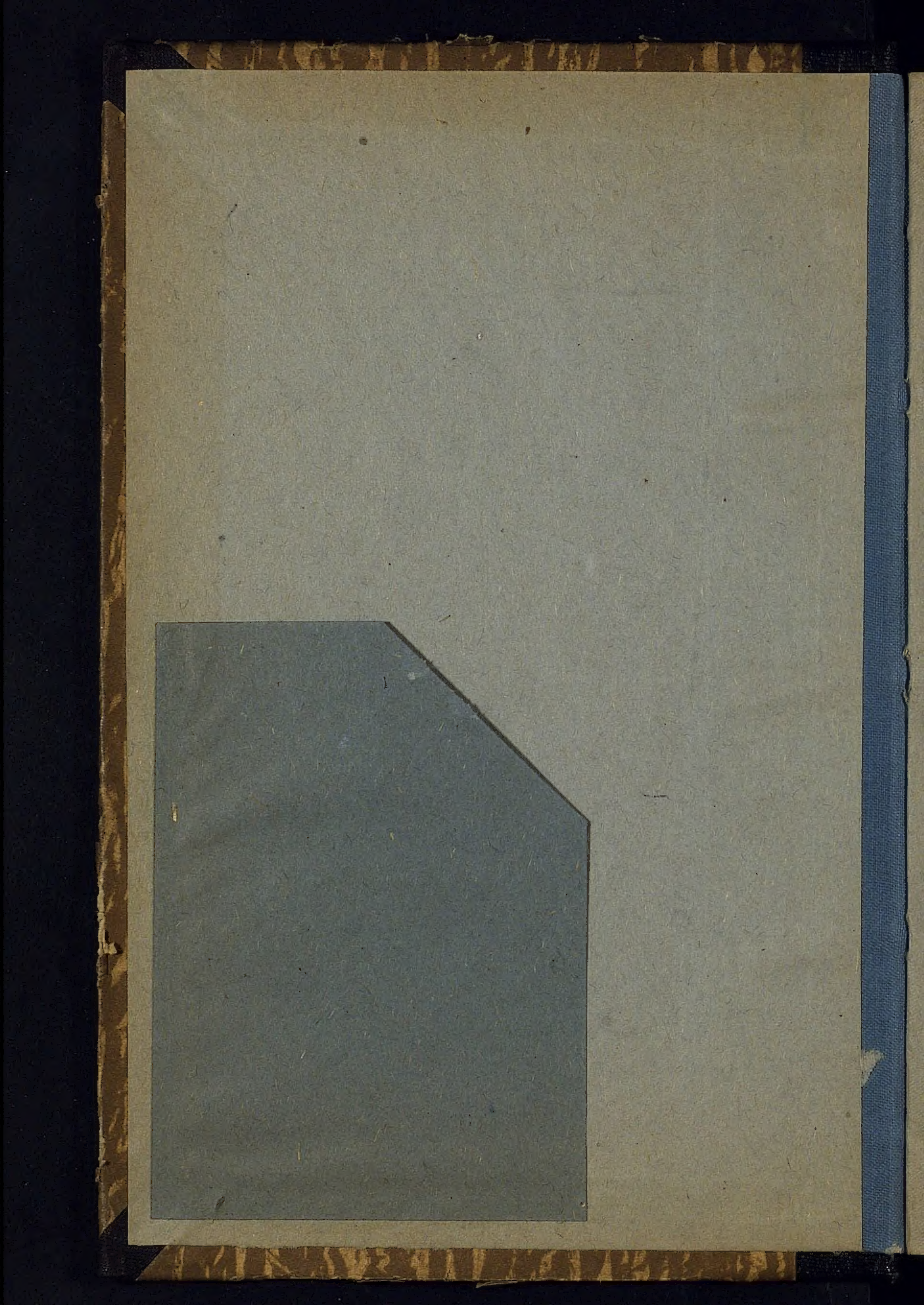
Русский
Вѣстник.
1862. № 9.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СОРОКОВОЙ.

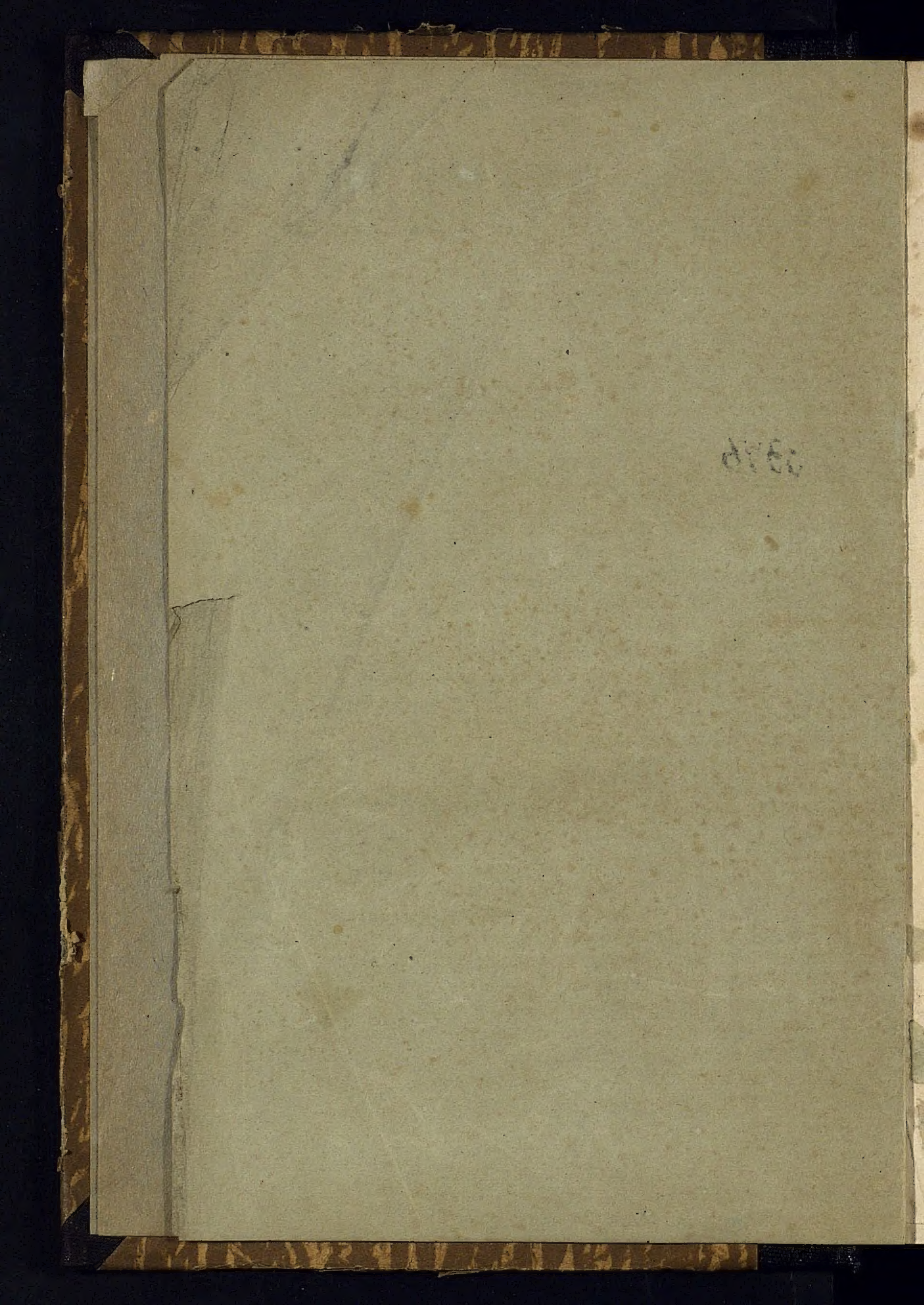
1862

СЕНТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА

Въ типографіи Каткова и К°.

Русский Вестник 1862 Сентябрь т. 40

ОБЪ ИЗДАНІИ

„РУССКАГО ВѢСТНИКА"

ВЪ 1863 ГОДУ.

Редакція *Русскаго Вѣстника* будетъ съ прежнимъ усердіемъ продолжать свое изданіе. Какъ съ каждымъ предшествовавшимъ годомъ онъ становился достойнѣе своего успѣха, такъ, мы надѣемся, будетъ и съ наступающимъ новымъ. Соединеніе *Московскихъ Вѣдомостей* въ нашихъ рукахъ съ *Русскимъ Вѣстникомъ* не ослабитъ, а усилитъ его, потому что своими средствами оба изданія будутъ взаимно помогать себѣ, и редакція обоихъ можетъ быть организована шире и правильнѣе. Читателямъ нашимъ извѣстно, что въ объявленіяхъ о подпискѣ мы всегда избѣгали пускаться въ какія бы то ни было обѣщанія и перечислять то что̀ у насъ имѣется въ запасѣ или что̀ имѣется въ виду. Этому правилу остаемся мы вѣрны и въ нынѣшній разъ; если же позволяемъ себѣ сказать эти два-три лишнія слова, то насъ побуждаетъ къ тому естественное желаніе объясниться по случаю соединенія двухъ большихъ самостоятельныхъ изданій въ нашихъ рукахъ. Между уважающимъ себя журналомъ и публикой должна быть внутренняя связь и полное взаимное довѣріе. Если публика не имѣетъ увѣренности въ жизненной силѣ журнала и въ его способности возвышаться вмѣстѣ съ ея требованіями, то прибѣгать къ искусственнымъ возбужденіямъ ея вниманія было бы дѣломъ недостойнымъ и унизительнымъ для обѣихъ сторонъ.

Такъ какъ газетный отдѣлъ *Русскаго Вѣстника—Современная Лѣтопись* — сольется въ будущемъ году съ *Московскими Вѣдомостями*, то подписка открывается лишь на ежемѣсячныя книжки *Русскаго Вѣстника* безъ *Современной Лѣтописи*, но современный интересъ ежемѣсячныхъ книжекъ нисколько не пострадаетъ отъ этой перемѣны, а напротивъ выиграетъ, потому что въ ихъ составъ войдетъ многое, что̀ по характеру своему относится теперь въ *Современную Лѣтопись*. Мы бы очень желали назначить за двѣнадцать ежемѣсячныхъ книжекъ *Русскаго Вѣстника* цѣну меньшую той, о которой мы предварительно объявили; но расходы, которыхъ потребуетъ удовлетворительное изданіе, не позволяютъ намъ этого сдѣлать, тѣмъ болѣе что цѣнность литературнаго труда, вслѣдствіе разныхъ причинъ, значительно возрасла у насъ въ послѣднее время, а мы считаемъ своею обязанностію, и передъ публикою и передъ литературой, не только не уменьшать, но по возможности возвышать цѣнность трудовъ таланта и знанія, которыми, къ сожалѣнію, не очень богата наша литература.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1863 году стоить въ Москвѣ и Петербургѣ. . . . . 13 р. 50 к. с.

Съ почтовою пересылкой въ другіе города и съ доставкою на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ. . 15 р.

Подписка принимается въ редакціи *Русскаго Вѣстника*, въ конторѣ типографіи Каткова и К°, въ газетныхъ экспедиціяхъ московскаго и с.-петербургскаго почтамта, въ книжной лавкѣ И. В. Базунова въ Москвѣ, въ книжной лавкѣ А. Ѳ. Базунова въ Петербургѣ, а также и у другихъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ.

Иногородные благоволятъ обращаться преимущественно въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, гдѣ принимается также подписка на *Московскія Вѣдомости*.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

ВЪ 1863 ГОДУ.

Общественное мнѣніе стало въ нашемъ отечествѣ безспорною силой. Вліяніе его оказывается на всемъ; вездѣ оно присутствуетъ и дѣйствуетъ. Съ его усиленіемъ возрасло значеніе печати, тѣмъ болѣе что у насъ она служитъ почти единственнымъ органомъ заявленія общественныхъ интересовъ. А потому одна изъ самыхъ главныхъ потребностей нашихъ состоитъ теперь въ томъ, чтобы наша печать своими способами соотвѣтствовала этому новому положенію, въ которомъ она неожиданно очутилась. При томъ безостановочномъ движеніи, которое обнаруживается повсюду, при этомъ множествѣ возникающихъ вопросовъ и затронутыхъ интересовъ, при этомъ богатствѣ событій сообщающихъ каждому проходящему дню отличительную физіономію, болѣе и болѣе возрастаетъ значеніе ежедневной печати, которая одна лишь можетъ поспѣвать за быстротою этого движенія и овладѣвать его полнотой и разнообразіемъ.

До послѣдняго времени изданіе ежедневныхъ газетъ было строгою монополіей, и нельзя не порадоваться, что монополія эта наконецъ прекратилась. Но было бы странно, еслибы посреди безпрерывно возникающихъ новыхъ изданій, давніе органы не пріобрѣтали новаго значенія и не возрастали въ своей силѣ. Было бы странно оставлять въ небреженіи существующія силы, и не вполнѣ воспользовавшись ими, начинать новое, которое только тогда бываетъ дѣйствительно необходимымъ, когда старое, при полномъ развитіи, оказывается недостаточнымъ.

Столѣтняя газета, составляющая собственность Московскаго университета, съ прекращеніемъ монополіи, не лишается своей силы, какъ не теряетъ она своей экономической цѣнности для университета. Къ тому же, по устраненіи всѣхъ исключительныхъ привилегій, которыми она пользовалась, за нею осталось одно весьма важное преимущество, которое и не можетъ быть у ней отнято. Это преимущество состоитъ въ обязательной силѣ помѣщаемыхъ въ ней официяльныхъ объявленій, потому что только то объявленіе считается законно обнародованнымъ, которое напечатано въ *Московскихъ* или въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Благодаря этому обстоятельству, равно какъ и давности изданія, *Московскія Вѣдомости* пустили глубокіе корни въ публикѣ, и при всѣхъ превратностяхъ въ своей редакціи, всегда имѣли болѣе или менѣе обширный кругъ читателей, никогда не измѣнявшихъ имъ, какъ бы ни было неудовлетворительно ихъ изданіе.

Но пока изданіе *Московскихъ Вѣдомостей* шло казеннымъ порядкомъ, оно не могло быть вполнѣ удовлетворительно ни для публики, ни для самого университета. Оставаясь, какъ политическій и литературный органъ, далеко позади своего назначенія, *Московскія Вѣдомости* не доставляли университету всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя могли бы доставлять находясь въ рукахъ вполнѣ отвѣтственнаго передъ публикой издателя, въ рукахъ имѣющихъ возможность распоряжаться ими какъ своею собственностію.

По опредѣленію университетскаго совѣта, утвержденному правительствомъ, изданіе *Московскихъ Вѣдомостей* (вмѣстѣ съ содержаніемъ университетской типографіи) поступаетъ съ будущаго 1863 года въ руки нижеподписав-

шихся. Всѣ выгоды, kakія *Московскія Вѣдомости* могли бы доставлять университету при настоящихъ своихъ способахъ и kakихъ университетъ никогда не получалъ отъ нихъ, нижеподписавшіеся предоставляютъ университету, гарантировавъ ему, за *Московскія Вѣдомости* съ типографіей, ежегоднаго дохода 74 тысячи рублей сер. За то они становятся полными хозяевами этого важнаго изданія, и употребятъ всѣ остающіяся въ ихъ распоряженіи средства для того чтобы возвысить интересъ и значеніе этой старой московской газеты, родоначальницы нашей политической печати, что̀ въ настоящее время будетъ конечно дѣломъ нелишнимъ.

Нижеподписавшіеся, открывая подписку на *Московскія Вѣдомости*, которыя поступятъ въ ихъ руки съ 1-го января 1863 года, поставлены внѣ необходимости рекомендовать себя публикѣ. Одинъ изъ нихъ уже завѣдывалъ редакціей *Московскихъ Вѣдомостей*, и хотя онъ располагалъ ничтожными средствами (на всѣ издержки редакціи отпускалось тогда лишь 3000 р. с.), но ему удалось придать этому изданію значеніе соотвѣтствовавшее желаніямъ публики, что̀ и оказалось въ увеличеніи числа подписчиковъ вдвое противъ прежняго. Еще болѣе извѣстны публикѣ нижеподписавшіеся по изданію *Русскаго Вѣстника* и *Современной Лѣтописи*. Эти изданія пользуются непрерывнымъ успѣхомъ (не наше дѣло судить—вполнѣ ли заслуженнымъ), такъ что при отсутствіи всякихъ привилегій, при многихъ встрѣчавшихся имъ затрудненіяхъ, они по числу постоянныхъ подписчиковъ не многимъ уступаютъ нынѣшнимъ *Московскимъ Вѣдомостямъ*.

Образъ мыслей и дѣятельность редакціи *Русскаго Вѣстника* достаточно знакомы публикѣ, и публика сама можетъ судить, въ kakой мѣрѣ новая редакція *Московскихъ Вѣдомостей* будетъ удовлетворять ея потребностямъ. Нижеподписавшіеся не хотятъ возбуждать преувеличенныхъ ожиданій; они довольствуются предъявленіемъ тѣхъ залоговъ, которые заключаются въ ихъ прежней общественной дѣятельности. Ежедневная газета только расширитъ сферу ихъ дѣятельности, только откроетъ имъ новые пути и дастъ имъ способъ еще въ большей мѣрѣ быть тѣмъ чѣмъ они были доселѣ. Какъ при изданіи *Русскаго Вѣстника*,

такъ и теперь, при открывающемся новомъ изданіи *Московскихъ Вѣдомостей*, свое главное назначеніе полагаютъ они въ томъ, чтобы вѣрно и добросовѣстно служить общественному мнѣнію, доставляя ему всѣ нужныя свѣдѣнія, возбуждая его энергію и способствуя правильности его сужденій. Затѣмъ они не имѣютъ никакихъ постороннихъ цѣлей, никакихъ затаенныхъ тенденцій; они не связаны ни съ какимъ кружкомъ, ни съ какою партіею, и въ общественномъ дѣлѣ дорожатъ болѣе всего независимостію своихъ воззрѣній и своего слова.

Издатели *Московскихъ Вѣдомостей* примутъ всѣ мѣры, чтобъ организовать редакцію ихъ удовлетворительнымъ образомъ. Они счастливы тѣмъ, что могутъ опираться на содѣйствіе людей, вполнѣ ими уважаемыхъ, и которыхъ содѣйствіе можетъ имѣть особенную важность во мнѣніи лучшей части публики. Между прочимъ, новая редакція *Московскихъ Вѣдомостей* можетъ вполнѣ разчитывать на поддержку и пособіе со стороны большинства преподавателей Московскаго университета по спеціяльности каждаго. *Московскія Вѣдомости*, переставая быть казеннымъ изданіемъ университета и переходя въ частныя руки, можетъ-быть болѣе чѣмъ когда-либо послужатъ живою связью между публикой и старѣйшимъ органомъ науки на Руси,—и связь эта, мы надѣемся, будетъ не безплодна какъ для той, такъ и для другой стороны.

Всѣ средства, какими располагала редакція *Современной Лѣтописи* и которымъ она была обязана своимъ успѣхомъ, перейдутъ, значительно умноженныя и усиленныя, къ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*. Что *Современная Лѣтопись* представляла въ малыхъ размѣрахъ, то представятъ публикѣ въ размѣрахъ гораздо бо́льшихъ *Московскія Вѣдомости*, пользуясь выгодами ежедневнаго изданія. Съ другой стороны, за *Московскими Вѣдомостями* останется все то что̀ придаетъ имъ особенное значеніе въ глазахъ читателей. Офиціяльный характеръ и полнота въ сообщеніи постановленій и распоряженій правительства будутъ составлять по прежнему непремѣнную принадлежность этой газеты; новая редакція озаботится достиженіемъ еще большей полноты офиціяльнаго отдѣла, и приметъ мѣры, чтобы правительственные акты появлялись въ *Московскихъ*

Вѣдомостяхъ съ возможною быстротой. Наконецъ, будетъ сохранено въ силѣ и то удобство *Московскихъ Вѣдомостей* для публики, что ихъ подписчики получаютъ всѣ казенныя объявленія безъ особой приплаты.

Московскія Вѣдомости будутъ, кромѣ табельныхъ праздниковъ, выходить листами большаго формата въ шесть столбцовъ, ежедневно, но не утромъ, какъ было до сихъ поръ, а пополудни, около 5-ти часовъ. Эта перемѣна въ выпускѣ газеты, то-есть превращеніе ея изъ утренняго изданія въ вечернее, дастъ ей возможность представлять своимъ читателямъ самыя свѣжія новости каждаго дня и не отставать въ этомъ отношеніи отъ петербургскихъ газетъ. Все что̀ принесетъ въ Москву утренняя почта и все что̀ по телеграфу будетъ сообщено въ Петербургъ изъ-за границы до двухъ часовъ по полудни, появится въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* тѣмъ же днемъ, черезъ нѣсколько часовъ, такъ что московская публика узнаетъ наканунѣ многое изъ того что̀ будетъ напечатано лишь утромъ слѣдующаго дня въ большей части петербургскихъ газетъ.

Если, подобно другимъ ежедневнымъ изданіямъ, *Московскія Вѣдомости* не будутъ выходить въ табельные праздники, то онѣ будутъ за то выходить семь разъ въ недѣлю; то-есть каждое Воскресенье (за исключеніемъ Свѣтлаго и слѣдующихъ за табельными праздниками), по утру, въ форматѣ нынѣшней *Современной Лѣтописи*, будутъ выходить особыя прибавленія къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*, и приносить съ собою читателямъ, вмѣстѣ съ разными статьями, послѣднія новости и телеграммы. Въ этихъ воскресныхъ прибавленіяхъ читатели будутъ находить всякаго рода литературныя и политическія статьи, которыя по разнымъ причинамъ удобнѣе будетъ помѣщать въ еженедѣльныхъ выпускахъ нежели въ ежедневномъ листѣ.

Воскресныя прибавленія къ *Московскимъ Вѣдомостямъ* не возвысятъ платы за это изданіе: *Московскія Вѣдомости* будутъ стоить то же самое что̀ стоятъ онѣ теперь.

Московскія Вѣдомости, съ казенными объявленіями и съ *воскресными прибавленіями*, будутъ стоить въ Москвѣ безъ доставки на домъ . . . . 12 руб. сер.

Въ Петербургѣ безъ доставки на домъ . 13 — —

Съ почтовою пересылкой въ другіе города, и съ доставкою на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ . . 15 — —

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ университетской типографіи на Страстномъ бульварѣ, въ редакціи *Русскаго Вѣстника* и въ газетныхъ экспедиціяхъ Московскаго и С.-Петербургскаго почтамтовъ. Въ Петербургѣ, кромѣ того, можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Издатели: М. КАТКОВЪ, П. ЛЕОНТЬЕВЪ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ.

№ 9

ТОМЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

Сентябрь

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.
1862.

Одобрено цензурой въ Москвѣ, 29 сентября 1862 года.

РУССКІЙ

БОГАТЫРСКІЙ ЭПОСЪ[1]

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Народныя былины, старинныя побывальщины. Двѣ части. Москва. 1861—1862—г., въ 8 д. л.
Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. Четыре выпуска. 1860—1862 г., въ 8 д. л.

IV.

Малыя дѣти уже въ самомъ раннемъ возрастѣ своемъ перенимаютъ отъ взрослыхъ множество такихъ словъ и выраженій, которыхъ, по отвлеченности или по глубинѣ и обширности смысла, они вовсе не понимаютъ, и которымъ даютъ иной оборотъ, больше согласный съ ихъ дѣтскими взглядами и понятіями. Съ теченіемъ лѣтъ, опытность и сознаніе все больше и больше уясняютъ для развивающагося ума этотъ уже готовый запасъ воззрѣній и понятій, переданный ему отъ другихъ вмѣстѣ съ звуками роднаго языка. Какъ взрослые люди, по различію въ ступеняхъ образованія, имѣютъ не одинаковыя, больше или меньше ясныя понятія объ умственныхъ и нравственныхъ интересахъ; такъ въ дѣтяхъ, по мѣрѣ духовнаго развитія, уясняется и приводится въ сознаніе то что сначала было принято безсознательно.

---

[1] См. *Русскій Вѣстникъ* № 3.

Во многихъ отношеніяхъ то же можно сказать и о развитіи народностей. Замѣчательно близкое сродство словъ всѣхъ индо-европейскихъ языковъ въ наименованіи божества и существенныхъ предметовъ религіи и нравственности, понятій о бытѣ семейномъ и общественномъ, объ осѣдлости и земледѣліи, вполнѣ убѣждаетъ историка индоевропейскихъ народовъ, что Германцы, Литва, Славяне и другіе ихъ соплеменники, вышедшіе изъ общей Арійской родины съ племенами Индіи и древней Персіи, вынесли съ собою въ Европу зародыши понятій о благоустроенномъ бытѣ семейномъ и общественномъ, основанномъ на земледѣльческой осѣдлости, руководимомъ закономъ высшей правды и охраняемомъ богами. Лѣтописецъ Несторъ свидѣтельствуетъ, что древнѣйшія племена Славянскія, населившія Русь, имѣли уже *свои обычаи и законъ своихъ отцовъ и преданіе*, и что въ жизни семейной они отличали уже разныя степени родства, каковы *зять, деверъ, сноха, свекровь* и т. д. Они даже кочевали и расселялись, группируясь *по родамъ*, то-есть въ массахъ связанныхъ узами семейнаго родства. Переходя съ мѣста на мѣсто изъ далекой азіятской родины до роднаго Дуная и столь же потомъ родственныхъ береговъ Днѣпра и Ильменя, они конечно не имѣли времени постоянно упражняться въ землепашествѣ; однако, поселившись на осѣдлыхъ мѣстахъ, они не забыли первобытнаго, общаго всѣмъ индо-европейскимъ народамъ слова, для означенія трудовъ земледѣльца—именно: *орать*, то-есть, пахать, точно также какъ въ темную и трудную эпоху кочевья не забыли столь же общихъ всѣмъ народамъ терминовъ семейнаго родства, каковы: *мать, дочь, сынъ* и проч. [1]

Несмотря однако на эту первобытность зародышей благоустроеннаго порядка въ каждой изъ европейскихъ народностей, миѳическія и эпическія преданія повѣствуютъ о временахъ мрака и ужаса, предшествовавшихъ мирной осѣдлости и плодотворному для успѣховъ просвѣщенія земледѣлію. Точно будто бы, въ теченіе многихъ вѣковъ хаотическаго броженія, нужно было, устоявши въ борьбѣ

---

[1] См. мою книгу *О вліяніи христіянства на славянскій языкъ*. Стр. 132; Якова Гримма *Geschichte d. deutschen Sprache*. I, стр. 266, по изданію 1848 г.

съ чудовищами и страшными, сверхъестественными силами, сохранить въ себѣ эти зародыши ранней цивилизаціи, на время затаивъ ихъ въ себѣ, и дать просторъ ихъ возрастанію только тогда, когда наступятъ для того благопріятныя времена. Нужны были опыты многихъ столѣтій, чтобы привести себѣ въ сознаніе тѣ идеи и воззрѣнія, которыя европейскія народности вынесли съ собою изъ своей азіятской родины, отдѣлившись нѣкогда отъ племенъ арійскихъ.

Эта блистательная эпоха пробужденнаго сознанія въ исторіи вѣрованій и поэтическихъ сказаній обозначается побѣдою новыхъ человѣкообразныхъ боговъ надъ чудовищами и стихійными силами стараго времени. Страшные великаны, Іоты и Турсы сѣверной космогоніи, прогнаны съ лица обитаемой человѣками земли, которая стала *серединою* всего міра, *жилищемъ въ серединѣ* (Мидгардъ), гдѣ мирная осѣдлость оградила себя стѣною отъ *внѣшнихъ странъ*, населенныхъ чудовищами и великанами ранней эпохи (отъ *Утгарда* или *Аусгарда*). Сюда-то, въ огражденное отъ враговъ серединное жилище, въ эту апоѳеозу роднаго дома и родной земли, народность, окрѣпшая въ борьбѣ, принесла сокровища своей первобытной цивилизаціи, сколько успѣла она сберечь ихъ въ дальнемъ пути своего доисторическаго кочеванья. Теперь, оградивъ ихъ отъ расхищенія въ Мидгардѣ, какъ это сдѣлали сѣверныя германскія племена, перенесши ихъ за родной порогъ, какъ это было у Чеховъ, назвавшихъ свою осѣдлость *Прагою*, то-есть, порогомъ, или усѣвшись въ родномъ *гнѣздѣ*, какъ Ляхи въ своемъ *Гнѣзднѣ*, установившаяся и успокоившаяся народность, въ обезпеченіе себя отъ вражескихъ покушеній, вызвала изъ своихъ доисторическихъ преданій смутно носившійся въ воображеніи древнѣйшій образъ бога громовержца, покровителя семейной осѣдлости и земледѣлія, а вмѣстѣ съ тѣмъ грознаго оберегателя новаго порядка вещей отъ вторженія грубой силы чудовищныхъ великановъ. Образъ этого божества постоянно мерещился воображенію европейскихъ кочевниковъ и прежде, въ смутныхъ воспоминаніяхъ объ индійскомъ Индрѣ; но онъ окончательно сложился въ опредѣленный національный типъ у классическихъ народовъ въ Зевсѣ, или Юпитерѣ, у Литвы

и Славянъ въ *Перкунѣ*, или *Перунѣ*, у Нѣмцевъ въ *Торѣ*, *Тунарѣ* (Donner).

Миѳическое чествованіе земледѣлія выразилось въ древнѣйшихъ преданіяхъ *о чудесномъ происхожденіи плуга.* Если въ національности Скиѳовъ позволительно открывать нѣкоторые зародыши быта и нравовъ племенъ тевтоническихъ и литовско-славянскихъ, вынесенные изъ древней азіатской родины; то, говоря о переходѣ этихъ племенъ изъ быта кочеваго въ земледѣльческій и осѣдлый, необходимо начать съ скиѳскаго миѳа о небесной сохѣ [1]. Скиѳы-земледѣльцы вели свое происхожденіе отъ младшаго сына Солнца, который назывался *князь колесницы*, воза, телѣги, или точнѣе *кола* (какъ въ старину называли у насъ экипажъ на колесахъ). Скиѳское имя этого князя: kola-ksais—*коло-князь*, или ѣдущій на *колахъ*, какъ Тацитова Нерта, германская богиня земли, и какъ самъ Торъ. Только одинъ этотъ скиѳскій князь умѣлъ владѣть *сохою изъ горящаго золота, которая упала съ неба*; такъ что, когда другіе два его брата *князь-щитъ* (Hleipo-ksais) и *князь-стрѣла* (Arpo-ksais) захотѣли коснуться ея, то *обожгли себѣ руки*, потому что, какъ воины и кочевники, братья старшіе, то-есть, какъ поколѣніе старое, они еще не знали тайны земледѣлія, которая отъ самого неба была открыта поколѣнію младшему, въ лицѣ ихъ младшаго брата.

Первобытное преданіе о происхожденіи плуга въ русскихъ сказаніяхъ пріурочивается къ христіянскимъ именамъ Бориса и Глѣба, или Космы и Даміана [2]. Будто бы чудовищный Змій опустошалъ нѣкогда Русскую землю. Въ умилостивительную жертву приносили ему по одному юношѣ изъ каждой семьи. Черезъ нѣкоторое время очередь дошла до царскаго сына. Онъ выданъ былъ Змію, но рѣшился, по наущенію самого ангела, спастись отъ чудовища бѣгствомъ. Настигаемый Зміемъ, онъ вдругъ увидѣлъ желѣзную кузницу, въ которой Борисъ и Глѣбъ (иначе: Косма и Даміанъ) *ковали первый плугъ для людей.* Юноша бросился въ кузницу, и желѣзная дверь за нимъ захлоп-

---

[1] См. статью г. Котляревскаго о книгѣ Бергманна: *Les Scythes les ancêtres des peuples Germaniques et Slaves*, въ *Лѣтописяхъ Русской Литературы* проф. Тихонравова. 1859. № 1.

[2] См. мои *Историч. Очерки.* II, 107.

нулась. Змій три раза лизнулъ дверь, а въ четвертый разъ просадилъ языкъ насквозь. Тогда эти вѣщіе кузнецы схватили раскаленными клещами Змія за языкъ, запрягли въ плугъ изготовленный ими для людей, и провели по землѣ борозду, которая и доселѣ зовется *Змієвымъ Валомъ*. И такъ, огораждиванье поля валомъ, въ знакъ собственности и осѣдлости, совпадаетъ въ эпическихъ преданіяхъ съ изобрѣтеніемъ плуга и съ самымъ началомъ земледѣлія.

Совпаденіе идей о паханьѣ сохою и объ огораживаніи осѣдлости отъ внѣшнихъ враговъ еще очевиднѣе въ великорусскомъ варіантѣ извѣстной кіевской, мѣстной сказки о Кузьмѣ Кожемякѣ, спасшемъ Кіевъ отъ лютаго Змія, и до позднѣйшихъ временъ оставившемъ по себѣ память въ Кіевскомъ урочищѣ *Кожемяки*. По кіевскому варіанту Кожемяка убиваетъ Змія въ бою, обматываясь смоляною коноплей. По великорусскому прибавляется слѣдующее. Одолѣваемый Кожемякою (Никитою), Змій сталъ его молить: „Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильнѣй насъ съ тобою въ свѣтѣ нѣтъ; *раздѣлимъ всю землю, весь свѣтъ поровну: ты будешь жить въ одной половинѣ, а я въ другой*.“—Хорошо, сказалъ Кожемяка, *надо межу проложить*. Сдѣлалъ Никита соху въ триста пудъ, *запрягъ въ нее Змѣя, да и сталъ отъ Кіева межу пропахивать*. Такъ и раздѣлили они между собою всю землю отъ Кіева до моря, а какъ стали дѣлить море, Кожемяка и убилъ Змія и потопилъ его въ морѣ. (Аѳанас. *Сказки*, V. стр. 66). Также опахиваютъ бабы и дѣвки деревню отъ чумы, падежа и всякой лихой напасти; также сѣверные Асы отгородили себя отъ великановъ; наконецъ тѣ же преданія о Чортовомъ Валѣ встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ на западѣ. . . . .

Славяне, какъ народъ по преимуществу земледѣльческій, въ своихъ миѳахъ о древнѣйшихъ родоначальникахъ и князьяхъ чествуютъ бытъ земледѣльца [1]. Чешская княжна Любуша, вѣщая дѣва, дочь миѳическаго Крока, по желанію народа должна была выйдти за мужъ, чтобы въ своемъ супругѣ дать Чехамъ достойнаго воеводу. Вѣщая княжна сказала посламъ, какъ и гдѣ найдти для нея супруга: „Ступайте, говорила она, на *Бѣлую* рѣку (иначе: на *Бѣлину*

---

[1] См. мои *Очерки*. I, 371—2.

рѣку), и тамъ, на полѣ *Стадицы*, найдете вы пахаря, пашущаго землю двумя пѣгими волами: онъ будетъ обѣдать на желѣзномъ столѣ; этотъ человѣкъ будетъ вашимъ правителемъ", а чтобъ узнать туда путь и самого пахаря, Любуша дала посламъ своего бѣлаго коня. Онъ привелъ пословъ къ сказанному мѣсту, и своимъ ржаніемъ указалъ на пахаря, будущаго владыку Чеховъ, и палъ передъ нимъ наземь. Пахарь назывался Премысломъ. Прежде нежели отправился съ послами, сталъ онъ обѣдать, положивъ на свою соху, на этотъ желѣзный столъ, *сыръ* и *хлѣбъ*, произведенія быта пастушескаго и земледѣльческаго, дары боговъ Волоса и Перуна, особенно чтимыхъ на Руси въ эпоху принятія христіянства. Быки же, которыми Премыслъ пахалъ, поднялись на воздухъ, и потомъ опустившись, скрылись въ расщелинѣ скалы, которая, принявъ быковъ, сомкнулась. Послы надѣли на Премысла княжеское одѣяніе; но онъ, въ знакъ своего крестьянскаго происхожденія взялъ съ собою свои *лапти*, которые, какъ національная драгоцѣнность, до позднѣйшаго времени свято хранились. Такъ и по польскому преданію, Пястъ въ лаптяхъ вступилъ на княжескій престолъ.

Въ Миѳѣ о Премыслѣ, каково бы ни было собственно миѳологическое его значеніе, нельзя не видѣть слѣдовъ того древняго обычая, который до позднѣйшаго времени совершался въ Каринтіи при поставленіи новаго герцога, то-есть, воеводы или князя. Поставляемый долженъ былъ въ крестьянской одеждѣ выдти на лугъ, около крѣпости Св. Вита (Святовита). Тамъ на большомъ четвероугольномъ камнѣ сидя дожидался его поселянинъ, держа направо черную корову, а налѣво кобылу. Поставляемый герцогъ, по заведенному обряду, долженъ былъ у поселянина купить корову и кобылу, какъ бы въ символъ передачи власти надъ землею отъ поселянина. Послѣ того долженъ онъ былъ изъ шляпы испить воды.

Идеалъ миѳическаго пахаря русскій народный эпосъ знаетъ подъ именемъ *Микулы Селяниновича*. Это уже сынъ селянина, хозяина осѣдлой собственности, потому и прозывается *Селяниновичемъ*; что же касается до *Микулы*, то это имя, такъ же какъ *Илья*, имя великаго муромскаго героя, принадлежитъ уже позднѣйшей эпохѣ; оба эти имени подставныя, ими замѣнились изъ христіянскаго уже кален-

дара какія-нибудь другія, болѣе согласныя съ содержаніемъ древнихъ былинъ, въ которыхъ воспѣваются ихъ подвиги. Также христіанскія, позднѣйшія имена, даны и тремъ вѣщимъ дѣвамъ, дочерямъ Селяниновича: Василиса, Настасья и Марья.

Микула Селяниновичъ является въ сношеніяхъ съ Святогоромъ и Волхомъ или Вольгòю, то-есть, съ богатырями старшими, съ лицами древнѣйшей титанической эпохи. Такъ и быть должно: въ этихъ сношеніяхъ надобно было наглядно показать переходъ отъ эпохи кочевой къ осѣдлой земледѣльческой, и дать предпочтеніе послѣдней передъ первою.

Намъ уже извѣстенъ сверхъестественный характеръ Волха или Вольгà, титаническій или стихійный. Въ послѣдствіи эпосъ придалъ ему позднѣйшее, уже историческое значеніе князя. Онъ отличается отъ обыкновенныхъ богатырей Владиміровыхъ своею княжескою самостоятельностію. Хотя и родился онъ въ Кіевѣ, но не сталъ спутникомъ князя Владиміра въ его дружинѣ, былъ независимымъ начальникомъ своей собственной дружины, въ которой насчитывалось до 29 богатырей. Именно на этой-то позднѣйшей, исторической ступени, титанъ и чудовище Волхъ, сынъ Змія, низводится до владѣтельнаго князя, племянника Владимірова.

Жаловалъ его родной дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ — Гурчевцемъ,
Вторымъ городомъ — Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольгà Святославговичь
Со своею дружинушкою хораброю,
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою [1].

То-есть, поѣхалъ собирать дань, какъ нѣкогда Игорь ѣздилъ по Древлянской землѣ. Ѣдучи за получкою, Вольга

... Услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки [2] по камешкамъ почеркиваютъ.

---

[1] *Рыбник.* 1, 18. 2, 1.

[2] *Омѣшъ*—желѣзный наконечникъ сохи.

Ѣхалъ Вольга̀ до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхать.

А не могутъ догнать этого необычайнаго ратая, потому что онъ —

Съ края въ край бороздки пометываетъ,
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать.

Наконецъ Вольга̀ достигаетъ ратая и проситъ его, чтобъ онъ ѣхалъ съ нимъ въ товарищахъ. Ратай вывернулъ изъ сохи свою соловую кобылку; имя ей *Обнеси-голова*, иначе Подыми-голова, потому что какъ поется въ былинѣ, „вздынула (т. е. подняла) она голову подъ облаку" (подъ облака); и поѣхалъ этотъ ратай вмѣстѣ съ Вольгою, предварительно наказавши, чтобъ кто-нибудь изъ дружины этого князя выдернулъ изъ земли его сошку, и забросилъ въ ракитовъ кустъ. Сначала бросились вытаскивать соху пять человѣкъ, но ничего не могутъ сдѣлать, потомъ бросилось десять чело вѣкъ, и также безуспѣшно; потомъ посылалъ Вольга всю свою дружину храбрую:

Они сошку за обжи вокругъ вертятъ
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшковъ земельки повытряхнути,
Бр осить сошку за ракитовъ кустъ.

Тогда —

Подъѣхалъ оратай оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

Здѣсь очевидно необъятное могущество миѳическаго пахаря. Какъ тотъ скиѳскій князь только самъ можетъ приступиться къ небесной сохѣ, которая его старшимъ братьямъ жжетъ руки; такъ и русская соха не въ подъемъ совокупнымъ силамъ всей княжей дружины, а пахарь поднимаетъ ее одною рукой. Конечно, въ этой сценѣ можно бы видѣть аллегорію, подъ которою рисуются позднѣйшія отношенія земщины къ князьямъ и дружинѣ: но вопервыхъ,

эпосъ не терпитъ и не знаетъ холодной, отвлеченной формы аллегоріи, какъ искусственной выдумки, а вовторыхъ, другой варіантъ той же былины [1] уже во всей определительности изображаетъ передъ нами миѳическій типъ ратая и миѳическую соху, которая, также какъ у Скиѳовъ, пала съ поднебесья и глубоко засѣла въ землю. Когда вся дружина не сладила съ сохою, подъѣзжаетъ къ ней самъ ратай.

А сошка была *позолочена*,
Омѣшики были булатныя,—
Къ этой ко сошкѣ подхаживалъ,
Этую сошку попихивалъ:
Какъ улетѣла та сошка къ подъ-облакамъ,
Пала сошка о сыру землю,
Ушла сошка до рычаговъ въ землю.
Тутъ-то обряд̃илъ свою сошку позолоченую,
Тыи-то омѣшки булатныя.

Итакъ, это такая же *золотая* соха, какъ и у Скиѳовъ. Сверхъ того, намъ ужь извѣстно, что почти тоже случилось и съ чешскимъ Премысломъ. Только не соха, а быки, которыми онъ пахалъ, поднялись къ облакамъ и потомъ пали на землю, скрывшись въ разщелинѣ. Вѣроятно быки поднимались вмѣстѣ съ *ярмомъ*. Если такъ; то созвѣздія *Яремъ* или *Ярмо* и *Плугъ* должны состоять въ связи съ миѳами о водвореніи земледѣльчества. Не забудемъ также, что и кобылка нашего пахаря воздымала свою голову къ облакамъ.

Въ русскихъ загадкахъ, согласно эпическимъ воззрѣніямъ, соха представляется какимъ-то чудовищемъ: „Баба Яга, вилами нога, весь міръ кормитъ, сама голодна,“ или соха съ бороною: „Три тулова, три головы, восемь ногъ, желѣзный хвостъ, кованый носъ.“ Иначе соха же—это: „Черная корова все поле перепорола,“ или: „Летѣла пава, сѣла на припалѣ, разсыпала перья по всему полю.“ [2].

Но возворотимся къ нашей былинѣ.

Ясно, что въ эпическихъ типахъ Вольги и вѣщаго пахаря, мы имѣемъ дѣло не съ обыкновенными историческими личностями, но съ героями миѳическими, которыхъ основ-

---

[1] Рыбник. 23.
[2] Даля *Пословицы*. Стр. 1072.

ныя очертанія сложились въ древнѣйшую пору зарожденія самыхъ миѳовъ и ихъ эпическаго выраженія въ народной поэзіи. Обѣ эти личности, представители общечеловѣческихъ интересовъ въ ранній періодъ развитія европейскаго быта; и если обѣ онѣ вполнѣ народны на русской почвѣ, то это говоритъ только въ пользу той мысли, что и русская народность въ ея эпическихъ основахъ была когда-то въ уровень со всѣмъ что̀ считалось у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ самымъ высшимъ и существеннымъ въ разсужденіи быта и успѣховъ ранней цивилизаціи.

Почтивъ въ вѣщемъ пахарѣ его великую силу, Вольга̀, какъ князь, который всегда дорожитъ своимъ княжимъ родомъ и своимъ отечествомъ, сталъ его спрашивать:

Ай же ты ратаю, ратаюшко!
Какъ-то тебя по имени зовутъ,
Какъ звеличаютъ по отечеству?

Вмѣсто того чтобъ отвѣчать на вопросъ прямо, чудесный пахарь вводитъ своего собесѣдника въ сельскую обстановку своего крестьянскаго житья-бытья, какъ бы давая тѣмъ разумѣть князю, что простолюдинъ славится не громкими именами своихъ предковъ, а личнымъ своимъ достоинствомъ, своими честными трудами и личными гуманными отношеніями къ равнымъ себѣ:

Говоритъ ратай таковы слова:
„Ай же Вольга̀ Святославговичъ!
А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ!“

Это одинъ изъ самыхъ изящнѣйшихъ мотивовъ эпической поэзіи, и вообще вся былина эта принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ европейскаго народнаго эпоса, и если уступаетъ пѣснямъ древней Эдды, то только потому развѣ, что древнѣйшія миѳическія имена и обстоятельства замѣняетъ позднѣйшими, по той простой причинѣ, что доселѣ еще живетъ въ устахъ народа.

По другому эпизоду Микула Селяниновичъ является

хранителемъ *тяги земной*, которую онъ держитъ въ переметной сумочкѣ, то-есть, *тяги* всей великой силы матери земли. Какъ въ разказанномъ эпизодѣ Селяниновичъ господствуетъ своимъ могуществомъ надъ Вольгою и всею его дружиной, такъ теперь увидимъ, что онъ сильнѣе самого Святогора, а Святогоръ былъ силы непомѣрной:

Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
„Кабы я *тяги* нашелъ,
Такъ я бы всю землю поднялъ! [1]

Поѣхалъ Святогоръ путемъ дорогою, и видитъ идетъ прохожій. Припустилъ за нимъ богатырь своего добраго коня, но никакъ догнать не можетъ. Прохожій все идетъ впереди, не только потому, что онъ, видно, сильнѣе и быстрѣе, но вѣроятно, и потому, что идея, которой онъ служитъ представителемъ, далеко опережаетъ эпоху грубыхъ великановъ. Наконецъ, не сладивъ, Святогоръ проситъ его остановится. Прохожій пріостановился, снималъ съ плечъ сумочку и положилъ ее на сыру землю. „Что у тебя въ сумочкѣ?“ спрашиваетъ Святогоръ-богатырь. „А вотъ, отвѣчаетъ прохожій: подыми съ земли, самъ увидишь!“ Сошелъ Святогоръ съ коня, захватилъ сумочку одною рукой, не могъ и шевельнуть; сталъ поднимать обѣими руками.

Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и кончевіе.

По другому варіанту этимъ дѣло не оканчивается. Микула Селяниновичъ увѣдомляетъ, что у него въ сумочкѣ *тяга земная*. Святогоръ его спрашиваетъ, какъ ему узнать о судьбѣ своей? Вѣщій пахарь посылаетъ его къ Сиверным горамъ, гдѣ подъ высокимъ деревомъ стоитъ кузница, а кузнецъ въ ней и скажетъ Святогору о судьбѣ его.

Мы уже другой разъ встрѣчаемъ кузницу въ миѳологи-

---

[1] Рыбник. 32. 39.

ческомъ эпосѣ русскомъ, и оба раза кузница или кузнецъ состоятъ въ связи то съ сохою, которую куютъ, то съ пахаремъ, который вмѣстѣ съ кузнецомъ господствуютъ надъ грубою силой древнихъ титановъ. Наши вѣщіе кузнецы, безъ сомнѣнія, состоятъ въ родствѣ съ эльфами, подземными карликами нѣмецкой миѳологіи. О вѣщемъ кузнецѣ Волундѣ (Виландъ) воспѣваетъ одна изъ пѣсень древней Эдды.

Пріѣзжаетъ Святогоръ въ кузницу. Кузнецъ куетъ *два тонкихъ волоса* — это онъ куетъ судьбину, кому на комъ жениться. По вѣщему указанію кузнеца, Святогоръ поѣхалъ добывать себѣ суженую. Онъ нашелъ ее спящею, и всю въ гноищѣ; ударилъ ее мечомъ по груди и уѣхалъ. А дѣвица отъ того удара исцѣлилась отъ гноища, и стала красавицею, на которой потомъ Святогоръ женился.

Объ отношеніи Святогора къ Ильѣ Муромцу будетъ сказано тогда, когда дойдетъ рѣчь до этого послѣдняго. А теперь надобно сдѣлать два замѣчанія. Вопервыхъ, встрѣча Святогора съ спящею невѣстою напоминаетъ въ сѣверномъ эпосѣ эпизодъ о томъ, какъ Зигурдъ вывелъ изъ непробуднаго сна Валькирію Брингильду. Вовторыхъ, о *ковальи тонкихъ волосъ кузнецомъ* необходимо сказать, что этотъ древнѣйшій мотивъ имѣетъ огромный интересъ въ исторіи германо-славянскаго эпоса. И если у насъ, по незрѣлости ученыхъ трудовъ, еще мало оцѣниваютъ сравнительный методъ въ изученіи индо-европейскихъ народностей и смотрятъ на него недовѣрчиво и подозрительно, вслѣдствіе малой подготовки къ его уразумѣнію: то можно быть вполнѣ увѣрену, что упомянутый мотивъ, ставъ извѣстенъ нѣмецкимъ ученымъ, непремѣнно вошелъ бы въ комментаріи нѣмецкаго миѳа о Зифѣ, супругѣ Громовника Тора.

Надобно знать, что злой Локи однажды обрѣзалъ прекрасныя косы Зифы, но чтобы спастись отъ страшнаго мщенія ея супруга, озаботился сдѣлать ей новые волосы, заказавъ ихъ *выковать изъ золота* подземнымъ карликамъ-ковачамъ. Извѣстно, что эти золотыя косы Зифы — не иное что, какъ золотистыя нивы, которыхъ плодородіе зависитъ, такимъ образомъ, отъ божественной силы Торовой супруги. Такъ и нашъ вѣщій кузнецъ куетъ волосы, рѣшая судьбу семейной жизни, идея о которой, какъ извѣстно, выражается въ самомъ имени Зифы (*sippe*—миръ, согласіе,

родство). Сверхъ того, слѣдуетъ здѣсь припомнить сербскую сказку о чудесномъ волосѣ, который будто бы найденъ былъ въ косѣ одной вѣщей дѣвы, и внутри котораго было *записано много знатныхъ дѣлъ, которыя совершались въ старыя времена отъ начала свѣта* [1].

Итакъ, вѣщій пахарь Микула Селяниновичъ, и, какъ увидимъ дальше, весь его родъ-племя, въ послѣдовательномъ развитіи русскаго богатырскаго эпоса отодвигается къ ранней эпохѣ богатырей старшихъ, становится на ряду съ Святогоромъ, Самсономъ, также съ Вольгою, согласно чудовищному типу этого послѣдняго въ варіантахъ о Волхѣ. Но вотъ свидѣтельство самаго эпоса. Калики перехожіе, давшіе Ильѣ Муромцу силу (о чемъ будетъ рѣчь впереди), сами называютъ ему старшихъ, титаническихъ богатырей, запрещая ему вступать съ ними въ бой.

Бейся, ратися со всякимъ богатыремъ,
И со всею паленицею удалою;
А только не выходи драться
Съ Святогоромъ богатыремъ:
Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
У него въ головѣ семь власовъ ангельскихъ.
Не бейся и *съ родомъ Микуловымъ:*
Его любитъ матушка сыра земля.
Не ходи еще на Вольгу Сеславича:
Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростью, мудростью [2].

То-есть, какъ вѣщій оборотень: въ томъ состояла его мудрость, какъ уже мы знаемъ изъ варіантомъ о Волхѣ-оборотнѣ.

Итакъ сама мать сыря земля любитъ Микулу Селяниновича и весь его родъ-племя. Указаніе драгоцѣнное! Въ немъ чувствуется еще дыханіе древнѣйшаго миѳа о любовномъ союзѣ богини земли съ богомъ, покровителемъ земледѣлія. Уже не отъ этой ли миѳической супруги родились у Микулы три его дочери, вѣщія дѣвы? Но это было такъ давно, что русскій эпосъ забылъ миѳическую генеалогію рода-племени Микулова, и героя съ подновленнымъ именемъ Микулы заставляетъ, въ память этого со-

---

[1] См. мои *Очерки* I, 352.
[2] Рыбн., 35.

юза, носить только *тягу земную,* да еще въ переметной сумочкѣ.

Ученый славянофилъ, въ замѣткѣ, приложенной въ сборникѣ г. Рыбникова, въ Микулѣ Селяниновичѣ видитъ представителя *Земли* и *Земщины,* а въ его переметной сумочкѣ подъ тягою земною разумѣетъ *сложившуюся землю русскую,* которая казалась и малою и слабою, но когда Святогоръ вздумалъ ее поднять, то не осилилъ, и самъ угрязъ въ эту землю: она оказалась сильнѣе, она побѣдила [1].

Эти славянофильскія выраженія, кажется, надобно понять иносказательно: то-есть, Микула Селяниновичъ и его переметная сума съ тягою земною, не иное что какъ земщина, русскій простой народъ, крестьянство съ своимъ земледѣліемъ. Эта земщина, хоть на видъ и казалась и доселѣ кажется западникамъ и бюрократамъ не значительною, годною только на то, чтобъ ее обирать и жить на ея счетъ, но на дѣлѣ она такъ сильна, что никакое могущество не одолѣетъ ее. То-есть, русскій народъ въ этомъ эпизодѣ будто бы хотѣлъ предъявить свои высокія права и свое великое значеніе въ судьбѣ нашего отечества, и эту мысль *аллегорически* выразилъ онъ въ Микулѣ Селяниновичѣ и его сумкѣ съ тягою земли. Однимъ словомъ, чтобы прійдти къ такому заключенію, надобно было признать весь этотъ разказъ за какое-то *намѣренное иносказаніе* и лишить его мѣстныхъ красокъ и подробностей, которыя всѣ объясняются сравнительною миѳологіей и народнымъ бытомъ, и, какъ существенные элементы, входятъ въ общее достояніе древнѣйшихъ преданій индо-европейскаго эпоса.

Но ни что столько не противно свѣжести народнаго эпоса, какъ сухая, безжизненная *аллегорія* и преднамѣренное отвлеченіе, о чемъ вскользь было уже замѣчено. Народная фантазія прямо идетъ къ цѣли, и, не стѣсняя себя никакими условными предписаніями, никого не боится, и потому не находитъ нужнымъ скрывать своихъ идей подъ вычурною оболочкой, какъ иногда новѣйшій баснописецъ облекаетъ свои нравоученія какимъ-нибудь несбыточнымъ, фантастическимъ вымысломъ. Въ образѣ Микулы Селяниновича народная фантазія рисуетъ передъ нами только

---

[1] Ч. I, стр. XV.

вѣщаго пахаря, не аллегорическій знакъ чего-то отвлеченнаго, а живой идеалъ, выражающій дѣйствительность, можетъ-быть, даже первоначально божество. Понявъ значеніе земщины въ противоположность бюрократической централизаціи, простонародье (положимъ) могло бы даже взять себѣ знаменіемъ земщины какого-нибудь Селяниновича или Илью Муромца: но это вовсе не значитъ, чтобы сама былина изображала ихъ такими представителями, въ позднѣйшемъ, историческомъ смыслѣ, окончательно опредѣленномъ уже петровскою реформой. Въ противномъ случаѣ, слѣдовало бы низвести величавый тонъ народнаго эпоса до дрязговъ современныхъ публицистовъ. Народная былина у насъ, и на западѣ, слишкомъ наивна и даже мало развита; она вовсе не знаетъ тонкостей политическихъ, даже не заботится о нихъ, а если ей что не нравится, то она сплеча рубитъ, какъ ИльяМуромецъ на пиру у князя Владиміра.

Итакъ, славянофильскій взглядъ на Микулу Селяниновича, какъ на представителя земщины, которая у него сидитъ въ сумкѣ, есть издѣліе новѣйшей политической фабрикаціи, сентиментальная мечта, насильно навязываемая народу въ непоэтической, неуклюжей и противной для эпоса формѣ аллегоріи, которую хотятъ видѣть въ русскихъ былинахъ.

V.

Титаническое существо Микулы Селяниновича отразилось по наслѣдству въ его вѣщихъ, сверхъестественныхъ дочеряхъ. Между тѣтъ какъ младшіе богатыри, окружающіе князя Владиміра, уже обыкновенные смертные, по своему происхожденію отъ обыкновенныхъ родителей, просто отъ людей, — ихъ жены и вообще дѣвы и женщины, входящія съ ними въ сношенія, по большей части отличаются миѳическимъ родомъ-племенемъ и вѣщею натурой. Мущина скорѣе заявляетъ свои права на историческую дѣятельность, и потому раньше выступаетъ въ памяти народа какъ лицо историческое, подчиненное извѣстнымъ условіямъ мѣста и времени. Герой ведетъ исторію впередъ, женщина остается назади съ своею домашнею стариной,

съ своими родными преданіями, которыя на досугѣ ей удобнѣе хранить, не развлекаясь новизною смѣняющихъ другъ друга событій. Послѣдній отблескъ этой незапамятной старины народной эпосъ сохраняетъ въ сверхъестественныхъ, вѣщихъ дѣвахъ и женщинахъ, сопутствующихъ въ извѣстную эпоху историческимъ героямъ и младшимъ богатырямъ. Иногда условія быта даютъ большее развитіе женскимъ характерамъ и въ эпосѣ историческомъ, какъ это видно, напримѣръ, въ сѣверныхъ сагахъ; но вообще миѳическій эпосъ отдѣляется отъ историческаго борьбою героевъ съ героинями и побѣдою первыхъ надъ исключительнымъ преобладаніемъ послѣднихъ. Финская *Калевала* повѣствуетъ о борьбѣ божественныхъ героевъ Калевы съ вѣщею *хозяйкой* или госпожею Похьёлы, сѣверной страны, соотвѣтствующей мрачному жилищу великановъ скандинавскаго эпоса. Чехами нѣкогда управляла вѣщая княжна Любуша, дочь миѳическаго Крока, но подданные будто бы принудили ее отказаться отъ власти не приличной женщинамъ, и передать ее въ руки пахаря Премысла. Тотъ же Премыслъ долженъ былъ окончательно утвердить права мущины на преобладаніе, покоривъ Власту съ ея дѣвичьимъ ополченіемъ, собравшимся въ *Дѣвинѣ.* Ту же мысль выражаетъ польскій эпосъ въ борьбѣ миѳической Ванды съ алеманскимъ княземъ, который плѣнился ея свѣтлою красотой и чествовалъ ее *богинею земли, воздуха* и *воды.*

Итакъ, женскіе типы древнѣйшаго народнаго эпоса отличаются величавымъ характеромъ. Это героини воинственныя; какъ богатыри, ѣздятъ онѣ на коняхъ и раскидываютъ себѣ въ полѣ палатку для отдыха отъ воинскихъ подвиговъ. Отлично владѣютъ оружіемъ и особенно мѣтко стрѣляютъ изъ лука. Многія изъ нихъ отличаются непомѣрною силою. Съ физическими качествами великановъ и старшихъ богатырей соединяютъ онѣ вѣщую силу слова, даръ предвѣдѣнья и премудрости. Сѣверныя Валькиріи, рѣшая судьбу битвы, вмѣстѣ съ тѣмъ поучаютъ героевъ въ познаніи рунъ, содержащихъ въ себѣ всю древнюю мудрость. Въ двухъ сестрахъ княжны Любуши чешскій эпосъ воспѣваетъ вѣщую силу прорицанія, знахарства и всякаго вѣдѣнія. Чешская же поэма, извѣстная подъ именемъ Суда Любуши, повѣствуетъ о вѣщихъ дѣвахъ суда, *выученныхъ вѣщбамъ:* во время суда, гдѣ онѣ должны были присут-

ствовать, какъ древнія парки или сѣверныя норны, у одной въ рукахъ былъ мечъ, карающій кривду, у другой доски съ начертанною на нихъ правдою или закономъ.

Особенно блистаетъ своими героическими качествами дѣвица, еще не познавшая мужа; но, вышедши замужъ, часто теряетъ она свои сверхъестественныя силы и становится обыкновенною смертною. Въ своей дѣвственной гордости она признаетъ себѣ мужемъ только того, кто побѣдитъ ее въ воинскомъ поединкѣ. И теперь, въ свадебныхъ причитаніяхъ, невѣста, оплакивая свою дѣвичью красоту, вмѣстѣ съ нею оплакиваетъ и дѣвичью волю, которую, по народному обряду—женихъ съ своею дружиною покоряетъ себѣ вооруженною рукою.

Надобно полагать, что въ сверхъестественныхъ, вѣщихъ и свѣтлыхъ идеалахъ женскихъ народный эпосъ сохранилъ память о богиняхъ и полубогиняхъ эпохи миѳической. Въ эпосѣ сѣверномъ, по пѣснямъ древней Эдды, такія героини дѣйствительно еще входятъ въ кругъ сѣвернаго Олимпа. Онѣ—или богини изъ прекраснаго рода-племени Вановъ, или ихъ приспѣшницы, воинственныя валькиріи, первоначально существа стихійныя, какъ наши вилы, русалки, полудницы.

Впрочемъ, эпическая поэзія, всегда вѣрная дѣйствительности, не оставляетъ этихъ сверхъестественныхъ героинь въ туманномъ ореолѣ ихъ божественнаго величія, но придаетъ имъ краски народнаго быта, изображая въ нихъ то суровые нравы эпохи, то нѣжныя качества женственной натуры. Потому эти героини, вознесенныя надъ обыкновенными смертными, съ страшною физическою силою и съ вѣщею мудростью, возбуждающею благоговѣніе, соединяютъ въ себѣ женскую красоту, нѣжность любящаго сердца, преданность супружеской привязанности.

Высокая образующая сила эпоса состоитъ въ томъ, что онъ, за отсутствіемъ другихъ цивилизующихъ началъ, въ теченіе столѣтій можетъ питать въ народѣ грубомъ и неразвитомъ зародыши гуманныхъ идей и благородныхъ стремленій. Онъ подготовляетъ ту плодотворную почву, на которой, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, прочно и послѣдовательно возникаетъ истинная цивилизація; потому что, сопутствуя необозримымъ массамъ народа на скромномъ поприщѣ ихъ безвѣстнаго прозябанія, только онъ

одинъ не перестаетъ поддерживать въ нихъ хотя бы и смутное сознаніе своего нравственнаго достоинства, сознаніе въ себѣ человѣческаго существа; тогда какъ всѣ другія цивилизующія средства, распространяемыя грамотностью и политикою, въ теченіе многихъ столѣтій, часто способствовали къ отупленію народныхъ массъ, съ тою цѣлью чтобъ въ матеріяльномъ и нравственномъ порабощеніи ихъ открывать постоянные источники для корыстолюбивой монополіи.

Потому не въ одномъ только эстетическомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія всякаго мыслящаго человѣка то замѣчательное явленіе, что русскій народный эпосъ представляетъ намъ нѣсколько яркихъ образцовъ той высшей, идеальной натуры женской, которой общая характеристика предложена мною выше. И эти прекрасные образцы, то суровые и величавые, то нѣжные, чисто женственные, по преданію переходя изъ одного поколѣнія въ другое, дожили въ былинахъ и сказкахъ до нашихъ временъ, несмотря на педантство древнерусскихъ книжниковъ, не перестававшихъ въ теченіе столѣтій унижать темными подозрѣніями добрые нравы женщинъ; несмотря на грубую жизнь простонародія, столько вѣковъ коснѣвшаго безъ руководства свѣтской литературы, столь доступной всякому, и потому легко облагораживающей и очищающей нравы; несмотря наконецъ и на то, что на Руси вовсе не было общественной жизни, которая такъ способствуетъ образованію ума и сердца женщины.

Эти благородные типы женской натуры были созданы въ русскомъ эпосѣ тогда, когда народъ еще не успѣлъ подвергнуться ослабляющему вліянію восточнаго аскетизма и татарскихъ обычаевъ, когда еще дѣвицъ не запирали въ терема, чтобы спасти ихъ честь, и когда крестьянское сословіе, въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, не далеко отставало отъ князей и бояръ. Впрочемъ, если взять въ соображеніе, что двоевѣріе или полуязычество процвѣтало на Руси чуть ли не до нашихъ временъ, что бояре московскіе въ XV вѣкѣ едва ли были грамотнѣе и цивилизованнѣе новгородскихъ мужичковъ своихъ современниковъ, и что даже въ XVII вѣкѣ просвѣщенные люди Москвы далеко уступали въ образованіи малорусскимъ казакамъ; то можно съ достовѣрностью допустить ту мысль,

что малое просвѣщеніе древней Руси идеями христіянства и крайній недостатокъ литературнаго образованія, до позднѣйшихъ временъ, могли поддерживать въ великорусскомъ народѣ тѣ древніе эпическіе идеалы женскіе, которые были когда-то созданы, и безъ всякаго историческаго развитія, будто окаменѣлые, доселѣ сохранились въ народномъ сознаніи.

Уже то самое говоритъ въ пользу русской народности, что эти величавые типы въ ней сберeглись до сихъ поръ, какъ идеалы священной родной старины, къ которымъ должна бы направляться дѣйствительность, еслибы въ ней больше было умственнаго и нравственнаго движенія. Итакъ, не соотвѣтствуя дѣйствительности въ эпоху историческаго развитія русской жизни, не отражая въ себѣ дѣйствительно существующихъ личностей, все же народный эпосъ оказывалъ на жизнь вліяніе благотворное, рисуя воображенію не вялыя, безжизненныя и часто безсмысленныя фигуры книжнаго бреда древнерусскихъ грамотниковъ, и направляя и раскрывая неиспорченное чувство для любви и уваженія къ женщинѣ въ ея поэтическихъ идеалахъ, а не развращая воображенія тѣми грязными филиппиками, которыми древнерусскій педантъ преслѣдуетъ женщину.

Итакъ, идеальныя героини русскаго эпоса ведутъ свое происхожденіе изъ того же свѣтлаго миѳическаго источника, откуда пошли первоначально и старшіе богатыри съ ихъ чудодѣйственною, полубожественною силой.

Возвратимся къ семьѣ Микулы Селяниновича.

Какъ въ чехо-польскомъ эпосѣ у Крока (или Крака) было три вѣщихъ дочери; такъ и у Микулы Селяниновича—*Василиса*, *Настасья* и *Марья*. Подъ этими позднѣйшими именами церковнаго календаря народный эпосъ изображаетъ героическія личности миѳическаго характера.

Старшая изъ сестеръ, Василиса Микулишна, по прозванію *Грозная*, была замужемъ за Ставромъ бояриномъ. Этотъ бояринъ изображается при дворѣ князя Владиміра лицомъ самостоятельнымъ, къ княжей дружинѣ не принадлежащимъ [1]. Онъ хвалится, что у него „Широкій дворъ не хуже города Кіева.“ За эту похвальбу князь Владиміръ велѣлъ Ставра сковать и бросить въ *погреба глубокіе*, то-есть, въ темницу, а

---

[1] Кирша Данил. стр. 123 и слѣд.

жену его схватить и взять въ Кіевъ. Но храбрая и могущественная дочь Микулы Селяниновича предупредила посла, который за нею ѣхалъ. Она сама нарядилась посломъ изъ Золотой орды, и отправилась въ Кіевъ къ князю Владиміру. Тамъ, подъ видомъ посла Василія Ивановича, изумила она всѣхъ своею великою силой, съ которою не могли соперничать сами богатыри.

Положено было для испробованія посла стрѣлять изъ лука въ дубъ за цѣлую версту. Сначала стрѣляли богатыри Владиміровы; ихъ было двѣнадцать.

Стали они стрѣлять по сыру дубу за цѣлу версту,
Попадаютъ они по сыру дубу.
Отъ тѣхъ стрѣлочекъ каленыхъ,
И отъ той стрѣльбы богатырскія
Только сырой дубъ качается,
Будто отъ погоды сильныя.

Дошла очередь до Василисы Микулишны. Она велѣла подать свой дорожный лукъ: „Есть у меня *лучонко волокитной*—говорила она, съ которымъ я ѣзжу по чисту полю.“ Но онъ оказался такой громадный, что десять человѣкъ едва могли стащить его съ мѣста:

Подъ первый рогъ несутъ пять человѣкъ,
Подъ другой несутъ столько же,
Колчанъ тащатъ каленыхъ стрѣлъ тридцать человѣкъ.
И говоритъ князю таково слово:
„Что потѣшить-де тебя князя Владиміра?“
Беретъ она въ ту рученьку лѣвую
И беретъ стрѣлу каленую,
Та была стрѣлка булатная,—
Вытягала лукъ за ухо—
Спѣла тетивка у туга лука:
Звыла да пошла калена стрѣла,
Угодила въ сыръ кряковистый дубъ.
Хлеснетъ по сыру дубу—
Изломала его въ черенья ножевыя.
И Владиміръ князь окорачь наползался,
И всѣ тутъ могучіе богатыри
Встаютъ какъ угорѣлые.

И такимъ образомъ, дочь Селяниновича, превзошедши воинственными подвигами самихъ богатырей, спасаетъ своего мужа изъ неволи и вмѣстѣ съ нимъ возвращается домой.

Другая былина [1] даетъ въ супруги Василисѣ Микулишнѣ

[1] Кирѣевск. *Пѣсни*, выпускъ 3, стр. 32.

какого-то Данилу Денисьевича, владѣтельнаго князя черниговскаго, слѣдовательно тоже человѣка независимаго, стоящаго внѣ княжей дружины. Однажды князь Владиміръ, будучи еще холостымъ, вздумалъ предложить своимъ богатырямъ, чтобъ они нашли ему невѣсту, чтобъ лицомъ была красна и *умомъ сверстна*,—чтобы было, говорилъ онъ богатырямъ, кого назвать вамъ матушкой, величать государыней:

И было бы мнѣ съ кѣмъ думу подумати,
И было бы съ кѣмъ слово промолвити,
При пиру при бесѣдушкѣ похвалитися,
И было бы кому вамъ поклонитися.

Богатыри порадѣли князю добыть Василису Микулишну, изведши смертью ея мужа. Но изъ всѣхъ придворныхъ угодниковъ только одинъ Илья Муромецъ возмутился нечистымъ дѣломъ: „Ужь ты батюшка, Владиміръ князь! говорилъ онъ:

Изведешь ты яснаго сокола:
Не пымать тебѣ бѣлой лебеди.“
Это слово князю не показалося,
Посадилъ Илью Муромца въ погребъ.

Чтобы погубить Данилу, рѣшено было послать его на вѣрную смерть, „въ службу дальнюю, невозвратную“:

Мы Данилушку пошлемъ во чисто поле,
Въ тѣ ли луга Леванидовы,
Мы ко ключику пошлемъ ко гремячему,
Велимъ пымать птичку бѣлогорлицу,
Принести ее къ обѣду княженецкому;
Что еще убить ему льва лютаго,
Принести ого къ обѣду княженецкому.

По другому варіанту [1], его посылаютъ на Буянъ островъ, убить лютаго звѣря, *сивопрянаго*, *лихошерстнаго*, и вынуть изъ него сердце съ печенью.

Поѣхалъ Данило на опасный подвигъ, къ ключу гремячему; вдругъ видитъ со стороны Кіева:

Не бѣлы снѣги забѣлѣлися,
Не черныя грязи зачернѣлися:
Забѣлѣлася, зачернѣлася *сила русская*
На того ли на Данилу на Денисьича.

---

[1] Кирѣевск. выпускъ 3 стр. 29.

Эта русская, то-есть кіевская рать, была выслана противъ Данилы, какъ самостоятельнаго удѣльнаго князя. Во главѣ рати были два богатыря: одинъ родной братъ Данилы, другой—названный братъ, Добрыня Никитичъ. Данила, видя измѣну и вѣроломство, воскликнулъ:

„Еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
Братъ на брата съ боемъ идетъ?"
Беретъ Данила свое востро копье,
Тупымъ концомъ втыкаетъ во сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.
Споролъ себѣ Данила груди бѣлыя,
Покрылъ себѣ Данила очи ясныя,
Подъѣзжали къ нему два богатыря,
Заплакали объ немъ горючьми слезми.
Поплакамши, назадъ воротилися.
Сказали князю Володиміру: „Не стало Данилы,
Что того ли удалаго Денисьевича!"

Князь Владиміръ тотчасъ же отправился въ Черниговъ, и, вошедши въ палаты Василисы Микулишны,

Цѣловалъ ее Володиміръ во сахарныя уста.
Возговоритъ Василиса Микулишна:
„Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
Не цѣлуй меня въ уста во кровавы,
Безъ мово друга Данилы Денисьича."

То-есть, это поцѣлуй кровавый, кровью ея мужа купленный.

Не обращая вниманія на горькія рѣчи безотрадной вдовы, князь Владиміръ велѣлъ ей снаряжаться и беретъ ее съ собою въ Кіевъ. Подъѣзжая къ тому мѣсту на полѣ, гдѣ лежитъ трупъ Данилы, прекрасная дочь Селяниновича проситсяу князя Владиміра, чтобъ онъ отпустилъ ее проститься съ ея милымъ мужемъ. Онъ отпускаетъ ее въ сопровожденіи двухъ богатырей:

Подходила Василиса ко милу дружку,
Поклонилась она Данилѣ Денисьичу:
Поклонилась она, да восклонилася,
Возговоритъ она двумъ богатырямъ:
„Охъ вы гой естя, мои вы два богатыря!
Вы подите, скажите князю Володиміру,
Чтобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
По чисту полю со милымъ дружкомъ,
Со тѣмъ ли Данилой Денисьичомъ:"

Беретъ Василиса свой булатный ножъ,
Спорола себѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрыла себѣ Василиса очи ясныя.
Заплакали по ней два богатыря.

Князь Владиміръ, узнавъ о случившемся, увидѣлъ наконецъ, что безчестно поступилъ онъ, и, какъ видно, раскаялся, потому что

Выпущалъ Илью Муромца изъ погреба
Цѣловалъ его въ головку, во темечко:
„Правду сказалъ ты, старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ!"
Жаловалъ его шубой соболиною.

Другая дочь Селяниновича, Настасья Микулишна, была замужемъ за Добрынею Никитичемъ. Она была *поленица*, какъ и ея старшая сестра, то-есть воинственная дѣва. Еще опредѣлительнѣе и рѣще изображаетъ былина [1] ея сверхъестественное, титаническое существо.

Однажды ѣдучи по полю, Добрыня Никитичъ

Догналъ поленицу, женщину великую.
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую поленицу въ буйну голову:
Поленица назадъ не оглянется,
Добрыня на конѣ пріужахнется.

Надобно знать, что Добрыня пришелъ въ ужасъ по двумъ причинамъ: вопервыхъ, потому что встрѣтилъ такую непомѣрную силу въ исполинской женщинѣ, и, вовторыхъ потому что заподозрѣлъ самого себя: ужъ не пропала ли въ немъ самомъ богатырская сила. Чтобъ испробовать свою силу, тотчасъ же

Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиной былъ дубъ шести саженъ,
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да разшибъ весь сырой дубъ по ластиньямъ [2],
Самъ говоритъ таково слово:
„Сила у Добрыни все по старому,
А смѣлость у Добрыни не по старому."

Итакъ, богатырь Добрыня самъ сознается, что онъ струсилъ! Въ высокой степени наивная черта, какими такъ

[1] Рыбник. 1, 128.
[2] На драни.

тонко умѣетъ оттѣнять характеры только истинная, безыскусственная поэзія народнаго эпоса!

Однако могучему богатырю стало обидно, что не сладитъ съ бабою. Опять бросился за нею, и еще разъ ударилъ ее палицею въ голову: поленица опять будто и не чуетъ, назадъ не оглянется. Въ Добрынѣ возникло новое сомнѣніе, новый страхъ. Онъ опять пробуетъ свою силу на дубѣ ужь въ двѣнадцать саженъ толщины, и опять раздробилъ его въ щепки. Увѣрившись въ себѣ, Добрыня еще разъ пересиливаетъ свою минутную робость, догоняетъ исполинскую женщину, и еще разъ ударяетъ ее палицею по головѣ. Тогда—

Поленица назадъ пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
„Я думала, что комарики покусываютъ,
Ажно русскіе могучіе богатыри пощелкиваютъ!“
Какъ хватила Добрыню за желты кудри,
Посадила его во глубокъ карманъ,
Везла она Добрыню трое сутки.

Это вполнѣ напоминаетъ въ сѣверномъ миѳѣ о томъ, какъ Торъ переночевалъ въ рукавицѣ нѣкотораго великана. Илья Муромецъ, какъ увидимъ, тоже сидѣлъ въ карманѣ у Святогора.

Конь докладываетъ исполинской поленицѣ, что онъ не можетъ дальше везти; ему тяжело, потому что богатырь, сидящій въ карманѣ, силою равенъ самой поленицѣ. Тогда она рѣшила:

Ежели богатырь онъ старой,
Я богатырю голову срублю;
А ежели богатырь онъ младой,
Я богатыря въ полонъ возьму;
А ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
Я теперича за богатыря замужъ пойду.

Значитъ, дочь Селяниновича съ полнымъ презрѣніемъ сунула богатыря Добрыню въ карманъ, даже не взглянувши на него; и только теперь, выкинувши его изъ кармана, на него взглянула. Онъ ей понравился, и сталъ ея мужемъ.

Вышедши замужъ, вѣщая дочь Селяниновича становится уже обыкновенною женщиной, потому ли, что потерявъ дѣвство, она вмѣстѣ съ тѣмъ утратила свое прежнее миѳическое могущество, или же потому, что былина вноситъ

въ ея характеръ другія черты позднѣйшаго быта. Объ этомъ будетъ еще рѣчь впереди, а теперь бросимъ взглядъ на другіе женскіе типы, по своему миѳическому характеру, родственные дочерямъ Селяниновича.

Жены и любезныя нѣкоторыхъ другихъ богатырей были тоже вѣщія женщины, существа титаническія. Особеннаго вниманія заслуживаютъ здѣсь любовныя похожденія Ильи Муромца. Онъ имѣлъ сына, по инымъ варіянтамъ дочь, отъ какой-то особы, которая въ разныхъ пѣсняхъ различно именуется, и которая жила гдѣ-то далеко, то-есть, отъ особы, окруженной въ былинахъ таинственностью, туманомъ отдаленья, который обыкновенно, въ народномъ эпосѣ, даетъ разумѣть о миѳической основѣ былины. То она королева Задонская, то изъ храброй Литвы или откуда-то изъ другой стороны, то она Омелфа Темоѳеевна, то баба *Латыгмирка* или даже *Латыгорка*, отъ моря отъ Студенаго, отъ Камня отъ Латыря, то-есть отъ знаменитаго въ пѣсняхъ и сказкахъ миѳическаго Алатырь-камня. [1] На языкѣ миѳическомъ эта личность не что иное, какъ *баба Горынинка*, татиническое существо, порожденное горою, или вообще, или горою Алатырь-камнемъ. Потому въ одной побывальщинѣ [2] называется она *Авдотьею Горынчанкою*, храброю поленицею, которую однажды встрѣтилъ Илья Муромецъ и одолѣлъ съ бою. Отъ него Горынчанка родила богатырскаго сына, по имени Борисъ или Бориска, иначе онъ называется Збутъ Борисъ Королевичъ, иначе Сокольникъ, Соловниковъ. Объ этомъ эпизодѣ будетъ еще рѣчь впереди; а теперь надобно взглянуть на другихъ вѣщихъ и воинственныхъ женщинъ, съ которыми народный эпосъ ставитъ въ связь муромскаго богатыря.

Другой видъ, вѣроятно, той же демонической женщины русскій эпосъ [3] изображаетъ въ прекрасной королевичнѣ, которая держитъ въ плѣну своихъ любовниковъ.

Однажды, ѣдучи по полю, Илья Муромецъ встрѣтилъ на розстани, или распутьи, камень; на немъ, по сказочному обычаю, подпись подписана:

---

[1] Кирѣевск. выпускъ I, стр. 79. 83—5, 73. Выпускъ IV, стр. 17 Рыбник. I, стр. 79.

[2] Рыбник. I, стр. 65.

[3] Рыбник. 62—65; Кирѣевск. I, 88—89.

Въ розстань ѣхать—убиту быть,
А въ другую ѣхать—женату быть,
А въ третью ѣхать—богату быть.

Отправившись въ ту розстань, гдѣ женату быть, Муромецъ пріѣзжаетъ къ бѣлокаменнымъ палатамъ. Входитъ внутрь. Его встрѣчаетъ прекрасная королевична, беретъ за руки и цѣлуетъ. „У тебя есть ли охота, горитъ ли душа со мной дѣвицей позабавиться?“ говоритъ она; и только что Илья сталъ было ее ласкать, тотчасъ же подъ нимъ провалилась кровать подъ полъ, и онъ очутился въ глубокихъ погребахъ, гдѣ *наобманывано* было у ней туда сорокъ царей, сорокъ царевичей, также какъ онъ, попавшихъ въ любовныя сѣти этой Цирцеи русскаго эпоса. Нашъ герой плѣнниковъ высвободилъ, а прелестницу разорвалъ на четыре четверти и разметалъ на четыре стороны.

Къ этому же роду вѣщихъ женщинъ принадлежитъ Святогорова жена, съ которою Илья тоже былъ въ любовныхъ связяхъ [1].

Однажды муромскій богатырь заснулъ въ чистомъ полѣ. Его будитъ конь, увѣдомляя, что ѣдетъ страшный богатырь Святогоръ. Илья спрятался отъ него на высокомъ дубѣ, и—

Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ.
Пріѣхалъ богатырь къ сыру дубу,
Снялъ съ плечь хрустальный ларецъ,
Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключомъ:
Выходитъ оттоль жена богатырская.
Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
Не видано и не слыхано.

Жена собрала Святогору обѣдъ, взявъ припасы изъ того же ларца. Потомъ, когда мужъ заснулъ, пошла она гулять и увидѣла на дубѣ Илью Муромца. Онъ ей понравился, и она пригласила его раздѣлить съ нею любовь.

Послѣ того-то жена Святогора и посадила Илью въ карманъ къ своему мужу, подобно тому какъ сѣверный Торъ сидѣлъ въ рукавицѣ великана. Но когда они поѣхали, коню стало тяжело, и онъ увѣдомилъ, что въ карманѣ

[1] Рыбник. стр. 37.

сидитъ богатырь. Святогоръ вынулъ изъ кармана Илью Муромца, и узнавъ отъ него про невѣрность своей жены, ее убилъ, а съ нимъ помѣнялся крестомъ и назвалъ его своимъ *меньшимъ братомъ*.

Наконецъ и законную жену Ильи Муромца эпосъ [2] изображаетъ воинственною поленицею. Однажды на Кіевъ напалъ Тугаринъ съ грозною ратью. Богатыри перепугались; князь Владиміръ посылаетъ за Ильею Муромцемъ, котораго однако тогда дома не случилось. Дома была только молодая его жена *Савишна*. „Хорошо, говоритъ она гонцу: иди назадъ; Илья за тобою не замѣшкаетъ.“ Проводивши гонца,—

Наказала коня сѣдлать добраго,
Одѣвалась въ платье богатырское,
Не забыла колчанъ каленыхъ стрѣлъ,
Тугой лукъ, саблю острую.
Какъ сѣла въ сѣдло, только и видѣли.
И поѣхала ко городу Кіеву.

Всѣ приняли ее за самого Илью Муромца. Кіевскіе богатыри ободрились, а Тугаринъ не взвидѣлъ бѣла дня, и убѣжалъ въ свои улусы Загорскіе.

Въ титаническомъ, сверхъестественномъ существѣ героинь русскаго богатырскаго эпоса замѣчается два, повидимому, противоположные элемента, какъ добро и зло, но въ основѣ своей исходящіе изъ общаго, миѳическаго источника. То онѣ грозны, величавы и всемогущи, какъ сильнѣйшіе изъ богатырей; то онѣ нѣжны, прекрасны и обольстительны. То онѣ вѣрны своимъ мужьямъ, и изъ любви и преданности къ нимъ готовы на всякую жертву; то онѣ сластолюбивы, измѣнчивы и преступны. То какъ существа иного, лучшаго міра, или какъ послѣднія представительницы отживающаго поколѣнія, только съ бою отдаютъ себя во власть богатырей новаго порядка вещей; то онѣ, будто возвращаясь къ воспоминаніямъ демонической старины, заводятъ любовныя связи съ Зміемъ Тугаринымъ, какъ

[1] Кирѣевск. I, 57. Г. Безсоновъ, въ Указателѣ, при IV выпускѣ сборника Кирѣевск., столб. 32 и 105, почему-то думаетъ, что Савишна смѣшена съ женою Данилы или Ставра, и что Илья Муромецъ никогда не былъ женатъ. Народъ, не руководясь никакими задними мыслями, не брезгуетъ брачными узами, и украшаетъ ими своего любимаго героя. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ Савишна—воинственная поленица.

сластолюбивая супруга князя Владиміра или Марина прелестница, которая очаровываетъ Добрыню Никитича, и, подобно прекрасной королевнѣ, держащей въ плѣну сорокъ царей, сорокъ царевичей, извела девять князей или богатырей, оборотивши ихъ турами-золотые-рога. Князь Владиміръ окружаетъ себя уже богатырями младшими, предвѣстниками новой, исторической жизни, а супруга его еще знается съ миѳическимъ Зміемъ, а сестра Владиміра, Марья Дивовна, еще въ плѣну у Лютаго Змія, изъ пещеръ котораго освобождаетъ ее Добрыня Никитичъ.

Двуличневый или обоюдный характеръ миѳическихъ героинь часто является въ одномъ и томъ же лицѣ. Такъ жена Добрыни Никитича—то могущественная воительница Настасья, дочь Микулы Селяниновича, существо свѣтлое, героическое, то еретница Марина, которую мужъ терзаетъ за преступную связь съ Зміемъ Горынчищемъ:

А и сталъ Добрыня жену свою учить,
Онъ молоду Марину Игнатьевну,
Еретницу. ... безбожницу:
Онъ первое ученье — ей руку отсѣкъ,
Самъ приговариваетъ:
„Эта рука мнѣ не надобна,
Трепала она Змѣя Горынчища!"
А второе ученье — ноги ей отсѣкъ: ...
А третье ученье — губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь:
„А эти-де губы не надобны мнѣ:
Цѣловали они Змѣя Горынчища!"
Четвертое ученье — голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
„А и эта голова мнѣ не надобна,
И этотъ языкъ не надобенъ:
Зналъ онъ дѣла еретическія." [1]

Точно также училъ свою жену Иванъ Годиновичъ [2], Авдотью Лебедь Бѣлую, за ея преступную связь съ Идолищемъ поганымъ. Она была дочь черниговскаго царя, но отличалась необычайными свойствами. Когда увидалъ ее въ первый разъ Иванъ Годиновичъ, она ткала полотенце, но не какъ обыкновенная дѣвица, а какъ вѣщая ткачиха, въ родѣ сѣверной Норны, или муромской Февроніи:

---

[1] Кирш. Данил. стр. 71.
[2] Кирѣевск. III, 11 и слѣд.

На головкѣ у Авдотьи бѣлы лебеди,
На лѣвомъ плечѣ у ней черны соболи,
На правомъ плечѣ сидятъ ясны соколы;
На прошестяхъ [1] у Авдотьи сизы голуби,
На подножкахъ [2] у Авдотьи черны вороны.

Связь ея съ Идолищемъ была уже давнишняя. Авдотья—Бѣлая Лебедь была уже за него просватана, когда Иванъ Годиновичъ явился въ Кіевъ. Нéхотя идетъ она замужъ за этого послѣдняго, и въ слезахъ говоритъ своему отцу, Царю Черниговцу:

Ты умѣлъ меня, батюшка, вспоить-вскормить,
Ты умѣлъ меня, батюшка, высоко взростить:
Не умѣлъ меня, батюшка, замужъ выдати,
Безъ того кроволитьица великаго!

Когда Иванъ Годиновичъ повезъ ее домой, на дорогѣ ихъ настигъ Идолище поганый и вступилъ въ бой съ Иваномъ, Авдотья помогла Идолищу, и они вмѣстѣ связали Ивана, точно также какъ въ сербской пѣснѣ связала Іована его мать и Дивскій Старѣйшина: но Иванъ превозмогъ и смертью казнилъ свою преступную жену.

Итакъ, этотъ Идолище, безъ сомнѣнія, тотъ же лютый змій, который вводилъ въ грѣхъ и жену князя Владиміра, жену Добрыни Никитича, жену муромскаго князя Павла, тотъ же змій, который держалъ у себя въ плѣну Марью Дивовну и который, какъ увидимъ дальше, приползалъ въ могилу къ вѣщей супругѣ Потока Михайлы Ивановича. Это—воспоминанье о зміи, представителѣ стараго порядка вещей, о падшемъ ангелѣ, который сталъ враждебно между женой и мужемъ и ввелъ ихъ въ искушеніе: преданье отразившееся въ тысячѣ миѳовъ не у однихъ только индо-европейскихъ народовъ.

Языческое чествованье воды и миѳы о рѣкахъ наложили свой отпечатокъ на характеръ вѣщихъ женъ и титаническихъ героинь. Уже было говорено о супругѣ Дуная, королевнѣ Днѣпрѣ, которая приходилась сестрою сластолюбивой женѣ князя Владиміра. Подобно польской Вандѣ, она должна была погибнуть вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Хотя онъ и побѣдилъ ее и взялъ себѣ въ супруги съ бою,

[1] Основа, утокъ; то что ткутъ.
[2] У ткацкаго станка.

но все же не могъ окончательно одолѣть ея титаническаго могущества, и съ надсады самъ себя погубилъ, когда узналъ, что въ утробѣ убитой имъ жены зарождался чудодѣйственный богатырь.

Слово о Полку Игоревѣ, служа во многихъ случаяхъ связью между историческимъ эпосомъ и миѳологическимъ, и здѣсь предлагаетъ драгоцѣнное свидѣтельство въ миѳическомъ образѣ дѣвы, плещущей *лебедиными крылами* на синемъ морѣ. По свидѣтельству одного древняго слова, приписываемаго Св. Григорію, Славяне чествовали какихъ-то *Берегинь*, т. е. прибрежныхъ богинь выходящихъ изъ воды на берегъ, или *Горынинокъ (брегъ—гора)*.

Признакъ водяной стихіи отразился въ сверхъестественной породѣ женщинъ тѣмъ, что онѣ оборачиваются въ водяную птицу, преимущественно въ *Бѣлую Лебедь*. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна былина о Потокѣ Михайлѣ Ивановичѣ [1]. Однажды этого богатыря послалъ князь Владиміръ на охоту, настрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ уточекъ, къ своему княжескому столу. Потокъ отправляется къ синему морю, вдоволь настрѣлялъ птицъ, и уже собирался было домой какъ вдругъ увидѣлъ бѣлую лебедушку:

Она черезъ перо была вся золота,
А головушка у ней увивана краснымъ золотомъ
И скатнымъ жемчугомъ усажена.

Итакъ, эта бѣлая лебедь была существо необычайное, вовсе не похожее на обыкновенныхъ птицъ. Тогда —

Вынимаетъ онъ Потокъ
Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука,
А и чуть было спустить калену стрѣлу —
Провѣщится ему лебедь бѣлая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:

---

[1] Кирш. Данил. стр. 215 и слѣд.

„А и ты, Потокъ Михайла Ивановичъ!
Не стрѣляй ты меня лебедь бѣлую,
Нѣ въ кое время пригожуся тебѣ.“
Выходила она на крутой бережокъ,
Обернулася душой красной дѣвицей.

Потокъ женился на оборотнѣ дѣвицѣ Бѣлой Лебеди, съ тѣмъ уговоромъ, что кто изъ нихъ прежде умретъ, другому за нимъ живому въ гробъ идти. Вѣщая Лебедь-дѣвица, своею мудростью, обмерла; въ могилу къ ней посадили Потока вмѣстѣ съ конемъ. Собирались въ могилу всѣ гады змѣиныя, потомъ пришелъ и самъ большой Змѣй, жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ. Потокъ его убилъ и воскресилъ свою жену, помазавъ ее змѣиною головою [2].

По другимъ варіантамъ [1], эта вѣщая женщина родомъ изъ Подолья Лиходѣева, *Марья Подоленка Лиходѣевна*. Будто бы Потокъ привелъ ее въ вѣру крещеную, и тогда дали ей *имя новое: Настасья Лебедь Бѣлая Лиходѣевна*. Когда она обмерла, Потокъ воскресилъ ее въ могилѣ живою водою, которую принесъ подземельный Змій.

Про эту богатырску молоду жену
Прошла слава великая
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ:
Что не стало такой красавицы ни гдѣ, ни вездѣ,
Ни подъ краснымъ подъ солнышкомъ.

И наѣзжало сорокъ царей, сорокъ царевичей, сорокъ королей, сорокъ королевичей; требуютъ, чтобы князь Владиміръ выдалъ имъ эту *богатырскую молоду жену*, не то они весь Кіевъ повырубятъ. Владиміръ велитъ Потоку выдать безъ бою, безъ драки, свою молоду жену, потому что „для одной бабы не погибать цѣлому царству.“ — „Отдай свою *богатырску* княгиню Опраксію, — возражаетъ Потокъ: а я не отдамъ жены съ добра.“ Борьба изъ-за прекрасной жены, воспѣваемая въ *Иліадѣ*, въ финской *Калевалѣ* и другихъ народныхъ эпосахъ, получаетъ здѣсь болѣе опредѣленный характеръ, объясняемый скиндинавскимъ миѳомъ о томъ, какъ великаны требовали отъ боговъ Фреи, прекрасной супруги Одиновой, и какъ вмѣсто ея, въ ея платьѣ

---

[1] Очевидное сродство этого миѳа съ нѣмецкими сказками показано въ *Историч. Очеркахъ*, ч. I, стр. 239.

[2] Рыбник. 213 и слѣд.

въ жилище великановъ отправлялся, въ видѣ невѣсты, богъ Торъ. Такъ и Потокъ Михайла Ивановичъ перерядился въ платья женскія и пошелъ къ тѣмъ царямъ и царевичамъ. Попривѣтствовавъ ихъ, спрашиваетъ: „за кого же мнѣ изъ васъ замужъ идти? Вѣдь у васъ изъ-за меня будетъ много кровопролитія напраснаго. А вотъ я стрѣльну изъ туга лука: кто первый мою стрѣлку найдетъ, ко мнѣ принесетъ, — за того я и за мужъ пойду.“ Стрѣлилъ стрѣлку, и когда женихи за ней поразбѣжались, онъ всѣхъ ихъ прирубилъ. Но воротившись домой, онъ уже не нашелъ своей жены. Ее похитилъ въ волынскую землю какой-то царь Вахрамей Вахрамеевичъ, соотвѣтствующій Змію Горыничу или Идолищу поганому другихъ былинъ. Демоническая натура жены Потока выразилась связью съ этимъ миѳическимъ существомъ, на которое она промѣняла своего мужа, превративъ его въ камень, какъ Марина обернула Добрыню Никитича туромъ-золотые рога. Какъ Девкаліонъ и Пирра, бросая камни позадь себя, превращали ихъ въ людей; такъ эта вѣщая жена Лебедь Бѣла, наоборотъ, —

Перекинула Михайла черезъ себя,
Сама говорила таковы слова:
„Гдѣ былъ душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ,
Тутъ стань бѣлъ горючъ камень,
А пройдетъ времечка три году,
И пройди скрозь матушку сыру землю.“

Камень этотъ былъ такъ тяжелъ, что никто изъ богатырей не могъ поднять его; только нѣкоторый Старчище, вѣроятно какой-нибудь старшій богатырь, поднялъ камень на плечи, а самъ приговаривалъ:

Разсыпься, бѣлъ горючъ камень,
На тѣ ли на мелки на часточки,
А вставай, душечка Михайла Потыкъ Ивановичъ.

Послѣ разныхъ приключеній Потокъ отомстилъ за себя, убивъ царя Вахромея и свою преступную жену.

Мы уже видѣли какой видный слѣдъ оставило по себѣ въ русскомъ миѳическомъ эпосѣ чествованье рѣкъ и воды вообще, выразившееся въ типахъ морскаго царя, или Водяника, и его многочисленныхъ дѣтей, рѣкъ и озеръ. Въ лицѣ Авдотьи Лиховидьевны, или Марьи Лиходѣевны, Бѣлой Лебеди, возсоздано миѳическое существо того же раз-

ряда. Она, какъ водяная птица, появилась Потоку на берегу моря, на тихихъ заводяхъ, будто мгновенно выпорхнула изъ волнъ. За неимѣніемъ древнѣйшихъ миѳическихъ именъ, изслѣдователю русской эпической старины приходится слагать свои соображенія по именамъ позднѣйшимъ, подставнымъ, въ которыя пѣвцы перекрестили ихъ по церковному календарю. Потому не безъ вѣроятія можно допустить догадку г. Безсонова о тождествѣ старшей дочери Селяниновича съ сказочною Василисою Прекрасною, съ Василисою *Золотая Коса* и т. п. [1]. А сказочная Василиса именно и есть существо миѳическое, и по преимуществу—водное; она дочь водянаго, или морскаго царя, дѣвица оборотень Бѣлая Лебедь или какая другая водяная птица.

Есть даже такія сказки, гдѣ выходитъ она замужъ за одного витязя изъ дружины князя Владиміра, и даже именно за *Данилу*, который и въ сказкѣ называется *Безчастнымъ*, каковъ онъ былъ и по разказу уже извѣстной намъ былины. Еслибы даже сходство въ собственныхъ именахъ между былиною и сказкою было случайное, то самый смыслъ сказки, только въ фантастической обстановкѣ, основанъ на томъ же главномъ мотивѣ, какъ и былина. Князь Владиміръ случайно узнаетъ на пиру о прекрасной женѣ Данилы, хочетъ ее видѣть, и это свиданіе было гибельно для мужа, а вѣщая жена его превосходствомъ своей вѣщей мудрости беретъ верхъ надъ княземъ Владиміромъ и надъ всею его дружиной.

Вотъ главные мотивы этой превосходной сказки [2]. При дворѣ князя Владиміра былъ Данило Безчастный дворянинъ. Его всегда во всемъ обходили. Однажды къ Свѣтлому Воскресенью князь Владиміръ задалъ ему мудреную задачу—отдаетъ ему на руки сорокъ сороковъ соболей, велитъ къ празднику шубу сшить; въ пуговицахъ наказано лѣсныхъ звѣрей выливать, въ петляхъ заморскихъ птицъ нышивать. По указанію одной вѣщей старухи, пошелъ Данило Безсчастный къ синю морю, сталъ у сыра дуба. Въ самую полночь сине море всколыхалося, вышло къ нему *Чудо-Юда*, морская губа, безъ рукъ, безъ

---

[1] Замѣтка въ IV выпускѣ сборника Кирѣевскаго. Стр. 52—4. 163—4. 172—4.

[2] Аѳанасьева *Сказки*. VI, стр. 289.

ногъ—одна борода сѣдая! Ухватилъ его Данило за бороду и принялся бить о сыру землю. Спрашиваетъ Чудо-Юда: „За что̀ бьешь меня, Данило Безсчастный?“—„А вотъ за что̀, говоритъ тотъ: дай мнѣ лебедь-птицу, красную дѣвицу, Лебедь *Страховну!* Сквозь перьевъ бы тѣло виднѣлось, сквозь тѣла бы косточки казались, сквозь костей бы въ примѣту было, какъ изъ косточки въ косточку мозгъ переливается, словно жемчугъ пересыпается.“

Трудно найдти въ эпической поэзіи родственныхъ народовъ болѣе изящное и точное выраженіе для характеристики этого обоюднаго миѳическаго существа, *оборотня Лебедь-дѣвицы.* Сквозь великолѣпныя золотыя перья и жемчужную головку Лебеди виднѣются нѣжныя и прекрасныя формы самой дѣвицы, которая, будто бы сѣверная Фрея, только на время одѣлась въ воздушную оболочку своей пернатой одежды. Поэтическій, пластичный образъ русской сказки производитъ почти такое же впечатлѣніе, какъ тѣ античныя статуи греческаго рѣзца, которыя сквозь роскошную драпировку изящно выказываютъ формы человѣческаго тѣла и каждое малѣйшее ихъ движеніе!

По повелѣнію Чуда-Юды, является сама Лебедь-Страховна, и, узнавши отъ Данилы о задачѣ князя Владиміра, крылушками махнула, головкой кивнула: явились вѣщіе работники, и не только сшили шубу, но и построили великолѣпный дворецъ, въ который Лебедь-дѣвица ввела Данилу какъ своего мужа. Но когда онъ пришелъ къ князю Владиміру, надѣвъ эту чудную шубу, тамъ на пиру у него, когда богатыри ѣли-пили, прохлаждалися, собой величалися, не вытерпѣлъ, спьяну сталъ женой своею похваляться. Князь Владиміръ изъявилъ желаніе ее видѣть, и въ сопровожденіи многочисленнаго войска отправился въ ея роскошный дворецъ. При немъ были Алеша Поповичъ и самъ Данило Безсчастный. На дальнемъ пути ко дворцу, князь растерялъ все свое войско, которое тамъ и сямъ оставалось при переправѣ черезъ медвяныя и винныя рѣки, соблазненное этими даровыми напитками, въ такомъ изобиліи приготовленными вѣщею Лебедь-дѣвицей. Владиміръ достигаетъ дворца только самъ-четвертъ, съ княгинею да съ двумя богатырями. Входятъ въ палаты и садятся за накрытые столы съ роскошными яствами. Но сама хозяйка не является, сколько Данило ни вызывалъ ее. „Еслибъ

это сдѣлала моя жена, говоритъ Алеша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ:—я бъ ее научилъ мужа слушаться!" Услыхала то Лебедь-птица, красная дѣвица, вышла на крылечко, молвила словечко: „Вотъ-де какъ мужей учатъ!" Крылушкомъ махнула, головой кивнула, взвилась-полетѣла, и остались гости въ болотѣ на кочкахъ: по одну сторону море, по другую—горе, по третью—мохъ, по четвертую—охъ!

Въ другихъ сказкахъ эта вѣщая дѣвица-оборотень называется то Еленою Прекрасной, то, еще чаще, Василисою Премудрою или Прекрасною [1]. Отцомъ ея царь морской, соотвѣтствующій упомянутому Чуду-Юдѣ. Василиса съ своими двѣнадцатью подругами или сестрами, въ видѣ колпицъ, уточекъ, лебедей или голубицъ, прилетаютъ на воду, и скинувъ съ себя свои *пернатыя* сорочки, купаются. Иванъ Царевичъ или какой другой витязь, спрятавшись отъ дѣвицъ-оборотней, похищаетъ сорочку Василисы; подруги или сестры ея улетаютъ, а она остается во власти витязя и выходитъ за него замужъ. Отецъ Василисы, царь морской, задаетъ витязю трудныя задачи, и за мужа исполняетъ ихъ его вѣщая жена. Въ одной сказкѣ [2] Василиса Премудрая, какъ истая богиня, повелительница всей природы, велитъ исполнять эти задачи животнымъ. Такъ царь морской велитъ въ одну ночь превратить каменистую почву въ плодородную, засѣять рожью, чтобъ она въ ту же ночь уродилась и поспѣла; потомъ въ одну же ночь обмолотить триста скирдовъ пшеницы, а скирдовъ не ломать, сноповъ не разбивать. Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громкимъ голосомъ: „Гей вы, *муравьи ползучіе!* сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть, всѣ ползите сюда и повыберите зерно изъ батюшкиныхъ скирдовъ чисто-на-чисто." Явились русскіе Мирмидоны и какъ разъ исполнили повелѣнное. Наконецъ царь морской въ одну ночь велѣлъ построить изъ воску церковь. Его вѣщая дочь опять вышла на крылечко и кликнула: „Гей вы, пчелы *работящія?* Сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть, всѣ летите сюда и лѣпите изъ чистаго воску церковь Божію, чтобъ къ утру была готова!" Слетались отовсюду пчелы и исполнили повелѣнное.

---

[1] Аѳанасьева *Сказки.* V, стр. 96 и слѣд. VI, стр. 205 и слѣд. 295 и слѣд.
[2] Аѳанасьева *Сказки.* VI, стр. 209.

Когда вѣщая Василиса съ мужемъ спасается бѣгствомъ изъ палатъ отъ своего отца, морскаго царя, на дорогѣ, чтобъ избѣжать погони, нѣсколько разъ оборачиваетъ и себя и своего мужа въ разные виды. То себя обернетъ смирною овечкой, а его старымъ пастухомъ, то себя уткою, а его селезнемъ, то себя церковью, а его попомъ. Но самое замѣчательное ея превращеніе въ рѣчку, вполнѣ согласное съ тѣми миѳическими эпизодами нашего эпоса о *Дунаѣ, Днѣпрѣ, Смородинѣ*, которые уже были нами разсмотрѣны въ связи съ былинами о богатыряхъ старшихъ [1].

Когда Иванъ Царевичъ съ своею невѣстой уже достигъ родины, морской царь, не догнавъ ихъ, оборачиваетъ бѣглянку рѣкою на три года, то-есть возвращаетъ ее на время въ ея первобытное стихійное существо. Наконецъ ея прекрасный образъ увидѣли на днѣ колодца; и она выходитъ оттуда къ своему мужу, который уже было и забылъ ее въ эти три года [2].

Забыть вѣщую женщину—невѣсту или жену—самый обыкновенный сказочный мотивъ не у однихъ Русскихъ. Имъ выражается разобщеніе въ интересахъ и различіе въ самой натурѣ между витяземъ-женихомъ, обыкновеннымъ смертнымъ, и его суженою, вѣщею, сверхъестественною женщиной. Сѣверный Зигурдъ (или Зигфридъ), низведенный изъ круга божествъ въ историческіе герои, уже подчиняется вѣщей силѣ валькиріи Брингильды; онъ ее любитъ и поучается отъ нея мудрости, то-есть древнимъ рунамъ или *вѣщбамъ;* потомъ, выпивъ чарующаго пойла, забываетъ ее для Гудруны, къ которой, какъ къ существу сходному съ собою по человѣческой природѣ, онъ уже питаетъ больше симпатіи.

Такова сверхъестественная поэтическая область, въ которой народная фантазія помѣщаетъ самые ранніе идеалы женской натуры! Въ этой фантастической области, былины о старшихъ богатыряхъ встрѣчаются съ сказочными вымыслами, и эпосъ и сказка общими силами поддерживаютъ въ народѣ идею о первоначальномъ величіи женщины, какъ такого вѣщаго, чудеснаго существа, которому когда-то подчинялась богатырская сила мущины.

---

[1] См. *Русскій Вѣстникъ* № 3.
[2] См. малорусскій варіантъ въ *Сказкахъ* г. Аѳанасьева. VI, 217—8.

Въ русскомъ эпосѣ память объ этой золотой порѣ въ исторіи женщины соединяется съ колоссальною личностью Микулы Селяниновича, отца трехъ вѣщихъ дѣвъ, состоящихъ, какъ показано, въ родствѣ съ цѣлымъ поколѣніемъ миѳическихъ существъ. Потому уже и въ самомъ Селяниновичѣ надобно видѣть не просто историческаго героя, и также не представителя только быта земледѣльцевъ и поселянъ.

Какъ *пахарь* съ своею золотою сохою, онъ существенно отличается отъ *кочеваго*, перехожаго Селяниновича, съ своею сумкою переметною, признакомъ бездомнаго кочевья. Какъ Илья Муромецъ, отправившись изъ дому на богатырскіе подвиги, беретъ съ собою въ ладонкѣ горсть родной земли, по пословицѣ: „своя земля и въ горсти мила;“ или какъ у нѣкотораго старца перехожаго въ котомкѣ разбойникъ Аника [1] нашелъ узелки съ землею: такъ Микула Селяниновичъ, въ качествѣ представителя самой ранней эпохи выхода изъ кочевья къ осѣдлости, идетъ навстрѣчу зачинающейся на Руси исторической жизни, съ своею переметною, дорожною сумочкой, неся въ ней родную землю откуда-то издалека. Но сумочка съ землею такъ тяжела, что не въ подъемъ самому могучему изъ старшихъ богатырей. Потому символъ родной земли тотчасъ же возводится въ сказаніи о Селяниновичѣ до колоссальнаго, можетъ-быть, миѳическаго представленія о всей землѣ, которую дѣйствительно не поднимешь, какъ выражается о землѣ русская загадка: „Матушкиной коробьи или отцова сундука не подымешь.“ [2]

Еслибы въ отдаленную старину наши предки представляли себѣ исполинское божество, держащее въ рукахъ землю, или, какъ Селяниновичъ, несущее ее въ сумочкѣ, то уже не въ загадкѣ, требующей отгадыванья, а въ обычномъ эпическомъ выраженіи, или поговоркѣ, могли бы о несмѣтной тяжести земли говорить: „Микулиной сумочки не подымешь!“

Такой колоссальный образъ могъ бы соотвѣтствовать въ фантазіи народа тѣмъ стариннымъ иконописнымъ типамъ, которые, для выраженія идеи о вседержительствѣ и власти, держатъ въ рукѣ земной шаръ.

---

[1] Кирѣевск. IV-й выпускъ, въ замѣткѣ стр. 112.

[2] Даля *Пословицы* стр. 1063.

VI.

Переходимъ къ *Ильѣ Муромцу*. Какъ высшій герой русскаго богатырскаго эпоса, онъ сосредоточиваетъ на себѣ всѣ главные его интересы.

Тотъ не можетъ себѣ составить яснаго понятія объ основной идеѣ ни одной изъ русскихъ эпическихъ былинъ, кто не усвоитъ себѣ во всей ясности той мысли, что народный эпосъ, живя въ устахъ поколѣній въ теченіе столѣтій, доходитъ до насъ переполненный самыми грубыми и странными, другъ другу противорѣчащими анахронизмами. Каждое поколѣніе, получая эпическое преданіе отъ своихъ предковъ, вноситъ въ него намеки, а иногда и цѣлые эпизоды изъ своей современности. Къ миѳической личности Перуна другое поколѣніе присовокупляетъ черты героической личности Ильи Муромца. Подводя древнія преданія подъ уровень церковнаго календаря, фантазія сначала сближаетъ Перуна, покровителя земледѣлія съ Ильею пророкомъ, котораго называетъ тоже *Громовникомъ*; потомъ сложный полубожественный типъ Ильи Муромца-Перуна, можетъ-быть, даже по тождеству имени, сливаетъ въ одну личность съ Ильею Громовникомъ. Какъ произошла эта эпическая метаморфоза, отъ насъ сокрыто въ таинственной дали ранняго творчества народной фантазіи: собственное ли имя муромскаго богатыря послужило точкою соприкосновенія между Перуномъ и Ильею пророкомъ, или Муромецъ, наслѣдовавшій силы божества земледѣльческаго, потому только сближенъ былъ съ Ильею пророкомъ, что этотъ послѣдній слыветъ Громовникомъ, какъ и языческій Перунъ? Какъ бы то ни было, но слѣдующая замѣтка г. Даля [1] не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что народныя преданія сближаютъ русскаго богатыря съ ветхозавѣтнымъ пророкомъ: „Пустившись въ путь (изъ дому)

[1] Замѣтка въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣевскаго стр. 33.

Илья далъ первый ускокъ въ полпути до Мурома (версты полторы): тутъ изъ-подъ копытъ богатырскаго коня живой ключъ ударилъ, бьющій и понынѣ; надъ нимъ постановлена часовенка *во имя пророка Иліи.* На родникъ этотъ и понынѣ медвѣдь ходитъ испить водицы, набраться богатырской силы."

По былинѣ [1] эту часовню строитъ самъ муромскій богатырь, будто памятникъ себѣ для потомства:

Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ—колодезь сталъ;
У колодезя срубилъ сырой дубъ,
У колодезя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подписалъ свое имячко:
„Ѣхалъ такой-то сильной могучій богатырь,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ."

По народнымъ разказамъ, Илья Муромецъ родился въ крестьянскомъ семействѣ изъ села Карачаева или Карочарова въ Муромской области, отъ крестьянина Ивана Тимоѳеева. Величайшему изъ богатырскихъ типовъ Владимірова цикла суждено было зачаться въ быту земледѣльческомъ, который выразилъ свой божественный идеалъ въ Перунѣ - Торѣ. Громовникъ Илья - Перунъ долженъ былъ вторично возродиться, вочеловѣчиться въ богатырской личности на той самой почвѣ, которая произвела оба эти типа. Муромскій герой, въ качествѣ крестьянина-земледѣльца, выноситъ въ своемъ идеалѣ всѣ древнѣйшія воспоминанія Славянъ при переходѣ ихъ въ бытъ земледѣльческій. Онъ продолжаетъ въ себѣ развитіе миѳическаго Селяниновича, но уже при вступленіи Руси на открытый исторіею путь. Въ немъ доносятся до насъ раннія сказанія о Чехѣ и Лѣхѣ чехо-польскаго эпоса; онъ вмѣстѣ и чешскій Премыслъ, переведенный на русскую почву. Не достаетъ только мужицкихъ лаптей Ильи Муромца въ сокровищницѣ русской старины. Но какъ увидимъ, онъ долженъ былъ уже промѣнять лапти на сапоги при дворѣ князя Владиміра, гдѣ по свидѣтельству лѣтописца Нестора уже свысока отзывались о лапотникахъ. [2]

[1] Кирѣевск. *Пѣсни.* I, стр. 35.

[2] Добрыня говоритъ князю Владиміру: „Посмотрѣлъ я на колодниковъ—всѣ они въ сапогахъ: эти дани намъ не дадутъ. Пойдемъ, поищемъ лучше лапотниковъ." *Собран. Лѣтоп.* I. 36.

Самъ народный эпосъ ясно говоритъ о двоякомъ происхожденіи богатырскаго типа Ильи. Илья хоть и родился отъ крестьянъ-земледѣльцевъ, отъ простыхъ смертныхъ, но цѣлыя тридцать лѣтъ сиднемъ сидѣлъ па печи, подъ собою яму протеръ, такъ что видна была только борода его съ головою. Онъ былъ безсиленъ, вовсе не былъ слѣдовательно богатыремъ. Надобно было въ этой сидячей грудѣ воскресить тотъ поэтическій идеалъ, который въ былинахъ прослылъ Ильею Муромцомъ. Созданіе человѣческой воли и силы въ этой грубой матеріи—вотъ настоящее рожденіе богатыря. Потому, внимательному взгляду привыкшему слѣдить за переворотами народнаго эпоса, помимо муромскихъ мужичковъ, въ предкахъ Ильи Муромца представляются другія личности, возникшія въ сферѣ языческаго чествованія существъ миѳологическихъ.

О зарожденіи богатырской силы въ Ильѣ русскій эпосъ сохранилъ два различныя преданія, согласныя между собой только въ томъ, что по обоимъ это дѣло совершается сверхъестественнымъ образомъ.

По одному преданію, Илья получилъ силу еще въ домѣ отца, гдѣ сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ. Будто приходятъ калики перехожіе (по другимъ виріантамъ, нищая братія, или самъ Христосъ съ двумя апостолами—обыкновенное подновленіе древнѣйшихъ эпическихъ типовъ), и будто бы велятъ ему принести ведро или чашу воды. Тогда, по вѣщему велѣнію, онъ впервые всталъ па ноги и принесъ воды. „Выпей самъ,“ говорятъ ему пришельцы. Илья выпилъ. „Что въ себѣ чуешь?“ спрашиваютъ его. „—Чую великую силу.“—„Поди, принеси еще ведро.“ Илья приноситъ еще, и еще разъ выпиваетъ.

Много ли Илья чуешь въ себѣ силушки?
—„Отъ земли столбъ былъ бы до небушки,
Ко столбу было бы золото кольцо,
За кольцо бы взялъ, Святорусску поворотилъ!“

По другому варіанту, онъ отвѣчалъ: „Еслибы ввернуть кольцо въ землю, я бы всю землю перевернулъ.“

Это именно и есть та *тяга земная*, подъ которою изнемогъ самъ Святогоръ. Въ послѣдствіи, наглядно была представлена она положенною въ переметной сумочкѣ, которую на Русь вывезъ съ собою Селяниновичъ.

„Много дано Ильѣ силы", сказали прохожіе, услышавъ такой отвѣтъ: „земля не снесетъ; поубавимъ силы." И еще разъ велѣли ему принести воды и выпить, и когда онъ выпилъ, спрашивали:

„—Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?"

„—Во мнѣ силушки половинушка."

„—Будетъ съ тебя!" сказали нищая братія и отправились въ путь.

Не надобно приписывать никакого особеннаго значенія позднѣйшей, будто бы христіянской обстановкѣ этой сцены. Прибавленіе силы отъ чудодѣйственнаго пойла—мотивъ обыкновенный не въ однихъ русскихъ сказкахъ. Такъ въ одной норвежской сказкѣ [1], Тролль, существо миѳическое, велитъ нѣкоторому королевичу трижды глонуть изъ бутылки, и каждый разъ прибывало въ немъ силы. Въ русскихъ преданіяхъ миѳическое существо переведено на позднѣйшія лица.

Подновляя до-историческое преданіе христіянскими идеями, народъ разказываетъ даже, что и сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ за какой-то грѣхъ дѣда своего, ушедшаго въ монастырь, въ Кіевъ, и что будто бы и всталъ Илья впервые на ноги, когда возгласили въ церкви *Христосъ Воскресъ*, въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе: такъ что на этой позднѣйшей ступени подновленное преданіе какъ бы встрѣчается съ извѣстнымъ ростовскимъ объ Аврааміи. Также какъ Илья Муромецъ, Авраамій до восьмнадцатилѣтняго возраста пролежалъ въ разслабленіи въ домѣ своихъ богатыхъ родителей-язычниковъ. Также приходятъ какіе-то калики перехожіе, Новгородцы. Отъ нихъ онъ услышалъ о вѣрѣ въ Іисуса Христа, самъ увѣровалъ, и сталъ на ноги, будто Илья услышавшій *Христосъ Воскресе*. [2]

Когда Илья Муромецъ получилъ свою силу, домашнихъ никого тогда не случилось: все необычайное совершается въ тайнѣ. Отецъ съ матерью были на полевой работѣ, кажется, расчищали лѣсъ подъ пашню: это обыкновенный пріемъ пахарей древней Руси, покрытой то болотами, то лѣсами. Такъ надобно полагать, основываясь на сказкѣ,

---

[1] Asbjörnsen. № 3.

[2] Графа Толстаго. *Древнія Святыни Ростова Великаго.* Изд. 2-е 1860 года стр. 60.

по которой Илья, вставъ на ноги, соскучился дома и пошелъ *копать въ лѣсъ*, свою силу пробовать. И ужаснулся народъ, увидавъ что Илья сдѣлалъ, сколько лѣсу накопалъ. Тутъ въ изумленіи подбѣжали къ нему и отецъ съ матерью, и увѣрились въ великомъ чудѣ. [1] По варіанту, изданному г. Рыбниковымъ, Илья, пришедши на работу, „взялъ топоры и началъ *пожни чистить*.“

Впрочемъ не въ однихъ земледѣльческихъ трудахъ Илья Муромецъ оставилъ на родинѣ память о своей силѣ. Онъ совершилъ титаническій подвигъ, покоривъ себѣ цѣлую гору, будто сѣверный Торъ, сражавшійся съ исполинами горъ. Когда Илья сталъ просить благословенія родительскаго на богатырскіе подвиги, и отецъ его недовѣрчиво усумнился, то онъ, созвавъ понятыхъ людей, вышелъ на Оку, уперся плечомъ въ гору, сдвинулъ ее съ крутаго берега и завалилъ Оку. Подъ Муромомъ и понынѣ указываютъ старое русло Оки засыпанное Ильею. [2]

Итакъ даже древнѣйшія преданія, о переворотахъ совершившихся нѣкогда въ самой природѣ муромскій народъ соединяетъ съ памятью о своемъ богатырѣ. Около Мурома же и колодезь Ильи богатыря, и часовня, будто монументъ въ честь его воздвигнутый. Такова родственная связь самаго народнаго изъ русскихъ богатырей съ мѣстными интересами области, особенно знаменитой въ древней Руси поэтическими легендами. Чтобъ не быть пошлою компиляціей или напыщеннымъ панегирикомъ, легенда должна питаться мѣстными эпическими преданіями. Въ этомъ состоитъ ея существенное жизненное начало. Въ основѣ муромскихъ преданій, занесенныхъ въ легенды, исторія литературы открываетъ богатую эпическую почву, создавшую самый блистательный изъ идеаловъ народной поэзіи. Въ муромской легендѣ о князѣ Петрѣ и Февроніи сохранился въ лицѣ Февроніи самый поэтическій типъ вѣщей дѣвы ткачихи, говорящей загад-

[1] Прилож. къ 1-му вып. Кирѣевск. стр. 2-я. К. С. Аксаковъ, кажется, не придавалъ этой подробности особеннаго значенія. Вотъ слова его: „Я не помню, ясно, на какой работѣ была семья Ильи: но помню, что онъ принялъ въ этой работѣ участіе и изумилъ необычайною силою. Чуть ли это не была *рубка лѣсу*, и Илья, принявшись помогать, сталъ съ корнемъ рвать деревья.“ Ibid. стр. 30. Рыбник. 2, 4.

[2] Замѣтка Даля, въ 1-мъ вып. сборника Кирѣевск. стр. 33.

ками и исцѣляющей самыя страшныя болѣзни, насылаемыя сверхъестественными силами. Какъ богатырь Илья, она тоже изъ крестьянскаго званія, дочь бортника-древолазца, и также какъ муромскій богатырь, всегда отличалась благородною правотою и снисходительностью; также какъ онъ, только своими личными качествами, а не породою, достигла высшихъ почестей, и какъ онъ составляетъ лучшее украшеніе безыскусственнаго эпоса, такъ она эпоса книжнаго, легендарнаго. [1]

Мы разсмотрѣли одно сказаніе о рожденіи въ Ильѣ богатырской силы. По другому сказанію [2], Илья наслѣдуетъ силу отъ Святогора, который въ качествѣ старшаго богатыря, титана, служитъ какъ бы посредникомъ между богомъ Перуномъ-Торомъ и муромскимъ богатыремъ.

Когда Святогоръ убилъ свою преступную жену, какъ уже было сказано, побратался съ Ильею, который сталъ *меньшимъ* братомъ *старшаго* богатыря. Потомъ Святогоръ *выучилъ его всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ*, однимъ словомъ, сдѣлалъ изъ него настоящаго богатыря, создалъ въ немъ настоящаго Илью Муромца. Оставалось только передать ему въ наслѣдство свою силу, для того чтобы Муромецъ, а не кто другой, при дворѣ князя Владиміра, въ его дружинѣ, заявлялъ въ своемъ характерѣ о могуществѣ родной стороны.

И поѣхалъ вмѣстѣ Святогоръ съ Ильею. Подъѣзжаютъ ко гробу. На гробѣ подпись подписана:

Кому суждено въ гробу лежать,
Тотъ въ немъ и ляжетъ.

Сначала попробовалъ Илья, но гробъ былъ не по немъ: и великъ и широкъ. Легъ Святогоръ: гробъ какъ разъ по немъ. И велѣлъ онъ себя покрыть крышкою; и только что Илья покрылъ его, никакъ уже не могъ поднять крышки: такъ Святогоръ въ гробу и остался.

„Возьми мой мечъ-кладенецъ, говоритъ Святогоръ, и ударь поперекъ крышки.“ Но Илья не можетъ и поднять меча. Тогда Святогоръ велѣлъ Ильѣ наклониться ко гробу, Илья наклонился: Святогоръ дохнулъ на него изъ маленькой ще-

---

[1] См. о муромской легендѣ въ моихъ *Историч. Очеркахъ.*
[2] Рыбник. I, 41.

лочки своимъ богатырскимъ духомъ. И почуялъ Илья, что силы въ немъ прибыло противъ прежняго втрое, поднялъ мечь кладенецъ и ударилъ имъ поперекъ крышки. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ударилъ, посыпались искры и выросла желѣзная полоса. „Задыхаюсь я во гробѣ!“ вопилъ Святогоръ. Илья ударилъ по крышкѣ мечомъ еще разъ, и еще посыпались искры и выросла другая желѣзная полоса. „Задыхаюсь я, меньшой братецъ!“ вопилъ Святогоръ: „Наклонись къ щелочкѣ: я дохну еще на тебя, и передамъ тебѣ всю силу великую!“ „Будетъ съ меня силы, большой братецъ, отвѣчалъ Илья: не то земля на себѣ носить не станетъ!“ И похвалилъ его за то Святогоръ, присовокупивъ: „Я дохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владѣй моимъ мечомъ-кладенцомъ, а добраго коня моего привяжи къ моему гробу.“ Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ. Илья простился съ Святогоромъ, привязалъ ко гробу коня, и, взявъ Святогоровъ мечъ, поѣхалъ на богатырскіе подвиги.

Таковъ эпизодъ о родственномъ отношеніи этихъ двухъ богатырей. Ясно, что Илья прямой наслѣдникъ Святогора, принявшій отъ него силы столько, сколько нужно, чтобы жить на землѣ. Это есть первоначальный, миѳическій источникъ богатырской силы Ильи Муромца. Позднѣйшая эпоха, какъ мы видѣли, подновляетъ миѳъ участіемъ христіянскихъ лицъ, въ темной основѣ которыхъ проглядываетъ титаническій образъ старшаго братца Ильи Муромца, самого Святогора. Нѣтъ сомнѣнія, что въ экономіи первоначальнаго миѳа вовсе не нужно было раздвоять происхожденіе силы муромскаго богатыря, и производить ее изъ двухъ источниковъ—отъ духа Святогора и отъ питья по повелѣнію перехожихъ каликъ.

Итакъ, муромскій мужикъ вынесъ на своихъ могучихъ плечахъ титаническое величіе и силу первобытной миѳической старины. Отчего же не сосредоточился онъ въ своемъ полубожественномъ величіи, какъ древній Селяниновичъ, и свое родное крестьянство не вознесъ до миѳической апотеозы? Что онъ не остался въ своемъ родномъ Муромѣ? Зачѣмъ онъ не свилъ себѣ своего собственнаго теплаго *гнѣзда* и не построилъ роднаго *порога*, какъ сооружали себѣ чехо-польскіе герои *Гнѣздно* и *Прагу*? Зачѣмъ не огородилъ онъ роднаго, имъ самимъ вспаханнаго

поля какимъ-нибудь Змѣевымъ Валомъ, проведши его первою на Руси сохою? Темная старина даетъ поводъ къ тысячѣ догадокъ и вопросовъ; и почему бы не предположить: не приличнѣе ли было бы кому-нибудь изъ рода-племени муромскаго крестьянина ковать первый на Руси плугъ и провести имъ первую борозду нежели князьямъ Борису и Глѣбу?

Но муромскій крестьянинъ попалъ уже въ водоворотъ новой исторической жизни. Онъ бросаетъ свою наслѣдственную соху и стремится въ дальнія страны на богатырскіе подвиги.

Его влечетъ къ себѣ новое свѣтило, восшедшее на Руси въ лицѣ *ласковаго* князя Владиміра. Туда, къ Кіеву отовсюду потянули русскія силы воплощенныя въ богатыряхъ цикла Владимірова: Добрыня Никитичъ изъ Рязани, Алеша Поповичъ изъ Ростова, Суровецъ богатырь изъ Суздаля, Дюкъ Степановичъ и Михайло Казарянинъ изъ Волынца Красна Галичья, а за ними и крестьянскій сынъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ изъ Мурома. Это значитъ, что основаніе центровъ княжеской власти на Руси дало новый, рѣшительный толчокъ въ развитіи народнаго эпоса. Богатыри перестаютъ быть непосредственными потомками боговъ и полубоговъ, и, вмѣстѣ съ самостоятельностью, теряютъ и свое высшее миѳическое значеніе, изъ *старшихъ* богатырей, то-есть изъ титановъ, переходятъ въ *младшихъ*, въ обыкновенныхъ смертныхъ, и группируются толпою около историческаго лица, около князя, въ его княженецкой дружинѣ.

Этотъ новый историческій моментъ въ развитіи народнаго эпоса обозначился въ собраніи разрозненныхъ, кочевыхъ силъ и мѣстныхъ, областныхъ интересовъ къ одному центру, который исторія указала въ политической власти князя. Стремленіе къ централизующей власти коренится уже въ самомъ сознаніи той первобытной эпохи, которая находитъ себѣ естественное выраженіе въ эпосѣ, еще не знающемъ безконечнаго разнообразія личныхъ интересовъ лирики, и сосредоточивающемъ безразличную массу вѣрованій и обычаевъ къ представительной власти то родоначальника, то жреца, то воеводы, то наконецъ князя. Въ послѣдствіи, гражданское броженіе

и борьба партій, вызванныя политическими и философскими идеями, даютъ просторъ лирическому заявленію отдѣльныхъ мнѣній, взглядовъ и стремленій. Но пока личности еще не выдѣлились изъ общей массы народа, пока еще народъ чувствуетъ свою умственную и политическую безпомощность, до тѣхъ поръ онъ довольствуется только эпосомъ, который питаетъ въ немъ религіозное благоговѣніе къ власти, непосредственно отъ боговъ перешедшей къ избранному смертному, замѣнившему, въ политическомъ устройствѣ, древняго родоначальника. Племена кельтическія сосредоточили для себя эту эпическую власть въ лицѣ короля Артура, пирующаго съ своими героями *за круглымъ столомъ*; Англо-саксы въ лицѣ милостиваго короля Гродгара, проводящаго безмятежную жизнь, вмѣстѣ съ своею преданною дружиною, въ ежедневныхъ пирахъ и весельи. Такъ и у насъ первымъ *собирателемъ земли Русской* народный эпосъ почитаетъ князя Владиміра, который также ежедневно пируетъ съ своими богатырями.

Что идеалъ этого эпическаго представителя верховной власти составился въ фантазіи народной еще въ эпоху языческую, или по крайней мѣрѣ не зависимо отъ христіанскихъ идей и помимо всякой мысли объ обращеніи Руси въ христіянство, явствуетъ изъ того, что русская былина вовсе не помнитъ этого пресловутаго факта, соединеннаго съ именемъ князя Владиміра. Она изображаетъ его даже скорѣе язычникомъ нежели тѣмъ равноапостольнымъ княземъ, котораго чествуетъ въ немъ позднѣйшая книжная легенда. Еще современные намъ народные пѣвцы разказываютъ, что у Владиміра было двѣнадцать женъ, иныя отъ живыхъ мужей [1]. Потому-то, когда онъ сосваталъ за Алешу Поповича жену Добрыни, бывшаго въ отлучкѣ, и когда Добрыня воротился, то на пиру при всѣхъ говорилъ:

Не дивуюсь я князю Владиміру;
Что и самъ творитъ, другому велитъ:
Отъ живаго мужа хочетъ жену отнять.

Изъ всѣхъ историческихъ преданій о Владимірѣ, богатырскій эпосъ хорошо помнитъ только пиры его, о которыхъ повѣствуетъ еще лѣтописецъ Несторъ, какъ бывало

[1] Рыбник. I, 145.

пировала дружина у этого ласковаго князя, и какъ однажды подпивши порядкомъ витязи роптали, что ѣдятъ ложками деревянными, а не серебряными. Владиміръ будто бы велѣлъ сдѣлать серебряныя ложки, сказавъ: „серебромъ и золотомъ дружины не добуду, а дружиною добуду и золота, и серебра.“ Это извѣстіе, можетъ-быть, заимствовано было лѣтописцемъ уже изъ былинъ о княжихъ пирахъ, описаніемъ которыхъ и до сихъ поръ начинается большая часть богатырскихъ пѣсенъ.

Каково бы ни было отношеніе эпическаго Владиміра къ эпохѣ старшихъ богатырей или великановъ и къ миѳическимъ божествамъ древнихъ Славянъ, во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія двѣ черты въ его поэтическомъ типѣ, указывающія на его связь съ преданіями незапамятной старины: вопервыхъ, иногда и именно въ стихѣ о Голубиной книгѣ, князь Владиміръ является замѣною великана *Волота Волотовича*, и вовторыхъ, онъ постоянно въ былинахъ прозывается *Краснымъ Солнышкомъ*: а постоянный эпитетъ въ народной поэзіи, кромѣ поэтической внѣшней прикрасы, очень часто имѣетъ внутренній смыслъ, опредѣляемый народнымъ вѣрованьемъ. Не смѣнилъ ли собою князь Владиміръ *Дажь-бога* или *Сварога*, божество солнца, по крайней мѣрѣ въ самыхъ раннихъ былинахъ, въ которыхъ еще живо чувствовался переходъ отъ древнихъ миѳическихъ воззрѣній къ новому историческому порядку вещей? И это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что эпитетъ *красное солнце* до того сросся въ былинахъ съ именемъ любимаго князя, что иногда замѣняетъ его, какъ напримѣръ:

Завелся у *солнышка* почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей, на бояръ.

Какъ солнце по небу *числуется*, то-есть, играя и свѣтя управляетъ временами года и освѣщаетъ день; такъ и Владиміръ, пируя съ своими богатырями, управляетъ землею Русскою:

Не красное солнце числовалося:
Заводилося пированьице честное у князя Владиміра [1].

---

[1] Рыбник. I, 212. Кирѣевск. III, 28. Замѣчательно, что король Артуръ, изображаемый въ позднѣйшихъ искусственныхъ поэмахъ идеаломъ рыцарства и христіанскаго благочестія, первоначально, по преданіямъ кельт-

Слово о Полку Игоревѣ, уже не разъ служившее намъ посредникомъ между вѣрованьями темной старины и эпохою историческою, подкрѣпляетъ догадку о происшедшемъ нѣкогда переходѣ чествованья божества солнца на какого-то эпическаго князя, которому имя исторія указала въ ласковомъ князѣ Владимірѣ. Авторъ *Слова* называетъ героя или воеводу *внукомъ бога солнца* (внукомъ Дажь-бога), какъ бы тѣмъ давая знать своимъ современникамъ XII вѣка, что нѣкогда самое это божество было признаваемо за представителя богатырскихъ доблестей, за источникъ и центръ всякой на землѣ власти.

Народная фантазія, объясняя по своему связь исторіи съ миѳомъ, видѣла въ князѣ Владимірѣ не просвѣтителя Руси христіянствомъ, не церковную личность, а свѣтскую власть, новую историческую силу, въ которой однако еще чуялось ей обаяніе стараго вѣрованія въ красно солнышко, и потому тѣмъ охотнѣе около этого, нѣкогда миѳическаго, центра собрала она богатырей Русской земли.

Потому ли, что государственное начало, скрѣпленное пришлыми Варягами, охватывало русскую жизнь только снаружи, однѣми внѣшними формами покоренія и налоговъ; потому ли, что князь и дружина, набранная изъ чужаковъ, авантюристовъ, стали особнякомъ отъ низменнаго, кореннаго населенія Руси, какъ бы то ни было, только историческій идеалъ самого князя Владиміра въ народномъ эпосѣ мало выработался, не развился разнообразіемъ подвиговъ и очертаній характера, не смотря на то что имя его такъ часто упоминается въ богатырскихъ былинахъ. Ласковый князь только пируетъ съ своими богатырями да посылаетъ ихъ на разные подвиги, а самъ не принимаетъ участіе ни въ какой опасности, и сидитъ дома съ супругою Апраксѣевной. Съ особеннымъ удареніемъ эпосъ указываетъ только на двѣ характеристическія черты въ его характерѣ, на его необыкновенную красоту и рѣдкое счастіе, такъ что *уродиться красотою и счастьемъ въ князя Владиміра*, вошло въ поговорку между богатырями [1].

скихъ бардовъ, былъ сыномъ *Утеръ-Пеннъ-Драгона*, миѳическаго титана и бога, и даже самъ чествовался какъ *солнце*. См. Villemarqué, *Les Romans de la Table Ronde*. 1861 г. стр. 8—9.

[1] Рыбник. I, 186. II, 16.

Кажется, въ самыхъ интересахъ народнаго эпоса не имѣлось задачи дать князю Владиміру болѣе яркій и глубокій характеръ. Это оставлялось на долю окружающимъ его богатырямъ и особенно избраннѣйшему изъ нихъ, Ильѣ Муромцу. Для Владиміра достаточно было его княжескаго ореола, которымъ онъ постоянно выступаетъ изъ толпы пирующихъ. Только что онъ вымолвитъ слово, всѣ съ благоговѣніемъ слушаютъ его:

Изъ того стола изъ-за дубова
Не золота, звонка труба вострубила:
Испроговорилъ Владиміръ стольно-кіевскій.

Отвѣчаютъ ему съ подобострастіемъ. Часто большой за малаго хоронится, а отъ малаго ему князю и отвѣту нѣтъ.

Если самъ князь мало дѣйствуетъ, за то умѣетъ цѣнить людей и выбирать достойныхъ дѣятелей, которыми окружаетъ свою особу. Это главная его заслуга, и едва ли не самая важная черта, которою эпосъ отличилъ князя Владиміра, какъ *собирателя* русскихъ силъ. Муромскій богатырь, впервые пріѣхавъ къ князю Владиміру, его спрашиваетъ:

Ужь ты батюшка Володиміръ князь!
Тебѣ надо ль насъ, принимаешь ли
Сильныхъ, могучихъ богатырей,
Тебѣ батюшкѣ на почесть-хвалу,
Твому граду стольному на избереченъ,
А Татаровьямъ на посѣченье? [1]
Отвѣчатъ батюшка Володиміръ князь:
„Да какъ мнѣ васъ не надо-то!
Я вездѣ васъ ищу, вездѣ спрашиваю.
На пріѣздѣ васъ жалую по добру коню,
По добру коню, по латынскому, богатырскому.“

Подарки не послѣднюю роль играли въ приманиваньи богатырей княземъ Владиміромъ. Оттого-то онъ и слыветъ *Ласковымъ*. Илья Муромецъ совѣтуетъ Дюку Степановичу ѣхать къ князю Владиміру, наивно присовокупляя:

Тебя будетъ на поѣздѣ жаловать
Многой безчетной золотой казной [2].

---

[1] Намекъ на Татаръ, — позднѣйшая вставка. Первоначально были названы какіе-нибудь другіе враги.

[2] Рыбник. II 71. Кирѣевск. I, 37—38. Рыбник. II, 167.

Попавши въ ряды княжеской дружины, муромскій богатырь долженъ былъ утратить свою прежнюю самостоятельность. Онъ уже не идеалъ мужика-пахаря, не великанъ-Селяниновичъ, а *представитель сельскаго, крестьянскаго сословія* при княжемъ дворѣ, какъ Добрыня Никитичъ—представитель княжескаго званія, Гришка боярскій сынъ — представитель бояръ, Алеша Поповичъ—церковнаго сословія, Иванъ Гостиный сынъ — представитель купечества, и т. д.

Понятно, что Илья Муромецъ, какъ товарищъ боярскаго сына, поповича или какого-нибудь Васьки Долгополаго, можетъ-быть, дьяка грамотея, есть уже новая эпическая личность, не имѣющая ничего общаго съ идеаломъ независимаго муромскаго крестьянина, сочетавшимъ въ себѣ память о Перунѣ и великанѣ Селяниновичѣ съ христіянскимъ именемъ Ильи Пророка.

Окруженіе князя Владиміра богатырями — представителями областей и разныхъ мѣстностей, каковы: Муромъ, Ростовъ, Рязань, Волынь и т. д. входитъ въ древнѣйшій слой эпическаго содержанія, имѣющаго предметомъ *собираніе* Русской земли около кіевскаго центра. Что же касается до окруженія того же князя богатырями, представителями сословій, то это уже слой значительно позднѣйшій, который долженъ относиться къ той эпохѣ, когда вслѣдствіе государственнаго и церковнаго развитія Руси, изъ общей массы населенія выдѣлились сословія: княжеское, боярское, купеческое, крестьянское, церковное.

Богатырская дружина князя Владиміра уже была въ полномъ составѣ еще до появленія Ильи Муромца въ Кіевѣ. Ей не доставало крестьянскаго элемента, который долженъ былъ въ нее внести этотъ великій герой, и онъ, какъ главное дѣйствующее лицо драмы, является на сцену послѣ другихъ. Когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Кіевъ, привезши съ собою Соловья Разбойника, Добрыня Никитичъ говорилъ князю Владиміру:

Всѣхъ я знаю русскихъ могучихъ богатырей,
Одного не знаю—стараго казака Илью Муромца:
Я слыхалъ наслышкой человѣческой,
Что у него на бою смерть не писана.

Какъ заѣзжій крестьянинъ и человѣкъ при дворѣ неизвѣстный, Илья съ перваго же разу былъ обиженъ на

пиру Владиміра низкимъ мѣстомъ. Потому, находя княжескую дружину не по своему вкусу, муромскій крестьянинъ дружится съ простонародьемъ, которое въ былинахъ слыветъ подъ наивнымъ именемъ *голи кабацкой*, и пируетъ съ нею въ кабакѣ. Князь и богатыри, страшась его могущества, не знаютъ какъ къ нему приступиться. Посылаютъ наконецъ богатыря княжей породы, *вѣжливаго* Добрыню Никитича —

. . . . . . грамотой востраго,
На рѣчахъ да разумнаго,
Съ гостями почестливаго.

Добрыня приходитъ въ кабакъ, и не знаетъ какъ подойдти къ Ильѣ:

Спереди зайдти—хорошо ли ему прилюбится?
Да-ко я сзади зайду!

Зашелъ къ нему сзади, и, схвативъ его за могучія плечи, говорилъ ему:

Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ!
Сдержи ты свои руки бѣлыя,
Какъ скрѣпи сердце ретивое:
Какъ посла не куютъ, не вѣшаютъ.

Потомъ принесъ онъ извиненіе отъ имени самого князя: „Потому онъ садилъ тебя на нижній конецъ, что не зналъ тебя, кто ты таковъ, добрый молодецъ!“ Муромскій богатырь смилостивился, и готовъ идти къ князю Владиміру но только на томъ условіи, чтобы весь народъ принялъ участіе въ общей радости по случаю пріѣзда въ Кіевъ великаго богатыря. „Поди, скажи князю таковы слова, говорилъ Илья Добрынѣ:

Пусть-ко для меня, для молодца,
Разошлетъ указы строгіе,
По всему по городу по Кіеву
И по городу по Чернигову,
Чтобъ отворены были...
Кабаки всѣ и пивоварнія,
На трои на сутки отворены,
Чтобъ весь народъ пилъ да зелено вино;

Кто не пьетъ зелена вина,
Тотъ пилъ бы пива пьяныя;
Кто не пьетъ пивъ пьяныихъ,
Тотъ пилъ бы сладки меды:
Чтобъ знали, что наѣхалъ старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Ко славному ко городу Кіеву:
Пусть для меня для молодца,
Заведетъ столованье — почестный пиръ.

Итакъ, пиры Владиміра на весь народъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ Несторъ, по увѣренію нашего эпоса, будто бы даны были въ первый разъ въ честь собственно народнаго героя, самого Ильи Муромца. До тѣхъ поръ князь угощалъ будто бы только своихъ подручниковъ.

Наконецъ, герой идетъ къ князю, и весь народъ, князья, бояре и богатыри собираются смотрѣть на него. На княжемъ пиру Илья уже самъ не удостоилъ сѣсть на большомъ мѣстѣ, а садился на мѣсто среднее, а возлѣ себя, какъ представитель простонародья, сажалъ „голей кабацкихъ.“

Тутъ онъ удивилъ всѣхъ, заявивъ о своей побѣдѣ надъ Соловьемъ Разбойникомъ.

Тутъ-то узнали стараго казака,
Стараго казака Илью Муромца,
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
По всѣмъ чужіимъ-дальнимъ сторонушкамъ.

Такова превосходная былина о первой поѣздкѣ Ильи Муромца. Открытіе и обнародованіе ея принадлежитъ къ лучшимъ заслугамъ г. Рыбникова, для историческаго изученія русской народности [1].

Какъ первоначально Муромецъ былъ верховнымъ героемъ русскаго эпоса по своему миѳическому сродству съ божествомъ земледѣлія и крестьянскаго быта; такъ потомъ, въ качествѣ представителя сословія крестьянскаго, онъ пользовался и доселѣ пользуется преимущественною любовью простонародья, которое одно сберегло до сихъ поръ нашъ національный эпосъ. Еслибы высшіе классы народа не были оторваны на Руси отъ родной почвы національнаго эпоса, можетъ-быть Илья Муромецъ нашелъ бы себѣ

[1] Рыбник. II, 336—345.

соперника въ какомъ-нибудь идеалѣ боярскомъ или княжескомъ.

Народный эпосъ, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ историческія судьбы страны и ея интересы. Испанія нашла себѣ представителя въ аристократическомъ типѣ Сида, наша родина—въ крестьянскомъ сынѣ, завербованномъ въ княжескую дружину.

Съ особенною рѣзкостью выступаетъ сословное различіе богатырей въ былинѣ [1], о томъ какъ они, стоя на заставѣ, въ сторожахъ, какъ сторожевая рать, на поляхъ цыцарскихъ, должны были по очереди вступать въ бой съ однимъ великаномъ Жидовиномъ, который былъ такъ громаденъ, что конь его, ударивъ копытомъ въ землю, вышибъ *ископыть* величиною въ пол-печи.

Древнѣйшему преданью о борьбѣ съ исполиномъ дается въ былинѣ позднѣйшая сословная обстановка, приправленная даже нѣкоторою ироніей.

Жидовинъ оскорбилъ богатырей тѣмъ, что рѣшился проѣхать черезъ ихъ заставу, будто насмѣяться надъ ними. Атаманомъ на богатырской заставѣ былъ самъ Илья Муромецъ. Стали богатыри думать, кому изъ нихъ ѣхать биться съ Жидовиномъ Нахвальщикомъ. Положили было это дѣло на *Ваську Долгополаго* (полагаютъ, что это дьякъ, грамотей: можетъ-быть, не посадскій ли человѣкъ?). Илья Муромецъ находитъ этотъ выборъ неудачнымъ, характеризуя въ слѣдующихъ словахъ самое сословіе, къ которому принадлежитъ Васька:

Не ладно, ребятушки, положили;
У Васьки полы долгія:
По землѣ ходитъ Васька заплетается;
На бою, на дракѣ заплетется;
Погинетъ Васька по напрасному.

Положили было на Гришку боярскаго сына. Илья опять не соглашается, не довѣряя боярамъ:

Не ладно, ребятушки, удумали:
Гришка рода боярскаго;
Боярскіе роды хвастливые:
На бою, на дракѣ призахвастается,
Погинетъ Гришка по напрасному.

[1] Кирѣевск. I, 46.

Еще немилосерднѣе отзывается муромскій крестьянинъ о сословіи Алеши Поповича, когда положили было этого послѣдняго послать перевѣдаться въ единоборствѣ съ Жидовиномъ нахвальщикомъ:

Не ладно, ребятушки, положили:
Алешинька рода поповскаго:
Поповскіе глаза завидущіе,
Поповскіе руки загребущія;
Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
Много злата - серебра:
Злату Алеша позавидуетъ —
Погинетъ Алеша по напрасному.

Итакъ, забраковавъ представителей всѣхъ сословій, муромскій герой посылаетъ перевѣдаться съ исполиномъ Добрыню Никитича. Онъ княжескаго рода и храбрый богатырь. Выѣхавши въ поле, онъ сталъ высматривать нахвальщика въ серебряную трубу. Но когда съѣхался съ великаномъ, и когда великанъ напустился на него съ такою силою, что земля всколебалась, изъ озеръ воды выливалися: тогда Добрыня такъ испугался, что, взмолившись Богородицѣ о своемъ спасеніи, опрометью бросился отъ врага на заставу. Пришло наконецъ ѣхать въ бой самому Ильѣ, потому что не кѣмъ больше замѣниться. Муромскій богатырь вступаетъ съ Жидовиномъ въ страшный бой, который долго не рѣшается ни въ чью пользу. Вдругъ Илья, замахнувшись правою рукою, поскользнулся на лѣвую ногу, и палъ. Великанъ тотчасъ же насѣлъ на него, и хочетъ уже пороть кинжаломъ ему грудь, а самъ насмѣхаясь приговариваетъ:

„Старый ты старикъ, старый, матёрый!
Зачѣмъ ты ѣздишь на чисто поле?
Будто не кѣмъ тебѣ старику замѣнитися?
Ты поставилъ бы себѣ келейку
При той путѣ, при дороженкѣ;
Сбиралъ бы ты, старикъ, въ келейку;
Тутъ бы, старикъ, сытъ-питаненъ былъ.“—
Лежитъ Илья подъ богатыремъ,
Говоритъ Илья таково слово:
„Да не ладно у святыхъ отцовъ написано,
Не ладно у апостоловъ удумано;
Написано было у святыхъ отцовъ,
Удумано было у апостоловъ:

Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому,—
А теперь Илья подъ богатыремъ!"

Конечно, грубо заявляетъ здѣсь Илья о своемъ православіи—въ какомъ-то полухристіянскомъ убѣжденіи, что даже у самихъ апостоловъ гдѣ-то записано, что Ильѣ не быть въ полѣ убитому: но самая мысль и энергическое ея выраженіе, съ оттѣнкомъ ироніи, дышатъ необычайнымъ величіемъ. Это—сверхъестественная вѣщая увѣренность въ своей судьбѣ всѣхъ великихъ людей, которые, не взирая на смертныя опасности, спокойно и неустрашимо идутъ къ своей цѣли.

Такъ случилось и съ муромскимъ богатыремъ. Увѣренность въ себѣ придала ему новыя силы. Только что проговорилъ онъ эти слова—

Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева стоячаго [1],
Палъ нахвальщина на сыру землю.

Илья убилъ его, и отсѣкши ему голову, воткнулъ ее на копье, и повезъ на заставу богатырскую. Богатыри почтительно встрѣчаютъ его. Былина оканчивается такимъ художественнымъ, мастерскимъ штрихомъ, который сдѣлалъ бы честь лучшему изъ поэтовъ образованной эпохи. Подъѣзжая къ богатырямъ,—какъ бы съ презрѣніемъ—

Илья бросилъ голову о сыру землю;
При своей братьѣ похваляется:
„Ѣздилъ въ полѣ тридцать лѣтъ—
Экого чуда не наѣзживалъ." [1]

И только! Этимъ ограничилась вся его похвальба и весь отчетъ о смертельномъ побоищѣ!

Въ сословной обстановкѣ княжескаго эпоса Илья уже не могъ ужиться въ ладу съ княземъ и его дружиною. Фантазія народная съ особенною любовью лелѣетъ своего представителя, изображая его честнѣе и благороднѣе всѣхъ героевъ цикла Владимірова. Въ печальной исторіи прекрас-

---

[1] Этимъ обычнымъ эпическимъ выраженіемъ, для ясности, я замѣнилъ провинціялизмъ *эсдрового*, стоящій въ подлинникѣ.

ной Василисы и ея супруга Данила мы ужь видѣли, что только одинъ муромскій мужикъ стоитъ за правду, когда другіе богатыри готовы покривить душой въ угоду ласковому князю. Наконецъ онъ является даже врагомъ князю Владиміру и всей его дружинѣ, такъ что позднѣйшею сословною раздражительностію уже нарушается величавый, невозмутимый характеръ любимаго народомъ героя. Тогда муромскій богатырь теряетъ свое торжественное спокойствіе и снисходительность, эту лучшую прикрасу своего могущественнаго характера, и съ какимъ-то остервенѣніемъ побиваетъ княжескую дружину. Онъ уже не слуга князю, не защитникъ его интересовъ, а врагъ новому порядку вещей, поддерживаемому сословною чепорностью барскою.

Этою позднѣйшею чертою въ характерѣ муромскаго богатыря отличается варіантъ [1] извѣстной уже намъ былины о первой поѣздкѣ богатыря съ родины въ Кіевъ ко двору князя Владиміра.

Когда Илья Муромецъ привезъ въ Кіевъ взятаго имъ въ плѣнъ Соловья-Разбойника, князь Владиміръ встрѣчаетъ его надмѣнно: „Здравствуй ты, дѣтина засельщина, говоритъ онъ:—ты дѣтина засельщина да деревенщина!“ Ужь и это не понравилось Ильѣ, но онъ совсѣмъ разсердился, когда князь и дружина не повѣрили, что онъ привезъ такую диковину. „Въ очахъ дѣтина завирается!“ говорили богатыри. „Врешь ты, дѣтина засельщина, да полыгаешься, сказалъ ему Владиміръ:—надо мною надъ княземъ насмѣхаешься.“ Чтобъ отмстить всѣмъ имъ, Илья вздумалъ надъ ними пошутить. „Коль не вѣришь, говорилъ онъ князю, посмотри самъ на мою удачу богатырскую.“ Князь и дружина выходятъ на широкій дворъ. Муромецъ велѣлъ Соловью показать свою сверхъестественную силу.

И засвисталъ Соловей по соловьиному,
И забилъ въ долони [2] по богатырскому,
Зашипѣлъ вѣдь онъ по змѣиному,
Заревѣлъ онъ, да по звѣриному:
Темны лѣсы къ землѣ приклонилися,
Мать-рѣка Смородина со пескомъ сомутилася,
Потряслись всѣ палаты бѣлокаменны,

---

[1] Кирѣевск. I. 77—86.

[2] Длани, откуда съ перестановкою слоговъ: *ладони.*

Полетѣло изъ дымолокъ [1] кирпичье заморское,
Полетѣли изъ оконницъ стекла аглицкія [2].

Князь и бояре и всѣ могучіе богатыри страшно перепугались, пали на землю и по двору наползались; кони со двора разбѣжались.

И Владиміръ князь едва живъ стоитъ,
Съ душой княгиней Апраксѣевной.
Говорилъ тутъ ласковый Владиміръ князь:
„А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
Уйми ты Соловья разбойника;
А и эта шутка намъ не надобна.“

Этою невинною шуткой должно бы и ограничиться все мщеніе незлобиваго богатыря. Онъ достигъ своей цѣли, не нарушивъ величаваго спокойствія своего характера, и сразу сталъ самымъ могущественнымъ между всѣми богатырями. И дѣйствительно, по древнѣйшей, первоначальной редакціи, тѣмъ былина и оканчивается [3]. Въ послѣдствіи, народнымъ пѣвцамъ этой мести показалось мало. Они воспользовались случаемъ, и свою собственную ненависть къ барской спѣси и насилію передали Ильѣ Муромцу, будто возложивъ на него тяжелую обязанность быть мстителемъ за оскорбленіе нравственнаго достоинства народа.

Когда Илья унялъ Соловья-Разбойника, князь пригласилъ муромскаго мужика къ себѣ на пиръ; но и тутъ ему нанесли новую обиду: посадили его *по край стола*, да еще *по край скамьи*, то-есть, въ самое послѣднее мѣсто [4].

Раздраженный барскою спѣсью княжескаго двора, Илья—какъ новый Самсонъ, во время пиршества перебилъ до смерти всѣхъ богатырей и другихъ гостей, такъ что съ тѣхъ поръ, по смыслу этой позднѣйшей былины, должны бы были уже навсегда прекратиться пиры про русскихъ богатырей.

---

[1] Дымоволокъ.

[2] Подобные анахронизмы объясняются позднѣйшею порчею былинъ. Явленіе очень обыкновенное.

[3] Кирш. Данил. 359.

[4] Чтобы понять это, надобно знать, что почетныя мѣста были на *лавкахъ* вдоль двухъ стѣнъ, какъ теперь у крестьянъ; къ двумъ другимъ сторонамъ стола придвигались *скамьи*—мѣсто второстепенное. Илью посадили даже *на краю* скамьи.

Поломалъ онъ скамьи да дубовыя,
Онъ погнулъ сваи да желѣзныя...
Поприжалъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Поприжалъ онъ ихъ (богатырей) да въ большой уголъ.
Еще князь Ильѣ рѣчь проговорилъ:
„Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
Помѣшалъ ты всѣ мѣста да *ученыя*,
Погнулъ ты у насъ сваи да всѣ желѣзныя:
У меня промежь каждымъ богатыремъ
Были сваи желѣзныя,
Чтобъ они въ пиру да напивалися,
Напивалися да не столкалися.“

То-есть, муромскій мужикъ не только нарушилъ княжескій церемоніалъ, но и привелъ въ безпорядокъ всю дружину, даже скомкалъ ее и прижалъ въ уголъ. Владиміръ видитъ, что надо наконецъ уступить, и обращается къ Ильѣ съ лестнымъ предложеніемъ, которое могло бы соблазнить барскую спѣсь:

Ты изволь у насъ да попить-поѣсть,
Ты изволь у нашей милости
Да *воеводой жить*.

Но муромскій мужикъ на лесть не поддался, съ негодованіемъ восклицаетъ:

Не хочу я у васъ ни пить ни ѣсть!
Не хочу я у васъ воеводой житы!..
Онъ ставалъ на ножки на рѣзвыя,
Онъ вымалъ свою плетку шелковую
О семи хвостахъ да со проволкой.
Еще взялъ онъ плеткой да помахивать,
Еще гостей да покалачивать,
Еще взялъ гостей да поворачивать,
Еще бьетъ онъ, самъ приговариваетъ:
„На пріѣздѣ гостя не употчивали,
А на поѣздинахъ да не учествовали!
Эта ваша мнѣ честь—не въ честь!“
Еще онъ всѣхъ прибилъ да до наслѣдья,
До наслѣдья прибилъ да до единаго,
Не оставилъ никого да на сѣмена.

Раздраженная былина не пощадила и самого князя. И его надобно было наказать злою ироніей. Онъ въ ту пору, въ то времечко, съ испугу

За печку задвинулся,
Собольей шубкой закинулся.

Даже оканчивается былина какъ-то себѣ на умѣ, чтобы другіе смекали да оглядывались:

Илья-то тутъ и былъ и нѣтъ,
Нѣтъ ни вѣсти ни повѣсти
Нынѣ и до вѣку [1].

Наконецъ тѣмъ же сословнымъ протестомъ, доведеннымъ въ этой былинѣ до крайняго раздраженія, объясняется еще позднѣйшее превращеніе муромскаго мужика въ бездомнаго донскаго казака, какимъ изображенъ въ иныхъ былинахъ этотъ народный герой.

Таково внутреннее развитіе этой колоссальной личности, соотвѣтствующее историческому движенію быта и сознанія народнаго. Этой внутренней, существенной метаморфозѣ всенароднаго типа, сначала божества, потомъ полубога, далѣе героя-землепашца, затѣмъ богатыря дружинника и наконецъ представителя сословныхъ интересовъ,—соотвѣтствуетъ цѣлый рядъ историческихъ событій многихъ вѣковъ, черезъ которые русскій эпосъ проводитъ своего любимаго героя.

То нашъ богатырь вмѣстѣ съ другими своими товарищами охраняетъ родную землю отъ страшныхъ чудовищъ и дикарей-великановъ эпохи первобытной; то является въ рамѣ историческихъ событій: защищаетъ Кіевъ отъ нашествія Татаръ, освобождаетъ отъ нихъ же Черниговъ стоитъ въ сторожевомъ войскѣ на московской заставѣ [2], воюетъ противъ Мамая на Куликовомъ полѣ [3]. Точно также изъ одной эпохи въ другую переносится и князь Владиміръ. Онъ въ борьбѣ съ Татарами. Ермакъ—ему племянникъ, или же Ильѣ Муромцу [4].

Наконецъ, въ довершеніе національнаго идеала не доставало ему только ореола святости: и русскій народъ признаетъ своего богатыря въ чудотворцѣ, котораго мощи почиваютъ въ кіевскихъ пещерахъ. Въ XVII вѣкѣ, между угодниками кіево-печерскими, печатался гравированный образъ и Ильи Муромца, съ надписью: *Преподобный Илія муром-*

---

[1] Кирѣевск. I. 86.
[2] Рыбник. I, 66—7.
[3] Кирѣевск. I. 58.
[4] Кирѣевск. I. 61, 65.

скій, иже вселися въ пещеру прежде Антонія въ Кіевъ, идѣже донынѣ нетлѣненъ пребываетъ [1].

Впрочемъ, народный эпосъ столько же равнодушенъ къ святымъ останкамъ своего любимаго героя, какъ и къ равноапостольному достоинству князя Владиміра. Въ эпическомъ типѣ Муромца много великихъ доблестей идеальнаго героя, но всѣ онѣ объясняются съ точки зрѣнія общихъ законовъ нравственности. Собственно христіанскихъ, а по народному именно православныхъ добродѣтелей, въ этомъ героѣ эпосъ не воспѣваетъ.

Правда, что по инымъ былинамъ встрѣчаются иногда у Ильи и такія, напримѣръ, набожныя побужденія:

Охъ ты гой еси, родимой, милой батюшка!
Дай ты мнѣ свое благословеньицо.
Я поѣду во славной, стольной Кѣевъ градъ
Помолиться чудотворцамъ кѣевскимъ,
Заложиться за князя Володиміра,
Послужить ему вѣрой-правдой,
Постоять за вѣру хрисьянскую [2].

Но такія тирады новѣйшаго издѣлья, какъ общія мѣста пригодныя ко всякому случаю, ровно не вносятъ ничего новаго въ характеръ нашего героя,—напротивъ того, даже противорѣчатъ его поступкамъ, которыя съ точки зрѣнія православной должны казаться святотатствомъ. Такъ однажды когда князь Владиміръ не пригласилъ Илью къ себѣ на пиръ, муромскій православный мужичокъ изъ-за этой бездѣлицы такъ разгнѣвался, что натянувъ лукъ,

Стрѣлилъ онъ тутъ по божьимъ церквамъ,
По божьимъ церквамъ да по чуднымъ крестамъ,
По тымъ маковкамъ золоченыимъ [3].

Вотъ сколько противорѣчій, несообразностей и анахронизмовъ представляетъ намъ народный эпосъ! Эта неразрѣшимая смѣсь противорѣчій, облеченная въ поэтическіе образы, и проникнутая живымъ организмомъ національныхъ

---

[1] См. замѣтку г. Стасова въ *Извѣстіяхъ Археологическаго Общества* 1861 г. Томъ III, вып. 2.

[2] Кирѣевск. I. 34.

[3] Рыбник. I, 95.

убѣжденій и воззрѣній есть та народная среда, въ которой живутъ и развиваются всѣ идеи и представленія русскаго народа. Прослѣдить тѣ основныя нити, на которыя фантазія въ теченіе столѣтій стройно нанизываетъ всѣ эти противорѣчія и анахронизмы, значило бы подслушать ту завѣтную тайну, которая теперь только по частямъ, время отъ времени, открывается намъ съ каждымъ вновь найденнымъ эпизодомъ русскаго эпоса.

Впрочемъ, не одна русская народность представляетъ смѣсь противоположностей накопившихся въ жизни вѣками. Всякій историческій народъ заявляетъ этою затѣйливою смѣсью богатство историческихъ результатовъ, вошедшихъ въ сознаніе. Даже такъ называемая цивилизація, хотя бы въ современную намъ эпоху, представляетъ ту же чудовищную на видъ смѣсь древняго варварства съ новѣйшими успѣхами ума, смѣсь суевѣрій съ философскимъ сомнѣніемъ, аскетизма съ безвѣріемъ, хищнаго эгоизма съ ханжествующею филантропіей.

Но воротимся къ муромскому богатырю. Мы еще не знаемъ какъ русскій эпосъ изображаетъ его кончину. Рожденіе и смерть, два главные пункта въ человѣческой жизни, всегда и вездѣ давали эпической фантазіи богатый матеріалъ для творчества. Сверхъ того, самая таинственность, сопровождающая рожденіе и смерть человѣка, способствовала къ удержанію въ памяти народа слѣдовъ древнѣйшаго миѳа. Человѣкъ становится героемъ уже тогда когда онъ выросъ и заявилъ себя дѣлами: но кто знаетъ, гдѣ, отъ кого и при какихъ условіяхъ онъ родился? Кому было до этого дѣло? Только цивилизація дала возможность отвѣчать на эти вопросы удовлетворительно. Безыскусственный эпосъ еще не дошелъ до такихъ тонкостей. Также безызвѣстна оставалась и кончина героя, если только онъ не сложилъ своей головы въ бою, въ виду своихъ товарищей. А если постигла его смерть обыкновеннымъ путемъ, на одрѣ болѣзни, то фантазія народная изъ уваженія къ своему любимцу окружитъ послѣднія минуты его жизни чудесною таинственностію, которая создаетъ сотни баснословныхъ предположеній, и въ видѣ фактовъ внесетъ ихъ въ былины.

Но прежде нежели взглянемъ на Илью Муромца при его кончинѣ, должно упомянуть объ одномъ эпизодѣ, стоящемъ

внѣ той исторической рамы, въ которую мы вставили развитіе эпическаго типа этого богатыря.

Самая таинственность этого эпизода говоритъ уже въ пользу его древности, и, можетъ-быть, характеризуетъ одинъ изъ подвиговъ героя, стоящаго еще внѣ земледѣльческой и сословной обстановки. Въ основѣ эпизода—загадочная связь его съ вѣщими дѣвами и сверхъестественными титаническими героинями, о чемъ уже была рѣчь прежде. Илья является отцомъ могучаго героя, по другимъ варіантамъ—вѣщей героини, и вступаетъ въ смертный бой съ своимъ сыномъ или съ дочерью.

Изъ многихъ варіантовъ этого эпизода ясно видно, что народная фантазія въ сынѣ Ильи Муромца первоначально видѣла страшнаго и могучаго богатыря; потомъ этотъ грозный образъ смягчается идиллическими чертами охотника, согласно съ его именемъ *Сокольникъ*, усвоеннымъ и древнѣйшею редакціей. Сверхъ того, эпосъ оказываетъ Ильѣ почетъ, называя его сына *королевичемъ: Збутъ Борисъ Королевичъ*.

По древнѣйшему варіанту [1], юный богатырь, разъѣзжая по чисту полю,

На правомъ плечѣ везетъ ясна сокола,
На лѣвомъ плечѣ везетъ бѣла кречета,
У стремени прикована змѣя Горынская.

Послѣдняя черта ясно говоритъ о необычайности героя.

Ѣздитъ молодецъ по чисту полю,
Тѣшится утѣхою дворянскою:
Мечетъ острое копье подъ вышину небесную,
На конѣ подъѣзжаетъ и подхватываетъ,
Легко копьемъ поворачиваетъ,
Самъ копью приговариваетъ:
„Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ.“

Подъѣзжая къ нему, Илья Муромецъ отвѣчаетъ:

Ой ты гой еси, поленица удалая!
Ты зачѣмъ рано похваляешься?
Не уловя ты птицы, теребишь ее,
Не сваривши птицы, Богу молишься?

Потомъ вступаютъ въ страшный бой:

---

[1] Кирѣевск. IV. 13 и слѣд.

Не двѣ грозны тучушки затучились,
Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигалися:
Два богатыря съѣзжались въ чистомъ полѣ.

Сначала дрались оружіемъ, оружіе поломали, а другъ друга не одолѣли. Сходили съ коней и хватались *плотнымъ боемъ, рукопашкой:*

Водились они не мало времени,
Водились добры молодцы *полтора года*,
По колѣнямъ въ землѣ пріобтялися!

Итакъ, это бой необычайный, бой титановъ, которые, безъ устали борясь полтора года, по колѣна погрязли въ землю. Илья наконецъ изнемогъ и палъ. Юный врагъ насѣлъ на его бѣлы груди.

Тутъ Илейко возмолится:
„Сколько я стоялъ за вѣру христіянскую,
Еще болѣ я стоялъ за церковь Божію,
Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за беззамужнихъ женъ,—
Благочестивыя жены, вдовы безмужнія,
Онѣ были богомольныя,
День и ночь онѣ Богу молятся!“

Это, кажется, самое сильное мѣсто въ былинахъ по выраженію христіянскаго благочестія муромскаго богатыря. Надежда на молитву вдовъ и сиротъ спасла его:

Не сѣрая утица востопорщится:
Илья на землѣ поворотится;
Металъ Сокольника подъ вышину небесную.

Потомъ, поваливъ его и насѣдши ему на бѣлы груди, сталъ его спрашивать о родѣ-племени. — „Вотъ кабы я у тебя сидѣлъ на грудяхъ, отвѣчаетъ побѣжденный: не сталъ бы долго спрашивать, а споролъ бы тебѣ старому бѣлыя груди.“ Наконецъ Илья узнаетъ, что это его сынъ, отъ бабы Латыгорки, отъ моря Студенаго, отъ камени Латыря:

Бралъ его за руку за правую,
Цѣловалъ во уста во сахарныя:
„Здравствуй, мое чадо милое!“

И отпустилъ его къ матери; по другому варіанту, Илья *заплакалъ* даже, глядючи на свое чадо милое.

По однимъ варіантамъ тѣмъ дѣло и кончилось. По дру-

гимъ, оскорбленный сынъ мститъ Ильѣ, но получаетъ отъ него смерть: Муромскій богатырь разорвалъ его на двое.

По варіанту болѣе нѣжному [1], разказъ о встрѣчѣ Ильи съ сыномъ, Збутомъ королевичемъ, начинается поэтическимъ предчувствіемъ этого послѣдняго. Еще не успѣлъ подъѣхать Илья, сынъ его уже распускаетъ свою охоту: отвязываетъ отъ стремени *вожсья выжлока* (охотничью собаку), а самъ наказываетъ:

А теперь мнѣ не до тебя пришло;
А и ты бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ,
И корми ты свою буйну голову.

Отпускалъ и яснаго сокола, а самъ наказывалъ:

Полети ты, соколъ, на сине море,
И корми свою буйну голову;
А мнѣ молодцу не до тебя пришло.

Предчувствіе ли это смертной опасности при видѣ могучаго богатыря? Или скорѣе не предчувствіе ли чего-то великаго и существеннаго въ жизни, что̀ должно рѣшиться въ роковую минуту этого торжественнаго свиданья отца съ сыномъ, которые другъ друга не узнали?

Затѣмъ идетъ разказъ объ единоборствѣ, но уже въ позднѣйшемъ смягченномъ тонѣ.

Древность этого эпизода опредѣляется поразительнымъ сходствомъ его съ эпическими преданіями другихъ народовъ. Тотъ же сюжетъ встрѣчается въ эпическихъ преданіяхъ кельтскихъ бардовъ, въ персидской поэмѣ о *Ростемѣ* и *Зурабѣ*. Но къ русскимъ былинамъ особенно близко подходитъ эпизодъ изъ готскаго эпоса, о *Гильдебрандѣ*. Для сличенія сообщаю его по нѣмецкому отрывку VIII столѣтія.

Въ сопровожденіи дружины, возвращаясь домой изъ земли Гунновъ, престарѣлый Гильдебрандъ встрѣчаетъ на пути юнаго витязя, тоже съ дружиною. Это не кто другой, какъ Гудубрандъ, сынъ Гильдебранда, знаменитаго Дитрихова товарища въ битвахъ. Отецъ оставилъ его дома при матери еще младенцемъ. Гудубрандъ, не зная, что встрѣтился съ своимъ отцомъ, вызываетъ его въ бой. Но старикъ уже призналъ въ юномъ героѣ своего сына, и старается отклонить его отъ битвы. Для того онъ разказываетъ ему,

[1] Кирш. Данил. 361.

кто онъ такой и что съ нимъ происходило. Но сынъ не вѣритъ разказу незнакомца. „Померъ мой отецъ Гильдебрандъ, сынъ Герибрандовъ, говоритъ онъ: это разказывали мнѣ корабельщики, заѣзжавшіе къ намъ по морю.“—Гильдебрандъ даже не щадитъ своей воинской чести, и изъ отеческой любви готовъ уже покориться кичливому герою: онъ снимаетъ съ себя золотой обручъ или гривну, и предлагаетъ своему сыну, только бы примириться съ нимъ. Но и это не помогаетъ. „Копьемъ добывается добыча, говоритъ юный герой: мечъ противъ меча! Вижу—ты старый хитрый Гунъ, меня обманываешь, чтобъ потомъ убить!“—„О горе мнѣ!—восклицаетъ въ отчаяніи отецъ: о Боже, всѣмъ управляющій! Что за бѣда такая на насъ! Шестьдесятъ лѣтъ и зимъ [1] воевалъ я на чужой сторонѣ, и вотъ теперь, свое родное, милое дѣтище изрубитъ меня мечомъ, а можетъ и самъ я буду его убійцею! Ну такъ знай же, что самый подлый трусъ во всей Восточной сторонѣ [1] былъ бы тотъ, кто теперь отклонилъ бы тебя отъ бою, если ужь тебѣ того хотѣлось.“ Затѣмъ слѣдуетъ энергическое описаніе битвы отца съ сыномъ,—и именно здѣсь-то, на самомъ интересномъ мѣстѣ въ стихотворномъ отрывкѣ VIII столѣтія не достаетъ конца. Впрочемъ, по позднѣйшимъ передѣлкамъ, даже до XV вѣка, извѣстно, что отецъ побѣждаетъ сына, какъ и у насъ Илья—Сокольника, и оба возвращаются домой, гдѣ Гильдебрандъ находитъ такъ долго покинутую имъ супругу, какъ Одиссей свою Пенелопу. Но нашъ Муромецъ, мы видѣли, отдѣленъ отъ своей вѣщей жены миѳическою преградою; потому былина, чтобы развязаться съ далекою стариною, заставляетъ Илью прервать съ нею всѣ родныя связи, и убить собственнаго своего сына.

Сродство нашего эпизода съ чужеземными, главнѣйшимъ образомъ основывается, вѣроятно, на эпическомъ выраженіи одинаковыхъ условій въ раннемъ развитіи народнаго быта. Это, можетъ-быть, даже сродство общечеловѣческое, по которому родственны *Иліада* и финская *Калевала*, оба эпоса, воспѣвающіе народную войну изъ-за красавицы соотвѣтственно римскому сказанію о похищеніи Сабинокъ

---

[1] То-есть 30 лѣтъ и 30 зимъ, всего 30 годовъ.

[2] Въ странѣ Остъ-Готѳовъ.

или славянскимъ обычаямъ похищать и съ бою брать себѣ женъ.

Именно это-то высокое общечеловѣческое значеніе и даетъ въ нашихъ глазахъ особенную цѣну готскому эпизоду и родственной съ нимъ русской былинѣ.

Сказаніе это въ Германіи возникло въ самую раннюю эпоху процвѣтанія родоваго быта, возникшаго на семейной почвѣ. Родовое отношеніе рѣзко обозначено даже въ собственныхъ именахъ готскаго эпизода: дѣдъ—Герибрандъ (*Heri - brant*), отецъ—Гильдебрандъ (*Hilti-brant*) и сынъ—Гудубрандъ (*Hudhu - brant*) тѣсно связаны общимъ, племеннымъ единствомъ, выраженнымъ второю половиною ихъ собственныхъ именъ: *brant*.

Родовымъ же началомъ объясняется одна изъ самыхъ распространенныхъ эпическихъ формъ въ народной поэзіи, именно: когда встрѣчаются два лица, то обыкновенно спрашиваютъ другъ друга: не кто ты такой? а чей ты сынъ? какого отца-матери, чьего рода-племени?

Поэтически развивая эти простые обычаи родоваго быта, эпическая фантазія такъ легко могла натолкнуться на интересную встрѣчу самыхъ кровныхъ родственниковъ, отца съ сыномъ, которые не узнаютъ другъ друга, или, что̀ конечно вѣроятнѣе, сынъ не узнаетъ отца, котораго не видалъ съ раннихъ лѣтъ своего младенчества. Въ быту воинскомъ такая встрѣча, конечно, должна повести къ отчаянному, смертному бою, особенно когда сынъ видитъ въ отцѣ хитраго врага, который прикидывается ему отцомъ, и потому тѣмъ сильнѣе его оскорбляетъ.

Теперь о кончинѣ Ильи Муромца.

Это таинственное событіе, какъ и слѣдовало ожидать, въ народномъ эпосѣ представляется различно. То Илья просто пропадаетъ безъ вѣсти, и слѣдовательно, можетъ-быть, когда-нибудь возродится, какъ финская Калевала ждетъ возрожденія Вейнемейнена. То каменѣетъ вмѣстѣ съ другими богатырями, какъ древній титанъ; то, какъ Святогоръ, ложится въ гробъ живой, и, будучи покрытъ крышкою, тамъ остается на вѣки.

Смѣшивая миѳъ объ окаменѣньи съ намекомъ о кіевскихъ пещерахъ, гдѣ лежатъ мощи Ильи, и приплетая сюда какую-то индѣйскую церковь, одна былина такъ говоритъ о кончинѣ великаго богатыря. Будто онъ вырылъ изъ

земли какой-то сундукъ съ сокровищемъ, съ кладомъ, а на сундукѣ подпись:

Кому эвтотъ животъ (то-есть богатство) да достанется,
Тому строить церква Индѣйская,
Да строить тому церква Пещерская.
Тутъ строилъ старъ церкву Индѣйскую,
Да какъ началъ строить церкву Пещерскую,
Тутова старъ и окаменѣлъ [1].

Одно преданіе, приводимое г. Далемъ, возводитъ исчезновенье Ильи Муромца къ той до-исторической эпохѣ, когда покойниковъ спускали въ ладьѣ или кораблѣ на воду, какъ спустили трупъ короля Скильда, по разказу въ англосаксонскомъ Беовульфѣ, и когда составились первые зародыши преданій о томъ, что герои по водѣ скрывались въ неизвѣстную страну иного, нездѣшняго міра. Даже полетъ души усопшаго по воздуху въ облакахъ также могъ облегчаться переѣздомъ на кораблѣ, потому что самыя облака, по древнѣйшимъ воззрѣніямъ индо-европейскимъ, суть не иное что, какъ корабли, плывущіе по воздушному океану. Потому названіе тучи *плывущимъ гробомъ* въ одной русской загадкѣ о тучи, громѣ и молніи, можетъ-быть, не одна пустая игра фантазіи: „*гробъ плыветъ*, мертвецъ реветъ, ладанъ пышетъ, свѣчи горятъ.“ [2]

[1] Кирѣевск. 1. 89. Въ подлинникѣ *скаменѣлъ*. Въ этой смѣси язычества съ темными намеками на какія-то пещеры и церкви, г. Безсоновъ видитъ глубокую мысль. „Онъ, говоритъ г. Безсоновъ объ Ильѣ Муромцѣ, сдвигаетъ громадный камень, сходитъ *въ глубь*, и здѣсь каменѣетъ, строя церкву въ пещерѣ. Онъ исчезаетъ изъ *внѣшняго* міра.... Но исчезаетъ съ тою особенностью народнаго воззрѣнія, которая дала ему мѣсто въ пещерахъ кіевскихъ и чтитъ его мощи. Изъ государства переходъ къ церкви; изъ богатырства выходъ къ святости.“ См. замѣтку при 1-мъ вып. *Пѣсенъ* Кирѣевск. стр. 27. Должно полагать, что православныя воззрѣнія русскаго народа были очень смутны, когда выразились въ такой двоевѣрной формѣ, которая чуть ли не пригоднѣе для характеристики какого-нибудь темнаго, миѳическаго событія, о которомъ едва кое-что помнитъ народный эпосъ. Почему было не выразиться былинѣ яснѣе о мощахъ Муромца, если это хотѣла она сказать? Для чего эта утайка, эти экивоки? Не въ воображеніи ли усерднаго славянофила произошло это чудодѣйственное претвореніе окаменѣлыхъ богатырей въ православныя реликвіи? И что за темный такой путь выбрала былина для перехода Ильи отъ государства къ церкви и отъ богатырства къ святости?—Нѣтъ, народный эпосъ глубже и разумнѣе относится къ жизни и природѣ!

[2] Даля *Пословицы*. Стр. 1064. Замѣтка. Даля въ 1-мъ выпускѣ *Пѣсенъ* Кирѣевск. стр. 34.

Но вотъ самое преданіе: „Илья на Соколѣ-кораблѣ, вмѣстѣ съ Добрынею, поплылъ въ Окіанъ-море, о которомъ до того и слыхомъ не слыхать было. Соколъ-корабль насилу ушелъ отъ сизаго орла: но вѣстей болѣе никакихъ. Куда онъ дѣвался не говорится ни въ сказкахъ о немъ, ни въ пѣсняхъ.“

Итакъ, представитель русскаго богатырскаго эпоса и явился на свѣтъ и исчезаетъ какъ настоящій герой полубогъ. Только дѣйствуя на землѣ, между людьми, онъ долженъ былъ на время снизойдти съ высоты своего божественнаго величія до богатырскаго служенія въ дружинѣ князя Владиміра.

VII.

Муромскій крестьянинъ вывелъ насъ изъ глухихъ захолустьевъ муромскаго язычества въ историческую область такъ-называемыхъ *младшихъ* богатырей, окружающихъ князя Владиміра. Чудовища и великаны, спутники древнихъ боговъ, скрываются по ту сторону завѣсы, отдѣляющей историческую дѣйствительность отъ воображаемой старины. Съ утратою языческаго вѣрованія, миѳъ, какъ бы онъ ни былъ заманчивъ по своему поэтическому содержанію, уже перестаетъ быть выраженіемъ и двигателемъ народнаго сознанія. Онъ только забавляетъ, какъ сказка о какихъ-нибудь несбыточныхъ диковинкахъ, но не внушаетъ къ себѣ довѣрія и уваженія, какими пользуется собственно богатырскій эпосъ, имѣющій предметомъ не боговъ, которымъ уже никто не вѣритъ и никто не покланяется, а обыкновенныхъ смертныхъ, которые въ идеальныхъ типахъ богатырей становятся настоящими представителями народа, образцами всего что̀ почитаетъ онъ въ себѣ доблестнымъ и достойнымъ всякаго уваженія.

Что же это за новое поколѣніе, въ которомъ народная фантазія нашла свои высшіе идеалы? Въ чемъ состоитъ ихъ общій характеръ? Въ какомъ смыслѣ и въ какой степени прилично имъ общее названіе *младшіе богатыри* или и вообще *богатыри*, названіе, подъ которымъ они слывутъ въ народѣ? Не выдвинется ли рельефнѣе изъ общей массы

этого новаго поколѣнія, величавая фигура муромскаго героя и не укажетъ ли это общее обозрѣніе новыхъ сторонъ въ характерѣ самого князя Владиміра?

Къ младшимъ богатырямъ принадлежатъ всѣ тѣ, которые при князѣ Владимірѣ являются представителями мѣстныхъ, провинціальныхъ силъ и сословныхъ интересовъ древней Руси. Эти герои новой, исторической эпохи уже не помнятъ своихъ родственныхъ связей съ миѳическими предками. Можетъ-быть, пользуясь эпическимъ выраженіемъ автора слова XII вѣка, и можно бы ихъ назвать *внуками* какого-нибудь *Дажьбога*, но богатырскій эпосъ называетъ ихъ *сыновьями* уже *обыкновенныхъ смертныхъ*, и притомъ такихъ людей, о которыхъ не находитъ нужнымъ распространяться, видя въ нихъ мало интереснаго для своей публики. За то эпосъ съ особенною любовью медлитъ на характеристикѣ матерей младшихъ героевъ, изображая ихъ обыкновенно *вдовами*. Объ этомъ интересномъ типѣ будетъ рѣчь впереди; а теперь слѣдуетъ только замѣтить, что съ младшими богатырями вступаетъ на поле дѣятельности новое, молодое поколѣніе, имѣющее мало общаго съ своими отцами, которые за незначительными исключеніями уже всѣ повымерли, оставивъ по себѣ только своихъ вдовъ. Даже отецъ князя Владиміра остается въ русскомъ эпосѣ незамѣченнымъ.

Всѣ эти спутники ласковаго князя стекаются къ нему въ Кіевъ изъ разныхъ мѣстъ, безъ сожалѣнія покидая свою родину и отца съ матерью. Прерывая связь съ родною стариною, они становятся даже ея врагами, поражая и сокрушая ея остатки въ чудовищахъ и великанахъ, съ которыми ведутъ постоянную борьбу. Кто истребляетъ Змія Горынича, кто полонитъ Соловья Разбойника, кто побиваетъ Тугарина, кто великана Шарка, кто Кощея.

Только Илья Муромецъ, наиболѣе полный, всесторонній и совершеннѣйшій типъ русскаго богатыря, относится къ старинѣ не съ одною враждой. Онъ, какъ мы видѣли, наслѣдовалъ силу отъ великана Святогора, былъ ему меньшой братъ, и учился отъ него всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ, какъ сѣверные боги учатся премудрости отъ маститыхъ великановъ.

Всѣ богатыри князя Владиміра — народъ *молодой, безбородый*; даже самый эпитетъ *молодой*, или *младъ*, постоянно

придается Дюку Степановичу, Михаилѣ Казарянину, Чурилѣ Плёнковичу, Соловью Будиміровичу, но особенно Добрынѣ Никитичу и Алешѣ Поповичу. Эпическій герой, по понятіямъ народа, одаренъ свѣжими, молодыми силами, потому и называется *молодцемъ, добрымъ молодцемъ.* Не зрѣлое сужденіе и опытность руководятъ его дѣйствіями, а удаль и надежда на удачу; потому онъ *удалой, удача-добрый молодецъ.* Обыкновенно являются богатыри при дворѣ князя Владиміра *холостыми,* и потомъ уже смышляютъ себѣ невѣсту и женятся. Эпосъ знаетъ ихъ только на первой порѣ ихъ супружеской жизни, еще *бездѣтными.* Самъ ласковый князь хлопочетъ о ихъ женидьбѣ и часто сватаетъ, и именно съ тою цѣлью, чтобы не переводился при его дворѣ богатырскій родъ, за который онъ готовъ жертвовать богатою данью съ чужихъ земель, согласно съ Владиміромъ лѣтописи Несторовой, который предпочитаетъ дружину золоту и серебру. Разъ посылаетъ Владиміръ за данью Илью Муромца, Добрыню Никитича и Потока Михайлу Ивановича. Первые двое привезли съ собою груды золота, а послѣдній добылъ себѣ только невѣсту, Марью Лебедь-Бѣлую. Князь остался больше доволенъ Потокомъ, присовокупивъ:

Я и тѣхъ-то послалъ, чтобъ женилися,
А они молодцы не догадалися,
Обзарились на злато и серебро.
Въ нашу державу свято-русскую
Пойдутъ сѣмена — плодъ богатырскій.
То лучше злата и серебра.

Впрочемъ, сколько ни хлопочетъ онъ о женидьбѣ своихъ богатырей, однако —

Всякой на свѣтѣ женится,
Не всякому женидьба удавается:
Удалась женидьба Дунаю Ивановичу,
Да старому Ставру, сыну Годиновичу,
Да еще молодому Добрынѣ Никитичу.

Алешѣ Поповичу, бабьему пересмѣшнику, за его любовныя шашни, женидьба не удалась, хоть и ссаталъ его усердно самъ князь, о чемъ подробнѣе будетъ рѣчь впереди. Что касается до Потока Михайлы Ивановича, то съ наивною важностью замѣчаетъ былина:

Первая женидьба Михайлы неудачна была,
А вторая женидьба издачная [1].

Самъ Владиміръ князь такой же безбородый юноша, какъ и его спутники, даже моложе ихъ: „Всѣ вы переженены, говоритъ онъ имъ однажды: только я князь не женатъ, холостъ хожу.“

Потому-то при дворѣ Владиміра часто играются веселыя свадьбы. Но похоронъ не бываетъ. Всѣ молоды и здоровы, всѣ пируютъ, пьютъ и веселятся.

Илья Муромецъ опять отличается отъ другихъ богатырей. Онъ не только не юноша, но даже сѣдой, матерой богатырь, съ сѣдою бородою; потому что, какъ говоритъ пословица: „Сѣдина въ бороду—умъ въ голову.“ Сѣдина—отличительная примѣта Ильи:

Не бѣлы снѣжки въ чистыимъ полѣ забѣлѣлися:
А забѣлѣлася у него буйная головушка,
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой.

Его сынъ Сокольничекъ, не признавая въ немъ своего отца, ругается ему: „Ахъ ты, старый сѣдатый песъ! Сидѣлъ бы въ деревнѣ, свиней бы пасъ!“ Богатырь Нахвальщина, поваливъ Муромца подъ себя, насмѣшливо приговариваетъ: „старый ты старикъ, старый матерый! Гдѣ тебѣ ѣздить почисту полю? Построилъ бы ты себѣ при дорогѣ келейку и кормился бы милостынею!“ [2]

Безъ сомнѣнія уже бородатый прибылъ Илья ко двору князя Владиміра, потому что еще дома сидьма сидѣлъ тридцать лѣтъ. У него уже есть взрослый сынъ или взрослая дочь, поленица, съ которыми онъ вступаетъ въ смертный бой. Еще только герои старшей эпохи, какъ Микула Селяниновичъ или Соловей-Разбойникъ, имѣютъ у себя взрослыхъ дѣтей.

Илья Муромецъ умнѣе и благоразумнѣе своихъ богатырскихъ товарищей не потому только, что онъ изъ любимаго крестьянскаго сословія, но и потому, что онъ старше ихъ всѣхъ, опытнѣе, больше ихъ жилъ на свѣтѣ, больше видѣлъ и больше испыталъ. Потому онъ надъ ними начальствуетъ какъ атаманъ, и называетъ ихъ своими „ребятуш-

---

[1] Рыбник. II, 61. 33. 71.
[2] Кирѣевск. I, 19. 51. Рыбник. I, 78.

ками.“ По лѣтамъ они годятся ему въ сыновья. Они опрометчивѣе его даже въ богатырской смѣлости, и не укрѣпившись еще опытомъ въ нравственныхъ понятіяхъ, наклонны сдѣлать что-нибудь дурное. Муромскій крестьянинъ умѣряетъ ихъ рьяную запальчивость, обуздываетъ ихъ страсти, иногда возмущается противъ несправедливости и зла, которыя въ нихъ замѣтитъ, впрочемъ вообще снисходительно прощаетъ имъ вину. Обыкновенно обращается онъ съ своими врагами какъ съ малыми дѣтьми: вмѣсто того чтобы раздавить обидчика и распороть ему бѣлую грудь, онъ броситъ его вверхъ да еще на лету подхватитъ. Разгнѣвавшись однажды на князя Владиміра и его богатырей, онъ поприжалъ ихъ налавкѣ богатырской на пиру, и очутился за столомъ противъ самаго князя Владиміра. Это за досаду Алешѣ Поповичу показалося. Взялъ Алеша булатный ножъ и пустилъ имъ въ Илью Муромца. Но Илья отплатилъ забіякѣ только презрѣньемъ: подхватилъ ножъ на лету и воткнулъ въ дубовый столъ. Онъ даетъ совѣты самому князю Владиміру и предостерегаетъ его отъ безчестнаго дѣла, когда другіе богатыри хотѣли подслужиться князю чужою женою. Какъ истый рыцарь, защищаетъ онъ слабую женщину отъ грубаго насилія. Однажды встрѣчаетъ онъ въ полѣ красную дѣвушку. Она бѣжала отъ насмѣшника Алеши Поповича. „Давно бы ты мнѣ сказала это, говоритъ Илья Муромецъ: я бы съ Алешей перевѣдался, снялъ бы съ него буйну голову [1]!“

Ничто великое не совершается богатырями безъ участія Муромца. Онъ ведетъ ихъ на враговъ и распредѣляетъ каждому дѣло по силѣ.

Итакъ, хотя съ младшими богатырями выступаетъ на свѣтъ новое, молодое, безбородое поколѣніе; но эпосъ, всегда вѣрный природѣ и историческому теченію жизни, даетъ въ руководство молодой рьяности и отвагѣ благоразуміе и опытность старины, представителемъ которой, во всемъ, что она сберегла лучшаго и достойнаго, является при дворѣ князя Владиміра муромскій крестьянинъ. Дружина княжеская собралась изъ новыхъ элементовъ и новыхъ силъ, но для прочной осадки ихъ необходима была крестьянская основа, не какъ отжившая старина, идущая

---

[1] Кирѣевскаго I, 39. 5.

въ сломку, а какъ неизмѣнный, существенный принципъ, твердо и постоянно пребывающій въ русской жизни. Въ этомъ смыслѣ русскій человѣкъ сказалъ бы объ Ильѣ Муромцѣ пословицею: „старъ дубъ, да корень свѣжъ.“

Европейскіе народы изпоконъ-вѣку видѣли въ длинныхъ волосахъ низпадающихъ на плечи, и въ осанистой бородѣ, красоту и величіе мужскаго типа, царственный идеалъ котораго греческая скульптура создала въ Зевсѣ. Члены благородныхъ тевтонскихъ фамилій, княжескихъ и королевскихъ, отличались длинными волосами, а потому назывались *волосатыми*, *косматыми* или *кудрявыми* (criniti, capillati, comati)—почтенное прозвище, слѣды котораго у Славянъ, можетъ быть, доселѣ сохранились въ названіи Малорусовъ *Хохлами*, которые могутъ вести свою генеалогію по прямой линіи отъ длиннаго чуба Святославова. Особенно были въ чести *волосатые* аристократическіе роды изъ Франковъ, отличавшіеся этою примѣтою и отъ Галловъ, и отъ прочихъ Франковъ. Лангобарды отращали себѣ такіе же чубы, какъ Малорусы. Фризы совершали обрядъ клятвы, касаясь своихъ кудрей. Остричь кому волосы—значило унизить, опозорить, осмѣять, отдать въ рабство.[1] Русскій крестьянинъ, находя не пристойнымъ мущинѣ женоподобную роскошь длинныхъ распущенныхъ волосъ, отъ временъ доисторическихъ сохранилъ свою типическую прическу, которая однако даетъ волю виться кудрямъ; потому что „отъ радости кудри вьются—въ печали сѣкутся.“ Мущина безъ кудрей—печальное существо, обиженное Богомъ и людьми. Понятно, слѣдовательно, почему богатыри русскаго эпоса характеризуются *кудрями*. У Добрыни и Алеши были онѣ *желтыя*, то-есть, русыя; у князя Владиміра—черныя. Какъ пожилой человѣкъ, пріосаниваясь, гладитъ свою бороду, такъ молодой самодовольно разчесываетъ кудри.

Владиміръ князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черныя кудри разчесываетъ.

Онъ охорашивается потому что задумалъ жениться. Добрыня, жалуясь на свою безчастную судьбу, плачется своей матери, зачѣмъ она родила его силою не силь-

---

[1] Massmann, *Kaiserchronik*. 1854 г. III, 809.

наго, богатствомъ не богатаго, кудрями *не кудряваго*. Впрочемъ эта жалоба—общее мѣсто, вставленное въ уста Добрыни, но собственно къ нему не относящееся. Когда черезъ двѣнадцать лѣтъ отлучки является онъ домой, мать его не узнаетъ, принимая его за голь кабацкую:

> У молодаго Добрыни Никитича были кудри желтыя
> Въ три-рядъ кудерка колечками вились вкругъ верховица:
> А у тебя, голь кабацкая, по плечамъ висятъ.

Добрыня отвѣчаетъ, что его волосы желтые отростились въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, потому что ихъ не подстригали [1].

Но особеннымъ почетомъ пользовалась борода, отличительный признакъ великихъ героевъ западныхъ народныхъ эпосовъ [2]. Испанскій Сидъ прозывается: *большая борода*, *красивая борода*, *полная*, *окладистая борода*. Балдуинъ IV фландрскій въ одномъ документѣ 1023 г. названъ *честною бородой* (honesta barba). Въ пѣснѣ о Роландѣ (Chanson de Roland) Карлъ Великій характеризуется *цвѣтущею бородой*; у него борода *сѣдая* и такъ же *бѣлѣется*, какъ у нашего Ильи Муромца [3]. По русскимъ понятіямъ, борода разрастается въ довольствѣ и холѣ: „у богатаго мужика борода помеломъ, у бѣднаго клиномъ.“ Отъ сознанія своего достоинства она топырщится: „Благодаря Христа—борода не пуста: хоть три волоска, да растопырщившись!“ Обезчестить человѣка то же что обезчестить его бороду. „Самъ свою бороду оплевалъ“—говоритъ пословица о заслуженной винѣ. Когда Алеша Поповичъ соблазнилъ одну дѣвицу, ея братья между собою говорятъ:

> .... Пойдемъ, братецъ, во кузенку,
> Мы и сдѣлаемъ по ножу, ссѣкемъ сестрѣ голову,
> Ссѣкемъ сестрѣ голову: *обезчестила* бороду [4].

Вцѣпиться кому въ бороду, значитъ нанести величайшую обиду. Потому воины, по западнымъ эпическимъ разказамъ, пускаясь въ отважные подвиги, завязываютъ свои бороды, чтобы не достались онѣ врагу на поруганіе.

---

[1] Кирѣевск. III, 70. Рыбинск. II, 13, 29.
[2] Damas Hinard, *Poëme du Cid* 1850 г. стр. 266.
[3] Карлъ клянется: „Par ceste barbe que veez blancheer“—„Par ceste barbe dunt li peil sunt canut.“ *Chans. de Roland.* I, 261. V, 692.
[4] Кирѣевск. II, 67.

Такъ всегда поступалъ и Сидъ, когда шелъ на вѣрную опасность. Когда Франки, какъ поется въ *Пѣсни о Роландѣ*, пылая местью за Роланда, рѣшились побѣдить или умереть, тогда, забывъ всѣ предосторожности, не успѣли они подвязать себѣ бороды, и бросились на Сарацынъ, и Сарацыны пришли въ ужасъ, увидавъ распущенныя бороды. Русскіе мужички, когда порасходятся въ дракѣ, теребятъ другъ друга за бороду. „Чужую бороду драть — своей не жалѣть,“ говоритъ пословица. „Не хватай за бороду, кричитъ русскій герой своему врагу: сорвешься—убьешься!“

Въ эпоху эпическую, на западѣ, борода чествовалась такимъ же суевѣрнымъ чествованіемъ, какое воздавали ей наши раскольники въ XVII и XVIII вѣкѣ. Самъ ли расколъ выработалъ это суевѣріе на основаніи книжнаго чтенія, или въ писаніи нашелъ только подкрѣпленіе своимъ эпическимъ преданіямъ, которыя нѣкогда составляли общее достояніе всѣхъ европейскихъ народовъ, во всякомъ случаѣ раскольничье благоговѣніе къ бородѣ, съ точки зрѣнія исторіи цивилизаціи, стоитъ на одной ступени съ тѣми эпическими возрѣніями и убѣжденіями, которыя заставляли испанскаго Сида и франкскаго Карла приносить торжественную клятву своею бородой. Эта клятва была такъ употребительна, что у послѣдняго героя вошла чуть не въ постоянную поговорку.

Въ русскихъ пословицахъ сохранилось много любопытныхъ данныхъ для сравнительнаго и историческаго изученія этого предмета.

Итакъ, Илья Муромецъ даже по своему внѣшнему типу, съ почтенною, сѣдою бородой, первенствуетъ надъ прочими богатырями цикла Владимірова. Какъ Карлъ Великій или какъ Сидъ, онъ отмѣченъ маститою бородой, символомъ мудрости, опытности и величія, по наивнымъ взглядамъ эпической старины.

Ко всѣмъ своимъ богатырскимъ товарищамъ относится Илья, какъ представитель старшаго поколѣнія къ младшему. Какъ титанъ Святогоръ выучилъ Илью ухваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ, и назвалъ его своимъ меньшимъ братомъ, такъ и Илья въ свою очередь училъ тому же богатыря младшаго поколѣнія, Дюка Степановича, и называлъ его „меньшимъ крестовымъ братцемъ“ [1]. При дворѣ

[1] Рыбник. II, 164.

князя Владиміра, Илья рѣзко отличается эпитетомъ *старый* отъ другихъ богатырей, которые въ противоположность ему называются молодыми. Такъ Владиміръ подноситъ по чарѣ зелена вина *старому* казаку Ильѣ Муромцу, *молодому* Добрынѣ сыну Никитичу [1].

Мы видѣли, что муромскій богатырь явился въ Кіевъ къ князю Владиміру, когда уже молодая княжеская дружина была набрана; такъ что муромскій бородачъ очутился среди молодежи, которая даетъ свой собственный характеръ новой эпохѣ. Хотя эти современники князя Владиміра слывутъ *богатырями*, но, безъ сомнѣнія, это названіе перенесено на нихъ отъ лицъ древнѣйшихъ, титаническихъ; потому что *богатырь* происходитъ отъ слова *богъ*, черезъ прилагательное *богатъ*, и собственно значитъ существо одаренное высшими, божескими преимуществами, какъ герой, произшедшій отъ *бога*. Только миѳическіе великаны въ родѣ Святогора и Микулы Селяниновича, въ собственномъ, настоящемъ смыслѣ, могли называться *божественными*, то-есть, *богатырями*. Младшее поколѣніе наслѣдовало отъ нихъ это имя уже по преданію и называлось имъ въ эпосѣ по старой привычкѣ.

Итакъ *богатырь* есть не что иное, какъ собственно русское названіе тѣхъ же существъ, которыя въ сербскомъ эпосѣ слывутъ подъ общимъ индо-европейскимъ именемъ *дивовъ* [2].

Точно также и слово *витязь*, впрочемъ въ русскихъ былинахъ не употребляемое, не можетъ въ точности выражать понятіе о героѣ временъ князя Владиміра. Слово *витязь* первоначально означаетъ мудраго и судью. Дѣвы суда, являющіяся въ *Судѣ Любуши*, были выучены *вѣщбамъ витезовымъ*, то-есть, онѣ знали мудрыя изреченія суда и правды [3].

---

[1] Ibid. 2, 59.

[2] Какъ латинск. *dives* (богатый) происходитъ отъ *deus* (богъ), *divus* (божественный, отъ корня *div*—свѣтать, откуда и наши *дивы* — богатыри): такъ и наше *богатъ* первоначально имѣетъ смыслъ миѳическій, равно какъ и *збожіе* (тоже отъ слова *богъ*) въ смыслѣ жита и хлѣба, а потомъ имѣніе вообще, богатства.

[3] Шафарика и Палацкаго *Die Ältest. Denkmäl. d. Böhmisch. Sprache.* 1840 стр. 97. Того же корня готск. *vithiggs*, древне-верхненѣм. *vitig*, откуда потомъ новое *witzig*. Англосакс. *vita*—мудрый, во множ. числѣ *vitan*—судьи. Потомъ слово *витинги* употреблялось въ смыслѣ благородныхъ, воиновъ, морскихъ наѣздниковъ.

Гораздо точнѣе выражаетъ мысль о русскомъ героѣ самой ранней исторической эпохи слово *поленица*, которымъ называется и воинъ, и героиня, промышляющая богатырскими подвигами. *Поленица* значитъ не только разъѣзжающій по полямъ, но и охраняющій ихъ, такъ же какъ въ сербскомъ слово *полякъ* и *поляръ* употребляются въ смыслѣ *полеваго сторожа* (feldwächter, custos agrorum). Слово это, слѣдовательно, образовалось въ быту осѣдломъ, когда племена, усѣвшись на постоянныхъ мѣстахъ, почувствовали потребность охранять свою собственность вооруженною рукой отъ сосѣднихъ хищниковъ. Такъ наши богатыри подъ предводительствомъ Ильи Муромца стоятъ стражею на поляхъ Цыцарскихъ, охраняя границу отъ великана нахвальщины. Такъ какъ *поленица* и *полякъ* одного грамматическаго происхожденія, то по русскимъ былинамъ, поляница *полякуетъ* [1], то-есть, разъѣзжаетъ по полямъ, очищая родную землю отъ враговъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что названіе богатыря поляницею состоитъ въ видимой связи съ собственными именами племенъ: древнихъ *Полянъ*, сидѣвшихъ въ Кіевѣ, и позднѣйшихъ *Поляковъ*.

Впрочемъ, и этимъ названіемъ не выражается рьяная молодая сила новаго поколѣнія, которымъ русскій эпосъ окружаетъ своего любимаго князя. Идею о юномъ героѣ, представителѣ новаго, лучшаго порядка вещей, о *добромъ молодцѣ*, полнѣе всего выражаетъ слово *юнакъ* (то-есть юный, молодой), которымъ Болгары и Сербы называютъ собственно героя: оттуда *юнацкія* пѣсни, то-есть богатырскія [2].

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ [3], кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что одно изъ древнѣйшихъ племенъ греческихъ, въ которомъ особенно процвѣла эпическая поэзія, именно племя *Іонійское* получило свое названіе отъ одного и того же общаго корня съ санскритскимъ *Іавана*, что значитъ собственно молодой, юный, и родственно съ латинскимъ *juvenis* (юноша), откуда французское *jeune*. Наше слово

[1] Рыбник. I. 179.

[2] Сверхъ того слово *юнакъ* или *унакъ* у Болгаръ употребляется въ смыслѣ жениха.

[3] Pictet, *Les origines Indo-européennes*. 1859 г. I, 58—67.

юнъ, *юный*, сократилось изъ того же древнѣйшаго слова, общаго всѣмъ индо-европейскимъ народамъ. Отъ *юнъ* произошло слово *юнакъ*, герой. Какъ въ Греціи отважные, молодые выходцы съ дальняго востока получили названіе *Іонянъ*, то-есть, молодыхъ, такъ и наши *юнаки* съ понятіемъ о древнихъ богатыряхъ соединяютъ юношескую отвагу героевъ новаго, молодаго поколѣнія, съ которымъ выступаютъ Славяне на историческое поприще. Слѣдуя тѣмъ же эпическимъ воззрѣніямъ, до позднѣйшаго времени такъ-называемые *отроки* и *дѣти боярскіе* составляли лучшую часть воинскихъ дружинъ. Опытная старость судитъ и рядитъ на судѣ и на вѣчѣ, молодежь отличается воинскими подвигами: „молодой на битву, а старый на думу", какъ выражается народъ: „молодость плечами покрѣпче, старость головою". Потому-то поэтическое повѣствованіе о воинскихъ подвигахъ и слыветъ у Славянъ подъ именемъ пѣсень *юнацкихъ*, то-есть *юношескихъ*.

Итакъ, былина повѣствуетъ о молодыхъ силахъ родной земли, впервые развернувшихся на просторѣ. Хотя и называется она у насъ *стариною*, а у Скандинавовъ даже *старухою прабабушкою* (Эдда); однако содержаніе этой старины свѣжее, молодое. Полный расцвѣтъ свѣжихъ силъ, та *серединная* пора, которою отдѣляется недозрѣлый юноша отъ человѣка стараго, вотъ та счастливая, идеальная область, въ которой народная фантазія помѣщаетъ своихъ богатырей. Только поэзія можетъ уловить эту счастливую середину; въ жизни она проходитъ не замѣтно: „Молодо жидко, говоритъ народъ: старо—круто, а *середовая пора* однимъ днемъ стоитъ." Точно будто этотъ-то блаженный, середовой день русская былина и оглашаетъ веселымъ шумомъ и разгульемъ пировъ князя Владиміра, когда всѣ добрые молодцы только что *на возрастѣ*. Будто жалѣя разстаться съ этимъ днемъ, она не хочетъ видѣть его сумерекъ, и будто намѣренно медлитъ на полуднѣ:

А и будетъ день въ половину дня,
И будетъ столъ во полустолѣ—

Такъ поетъ она, начиная разказъ о какомъ-нибудь богатырскомъ подвигѣ.

Согласно юнацкому содержанію богатырской былины, и

народная пословица съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ, умѣетъ остановиться на срединѣ между уваженіемъ къ старческой опытности и нѣжною любовью къ молодымъ годамъ, которыя она называетъ *золотою порой.* „Тужи по молодости, что по большой волости," говоритъ она; потому что „старость—не радость, не красные дни", „старость съ добромъ не приходитъ", „старость — неволя." Молодость—это пора дѣятельности, руководимой опытомъ старины: „молодой работаетъ, старый—умъ даетъ." Потому: „Чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе, а чѣмъ моложе, тѣмъ дороже." Даже самыя заблужденія молодости народъ снисходительно извиняетъ, какъ дѣло преходящее: „Молодость не грѣхъ" говоритъ онъ: молодой умъ, что молодая брага," то-есть, въ тревожномъ броженіи: но это не бѣда, потому что „молодое пиво уходится" „молодой квасъ—и тотъ играетъ" „молодъ перебѣсится, старъ не перемѣнится". Отдавая предпочтеніе молодости передъ старостью въ свѣжести силъ и бодрой дѣятельности, народъ остается при томъ убѣжденіи, что и въ старости можно сохранить душевную свѣжесть: „Самъ старъ, да душа молода," говоритъ онъ пословицею о такихъ счастливыхъ личностяхъ, образецъ которыхъ русская былина начертала въ величавомъ типѣ муромскаго богатыря: „дѣтинка съ сѣдинкой вездѣ пригодится."

Историческое движеніе въ раскрытіи народнаго эпоса обнаружилось замѣною одряхлѣвшей старины новымъ поколѣніемъ, свѣжесть котораго наивная фантазія символически характеризуетъ нестарѣющею юностью созданныхъ ею типовъ. Эту идею съ замѣчательнымъ художественнымъ тактомъ выразила греческая скульптура въ юношескихъ идеалахъ олимпійскихъ божествъ, которыя постоянно черпаютъ свѣжія силы въ напиткѣ безсмертія и молодости. Русская былина остается при томъ же наивномъ убѣжденіи, что ея богатыри никогда не состарятся: „Молодецъ на конѣ сидитъ—самъ не старѣетъ," говоритъ она о своихъ любимцахъ [1].

Только народы закоснѣвшіе безъ историческаго движенія останавливаются въ своемъ эпосѣ на миѳическихъ

---

[1] Рыбник. I, 297.

страшилахъ и титанахъ, какъ Финны въ своей *Калевалѣ*, и не умѣютъ спуститься до симпатическихъ личностей, вполнѣ человѣческихъ. Племена нѣмецкія и славянскія уже въ раннихъ проявленіяхъ эпическаго народнаго творчества успѣли ступить твердою ногою на историческое поле. Даже космогоническій эпосъ скандинавскій строитъ весь міръ уже изъ титаническихъ развалинъ страшнаго великана Имира, и среди вселенной водружаетъ великое *древо историческаго развитія* (Иггдразиль), орошаемое источникомъ прошедшаго, и въ своемъ колоссальномъ ростѣ достигающее до Валгалы, предоставленной въ жилище душамъ совершеннѣйшихъ изъ смертныхъ. Уже пѣсня Древней Эдды, подъ названіемъ *Rigsmal*, даетъ предпочтеніе новому историческому поколѣнію передъ миѳическою стариною, остановившеюся въ своемъ одностороннемъ тяготѣніи назадъ. Только отъ младшихъ членовъ рода-племени производитъ она трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и свободныхъ воиновъ, тогда какъ отъ *прадѣдовъ* и *прабабокъ* рождались только жалкія существа, ставшія *рабами* тѣхъ, которые народились уже отъ *дѣдовъ* и *отцовъ*. Такъ и у насъ чудовищный Соловей Разбойникъ попалъ въ плѣнъ къ Ильѣ Муромцу и сталъ его *слугою*, то-есть, рабомъ. Наши богатыри временъ князя Владиміра, какъ замѣчено выше, истребляютъ все ужасное и зловредное для человѣческаго общества, очищая лицо Русской земли отъ страшилищъ миѳической старины.

Древнія чудовища, какъ тотъ великанъ, которaго Илья Муромецъ видѣлъ лежащимъ на горѣ, обладали непомѣрною, разрушительною силою; потому сама земля не могла ихъ сдержать, и рано ли поздно ли должны были они погибнуть. Соловей Разбойникъ, будучи въ плѣну, проситъ князя Владиміра и Илью, чтобъ они пустили его на волю:

Я повыстрою вкругъ города Кіева
Села съ приселечками,
Улки съ переулками,
Города съ пригородками.

„Не строитель онъ вѣковой, а разоритель,“ говоритъ о Соловьѣ муромскій герой, какъ бы въ томъ убѣжденіи,

что отъ этого титаническаго поколѣнія нельзя ожидать ничего зиждительнаго [1].

Въ противоположность кровожаднымъ инстинктамъ грубыхъ временъ, богатыри младшіе не охотно проливаютъ кровь въ бою со врагами. Богатырскіе подвиги, неразлучные съ разнаго рода жестокостями, оставляютъ по себѣ въ душѣ ихъ что-то горькое, тоскливое. Какою напримѣръ нѣжною меланхоліею, какимъ глубокимъ человѣколюбіемъ дышитъ слѣдующая жалоба Добрыни Никитича на суровое назначеніе доставшееся на долю эпическому богатырю!

Ахъ ты ей, государыня родна матушка!
Ты на что меня Добрынюшку несчастнаго спородила?
Спородила бы, государыня родна матушка,
Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
Завернула въ тонкой въ льняной во рукавичекъ,
Спустила бы меня во сине море:
Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
Не пролилъ бы крови я напрасныя,
Не слезилъ Добрыня отцевъ-матерей,
Не вдовилъ Добрыня молодыихъ женъ,
Не пускалъ сиротать малыихъ дѣтушекъ. [2]

Хотя въ былинахъ эта трогательная человѣколюбивая жалоба на суровую судьбу богатыря обыкновенно влагается въ уста Добрыни, но она столько же относится ко всѣмъ его современникамъ. Это благородный голосъ любви къ ближнему, который невольно слышится среди воинскаго шума и гама; это слѣдъ новой, лучшей эпохи, смягченной историческимъ развитіемъ быта и нравовъ. Даже въ пылу отчаянной битвы богатырь вспоминаетъ о жестокихъ слѣдствіяхъ убійства: ему представляются вдовы и сироты убиваемыхъ имъ враговъ. Когда Добрыня задумалъ высвободиться изъ оковъ, въ которыя заковали его невѣрные супостаты, какая-то „сила невѣрная и поганая", и всѣхъ ихъ рѣшился перебить,—тогда говоритъ имъ:

Дайте мнѣ немного пообуматься:
Есть ли у васъ отцы-матери,
Молоды жены, малы дѣтушки?
Есть ли кому по васъ плакати?

---

[1] Рыбник. II, 344.
[2] Кирѣевск. II, 30—31. Рыбник. II, 21.

Потомъ сорвавъ съ себя тяжелые кандалы, началъ ими помахивать во всѣ стороны и побилъ ими всю поганую силу. [1]

Не такъ горюютъ старшіе богатыри, титаны прежней эпохи, отжившіе уже свой вѣкъ. Они заботятся только о себѣ и оплакиваютъ свое сокрушенное могущество. Вотъ какъ жалуется Шаркъ-Великанъ на истребленіе титаническихъ силъ, падшихъ въ борьбѣ съ поколѣніемъ новымъ:

Ой мать сыра земля, разступися,
Небеса вы синія, раздайтеся,
Облака-тучи во-едину не скопляйтеся!
Тошнехонько богатырской силѣ приходится,
Круто ему люто горе приключается:
Горемычно стало Шарку-великану свою жизнь коротати,
Свою буйну голову по сырой землѣ таскати,
А вотъ первое-то горе—палъ его могучій конь;
А второе-то горе—изломался его тяжелый мечъ,
А третье-то горе—обуяла имъ страсть побѣдная,
Приглянулась ему Марья, Лебедь Бѣлая. [2]

Даже къ своимъ заклятымъ врагамъ, къ порожденью древнихъ чудовищъ, имѣютъ состраданіе богатыри временъ Владиміра, и особенно ихъ представитель, великій муромскій герой. Его свѣтлый типъ по преимуществу служитъ намъ мѣриломъ тѣхъ нравственныхъ успѣховъ, которые оказались возможными на исторической почвѣ русской жизни. Если не всѣ окружающіе его такъ же поступаютъ какъ онъ, за то всѣ ему сочувствуютъ, или по-крайней мѣрѣ подчиняются его благотворному вліянію.

Дѣти Соловья-Разбойника, по приказанію Ильи, привезли на телѣгахъ въ Кіевъ богатый выкупъ за своего отца, но уже было поздно: Соловья ужъ не застали въ живыхъ. Солнышко Владиміръ князь обзарился было на имѣнье-богатство; но муромскій крестьянинъ пристыдилъ его своимъ великодушнымъ безкорыстіемъ:

Ай же, Солнышко Владиміръ князь!
Не тобой они приказаны
И не тобой назадъ отпустятся!
Ай же, малы вьюныши [3] Соловьиныи!

---

[1] Рыбник. II, 35.
[2] Ibid. II, 128.
[3] Юноши.

Катите все имѣнье-богачество,
Всю несчетну золоту казну:
Оставлена вамъ отъ батюшки:
Будетъ пропитатися до смерти!
Не надо вамъ по міру ходить да скитатися!

Ни за кого столько не стоитъ Илья Муромецъ какъ за бѣдствующее человѣчество, которое былина подразумѣваетъ подъ именемъ вдовъ и сиротъ. Однажды, прося Илью заступиться за городъ Кіевъ:

Билъ челомъ Владиміръ до сырой земли:
„Ужь ты здравствуй, старъ казакъ, Илья Муромецъ!
Постарайся за вѣру христіянскую,
Не для меня, князя Владиміра,
Не для ради княгини Апраксіи,
Не для церквей и монастырей,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей“ [1].

Согласно былинѣ, пословица говоритъ: „не строй церкви, пристрой сироту.“

Былина до очевидности развиваетъ ту мысль, что мелкій разчетъ и корысть не совмѣстны съ богатырскимъ могуществомъ, неистощимымъ въ средствахъ, которыми можетъ располагать. Однажды разбойники, покоряясь великой силѣ муромскаго героя, предлагаютъ ему свое золото, цвѣтное платье и коней. Отвѣтъ Ильи Муромца на ихъ предложеніе, въ своей гомерической простотѣ, поражаетъ болѣе нежели царственнымъ величіемъ:

Кабы мнѣ брать вашу золоту казну,
За мной бы рыли ямы глубокія;
Кабы мнѣ брать ваше цвѣтно платье,
За мной бы были горы высокія;
Кабы мнѣ брать вашихъ добрыхъ коней,
За мной бы гоняли табуны великіе.

Разбойники давали ему на себя рукописанье въ холопство вѣковѣчное. Но богатырю кромѣ славы ничего не нужно. „Поѣзжайте, братцы разбойники, отъ меня въ чисто поле;“ говоритъ онъ имъ:

---

[1] Рыбник. II, 345. Кирѣевск. IV, 42.

Скажите вы Чурилѣ сыну Пленковичу
Про стараго казака Илью Муромца.

Въ другой разъ, разбивъ войско трехъ царевичей, осаждавшихъ Черницовъ, нашъ герой, въ простотѣ сердца, милостиво и величаво говоритъ имъ:

Охъ, вы гой есте мои три царевича!
Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
Аль съ васъ буйны головы снять?
Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять—
У меня дороги заѣзжія и хлѣбы завозные;
А какъ головы снять—царски сѣмины погубить.
Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ,
Вы чините вездѣ такову славу,
Что святая Русь не пуста стоитъ,
На святой Руси есть сильны, могучи богатыри [1].

Богатырь не знаетъ никакого званія выше своего; онъ не промѣняетъ его ни на какія почести. Однажды Илья Муромецъ освободилъ городъ Смолягинъ отъ Татаръ; мужики смолягинскіе предлагаютъ ему быть у нихъ воеводою. Богатырь съ презрѣніемъ имъ отвѣчаетъ:

Не дай Господи дѣлати съ барина холопа,
Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
Дворянина съ холопа, изъ попа палача,
А также изъ богатыря воеводу! [2].

Главная служба богатырей состоитъ въ охраненіи Кіева отъ враговъ:

А много въ Кіевѣ богатырей,
Какъ сѣрыхъ волковъ по закустичкамъ.
Передъ Кіевомъ три заставы крѣпкія:
Первая застава—сѣры волки,
Другая застава—змѣи лютыя,
Третья застава—стоитъ двѣнадцать богатырей [3].

Князь Владиміръ, какъ могущественный государь, держитъ въ подданствѣ и Золотую Орду, и Царьградъ, и разныя земли заморскія. Дань съ покоренныхъ народовъ поручаетъ собирать богатырямъ.

---

[1] Кирѣевск. I. 18, 24, 35. 36.
[2] Рыбник. II, 328.
[3] Рыбник. II, 135.

Сверхъ воинскихъ подвиговъ и охоты, богатыри несли службу придворную въ разныхъ званіяхъ; впрочемъ не всѣ. Особенно не любилъ служить при дворѣ Илья Муромецъ. Эта легкая служба была ему не по плечу. Кажется, больше другихъ отличался при дворѣ Добрыня:

По три году Добрынюшка стольничалъ,
По три году Добрынюшка чашничалъ,
По три году Добрыня у воротъ стоялъ.

Сверхъ того, онъ *пословничалъ*, то-есть, служилъ въ княжихъ послахъ. [1]

Чурила Пленковичъ служилъ у князя въ постельникахъ и позовщикахъ, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

Болѣе достойное назначеніе получаютъ богатыри въ княженецкой думѣ. Князь Владиміръ вообще очень мало заботится о народѣ. Судъ и управленіе остаются въ богатырскомъ эпосѣ на заднемъ планѣ. Если князь судитъ и рядитъ и собираетъ думу, то больше ради своихъ личныхъ, домашнихъ интересовъ. На такую-то думу приглашаются и богатыри. Такъ, безъ сомнѣнія, они, подъименемъ князей и думныхъ бояръ, были собраны на крѣпкую думу о томъ, выдавать ли замужъ княжескую племянницу Запаву или Любаву Путятичну за нѣкотораго посла. [2]

Впрочемъ и княженецкіе нескончаемые пиры съ похвальбою молодецкою, и придворная служба съ охотою и разными потѣхами, и семейная жизнь, и мирныя занятія домашняго быта, все это только преходящая, минутная обстановка богатырскаго житья-бытья. Война, кровавые подвиги, отдаленныя странствія, сопряженныя съ тысячами опасностей, вотъ элементъ, въ которомъ богатырь чувствуетъ себя на просторѣ. Веселые пиры и свадьбы, время отъ времени, смягчаютъ привѣтливымъ свѣтомъ эту мрачную картину, въ которой одна жестокость смѣняется другою: и только чувство человѣколюбія, иногда пробуждающееся въ душѣ богатыря, служитъ надежною порукою, что не крайнее варварство воспѣвается въ богатырскомъ эпосѣ, а раннее броженіе зиждительныхъ силъ, впервые

[1] Ibid. II, 10.
[2] Рыбник. II, 97.

опознавшихся на историческомъ поприщѣ. Правда, нашъ эпосъ далеко уступаетъ скандинавскому въ мрачныхъ краскахъ кровожадной эпохи, онъ не доводитъ жестокости до изступленія; однако имѣетъ тѣ же элементы, вызванные тѣми же явленіями жизни, такъ что грозныя картины безчеловѣчныхъ битвъ въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* находятъ себѣ соотвѣтствіе въ устныхъ былинахъ, которыя и доселѣ не перестаютъ внушать русскому народу богатырскую отвагу къ воинскимъ подвигамъ, не разлучнымъ съ жестокостью эпической старины.

Русскій богатырь, поваливъ врага наземь, не вдругъ убиваетъ его, а тѣшится и издѣвается надъ нимъ, спарываетъ кинжаломъ его бѣлыя груди, иногда вынимаетъ печень съ сердцемъ, потомъ ужь отрубитъ по плеча буйную голову и воткнетъ ее, какъ воинскій трофей, на копье. Самъ Илья Муромецъ, отличающійся отъ прочихъ богатырей милосердіемъ, способенъ на страшныя жестокости, отъ которыхъ сердце сжимается. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ поступаетъ съ своимъ роднымъ сыномъ, Сокольникомъ:

Ударилъ Сокольника въ бѣлы груди
И вышибъ выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго;
Упадалъ Сокольникъ на сыру землю,
Выбивалъ головой, какъ пивной котелъ;
Выскочетъ Илья изъ бѣла шатра,
Хватилъ за ногу, на другу наступилъ,
На полы Сокольничка разорвалъ.
Половину бросилъ въ Сахатарь рѣку,
А другую оставилъ на своей сторонѣ:
„Вотъ тебѣ половинка, мнѣ другая:
Раздѣлилъ я Сокольничка, охотничка!“

По другому варіанту, еще жесточе казнитъ онъ свою дочь. Тоже разорвалъ ее надвое. Одну половину рубилъ на мелкіе куски, бросалъ по раздольицу по чисту полю, кормилъ этою половиною сѣрыхъ волковъ; и другую половину рубилъ на мелкіе куски, бросалъ по раздольицу чисту полю, кормилъ черныхъ вороновъ.

Такія вовсе не нужныя жестокости, объясняемыя варварствомъ, которое тѣшится кровожадною удалью, вполнѣ соотвѣтствуютъ мрачнымъ воззрѣніямъ пѣсенъ древней

Эдды, которая вмѣсто *воевать*, *сражаться* иногда употребляетъ эпическую форму: *кормить трупами лютыхъ звѣрей и хищныхъ птицъ*.[1]

Впрочемъ это явленіе въ исторіи поэзіи самое естественное. Фантазія набирала для богатырскаго эпоса очерки и краски на поляхъ битвы, она тѣшилась молодецкими подвигами, какъ бы кровавы ни казались они теперь мирному гражданину; она подмѣчала мельчайшія, быстрыя движенія въ кровавыхъ схваткахъ; съ этими грубыми образами она соединяла для себя наслажденіе свободнаго творчества, и въ плавномъ широкомъ стихѣ потѣшала другихъ тѣмъ, въ чемъ находила для себя утѣху.

Безчеловѣчное убійство съ кровавыми подробностями— это данный конецъ, къ которому фантазія ведетъ цѣлый рядъ моментовъ въ тщательномъ, мелочномъ описаніи битвы. Не двѣ грозныя тучи, не двѣ горы сдвигаются вмѣстѣ: съѣзжаются два богатыря въ чистомъ полѣ. Первымъ боемъ ударилися палицами желѣзными, тѣмъ боемъ другъ друга не ранили: палицы въ щепы поломалися. Кололись копьями мурзавецкими,—копья въ цѣвки поломалися. Хватались они за тяги желѣзныя, тянулись черезъ гривы лошадиныя,—другъ друга не перетянули. Потомъ сходили съ коней, хватились плотнымъ боемъ, рукопашкою, водились они не мало времени и т. д. Такъ сражался Илья съ своимъ сыномъ. А вотъ Шаркъ великанъ нападаетъ на Дюка Степановича, вытягиваетъ свой булатный мечъ, со свистомъ размахиваетъ, ударился о мечъ сорокапудовой Дюка Степановича; разъ ударились—искры валятъ, въ другой разъ— стонъ пошелъ: оба меча въ черенья разсыпались, изъ виду улетывали. Осерчалъ Шаркъ богатырь, руками могучими понатужился, въ бѣлую грудь Дюку уперся, инда косточки хряснули,—тяжело вздохнулъ Дюкъ Степановичъ. Тутъ руками они сплеталися, колѣнями другъ въ друга упиралися; горячая кровь ручьемъ течетъ изъ глубокихъ ранъ; силушки ихъ надрываются. Или: не двѣ горы вмѣстѣ скатаются, то Тугаринъ съ Алешей съѣзжалися, палицами ударились—палицы по цѣвьямъ поломалися, копьями соткну-

---

[1] Кирѣевск. I, 51. Рыбник. I, 80. 74—75.

лися — копья по цѣвьямъ извернулися, саблями махнулися—сабли исщербилися. Алеша Поповичъ валился съ сѣдла, какъ овсяный снопъ: Тугаринъ Змѣевичъ учалъ бить Алешу Поповича, а тотъ ли Алеша увертливъ былъ, увернулся Алеша подъ конное черево, съ другой стороны вывернулся изъ-подъ черева и ударилъ Тугарина булатнымъ ножомъ подъ правую пазуху, спихнулъ Тугарина съ добра коня, и учалъ кричать Тугарину: „Спасибо тебѣ, Тугаринъ Змѣевичъ, за булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я твои очи ясныя, засмотрю я твоего ретива сердца!“ Отрубилъ ему Алеша буйну голову, и повезъ онъ буйну голову ко князю Владиміру; ѣдетъ да головушкой поигрываетъ, высоко головушку выметываетъ, на востро копье головушку подхватываетъ. Надобно было свыкнуться, сжиться съ этими ужасами, надобно было войдти во вкусъ этихъ кровавыхъ сценъ, чтобы съ такою игривостью на нихъ медлить. Фантазія вполнѣ сочувствуетъ суровому быту и заявляетъ свое сочувствіе легкимъ, артистическимъ воспроизведеніемъ его. Вотъ напримѣръ, какъ Бермята убиваетъ Чурилу Пленковича, заставъ его съ своею женою:

Не свѣтъ зорюшка просвѣтилась:
Востра сабля промахнулася;
Не скатная жемчужинка катается
А Чурилова головка катается
По той-то середы кирпичныя;
Не бѣлый горохъ разсыпается;
Чурилина-то кровь разливается.

О смертельной ранѣ, чудовищно обезображивающей человѣка, богатырь говоритъ слегка, какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ, и внимательно медлитъ на подробномъ ея описаніи. Богатыри хотятъ, чтобъ Соловей разбойникъ показалъ себя свистомъ, визгомъ и крикомъ. „Дайте ему сначала освѣжиться зеленымъ виномъ, говоритъ муромскій богатырь: а то,

Теперь у него уста запечатаны,
Запеклись уста кровью горючею:
Стрѣленъ у меня во правый глазъ,
Вышла стрѣла во лѣво ухо [1].

---

[1] Кирѣевск. IV, 15. Рыбник. I, 314—5. Аѳанасьева *Сказки* 6, 288—9. Рыбник. II, 125, 1, 53.

Самые ранніе походы на Руси совершались на ладьяхъ по рѣкамъ. Пришлые Варяги были отличные корабельщики. Плавая по рѣкамъ, они вытаскивали лодки изъ воды и переволакивали на себѣ, гдѣ было нужно. По лѣтописной сказкѣ, даже подъ Цареградъ они подкатились на судахъ, подъ которыя поставили колеса. Въ новгородскихъ былинахъ, уже соотвѣтственно позднѣйшему историческому быту, гости корабельщики предпринимаютъ по водѣ отдаленныя странствія: они торгуютъ или ѣдутъ въ Іерусалимъ поклониться гробу Господню. Но въ былинахъ, доселѣ изданныхъ, мало слѣдовъ древнѣйшаго варяжскаго обычая совершать воинскіе походы по рѣкамъ и морямъ. Можетъ-быть, былина о Соловьѣ Будиміровичѣ сохранила нѣкоторые отголоски этой ранней поры. Хотя онъ называется *гостемъ*, то-есть, торговымъ человѣкомъ, но, какъ норманскій пиратъ, имѣлъ онъ подъ рукою цѣлую дружину. Соловей Будиміровичъ на своихъ корабляхъ съ моря синяго подплываетъ къ Кіеву и подноситъ богатые заморскіе дары князю Владиміру и его княгинѣ. Подробное эпическое описаніе корабля Соловья Будиміровича отзывается тою далекою эпохою, когда творческая фантазія находила себѣ пищу въ быту воинственныхъ корабельщиковъ. Былина съ особенною любовью останавливается на описаніи корабля, изображая его какимъ-то чудовищемъ. Вмѣсто очей было у него вставлено по дорогому камню, по яхонту, вмѣсто бровей было прибито по черному соболю, вмѣсто усовъ было воткнуто два острыхъ ножа булатныхъ, вмѣсто ушей было воткнуто два острыхъ копья, и на нихъ два горностая повѣшены; вмѣсто гривы было прибито двѣ лисицы бурнастыя, вмѣсто хвоста повѣшено два медвѣдя бѣлыхъ, заморскихъ. Носъ и корма по туриному, а бока взведены по звѣриному. [1]

Можетъ быть, современемъ найдутся былины и сказанія, которыя дадутъ новый матеріялъ для характеристики этого древняго быта корабельщиковъ; но, сколько можно судить по изданному теперь, надобно, кажется, признать за историческій фактъ, что въ обиходѣ богатырскаго эпоса цикла Владимірова корабль уже потерялъ всякое значеніе. Изъ

---

[1] Кирш. Данил. У Кирѣевск. IV, 100.

этого можно заключить, что или вообще не значительно было вліяніе мореходныхъ, заморскихъ Варяговъ на русскій богатырскій эпосъ, или это вліяніе изгладилось въ теченіе вѣковъ, не находя себѣ поддержки въ условіяхъ земледѣльческаго быта племенъ, разселившихся по необозримымъ равнинамъ.

Какъ бы то ни было, только вовсе не корабль, а конь играетъ главную роль въ жизни русскаго богатыря. И доселѣ о новорожденномъ сынѣ говорится въ народѣ поговоркою: „Дай Богъ вспоить, вскормить, *на коня посадить.*" Кони младшихъ богатырей Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Дюка Степановича и Чурилы Пленковича, были дѣти знаменитой кобылы Микулы Селяниновича, *Обнеси голова* или *Подыми голова.* Конь Дюка говоритъ своему хозяину:

Не уступлю я братьямъ большіимъ,
А не столько что братцу меньшему:
Мой большій братъ у Ильи у Муромца,
А середній братъ у Добрыни Никитича,
А я третій братъ у Дюка Степановича,
А четвертый ужь братъ у Чурилы Опленкова.

Онъ хвалится своими лошадиными крыльями, которыя позднѣйшая былина называетъ *подложными.* Эти крылья, вѣроятно, такъ же какъ у коня сербскаго Момчилы, были невидимы, и показывались только въ извѣстное время. Надобно полагать, что и другія дѣти кобылки *Обнеси голова* были тоже крылатыя. Бурый конь Дюка много лѣтъ стоялъ въ конюшнѣ безъ употребленія, такъ что по колѣна въ землю заросъ. Жеребенокъ отъ кобылы *Обнеси голова*, вѣроятно, попалъ къ корачаровскому дьячку, иначе просто къ сосѣду, у котораго купилъ его Илья Муромецъ. Жеребенокъ былъ шелудивый. Илья выванялъ его въ росѣ на тридевяти утреникахъ, и вываляся жеребенокъ богатырскимъ конемъ: ѣстъ онъ одну бѣлоярову пшеницу, пьетъ одну росу утреннюю. Чтобы не страшно было сидѣть на конѣ, когда онъ скачетъ съ горы на гору, рѣки и озера перескакиваетъ, широкія раздолья межь горъ пущаетъ, богатырь беретъ земли сыро-матерой и подвязываетъ подъ плечи.

Кромѣ этихъ коней, славились и другіе. Одного полонилъ Илья Муромецъ у Тугарина Змѣевича. У Ивана Гостинаго Сына тоже знаменитый былъ конь, бурушка-каурушка.

Трехъ годковъ жеребушечка:
Маленькій, косматенькій,
Глазочки какъ яблочки,
Копытечки по рѣшетечку,
Гривушка семи саженьковъ,
Хвостикъ семидесятъ.

Этотъ конь былъ необычайный. Когда Иванъ, надѣвъ дорогую шубу, вывелъ его на дворъ у князя Владиміра —

Сталъ его бурко передомъ ходить,
И копытами онъ за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Онъ на всѣ стороны побрасывати!..
Зрявкаетъ бурко по туриному,
Онъ шипъ пустилъ по змѣиному,
Триста жеребцовъ испугалися,
Съ княженецкаго двора разбѣжалися.

Богатырь бесѣдуетъ съ своимъ конемъ, какъ съ товарищемъ, и конь отвѣчаетъ ему человѣческимъ голосомъ; онъ даже имѣетъ вѣщую силу, чуетъ бѣду и предупреждаетъ своего хозяина. Но главное достоинство коня—необычайная быстрота. Какъ въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* князь Всеславъ полоцкій прославляется своею быстрою ѣздой; такъ и богатыри между заутреней и обѣдней проѣзжаютъ огромныя пространства. „Стоялъ я заутреню въ Муромѣ, говоритъ Илья, а къ обѣднѣ поспѣлъ въ стольный Кіевъ градъ“.

Ѣдучи по чисту полю, богатырь всегда подмѣчаетъ лошадиные слѣды, или для того чтобы не попасться въ расплохъ, или чтобы наслѣдить врага:

Поѣхалъ онъ по раздолью чисту полю,
Наѣхалъ слѣдъ лошадиный:
Впереди его проѣхано у богатыря,
У лошади копытами выверчивана
Мать сыра земля будто сильными рѣшотами.
Онъ поѣхалъ по этому по слѣду лошадиному.

Богатырь внимательно разсматриваетъ *ископыть*, то-есть, комъ, вылетѣвшій на слѣду изъ-подъ копыта проѣхавшаго коня, и отсюда выводитъ заключенье о сѣдокѣ. Часто случается богатырю проѣзжать топкими непроходимыми мѣстами; тогда онъ

Лѣвой рукой коня ведетъ,
Правой рукой дубья рветъ,
Дубья рветъ все кряковисто,
Мосты моститъ калиновы.

Вообще съ памятью о богатыряхъ соединяется въ народѣ мысль о самомъ раннемъ проложеніи путей сообщенія по непроходимымъ дебрямъ и лѣсамъ, раздѣлявшимъ поселенія древней Руси. Илья Муромецъ хвалится на пиру у князя Владиміра, что онъ промостилъ цѣлыхъ тысячу верстъ калиновые мосты по зыбучимъ болотамъ, на пути къ Кіеву, и очистилъ дорогу прямоѣзжую отъ Соловья-Разбойника. Дюкъ Степановичъ долженъ былъ на пути въ Кіевъ проѣзжать черезъ страшныя заставы, то-есть, не преоборимыя препятствія, борясь, какъ Егорій Храбрый, то съ птицами клевучими, то со стадами лютыхъ змѣй. Илья Муромецъ проѣзжая срывалъ лѣса и строгалъ стружки, а на стружкахъ клалъ кресты съ надписью:

Ѣдетъ старой казакъ да Илья Муромецъ,
Ко славному ко стольному городу ко Кіеву,
Во первую поѣздку богатырскую.

Когда богатыри пріѣзжали къ князю Владиміру, становили своихъ добрыхъ коней

Ко столбику ко точеному, ко колечку золоченому,
Куда ставятъ коней сильные могучіе богатыри.

Бросить коней середи двора, „не привязанныхъ да не приказанныхъ“, значитъ нанести хозяину великую обиду.

Кони богатырскіе чуютъ свое родство, и радостно встрѣчаютъ другъ друга. Нравственная связь богатырей, выражаемая обрядомъ побратимства, скрѣпляется дружбою и родствомъ ихъ коней. Дюкъ Степановичъ увидѣлъ въ полѣ шатеръ, и не зная что за богатырь въ немъ отдыхаетъ, другъ или недругъ, предоставляетъ рекогносцировку своему коню, самъ съ собою такъ разсуждая:

А поставлю я своего добра коня
Ко одной ко полости ко бѣлыя,
Ко одной пшеницѣ бѣлояровой:
Если кони смирно станутъ ѣсть пшеницу бѣлоярову,
Пойду въ шатеръ—не тронетъ богатырь;
А если кони драться станутъ,
Поѣду на уѣздъ, могу ль уѣхати!

Кони стали смирно ѣсть пшеницу изъ одной полости, и Дюкъ вошелъ въ богатырскій шатеръ. Тамъ въ углу спитъ богатырь—

Спитъ-то, храпитъ, какъ порогъ [1] шумитъ;
Поглядѣлъ ему на надпись богатырскую:
Ажно спитъ старый казакъ Илья Муромецъ [2].

Замѣчу мимоходомъ, что въ этомъ мѣстѣ наивная былина заимствовала у старинной иконописи византійскій обычай—подписывать имена по сторонамъ изображаемаго лица.

Какъ кони богатырскіе ведутъ свое происхожденіе отъ древнихъ, титаническихъ временъ, такъ и оружіе. Мы уже видѣли, что Илья наслѣдовалъ мечъ-кладенецъ отъ великана Святогора; а до того времени долго выбиралъ онъ себѣ мечъ, но что ни возьметъ въ руку мечъ, сожметъ въ кулакѣ—рукоять въ дребезги, и такъ много кинулъ поломаныхъ мечей бабамъ лучину щепать. На родинѣ Ильи Муромца прославился знаменитый *Агриковъ мечъ*, которымъ князь Петръ убилъ змія оборотня, прилетавшаго къ супругѣ его брата. Мечъ этотъ заложенъ былъ въ кирпичной стѣнѣ въ церкви [3]. Какъ въ муромской легендѣ соединяются преданія Мурома и Рязани, потому что вѣщая супруга князя Петра, Февронія была родомъ изъ рязанскихъ предѣловъ, дочь мужика древолазца-бортника; такъ и Агриковъ, или Агрикановъ мечъ, по сказкѣ у Чулкова, достался рязанскому богатырю Добрынѣ Никитичу, который убилъ имъ Тугарина Змѣевича, соотвѣтствующаго муромскому змію оборотню, любовнику княгинину. Между былинами въ сборникѣ г. Рыбникова одна упоминаетъ о

---

[1] Порогъ рѣки. Воспоминаніе о порогахъ Днѣпровскихъ.

[2] См. замѣтку у Рыбник. I, 22. Рыбник. I, 292. 297. См. замѣтку Даля у Кирѣевск. I, 32. Рыбник. II, 5. Кирѣевск. III, 4 и слѣд. Рыбник. I, 59. 274. Кирѣевск. I, 46—7. Рыбник. II, 330. 341. 325. 167. 47. Рыбник. I, 275.

[3] См. въ 1-мъ т. моихъ *Историч. Очерковъ*.

двухъ богатыряхъ, братьяхъ *Агрикановыхъ*. Чулковъ называетъ и самого *Агрикана*, который оставилъ по себѣ въ горѣ кладовую, куда онъ собралъ оружіе славныхъ богатырей. Ключъ отъ этой кладовой Добрыня нашелъ подъ огромною головой, принадлежавшею великану, который отомстилъ за смерть Агрикана. Добрыня влѣзъ въ кладовую, выбралъ себѣ оружіе, и также нашелъ себѣ тамъ знаменитаго слугу Торопа.

Заслуживаетъ вниманія, что богатыри, употребляя обоюдуострый мечъ, оружіе западное, еще не знаютъ сабли, которую лѣтопись предоставляетъ восточнымъ кочевникамъ.

Богатырскій эпосъ изображаетъ эпоху, далеко отстоящую отъ введенія огнестрѣльнаго оружія. Съ особенною тщательностью русская былина описываетъ стрѣлы и стрѣльбу изъ лука: какъ богатырь вынимаетъ—

Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей;
Заскрипѣли полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука.

У Ильи Муромца были три знаменитыя стрѣлы, которыя онъ самъ выковалъ изъ трехъ булатныхъ полосъ, закаливъ ихъ въ матери сырой землѣ. Но особенно прославляются въ нашемъ богатырскомъ эпосѣ три стрѣлы Дюка Степановича. Тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ, „цѣны не было и не свѣдомо.“ Колоты онѣ были изъ трость-дерева, строганы въ Новѣгородѣ, клеены клеемъ осетра рыбы, оперены перьемъ сизаго орла. Леталъ орелъ надъ синимъ моремъ, ронялъ перья въ сине море; плыли гости корабельщики, собирали тѣ перья на синемъ морѣ, вывозили ихъ на святую Русь, продавали краснымъ дѣвицамъ. Покупала перья Дюкова матушка, перо во сто рублей, въ тысячу. Въ ушахъ у тѣхъ стрѣлокъ вставлено было по камню самоцвѣтному, по тирону, а около ушей перевито аравитскимъ золотомъ. Днемъ Дюкъ охотится; стрѣляетъ, а ночью тѣ стрѣлки собираетъ; потому что днемъ стрѣлокъ не видать—

А въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горятъ,
Свѣчи теплятся воску яраго.

Стрѣлы было самое употребительное оружіе, равно полезное и на войнѣ, и на охотѣ. Потому до настоящаго времени въ народѣ сохранилось преданье, что лукъ съ стрѣлою—признакъ добраго молодца. До сихъ поръ кое-гдѣ на Руси ведется обычай отъ дѣтскаго крику класть подъ головы мальчику *лучокъ со стрѣлкой*, а дѣвочкѣ пряслицу. При этомъ причитаютъ: „Щекотиха, будиха, вотъ тебѣ лучокъ (или: пряслица): играй, а младенца не буди.

Стрѣльба въ цѣль служила богатырскою потѣхой. Нѣкоторые, даже женщины, какъ напримѣръ жены Дуная и Ставра, такъ ловко стрѣляли, что попадали въ ножовое вострее, и раскалывали объ него стрѣлу на двѣ ровныя части [1].

Кромѣ мечей и стрѣлъ, богатыри въ бою употребляли копья, палицы, шелепуги, ножи, кинжалы или чингалища. На себя надѣвали крѣпкія доспѣхи—куякъ, панцырь, кольчугу. Щиты, кажется, не входили въ богатырскій обиходъ. Вооружаясь самъ съ головы до ногъ, богатырь старательно снаряжаетъ всякою сбруею и своего коня. Былина съ особенною любовью останавливается на описаніи этихъ сценъ во всей подробности повѣствуя, какъ богатырь—

. . . Шелъ-то на широкій дворъ,
Съ широка двора шелъ на стойло конное,
Бралъ онъ бурушка на широкій дворъ,
Сталъ сѣдлать-уздать добра коня,
Накидывать потнички на потнички,
Накладывать войлочки на войлочки,
На верехъ накладывалъ сѣделышко черкесское,
И затягивалъ двѣнадцать тугихъ подпругъ,
Натягивалъ онъ тринадцату,
Не для ради красы-басы,
А для ради укрѣпы богатырскія;
Подпруги-то были чиста серебра,
Шпеньки-то были красна золота,
Стремена-то булата заморскаго,
Шелку-то онѣ шемаханскаго:
Шелкъ-отъ не рвется и не трется,
А булатъ не ржавѣетъ,

---

[1] См. замѣтку Даля у Кирѣевск. I, 32, Рыбн. II, 436 и замѣтку 26. Кирѣевск. IV, 53. III, 102. Рыбн. I, 184. Даля, *Пословицы*, 403.

Красно золото не мѣдѣетъ,
Чисто серебро не желѣзѣетъ [1].

Конская скачка была такою же любимою потѣхою въ состязаньи богатырей, какъ и стрѣльба изъ лука. Собесѣдники на пиру князя Владиміра часто похваляются своими добрыми конями, и чтобы рѣшить споръ пускаются въ состязанія. Въ этомъ отношеніи знамениты были кони Ивана Гостинаго Сына и Дюка Степановича.

Итакъ, богатыри младшіе уже не знаютъ древнихъ морскихъ разъѣздовъ варяжскихъ, ни плаванья по рѣкамъ. Они проводятъ жизнь въ чистомъ полѣ; они *поляницы*, они *полякуютъ*. Они промѣняли и крестьянскую соху на мечъ и лукъ со стрѣлами. Они не употребляютъ и топора, этого остатка древнихъ молотовъ. Имъ не нужна и мужицкая телѣга. Даже Илья Муромецъ, герой народный, воспитанный въ крестьянскомъ быту, уже промѣнялъ топоръ, соху и телѣгу на мечъ и коня.

Въ богатырскомъ эпосѣ русскій народъ прославляетъ воинскіе подвиги и доблести своихъ героевъ, забывая на время ежедневные труды мирнаго земледѣльца. На самой ранней порѣ, только что Русь вышла на историческое поприще, тревожная эпоха междоусобій, особенно въ главныхъ сосредоточіяхъ русской жизни, заглушала воинскимъ шумомъ и гамомъ мирные голоса земледѣльческаго населенія. „Сѣялись и росли тогда междоусобіями, говоритъ *Слово о Полку Игоревѣ*: погибала тогда жизнь Дажьбожихъ внуковъ; въ княжихъ крамолахъ вѣкъ человѣческій сокращался: тогда по Русской землѣ рѣдко услышишь, чтобъ подавалъ свой голосъ земледѣлецъ; но часто вороны граяли, дѣля между собою трупы.“ Вотъ та грозная, воинская эпоха, исполненная бѣдствій и ужасовъ, отъ которой доносится до насъ суровый, воинственный строй нашего богатырскаго эпоса. Не идиллія земледѣльческаго быта, на многіе вѣка остановившагося въ своемъ развитіи, дала содержаніе нашему народному эпосу; не мирные поселяне съ ихъ однообразными, скромными привычками, искали для себя поэтическое отраженіе въ богатырскихъ идеалахъ; не въ тѣсныхъ стѣнахъ деревенской избы сосредоточила свои

[1] Рыбник. I, 272.

симпатіи творческая фантазія, населившая русскую старину богатырскими доблестями. Впервые пробудившійся духъ историческаго движенія, съ свѣжею энергіей, увлекаетъ въ своемъ потокѣ эти новыя историческія силы, такъ разнообразно направленныя въ ихъ тревожной дѣятельности, то въ отдаленныхъ поѣздкахъ богатырей, завоевывающихъ цѣлыя страны и собирающихъ съ нихъ дань, то въ защитѣ Русской земли отъ сосѣднихъ хищниковъ, то въ борьбѣ съ чудовищами, то въ молодецкомъ похищеніи себѣ женъ, подобно Римлянамъ маститыхъ временъ Ромула и Рема. И Муромъ, и Рязань, и Ростовъ и другія родныя мѣста бросаютъ богатыри, и вереницами тянутся къ Кіеву, не потому чтобы не дорога была для нихъ родная сторона, но потому что движеніе историческое сосредоточивается для нихъ въ Кіевѣ, въ лицѣ ласковаго князя Владиміра; потому что уже нечего имъ дѣлать дома, въ тѣсной обстановкѣ доисторическаго быта, потому что новыя силы ищутъ простора для своей дѣятельности, и находятъ въ княжеской дружинѣ достойную для себя задачу въ заложеніи первыхъ основъ исторической на Руси жизни. Далекія области благословеніями напутствуютъ своихъ представителей, отправляющихся къ кіевскому князю на службу, не жалѣя, что въ своихъ богатыряхъ разстаются онѣ съ лучшими силами, какія могли только возникнуть на ихъ родной почвѣ; потому что этимъ силамъ суждено было созрѣть и вполнѣ развиться уже въ иной обстановкѣ, болѣе благопріятной для историческаго движенія. Только Новгородъ ревниво отстаиваетъ свои права и не хочетъ подѣлиться съ Кіевомъ ни Садкомъ, ни Васильемъ Буслаевымъ, ни другими, можетъ-быть, богатырями, которыхъ со временемъ отроютъ намъ такіе счастливые и искусные собиратели, какъ г. Рыбниковъ.

Итакъ, на разсвѣтѣ новой исторической жизни народный эпосъ застаетъ поколѣніе богатырей младшихъ. Новизнѣ и свѣжести эпохи соотвѣтствуютъ юношескіе типы богатырей; и въ теченіе многовѣковаго существованія народнаго эпоса, богатыри не старѣютъ, остаются тѣми же юными героями, исполненными надеждъ на будущее; они только возобновляются съ каждымъ

новымъ поколѣніемъ и освѣжаютъ его силы своею идеальною, нестарѣющею отвагой.

Это крѣпкое убѣжденіе въ живучесть вѣчно свѣжихъ силъ народной жизни если не откроетъ въ будущемъ широкаго простора для дальнѣйшаго эпическаго творчества, то по крайней мѣрѣ долго будетъ поддерживать въ народѣ нравственную и эстетическую потребность опознаваться во вновь-встрѣчающихся историческихъ обстоятельствахъ на родной почвѣ богатырскаго эпоса, который не только не противорѣчитъ прогрессу, но въ своемъ существѣ его уже содержитъ и ему способствуетъ, воспитывая и приготовляя къ нему сознаніе народное.

Еслибы богатырскій эпосъ свободно и широко разросся на Руси во времена языческія, когда религіозные миѳы еще не утрачивали способности къ развитію, то, безъ сомнѣнія, быту младшихъ богатырей соотвѣтствовало бы какое-нибудь божество въ родѣ сѣвернаго Одина, предводителя воинскихъ племенъ и покровителя войны. Но славянская миѳологія уже теряла свои творческія силы, когда Кіевъ при князѣ Владимірѣ сталъ въ мысляхъ народа средоточіемъ русской жизни. Потому младшіе богатыри приклонились не передъ миѳическимъ божествомъ войны, а передъ исторической личностью ласковаго князя, молодаго и прекраснаго и одареннаго всѣми благами счастія.

(До слѣдующаго №).

Ѳ. БУСЛАЕВЪ.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ

ПОВѢСТЬ ВРЕМЕНЪ IОАННА ГРОЗНАГО [1]

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА XX

Веселые люди

Въ глубокой и темной тюрьмѣ, которой мокрыя стѣны были покрыты плѣсенью, сидѣлъ князь Никита Романовичъ, скованный по рукамъ и ногамъ, и ожидалъ себѣ смерти. Не зналъ онъ навѣрно сколько прошло дней съ тѣхъ поръ какъ его схватили, ибо свѣтъ ни откуда не проникалъ въ подземелье; но время отъ времени доходилъ до слуха его отдаленный благовѣстъ, и соображаясь съ этимъ глухимъ и слабымъ звономъ, онъ разчитывалъ, что сидитъ въ тюрьмѣ болѣе трехъ дней. Брошенный ему хлѣбъ былъ уже давно съѣденъ, оставленный ковшъ съ водою давно выпитъ, и голодъ и жажда начинали его мучить, какъ непривычный шумъ привлекъ его вниманіе. Надъ головой его отпирали замокъ. Заскрипѣла первая, наружная дверь темницы. Шумъ

[1] См. *Русскій Вѣстникъ* № 8.

раздался ближе. Загремѣлъ другой замокъ, и вторая дверь заскрипѣла. Наконецъ отперли третью дверь, и послышались шаги спускающіеся въ подземелье. Сквозь щели послѣдней двери блеснулъ огонь, ключъ съ визгомъ повернулся, нѣсколько засововъ отодвинулось, ржавыя петли застонали и яркій, нестерпимый свѣтъ ослѣпилъ Серебрянаго.

Когда онъ опустилъ руки, которыми невольно закрылъ глаза, передъ нимъ стояли Малюта Скуратовъ и Борисъ Годуновъ. Сопровождавшій ихъ палачъ держалъ высоко надъ ними смоляный свѣточъ.

Малюта, скрестивъ руки, глядѣлъ улыбаясь въ лицо Серебряному, и зрачки его, казалось, сжимались и расширялись.

— Здравствуй, батюшка князь! проговорилъ онъ такимъ голосомъ, котораго никогда еще не слыхивалъ Никита Романовичъ, голосомъ протяжно-вкрадчивымъ и зловѣще-мягкимъ, напоминающимъ кровожадное мяуканье кошки, когда она подходитъ къ мышеловкѣ, въ которой сидитъ пойманная мышь.

Серебряный невольно содрогнулся, но видъ Годунова подѣйствовалъ на него благотворно.

— Борисъ Θедоровичъ, сказалъ онъ, отворачиваясь отъ Малюты,—спасибо тебѣ, что ты посѣтилъ меня. Теперь и умирать будетъ легче!

И онъ протянулъ къ нему скованную руку. Но Годуновъ отступилъ назадъ, и на холодномъ лицѣ его ни одна черта не выразила участія къ князю.

Рука Серебрянаго, гремя цѣпью, опять упала къ нему на колѣни.

— Не думалъ я, Борисъ Θедоровичъ, сказалъ онъ, съ упрекомъ,—что ты отступишься отъ меня. Или ты только пришелъ на мою казнь посмотрѣть?

— Я пришелъ, отвѣтилъ спокойно Годуновъ,—быть у допроса твоего вмѣстѣ съ Григорьемъ Лукьяновичемъ. Отступаться мнѣ не отъ чего; я никогда не мыслилъ къ тебѣ, и только, вѣдая государево милосердіе, остановилъ въ ту пору заслуженную казнь твою!

Сердце Серебрянаго болѣзненно сжалось, и перемѣна въ Годуновѣ показалась ему тяжелѣе самой смерти.

— Время милосердія прошло, продолжалъ Годуновъ хладнокровно,—ты помнишь клятву что̀ далъ государю? Покорись же теперь его святой волѣ, и если признаешься намъ

во всемъ безъ утайки, то минуешь пытку и будешь казненъ скорою смертію. Начнемъ допросъ, Григорій Лукьяновичъ!

— Погоди, погоди маленько! отвѣчалъ Малюта, улыбаясь.— У меня съ его милостью особые счеты! Укороти его цѣпи, Ѳомка, сказалъ онъ палачу.

И палачъ, воткнувъ свѣточъ въ желѣзное кольцо вдѣланное въ стѣну, подтянулъ руки Серебрянаго къ самой стѣнѣ, такъ что онъ не могъ ими двинуть.

Тогда Малюта подступилъ къ нему ближе и долго смотрѣлъ на него, не измѣняя своей улыбки.

— Батюшка, князь Никита Романычъ! заговорилъ онъ наконецъ:—не откажи мнѣ въ милости великой!

Онъ сталъ на колѣни и поклонился въ землю Серебряному.

— Мы, батюшка князь, продолжалъ онъ съ насмѣшливою покорностью,—мы передъ твоею милостью малые люди; такихъ большихъ бояръ, какъ ты, никогда еще своими руками не казнили, не пытывали! И къ допросу-то приступить робость беретъ! Кровь-то, вишь, говорятъ, не одна у насъ въ жилахъ течетъ...

И Малюта остановился, и улыбка его сдѣлалась ядовитѣе, и глаза расширились болѣе, и зрачки запрыгали чаще.

— Дозволь, батюшка князь, продолжалъ онъ, придавая своему голосу умоляющее выраженіе,—дозволь передъ допросомъ, для смѣлости-то, на твою боярскую кровь посмотрѣть!

И онъ вынулъ изъ-за пояса ножъ, и подползъ на колѣняхъ къ Серебряному.

Никита Романовичъ рванулся назадъ и взглянулъ на Годунова.

Лицо Бориса Ѳедоровича было неподвижно.

— А потомъ, продолжалъ, возвышая голосъ, Малюта,—потомъ дозволь мнѣ, худородному, изъ княжеской спины твоей ремней выкроить! Дозволь мнѣ, холопу, боярскую кожу твою на конскій чепракъ снять! Дозволь мнѣ, смрадному рабу, вельможнымъ мясомъ твоимъ собакъ моихъ накормить!

Голосъ Малюты, обыкновенно грубый, теперь походилъ на визгъ шакала, нѣчто между плачемъ и хохотомъ.

Волосы Серебрянаго стали дыбомъ. Когда въ первый разъ Іоаннъ осудилъ его на смерть, онъ твердо шелъ на плаху; но здѣсь, въ темницѣ, скованный цѣпями, изнуренный голодомъ, онъ не въ силахъ былъ вынести этого голоса и взгляда.

Малюта нѣсколько времени наслаждался произведеннымъ имъ дѣйствіемъ.

— Батюшка князь, взвизгнулъ онъ вдругъ, бросая ножъ свой и подымаясь на ноги,—дозволь мнѣ прежде всего тебѣ честно долгъ заплатить!

И стиснувъ зубы, онъ поднялъ ладонь и замахнулся на Никиту Романовича.

Кровь Серебрянаго отхлынула къ сердцу, и къ негодованію его присоединился тотъ ужасъ омерзенія, какой производитъ на насъ близость нечистой твари, грозящей своимъ прикосновеніемъ.

Онъ устремилъ отчаянный взоръ свой на Годунова.

Въ эту минуту подъятая рука Малюты остановилась на воздухѣ, схваченная Борисомъ Ѳедоровичемъ.

— Григорій Лукьяновичъ, сказалъ Годуновъ, не теряя своего спокойствія, — если ты его ударишь, онъ разобьетъ себѣ голову объ стѣну, и некого намъ будетъ допрашивать. Я знаю этого Серебрянаго.

— Прочь! заревѣлъ Малюта:—не мѣшай мнѣ надъ нимъ потѣшиться! Не мѣшай отплатить ему за Поганую Лужу!

— Опомнись, Григорій Лукьяновичъ! мы отвѣчаемъ за него государю!

И Годуновъ схватилъ Малюту за обѣ руки.

Но какъ дикій звѣрь, почуявшій кровь, Малюта ничего уже не помнилъ. Съ крикомъ и проклятіями вцѣпился онъ въ Годунова, и старался опрокинуть его чтобы броситься на свою жертву. Началась между ними борьба, свѣточъ, задѣтый однимъ изъ нихъ, упалъ на землю и погасъ подъ ногою Годунова.

Малюта пришелъ въ себя.

— Я скажу государю, прохрипѣлъ онъ, задыхаясь,—что ты стоишь за его измѣнника!

— А я, отвѣтилъ Годуновъ,—скажу государю, что ты хотѣлъ убить его измѣнника безъ допроса, потому что боишься его показаній!

Нѣчто въ родѣ рычанія вырвалось изъ груди Малюты, и онъ бросился изъ темницы, позвавъ съ собой палача.

Между тѣмъ какъ они ощупью взбирались по лѣстницѣ, Серебряный почувствовалъ, что ему отпускаютъ цѣпи и что онъ опять можетъ двигаться.

— Не отчаивайся, князь! шепнулъ ему на ухо Годуновъ, крѣпко сжимая его руку: — главное выиграть время!

И онъ поспѣшилъ вслѣдъ за Малютой, заперевъ предварительно за собою дверь и тщательно задвинувъ засовы.

— Григорій Лукьяновичъ, сказалъ онъ Скуратову, догнавъ его у выхода и подавая ему ключи въ присутствіи стражи,— ты не заперъ тюрьмы. Этакъ дѣлать не годится; неравно подумаютъ, ты за одно съ Серебрянымъ!

Въ то самое время какъ описанное происходило въ тюрьмѣ, Іоаннъ сидѣлъ въ своемъ теремѣ, мрачный и недовольный. Незнакомое ему чувство мало-по-малу имъ овладѣло. Чувство это было невольное уваженіе къ Серебряному, котораго смѣлые поступки возмущали его самодержавное сердце, а между тѣмъ не подходили подъ собственныя его понятія объ измѣнѣ. Доселѣ Іоаннъ встрѣчалъ или явное своеволіе, какъ въ боярахъ, омрачавшихъ своими раздорами время его малолѣтства, или гордое непокорство, какъ въ Курбскомъ, или-же рабскую низкопоклонность какъ во всѣхъ окружавшихъ его въ настоящее время. Но Серебряный не принадлежалъ ни къ одному изъ этихъ разрядовъ. Онъ раздѣлялъ убѣжденія своего вѣка въ божественной неприкосновенности правъ Іоанна; онъ умственно подчинялся этимъ убѣжденіямъ, и, болѣе привыкшій дѣйствовать чѣмъ мыслить, никогда не выходилъ преднамѣренно изъ повиновенія царю, котораго считалъ представителемъ Божіей воли на землѣ. Но несмотря на это, каждый разъ когда онъ сталкивался съ явною несправедливостью, душа его вскипала негодованіемъ, и врожденная прямота брала верхъ надъ правилами принятыми на вѣру. Онъ тогда, самъ себѣ на удивленіе, и почти безсознательно, дѣйствовалъ на перекоръ этимъ правиламъ, и на дѣлѣ выходило совсѣмъ не то что̀ они ему предписывали. Эта благородная непослѣдовательность противорѣчила всѣмъ понятіямъ Іоанна о людяхъ, и приводила въ замѣшательство его знаніе человѣческаго сердца. Откровенность Серебрянаго, его неподкупное прямодушіе и неспособность преслѣдовать личныя выгоды, были очевидны для самого Іоанна. Онъ понималъ, что Серебряный его не обманетъ, что можно на него вѣрнѣе положиться чѣмъ на кого-либо изъ присяжныхъ опричниковъ, и ему приходило желаніе приблизить его къ себѣ и сдѣлать изъ него свое орудіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чув-

ствовалъ, что орудіе это, само по себѣ надежное, можетъ неожиданно ускользнуть изъ рукъ его, и при одной мысли о такой возможности, расположеніе его къ Серебряному обращалось въ ненависть. Хотя подвижная впечатлительность Іоанна и побуждала его иногда отказываться отъ кровавыхъ дѣлъ своихъ и предаваться раскаянію, но то были исключенія; въ обыкновенное же время онъ былъ проникнутъ сознаніемъ своей непогрѣшимости, вѣрилъ твердо въ божественное начало своей власти, и ревниво охранялъ ее отъ постороннихъ посягательствъ; а посягательствомъ казалось ему всякое, даже молчаливое осужденіе. Такъ случилось и теперь. Мысль простить Серебрянаго мелькнула въ душѣ его, но тотчасъ же уступила мѣсто убѣжденію, что Никита Романовичъ принадлежитъ къ числу людей, которыхъ не должно терпѣть въ государствѣ.

„Аще, подумалъ онъ, цѣлому стаду идущу одесную, единая овца идетъ ошую, пастырь ту овцу изъемлетъ изъ стада и закланію предаетъ!“ Такъ подумалъ Іоаннъ и рѣшилъ въ сердцѣ своемъ участь Серебрянаго. Казнь ему была назначена на слѣдующій день; но онъ велѣлъ снять съ него цѣпи и послалъ ему вина и пищи отъ своего стола.

Между тѣмъ, чтобы разогнать впечатлѣнія возбужденныя въ немъ внутреннею борьбою, впечатлѣнія непривычныя, отъ которыхъ ему было не ловко, онъ вздумалъ проѣхаться въ чистомъ полѣ и приказалъ большую птичью охоту.

Утро было прекрасное. Сокольничій, подсокольничій, начальные люди и всѣ чины сокольничья пути выѣхали верхами въ блестящемъ убранствѣ, съ соколами, кречетами и челигами на руковицахъ и ожидали государя въ полѣ.

Не даромъ искони говорилось, что полевая потѣха утѣшаетъ сердца печальныя, а кречетья добыча веселитъ весельемъ радостнымъ стараго и малаго. Сколь ни пасмуренъ былъ царь, когда выѣхалъ изъ слободы съ своими опричниками, но при видѣ всей блестящей толпы сокольниковъ лицо его прояснилось. Мѣстомъ сборища были заповѣдные луга и перелѣски верстахъ въ двухъ отъ слободы по владимірской дорогѣ.

Сокольничій, въ красномъ бархатномъ кафтанѣ съ золотою нашивкой и золотою перевязью, въ парчевой шапкѣ, въ желтыхъ сапогахъ и въ нарядныхъ рукавицахъ, слѣзъ

съ коня и подошелъ къ Іоанну, сопровождаемый подсокольничимъ, который несъ на рукѣ бѣлаго кречета, въ клобучкѣ и въ колокольцахъ.

Поклонившись до земли, сокольничій спросилъ:

— Время ли, государь, веселью быть?

— Время, отвѣчалъ Іоаннъ,—начинай веселье!

Тогда сокольничій подалъ царю богатую рукавицу, всю испещренную золотыми притчами, и принявъ кречета отъ подсокольничаго, посадилъ его государю на руку.

— Честные и доброхвальные охотники! сказалъ сокольничій, обращаясь къ толпѣ опричниковъ:—забавляйтеся и утѣшайтеся славною, красною и премудрою охотой, да исчезнутъ всякія печали и да возрадуются сердца ваши!

Потомъ обратясь къ сокольникамъ:

— Добрые и прилежные сокольники, сказалъ онъ, —напускайте и добывайте!

Тогда вся пестрая толпа сокольниковъ разсѣялась по полю. Иные съ крикомъ бросились въ перелѣски, другіе поскакали къ небольшимъ озерамъ, разбросаннымъ какъ зеркальные осколки между кустами.

Вскорѣ стаи утокъ поднялись изъ камышей и потянулись по воздуху.

Охотники пустили соколовъ. Утки бросились было обратно къ озерамъ, но тамъ встрѣтили ихъ другіе соколы, и они въ испугѣ разметались какъ стрѣлы по всѣмъ направленіямъ.

Соколы, дермлиги и разные челиги, ободряемые криками поддатней, нападали на утокъ, кто въ догонку, кто на перехватъ, кто прямымъ боемъ, сверху въ низъ, падая какъ камень на спину добычи.

Отличилися въ этотъ день и Бѣдряй, и Смѣляй, сибирскіе челиги, и Арбасъ и Анпрасъ, соколы-дикомыты; и Хорьякъ, и Худякъ, и Малецъ, и Палецъ. Досталось отъ нихъ и уткамъ, и тетеревамъ, которыхъ рядовые сокольники выпугивали бичами изъ зарослей. Чуденъ и красносмотрителенъ былъ летъ разнопородныхъ соколовъ. Тетерева безпрестанно падали, кувыркаясь въ воздухѣ. Нѣсколько разъ утки въ отчаяньи бросались лошадямъ подъ ноги и были схвачены охотниками живьемъ. Не обошлось и безъ наклада. Молодикъ Гамаюнъ, бросившись съ высоты на

стараго косача, летѣвшаго очень низко, ударился грудью о земь и убился на мѣстѣ.

Астрецъ и Сородумъ, два казанскіе розмытя, улетѣли изъ виду охотниковъ, несмотря на свистъ поддатней, ни на голубиныя крылья, которыми они махали.

По всѣхъ славнѣе и удивительнѣе выказалъ себя царскій кречетъ, честникъ, по прозванію Адраганъ. Два раза напускалъ его царь, и два раза онъ долго оставался въ воздухѣ, билъ безъ промаху всякую птицу, и натѣшившись вдоволь, спускался опять на золотую рукавицу царя. Въ третій разъ Адраганъ пришелъ въ такую ярость, что началъ бить не только полевую птицу, но и самихъ соколовъ, которые неосторожно пролетали мимо него. Соколъ Смышляй и соколій челигъ Кружокъ упали на землю съ подрѣзанными крыльями. Тщетно царь и всѣ бывшіе при немъ сокольники манили Адрагана на красное сукно и на птичья крылья. Бѣлый кречетъ чертилъ въ небѣ широкіе круги, подымался на высоту невидимую и подобно молніи стремился на добычу; но вмѣсто того чтобъ опускаться за нею на землю, Адраганъ, послѣ каждой новой побѣды, опять взмывалъ кверху и улеталъ далеко.

Сокольничій, потерявъ надежду достать Адрагана, поспѣшилъ подать царю другаго кречета. Но царь любилъ Адрагана и припечалился, что пропала его лучшая птица. Онъ спросилъ у сокольничаго, кому изъ рядовыхъ указано держать Адрагана? Сокольничій отвѣчалъ, что указано рядовому Тришкѣ.

Іоаннъ велѣлъ позвать Тришку. Тришка чуя бѣду, явился блѣдный.

— Человѣче, сказалъ ему царь,—такъ ли ты блюдешь честника? На что у тебя вабило, коли ты не умѣешь наманить честника? Аль ты мнѣ насмѣхаться вздумалъ? Слушай, Тришка: отдаю въ твои руки долю твою: коли достанешь Адрагана, пожалую тебя такъ, что никому изъ васъ такого времени не будетъ; а коли пропадетъ честникъ, велю, не прогнѣвайся, голову съ тебя снять, и то будетъ всѣмъ за страхъ; а я давно замѣчаю, что нѣтъ межь сокольниковъ добраго строенія, и гибнетъ птичья потѣха!

При послѣднихъ словахъ Іоаннъ покосился на самаго сокольничаго, который въ свою очередь поблѣднѣлъ, ибо зналъ, что царь ни на кого не косится даромъ.

Тришка, не теряя времени, вскочилъ на конь и поскакалъ искать Адрагана, молясь своему заступнику, святому угоднику Трифону, чтобъ указалъ онъ ему потеряннаго кречета.

Охота межь тѣмъ шла своимъ чередомъ. Уже не по одинъ часъ тѣшился государь и уже много всякой добычи было ввязано въ торока, какъ новое зрѣлище обратило на себя вниманіе Іоанна.

По владимірской дорогѣ тащилось двое слѣпыхъ, одинъ среднихъ лѣтъ, другой старикъ съ сѣдою кудрявою головой и длинною бородой. На нихъ были бѣлыя, изношенныя рубахи, а на полотенцахъ, перекинутыхъ черезъ плечи крестъ-на-крестъ, висѣли съ одной стороны мѣшокъ для сбиранія милостыни; а съ другой, изодранный кафтанъ, скинутый по случаю жара. Остальные пожитки, какъ-то гусли, балалайки и торбу съ хлѣбомъ, они взвалили на дюжаго молодаго парня, служившаго имъ вожатымъ. Сначала тотъ изъ слѣпыхъ, который былъ помоложе, держался за плечо вожатаго, а самъ тащилъ за собою старика. Только молодой парень видно зазѣвался на охоту и забылъ про товарищей. Слѣпые отстали отъ зрячаго. Держась одинъ за другаго, они щупали землю высокими палками и часто спотыкались. Глядя на нихъ, Иванъ Васильевичъ не могъ удержаться отъ смѣха. Онъ подъѣхалъ къ нимъ ближе. Въ это время передній слѣпой оступился, упалъ въ лужу и потянулъ за собою товарища. Оба встали покрытые грязью, отплевываясь и браня вожатаго, который смотрѣлъ, разиня ротъ, на блестящихъ опричниковъ. Царь громко смѣялся.

— Кто вы молодцы? спросилъ онъ.—Откуда и куда идете?

— Проваливай! отвѣчалъ младшій слѣпой, не снимая шапки:—много будешь знать, скоро состаришься!

— Дурень! закричалъ одинъ опричникъ:—аль не видишь, кто передъ тобой!

— Самъ ты дурень, отвѣчалъ слѣпой, выкативъ на опричника бѣлки свои,—гдѣ мнѣ видѣть, коли глазъ нѣту-ти? Вотъ ты дѣло другое, у тебя безъ двухъ четыре, такъ видишь ты и далѣ и шире; скажи, кто передо мной, такъ буду знать!

Царь приказалъ молчать опричнику и ласково повторилъ вопросъ свой.

— Мы люди веселые, отвѣчалъ слѣпой, — исходили

деревни и села, идемъ изъ Мурома въ Слободу, бить баклуши, добрыхъ людей тѣшить, кого на лошадь подсадить, кого спѣшить!

— Вотъ какъ! сказалъ царь, которому нравились отвѣты слѣпаго:—такъ вы Муромцы, калашники, вертячіе бобы! А есть еще у васъ богатыри въ Муромѣ?

— Какъ не быть! отвѣчалъ слѣпой, не запинаясь;—этотъ товаръ не переводится: есть у насъ дядя Михей: самъ себя за волосы на вершокъ отъ земли подымаетъ; есть тетка Ульяна: одна ходитъ на таракана.

Всѣ опричники засмѣялись. Царю давно уже не было такъ весело.

— Вотъ и вправду веселые люди, подумалъ онъ,—видно, что не здѣшніе. Надоѣли мнѣ уже мои сказочники. Все одно и то же наладили, да ужь и скоморохи мнѣ наскучили. Съ тѣхъ поръ, какъ пошутилъ я съ однимъ неосторожно, стали всѣ меня опасаться; смѣшнаго слова не добьешься; точно будто моя вина, что у того дурака душа не крѣпко въ тѣлѣ сидѣла! Слушай, мододецъ: что̀, сказки сказывать умѣешь?

— Какова сказка, отвѣчалъ слѣпой,—и кому сказывать. Вотъ мы ономнясь разказали старицкому воеводѣ сказку про козу косматую, да на свою шею; коза-то, вишь, вышла сама воеводша, такъ онъ насъ со двора и велѣлъ согнать, накостылявши затылокъ. Впередъ не разкажемъ.

Трудно описать хохотъ, который раздался между опричниками. Старицкій воевода былъ въ немилости у царя. Насмѣшка слѣпаго пришлась какъ нельзя болѣе кстати.

— Слушайте, человѣки, сказалъ царь,—ступайте въ Слободу, прямо во дворецъ, тамъ ждите моего пріѣзда, царь-де васъ прислалъ. Да чтобъ васъ накормили и напоили, а пріѣду домой, послушаю вашихъ сказокъ!

При словѣ: царь, слѣпые оробѣли.

— Батюшка, государь! сказали они, упавъ на колѣни:—не взыщи за нашу грубую, мужицкую рѣчь! Не вели намъ головы сѣчь, по невѣдѣнью согрѣшили!

Царь усмѣхнулся испугу слѣпыхъ и поѣхалъ опять въ поле продолжать охоту, а слѣпые съ вожатымъ побрели по направленію Слободы.

Пока толпа опричниковъ могла ихъ видѣть, они держались одинъ за другаго и безпрестанно спотыкались, но

лишь только поворотъ дороги скрылъ ихъ изъ виду, младшій слѣпой остановился, оглянулся во всѣ стороны и сказалъ товарищу:

— А что, дядя Коршунъ, усталъ, небось спотыкаться. Вѣдь пока дѣло-то не дурно идетъ; что-то будетъ далѣ? Да чего ты такъ брови-то понасупилъ, дядя? Аль жаль тебѣ, что дѣло затѣяли?

— Не то, отвѣчалъ старый разбойникъ:—ужь взялся идти, небось, оглядываться не стану; да только вотъ самъ не знаю что со мной сталось; такъ тяжело на сердцѣ, какъ отродясь еще не бывало, и о чемъ ни задумаю, все опять то же да то же на умъ лѣзетъ!

— А что тебѣ лѣзетъ на умъ?

— Слушай, атаманъ. Вотъ ужь двадцать лѣтъ минуло съ той поры, какъ тоска ко мнѣ прикачнулась, привалилася, а никто ни на Волгѣ, ни на Москвѣ про то не знаетъ; ни кому я ни слова не вымолвилъ; схоронилъ тоску въ душѣ своей, да и ношу двадцать лѣтъ, словно жерновъ на шеѣ. Пытался было разъ говѣть въ великій постъ, хотѣлъ попу все на духу разказать, да молиться не смогъ и говѣть бросилъ. А вотъ теперь опять оно меня и душитъ, и давитъ; кажется, вотъ какъ вымолвлю, такъ будетъ легче. Тебѣ-то сказать и не такъ тяжело, какъ попу; ты вѣдь и самъ такой-же какъ я.

Глубокая грусть изображалась на лицѣ Коршуна. Перстень слушалъ и молчалъ. Оба разбойника сѣли на краю дороги.

— Митька, сказалъ Перстень вожатому,—садись-ко поодаль, да гляди въ оба; коли кого дозришь, махни намъ; да смотри, не забудь: ты глухъ и нѣмъ; слова не выронки!

— Добро, сказалъ Митька,—ня бось, ня выроню!

— Типунъ тебѣ на языкъ, дурень этакій, нишкни! И съ нами не говори. Привыкай молчать; не то какъ разъ, при комъ-нибудь языкомъ брякнешь, тогда и насъ и тебя поминай какъ звали!

Митька отошелъ шаговъ на сто и легъ на брюхо, уперевъ локти въ землю, а подбородокъ въ руки.

— Вѣдь добрый парень, сказалъ Перстень, глядя ему вслѣдъ,—а глупъ, хоть колъ на головѣ теши. Пусти его только, разомъ проврется! Да нечего дѣлать, лучше его нѣтъ; онъ по крайней мѣрѣ не выдастъ; постоитъ и за себя

и за насъ, коли, не дай Богъ, намъ круто придется. Ну что̀, дядя, теперь никто насъ не услышитъ: говори, какая у тебя кручина? Эхъ, не во-время она тебя навѣстила!

Старый разбойникъ опустилъ кудрявую голову и провелъ ладонью по лбу. Хотѣлось ему говорить, да начать было трудно.

— Вишь, атаманъ, сказалъ онъ,—довольно я людей перегубилъ на своемъ вѣку, что̀ и говорить! Смолоду полюбилась красная рубашка! Бывало купецъ ли заартачится, баба ли запищитъ, хвачу ножемъ въ бокъ и конецъ. Даже и теперь, коли-бъ случилось кого отправить—рука не дрогнетъ! Да что̀ тутъ, не тебя увѣрять стать; я чай и ты довольно народу на тотъ свѣтъ спровадилъ; не въ диковинку тебѣ, такъ ли?

— Ну, что̀ жъ съ того? отвѣчалъ Перстень съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.

— Да то, что ни ты, ни я, мы не бабы, не красныя дѣвицы; много у насъ крови на душѣ; а ты мнѣ вотъ что̀ скажи, атаманъ; приходилось ли тебѣ такъ, что какъ вспомнишь о какомъ-нибудь своемъ дѣлѣ, такъ тебя словно клещами за сердце схватитъ и холодомъ и жаромъ обдастъ съ ногъ до головы, а потомъ гложетъ, гложетъ, такъ что хоть бы на свѣтъ не родиться?

— Полно, дядя, о чемъ спрашивать вздумалъ, не такое теперь время!

— Вотъ, продолжалъ Коршунъ,—я много ужь и позабылъ дѣлъ своихъ, одного не могу забыть. Тому будетъ полсорока годовъ, жили мы на Волгѣ, ходили на девяти стругахъ; атаманомъ былъ у насъ Данило Котъ; о тебѣ еще и помину не было, меня уже знали въ шайкѣ и тогда уже величали Коршуномъ. Разбивали мы и суда богатыя, и пристани грабили, а что̀ бывало добудемъ, то всегда поравну дѣлимъ, и никакого спору Данило Котъ не терпѣлъ. Кажется, чего бы лучше? Житье привольное, всегда сыты, одѣты. Бывало какъ нарядимся въ цвѣтные кафтаны, какъ заломимъ шапки, да ударимъ въ весла, да затянемъ удалую, такъ въ деревняхъ и городахъ народъ на берегъ и валитъ, на молодцовъ посмотрѣть, на соколовъ ясныхъ полюбоваться! А мы себѣ гребемъ, да поемъ, во всю глотку заливаемся, изъ пищалей на вѣтеръ пострѣливаемъ, краснымъ дѣвкамъ подмигиваемъ. А иной разъ, какъ посядемъ съ

копьями да съ рогатинами, такъ струги наши словно лѣсомъ поросли! Хорошо было житье, да подбилъ меня бѣсъ проклятый. Думаю себѣ разъ: чтожь? я вѣдь больше другихъ работаю, а корысть идетъ мнѣ со всѣми ровная! И положилъ себѣ на мысль, пойдти одному на промыселъ, зашибить добычи, да не отдавать въ артель, а взять на себя одного. Одѣлся нищимъ, почитай какъ теперь, повѣсилъ на шею торбу, всунулъ засапожникъ за онучь, да и побрелъ себѣ по дорогѣ къ посаду, не проѣдетъ ли кто? Жду, себѣ, жду: ни обозу, ни купца, никого не видать. Разобрала меня досада. Добро жь, говорю, не даетъ Богъ корысти, такъ теперь кто бъ ни прошелъ, будь онъ хоть отецъ родной, дочиста оберу! Только лишь подумалъ, идетъ по дорогѣ баба убогая, несетъ что-то въ лукошкѣ, лукошко холстомъ обернуто. Лишь только поровнялась она со мной, я и выскочилъ изъ-за куста. Стой, говорю, баба! Давай лукошко! — Она мнѣ въ ноги; что хошь бери, а лукошко не тронь! Эге, думаю я, такъ у тебя, видно, казна тамъ спрятана, да и ухватился рукой за лукошко. А баба голосить, ругать меня, кусать за руку. Я ужь былъ больно сердитъ, что день даромъ пропалъ, а тутъ осерчалъ еще пуще. Бѣсъ толкнулъ меня подъ бокъ, я вытащилъ засапожникъ да и всадилъ бабѣ въ горло. Какъ только свалилась она, страхъ меня взялъ. Ударился было бѣжать, да одумался и воротился за лукошкомъ. Думаю себѣ: ужь убилъ бабу, такъ пусть же не даромъ! Взялъ лукошко, не раскрывая, да и пустился лѣсомъ. Отошелъ не болѣе какъ на песій брехъ, ноги стали подкашиваться, думаю себѣ: сяду, отдохну, да посмотрю много ли казны добылъ? Развернулъ лукошко, гляжу, анъ тамъ лежитъ малый ребенокъ, чуть живой, и еле дышетъ. „Ахъ ты, бѣсенокъ! подумалъ я, такъ вотъ зачѣмъ баба не хотѣла лукошка отдавать! Такъ изъ-за тебя, проклятаго, я грѣхъ на душу взялъ!“

Коршунъ хотѣлъ было продолжать, да замолчалъ и задумался.

— Чтò жь ты съ ребенкомъ сдѣлалъ? спросилъ Перстень.

— Чтò жь, его было няньчить чтò ли? Чтò сдѣлалъ? Вѣстимо чтò!

Старикъ опять замолчалъ.

— Атаманъ, сказалъ онъ вдругъ, — какъ подумаю объ этомъ,

такъ сердце и защемитъ. Вотъ особливо сегодня, какъ нарядился нищимъ, то такъ живо все припоминаю, какъ будто вчера было. Да не только то время, а не знаю съ чего, стало мнѣ вдругъ памятно и такое о чемъ я давно ужь не думалъ. Говорятъ, оно не къ добру, когда ни съ того, ни съ другаго станешь вдругъ вспоминать что ужь изъ памяти вышибъ!

Старикъ тяжело вздохнулъ.

Оба разбойника молчали. Вдругъ свистнули надъ ними крылья, и бурый коршунъ упалъ кувыркомъ къ ногамъ старика. Въ то же время кречетъ Адраганъ плавно нырнулъ въ воздухѣ и пронесся мимо, не удостоивъ спуститься на свою жертву.

Митька махнулъ рукою. Вдали показались сокольники.

— Дядя! сказалъ поспѣшно Перстень:—забудь прошлое; мы вѣдь теперь не разбойники, а слѣпые сказочники. Вонъ скачутъ царскіе люди, тотчасъ будутъ здѣсь. Живо, дядя, пріосанься, закидай ихъ прибаутками!

Старый разбойникъ покачалъ головою.

— Не сдобровать мнѣ, сказалъ онъ, показывая на убитаго коршуна.—Это меня срѣзалъ бѣлый кречетъ. Вишь, и нѣтъ ужь его. Убилъ да и пропалъ!

Перстень пристально посмотрѣлъ на него и съ досадою почесалъ затылокъ.

— Слушай, дядя, сказалъ онъ,—кто тебя знаетъ, что съ тобою сегодня сталось! Только я тебя неволить не буду. Говорятъ сердце вѣщунъ. Пожалуй, твое сердце и не даромъ чуетъ бѣду. Оставайся, я одинъ пойду въ Слободу.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Коршунъ,—я не къ тому велъ рѣчь. Ужь если такая моя доля, чтобы въ Слободѣ голову положить, такъ нечего оставаться. Видно мнѣ такъ на роду написано. А вотъ къ чему я рѣчь велъ. Знаешь ли, атаманъ, на Волгѣ село Богородицкое?

— Какъ не знать, знаю.

— А около того села, верстахъ въ пяти, мѣсто что зовутъ Поповъ Кругъ?

— И Поповъ Кругъ знаю.

— А на Поповомъ Кругу дубъ старый помнишь?

— И дубъ помню; только нѣтъ уже того дуба, срубили его.

— Дубъ-то срубили, да пень оставили.

— Такъ что жъ съ того?

— А вотъ что. Я-то ужъ никогда Волги матушки не увижу а ты; еще, статься можетъ, вернешься на родимую сторонушку. Такъ когда будешь на Волгѣ, ступай на Поповъ Кругъ. Отыщи пень стараго дуба. Какъ отыщешь пень, сосчитай полдевяносто ступней на закатъ солнечный. Сосчитаешь ступни, начинай рыть землю на томъ мѣстѣ. Тамъ, продолжалъ Коршунъ, понизивъ голосъ, я въ былое время закопалъ казну богатую. Довольно тамъ лежитъ корабельниковъ золотыхъ, и червонцевъ, и рублевъ серебряныхъ. Откроешь кладъ, все будетъ твое. Не взять мнѣ съ собою казны на тотъ свѣтъ. А какъ иной разъ подумаешь, что будешь тамъ отвѣтъ держать за все что здѣсь дѣлалъ, такъ въ ночное время индо морозъ по кожѣ деретъ! Ты бы, атаманъ, какъ не будетъ меня, велѣлъ по мнѣ панихиду отслужить. Оно все вѣрнѣе. Да не жалѣй денегъ на панихиду. Заплати хорошенько попу; пусть отслужитъ какъ слѣдуетъ, ничего не пропуститъ. А зовутъ меня, ты знаешь, Амельяномъ. Это такъ только люди Коршуномъ прозвали; а крестили вѣдь меня Амельяномъ; такъ пусть попъ отслужитъ панихиду по Амельянѣ; а ты ужъ заплати ему хорошенько, не пожалѣй денегъ, атаманъ; я тебѣ казну оставляю богатую, на всю жизнь твою станетъ!

Коршуна прервали подскакавшіе сокольники.

— Эй вы, убогіе! закричалъ одинъ изъ нихъ:—говорите, куда полетѣлъ кречетъ!

— И радъ бы сказать, родимые, отвѣчалъ Перстень,— да вотъ ужъ сорокъ годовъ глаза запорошило!

— Какъ такъ?

— Да пошелъ разъ въ горы, съ камней лыки драть. Вижу дубъ растетъ, въ дуплѣ жареные цыплята пищатъ. Я влѣзъ въ дупло, съѣлъ цыплятъ, потолстѣлъ, вылѣзти не могу! Какъ тутъ быть? Сбѣгалъ домой за топоромъ, обтесалъ дупло да и вылѣзъ; только тесамши-то, видно щепками глаза засорилъ; съ тѣхъ поръ ничего не вижу: иной разъ щи хлебаю, ложку въ ухо сую; чешется носъ, а я скребу спину!

— Такъ это вы, сказалъ смѣясь сокольникъ, — тѣ слѣпые что съ царемъ говорили! Бояре еще и теперь вамъ смѣются. Ну, ребята, мы днемъ потѣшали бзтюшку государя, а вамъ придется ночью тѣшить его царскую ми-

лость. Сказываютъ, хочетъ государь вашихъ сказокъ послушать!

— Дай Богъ здоровья его царской милости, подхватилъ Коршунъ, внезапно перемѣнивъ пріемы, — почему не послушать! Коли до ночи не свихнемъ языковъ, можемъ скрозь до утра разказывать!

— Добро, добро, сказали сокольники, — въ другой разъ побалякаемъ съ вами. Теперь ѣдемъ кречета искать, товарища выручать. Не найдетъ Трифонъ Адрагана, быть ему безъ головы; батюшка царь не шутитъ!

Сокольники поскакали въ полѣ.

Перстень и Коршунъ опять уцѣпились за Митьку и побрели по дорогѣ въ Слободу.

Не дошли они до перваго подворья, какъ увидѣли двухъ пѣсенниковъ, которые брянчали на балалайкахъ и пѣли во все горло:

Какъ у нашего сосѣда,
Весела была бесѣда.

Когда разбойники съ ними поровнялись, одинъ изъ пѣсенниковъ, рыжій дѣтина съ павлиньимъ перомъ на шапкѣ, нагнулся къ Перстню.

— Ужь дней пять твой князь въ тюрьмѣ! сказалъ онъ шепотомъ, продолжая перебирать лады.—Я все разузналъ, Завтра ему карачунъ. Сидитъ онъ въ большой тюрьмѣ. противъ Малютина дома. Съ котораго конца пѣтуха пускать?

— Вонъ съ того! отвѣчалъ Перстень, мигнувъ на сторону противоположную тюрьмѣ.

Рыжій пѣсенникъ щелкнулъ всѣми пальцами по животу балалайки и, отвернувшись отъ Перстня, будто и не съ нимъ говорилъ, продолжалъ тонкимъ голосомъ:

Какъ у нашего сосѣда,
Весела была бесѣда!

ГЛАВА XXI.

Сказка.

Иванъ Васильевичъ, утомленный охотою, удалился ранѣе обыкновеннаго въ свою опочивальню.

Вскорѣ явился Малюта съ тюремными ключами.

На вопросъ царя Малюта отвѣтилъ, что новаго ничего не случилось, что Серебряный повинился въ томъ, что стоялъ за Морозова на Москвѣ, гдѣ убилъ семерыхъ опричниковъ и разсѣкъ Вяземскому голову.

— Но, прибавилъ Малюта,—не хочетъ онъ виниться въ умыслѣ на твое царское здравіе, и на Морозова также показывать не хочетъ. Послѣ заутрени учинимъ ему пристрастный допросъ, а коли онъ и съ пытки, и съ огня не покажетъ на Морозова, то и ждать нечего, тогда можно и покончить съ нимъ.

Іоаннъ не отвѣчалъ. Малюта хотѣлъ продолжать, но въ опочивальню вошла старая мамка Онуфревна.

— Батюшка, сказала она, — ты утромъ прислалъ сюда двухъ слѣпыхъ; сказочники они, что ли; ждутъ здѣсь въ сѣняхъ.

Царь вспомнилъ свою встрѣчу и приказалъ позвать слѣпыхъ.

— Да ты ихъ, батюшка, знаешь ли? спросила Онуфревна.

— А что?

— Да полно, слѣпые ли они?

— Какъ? сказалъ Іоаннъ, и подозрѣніе мигомъ имъ овладѣло.

— Послушай меня, государь, продолжала мамка,—берегись этихъ сказочниковъ; чуется мнѣ, что они недоброе затѣяли; берегись ихъ, батюшка, послушайся меня.

— Что знаешь ты про нихъ? Говори! сказалъ Іоаннъ.

— Не спрашивай меня, батюшка. Мое знанье словами не сказывается; чуется мнѣ, что они недобрые люди, а почему чуется, не спрашивай. Даромъ я никого еще не остерегала. Кабы послушалась меня покойная матушка твоя, она, можетъ, и теперь бы здравствовала еще!

Малюта поглядѣлъ со страхомъ на мамку.

— Ты чего на меня смотришь? сказала Онуфріевна.—Ты только безвинныхъ губишь, а лихаго человѣка распознать, видно, не твое дѣло. Чутья-то у тебя на это не хватитъ, рыжій песъ!

— Государь, воскликнулъ Малюта,—дозволь мнѣ попытать этихъ людей. Я тотчасъ узнаю, кто они, и отъ кого подосланы!

— Не нужно, сказалъ Іоаннъ,—я ихъ самъ попытаю. Гдѣ они?

— Тутъ, батюшка, за дверью, отвѣчала Онуфріевна,—въ сѣняхъ стоятъ.

— Подай мнѣ, Малюта, кольчугу со стѣны; да ступай, будто домой, а когда войдутъ они, вернись въ сѣни, да притаись съ ратниками за этою дверью. Лишь только я кликну, вбѣгайте и хватайте ихъ. Онуфревна, подай сюда посохъ.

Царь вздѣлъ кольчугу, надѣлъ поверхъ нея черный стихарь, легъ на постель и положилъ возлѣ себя тотъ самый посохъ, или осёнъ, которымъ незадолго передъ тѣмъ пронзилъ ногу гонцу князя Курбскаго.

— Теперь пусть войдутъ! сказалъ онъ.

Малюта положилъ ключи подъ царское изголовье, и вышелъ вмѣстѣ съ мамкою. Иконныя лампады слабо освѣщали избу. Царь съ видомъ усталости лежалъ на одрѣ.

— Войдите, убогіе, сказала мамка,—царь велѣлъ!

Перстень и Коршунъ вошли, осторожно передвигая ноги, и щупая вокругъ себя руками.

Однимъ быстрымъ взглядомъ Перстень обозрѣлъ избу, и находившіеся въ ней предметы.

Налѣво отъ двери была лежанка; въ переднемъ углу стояла царская кровать; между лежанкой и кроватью было продѣлано въ стѣнѣ окно, которое никогда не затворялось ставнемъ, ибо царь любилъ, чтобы первые лучи солнца проникали въ его опочивальню. Теперь сквозь окно это смотрѣла луна, и серебряный блескъ ея игралъ на пестрыхъ изразцахъ лежанки.

— Здравствуйте, слѣпые, муромскіе калашники, вертячіе бобы! сказалъ царь, пристально, но непримѣтно вглядываясь въ черты разбойниковъ.

— Много лѣтъ здравствовать твоей царской милости! отвѣчали Перстень и Коршунъ, кланяясь земно.—Заступи, спаси и помилуй тебя Мати Божія, что жалѣешь ты насъ, скудныхъ, убогихъ людей, по земли ходящихъ, по воды бродящихъ, свѣта Божія не видящихъ! Сохрани тебя святый Петръ и Павелъ, Іоаннъ Златоустъ, Кузьма со Демьяномъ, Хутынскіе чудотворцы, и всѣ святые угодники! Создай тебѣ Господи, о чемъ ты молишь и просишь! Вѣчно бы тебѣ въ золотѣ ходилось, вкусно ѣлось и пилось, сладко спалось! А супостатамъ твоимъ вѣчно бъ икалось

и голодалось; каждый бы день ихъ дугою корчило, бараньимъ рогомъ коробило!

— Спасибо, спасибо, убогіе! сказалъ Іоаннъ, продолжая вглядываться въ разбойниковъ:—что жь вы, давно, знать, ослѣпли?

— Съ молоду, батюшка государь, отвѣчалъ Перстень, кланяясь и сгибая колѣни,—оба смолоду ослѣпли! И не припомнимъ, когда солнышко Божіе видѣли!

— А кто же васъ научилъ пѣсни пѣть, и сказки сказывать?

— Самъ Господь, батюшка, самъ Господь сподобилъ, еще въ стародавнія времена!

— Какъ такъ? спросилъ Іоаннъ.

— Старики наши разказываютъ, отвѣчалъ Перстень,—и гусляры о томъ поютъ: въ стародавнія-то было времена, когда возносился Христосъ Богъ на небо, расплакались бѣдные, убогіе, слѣпые, хромые, вся, значитъ, нищая братія: куда ты, Христосъ Богъ, полетаешь? На кого насъ оставляешь? Кто будетъ насъ кормить-поить? И сказалъ имъ Христосъ царь небесный:

„Дамъ вамъ, говоритъ, гору золотую, рѣку медвяную, сады-винограды, яблони кудрявы; будете сыты да пьяны, будете обуты-одѣты! Тутъ возговоритъ Иванъ Богословъ: Ай же ты Спасъ милосердый! Не давай имъ ни горы золотыя, ни рѣки медвяныя, ни садовъ-виноградовъ, ни яблонь кудрявыхъ. Не сумѣютъ они ими владѣти; наѣдутъ къ нимъ сильные богатые, добро-то у нихъ отымутъ. А ты дай имъ, Христосъ, царь небесный, дай-ко-се имъ имя твое Христовое, дай-ко-се имъ тѣ пѣсни сладкія, сказаньица великія про стару старину, да про божьихъ людей. Пойдутъ нищіе по земли ходити, сказаньица великія говорити, всякій ихъ пріобуетъ-пріодѣнетъ, хлѣбомъ-солью напитаетъ. И рече Христосъ царь небесный: Инъ пусть будетъ по твоему, Иване! Пусть же имъ будутъ пѣсни сладкія, гусли звонкія, сказанья великія; а кто ихъ напоитъ-накормитъ, отъ темныя ночи оборонитъ, тому я дамъ въ раю мѣсто; не заперты въ рай тому двери!“

— Аминь! сказалъ Іоаннъ.—Какія же вы знаете сказки?

— Всякія знаемъ, батюшка царь, какія твоя милость послушать соизволитъ. Могу сказать тебѣ о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ, о семи Семіонахъ, о змѣѣ

Горынищѣ, о гусляхъ-самогудахъ, о Добрынѣ Никитичѣ, объ Акундинѣ...

— Что же, перебилъ Іоаннъ,—развѣ ты одинъ сказки сказываешь? А старикъ-то зачѣмъ съ тобою пришелъ?

Перстень спохватился, что Коршунъ почти все время молчалъ, и чтобы вызвать его изъ неестественной для сказочника угрюмости, онъ вдругъ перемѣнилъ пріемы и началъ говорить прибаутками.

— Старикъ-то? сказалъ онъ, наступая непримѣтно на ногу Коршуна:—это, вишь, мой товарищъ, Амелька Гудокъ; борода у него длинна да умъ коротокъ; когда я рѣчь веду скоромную, не постную, несу себѣ околесную, онъ мнѣ поддакиваетъ, потакаетъ да присвистываетъ, похваляетъ да помалчиваетъ. Такъ-ли, дядя, бѣлая борода, утиная поступь, куриныя ножки; не сбиться бы намъ съ дорожки!

— Вѣстимо такъ! подхватилъ Коршунъ, опомнясь:—наша чара полна зелена вина, а ужь налилъ по край, такъ пей до дна! Вотъ какъ, дядя, пѣтушиный голосокъ, кротовое око; пошли ходить, заберемся далеко!

— Ай люли тарарахъ, пляшутъ козы на горахъ! сказалъ Перстень, переминая ногами:—козы пляшутъ, мухи пашутъ, а у бабушки Евфросиньи въ лѣвомъ ухѣ звенитъ!..

— Ай люлишеньки люли! перебилъ Коршунъ, также переминая ногами:—ай люлишеньки люли, сидитъ ракъ на мели; не горюетъ ракъ, а свиститъ въ кулакъ; какъ прибудетъ вода, такъ пройдетъ бѣда!

— Эхъ, батюшка государь, закончилъ Перстень, съ низкимъ поклономъ,—не смотри на насъ искоса; это не сказка, а только присказка!

— Добро! сказалъ Іоаннъ, зѣвая:—люблю молодцовъ за обычай; начинайте же сказку про Добрыню, убогіе; авось я, слушая васъ, сосну!

Перстень еще разъ поклонился, откашлялся и началъ:

„Во гридницѣ княженецкой, у Владиміра князя кіевскаго, было пированье почестный столъ, былъ пиръ про князей, бояръ и могучихъ богатырей. А и былъ день къ вечеру, а и былъ столъ во полустолѣ, и послышалось всѣмъ за диво: затрубила труба ратная. Возго́ворилъ Владиміръ князь кіевскій, солнышко Святославьевичъ: гой еси вы, князья, бояре, сильны могучіе богатыри! Пошлите опро-

вѣдать двухъ могучихъ богатырей: кто смѣловалъ стать передъ Кіевомъ? Кто смѣловалъ трубить ко стольному князю Владиміру?

„Зашумѣли буйны молодцы посередь двора; зазвенѣли мечи булатные по крутымъ бедрамъ; застучали палицы желѣзныя у красна крыльца, закидали шапки разнорядь по поднебесью. Надѣваютъ могучи богатыри збрую ратную, садятся на добрыхъ коней, выѣзжаютъ во чисто поле...“

— Погоди-ка! сказалъ Іоаннъ, съ намѣреніемъ придать болѣе правдоподобія своему желанію слушать разкащика: —я эту сказку знаю. Разкажи лучше про Акундина!

— Про Акундина? сказалъ Перстень съ замѣшательствомъ, вспомнивъ, что въ той сказкѣ величается опальный Новгородъ:—про Акундина, батюшка государь, сказка-то нехорошая, мужицкая; выдумали ту сказку глупые мужики новгородскіе; да я, батюшка царь, какъ будто и забылъ-то ее...

— Разказывай, слѣпой! сказалъ Іоаннъ строго:—разказывай всю, какъ есть, и не смѣй пропустить ни единаго слова!

И царь внутренно усмѣхнулся трудному положенію, въ которое онъ ставилъ разкащика.

Перстень, хотя досадывалъ на себя, что самъ предложилъ эту сказку, но не зная до какой степени она уже извѣстна Іоанну, рѣшился, очертя голову, начать свой разказъ, ничего не выкидывая.

„Какъ во старомъ было городѣ, началъ онъ, въ Новѣгородѣ, какъ во томъ ли во Новѣгородѣ, со посадской стороны, жилъ Акундинъ молодецъ, а и тотъ ли Акундинъ, молодой молодецъ, ни пива не варилъ, ни вина не курилъ, ни въ торгу не торговалъ; а ходилъ онъ, Акундинъ, со повольницей, и гулялъ онъ, Акундинъ, по Волхву по рѣкѣ на суденышкахъ. Садится онъ, Акундинъ, на суденышко оснащеное, кладетъ весельца кленовыя во замки дубовые, а самъ садится на корму. Поплыло суденышко по Волхвъ по рѣкѣ и прибило суденышко ко круту бережку. Какъ во ту пору по круту бережку идетъ калечище перехожее. Беретъ калѣчище Акундина за бѣлы руки, ведетъ его, Акундина, на высокъ курганъ, а становивши его на высокъ курганъ, говорилъ такія рѣчи:—Погляди-ка, молодой молодецъ, на городъ Ростиславль, на Окѣ рѣкѣ, а погля-

дѣвши, повѣдай что̀ дѣется въ городѣ Ростиславлѣ?—Какъ глянулъ Акундинъ въ городъ во Ростиславль, а тамъ бѣда великая: исконные слуги молода̀ князя рязанскаго, Глѣба Олеговича, стоятъ посередь торга, хотятъ войной городъ отстоять, да силы не хватитъ. А по Окѣ рѣкѣ плыветъ чудовище невиданное, змѣй Тугаринъ. Длиною-то былъ тотъ змѣй Тугаринъ во триста сажень, хвостомъ бьетъ рать рязанскую, спиною валитъ круты̀ берега, а самъ все проситъ стару дань. Въ ту пору калѣчище беретъ Акундина за его бѣлы̀ руки, молвитъ таково слово:—Ты гой еси, добрый мо̀лодецъ, назовись по имени по изотчеству!—На тѣ ли рѣчи спросныя говоритъ Акундинъ:—Родомъ я изъ Нова́города, зовутъ меня Акундинъ Акундинычъ.

„—Тебя-то, Акундинъ Акундинычъ, я ждалъ ровно тридцать лѣтъ и три года; спознай своего дядюшку родимаго Замятню Путятича; а и вѣдь мой-то братъ, Акундинъ Путятичъ, былъ тебѣ родимый батюшка! А и вотъ тебѣ мечъ-кладенецъ твоего родимаго батюшки, Акундина Путятича!—Не домолвивши рѣчи вѣстныя, сталъ Замятня Путятичъ кончатися, со бѣлымъ свѣтомъ разставатися; и кончаяся, учалъ отповѣдь чинить:—А и гой ты еси, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундинычъ! Какъ и будешь ты во славно́мъ во Новѣгородѣ, и ты ударь челомъ ему Новуго́роду, и ты скажи, скажи ему Новуго́роду: а и дай же то, Боже, тебѣ ли, Новугороду, вѣкъ вѣковать, твоимъ ли дѣтушкамъ славы добывать! Какъ и быть ли тебѣ, Нову-го́роду во могучествѣ, а твоимъ дѣтушкамъ во богачествѣ...“

— Довольно! перебилъ съ гнѣвомъ царь, забывая въ эту минуту, что цѣль его была только слѣдить за разкащикомъ.—Начинай другую сказку!

Перстень, какъ будто въ испугѣ, согнулъ колѣни и поклонился почти до земли.

— Какую же сказку соизволишь, батюшка государь? спросилъ онъ съ притворнымъ, а можетъ-быть, отчасти и съ настоящимъ страхомъ;—не разказать ли тебѣ о Бабѣ Ягѣ? О Чурилѣ Пленковичѣ? О Иванѣ Озерѣ? Или не велишь ли твоей милости что-нибудь божественное разказать?

Іоаннъ вспомнилъ, что онъ не долженъ запугивать слѣпыхъ, а потому еще разъ зѣвнулъ и спросилъ уже соннымъ голосомъ:

— А что же ты знаешь божественное, убогій?

— Объ Алексѣѣ Божьемъ Человѣкѣ, батюшка, о Егоріи Храбромъ, объ Іосифѣ Прекрасномъ, или пожалуй о Голубиной книгѣ...

— Ну, сказалъ Іоаннъ, котораго глаза, казалось, уже смыкались,—разкажи о Голубиной книгѣ! Оно намъ, грѣшнымъ, и лучше будетъ на ночь что-нибудь божественное послушать!

Перстень вторично откашлялся, выпрямился и началъ нараспѣвъ.

„Какъ изъ тучи было изъ грозныя, изъ грозныя тучи страховитыя, подымалась погода божія; во той ли во погодѣ божіей, выпадала съ небесъ книга Голубиная. Ко той ли, ко книгѣ Голубиной, соѣзжалось сорокъ царей и царевичей, сорокъ королей и королевичей, сорокъ князей со князевичамъ, сорокъ поповъ со поповичамъ, много бояръ, люду ратнаго, люду ратнаго, разнаго, мелкихъ христіянъ православныихъ. Изъ нихъ было пять царей набольшихъ: былъ Исай царь, Василей царь, Костянтинъ царь, Володимеръ царь Володимерычъ, былъ премудрый царь Давидъ Евсіевичъ.

„Какъ проговорилъ Володимеръ царь:—кто изъ насъ, братцы, гораздъ въ грамотѣ? Прочелъ бы эту книгу Голубиную? Сказалъ бы намъ про божій свѣтъ: отчего началось солнце красное? Отчего начался младъ свѣтёлъ мѣсяцъ? Отчего начались звѣзды частыя? Отчего начались зори свѣтлыя? Отчего зачались вѣтры буйные? Отчего зачались тучи грозныя? Отчего да взялись ночи темныя? Отчего у насъ пошелъ міръ-народъ? Отчего у насъ на земли цари пошли? Отчего зачались бояры-князья? Отчего пошли крестьяне православные?

„На то всѣ цари пріумолкнули. Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь, премудрый царь Давидъ Евсіевичъ:—Я вамъ, братцы, про то скажу, про эту книгу Голубиную: эта книга не малая; сорока сажéнь долина ея, поперечина двадцати сажéнь; приподнять книгу, не поднять будетъ; на рудѣхъ держать, не сдержать будетъ; по строкамъ глядѣть, всѣ не выглядѣть; по листамъ ходить, всѣ не выходить, а читать книгу—ее некому, а писалъ книгу Богословъ Иванъ, а читалъ книгу Исай пророкъ, читалъ ее по три годы, прочелъ въ книгѣ только три листа; ужь мнѣ честь книгу—

не прочесть божію! Сама книга распечатывалась, сами листы разстилалися, сами слова прочиталися. Я скажу вамъ, государи, не выглядя, скажу вамъ, братцы, не по грамотѣ, не по грамотѣ, все по памяти, про старое, про стародавнее, по старому, по писа́ному:

„Началось у насъ солнце красное отъ свѣтлаго лица Божія; младъ свѣтёлъ мѣсяцъ отъ грудей его; звѣзды частыя отъ очей Божіихъ; зори свѣтлыя отъ ризъ Его; буйны вѣтры-то—дыханье Божее; тучи грозныя—думы Божія; ночи темныя отъ опашня Его! Міръ-народъ у насъ отъ Адамія; отъ Адамовой головы цари пошли; отъ мощей его князи со боярами; отъ колѣнъ крестьяне православные; отъ того жь начался и женскій полъ!

„Ему всѣ цари поклонилися:—Спасибо, свѣтъ-сударь, премудрый царь, мудрѣйшій царь, Давидъ Евсіевичъ! Ты еще, сударь, намъ про то скажи, намъ про то скажи, скажи, ты повѣдай намъ:

„Который царь надъ царями царь? Кая земля всѣмъ землямъ мати? Которо море всѣмъ морямъ мати? Котора рѣка всѣмъ рѣкамъ мати? Кая гора всѣмъ горамъ мати? Который городъ всѣмъ городамъ мати?“

Здѣсь Перстень украдкою посмотрѣлъ на Ивана Васильевича, котораго, казалось, все болѣе клонило ко сну. Онъ время отъ времени, какъ будто съ трудомъ, открывалъ глаза и опять закрывалъ ихъ; но всякій разъ незамѣтно бросалъ на разкащика испытующій, проницательный взглядъ.

Перстень, перемигнулся съ Коршуномъ, и продолжалъ:

„Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь, премудрый царь, Давидъ Евсіевичъ:—Я вамъ, братцы, и про то скажу, про то скажу, вамъ повѣдаю: въ Голубиной книгѣ есть написано: у насъ Бѣлый царь будетъ надъ царями царь; онъ вѣруетъ вѣру крещеную, крещеную богомольную; онъ въ матерь Божію Богородицу и въ Троицу вѣруетъ нераздѣлимую. Ему о́рды всѣ преклонилися, всѣ языци ему покорилися; о́бласть его надо всей землей, надо всей землей, надъ вселенною; всѣхъ выше его рука царская, благовѣрная, благочестивая; и всѣ къ царю Бѣлому приклонятся, потому Бѣлый царь надъ царями царь! Свято-Русь земля всѣмъ землямъ мати; на ней строятъ церкви апостольскія, богомольныя, соборныя. Окіанъ-море всѣмъ морямъ мати;

выходила изъ него церковь соборная; что во той ли во церкви во соборныя почиваютъ мощи попа римскаго, попа римскаго Климентія; обошло то море околъ всей земли; всѣ рѣки къ морю собѣгалися, всѣ къ Окіянъ-морю приклонилися. Ердань-рѣка всѣмъ рѣкамъ мати; во славной матушкѣ во Ердань-рѣкѣ окрестился самъ Исусъ Христосъ, самъ Исусъ Христосъ, небесный Царь. А Ѳаворъ гора всѣмъ горамъ мати; какъ на славныя на Ѳаворъ горы преобразился на ней самъ Исусъ Христосъ, показалъ славу ученикамъ своимъ. Ерусалимъ городъ всѣмъ городамъ мати; что стоитъ тотъ городъ посреди земли, а въ томъ городѣ церковь соборная; пребываетъ во церкви Господень гробъ, почиваютъ въ немъ ризы самого Христа, ѳиміамы-ладоны рядомъ курятся, свѣщи горятъ неугасимыя...“

Здѣсь Перстень опять взглянулъ на Іоанна. Глаза его были закрыты, дыханіе ровно. Грозный, казалось, почивалъ.

Атаманъ тронулъ Коршуна локтемъ. Старикъ подался шага на два впередъ. Перстень продолжалъ на распѣвъ:

„Ему всѣ цари поклонилися:—Спасибо, свѣтъ-сударь, премудрый царь, Давидъ Евсіевичъ! Ты еще, сударь, намъ про то скажи: котора рыба всѣмъ рыбамъ мать? Котора птица птицамъ есть мать? Который звѣрь надъ звѣрями звѣрь? Который камень всѣмъ каменямъ отецъ? Которо древо древамъ всѣмъ мать? Кая трава всѣмъ травамъ мати?

„Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь: —Я еще вамъ, братцы, про то скажу: у насъ Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мать: на трехъ на Китахъ земля стоитъ; Естрафиль птица всѣмъ птицамъ мати; что живетъ та птица на синёмъ морѣ; когда птица вострепенется, все синё море всколебается, потопляетъ корабли гостиные, побиваетъ суда поморскія; а когда Естрафиль вострепещется, во второмъ часу послѣ полуноци, запоютъ пѣтухи по всей земли, освѣтится въ тѣ поры вся земля...“

Перстень покосился на Іоанна. Царь лежалъ съ сомкнутыми глазами; ротъ его былъ раскрытъ какъ у спящаго. Въ то же время, какъ будто въ подтвержденіе словъ своихъ, Перстень увидѣлъ въ окно, что дворцовая церковь и крыши ближнихъ строеній освѣтились дальнимъ заревомъ.

Онъ тихонько толкнулъ Коршуна, который подался еще однимъ шагомъ ближе къ Ивану Васильевичу.

„У насъ Индра-звѣрь, (продолжалъ Перстень) надъ звѣрями звѣрь, и онъ ходитъ, звѣрь, по подземелью, яко солнышко по поднебесью; онъ копаетъ рогомъ сыру мать-землю, выкопаетъ ключи все глубокіе; онъ пущаетъ рѣки, ручьявиночки, прочищаетъ ручьи и проточины, даетъ людямъ питанійца, питанійца, обмыванійца. Алатырь-камень всѣмъ камнямъ отецъ; на бѣломъ Алатырѣ на камени самъ Исусъ Христосъ опочивъ держалъ, царь небесный бесѣдовалъ со двунадесяти со апостоламъ, утверждалъ вѣру христіанскую; утвердилъ онъ вѣру на камени, распущалъ онъ книги по всей землѣ. Кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мати; изъ того ли изъ древа кипарисиаго былъ вырѣзанъ чуденъ-поклоненъ крестъ; на тѣмъ на крестѣ, на животворящіимъ, на распятьи былъ самъ Исусъ Христосъ, самъ Исусъ Христосъ, самъ небесный царь, промежду двухъ воровъ, двухъ разбойниковъ. Плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати. Когда Христосъ Богъ на распятьи былъ, тогда шла мати Божія, Богородица, ко своему сыну ко распятому; отъ очей ея слезы наземь капали, и отъ тѣхъ отъ слезъ, отъ пречистыихъ, зародилася, выростала мати плакунъ-трава; изъ того плакуна, изъ корени, у насъ рѣжутъ на Руси чудны кресты, а ихъ носятъ старцы иноки, мужіе ихъ носятъ благовѣрные..“

Здѣсь Иванъ Васильевичъ глубоко вздохнулъ, но не открылъ очей. Зарево пожара дѣлалось ярче. Перстень сталъ опасаться, что тревога подымется прежде чѣмъ они успѣютъ достать ключи. Не рѣшаясь самъ тронуться съ мѣста, чтобы царь не замѣтилъ его движенія по голосу, онъ указалъ Коршуну на пожаръ, потомъ на спящаго Іоанна, и продолжалъ:

„Ему всѣ цари поклонилися:—Спасибо, свѣтъ сударь, премудрый царь, мудрѣйшій царь Давидъ Евсіевичъ! Ты горазд сказать по памяти, говоришь будто по грамоты! Тутъ возговоритъ Володимеръ царь:—Ты еси, премудрый царь, Давидъ Евсіевичъ! Ты скажи еще, ты повѣдай мнѣ: ночесь мнѣ мало спалося, мало спалося много видѣлось: кабы два звѣрья сходилися, одинъ бѣлый звѣрь, другой сѣрый звѣрь, промежду собой подиралися; кабы бѣлый звѣрь одолѣть хочетъ?—Что отвѣтъ держалъ премудрый

царь, премудрый царь Давидъ Евсіевичъ:—Ахъ ты гой еси, Володимеръ царь, Володимеръ Володимерычъ! То не два звѣрья сходилися, промежду собой подиралися; и то было у насъ на сырой земли, на сырой земли, на святой Руси; сходилася правда со кривдою; это бѣлая звѣрь — то-то правда есть, а сѣрая звѣрь — то-то кривда есть; правда кривду передалила, правда пошла къ Богу нá небо, а кривда осталась на сырой землѣ; а кто станетъ жить у насъ правдою, тотъ наслѣдуетъ царство небесное; а кто станетъ жить у насъ кривдою, отрѣшенъ на муки на вѣчныя....“

Здѣсь послышалось легкое храпѣніе Іоанна. Коршунъ протянулъ руку къ царскому изголовью, Перстень же придвинулся ближе къ окну, но чтобы внезапнымъ молчаніемъ не прервать сна Іоаннова, онъ продолжалъ разказъ свой тѣмъ же однообразнымъ голосомъ:

„Ему всѣ цари поклонилися: спасибо, свѣтъ сударь, премудрый царь, премудрый царь Давидъ Евсіевичъ! Ты еще, сударь, намъ про то скажи: какимъ грѣхамъ прощенье есть, а какимъ грѣхамъ нѣтъ прощенія? Имъ отвѣтъ держалъ премудрый царь, премудрый царь Давидъ Евсіевичъ: кабы всѣмъ грѣхамъ прощенье есть, тремъ грѣхамъ тяжкое покаяніе: кто спознался съ кумою крестовыя, кто бранитъ отца съ матерью, кто....“

Въ это мгновеніе царь внезапно открылъ глаза. Коршунъ отдернулъ руку, но уже было поздно: взоръ его встрѣтился со взоромъ Іоанна. Нѣсколько времени оба неподвижно глядѣли другъ на друга, какъ бы взаимно скованные обаятельною силой.

— Слѣпые! сказалъ вдругъ царь, быстро вскакивая;—третій грѣхъ: когда кто нарядится нищимъ и къ царю въ опочивальню войдетъ!

И онъ ударилъ острымъ посохомъ Коршуна въ грудь. Разбойникъ схватился за посохъ, закачался и упалъ навзничь.

— Гей! закричалъ царь, выдергивая остріе изъ груди Коршуна.

Опричники вбѣжали, гремя оружіемъ.

— Хватайте ихъ обоихъ! сказалъ Іоаннъ.

Какъ ярый песъ, Малюта бросился на Перстня, но съ необычайною ловкостью атаманъ ударилъ его кулакомъ подъ ложку, вышибъ ногою оконницу и выскочилъ въ садъ.

— Оцѣпите садъ! Ловите разбойника! заревѣлъ Малюта, согнувшись отъ боли и держась обѣими руками за животъ.

Между тѣмъ опричники подняли Коршуна.

Іоаннъ въ черномъ стихарѣ, изъ-подъ котораго сверкала кольчуга, стоялъ съ дрожащимъ посохомъ въ рукѣ, вперивъ грозныя очи въ раненаго разбойника. Испуганные слуги держали зажженныя свѣчи. Сквозь разбитое окно виденъ былъ пожаръ. Слобода приходила въ движеніе, вдали гудѣлъ набатный колоколъ.

Коршунъ стоялъ, насупивъ брови, опустивъ глаза, поддерживаемый опричниками; кровь широкими пятнами пестрила его рубаху.

— Слѣпой! сказалъ царь:—говори, кто ты и что умышлялъ надо мною?

— Нечего мнѣ таить! отвѣчалъ Коршунъ.—Я хотѣлъ добыть ключи отъ твоей казны, а надъ тобой ничего не умышлялъ!

— Кто подослалъ тебя? Кто твои товарищи?

Коршунъ безстрашно взглянулъ на Іоанна.

— Надежа, православный царь! Былъ я молодъ, пѣвалъ я пѣсню: „Не шуми мати сыра дуброва“. Въ той ли пѣсни царь спрашиваетъ у добра молодца съ кѣмъ разбой держалъ? А молодецъ говоритъ: товарищей у меня было четверо: ужь какъ первый мой товарищъ черная ночь; а второй мой товарищъ....

— Будетъ! прервалъ его Малюта:—посмотримъ что ты запоешь какъ станутъ тебя съ дыбовъ рвать, на козелъ подымать! Да, кой прахъ! продолжалъ онъ, вглядываясь въ Коршуна,—я гдѣ-то уже видалъ эту кудластую голову!

Коршунъ усмѣхнулся и отвѣсилъ поклонъ Малютѣ.

— Видѣлись мы, батюшка, Малюта Скурлатычъ, видѣлись, коли припомнишь, на Поганой Лужѣ....

— Хомякъ! перебилъ его Малюта, обернувшись къ своему стремянному:—возьми этого старика, потолкуй съ нимъ, попроси его разказать, зачѣмъ приходилъ къ его царской милости. Я сейчасъ самъ въ застѣнокъ приду!

— Пойдемъ, старина! сказалъ Хомякъ, ухватя Коршуна за воротъ:—пойдемъ-ка вдвоемъ, потолкуемъ ладкомъ!

— Постой! сказалъ Іоаннъ.—Ты, Малюта, побереги этого старика; онъ не долженъ на пыткѣ кончиться. Я приду-

маю ему казнь примѣрную, еще не бывалую, неслыханную; такую казнь что самого тебя удивлю, отецъ параклисіархъ!

— Благодари же царя, песъ! сказалъ Малюта Коршуну, толкая его:— доведется тебѣ, должно-быть, пожить еще. Мы сею ночью тебѣ только суставы повывернемъ!

И вмѣстѣ съ Хомякомъ онъ вывелъ разбойника изъ опочивальни.

Между тѣмъ Перстень, пользуясь общимъ смятеніемъ, перелѣзъ черезъ садовый частоколъ и прибѣжалъ на площадь, гдѣ находилась тюрьма. Площадь была пуста; весь народъ повалилъ на пожаръ.

Пробираясь осторожно вдоль тюремной стѣны, Перстень споткнулся на что-то мягкое и, нагнувшись, ощупалъ убитаго человѣка.

— Атаманъ! шепнулъ, подходя къ нему, тотъ самый рыжій пѣсенникъ, который остановилъ его утромъ:—часоваго-то я зарѣзалъ! Давай проворнѣй ключи, отопремъ тюрьму да и прощай; пойду на пожаръ грабить съ ребятами! А гдѣ Коршунъ?

— Въ рукахъ царя! отвѣчалъ отрывисто Перстень.—Все пропало. Сбирай ребятъ да и тягу! Тише; это кто?

— Я! отвѣчалъ Митька, отдѣляясь отъ стѣны.

— Убирайся, дурень! Уноси ноги! Всѣ выбирайтесь изъ слободы! Сборъ у криваго дуба!

— А князь-то? спросилъ Митька протяжно.

— Дурень! Слышишь все пропало. Дѣдушку схватили, ключей не добыли!

— А нѣшто тюрьма на запорѣ?

— Какъ не на запорѣ? Кто отперъ?

— А я!

— Что ты, болванъ? Говори толкомъ!

— А что жь говорить? Прихожу, никого нѣтъ; часовой лежитъ, раскидамши ноги. Я говорю: дай, молъ, испробую, крѣпка ль дверца? Понаперъ въ нее плечикомъ, а она, какъ была, такъ съ заклепами и соскочи съ петлей!

— Ай да, дурень! воскликнулъ радостно Перстень.—Вотъ правду говорятъ, дураками свѣтъ стоитъ! Ахъ, дуракъ, дуракъ! Ахъ губошлепъ, губошлепъ ты этакій!

И Перстень, схвативъ Митьку за виски, поцѣловалъ его въ обѣ щеки, причемъ Митька протянулъ, чмокая, и свои толстыя губы, а потомъ хладнокровно утерся рукавомъ.

— Иди же за мной, такой сякой сынъ, право! А ты, балалайка, здѣсь погоди. Коли что̀ будетъ, свистни!

Перстень вошелъ въ тюрьму. За нимъ ввалился и Митька.

За первою дверью были еще двѣ другія двери, но тѣ, какъ менѣе крѣпкія, еще легче подались отъ богатырскаго натиска Митьки.

— Князь! сказалъ Перстень, входя въ подземелье:—вставай!

Серебряный подумалъ, что пришли вести его на казнь.

— Ужели теперь утро? спросилъ онъ:—или тебѣ, Малюта, до разсвѣта не терпится?

— Я не Малюта! отвѣчалъ Перстень.—Я тотъ, кого ты отъ смерти спасъ. Вставай, князь! Время дорого. Вставай, я выведу тебя!

— Кто ты? сказалъ Серебряный: — я не знаю твоего голоса!

— И не мудрено, бояринъ; гдѣ тебѣ помнить меня! Только вставай, вставай! Намъ некогда мѣшкать!

Серебряный не отвѣчалъ. Онъ подумалъ что Перстень одинъ изъ Малютиныхъ палачей, и принялъ слова его за насмѣшку.

— Аль ты не вѣришь мнѣ, князь? продолжалъ атаманъ съ досадою.—Вспомни Медвѣдевку, вспомни Поганую Лужу: я Ванюха Перстень!

Запылала радость въ груди Серебрянаго. Взыграло его сердце и забилось любовью къ свободѣ и къ жизни. Запестрѣли въ его мысляхъ и лѣса, и поля, и новыя славныя битвы, и явился ему, какъ солнце, свѣтлый образъ Елены.

Уже онъ вспрянулъ съ земли, уже готовъ былъ слѣдовать за Перстнемъ, какъ вдругъ вспомнилъ данную царю клятву, и кровь его отхлынула къ сердцу.

— Не могу! сказалъ онъ:—не могу идти за тобою. Я обѣщалъ царю не выходить изъ его воли и ожидать, гдѣ бы я ни былъ, суда его!

— Князь! отвѣчалъ удивленный Перстень:—мнѣ некогда толковать съ тобою. Люди мои ждутъ; каждый мигъ можетъ намъ головы стоить; завтра тебѣ казнь, теперь еще время, вставай, ступай съ нами!

— Не могу! повторилъ мрачно Серебряный: — я цѣловалъ ему крестъ на моемъ словѣ!

— Бояринъ! вскричалъ Перстень, и голосъ его измѣнился отъ гнѣва:—издѣваешься ты, что ли, надо мною? Для тебя я зажегъ Слободу, для тебя погубилъ своего лучшаго человѣка, для тебя можетъ-быть мы всѣ наши головы положимъ, а ты хочешь остаться? Даромъ мы сюда, что ли, пришли? Скоморохи мы тебѣ, что ли, дались? Да я бы посмотрѣлъ, кто бы сталъ глумиться надо мной! Говори въ послѣдній разъ, идешь, али нѣтъ?

— Нѣтъ! отвѣчалъ рѣшительно Никита Романовичъ, и легъ на сырую землю.

— Нѣтъ? повторилъ, стиснувъ зубы, Перстень:—нѣтъ? Такъ не бывать же по твоему! Митька, хватай его насильно!—И въ тотъ же мигъ атаманъ бросился на князя и замоталъ ему ротъ кушакомъ.

— Теперь не заспоришь! сказалъ онъ злобно.

Митька загребъ Никиту Романовича въ охабку, и какъ малаго ребенка вынесъ изъ тюрьмы.

— Живо! Идемъ! сказалъ Перстень.

Въ одной улицѣ попались имъ опричники.

— Кого несете? спросили они.

— Слободскаго на пожарѣ бревномъ пришибло! отвѣчалъ Перстень.—Несемъ въ скудельницу!

При выходѣ изъ Слободы, ихъ остановилъ часовой. Они хотѣли пройдти мимо; часовой разинулъ ротъ крикнуть; Перстень хватилъ его кистенемъ, и онъ свалился не пикнувъ.

Разбойники вынесли князя изъ Слободы безъ дальнѣйшаго препятствія.

ГЛАВА XXII.

Монастырь.

Мы оставили Максима ненастною ночью, на выѣздѣ изъ Александровой слободы. Косматый Буянъ лаялъ и прыгалъ вокругъ него и радовался, что удалось ему сорваться съ цѣпи.

Максимъ, покидая родительскій домъ, не успѣлъ опредѣлить себѣ никакой цѣли. Онъ хотѣлъ только оторваться

отъ ненавистной жизни царскихъ любимцевъ, отъ ихъ нечестиваго веселья и ежедневныхъ казней. Оставя за собою страшную Слободу, Максимъ ввѣрился своей судьбѣ. Сначала онъ торопилъ коня, чтобы не догнали его отцовскіе холопи, еслибы вздумалось Малютѣ послать за нимъ погоню. Но вскорѣ онъ повернулъ на проселочную дорогу и поѣхалъ шагомъ.

Къ утру гроза утихла. На востокѣ заалѣло, и Максимъ яснѣе сталъ различать предметы. По сторонамъ дороги росли кудрявые дубы; промежь нихъ виднѣлись кусты орѣшника. Было свѣжо; дождевыя капли бѣжали съ деревьевъ и лѣниво хлопали по широкимъ листьямъ. Вскорѣ мелкія птички запорхали и защебетали въ зелени; дятелъ застучалъ въ сухое дерево, и вершины дубовъ озолотились восходящимъ солнцемъ. Природа оживлялась все болѣе; конь ступалъ бодрѣе. Раскинулась передъ Максимомъ родная Русь; весело могъ бы онъ дышать въ ея вольномъ пространствѣ; но грусть легла ему на сердце, широкая русская грусть. Задумался онъ о покинутой матери, о своемъ одиночествѣ, обо многомъ, въ чемъ и самъ не отдавалъ себѣ отчета; задумался и затянулъ, въ раздумьѣ, протяжную пѣсню...

Чудны задушевныя русскія пѣсни! Слова бываютъ ничтожны; они лишь предлогъ; не словами, а только звуками выражаются глубокія, необъятныя чувства.

Такъ, глядя на зелень, на небо, на весь Божій міръ, Максимъ пѣлъ о горемычной своей долѣ, о золотой волюшкѣ, о матери сырой дубровѣ. Онъ приказывалъ коню унести себя въ чужедальнюю сторону что̀ безъ вѣтру сушитъ, безъ морозу знобитъ. Онъ поручалъ вѣтру отдать поклонъ матери. Онъ начиналъ съ перваго предмета попадавшагося на глаза, и высказывалъ все что̀ приходило ему на умъ; но голосъ говорилъ болѣе словъ, и еслибы кто услышалъ эту пѣсню, запала бъ она тому въ душу, и часто, въ минуту грусти, приходила бы на память...

Наконецъ, когда тоска стала глубже забирать Максима, онъ подобралъ поводья, поправилъ шапку, свистнулъ, крикнулъ и полетѣлъ во всю конскую прыть.

Вскорѣ забѣлѣли передъ нимъ стѣны монастыря.

Обитель была расположена по скату горы поросшей

дубами. Золотыя главы и узорные кресты вырѣзывались на зелени дубовъ и на синевѣ неба.

На встрѣчу Максиму попался отрядъ монастырскихъ служекъ въ шишакахъ и кольчугахъ. Они ѣхали шагомъ и пѣли псаломъ: „Возлюблю тя, Господи, крѣпосте моя.“ Услыша священныя слова, Максимъ остановилъ коня, снялъ шапку и перекрестился.

Небольшая рѣчка протекала подъ горою. Нѣсколько мельницъ вертѣли на ней свои колеса. На берегу паслись коровы пестрыми кучами.

Все вокругъ монастыря дышало такою тишиною, что вооруженный объѣздъ казался излишнимъ. Даже птицы на дубахъ щебетали какъ будто въ полголоса, вѣтеръ не шелестѣлъ въ листьяхъ, и только кузнечики, притаясь въ травѣ, трещали безъ умолку. Трудно было подумать, чтобы недобрые люди могли возмутить это спокойствіе.

„Вотъ гдѣ отдохну я! подумалъ Максимъ.— За этими стѣнами проведу нѣсколько дней, пока отецъ перестанетъ искать меня. Я на исповѣди открою настоятелю свою душу, авось онъ дастъ мнѣ на время убѣжище.“

Максимъ не ошибся. Престарѣлый игуменъ, съ длинною сѣдою бородой, съ кроткимъ взглядомъ, въ которомъ было совершенное невѣдѣніе дѣлъ мірскихъ, принялъ его ласково. Двое служекъ взяли подъ уздцы усталаго коня. Третій вынесъ хлѣба и молока для Буяна; всѣ радушно хлопотали около Максима. Игуменъ предложилъ ему отобѣдать, но Максимъ захотѣлъ прежде всего исповѣдаться.

Старикъ взглянулъ на него испытующимъ взоромъ, на сколько позволяли его добродушные глаза, и, не говоря ни слова, повелъ его черезъ обширный дворъ къ низкой, одноглавой церкви. Они шли мимо могильныхъ крестовъ и длиннаго ряда келій, обсаженныхъ цвѣтами. Попадавшіеся имъ навстрѣчу братія кланялись молча. Надгробныя плиты звенѣли отъ шаговъ Максима; высокая трава пробивалась между плитами и закрывала вполовину надписи, полныя смиренія; все напоминало о бренности жизни, все вызывало на молитву и созерцаніе. Церковь, къ которой игуменъ велъ Максима, стояла среди древнихъ дубовъ, и столѣтнія вѣтви ихъ почти совсѣмъ закрывали узкія, продольныя окна, пропускавшія свѣтъ сквозь пыльную слюду, вставленную въ мелкія свинцовыя оконницы. Когда

они вошли, ихъ обдало прохладой и темнотою. Лишь сквозь одно окно, менѣе другихъ заслоненное зеленью, косые столбы свѣта падали на стѣнное изображеніе Страшнаго Суда. Остальныя части церкви казались отъ этого еще мрачнѣе; но кое-гдѣ отсвѣчивали яркимъ блескомъ серебряныя яблоки паникадилъ, вѣнцы на образахъ, да шитые серебромъ кресты, тропари и кондаки на черномъ бархатѣ, покрывающемъ гробницы князей Воротынскихъ, основателей монастыря. Позолота на прорѣзныхъ травахъ иконостаса походила мѣстами на уголья, тлѣющіе подъ золою и готовые вспыхнуть. Пахло сыростью и ладономъ. Мало-по-малу глазъ Максима сталъ привыкать къ полумраку и различать другія подробности храма: надъ царскими дверьми виденъ былъ Спаситель въ силахъ, съ херувимами и серафимами, а надъ нимъ шестнадцать владычныхъ праздниковъ. Большой мѣстный образъ Іоанна Предтечи представлялъ его крылатымъ и держащимъ на блюдѣ отсѣченную главу свою. На боковыхъ дверяхъ были написаны грубо и неискусно притча о блудномъ сынѣ, преніе смерти и живота, да исходъ души праведнаго и грѣшнаго. Мрачныя эти картины глубоко подѣйствовали на Максима; всѣ понятія о смиреніи духа, о безусловной покорности родительской власти, всѣ мысли, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ, оживились въ немъ снова. Онъ усумнился, правъ ли былъ, что уѣхалъ отъ отца противъ его воли? Но совѣсть отвѣчала ему, что онъ правъ; а между тѣмъ она не была спокойна. Картина Страшнаго Суда потрясала его воображеніе. Когда тѣнь дубовыхъ листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ снаружи окна, трепетала на стѣнѣ подвижною сѣткой, ему казалось, что грѣшники и діаволы, писаные въ человѣческій ростъ, дышатъ и движутся...

Благоговѣйный ужасъ проникъ его сердце. Онъ палъ ницъ передъ игуменомъ.

— Отецъ мой, сказалъ онъ, — должно-быть, я великій грѣшникъ!

— Молись, отвѣчалъ кротко старикъ,—велико милосердіе Божее; много поможетъ тебѣ раскаяніе, сынъ мой!

Максимъ собрался съ силами.

— Тяжело мое преступленіе, началъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Отецъ мой, слушай! Страшно мнѣ вымолвить:

оскудѣла моя любовь къ царю, сердце мое отъ него отвратилось!

Игуменъ съ удивленіемъ взглянулъ на Максима.

— Не отвергай меня, отецъ мой! продолжалъ Максимъ:— выслушай меня! Долго боролся я самъ съ собою, долго молился предъ святыми иконами. Искалъ я въ своемъ сердцѣ любви къ царю, и не обрѣлъ ея!

— Сынъ мой, сказалъ игуменъ, глядя съ участіемъ на Максима, — должно-быть, сатанинское навожденіе помрачило твой разсудокъ; ты клевещешь на себя. Того быть не можетъ, чтобы ты возненавидѣлъ царя. Много тяжкихъ преступниковъ исповѣдывалъ я въ этомъ храмѣ: были церковные тати, и смертные убойцы, а не бывало такого, кто повинился бы въ нелюбви къ государю!

Максимъ поблѣднѣлъ.

— Стало я преступнѣе церковнаго татя и смертнаго убойцы! воскликнулъ онъ. — Отецъ мой, что мнѣ дѣлать? Научи, вразуми меня, душа моя дѣлится на двое!

Старикъ смотрѣлъ на исповѣдника и все болѣе дивился. Правильное лицо Максима не являло ни одной порочной или преступной черты. То было скромное лицо, полное добродушія и отваги, одно изъ тѣхъ русскихъ лицъ, которыя еще нынѣ встрѣчаются между Москвой и Волгой, въ странахъ отдаленныхъ отъ большихъ дорогъ, куда не проникло городское вліяніе.

— Сынъ мой, продолжалъ игуменъ,—я тебѣ не вѣрю; ты клевещешь на себя. Не вѣрю, чтобы сердце твое отвратилось отъ царя. Этого быть не можетъ. Подумай самъ: царь намъ болѣе чѣмъ отецъ, а пятая заповѣдь велитъ чтить отца. Скажи мнѣ, сынъ мой, вѣдь ты слѣдуешь заповѣди?

Максимъ молчалъ.

— Сынъ мой, ты чтишь отца своего?

— Нѣтъ! произнесъ Максимъ едва внятно.

— Нѣтъ? повторилъ игуменъ, и отступивъ назадъ, осѣнился крестнымъ знаменіемъ.

— Ты не любишь царя? Ты не чтишь отца? Кто же ты таковъ?

— Я... сказалъ молодой опричникъ,—я Максимъ Скуратовъ, сынъ Скуратова-Бѣльскаго!

— Сынъ Малюты!

— Да! сказалъ Максимъ, и зарыдалъ.

Игуменъ не отвѣчалъ. Онъ горестно стоялъ передъ Максимомъ. Неподвижно смотрѣли на нихъ мрачные лики угодниковъ. Грѣшники на картинѣ Страшнаго Суда жалобно подымали руки къ небу, но все молчало. Спокойствіе церкви прерывали одни рыданія Максима, щебетанье ласточекъ подъ сводами, да изрѣдка полугромкое слово среди тихой молитвы, которую читалъ про себя игуменъ.

— Сынъ мой, сказалъ наконецъ старикъ,—повѣдай мнѣ все по ряду, ничего не утай отъ меня; какъ вошла въ тебя нелюбовь къ государю?

Максимъ разказалъ о жизни своей въ Слободѣ, о послѣднемъ разговорѣ съ отцомъ и о ночномъ своемъ отъѣздѣ.

Онъ говорилъ медленно, съ разстановкой, и часто собирался съ мыслями, дабы ничего не забыть и ничего не утаить отъ духовнаго отца своего.

Окончивъ разказъ, онъ опустилъ глаза и долго не смѣлъ взглянуть на игумена, ожидая своего приговора.

— Все ли ты повѣдалъ мнѣ? сказалъ игуменъ;—не тяготитъ ли еще что-нибудь душу твою? Не помыслилъ ли ты чего на царя? Не задумалъ ли чего надъ святою Русью?

Глаза Максима заблистали.

— Отецъ мой, скорѣй дамъ отсѣчь себѣ голову чѣмъ допущу ее замыслить что-нибудь противъ родины! Грѣшенъ я въ нелюбви къ государю, но не грѣшенъ въ измѣнѣ!

Игуменъ накрылъ его эпитрахилью.

— Очищается рабъ Божій Максимъ! сказалъ онъ:—отпускаются ему грѣхи его вольные и невольные!

Тихая радость проникла въ душу Максима.

— Сынъ мой, сказалъ игуменъ, — твоя исповѣдь тебя очистила. Святая церковь не поставляетъ тебѣ въ вину, что ты бросилъ Слободу. Бѣжать отъ соблазна воленъ и долженъ всякій. Но бойся прельститься на лесть врага рода человѣческаго. Бойся примѣра Курбскаго, который изъ высокаго русскаго боярина учинился нынѣ сосудъ дьяволу!

— Премилостивый Богъ, продолжалъ со вздохомъ старикъ,—за великіе грѣхи наши, попустилъ нынѣ быть времени трудному. Не намъ суемудріемъ человѣческимъ судить о Его неисповѣдимомъ промыслѣ. Когда Господь наводитъ на насъ глады и тѣлесныя скорби, что̀ намъ остается,

какъ не молиться и покоряться Его святой волѣ? Такъ и теперь: насталъ надъ нами царь не милостивый, грозный. Не вѣдаемъ, за что онъ насъ казнитъ и губитъ; вѣдаемъ только, что онъ насланъ отъ Бога и держимъ поклонную голову не предъ Иваномъ Васильевичемъ, а предъ волею Пославшаго его. Вспомнимъ пророческое слово: „Аще кая земля оправдится передъ Богомъ, поставляетъ имъ царя и судью праведна и всякое подаетъ благодѣяніе; аще же которая земля прегрѣшитъ предъ Богомъ, и поставляетъ царя и судей не праведна, и наводитъ на тое землю вся злая!“ Останься у насъ, сынъ мой; поживи съ нами. Когда придетъ тебѣ пора ѣхать, я вмѣстѣ съ братіею буду молиться, дабы, гдѣ ты ни пойдешь, Богъ вездѣ исправилъ путь твой! А теперь, продолжалъ добродушно игуменъ, снимая съ себя эпитрахиль,—теперь пойдемъ къ трапезѣ. Послѣ духовной пищи, не отвергнемъ тѣлесной. Есть у насъ изрядныя щуки, есть и караси; отвѣдай нашего творогу, выпей съ нами меду черемховаго во здравіе государя и высокопреосвященнаго митрополита!

И въ дружескомъ разговорѣ старикъ повелъ Максима къ трапезѣ.

ГЛАВА XXIII.

Дорога.

Тихо и однообразно протекала монастырская жизнь.

Въ свободное время монахи собирали травы и составляли цѣлебныя зелья. Другіе занимались живописью, вырѣзывали изъ кипариса кресты иль иконы, красили и золотили деревянныя чаши.

Максимъ полюбилъ добрыхъ иноковъ. Онъ не замѣчалъ какъ текло время. Но прошла недѣля, и онъ рѣшился ѣхать. Еще въ Слободѣ слышалъ Максимъ о новыхъ набѣгахъ Татаръ на рязанскія земли, и давно уже хотѣлъ, вмѣстѣ съ Рязанцами, испытать надъ врагами ратной удачи. Когда онъ повѣдалъ о томъ игумену, старикъ опечалился.

— Куда тебѣ ѣхать, сынъ мой? сказалъ онъ.—Мы всѣ

тебя любимъ, всѣ къ тебѣ привыкли. Кто знаетъ, можетъ, и тебя посѣтитъ благодать Божія, и ты навсегда останешься съ нами! Послушай, Максимъ, не уѣзжай отъ насъ!

— Не могу, отецъ мой! Давно уже судьба зоветъ меня въ дальнюю сторону. Давно слышу звонъ татарскаго лука, а иной разъ, какъ задумаюсь, то будто стрѣла просвиститъ надъ ушами. На этотъ звонъ, на этотъ свистъ, меня тянетъ и манитъ!

И не сталъ игуменъ долѣе удерживать Максима, отслужилъ ему напутный молебенъ, благословилъ его, и грустно простилась съ нимъ братія.

И снова очутился Максимъ на конѣ, среди зеленаго лѣса. Какъ прежде, Буянъ прыгалъ вокругъ коня и весело смотрѣлъ на Максима. Вдругъ онъ залаялъ и побѣжалъ впередъ. Максимъ уже схватился за саблю, въ ожиданіи недоброй встрѣчи, какъ изъ-за поворота показался всадникъ въ желтомъ кафтанѣ съ чернымъ двоеглавымъ орломъ на груди.

Всадникъ ѣхалъ рысью, весело посвистывалъ и держалъ на пестрой рукавицѣ бѣлаго кречета въ клобучкѣ и колокольцахъ.

Максимъ узналъ одного изъ царскихъ сокольниковъ.

— Трифонъ! вскричалъ онъ.

— Максимъ Григорьичъ! отвѣчалъ весело сокольникъ:— добраго здоровья! Какъ твоя милость здравствуетъ? Такъ вотъ гдѣ ты, Максимъ Григорьичъ! А мы въ Слободѣ думали, что ты и не вѣсть куда пропалъ! Ну жь какъ батюшка-то твой осерчалъ! Упаси Господи! Смотрѣть было страшно! Да еще многое разказываютъ про твоего батюшку, про царевича, да про князя Серебрянаго. Не знаешь чему и вѣрить. Ну, слава Богу, добро, что ты сыскался, Максимъ Григорьичъ! Обрадуется же твоя матушка!

Максимъ досадовалъ на встрѣчу съ сокольникомъ. Но Трифонъ былъ добрый малый и при случаѣ умѣлъ молчать. Максимъ спросилъ его, давно ли онъ изъ Слободы?

— Да уже будетъ съ недѣлю, какъ Адраганъ съ поля улетѣлъ! отвѣчалъ сокольникъ, показывая своего кречета.—Да вѣдь ты, пожалуй, и не знаешь, Максимъ Григорьичъ! Ну ужь набрался я было страху, какъ царь на меня раскручинился! Да сжалился надо мной милосердый Богъ и святой мученикъ Трифонъ! Проявилъ надо мною свое чудо!

Сокольникъ снялъ шапку и перекрестился.

— Вишь, Максимъ Григорьичъ; выѣхалъ государь, будетъ тому съ недѣлю, на птичью потѣху. Напускалъ Адрагана раза два, какъ на бѣду третій-то разъ дурь нашла на Адрагана. Сталъ онъ бить соколовъ, сбилъ Смышляя и Кружка, да и давай тягу! Не успѣлъ бы ты десяти просчитать, какъ онъ у тебя и съ глазъ долой. Я было скакать за нимъ, да куды! Пропалъ, будто и не бывало. Вотъ доложилъ сокольничій царю, что пропалъ Адраганъ. Царь велѣлъ меня позвать, да и говоритъ, что ты-де, Тришка, мнѣ головой за него отвѣчаешь; достанешь — пожалую тебя, не достанешь — голову долой! Какъ быть! Батюшка царь вѣдь не шутитъ! Поѣхалъ я искать Адрагана; шесть денъ промучился; стало мнѣ ужь вокругъ шеи не ловко; думаю, придется проститься съ головой. Сталъ я плакать; плакалъ, плакалъ, да съ горя и заснулъ въ лѣсу. Лишь только заснулъ, явилось мнѣ сонному видѣніе: сіяніе разлилось межь деревьевъ, и звонъ пошелъ по лѣсу. И слыша тотъ звонъ, я, сонный, самъ себѣ говорю: то звонятъ Адрагановы колокольцы. Гляжу, передо мной сидитъ на бѣломъ конѣ, весь облитый свѣтомъ, молодой ратникъ и держитъ на рукѣ Адрагана.—Трифоне! сказалъ ратникъ:—не здѣсь ищи Адрагана. Встань, ступай къ Москвѣ, къ Лазареву урочищу. Тамъ стоитъ сосна, на той соснѣ сидитъ Адраганъ. Проснулся я, и самъ не знаю съ чего, стало мнѣ понятно, что ратникъ былъ святой мученикъ Трифонъ. Вскочилъ я на коня и поскакалъ къ Москвѣ. Что жь, Максимъ Григорьичъ, повѣришь ли? какъ пріѣхалъ на то урочище, вижу: въ самомъ дѣлѣ сосна, и на ней сидитъ мой Адраганъ, точь-въ-точь какъ говорилъ святой!

Голосъ сокольника дрожалъ, и крупныя слезы катились изъ глазъ его.

— Максимъ Григорьичъ! прибавилъ онъ, утирая слезы:— теперь хоть всѣ животы свои продамъ безъ остатку, хоть самъ въ вѣковѣчную кабалу пойду, а построю часовню святому угоднику! На томъ самомъ мѣстѣ построю, гдѣ нашелъ Адрагана. И образъ велю на стѣнѣ написать точь-въ-точь какъ явился мнѣ святой: на бѣломъ конѣ, высоко поднявъ руку, а на ней бѣлый кречетъ. Заповѣдую и дѣтямъ и внукамъ славить его, служить ему молебны и ставить писаныя свѣчи, что не захотѣлъ онъ моей погибели,

спасъ отъ плахи раба своего! Вишь, продолжалъ сокольникъ, глядя на кречета:—вотъ онъ, Адраганъ, цѣлъ-цѣлехонекъ! Дай-ка я сниму съ тебя клобучокъ! Чего кричишь? Небось, полетать хочется! Нѣтъ, братъ, погоди! Довольно налетался, не пущу!

И Трифонъ дразнилъ кречета пальцемъ.

— Вишь злобный какой! Такъ и хватаетъ! А кричитъ-то какъ! Я чай за версту слышно!

Разказъ сокольника запалъ въ душу Максима,

— Возьми жь и мое приношеніе! сказалъ онъ, бросая горсть золотыхъ въ шапку Трифона.—Вотъ всѣ мои деньги; онѣ мнѣ не нужны, а тебѣ еще много придется сбирать на часовню.

— Да наградитъ тебя Богъ, Максимъ Григорьичъ! Съ твоими деньгами ужь не часовню, а цѣлую церковь выстрою! Какъ приду домой, въ Слободу, отслужу молебенъ и выну просвиру во здравіе твое! Вѣчно буду твоимъ холопомъ, Максимъ Григорьичъ! Что̀ хочешь приказывай!

— Слушай, Трифонъ. Сослужи мнѣ службу нетрудную: какъ пріѣдешь въ Слободу, никому не заикнись, что меня встрѣтилъ; а дня черезъ три ступай къ матушкѣ, скажи ей, да только ей одной, чтобы никто не слыхалъ, скажи, что сынъ-де твой, далъ Богъ, здоровъ, бьетъ тебѣ челомъ.

— Только-то, Максимъ Григорьичъ?

— Еще, слушай, Трифонъ, я ѣду въ далекій путь. Можетъ, не скоро вернусь. Такъ, коли тебѣ не въ трудъ, навѣдывайся отъ поры до поры къ матери, да говори ей кажный разъ: я-де, говори, слышалъ отъ людей, что сынъ твой, помощію Божіей здоровъ, а ты-де о немъ не кручинься! А будетъ матушка спроситъ: отъ какихъ людей слышалъ? и ты ей говори: слышалъ-де отъ московскихъ людей, а имъ-де другіе люди сказывали, а какіе люди, того не говори, чтобъ и концовъ не нашли, а только бы видѣла матушка, что я здравствую.

— Такъ ты, Максимъ Григорьичъ, и вправду не вернешься въ Слободу?

— Вернусь ли, нѣтъ ли, про то Богъ знаетъ; ты же никому не сказывай, что меня встрѣтилъ.

— Ужь положись на меня, Максимъ Григорьичъ, не скажу никому! Только коли ты ѣдешь въ дальній путь, такъ я не возьму твоихъ денегъ. Меня Богъ накажетъ.

— Да на что мнѣ деньги? Мы не въ басурманской землѣ?

— Воля твоя, Максимъ Григорьичъ, а мнѣ взять не можно. Добро бы ты ѣхалъ домой. А то, что жь я тебя оберу на дорогѣ, какъ станишникъ какой! Воля твоя, хоть зарѣжь, не возьму!

Максимъ пожалъ плечами и вынулъ изъ шапки Трифона нѣсколько золотыхъ.

— Коли ты не берешь, сказалъ онъ,—авось кто другой возьметъ, а мнѣ ихъ не надо.

Онъ простился съ сокольникомъ и поѣхалъ далѣе.

Уже солнце начинало заходить. Длинныя тѣни деревъ становились длиннѣе и застилали поляны. Подлѣ Максима ѣхала его собственная тѣнь, словно темный великанъ. Она, то бѣжала по травѣ, то, когда лѣсъ спиралъ дорогу, всползала на кусты и деревья. Буянъ казался на тѣни огромнымъ баснословнымъ звѣремъ. Мало-по-малу и Буянъ, и конь, и Максимъ, исчезли и съ травы и съ деревъ; наступили сумерки; кое-гдѣ забѣлѣлъ туманъ; вечерніе жуки поднялись съ земли и, жужжа, стали чертить воздухъ. Мѣсяцъ показался изъ-за лѣсу; тамъ и сямъ по темнѣющему небу зажглися звѣзды; вдали засеребрилось необозримое поле.

Родина ты моя, родина! Случалось и мнѣ, въ позднюю пору, проѣзжать по твоимъ пустынямъ! Ровно ступалъ конь, отдыхая отъ слѣпней и дневнаго жару; теплый вѣтеръ разносилъ запахъ цвѣтовъ и свѣжаго сѣна, и такъ было мнѣ сладко, и такъ было мнѣ грустно, и такъ думалось о прошедшемъ, и такъ мечталось о будущемъ. Хорошо, хорошо ѣхать вечеромъ по безлюднымъ мѣстамъ, то лѣсомъ, то нивами, бросить поводья и задуматься, глядя на звѣзды!

Уже съ добрый часъ ѣхалъ Максимъ, какъ вдругъ Буянъ поднялъ морду на вѣтеръ и замахалъ хвостомъ. Послышался запахъ дыма. Максимъ вспомнилъ о ночлегѣ и понудилъ коня. Вскорѣ увидѣлъ онъ покачнувшуюся на сторону избу. Трубы на ней не было; дымъ выходилъ прямо изъ крыши. Въ низенькомъ окнѣ свѣтился огонь. Внутри слышался однообразный напѣвъ. Максимъ подъѣхалъ къ окну. Онъ увидѣлъ всю внутренность бѣднаго хозяйства. Пылающая лучина освѣщала домашнюю утварь; все было дрянно и ветхо. Въ потолочинѣ торчалъ, на искось, гиб-

кій шестъ, и на концѣ его висѣла люлька. Женщина лѣтъ тридцати, блѣдная, хворая, качала люльку и потихоньку пѣла. Подлѣ нея сидѣлъ, согнувшись, мужичокъ, съ рѣденькою бородкой, и плелъ лапти. Двое дѣтей ползали у ногъ ихъ.

Максиму показалось, что женщина въ пѣсни поминаетъ его отца. Сначала онъ подумалъ, что ослышался, но вскорѣ ясно поразило его имя Малюты Скуратова. Полный удивленія, онъ сталъ прислушиваться.

— Спи, усни, мое дитятко! пѣла женщина.

Спи, усни, мое дитятко,
Покуль гроза пройдетъ,
Покуль бѣда минетъ!
Баю, баюшки баю,
Баю, мое дитятко!
Скоро минетъ бѣда наносная,
Скоро царь велитъ отсѣчь голову
Злому псу Малютѣ Скурлатову!
Баю, баюшки баю,
Баю, мое дитятко!

Вся кровь Максима бросилась ему въ лицо. Онъ слезъ съ коня и привязалъ его къ плетню.

Голосъ продолжалъ:

Какъ и онъ ли, злой песъ Малюта,
Задушилъ святаго старца,
Святаго старца Филиппа!
Баю, баюшки баю,
Баю, мое дитятко!

Максимъ не выдержалъ и толкнулъ дверь ногою.

При видѣ богатой одежды и золотой сабли опричника, хозяева оробѣли.

— Кто вы? спросилъ Максимъ.

— Батюшка! отвѣчалъ мужичокъ, кланяясь и заикаясь отъ страха:—меня-то, не взыщи, меня зовутъ Ѳедотомъ, а хозяйку-то, не взыщи, батюшка, хозяйку зовутъ Марьею!

— Чѣмъ вы живете, добрые люди?

— Лыки деремъ, родимый, лапти плетемъ, да рѣшета дѣлаемъ. Купцы проѣдутъ и купятъ.

— А знать мало проѣзжаютъ?

— Малость, батюшка, совсѣмъ малость! Иной разъ придется, и ѣсть нечего. Того и смотри, съ голоду, али съ

наготы помреть. А лошадки-то нѣтъ у насъ товаръ въ городъ отвезти. Другой годъ волки съѣли.

Максимъ поглядѣлъ съ участіемъ на мужичка и его хозяйку и высыпалъ свои червонцы на столъ.

— Богъ съ вами, бѣдные люди! сказалъ онъ, и схватился за дверь чтобы выйдти.

Хозяева повалились ему въ ноги.

— Батюшка, родимый, кто ты? Повѣдай намъ кто ты? За кого намъ Богу молиться?

— Молитесь не за меня, за Малюту Скуратова. Да скажите, далеко ль до рязанской дороги?

— Да это она и есть, соколъ ты нашъ, она-то и есть, рязанская-то. Мы на самомъ крестѣ живемъ. Вотъ прямо пойдетъ муромская, а налѣво владимірская, а сюда вправо на Рязань! Да не ѣзди теперь, родимый ты нашъ, не ѣзди теперь, не такая пора; больно стали шалить на дорогѣ. Вотъ вчера цѣлый обозъ съ виномъ ограбили. А теперь еще, говорятъ, Татары опять проявились. Переночуй у насъ, батюшка ты нашъ, отецъ ты нашъ, соколъ ты нашъ, сохрани Богъ, долго ль до бѣды!

Но Максиму не хотѣлось остаться въ избѣ, гдѣ недавно еще проклинали отца его. Онъ уѣхалъ искать другаго ночлега.

— Батюшка, кричали ему вслѣдъ хозяева,—вернись, родимый, послушай нашего слова! Не сдобровать тебѣ ночью на этой дорогѣ!

Но Максимъ не послушался и поѣхалъ далѣе.

Не много верстъ проѣхалъ онъ, какъ вдругъ Буянъ бросился къ темному кусту, и сталъ лаять такъ зло, такъ упорно, какъ будто чуялъ скрытаго врага.

Тщетно отсвистывалъ его Максимъ. Буянъ бросался на кустъ, возвращался весь ощетиненный, и снова рвался впередъ.

Наскучивъ отзывать его, Максимъ выхватилъ саблю и поскакалъ прямо на кустъ. Нѣсколько человѣкъ съ поднятыми дубинами выскочили къ нему на встрѣчу и грубый голосъ крикнулъ:

— Долой съ коня!

— Вотъ тебѣ! сказалъ Максимъ отвѣшивая ударъ тому, который былъ ближе.

Разбойникъ зашатался.

— Это тебѣ не въ почетъ! продолжалъ Максимъ и хотѣлъ отвѣсить ему второй ударъ; но сабля встрѣтила плашмя дубину другаго разбойника и разлетѣлась на полы.

— Эге, посмотри-ка на его збрую! Да это опричникъ! Хватай его живьемъ! закричалъ грубый голосъ.

— И впрямь опричникъ! завизжалъ другой:—вотъ потѣшимся надъ нимъ съ ребятами!

— Айда, Хлопко! ужь ты и радъ тѣшиться!

И въ тотъ же мигъ всѣ вмѣстѣ навалились на Максима, и стащили его съ коня.

ГЛАВА XXIV.

Бунтъ станичниковъ.

Версты полторы отъ мѣста, гдѣ совершилось нападеніе на Максима, толпы вооруженныхъ людей сидѣли вокругъ винныхъ бочекъ съ выбитыми днами. Чарки и берестовыя черпала ходили изъ рукъ въ руки. Пылающіе костры освѣщали рѣзкія черты, всклоченныя бороды и разнообразныя одежды. Были тутъ знакомыя намъ лица: и Андрюшка, и Васькаи, рыжій пѣсенникъ; но не было стараго Коршуна. Часто поминали его разбойники, хлѣбая изъ черпалъ и осушая чарки.

— Эхъ, говорилъ одинъ,—что̀-то съ нашимъ дѣдушкой теперь!

— Вѣстимо что̀! отвѣчалъ другой:—рвутъ его съ дыбовъ, а можетъ на вискѣ потряхиваютъ!

— А вѣдь не выдастъ старый чортъ; я чай словечка не выронитъ!

— Вѣстимо не выронитъ, не таковскій; этого хоть на клочья разорви, не выдастъ!

— А жаль сѣдой бороды! Ну да и атаманъ-то хорошъ! Самъ, небось, цѣлъ, а старика-то выдалъ!

— Да что̀ онъ за атаманъ! Развѣ это атаманъ, чтобы своихъ даромъ губить изъ-за какого-то князя!

— Да вишь-ты, они съ княземъ-то въ дружбѣ. И теперь, вишь, въ одномъ куренѣ сидятъ. Ты про князя не говори, не равно атаманъ услышитъ, сохрани Богъ!

— А что жь, коль услышитъ! Я ему въ глаза скажу, что онъ не атаманъ. Вотъ Коршунъ, такъ настоящій атаманъ! Небось былъ у Перстня какъ бѣльмо на глазу, такъ вотъ его нарочно и выдалъ!

— А что, ребята, вѣдь можетъ и въ самомъ дѣлѣ онъ нарочно выдалъ Коршуна!

Глухой ропотъ пробѣжалъ межъ разбойниковъ.

— Нарочно, нарочно выдалъ! сказали многіе.

— Да что это за князь? спросилъ одинъ. Зачѣмъ его держутъ? Выкупа за него ждетъ атаманъ, что ли?

— Нѣтъ, не выкупа! отвѣчалъ рыжій пѣсенникъ.—Князя, вишь, царь обидѣлъ, хотѣлъ казнить его; такъ князь-то отъ царя и ушелъ къ намъ; говоритъ: я васъ, ребятушки, самъ на Слободу поведу; мнѣ, говоритъ, вѣдомо, гдѣ казна лежитъ. Всѣхъ, говоритъ, опричниковъ перерѣжемъ, а казною подѣлимся!

— Вотъ какъ! Такъ что жь онъ не ведетъ насъ? Ужь третьи сутки здѣсь даромъ стоимъ!

— Оттого не ведетъ, что атаманъ у насъ баба!

— Нѣтъ, этого не говори, Перстень не баба!

— А коли не баба, такъ и хуже того. Стало онъ насъ морочитъ!

— Стало, сказалъ кто-то,—онъ хочетъ царскую казну на себя одного взять, а намъ чтобъ и понюхать не досталось!

— Да, да, Перстень продать насъ хочетъ, какъ Коршуна продалъ!

— Да не на таковскихъ напалъ!

— А старика-то выручить не хочетъ!

— Да что онъ намъ! Мы и безъ него дѣдушку выручимъ!

— И безъ него казну возьмемъ; пусть князь одинъ ведетъ насъ!

— Теперь то и самая пора: царь, слышно, на богомольи; въ Слободѣ и половины опричниковъ не осталось!

— Зажжемъ опять Слободу!

— Перерѣжемъ слободскихъ!

— Долой Перстня! Пусть князь ведетъ насъ!

— Пусть князь ведетъ! Пусть князь ведетъ! послышалось отовсюду.

Подобно грому прокатились слова отъ толпы до толпы, пронеслися до самыхъ отдаленныхъ костровъ, и все подня-

лось и закипѣло, и всѣ обступили курень, гдѣ Серебряный сидѣлъ въ жаркомъ разговорѣ съ Перстнемъ.

— Воля твоя, князь, говорилъ атаманъ,—сердись, не сердись, а пустить тебя, не пущу! Не для того я тебя изъ тюрьмы вызволилъ, чтобъ ты опять голову на плаху понесъ!

— Въ головѣ своей я одинъ воленъ! отвѣчалъ князь съ досадою. — Не зачѣмъ было меня изъ тюрьмы вызволять, коли я теперь въ неволѣ сижу!

— Эхъ, князь, велико дѣло время. Царь можетъ одуматься, царь можетъ преставиться; мало ли чтò можетъ случиться; а минуетъ бѣда, ступай себѣ съ Богомъ на всѣ четыре стороны!

— Чтò жь дѣлать, прибавилъ онъ, видя возрастающую досаду Серебрянаго,—должно-быть тебѣ на роду написано пожить еще на бѣломъ свѣтѣ. Ты норовомъ крутъ, Никита Романычъ, да и я крѣпко держусь своей мысли; видно ужь нашла коса на камень, князь!

Въ это мгновеніе голоса разбойниковъ раздались у самаго куреня.

— Въ Слободу, въ Слободу! кричали пьяные удальцы.

— Пустимъ краснаго гуся въ Слободу!

— Пустимъ цѣлое стадо гусей!

— Выручимъ Коршуна!

— Выручимъ дѣдушку!

— Выкатимъ бочки изъ подваловъ!

— Выгребемъ золото!

— Вырѣжемъ опричнину!

— Вырѣжемъ всю Слободу!

— Гдѣ князь? Пусть ведетъ насъ!

— Пусть ведетъ князь!

— А не хочетъ, такъ на осину его!

— На осину! На осину!

— Перстня туда же!

— На осину и Перстня!

Перстень вскочилъ съ мѣста.

— Такъ вотъ чтò они затѣваютъ! сказалъ онъ:—а я ужь давно прислушиваюсь, что они тамъ голосятъ. Вишь какъ расходились, вражьи дѣти! Теперь ихъ самъ чертъ не уйметъ! Ну, князь, нечего дѣлать, вышло по твоему; не держу тебя долѣ: вольному воля, ходячему путь! Выйди къ нимъ, скажи, что ведешь ихъ на Слободу!

Серебряный вспыхнулъ.

— Чтобъ я повелъ васъ на Слободу? сказалъ онъ:—да скорѣй вы меня на клочья разорвете!

— Эхъ, князь, притворись хоть для виду. Народъ, ты видишь, не трезвый, завтра образумятся!

— Князь! кричали голоса:—тебя зовутъ, выходи!

— Выйди, князь, повторилъ Перстень,—ввалятся въ курень, хуже будетъ!

— Добро жь! сказалъ князь, выходя изъ куреня:—посмотримъ, какъ они меня заставятъ вести ихъ на Слободу!

— Ага! закричали разбойники:—вылѣзъ!

— Веди на Слободу!

— Атаманствуй надъ нами, не то тебѣ петлю на шею!

— Такъ, такъ! ревѣли голоса.

— Бьемъ тебѣ челомъ! кричали другіе:—будь намъ атаманомъ, не то повѣсимъ!

— Ей Богу, повѣсимъ!

Перстень, зная горячій нравъ Серебрянаго, поспѣшилъ также выйдти.

— Что вы, братцы, сказалъ онъ,—бѣлены что ль объѣлись? Чего вы горло-то дерете? Поведетъ васъ князь, куда хотите; поведетъ чѣмъ свѣтъ; а теперь дайте выспаться его милости, да и сами ложитесь; уже въ волю повеселились!

— Да ты что намъ указываешь! захрипѣлъ одинъ:—развѣ ты намъ атаманъ!

— Слышь, братцы, закричали другіе,—онъ не хочетъ сдать атаманства!

— Такъ на осину его!

— На осину, на осину!

Перстень окинулъ взоромъ всю толпу и вездѣ встрѣтилъ враждебныя лица.

— Ахъ вы, дураки, дураки! сказалъ онъ.—Да развѣ я держусь вашего атаманства? Поставьте надъ собой кого знаете, а я и самъ не хочу; наплевать мнѣ на васъ!

— Хорошо! закричалъ кто-то.

— Красно говоритъ! прибавилъ другой.

— Наплевать мнѣ на васъ! продолжалъ Перстень:—мало что ли, такихъ, какъ вы? Эка честь надъ вами атаманствовать! Да захочу, пойду на Волгу, не такихъ наберу!

— Нѣтъ, братъ, дудки. Отъ себя не пустимъ; еще, пожалуй продашь, какъ Коршуна продалъ!

— Не пустимъ, не пустимъ; оставайся съ нами; слушайся новаго атамана!

Дикіе крики заглушили голосъ Перстня.

Разбойникъ огромнаго роста подошелъ къ Серебряному, съ чаркой въ рукѣ.

— Батька! сказалъ онъ, ударивъ его широкою лапой по плечу:—пробазарилъ ты свою голову, сталъ нашимъ братомъ; такъ выпьемъ вмѣстѣ да поцѣлуемся!

Богъ знаетъ, что̀ бы сдѣлалъ Серебряный. Пожалуй вышибъ бы онъ чарку изъ рукъ разбойника и разорвала бъ его на клочья пьяная толпа; но къ счастію, новые крики отвлекли его вниманіе.

— Смотрите, смотрите! раздалось въ толпѣ:—опричника поймали! Опричника ведутъ! Смотрите, смотрите!

Изъ глубины лѣса шло нѣсколько людей въ изодранныхъ одеждахъ, съ дубинами въ рукахъ. Они вели съ собой связаннаго Максима. Разбойникъ, котораго онъ ударилъ саблей, ѣхалъ на Максимовомъ конѣ. Впереди шелъ Хлопко, присвистывая и приплясывая. Раненый Буянъ тащился сзади.

— Гей, братцы, пѣлъ Хлопко, щелкая пальцами:

„Гости съѣхались ко вдовушкамъ во дворики,
Заходили по головушкамъ топорики!.....“

И Хлопко опрокидывался навзничъ, билъ въ ладоши и кружился словно кубарь.

Глядя на него, рыжій пѣсенникъ не вытерпѣлъ, схватилъ балалайку и пустился въ присядку помогать товарищу.

Оба стали на перерывъ сѣменить ногами и кривляться вокругъ Максима.

— Вишь дьяволы! сказалъ Перстень Серебряному.—Вѣдь они не просто убьютъ опричника, а замучатъ медленною смертью; я знаю обоихъ: ужь коли эти пустились, значитъ плохо дѣло; не сдобровать молодцу!

Въ самомъ дѣлѣ поимка опричника была для всей шайки настоящимъ праздникомъ. Они собрались выместить на Максимѣ все что̀ претерпѣли отъ его товарищей.

Нѣсколько человѣкъ съ звѣрскими лицами тотчасъ занялись приготовленіями къ его казни.

Въ землю вколотили четыре кола, укрѣпили на нихъ поперечныя жерди, и накалили гвоздей.

Максимъ смотрѣлъ на все спокойнымъ окомъ. Не страшно было умирать въ мукахъ; грустно было умереть безъ меча, со связанными руками, и не слыхать въ предсмертный часъ ни браннаго окрика, ни ржанія коней, а слышать лишь дикія пѣсни да пьяный смѣхъ своихъ мучителей.

„Обмануло меня вѣщее, подумалъ онъ; не такого я чаялъ себѣ конца. Да будетъ же надо мной Божья воля!“

Тутъ онъ замѣтилъ Серебрянаго, узналъ его и хотѣлъ къ нему подойдти. Но рыжій пѣсенникъ схватилъ за воротъ.

— Постлана постель, сказалъ онъ,—сымай кафтанъ, ложись что ли!

— Развяжите мнѣ руки! отвѣчалъ Максимъ,—не могу перекреститься!

Хлопко ударомъ ножа разрѣзалъ веревки, которыми руки Максима были спутаны.

— Крестись да не долго! сказалъ онъ, и когда Максимъ помолился, Хлопко и рыжій сорвали съ него платье и стали привязывать его руки и ноги къ жердямъ.

Тутъ Серебряный выступилъ впередъ.

— Ребята! сказалъ онъ голосомъ, который привыкъ раздаваться въ ратномъ строю:—слушайте!

И звонкія слова рѣзко пронеслись по толпѣ, и не смотря на шумъ и крики, долетѣли до самыхъ отдаленныхъ разбойниковъ.

— Слушайте! продолжалъ князь.—Всѣ ли вы хотите чтобъ я былъ надъ вами старшимъ? Можетъ, есть межъ вами такіе что̀ не хотятъ меня?

— Э, закричалъ кто-то;—да ты никакъ на попятный дворъ!

— Слышь ты, съ нами не шути!

— Даютъ атаманство, такъ бери!

— Принимай честь, пока цѣлъ!

— Подайте жь мнѣ атаманскій чеканъ! сказалъ Серебряный.

— Дѣло! закричали разбойники.—Такъ-то лучше по добру по здорову!

Князю подали чеканъ Перстня.

Никита Романовичъ подошелъ прямо къ рыжему пѣсеннику.

— Отвязывай опричника! сказалъ онъ.

Рыжій посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Отвязывай тотчасъ! повторилъ грозно Серебряный.

— Вишь ты! сказалъ рыжій:—да ты за него что ль стоишь? Смотри, у самого крѣпка ль голова?

— Окаянный! вскричалъ князь:—не разсуждай, когда я приказываю!

И взмахнувъ чеканомъ, онъ разрубилъ ему черепъ.

Рыжій повалился, не пикнувъ.

Поступокъ Серебрянаго смутилъ разбойниковъ. Князь не далъ имъ опомниться.

— Отвязывай ты! сказалъ онъ Хлопку, поднявъ чеканъ надъ его головой.

Хлопко взглянулъ на князя и поспѣшилъ отвязать Максима.

— Ребята! продолжалъ Никита Романовичъ:—этотъ молодецъ не изъ тѣхъ что̀ васъ обидѣли; я его знаю; онъ такой же врагъ опричнинѣ, какъ и вы. Сохрани васъ Богъ тронуть его хоть пальцемъ! А теперь нечего мѣшкать: берите оружіе, стройтесь по сотнямъ, я веду васъ!

Твердый голосъ Серебрянаго, повелительная осанка и неожиданная рѣшительность сильно подѣйствовали на разбойниковъ.

— Эге, сказали нѣкоторые въ полголоса,—да этотъ не шутитъ!

— И впрямь атаманъ! говорили другіе:—хоть кого перевернетъ!

— Съ нимъ держи ухо востро, не разговаривай! Вишь, какъ уходилъ пѣсенника!

Такъ разсуждали разбойники, и никому не приходило болѣе въ голову трепать Серебрянаго по плечу или съ нимъ цѣловаться.

— Исполать тебѣ, князь! прошепталъ Перстень, съ почтеніемъ глядя на Никиту Романовича:—вишь ты какъ ихъ приструнилъ! Только не давай имъ одуматься, веди ихъ по дорогѣ въ Слободу, а тамъ что̀ Богъ дастъ!

Трудно было положеніе Серебрянаго. Ставъ въ главѣ станичниковъ, онъ спасъ Максима и выигралъ время; но все было бы вновь потеряно, еслибъ онъ отказался вести

буйную ватагу. Князь обратился мыслію къ Богу, и предался его волѣ.

Уже начали станичники готовиться къ походу; и только поговаривали, что не достаетъ какого-то Ѳедьки Поддубнаго, который съ утра ушелъ съ своимъ отрядомъ и еще не возвращался.

— А вотъ и Ѳедька! сказалъ кто-то:—эвотъ идетъ съ ребятами!

Поддубный былъ сухощавый дѣтина, кривой на одинъ глазъ и со множествомъ рубцовъ на лицѣ.

Зипунъ его былъ изодранъ. Ступалъ онъ тяжело, сгибая колѣни, какъ человѣкъ черезъ силу уставшій.

— Что̀? спросилъ одинъ разбойникъ.

— Я чай, опять досталось? прибавилъ другой.

— Досталось, да не намъ! сказалъ Поддубный, садясь къ огню.—Вотъ, ребятушки, много у меня лежало грѣховъ на душѣ, а сегодня, кажись, половину сбылъ!

— Какъ такъ?

Поддубный обернулся къ своему отряду.

— Давайте сюда языка, братцы!

Къ костру подвели связаннаго дѣтину въ полосатомъ кафтанѣ. На огромной головѣ его торчала высокая шапка съ выгнутыми краями. Сплюснутый носъ, выдавшіяся скулы, узенькіе глаза свидѣтельствовали о не-русскомъ его происхожденіи.

Одинъ изъ товарищей Поддубнаго принесъ копье, саадакъ и колчанъ, взятые на плѣнномъ.

— Да это Татаринъ! закричала толпа.

— Татаринъ, повторилъ Поддубный,—да еще какой! Насилу съ нимъ справились, такой здоровякъ! Кабы не Митька, какъ разъ ушелъ бы!

— Разказывай, разказывай! закричали разбойники.

— А вотъ, братцы, пошли мы съ утра по рязанской дорогѣ, остановили купца, стали обшаривать; а онъ намъ говоритъ: нечего, говоритъ, братцы, взять съ меня! Я, говоритъ, ѣду отъ Рязани, тамъ всю дорогу заложила Татарва, ободрали меня до чиста, не съ чѣмъ и до Москвы дотащиться.

— Вишь, разбойники! сказалъ одинъ изъ толпы.

— Что̀ жь вы съ купцомъ сдѣлали? спросилъ другой.

— Дали ему гривну на дорогу и отпустили, отвѣтилъ

Поддубный.—Тутъ попался намъ мужикъ, разказалъ, что еще вчера Татары напали на деревню и всю выжгли. Вскорѣ мы сами перешли великую сакму: смѣтили по крайнему счету съ тысячу лошадей. А тамъ идутъ другіе мужики съ бабами да съ дѣтьми, воютъ да голосятъ: и наше де село выжгла Татарва, да еще и церковь ограбили, порубили святыя иконы, изъ ризъ подѣлали чепраки...

— Ахъ они, окаянные! вскричали разбойники:—да какъ еще ихъ, проклятыхъ, земля держитъ!

— Попа, продолжалъ Поддубный,—къ лошадиному хвосту привязали...

— Попа? Да какъ ихъ, собачьихъ дѣтей, громомъ не убило!

— А Богъ вѣсть!

— Да развѣ у русскаго человѣка рукъ нѣтъ на проклятую Татарву!

— Вотъ то-то и есть, что рукъ-то мало; всѣ полки распущены, остались мужики, да бабы, да старики; а бусурманамъ-то и любо, что нѣтъ ратныхъ людей, что некому поколотить ихъ порядкомъ!

— Эхъ далъ бы я имъ!

— И я бъ далъ!

— Да какъ вы языка-то достали?

— А вотъ какъ. Слышимъ мы лошадиный топъ по дорогѣ. Я и говорю ребятамъ: схоронимся, говорю, въ кусты, посмотримъ, кто такое ѣдетъ? Схоронились, видимъ: скачетъ человѣкъ тридцать, вотъ въ этакихъ шапкахъ, съ копьями, съ калчанами, съ луками. Братцы, говорю я, вѣдь это они, сердечные! Жаль, что насъ маленько, а то можно бъ поколотить! Вдругъ у одного отторочился какой-то мѣшокъ и упалъ на землю. Тотъ остановился, слѣзъ съ коня подымать мѣшокъ да вторачивать, а товарищи его межъ тѣмъ ускакали. Братцы, говорю я, чтобы намъ навалиться на него? Нутка, робятушки, за мной, разомъ! И сказамши, бросились всѣ на Татарина. Да куды! Тотъ только повелъ плечами, такъ всѣхъ насъ и стряхнулъ. Мы опять на него, онъ насъ опять стряхнулъ, да и за копье. Тутъ ужь Митька говоритъ: посторонитесь, братцы, говоритъ, не мѣшайте! Мы дали ему мѣсто, а онъ вырвалъ у Татарина копье, взялъ его за шиворотъ да и пригнулъ къ землѣ. Тутъ мы ему рукавицу въ ротъ, да и связали, какъ барана.

— Ай да Митька! сказали разбойники.

— Да, этотъ хоть быка за рога свалитъ! замѣтилъ Поддубный.

— Эй Митька! спросилъ кто-то:—свалишь ты быка?

— А дляча! отвѣтилъ Митька, и отошелъ въ сторону, не желая продолжать разговора.

— Что жь было въ мѣшкѣ у Татарина? спросилъ Хлопко.

— А вотъ, смотрите ребята!

Поддубный развязалъ мѣшокъ и вынулъ кусокъ ризы, богатую дарохранительницу, двѣ, три панагіи да золотой крестъ.

— Ахъ онъ собака! закричала вся толпа:—такъ это онъ церковь ограбилъ!

Серебряный воспользовался негодованіемъ разбойниковъ.

— Ребята! сказалъ онъ:—видите, какъ проклятая Татарва ругается надъ Христовою вѣрой? Видите какъ басурманское племя хочетъ святую Русь извести? Что жь, ребята, развѣ ужь и мы стали басурманами? Развѣ дадимъ мы святыя иконы на поруганіе! Развѣ попустимъ, чтобы нехристи жгли русскія села да рѣзали нашихъ братьевъ?

Глухой ропотъ пробѣжалъ по толпѣ.

— Ребята, продолжалъ Никита Романовичъ,—кто изъ насъ Богу не грѣшенъ! Такъ искупимъ же теперь грѣхи наши, заслужимъ себѣ прощеніе отъ Господа, ударимъ всѣ, какъ мы есть, на враговъ церкви и земли Русской!

Сильно подѣйствовали на толпу слова Серебрянаго. Проняла мужественная рѣчь не одно зачерствѣлое сердце, не въ одной косматой груди расшевелила любовь къ родинѣ. Старые разбойники кивнули головой, молодые взглянули другъ на друга. Громкія восклицанія вырвались изъ общаго говора.

— Что жь! сказалъ одинъ:—вѣдь и вправду не приходится отдавать церквей Божіихъ на поруганіе!

— Не приходится, не приходится! повторилъ другой.

— Двухъ смертей не бывать, одной не миновать! прибавилъ третій:—лучше умереть въ полѣ чѣмъ на висѣлицѣ!

— Правда! отозвался одинъ старый разбойникъ:—въ полѣ и смерть красна!

— Эхъ, была, не была! сказалъ выступая впередъ молодой сорви-голова:—не знаю какъ другіе, а я пойду на Татарву!

— И я пойду! и я! и я! закричали многie.

— Говорятъ про васъ, продолжалъ Серебряный,—что вы Бога забыли, что не осталось въ васъ ни души, ни совѣсти. Такъ покажите жь теперь, что врутъ люди, что есть у васъ и душа и совѣсть! Покажите, что коли пошло на то, чтобы стоять за Русь да за вѣру, такъ и вы постоите, не хуже стрѣльцовъ, не хуже опричниковъ!

— Постоимъ! постоимъ! закричали всѣ разбойники въ одинъ голосъ.

— Не дадимъ поганымъ ругаться надъ святою Русью!

— Ударимъ на нехристей!

— Веди насъ на Татарву!

— Веди насъ, веди насъ! Постоимъ за святую вѣру!

— Ребята! сказалъ князь:—а если поколотимъ поганыхъ, да увидитъ царь, что мы не хуже опричниковъ, отпуститъ онъ намъ вины наши, скажетъ: не нужна мнѣ болѣ опричнина; есть у меня и безъ нея добрые слуги!

— Пусть только скажетъ, закричали разбойники,—ужь послужимъ ему нашими головами!

— Не по своей же я охотѣ въ станичники пошелъ! сказалъ кто-то.

— А я развѣ по своей? подхватилъ другой.

— Такъ ляжемъ же, коли надо, за Русскую землю! сказалъ князь.

— Ляжемъ, ляжемъ! повторили разбойники.

— Чтò жь, ребята, продолжалъ Серебряный,—коли бить враговъ земли Русской, такъ надо выпить про русскаго царя!

— Выпьемъ, выпьемъ!

— Берите жь чарки и мнѣ чару подайте!

Князю поднесли стопу; всѣ разбойники налили себѣ чарки.

— Да здравствуетъ великiй государь нашъ, царь Иванъ Васильевичъ всея Руси! сказалъ Серебряный.

— Да здравствуетъ царь! повторили разбойники.

— Да живетъ земля Русская! сказалъ Серебряный.

— Да живетъ земля Русская! повторили разбойники.

— Да сгинутъ всѣ враги святой Руси и православной Христовой вѣры! продолжалъ князь.

— Да сгинетъ Татарва! Да сгинутъ враги русской вѣры, кричали наперерывъ разбойники.

— Веди насъ на Татарву! Гдѣ они басурманы что̀ жгутъ наши церкви?

— Веди насъ, веди насъ! раздавалось отовсюду.

— Въ огонь Татарина! закричалъ кто-то.

— Въ огонь его! Въ поломя! повторили другіе.

— Постойте, ребята! сказалъ Серебряный:—разспросимъ его напередъ порядкомъ. Отвѣчай, сказалъ князь, обращаясь къ Татарину,—много ль васъ? Гдѣ вы станомъ стоите?

Татаринъ сдѣлалъ знакъ, что не понимаетъ.

— Постой, князь, сказалъ Поддубный:—мы ему развяжемъ языкъ! Давай-ка, Хлопко, огоньку. Такъ. Ну что̀, будешь говорить?

— Буду, бачка! вскрикнулъ обожженный Татаринъ.

— Много ль васъ?

— Многа, бачка, многа!

— Сколько?

— Десять тысяча, бачка; теперь десять тысяча, а завтра пришла сто тысяча!

— Такъ вы только передовые! Кто ведетъ васъ?

— Ханъ тащилъ!

— Самъ ханъ?

— Не сама! Ханъ пришла завтра; теперь пришла Ширинскій князь Шихматъ!

— Гдѣ его станъ?

Татаринъ опять показалъ знаками, что не понимаетъ.

— Эй, Хлопко, огоньку! крикнулъ Поддубный.

— Близка станъ, бачка, близка! поспѣшилъ отвѣчать Татаринъ:—не больше отсюда какъ десята верста!

— Показывай дорогу! сказалъ Серебряный.

— Не можно, бачка! Не можно теперь видѣть дорога! Завтра можна, бачка!

Поддубный поднесъ горячую головню къ связаннымъ рукамъ Татарина.

— Найдешь дорогу?

— Нашла, бачка, нашла!

— Хорошо, сказалъ Серебряный,—теперь перекусите, братцы, накормите Татарина, да тотчасъ и въ походъ! Покажемъ врагамъ что̀ значитъ русская сила!

ГЛАВА XXV.

Приготовленіе къ битвѣ.

Въ шайкѣ началось такое движеніе, бѣготня и крики, что Максимъ не успѣлъ сказать и спасиба Серебряному. Когда наконецъ станичники выстроились и двинулись изъ лѣсу, Максимъ, которому возвратили коня и дали оружіе, поравнялся съ княземъ.

— Никита Романычъ, сказалъ онъ,—отплатилъ ты мнѣ сегодня за медвѣдя!

— Что̀ жь, Максимъ Григорьичъ, отвѣтилъ Серебряный,—на то на свѣтѣ живемъ, чтобъ помогать другъ другу!

— Князь, подхватилъ Перстень, ѣхавшій также верхомъ возлѣ Серебрянаго,—смотрѣлъ я на тебя и думалъ: Эхъ, жаль, что не видитъ его одинъ низовой молодецъ, котораго оставилъ я на Волгѣ! Хоть онъ и худой человѣкъ, почитай мнѣ ровня, а полюбилъ бы ты его, князь, и онъ тебя полюбилъ бы! Не въ обиду тебѣ сказать, а схожи вы нравомъ. Какъ заговорилъ ты про святую Русь, да загорѣлись твои очи, такъ я и вспомнилъ Ермака Тимоѳеича. Любитъ онъ родину, крѣпко любитъ ее, нужды нѣтъ, что станичникъ. Не разъ говаривалъ мнѣ, что совѣстно ему землю даромъ бременить, что хотѣлось бы сослужить службу родинѣ. Эхъ, кабы теперь его на Татаръ! Онъ одинъ цѣлой сотни стоитъ. Какъ крикнетъ: за мной, ребята! такъ, кажется, самъ станешь и выше и сильнѣе, и ничто тебя уже не остановитъ, и все вокругъ тебя такъ и валится. Похожъ ты на него, ей Богу похожъ, Никита Романычъ, не въ укоръ тебѣ сказать!

Перстень задумался. Серебряный ѣхалъ осторожно, вглядываясь въ темную даль; Максимъ молчалъ. Глухо раздавались по дорогѣ шаги разбойниковъ; звѣздная ночь безмолвно раскинулась надъ спящею землей. Долго шла толпа по направленію указанному Татариномъ, котораго вели подъ саблей Хлопко и Поддубный.

Вдругъ принеслися издали какіе-то странные, мѣрные звуки.

То былъ не человѣческій голосъ, не рожокъ, не гусли, а что-то похожее на шумъ вѣтра въ тростникѣ, еслибы тростникъ могъ звенѣть какъ стекло, или струны.

— Что это? спросилъ Никита Романовичъ, останавливая коня.

Перстень снялъ шапку и наклонилъ голову почти до самой луки.

— Погоди, князь, дай порасслушать!

Звуки лились мѣрно и заунывно, то звонкими серебряными струями, то подобные шуму колеблемаго лѣса,—вдругъ замолкли какъ будто въ порывѣ степнаго вѣтра.

— Кончилъ! сказалъ Перстень, смѣясь.—Вишь, грудь-то какова! Я чай съ полчаса дулъ себѣ, не переводя духа!

— Да что это? спросилъ князь.

— *Чебузга*! отвѣчалъ Перстень.—Это у нихъ почитай что у насъ рожокъ или жалейка. Должно-быть, Башкирцы. Вѣдь тутъ разный сбродъ съ ханомъ, и Казанцы, и Астраханцы, и всякая нагайская погань. Слышь, вотъ опять наигрывать стали!

Вдали начался какъ будто новый порывъ вихря, обратился въ длинные, грустно-пріятные переливы, и черезъ нѣсколько времени, кончился отрывисто, подобно конскому фырканью.

— Ага! сказалъ Перстень:—это колѣно вышло покороче; должно-быть, надорвался, собачій сынъ!

Но тутъ раздались новые звуки, гораздо звончѣе. Казалось множество колокольцовъ звенѣли безостановочно.

— А вотъ и горло! сказалъ Перстень.—Вѣдь издали подумаешь и невѣсть что; а они это горломъ выдѣлываютъ. Вишь ихъ розобрало вражьихъ дѣтей!

Грустные, заунывные звуки смѣнялись веселыми, но то была не русская грусть и не русская удаль. Тутъ отражалось дикое величіе кочующаго племени, и попрыски табуновъ, и богатырскіе набѣги, и переходы народовъ изъ края въ край, и тоска по неизвѣстной, первобытной родинѣ.

— Князь, сказалъ Перстень,—должно-быть, близко станъ; я чаю, за этимъ пригоркомъ и огни будутъ видны. Дозволь, я пойду повысмотрю что и какъ; мнѣ это дѣло обычное,

довольно я ихъ за Волгой встрѣчалъ; а ты бы пока ребятамъ далъ вздохнуть да осмотрѣться.

— Ступай съ Богомъ, сказалъ князь, и Перстень соскочилъ съ коня и исчезъ во мракѣ.

Разбойники оправились, осмотрѣли оружіе и сѣли на землю, не измѣня боеваго порядка. Глубокое молчаніе царствовало въ шайкѣ. Всѣ понимали важность начатаго дѣла и необходимость безусловнаго повиновенія. Между тѣмъ звуки чебузги лилися по прежнему, мѣсяцъ и звѣзды освѣщали поле, все было тихо и торжественно, и лишь изрѣдка легкое дуновеніе вѣтра волновало ковыль, серебристыми струями.

Прошло около часа; Перстень не возвращался. Князь сталъ уже терять терпѣніе, но вдругъ шагахъ въ трехъ отъ него, поднялся изъ травы человѣкъ. Никита Романовичъ схватился за саблю.

— Тише, князь, это я! произнесъ Перстень, усмѣхаясь. Вотъ такъ точно подползъ я и къ Татарамъ; все высмотрѣлъ, теперь знаю ихъ станъ, не хуже своего куреня. Коли дозволишь, князь, я возьму десятокъ молодцовъ, пугну табунъ, да переполошу Татарву; а ты, тѣмъ часомъ, коли разсудишь, ударь на нихъ съ двухъ сторонъ, да съ добрымъ крикомъ; такъ будь я Татаринъ, коли мы ихъ половины не перерѣжемъ! Это я такъ говорю, только для почину; ночное дѣло мастера боится; а взойдетъ солнышко, такъ ужь тебѣ указывать, князь, а намъ только слушаться!

Серебряный зналъ находчивость и смѣтливость Перстня, и далъ ему дѣйствовать по его мысли.

— Ребятушки, сказалъ Перстень разбойникамъ,—повздорили мы немного, да кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Есть ли промежь васъ человѣкъ десять охотниковъ со мной вмѣстѣ къ стану идти?

— Выбирай кого знаешь, отвѣчали разбойники,—мы всѣ готовы.

— Спасибо же вамъ, ребятушки; а коли ужь вы меня уважили, такъ я беру вотъ какихъ: ступай сюда, Поддубный, и ты, Хлопко, и ты, Дятелъ, и ты, Лѣсниковъ, и ты, Рѣшето, и Степка, и Мишка, и Шестоперъ, и Наковальня, и Саранча! А ты, куда лѣзешь, Митька? Тебя я не звалъ; оставайся съ княземъ, ты къ нашему дѣлу не пригоденъ.

Сымайте, ребята, сабли, съ ними ползти не ладно, будетъ съ насъ и ножей. Только, ребята, чуръ слушать моего слова, безъ меня ни на шагъ! Пошли въ охотники, такъ ужь что̀ укажу, то и дѣлать. Чуть кто-нибудь не такъ, я ему тутъ же и карачунъ!

— Добро, добро! отвѣчали выбранные Перстнемъ:—какъ скажешь, такъ и сдѣлаемъ. Ужь пошли на святое дѣло, небось, не повздоримъ!

— Видишь, князь, этотъ косогоръ? продолжалъ атаманъ. Какъ дойдешь до него, будутъ вамъ ихъ костры видны. А мой совѣтъ, ждать вамъ у косогора, пока не услышите моего визга. А какъ пугну табунъ, да послышится визгъ и крикъ, такъ вамъ и напускаться на нехристей; а имъ дѣться не́куды; коней-то ужь не будетъ; съ одной стороны мы, съ другой пришла рѣчка съ болотомъ.

Князь обѣщался сдѣлать по распоряженію Перстня.

Между тѣмъ атаманъ съ десятью удальцами пошли на звукъ чебузги, и вскорѣ пропали въ травѣ. Иной подумалъ бы, что они тутъ же и притаились; но зоркое око могло бы замѣтить колебаніе травы, независимое отъ вѣтра и не по его направленію.

Черезъ полчаса Перстень и его товарищи были уже близко къ татарскимъ кибиткамъ.

Лежа въ ковылѣ, Перстень приподнялъ голову.

Шаговъ пятьдесятъ передъ нимъ горѣлъ костеръ, и озарялъ нѣсколько Башкирцевъ сидѣвшихъ кружкомъ, съ поджатыми подъ себя ногами. Кто былъ въ пестромъ халатѣ, кто въ бараньемъ тулупѣ, а кто въ изодранномъ кафтанѣ изъ верблюжины. Воткнутыя въ землю копья торчали возлѣ нихъ, и докидывали длинныя тѣни свои до самаго Перстня. Табунъ изъ нѣсколькихъ тысячъ лошадей, ввѣренный стражѣ Башкирцевъ, пасся неподалеку густою кучей. Другіе костры, шагахъ во сто подалѣ, освѣщали безчисленныя войлочныя кибитки.

Не зорко смотрѣли Башкирцы за своимъ табуномъ. Пришли они отъ Волги до самой Рязани, не встрѣтивъ нигдѣ отпора; знали, что наши войска распущены и не ожидали себѣ непріятеля; а отъ волковъ, думали, обережемся чебузгой, да горломъ. И четверо изъ нихъ, уперевъ въ верхніе зубы, концы длинныхъ репейныхъ дудокъ, и набравъ въ широкія груди сколько могли вѣтру, дули, перебирая паль-

цами, пока хватало духа. Другіе подтягивали имъ гордомъ, и огонь освѣщалъ ихъ скулистыя лица, побагровѣвшія отъ натуги.

Нѣсколько минутъ Перстень любовался этою картиной, раздумывая про себя: броситься ли ему тотчасъ съ ножомъ на Башкирцевъ, и не давъ имъ опомниться, перерѣзать всѣхъ до одного? Или сперва разогнать лошадей, а потомъ уже начать рѣзать?

И то и другое его прельщало. Вишь, какой табунъ, думалъ онъ, притаивъ дыханье; коли пугнуть его, умѣючи, такъ онъ, съ напуску, всѣ ихъ кибитки переломаетъ; такого задастъ переполоху, что они своихъ не узнаютъ. А и эти-то вражьи дѣти хорошо сидятъ, больно хорошо! Вишь, какъ наяриваютъ; можно къ нимъ на два шага подползти!

И не захотѣлось атаману отказаться отъ кровавой потѣхи надъ Башкирцами.

— Рѣшето, шепнулъ онъ притаившемуся возлѣ него товарищу:—что, у тебя въ горлѣ не перштитъ? Сумѣешь взвизгнуть?

— А ты-то что жь? отвѣтилъ шепотомъ Рѣшето.

— Да какъ будто осипъ маненько.

— Пожалуй я взвизгну. Пора, что ли?

— Постой, рано. Заползи-ка вонъ оттоль какъ можно ближе къ табуну; ползи пока не смѣтятъ тебя кони; а лишь начнутъ ушьми трясти, ты и гикни, да пострашнѣе, да и гони ихъ прямо на кибитки!

Рѣшето кивнулъ головой и изчезъ въ ковылѣ.

— Ну, братцы, шепнулъ Перстень остальнымъ товарищамъ:—ползите за мной подъ нехристей, только чуръ осторожно. Вишь, ихъ всего-то человѣкъ двадцать, а насъ девятеро; на каждаго изъ васъ будетъ по два, а я на себя четырехъ беру. Какъ послышите, что Рѣшето взвизгнулъ, такъ всѣмъ разомъ и загикать, да прямо на нихъ! Готовы, что ли?

— Готовы! отвѣчали шепотомъ разбойники.

Атаманъ перевелъ дыханіе, оправился, и началъ потихоньку вытаскивать изъ-за пояса длинный ножъ свой.

ГЛАВА XXVI.

Побратимство.

Пока все это происходило у татарскаго стана, Серебряный, за полъ-версты оттуда, ожидалъ нетерпѣливо условленнаго знака.

— Князь, сказалъ ему Максимъ, не отходившій все время отъ него,—не долго намъ ждать, скоро зачнется бой; какъ взойдетъ солнышко, такъ уже многихъ изъ насъ не будетъ въ живыхъ, а мнѣ бы хотѣлось попросить тебя...

— О чемъ, Максимъ Григорьичъ?

— Дѣло-то нетрудное, да не знаю какъ тебѣ сказать, совѣстно мнѣ...

— Говори, Максимъ Григорьичъ, было бы въ моготу!

— Видишь ли, князь, скажу тебѣ всю истину. Я ушелъ изъ Слободы тайно, противъ воли отца, безъ вѣдома матери. Не втерпежъ мнѣ стало служить въ опричникахъ; такая нашла тошнота, что хоть въ воду кинуться. Видишь ли, бояринъ, я одинъ сынъ у отца у матери, брата у меня никогда не бывало. Отъ Покрова пошелъ мнѣ девятнадцатый годъ, а повѣришь ли, до сей поры не съ кѣмъ было добрымъ словомъ перемолвиться. Живу промежь нихъ одинъ одинешенекъ, никто мнѣ не товарищъ, всѣ чужіе. Всякъ только и думаетъ какъ бы другаго извести, чтобы самому въ честь попасть. Что ни день, то пытка да казни. Изъ церкви почитай не выходятъ, а губятъ народъ хуже станичниковъ. Было бъ имъ побольѣ казны да помѣстій, такъ по нихъ хоть вся Русь пропадай! Какъ царь ни грозенъ, а вѣдь и тотъ иногда слушаетъ истину; такъ у нихъ, хоть бы у одного языкъ повернулся правду вымолвить! Всѣ такъ ему и поддакиваютъ, такъ и лѣзутъ выслужиться! Повѣришь ли, князь, какъ увидѣлъ тебя, на сердцѣ у меня повеселѣло, словно роднаго встрѣтилъ! Еще и не зналъ я, кто ты таковъ, а ужь полюбился ты мнѣ, и очи у тебя не такъ глядятъ какъ у нихъ, и рѣчь звучитъ

иначе. Вотъ Годуновъ, пожалуй, и лучше другихъ, а все не то что ты. Смотрѣлъ я на тебя какъ ты безъ оружія супротивъ медвѣдя стоялъ; какъ Басмановъ, послѣ отравы того боярина, и тебѣ чашу съ виномъ поднесъ; какъ тебя на плаху вели; какъ ты съ станичниками сегодня говорилъ. Такъ меня и тянуло къ тебѣ, вотъ такъ бы и кинулся къ тебѣ на шею! Не дивись, князь, моей глупой рѣчи, прибавилъ Максимъ, потупя очи,—я не набиваюсь къ тебѣ на дружбу, знаю кто ты и кто я; только что жь мнѣ дѣлать, коли не могу словъ удержать; сами рвутся наружу, сердце къ тебѣ само такъ и мечется!

— Максимъ Григорьичъ, сказалъ Серебряный, и крѣпко сжалъ его руку,—и ты полюбился мнѣ какъ братъ родной!

— Спасибо, князь, спасибо тебѣ! А коли ужь на то пошло, то дай мнѣ разомъ высказать что у меня на душѣ. Ты, я вижу, не брезгаешь мной. Дозволь же мнѣ, князь, теперь передъ битвой, по древнему христіанскому обычаю, побрататься съ тобой! Вотъ и вся моя просьба; не возьми ее во гнѣвъ, князь. Еслибы зналъ я навѣрно, что доведется намъ еще долгое время жить вмѣстѣ, я бъ не просилъ тебя; я помнилъ бы, что тебѣ не пригоже быть моимъ названымъ братомъ; а теперь...

— Полно Бога гнѣвить, Максимъ Григорьичъ! прервалъ его Серебряный:—чѣмъ ты не братъ мнѣ? Знаю, что мой родъ честнѣе твоего, да то дѣло думное и разрядное; а здѣсь передъ Татарами, въ чистомъ полѣ, мы равны, Максимъ Григорьичъ, да вездѣ равны, гдѣ стоимъ предъ Богомъ, а не предъ людьми. Побратаемся, Максимъ Григорьичъ!

И князь снялъ съ себя крестъ-тѣльникъ, на узорной золотой цѣпи, и подалъ Максиму.

Максимъ также снялъ съ шеи крестъ, простой, мѣдный, на шелковомъ гайтанѣ, поцѣловалъ его и перекрестился.

— Возьми его, Никита Романычъ; имъ благословила меня мать, когда еще мы были бѣдными людьми, не вошли еще въ честь у Ивана Васильича. Береги его, онъ мнѣ всего дороже.

Тогда оба еще разъ перекрестились, и помѣнявшись крестами, обняли другъ друга.

Максимъ просвѣтлѣлъ.

— Теперь, сказалъ онъ радостно,—ты мнѣ братъ, Никита Романычъ! Чтò бы ни случилось, я съ тобой неразлученъ; кто тебѣ другъ, тотъ другъ и мнѣ; кто тебѣ врагъ, тотъ и мнѣ врагъ; буду любить твоею любовью, опаляться твоимъ гнѣвомъ, мыслить твоею мыслію! Теперь мнѣ и умирать веселѣе, и жить не горько; есть съ кѣмъ жить, за кого умереть!

— Максимъ, сказалъ Серебряный, глубоко тронутый,— видитъ Богъ, и я тебѣ всею душой учинился братомъ; не хочу разлучаться съ тобою до скончанія живота!

— Спасибо, спасибо, Никита Романычъ, и не слѣдъ намъ разлучаться! Коли, дастъ Богъ, останемся живы, подумаемъ хорошенько, поищемъ вмѣстѣ, чтобы намъ сдѣлать для родины, какую службу святой Руси сослужить? Быть того не можетъ, чтобы все на Руси пропало, чтобъ ужь нельзя было и царю служить иначе какъ въ опричникахъ!

Максимъ говорилъ съ непривычнымъ жаромъ, но вдругъ остановился и схватилъ Серебрянаго за руку.

Пронзительный визгъ раздался въ отдаленіи. Воздухъ какъ будто задрожалъ, земля затряслась, смутные крики, невнятный гулъ, принеслись отъ татарскаго стана, и нѣсколько коней, грива дыбомъ, проскакали мимо Серебрянаго и Максима.

— Пора! сказалъ Серебряный, садясь въ сѣдло и обнажая саблю:—чуръ меня слушаться, ребята, не сбиваться въ кучу, не разсыпаться врозь, каждый знай свое мѣсто. Съ Богомъ за мной!

Разбойники вспрянули съ земли.

— Пора, пора! раздалось во всѣхъ рядахъ:—слушаться князя!

И вся толпа двинулась за Серебрянымъ и перевалилась черезъ холмъ, заграждавшій имъ дотолѣ непріятельскіе костры.

Тогда новое, неожиданное зрѣлище поразило ихъ очи.

Справа отъ татарскаго стана змѣился по степи огонь, и неправильные узоры его, постепенно расширяясь и сливаясь вмѣстѣ, ползли все ближе и ближе къ стану.

— Ай-да, Перстень! вскричали разбойники:—ай-да наши! Вишь, зажгли степь, пустили огонь по вѣтру, прямо на басурмановъ!

Пожаръ росъ съ неимовѣрною быстротой, вся степь по

правую сторону стана обратилась въ пылающее море, и вскорѣ огненныя волны охватили крайнія кибитки и озарили станъ, похожій на встревоженный муравейникъ.

Татары, спасаясь отъ огня, бѣжали въ безпорядкѣ на встрѣчу разбойникамъ.

— На нихъ, ребята! загремѣлъ Серебряный,—топчите ихъ въ воду, гоните въ огонь!

Дружный крикъ отвѣчалъ князю, разбойники бросились на Татаръ, и закипѣла рѣзня. . . . .

. . . .

Когда солнце взошло, бой еще продолжался, но поле было усѣяно убитыми Татарами.

Тѣснимые съ одной стороны пожаромъ, съ другой дружиной Серебрянаго, враги не успѣли опомниться и кинулись къ топкимъ берегамъ рѣчки, гдѣ многіе утонули. Другіе погибли въ огнѣ, или задохлись въ дыму. Испуганные табуны съ самаго начала бросились на станъ, переломали кибитки и привели Татаръ въ такое смятеніе, что они давили другъ друга и рѣзались между собою, думая отбивать непріятеля. Одна часть успѣла прорваться черезъ огонь и разсѣялась въ безпорядкѣ по степи. Другая, собранная съ трудомъ самимъ ширинскимъ мурзою Шихматомъ, переплыла черезъ рѣчку и построилась на другомъ берегу. Тысячи стрѣлъ, сыпались оттуда на торжествующихъ Русскихъ. Разбойники, не имѣя другаго оружія, кромѣ рукопашнаго, и видя стрѣляющихъ враговъ защищенныхъ топкою рѣчкой, не выдержали и смѣшались.

Напрасно Серебряный просьбами и угрозами старался удержать ихъ. Уже отряды Татаръ начали, подъ прикрытіемъ стрѣлъ, обратно переплывать рѣчку, грозя ударить Серебряному въ тылъ, какъ Перстень явился внезапно возлѣ князя. Смуглое лицо его разгорѣлось, рубаха была изодрана, съ ножа капала кровь.

— Стойте, други! стойте, ясные соколы! закричалъ онъ на разбойниковъ;—аль глаза вамъ запорошило? Аль не видите, къ намъ подмога идетъ?

Въ самомъ дѣлѣ на противоположномъ берегу подвигалась рать въ боевомъ порядкѣ; ея копья и бердыши сверкали въ лучахъ восходящаго солнца.

— Да это тѣ же Татары! сказалъ кто-то.

— Самъ ты Татаринъ! возразилъ Перстень, негодуя.—

Развѣ такъ идетъ орда? Развѣ бываетъ, чтобъ Татары шли пѣшіе? А этого не видишь впереди на сѣромъ конѣ? Развѣ на немъ татарская бронь?

— Православные идутъ! раздалось между разбойниками:— стойте, братцы, православные къ намъ на помощь идутъ!

— Видишь, князь, сказалъ Перстень,—они, вражьи дѣти, и стрѣляютъ-то не такъ густо, значитъ, смекнули въ чемъ дѣло! А какъ схватится съ ними та дружина, я покажу тебѣ бродъ, перейдемъ да ударимъ на нихъ съ боку!

Новая рать подвигалась все ближе, и уже можно было распознать ея вооруженіе и одежду, почти столь же разнообразную какъ и на разбойникахъ. Надъ головами ратниковъ, болтались цѣпы, торчали косы и рогатины. Они казались наскоро вооруженными крестьянами, и только на передовыхъ были одноцвѣтные кафтаны, а въ рукахъ ихъ свѣтились бердыши и копья. Тутъ же ѣхало человѣкъ сто вершниковъ, также въ одноцвѣтныхъ кафтанахъ. Предводитель этой дружины былъ стройный молодой человѣкъ. Изъ-подъ сверкающаго шлема висѣли у него длинные русые волосы. Онъ ловко управлялъ конемъ, и конь, серебристо-сѣрой масти, то взвивался на дыбы, то шелъ красуясь, ровнымъ шагомъ, и ржалъ на встрѣчу непріятелю.

Туча стрѣлъ встрѣтила вождя и дружину.

Между тѣмъ Никита Романовичъ вмѣстѣ съ своими перешелъ рѣчку вбродъ, и врѣзался въ толпу враговъ, на которыхъ, въ то же время, наперла съ другой стороны вновь пришедшая подмога.

Уже съ часъ кипѣла битва.

Серебряный на мгновеніе отъѣхалъ къ рѣчкѣ напоить коня и перетянуть подпруги. Максимъ увидѣлъ его и подскакалъ къ нему.

— Ну, Никита Романычъ, сказалъ онъ весело,—видно Богъ стоитъ за святую Русь. Смотри коли наша не возьметъ!

— Да, отвѣтилъ Серебряный,—спасибо вонъ тому боярину что подоспѣлъ къ намъ на прибавку. Вишь, какъ рубитъ вправо да влѣво! Кто онъ таковъ? Я какъ будто видалъ его гдѣ то?

— Какъ, Никита Романычъ, ты не призналъ его?

— А ты его развѣ знаешь?

— Мнѣ-то какъ не знать его, Богъ съ нимъ! Много грѣ-

ховъ отпустится ему за нынѣшній день. Да вѣдь и ты знаешь его, Никита Романычъ. Это Ѳедька Басмановъ.

— Басмановъ? Этотъ! Неужто онъ!

— Онъ самый, и на себя не похожъ сталъ. Бывало, и подумать соромно, въ лѣтникѣ, словно дѣвушка, плясывалъ; а теперь видно розобрало его: поднялъ крестьянъ и дворовыхъ и напалъ на Татаръ; должно-быть и въ немъ русскій духъ заговорилъ. А сила-то откуда взялась, подумаешь! Да какъ и не перемѣниться въ этакій день, продолжалъ Максимъ съ одушевленіемъ, и глаза его блистали радостью.—Повѣришь ли, Никита Романычъ, я самъ себя не узнаю. Когда ушелъ я изъ Слободы, все казалось, что не долго уже доводится жить на свѣтѣ. Тянуло помѣряться съ нехристями, только не съ тѣмъ чтобы побить ихъ; на то, думалъ, найдутся лучше меня; а съ тѣмъ чтобы сложить голову, на татарскую саблю. А теперь не то; теперь мнѣ хочется жить! Слышишь, Никита Романычъ, когда вѣтеръ относитъ бранный гулъ, какъ въ небѣ жаворонки звенятъ? Вотъ такъ-же весело звенитъ и у меня на сердцѣ! Такая чуется сила и охота, что цѣлый вѣкъ показался-бы коротокъ. И чего не передумалъ я съ тѣхъ поръ какъ заря занялась! Такъ стало мнѣ ясно, такъ понятно, сколько добра еще можно сдѣлать на родинѣ! Тебя царь помилуетъ; быть того не можетъ, чтобъ не помиловалъ. Пожалуй еще и полюбитъ тебя. А ты возьми меня къ себѣ; давай вмѣстѣ думать и дѣлать какъ Адашевъ съ Сильвестромъ. Все, все разскажу тебѣ, что у меня на мысли, а а теперь прости, Никита Романычъ, пора опять туда; кажись, Басманова окружили. Хоть онъ и худой человѣкъ, а надо выручить!

Серебряный посмотрѣлъ на Максима почти отеческимъ взоромъ.

— Побереги себя, Максимъ, сказалъ онъ,—не мечись въ сѣчу даромъ; смотри, ты и такъ ужь въ крови!

— То, должно-быть, вражья кровь, отвѣтилъ Максимъ, весело посмотрѣвъ на свою рубаху;—а на мнѣ и царапины нѣтъ; твой крестъ соблюлъ меня!

Въ это время, притаившійся въ камышахъ Татаринъ, выползъ на берегъ, натянулъ лукъ и пустилъ стрѣлу въ Максима.

Зазвенѣлъ тугой татарскій лукъ, спѣла тетива, провиз-

жала стрѣла, угодила Максима въ бѣлу грудь, угодила каленáя подъ самое сердце. Закачался Максимъ на сѣдлѣ, ухватился за конскую гриву; не хочется пасть добру-молодцу, но доспѣлъ ему часъ на роду написанный, и свалился онъ на сыру землю, зацѣпя стремя ногою. Поволокъ его конь по чисту полю, и летитъ Максимъ, лежа навзничъ, раскидавъ бѣлыя руки, и метутъ его кудри мать сыру землю, и бѣжитъ за нимъ по полю кровавый слѣдъ.

Придетъ въ Слободу вѣсть недобрая, разрыдается мать Максимова, что не стало ей на поминъ души поминщика, и нéкому ея старыхъ очей закрыть. Разрыдается слезами горючими, не воротить своего дѣтища!

Придетъ въ Слободу вѣсть недобрая, заскрежещетъ Малюта зубами, налетитъ на плѣнныхъ Татаръ, насѣчетъ въ тюрьмахъ копны головъ и упьется кровью до жадной души: не воротить своего дѣтища!

Забылъ Серебряный и битву, и Татаръ, не видитъ онъ какъ Басмановъ гонитъ нехристей, какъ Перстень съ разбойниками перенимаютъ бѣгущихъ; видитъ только, что конь волочитъ по полю его названнаго брата. И вскочилъ Серебряный въ сѣдло, поскакалъ за конемъ и поймавъ его за узду, спрянулъ на землю и высвободилъ Максима изъ стремени.

— Максимъ, Максимъ! сказалъ онъ, ставъ на колѣни и приподымая его голову:—живъ ли ты, названный братъ мой? Открой очи, дай мнѣ отповѣдь!

И Максимъ открылъ туманныя очи, и протянулъ къ нему руки.

— Прости, нáзванный братъ мой! Не довелося пожить намъ вмѣстѣ. Сдѣлай же одинъ что̀ хотѣли мы вдвоемъ сдѣлать!

— Максимъ, сказалъ Серебряный, прижимая губы къ горячему челу умирающаго,—не заповѣдаешь ли мнѣ чего?

— Отвези матери послѣднiй поклонъ мой, скажи ей, что я умеръ, ее поминая...

— Скажу, Максимъ, скажу, отвѣтилъ Серебряный, едва удерживаясь отъ слезъ.

— А крестъ, продолжалъ Максимъ,—тотъ что̀ на мнѣ, отдай ей... а мой носи на память о братѣ твоемъ...

— Братъ мой, сказалъ Серебряный,—нѣтъ ли еще чего

на душѣ у тебя? Нѣтъ ли какой зазнобы въ сердцѣ? Не стыдись, Максимъ, кого еще жаль тебѣ, кромѣ матери?

— Жаль мнѣ родины моей, жаль святой Руси! Любилъ я ее не хуже матери, а другой зазнобы не было у меня!

Максимъ закрылъ глаза. Лицо его горѣло, дыханіе дѣлалось чаще.

Черезъ нѣсколько мгновеній онъ опять взглянулъ на Серебрянаго.

— Братъ, сказалъ онъ,—кабы мнѣ напиться воды, да постуденѣе!

Рѣка была недалеко, князь всталъ, зачерпнулъ въ шлемъ воды и подалъ Максиму.

— Теперь какъ будто полегчало, сказалъ умирающій,— приподыми меня, помоги перекреститься!

Князь приподнялъ Максима. Онъ повелъ кругомъ себя угасающимъ взоромъ, увидѣлъ бѣгущихъ Татаръ, и улыбнулся.

— Я говорилъ, Никита Романычъ, что Богъ стоитъ за насъ... смотри какъ разсыпались... а у меня ужь и въ глазахъ темнѣетъ... охъ не хотѣлось бы умирать теперь!..

Кровь хлынула изъ устъ его.

— Господи, прими мою душу! проговорилъ Максимъ, и упалъ мертвый.

ГЛАВА XXVII.

Басмановъ.

Люди Басманова и разбойники окружили Серебрянаго.

Татары были разбиты на голову, многіе отдались въ плѣнъ, другіе бѣжали. Максиму вырыли могилу и похоронили его честно. Между тѣмъ, Басмановъ велѣлъ раскинуть на берегу рѣчки свой персидскій шатеръ, а дворецкій его, одинъ изъ начальныхъ людей рати, доложилъ Серебряному, что бояринъ бьетъ ему челомъ, проситъ не побрезгать походнымъ обѣдомъ.

Лежа на шелковыхъ подушкахъ, Басмановъ, уже разчесанный и надушенный, смотрѣлся въ зеркало, которое держалъ передъ нимъ молодой стремянной, стоя на колѣняхъ.

Видъ Басманова являлъ странную смѣсь лукавства, надменности, изнѣженнаго разврата и безпечной удали; и сквозь эту смѣсь проглядывало то недоброжелательство, которое никогда не покидало опричника при видѣ земскаго. Предполагая что Серебряный долженъ презирать его, онъ, даже исполняя долгъ гостепріимства, придумывалъ заранѣ, какъ бы отомстить гостю, если тотъ неравно выкажетъ свое презрѣніе. При входѣ Серебрянаго, Басмановъ привѣтствовалъ его наклоненіемъ головы, но не тронулся съ мѣста.

— Ты раненъ, Θедоръ Алексѣичъ? спросилъ Серебряный простодушно.

— Нѣтъ, не раненъ, сказалъ Басмановъ, принимая эти слова за насмѣшку, и рѣшившись встрѣтить ее безстыдствомъ,—нѣтъ, не раненъ, а только уморился немного, да вотъ лицо какъ будто загорѣло. Какъ думаешь, князь, прибавилъ онъ, продолжая смотрѣться въ зеркало, и поправляя свои жемчужныя серьги, — какъ думаешь, скоро сойдетъ загаръ?

Серебряный не зналъ что̀ и отвѣчать.

— Жаль, продолжалъ Басмановъ,—сегодня не поспѣемъ въ баню; до вотчины моей будетъ верстъ тридцать, а завтра, князь, милости просимъ, угощу тебя лучше теперешняго, увидишь мои хороводы: дѣвки всѣ на подборъ, а парни— старшему двадцати не будетъ.

Говоря это, Басмановъ сильно картавилъ.

— Спасибо, бояринъ, я спѣшу въ Слободу, отвѣчалъ сухо Серебряный.

— Въ Слободу? Да вѣдь ты никакъ изъ тюрьмы убѣжалъ.

— Не убѣжалъ, Θедоръ Алексѣичъ, а увели меня насильно. Давши слово царю, я самъ бы не ушелъ, и теперь опять отдаюсь на его волю.

— Тебѣ, стало, хочется на висѣлицу? Вольному воля, спасеному рай! А я ужь не знаю вернуться ли мнѣ?

— Что̀ такъ, Θедоръ Алексѣичъ?

— Да что! сказалъ Басмановъ, предаваясь досадѣ, или, можетъ быть, желая только внушить Серебряному довѣріе, —служишь царю всею правдой, отдаешь ему и душу и плоть, а онъ, того и смотри, посадитъ тебѣ какого-нибудь Годунова на голову!

— Да тебя-то кажется жалуетъ царь.

— Жалуетъ! До сей поры и окольничимъ сдѣлать не хочетъ! А ужь кажется, я ли ему не холопъ! Небось Годуновъ не по моему служитъ. Этотъ бережетъ себя, какъ бы земскіе про него худо не подумали.—Эй, Борисъ, ступай въ застѣнокъ, боярина допрашивать!—Иду, государь, только, какъ бы онъ не провелъ меня, я къ этому дѣлу не привыченъ, прикажи Григорью Лукьянычу со мной идти!—Эй, Борисъ, вонъ за тѣмъ столомъ земскій бояринъ мало пьетъ, поднеси ему вина, разумѣешь? — Разумѣю, государь, да только онъ на меня подозрѣніе держитъ, ты бы лучше Ѳедьку Басманова послалъ! А Ѳедька не отговаривается, куда пошлютъ, туда и идетъ. Поведи лишь царь очами, брата роднаго отравилъ бы, и не спросилъ бы за что̀. Помнишь, какъ я тебѣ за столомъ чашу отъ Ивана Васильича-то поднесъ? Вѣдь я думалъ, она съ ядомъ, ей Богу думалъ!

Серебряный усмѣхнулся.

— А гдѣ ему, продолжалъ Басмановъ, какъ бы подстрекаемый къ большей наглости,—гдѣ ему найдти слугу краше меня? Видалъ ли ты такія брови какъ у меня? Чѣмъ эти брови не собольи? А волосы-то? Тронь, князь, пощупай вѣдь шелкъ, право-ну шелкъ!

Отвращеніе выразилось на лицѣ Серебрянаго. Басмановъ это замѣтилъ и продолжалъ, какъ будто желая поддразнить своего гостя:

— А руки-то мои, посмотри, князь, чѣмъ онѣ не дѣвичьи? Только вотъ сегодня намозолилъ маленько. Такой ужь у меня нравъ, ни въ чемъ себя не жалѣю!

— И подлинно не жалѣешь, сказалъ Серебряный, не въ силахъ болѣе сдержать своего негодованія,—коли все то правда что̀ про тебя говорятъ ...

— А что̀ же про меня говорятъ? подхватилъ Басмановъ, лукаво прищурясь.

— Да ужь и того бы довольно, что ты самъ разказываешь; а то говорятъ про тебя, что ты передъ царемъ, прости Господи, какъ дѣвушка, въ лѣтникѣ пляшешь!

Краска бросилась въ лицо Басманова, но онъ призвалъ на помощь свое обычное безстыдство.

— А что̀ жь, сказалъ онъ, принимая безпечный видъ,— если и въ самомъ дѣлѣ пляшу?

— Тогда прости, сказалъ Серебряный,—мнѣ не только съ тобой обѣдать, но и смотрѣть на тебя соромно!

— Ага! вскричалъ Басмановъ, и поддѣльная безпечность его изчезла, и глаза засверкали, и онъ уже забылъ картавить: — ага! выговорилъ наконецъ! Я знаю что вы всѣ про меня думаете! Да мнѣ, вотъ видишь ли, на всѣхъ васъ наплевать!

Брови Серебрянаго сдвинулись и рука опустилась было на крыжъ его сабли, но онъ вспомнилъ съ кѣмъ говоритъ, и только пожалъ плечами.

— Да что ты за саблю-то хватаешься? продолжалъ Басмановъ.—Меня этимъ не испугаешь. Какъ самъ примусь за саблю, такъ еще посмотримъ, чья возьметъ!

— Прости! сказалъ Серебряный, и приподнялъ завѣсу шатра, чтобы выйдти.

— Слушай, вскричалъ Басмановъ, хватая его за полу кафтана,—кабы на меня кто другой такъ посмотрѣлъ, я, видитъ Богъ, не спустилъ бы ему, но съ тобой ссориться не хочу; больно хорошо Татаръ рубишь!

— Да и ты, сказалъ добродушно Серебряный, останавливаясь у входа и вспомнивъ какъ дрался Басмановъ,—да и ты не хуже меня рубилъ ихъ. Что жъ ты опять вздумалъ ломаться, словно баба какая!

Лицо Басманова опять сдѣлалось безпечно.

— Ну не сердись, князь! Я вѣдь не всегда таковъ былъ; а въ Слободѣ, самъ знаешь, поневолѣ всему научишься!

— Грѣшно, Ѳедоръ Алексѣичъ! Когда сидишь ты на конѣ, съ саблей въ рукѣ, сердце, глядя на тебя, радуется. И доблесть свою показалъ ты сегодня, любо смотрѣть было. Брось же свой бабій обычай, остриги волосы какъ Богъ велитъ, сходи на покаяніе въ Кіевъ, или въ Соловки, да и вернись на Москву христіаниномъ!

— Ну, не сердись, не сердись, Никита Романычъ! Сядь сюда, пообѣдай со мной, вѣдь я не песъ же какой, есть и хуже меня; да и не все-то правда что про меня говорятъ; не всякому слуху вѣрь. Я и самъ иногда съ досады на себя наклеплю!

Серебряный обрадовался, что можетъ объяснить поведеніе Басманова въ лучшую сторону.

— Такъ это не правда, поспѣшилъ онъ спросить, — что ты въ лѣтникѣ плясалъ?

— Эхъ дался тебѣ этотъ лѣтникъ! Развѣ я по своей охотѣ его надѣваю? Или ты не знаешь царя? Да и что̀ мнѣ, въ святые себя прочить, что ли? Ужь я и такъ въ Слободѣ пощусь ему въ угожденіе; ни одной заутрени не проспалъ; каждую середу и пятницу по сту земныхъ поклоновъ кладу; какъ еще лба не расшибъ! Кабы тебѣ пришлось по цѣлымъ недѣлямъ въ стихарѣ ходить, небось и ты бъ для перемѣны лѣтникъ надѣлъ!

— Скорѣй пошелъ бы на плаху! сказалъ Серебряный.

— Ой ли? произнесъ насмѣшливо Басмановъ, и бросивъ злобный взглядъ на князя, онъ продолжалъ съ видомъ довѣрчивости:—А ты думаешь, Никита Романычъ, мнѣ весело, что по царской милости меня уже не Ѳедоромъ, а Ѳедорой величаютъ? И еще бы какая прибыль была мнѣ отъ этого! А то вся прибыль ему, а мнѣ одинъ соромъ! Вотъ хоть намедни, ѣду вспольемъ мимо Дорогомиловской слободы: анъ мужичье-то пальцами на меня показываютъ, а кто-то еще закричи изъ толпы: „Эвотъ царская Ѳедора ѣдетъ!“ Я было напустился на нихъ, да разбѣжались. Прихожу къ царю, говорю такъ и такъ, не вели, говорю, Дорогомиловцамъ холопа твоего корить, вотъ ужь одинъ меня Ѳедорой назвалъ. „А кто назвалъ?“—Да кабы зналъ кто, не пришелъ бы докучать тебѣ, самъ бы зарѣзалъ его. „Ну, говоритъ, возьми изъ моихъ кладовыхъ сорокъ соболей на душегрѣйку.“—А на что̀ мнѣ она! Небось,ты не надѣнешь душегрѣйки на Годунова, а чѣмъ я хуже его? „Да что̀ же тебѣ, Ѳедя, пожаловать?“—А пожалуй меня окольничимъ, чтобъ люди въ глаза не корили! „Нѣтъ, говоритъ, окольничимъ тебѣ не бывать; ты мнѣ потѣшникъ, а Годуновъ совѣтникъ; тебѣ казна, а ему почетъ. А что Дорогомиловцы тебя Ѳедорой назвали, такъ отписать за то всю Дорогомиловщину на мой царскій обиходъ!“ Вотъ тебѣ и потѣшникъ! Да съ тѣхъ поръ какъ бросили Москву, и потѣхи-то не было. Все постились, да Богу молились. Со скуки ужь въ вотчину отпросился, да и тамъ надоѣло. Не вѣкъ же зайцевъ да перепеловъ травить! Поневолѣ обрадовался какъ вѣсть про Татаръ пришла. А вѣдь хорошо мы ихъ отколотили, ей Богу хорошо! Довольно и полону пригонимъ къ Москвѣ! Да я было и забылъ про полонъ! Стрѣляешь ты изъ лука, князь?

— А что̀?

— Да такъ. Послѣ обѣда привяжемъ Татарина шагахъ

во сто: кто первый въ сердце попадетъ. А что не въ сердце, то не въ почетъ. Околѣетъ, другаго привяжемъ.

Открытое лицо Серебрянаго омрачилось.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—я въ связанныхъ не стрѣляю.

— Ну такъ велимъ ему бѣжать: кто первый на бѣгу свалитъ.

— И того не стану, да и тебѣ не дамъ! Здѣсь, слава Богу, не Александрова слобода!

— Не дашь? вскричалъ Басмановъ, и глаза его снова загорѣлись, но вѣроятно, не вошло въ его разчетъ ссориться съ княземъ и внезапно перемѣнивъ пріемы, онъ сказалъ ему весело:—Эхъ, князь! Развѣ не видишь, я шучу съ тобой! И про лѣтникъ ты повѣрилъ! Вотъ ужь полчаса я потѣшаюсь, а ты, что ни скажу, все за правду примаешь! Да мнѣ хуже чѣмъ тебѣ слободской обычай постылъ! Развѣ ты думаешь, я лажу съ Грязнымъ, али съ Вяземскимъ, али съ Малютой? Вотъ-те Христосъ, они у меня какъ бѣльмо на глазу! Слушай, князь, продолжалъ онъ вкрадчиво,—знаешь ли что? Дай мнѣ первому въ Слободу вернуться, я тебѣ выпрошу прощеніе у царя, а какъ войдешь опять въ милость, тогда ужь и ты сослужи мнѣ службу. Стоитъ только шепнуть царю, сперва про Вяземскаго, а тамъ про Малюту, а тамъ и про другихъ, такъ посмотри коли мы съ тобой не останемся самдругъ у него въ приближеніи. А я ужь знаю что ему про кого сказать, да только лучше чтобъ онъ со стороны услышалъ. Я тебя научу какъ говорить, ты мнѣ спасибо скажешь!

Странно сдѣлалось Серебряному въ присутствіи Басманова. Храбрость этого человѣка и полувысказанное сожалѣніе о своей постыдной жизни располагали къ нему Никиту Романовича. Онъ даже готовъ былъ подумать, что Басмановъ въ самомъ дѣлѣ передъ этимъ шутилъ, или съ досады клепалъ на себя, но послѣднее предложеніе его, сдѣланное очевидно не въ шутку, возбудило въ Серебряномъ прежнее отвращеніе.

— Ну, сказалъ Басмановъ, нагло смотря ему въ глаза,—пополамъ, что ли, царскую милость? Что жь ты молчишь, князь? Аль не вѣришь мнѣ?

— Θедоръ Алексѣичъ, сказалъ Серебряный, стараясь умѣрить свое негодованіе и быть повѣжливѣе къ угощав-

шему его хозяину, — Өедоръ Алексѣичъ, вѣдь то что̀ ты затѣялъ, оно... какъ бы тебѣ сказать? вѣдь это...

— Что̀? спросилъ Басмановъ.

— Вѣдь это скаредное дѣло! выговорилъ Серебряный и подумалъ, что смягчивъ голосъ, онъ скрасилъ свое выраженіе.

— Скаредное дѣло! повторилъ Басмановъ, перемогая злобу и скрывая ее подъ видомъ удивленія:—да ты забылъ про кого я тебѣ говорю. Развѣ ты мыслишь къ Вяземскому или къ Малютѣ?

— Громъ Божій на нихъ и на всю опричнину! сказалъ Серебряный. — Пусть только царь дастъ мнѣ говорить, я при нихъ открыто скажу все что̀ думаю и что̀ знаю, но шептать не стану ему ни про кого, а кольми паче съ твоихъ словъ, Өедоръ Алексѣичъ!

Ядовитый взглядъ блеснулъ изъ-подъ рѣсницъ Басманова.

— Такъ ты не хочешь, чтобъ я съ тобой царскою милостью подѣлился?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Серебряный.

Басмановъ повѣсилъ голову, схватился за нее обѣими руками, и сталъ перекачиваться со стороны на сторону.

— Охъ, сирота, сирота я! загорилъ онъ на распѣвъ, будто-бы плача:—сирота я горькая, горемычная! Съ тѣхъ поръ какъ разлюбилъ меня царь, всякъ только и норовитъ, какъ бы обидѣть меня! Никто не приласкаетъ, никто не приголубитъ, всѣ такъ на меня и плюютъ! Ой житье мое, житье нерадостное! Надоѣло ты мнѣ, собачье житье! Захлесну поясокъ за перекладинку, продѣну въ петельку головушку безталанную!

Серебряный съ удивленіемъ смотрѣлъ на Басманова, который продолжалъ голосить и причитывать, какъ бабы на похоронахъ, и только иногда, украдкой, вскидывалъ исподлобья свой наглый взоръ на князя, какъ бы желая уловить его впечатлѣніе.

— Тьфу! сказалъ наконецъ Серебряный и хотѣлъ было выйдти, но Басмановъ опять поймалъ его за полу.

— Эй! закричалъ онъ:—пѣсенниковъ!

Вошло нѣсколько человѣкъ, вѣроятно ожидавшихъ снаружи. Они загородили выходъ Серебряному.

— Братцы, началъ Басмановъ прежнимъ плаксивымъ

голосомъ,—затяните-ка пѣсенку, да пожалобнѣе, затяните такую, чтобы душа моя встосковалась, надорвалась да и разлучилась бы съ тѣломъ!

Пѣсенники затянули длинную, заунывную пѣсню, въ родѣ похоронной, въ продолженіи которой Басмановъ все переваливался со стороны на сторону, и приговаривалъ:

— Протяжнѣе, протяжнѣе! Еще протяжнѣе, други! Отпѣвайте своего боярина, отпѣвайте! Вотъ такъ! Вотъ хорошо! Да что жь душа не хочетъ изъ тѣла вонъ? Или не насталъ еще часъ ея? Или написано мнѣ еще на свѣтѣ помаяться? А коли написано, такъ надо маяться! А коли сказано жить, такъ надо жить! Плясовую! крикнулъ онъ вдругъ, безъ всякаго перехода, и пѣсенники, привыкшіе къ такимъ перемѣнамъ, грянули плясовую.

— Живѣй! кричалъ Басмановъ, и схвативъ двѣ серебряныя стопы, началъ стучать ими, одна о другую.—Живѣй, соколы! Живѣй, бѣсовы дѣти! Я васъ, разбойники!

Вся наружность Басманова измѣнилась. Ничего женоподобнаго не осталось на лицѣ его. Серебряный узналъ того удальца, который утромъ бросался въ самую сѣчу и гналъ передъ собою толпы Татаръ.

— Вотъ этакъ-то получше! проговорилъ князь, одобрительно кивнувъ головой.

Басмановъ весело на него взглянулъ.

— А вѣдь ты опять повѣрилъ мнѣ, князь! Ты подумалъ, я и вправду расхныкался! Эхъ, Никита Романычъ, легко жь тебя провести! Ну, выпьемъ же теперь про наше знакомство. Коли поживемъ вмѣстѣ, увидишь, что я не такой какъ ты думалъ!

Безпечный разгулъ и бѣшеное веселье подѣйствовали на Серебрянаго. Онъ принялъ кубокъ изъ рукъ Басманова.

— Кто тебя разберетъ, Ѳедоръ Алексѣичъ! Я никогда такихъ не видывалъ. Можетъ и вправду ты лучше чѣмъ кажешься. Не знаю что про тебя и думать, но Богъ свелъ насъ на ратномъ полѣ, а потому: во здравіе твое!

И онъ осушилъ кубокъ до дна.

— Такъ, князь! Такъ, душа моя! Видитъ Богъ, я люблю тебя! Еще одну стопу на погибель всѣхъ Татаръ что остались на Руси!

Серебряный былъ крѣпокъ къ вину, но послѣ второй стопы, мысли его стали путаться. Напитокъ ли былъ хмѣль-

нѣе обыкновеннаго, или подмѣшалъ туда чего-нибудь Басмановъ, но у князя голова заходила кругомъ; заходила кругомъ и ничего не стало видно Никитѣ Романовичу; слышалась только бѣшеная пѣсня съ присвистомъ и топаніемъ, да голосъ Басманова:

— Живѣй, ребята! Во снѣ, что ли, поете? Кого хороните, воры!

Когда Серебряный пришелъ въ себя, пѣніе еще продолжалось, но онъ уже не стоялъ, а полусидѣлъ на персидскихъ подушкахъ, Басмановъ старался, съ помощью стремяннаго, напялить на него женскій лѣтникъ.

— Надѣвай же свой опашень, бояринъ, говорилъ онъ, — на дворѣ уже сырѣть начинаетъ!

Пѣсенники въ это время, окончивъ колѣно, переводили духъ.

Въ глазахъ Серебрянаго еще рябило, мысли его еще не совсѣмъ прояснились, и онъ готовъ былъ вздѣть лѣтникъ, принимая его за опашень, какъ среди наставшей тишины, послышалось протяжное завыванье.

— Это что? спросилъ гнѣвно Басмановъ.

— На Скуратова могилѣ песъ воетъ! отвѣтилъ стремянный, выглянувъ изъ шатра.

— Подай сюда лукъ да стрѣлу; я научу его выть, когда мы съ гостемъ веселимся.

Но, при имени Скуратова, Серебряный совершенно отрезвился.

— Постой, Өедоръ Алексѣичъ, сказалъ онъ, вставая, — это Максимовъ Буянъ, не тронь его. Онъ зоветъ меня на могилу моего названнаго брата; не въ мѣру я съ тобой загулялся; прости, пора мнѣ въ путь!

— Да надѣнь же сперва опашень, князь.

— Не на меня шитъ, сказалъ Серебряный, распознавая лѣтникъ, который протягивалъ ему Басмановъ,—носи его самъ, какъ доселѣ нашивалъ.

И не дожидаясь отвѣта, онъ плюнулъ и вышелъ изъ шатра.

За нимъ посыпались проклятія, ругательства и богохульства Басманова; но не обращая на нихъ вниманія, онъ подошелъ къ могилѣ Максима, положилъ поклонъ своему названному брату и, сопровождаемый Буяномъ, присоединился къ разбойникамъ, которые, подъ начальствомъ Перстня уже расположились на отдыхъ вокругъ пылающихъ костровъ.

ГЛАВА XXVIII.

Разставанiе.

Едва занялась заря, какъ ужь Перстень поднялъ шайку.

— Ребятушки! сказалъ онъ разбойникамъ, когда они собрались вокругъ него и Серебрянаго.—Насталъ мнѣ часъ разстаться съ вами. Простите, ребятушки! Иду опять на Волгу. Не поминайте же меня лихомъ, коли я въ чемъ согрубилъ передъ вами!

И Перстень поклонился въ поясъ разбойникамъ.

— Атаманъ! заговорила въ одинъ голосъ вольница:—не оставляй насъ! Куда мы пойдемъ безъ тебя!

— Идите съ княземъ, ребятушки. Вы вашимъ вчерашнимъ дѣломъ заслужили вины свои; можете опять учиниться чѣмъ прежде были; а князь не оставитъ васъ!

— Добрые молодцы, сказалъ Серебряный,—я далъ царю слово, что не буду уходить отъ суда его. Вы знаете, что я изъ тюрьмы не по своей волѣ ушелъ. Теперь долженъ я сдержать мое слово, понести царю мою голову. Хотите ль идти со мною?

— А проститъ ли онъ насъ? спросили разбойники.

— Это въ Божьей волѣ; не хочу васъ обманывать. Можетъ, проститъ, а можетъ и нѣтъ. Подумайте, потолкуйте межь собою да и скажите мнѣ, кто идетъ и кто остается.

Разбойники переглянулись, отошли въ сторону и начали въ полголоса совѣтоваться. Черезъ нѣсколько времени они вернулись къ Серебряному.

— Идемъ съ тобой, коли атаманъ идетъ!

— Нѣтъ, ребятушки, сказалъ Перстень,—меня не просите. Коли вы и не пойдете съ княземъ, все жь намъ дорога не одна. Довольно я погулялъ здѣсь, пора на родину. Да мы же и повздорили немного, а порванную веревку какъ ни вяжи, все узелъ будетъ. Идите съ княземъ, ребятушки, или выберите себѣ другаго атамана, а лучше, послушайтесь моего совѣта, идите съ княземъ; не вѣрится

мнѣ послѣ нашего дѣла, чтобы царь и его, и васъ не простилъ!

Разбойники опять потолковали, и послѣ краткаго совѣщанія, раздѣлились на двѣ части. Бо́льшая подошла къ Серебряному.

— Веди насъ! сказали они:—пусть будетъ съ нами что̀ и съ тобой!...

— А другіе-то что̀ жь? спросилъ Серебряный.

— Другіе выбрали въ атаманы Хлопко, мы съ ними не хотимъ!

— Тамъ всѣ, что̀ похуже, остались, шепнулъ Перстень князю,—они и дрались-то вчера не такъ какъ эти!

— А ты, сказалъ Серебряный,—ни за что̀ не пойдешь со мной?

— Нѣтъ, князь, я не то что̀ другіе. Меня царь не проститъ, не таковы мои винности. Да признаться, и соскучился я по Ермакѣ Тимоѳеичѣ; вотъ ужь который годъ не видалъ его. Прости, князь, не поминай лихомъ!

Серебряный сжалъ руку Перстня, и обнялъ его крѣпко.

— Прости, атаманъ, сказалъ онъ,—жаль мнѣ тебя, жаль, что идешь на Волгу; не такимъ бы тебѣ дѣломъ заниматься.

— Кто знаетъ, князь, отвѣтилъ Перстень, и отважный взоръ его принялъ странное выраженіе,—Богъ не безъ милости, авось и не всегда буду тѣмъ что̀ теперь!

Разбойники стали приготовляться къ походу.

Когда взошло солнце, на берегу рѣчки уже не было видно ни шатра, ни людей Басманова. Ѳедоръ Алексѣевичъ поднялся еще ночью, чтобы первому принести царю извѣстіе объ одержанной побѣдѣ.

Прощаясь съ товарищами, Перстень увидѣлъ возлѣ себя Митьку.

— Прости жь и ты, губошлепъ! сказалъ онъ весело,—послужилъ ты вчера царю за четверыхъ, не оставитъ онъ тебя своей милостью!

Но Митька, какъ бы въ недоумѣніи, почесалъ затылокъ!

— Ну что̀? спросилъ Перстень.

— Ничаво! отвѣчалъ лѣниво Митька, почесывая одною рукой затылокъ, другою поясницу.

— Ну, ничего, такъ ничего!—и Перстень уже было отошелъ, какъ Митька, собравшись съ духомъ, сказалъ протяжно:

— Атаманъ, а, атаманъ!

— Что?

— Я въ Слободу не хочу!

— Куда жь ты хочешь?

— А съ тобой!

— Нельзя со мной; я на Волгу иду.

— Ну и я на Волгу!

— Зачѣмъ же не съ княземъ?

Митька подвинулъ одну ногу впередъ, и уставился, какъ бы въ замѣшательствѣ, на свой лапоть.

— Опричниковъ что ли боишься? спросилъ насмѣшливо Перстень.

Митька сталъ почесывать то затылокъ, то бока, то поясницу, но не отвѣчалъ ничего.

— Мало ты ихъ видѣлъ? продолжалъ Перстень:—съѣли они тебя, что ли?

— Нявѣсту взяли! проговорилъ, нехотя Митька.

Перстень засмѣялся.

— Вишь, злопамятный! Не хочетъ съ ними хлѣба-соли вести! Ну, примкнись къ Хлопку.

— Не хочу, сказалъ рѣшительно Митька:—хочу съ тобой на Волгу!

— Да я не прямо на Волгу!

— Ну и я не прямо!

— Куда жь ты?

— А куда ты, туда и я!

— Эхъ, присталъ какъ банный листъ! Такъ знай же, что мнѣ сперва надо въ Слободѣ побывать!

— Зачѣмъ? спросилъ Митька, и выпучилъ глаза на атамана.

— Зачѣмъ! Зачѣмъ! повторилъ Перстень, начиная терять терпѣніе:—затѣмъ, что я тамъ прошлаго года орѣхи грызъ, скорлупу забылъ!

Митька посмотрѣлъ было на него съ удивленіемъ, но тотчасъ же усмѣхнулся и растянулъ ротъ до самыхъ ушей, а отъ глазъ пустилъ по вискамъ лучеобразныя морщины, и придалъ лицу своему самое хитрое выраженіе, какъ бы желая сказать: меня, братъ, надуть не такъ-то легко; я очень хорошо знаю, что ты идешь въ Слободу не за орѣховою скорлупой, а за чѣмъ-нибудь другимъ!

Однако онъ этого не сказалъ, а только повторилъ усмѣхаясь:

— Ну и я съ тобой!

— Чтò съ нимъ будешь дѣлать! сказалъ Перстень, пожимая плечами.—Видно ужь не отвязаться отъ него, такъ и быть, иди со мной, дурень, только послѣ не пеняй на меня, коли тебя повѣсятъ!

— А хоча и повѣсятъ! отвѣтилъ Митька равнодушно.

— Ладно, парень. Вотъ за это люблю! Прощайся же скорѣй съ товарищами да и въ путь!

Заспанное лицо Митьки не оживилось, но онъ тотчасъ же началъ неуклюжо подходить къ товарищамъ и каждаго, хотѣвшаго и не хотѣвшаго, чмокнулъ по три раза, кого добровольно, кого насильно, кого загребая за плечи, кого ухвативъ за голову.

— Атаманъ, сказалъ Серебряный,—стало мы съ тобой по одной дорогѣ?

— Нѣтъ, бояринъ. Гдѣ я пройду, тамъ тебѣ не проѣхать. Я въ Слободѣ буду прежде тебя, и еслибы мы встрѣтились, ты меня не узнавай; а впрочемъ мы и не встрѣтимся; я до твоего пріѣзда уйду; надо только кое-какія дѣла покончить.

Серебряный догадался, что у Перстня было кое-что спрятано, или зарыто въ окрестностяхъ Слободы, и не настаивалъ.

Вскорѣ два отряда потянулись по двумъ разнымъ направленіямъ.

Большій шелъ за Серебрянымъ вдоль рѣчки по зеленому лугу, еще покрытому слѣдами вчерашней битвы, и за нимъ, опустивъ голову и хвостъ, тащился Буянъ. Онъ часто подбѣгалъ къ Серебряному, жалобно повизгивалъ и потомъ оборачивался на свѣжій могильный холмъ, пока наконецъ не скрыли его изъ виду высокіе камыши.

Другой, меньшій отрядъ, пошелъ за Хлопкой.

Перстень удалился въ третью сторону, и за нимъ, не спѣша и переваливаясь съ боку на бокъ, послѣдовалъ Митька.

Опустѣла широкая степь, и настала на ней прежняя тишина, какъ будто бранный гулъ и не возмущалъ ея накапунѣ. Только кой-гдѣ паслись разбѣжавшіеся татарскіе кони, да валялись по пожарищу разбросанные доспѣхи.

Вдоль цвѣтущаго берега рѣчки, жаворонки попрежнему звенѣли въ небесной синевѣ, лыски перекликались въ густыхъ камышахъ, а мелкія пташки перепархивали, чирикая, съ тростника на тростникъ, или, заливаясь пѣснями, садились на пернатыя стрѣлы, вонзившіяся въ землю во время битвы, и торчавшія теперь на зеленомъ лугу, межь болотныхъ цвѣтовъ, какъ будто бъ и онѣ были цвѣты, и росли тамъ уже Богъ знаетъ сколько времени.

ГЛАВА XXIX.

Очная ставка.

Съ недѣлю послѣ пораженія Татаръ, царь принималъ въ своей опочивальнѣ Басманова, только что прибывшаго изъ Рязани. Царь зналъ уже о подробностяхъ битвы, но Басмановъ думалъ, что объявитъ о ней первый. Онъ надѣялся приписать себѣ одному всю честь побѣды, и разчитывалъ на дѣйствіе своего разказа, чтобы войдти у царя въ прежнюю милость.

Иванъ Васильевичъ слушалъ его со вниманіемъ, перебирая четки, и опустивъ взоръ на алмазное кольцо, которымъ былъ украшенъ указательный перстъ его; но когда Басмановъ, окончивъ разказъ и тряхнувъ кудрями, сказалъ съ самодовольнымъ видомъ:

— Что̀ жь, государь, мы, кажется, постарались для твоей милости!

Іоаннъ поднялъ глаза и усмѣхнулся.

— Не пожалѣли себя, продолжалъ вкрадчиво Басмановъ,— такъ ужь и ты, государь, не пожалѣй наградить слугу твоего!

— А чего бы тебѣ хотѣлось, Ѳедя? спросилъ Іоаннъ, принимая видъ добродушія.

— Да пожалуй меня хоть окольничимъ, чтобы люди-то не корили.

Іоаннъ посмотрѣлъ на него пристально.

— А чѣмъ мнѣ Серебрянаго пожаловать? спросилъ онъ неожиданно.

— Опальника-то твоего? сказалъ Басмановъ, скрывая свое смущеніе подъ свойственнымъ ему безстыдствомъ:—да чѣмъ же коли не висѣлицей? Вѣдь онъ ушелъ изъ тюрьмы, да съ своими станичниками чуть дѣла не испортилъ. Кабы не переполошилъ онъ Татаръ, мы бы ихъ всѣхъ какъ перепеловъ накрыли.

— Полно такъ ли? А я такъ думаю, что Татары тебя въ торока ввязали бъ какъ въ тотъ разъ, помнишь? Вѣдь тебѣ уже не впервой, дѣло знакомое!

— Знакомое дѣло за тебя горе терпѣть, продолжалъ Басмановъ дерзко,—а вотъ это незнакомое, чтобы спасибо услышать. Небось тебѣ и Годуновъ, и Малюта, и Вяземскій не по моему служатъ, а наградъ ты для нихъ не жалѣешь.

— И подлинно не по твоему. Гдѣ имъ плясать супротивъ тебя!

— Надежа-государь, отвѣтилъ Басмановъ, теряя терпѣніе,—коли нелюбъ я тебѣ, отпусти меня совсѣмъ!

Басмановъ надѣялся, что Іоаннъ удержитъ его; но отсутствіе изъ Слободы, вмѣсто того чтобъ оживить къ нему любовь Іоанна, охладило ее еще болѣе; онъ успѣлъ отъ него отвыкнуть, а другіе любимцы, особенно Малюта, оскорбленный высокомѣріемъ Басманова, воспользовались этимъ временемъ, чтобъ отвратить отъ него сердце Іоанна.

Разчетъ Басманова оказался невѣренъ. Замѣтно было, что царь забавляется его досадой.

— Такъ и быть, сказалъ онъ, съ притворною горестью;—хоть и тошно мнѣ будетъ, безъ тебя, сиротѣ одинокому, и дѣла-то государскія пожалуй замутятся, да ужь нечего дѣлать, промаюсь какъ-нибудь моимъ слабымъ разумомъ. Ступай себѣ, Ѳедя, на всѣ четыре стороны! Я тебя насильно держать не стану.

Басмановъ не могъ долѣе скрыть своей злобы. Избалованный прежними отношеніями къ Іоанну, онъ далъ ей полную волю.

— Спасибо тебѣ, государь, сказалъ онъ,—спасибо за твою хлѣбъ-соль! Спасибо, что выгоняешь слугу своего, какъ негоднаго пса! Буду, прибавилъ онъ неосторожно,—буду хвалиться на Руси твоею лаской! Пусть же другіе послужатъ тебѣ, какъ служила Ѳедора! Много грѣховъ взялъ я на

душу на службѣ твоей, одного грѣха не взялъ, колдовства не взялъ на душу!

Иванъ Васильевичъ продолжалъ усмѣхаться, но при послѣднихъ словахъ выраженіе его измѣнилось.

— Колдовства? спросилъ онъ, съ удивленіемъ, готовымъ обратиться въ гнѣвъ:—да кто жь здѣсь колдуетъ?

— А хоть бы твой Вяземскій! отвѣчалъ Басмановъ, не опуская очей передъ царскимъ взоромъ.—Да, продолжалъ онъ, не смущаясь грознымъ выраженіемъ Іоанна, — тебѣ видно одному невѣдомо, что когда онъ бываетъ на Москвѣ, то по ночамъ ѣздитъ въ лѣсъ, на мельницу, колдовать; а зачѣмъ ему колдовать, коли не для того чтобъ извести твою царскую милость?

— Да тебѣ-то отчего оно вѣдомо? спросилъ царь, произая Басманова испытующимъ окомъ.

На этотъ разъ Басмановъ нѣсколько струсилъ.

— Вѣдь я, государь, вчера только услышалъ отъ его же холопей, сказалъ онъ поспѣшно:—кабы услышалъ прежде, такъ тогда и доложилъ бы твоей милости.

Царь задумался.

— Ступай, сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія,—я это дѣло разберу; а изъ Слободы погоди уѣзжать до моего приказа.

Басмановъ ушелъ, довольный что успѣлъ заронить во мнительномъ сердцѣ царя подозрѣніе на одного изъ своихъ соперниковъ, но сильно озабоченный холодностью государя.

Вскорѣ царь вышелъ изъ опочивальни въ пріемную палату, сѣлъ на кресло, и, окруженный опричниками, сталъ выслушивать поочередно земскихъ бояръ, пріѣхавшихъ отъ Москвы, и отъ другихъ городовъ съ докладами. Отдавъ каждому приказанія, поговоривъ со многими обстоятельно о нуждахъ государства, о сношеніяхъ съ иностранными державами и о мѣрахъ къ предупрежденію дальнѣйшаго вторженія Татаръ, Іоаннъ спросилъ нѣтъ ли еще кого просящаго пріема?

— Бояринъ Дружина Андреичъ Морозовъ, отвѣчалъ одинъ стольникъ,—бьетъ челомъ твоей царской милости, проситъ чтобы допустилъ ты его предъ твои свѣтлыя очи.

— Морозовъ? сказалъ Іоаннъ,—да развѣ онъ не сгорѣлъ

на пожарѣ? Живучъ старый песъ! Что жь? Я снялъ съ него опалу, пусть войдетъ!

Стольникъ вышелъ; вскорѣ толпа царедворцевъ раздвинулась, и Дружина Андреевичъ, поддерживаемый двумя знакомцами, подошелъ къ царю и опустился предъ нимъ на колѣни.

Вниманіе всѣхъ обратилось на стараго боярина.

Лицо его было блѣдно, дородства много поубавилось, на лбу виденъ былъ шрамъ нанесенный саблею Вяземскаго, но впалые очи являли прежнюю силу воли, а на сдвинутыхъ бровяхъ лежалъ попрежнему отпечатокъ непреклоннаго упрямства.

Вопреки обычаю двора, одежда его была *смирная*.

Іоаннъ смотрѣлъ на Морозова, не говоря ни слова. Кто умѣлъ читать въ царскомъ взорѣ, тотъ прочелъ бы въ немъ теперь скрытую ненависть и удовольствіе видѣть врага своего униженнымъ; но поверхностному наблюдателю выраженіе Іоанна могло показаться благосклоннымъ.

— Дружина Андреичъ, сказалъ онъ важно, но ласково,—я снялъ съ тебя опалу; зачѣмъ ты въ смирной одеждѣ?

— Государь, отвѣчалъ Морозовъ, продолжая стоять на колѣняхъ,—не пригоже тому рядиться въ парчу, у кого домъ сожгли твои опричники и насильно жену увезли. Государь, продолжалъ онъ твердымъ голосомъ,—бью тебѣ челомъ въ обидѣ моей на оружничаго твоего, Аѳоньку Вяземскаго!

— Встань, сказалъ царь,—и разкажи дѣло по ряду. Коли кто изъ моихъ обидѣлъ тебя, не спущу я ему, будь онъ хотя самый близкій ко мнѣ человѣкъ.

— Государь, продолжалъ Морозовъ, не вставая,—вели позвать Аѳоньку. Пусть при мнѣ дастъ отвѣтъ твоей милости!

— Что жь, сказалъ царь, какъ бы немного подумавъ,—просьба твоя дѣльная. Отвѣтчикъ долженъ вѣдать что говоритъ истецъ. Позвать Вяземскаго. А вы, продолжалъ онъ, обращаясь къ знакомцамъ отошедшимъ на почтительное разстояніе,—подымите своего боярина, посадите его на скамью; пусть подождетъ отвѣтчика!

Со времени нападенія на домъ Морозова, прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ. Вяземскій успѣлъ оправиться отъ ранъ. Онъ жилъ попрежнему въ Слободѣ, но не вѣдая ничего

объ участи Елены, которую ни одинъ изъ его разсыльныхъ не могъ отыскать, онъ былъ еще пасмурнѣе чѣмъ прежде, рѣдко являлся ко двору, отговариваясь слабостью, не участвовалъ въ пирахъ, и многимъ казалось, что въ пріемахъ его есть признаки помѣшательства. Іоанну не нравилось удаленіе его отъ общихъ молитвъ и общаго веселья; но онъ, зная о неудачномъ похищеніи боярыни, приписывалъ поведеніе Вяземскаго мученіямъ любви и былъ къ нему снисходителенъ. Лишь послѣ разговора съ Басмановымъ, поведеніе это стало казаться ему неяснымъ. Жалоба Морозова, представляла удобный случай вывѣдать многое черезъ очную ставку, и вотъ почему онъ принялъ Морозова лучше чѣмъ ожидали царедворцы.

Вскорѣ явился Вяземскій. Наружность его также значительно измѣнилась. Онъ какъ будто постарѣлъ нѣсколькими годами, черты лица сдѣлались рѣзче, и жизнь, казалось, сосредоточилась въ огненныхъ и безпокойныхъ глазахъ его.

— Подойди сюда, Аѳанасій, сказалъ царь.—Подойди и ты, Дружина. Говори, въ чемъ твое челобитье. Гов ор прямо, разказывай все какъ было.

Дружина Андреевичъ приблизился къ царю. Стоя рядомъ съ Вяземскимъ, но не удостоивая его взгляда, онъ подробно изложилъ всѣ обстоятельства нападенія.

— Такъ ли было дѣло? спросилъ царь, обращаясь къ Вяземскому.

— Такъ! сказалъ Вяземскій, удивленный вопросомъ Іоанна, которому давно все было извѣстно.

Лицо Ивана Васильевича омрачилось.

— Какъ отчаялся ты на это? сказалъ онъ, устремивъ на Вяземскаго строгій взоръ:—развѣ я дозволяю разбойничать моимъ опричникамъ?

— Ты знаешь, государь, отвѣтилъ Вяземскій, еще болѣе удивленный,—что домъ разграбленъ не по моему указу, а что я увезъ боярыню, на то было у меня твое дозволеніе!

— Мое дозволеніе? произнесъ царь, медленно выговаривая каждое слово.—Когда я дозволялъ тебѣ?

Тутъ Вяземскій замѣтилъ, что напрасно хотѣлъ опереться на намекъ Ивана Васильевича, сдѣланный ему иносказательно во время пира, намекъ, вслѣдствіе котораго онъ почелъ себя въ правѣ увезти Елену силою. Не отгады-

вая еще цѣли, съ какою царь отказывался отъ своихъ поощреній, онъ понялъ однако, что надобно измѣнить образъ своей защиты. Не изъ трусости и не для сохраненія своей жизни, которая, при перемѣнчивомъ нравѣ царя, могла быть въ опасности, рѣшился Вяземскій оправдаться. Онъ не потерялъ еще надежды добыть Елену, и всѣ средства казались ему годными.

— Государь, сказалъ онъ,—я виноватъ передъ тобою, ты не дозволялъ мнѣ увезти боярыню. Вотъ какъ было дѣло. Послалъ ты меня къ Москвѣ, снять опалу съ боярина Морозова, а онъ, ты знаешь, издавна держитъ на меня вражду за то что еще до свадьбы спознался я съ женою его. Какъ прибылъ я къ нему въ домъ, онъ и порѣшилъ вмѣстѣ съ Никитой Серебрянымъ извести меня. Послѣ стола они съ холопями напали на насъ предательскимъ обычаемъ; мы же дали отпоръ, а боярыня-то Морозова, вѣдая мужнину злобу, побоялась остаться у него въ домѣ и упросила меня взять ее съ собою. Уѣхала она отъ него вольною волею, а когда я въ лѣсу обезпамятовалъ отъ ранъ, такъ и досель не знаю куда она дѣлась. Должно-быть, нашелъ ее бояринъ и держитъ гдѣ-нибудь взаперти, а можетъ-быть, и со свѣту сжилъ ее! Не ему, продолжалъ Вяземскій, бросивъ ревнивый взоръ на Морозова,—не ему искать на мнѣ безчестія. Я самъ, государь, бью челомъ твоей милости на Морозова, что напалъ онъ на меня въ домѣ своемъ вмѣстѣ съ Никитой Серебрянымъ!

Царь не ожидалъ такого оборота. Клевета Вяземскаго была очевидна, но въ разчетъ Іоанна не вошло ее обнаружить. Морозовъ въ первый разъ взглянулъ на врага своего.

— Лжешь ты, окаянный песъ! сказалъ онъ, окидывая его презрительно съ ногъ до головы, каждое твое слово есть негодная ложь; а я въ своей правдѣ готовъ крестъ цѣловать! Государь! вели ему, окаянному, выдать мнѣ жену мою Елену Дмитріевну, съ которою повѣнчанъ я по закону христіянскому!

Іоаннъ посмотрѣлъ на Вяземскаго.

— Что скажешь ты на это? спросилъ онъ, сохраняя хладнокровную наружность судьи.

— Я уже говорилъ тебѣ, государь, что увезъ боярыню по ея же упросу; а когда я на дорогѣ истекъ кровью, холопи мои нашли меня въ лѣсу безъ памяти. Не было при

мнѣ ни коня моего, ни боярыни, перенесли меня на мельницу, къ знахарю; онъ-то и зашепталъ кровь. Болѣ ничего не знаю.

Вяземскій не думалъ, что упоминая о мельницѣ, онъ усилитъ въ Іоаннѣ зародившееся подозрѣніе и придастъ вѣроятіе наговору Басманова; но Іоаннъ не показалъ вида что обращаетъ вниманіе на это обстоятельство, а только записалъ его въ памяти, чтобы воспользоваться имъ при случаѣ; до поры же до времени затаилъ свои мысли подъ личиною безпристрастія.

— Ты слышалъ? сказалъ онъ Вяземскому:—бояринъ Дружина готовъ въ своихъ рѣчахъ крестъ цѣловать? Какъ очистишься передъ нимъ?

— Бояринъ воленъ говорить, отвѣтилъ Вяземскій, рѣшившійся, во что бы ни стало, вести свою защиту до конца,—онъ воленъ клепать на меня, а я ищу на немъ моего увѣчья, и самъ буду въ правдѣ моей крестъ цѣловать.

По собранію пробѣжалъ ропотъ. Всѣ опричники знали какъ совершилось нападеніе, и сколь ни закоренѣли они въ злодѣйствѣ, но не всякій изъ нихъ рѣшился бы присягнуть ложно.

Самъ Іоаннъ изумился дерзости Вяземскаго; но въ тотъ же мигъ онъ понялъ, что можетъ черезъ нее погубить ненавистнаго Морозова и сохранить при томъ видъ строгаго правосудія.

— Братія! сказалъ онъ обращаясь къ собранію;—свидѣтельствуюсь вами, что я хотѣлъ узнать истину. Не въ обычаѣ моемъ судить, не услышавъ оправданія. Но въ одномъ и томъ же дѣлѣ, двѣ стороны не могутъ крестъ цѣловать. Одинъ изъ противниковъ солживитъ свою присягу. Я же, яко добрый пастырь, боронящій овцы моя, ни кого не хочу допустить до погубленія души. Пусть Морозовъ и Вяземскій судятся судомъ Божіимъ. Отъ сего числа черезъ десять денъ назначаю имъ поле, здѣсь въ Слободѣ, на Красной площади. Пусть явятся съ своими стряпчими и поручниками. Кому Богъ дастъ одолѣніе, тотъ будетъ чистъ и передо мною, а кто не вынесетъ боя, тотъ, хотя бы и живъ остался, тутъ же пріиметъ казнь отъ рукъ палача!

Рѣшеніе Іоанна произвело въ собраніи сильное впечатлѣніе. Во мнѣніи многихъ оно равнялось для Морозова

смертному приговору. Нельзя было думать, чтобы престарѣлый бояринъ устоялъ противъ молодаго и сильнаго Вяземскаго. Всѣ ожидали, что онъ откажется отъ поединка, или по крайней мѣрѣ попроситъ позволенія поставить, вмѣсто себя, наемнаго бойца. Но Морозовъ поклонился царю и сказалъ спокойнымъ голосомъ.

— Государь, пусть будетъ по твоему! Я старъ и хворъ, давно не надѣвалъ служилой брони; но въ Божьемъ судѣ не сила беретъ, а правое дѣло! Уповаю на помощь Господа, что не оставитъ Онъ меня въ правомъ дѣлѣ моемъ, покажетъ предъ твоею милостью и предъ всѣми людьми неправду врага моего!

Услыша царскій приговоръ, Вяземскій было обрадовался, и очи его уже запылали надеждой; но увѣренность Морозова немного смутила его. Онъ вспомнилъ, что по общепринятому понятію, въ судномъ поединкѣ Богъ неминуемо даруетъ побѣду правой сторонѣ, и невольно усумнился въ своемъ успѣхѣ.

Однако, подавивъ минутное смущеніе, онъ также поклонился царю и произнесъ:

— Да будетъ по твоему, государь!

— Ступайте, сказалъ Іоаннъ,—ищите себѣ поручниковъ, а черезъ десять денъ, съ восходомъ солнца, будьте оба на Красной площади, и горе тому, кто не выдержитъ боя!

Бросивъ на обоихъ глубокій необъяснимый взоръ, царь всталъ и удалился во внутренніе покои, а Морозовъ вышелъ изъ палаты, полный достоинства, въ сопровожденіи своихъ знакомцевъ, не глядя на окружающихъ его опричниковъ.

ГЛАВА XXX.

Заговоръ на желѣзо.

На другой же день Вяземскій уѣхалъ къ Москвѣ.

Во всякое другое время, готовясь къ поединку, онъ положился бы на свою силу и ловкость; но дѣло шло объ Еленѣ. Поединокъ былъ не простой; исходъ его зависѣлъ отъ суда Божія, а князь зналъ свою неправость, и сколь ни показался бы ему Морозовъ презрителенъ въ обыкновенной схваткѣ, но въ настоящемъ случаѣ онъ опасался не-

бескаго гнѣва, страшился, что во время боя у него онѣмѣютъ или отымутся руки. Опасеніе это было тѣмъ сильнѣе, что недавно зажившія раны еще причиняли ему боль, и что по временамъ онъ чувствовалъ слабость и изнеможеніе. Князь не хотѣлъ ничѣмъ пренебрегать, чтобъ упрочить за собою побѣду, и рѣшился обратиться къ знакомому мельнику, взять у него какого-нибудь зелья и сдѣлать чрезъ колдовство удары свои неотразимыми.

Полный раздумья и волненій, ѣхалъ онъ по лѣсу шагомъ, наклонясь время отъ времени на сѣдлѣ и разбирая тропинки заросшія папортникомъ. Послѣ многихъ поворотовъ, попалъ онъ на болѣе торную дорогу, осмотрѣлся, узналъ на деревьяхъ замѣты и пустилъ коня рысью. Вскорѣ послышался шумъ колеса. Подъѣзжая къ мельницѣ, князь вмѣстѣ съ шумомъ сталъ различать человѣческій говоръ. Онъ остановился, слѣзъ съ сѣдла и, привязавъ коня въ орѣшникѣ, подошелъ къ мельницѣ пѣшкомъ. У самаго сруба стоялъ чей-то конь въ богатой збруѣ. Мельникъ разговаривалъ съ стройнымъ человѣкомъ, но Вяземскій не могъ видѣть лица его, потому что незнакомецъ повернулся къ нему спиною, готовясь сѣсть въ сѣдло.

— Будешь доволенъ, бояринъ, говорилъ ему мельникъ, утвердительно кивая головою,—будешь доволенъ, батюшка! Войдешь опять въ царскую милость, и чтобы громъ меня тутъ же прихлопнулъ, коли не пропадетъ и Вяземскій и всѣ твои вороги! Будь спокоенъ, ужь противу Тирлича-травы не одинъ не устоитъ!

— Добро, отвѣчалъ посѣтитель, взлѣзая на коня,—а ты, старый чортъ, помни нашъ уговоръ: коли не будетъ мнѣ удачи, повѣшу тебя какъ собаку!

Голосъ показался Вяземскому знакомъ, но колесо шумѣло такъ сильно, что онъ остался въ недоумѣніи кто именно былъ говорившій.

— Какъ не быть удачѣ, какъ не быть, батюшка, продолжалъ мельникъ, низко кланяясь,—только не сымай съ себя тирлича-то; а когда будешь съ царемъ говорить, гляди ему прямо и весело въ очи; смѣло гляди ему въ очи, батюшка, не показывай страху-то; говори ему шутки и прибаутки какъ прежде говаривалъ, такъ будь я анаѳема, коли опять въ честь не войдешь!

Всадникъ повернулъ коня и, не замѣчая Вяземскаго, проѣхалъ мимо его рысью.

Князь узналъ Басманова, и ревнивое воображеніе его закипѣло. Занятый одною мыслью объ Еленѣ, онъ не обратилъ вниманія на рѣчи мельника, но услышавъ свое имя, подумалъ, что видитъ въ Басмановѣ новаго неожиданнаго соперника.

Мельникъ между тѣмъ, проводивъ глазами Басманова, присѣлъ на заваленку и принялся считать золотыя деньги. Онъ весело ухмылялся, перекладывая ихъ съ ладони на ладонь, какъ вдругъ почувствовалъ на плечѣ своемъ тяжелую руку.

Старикъ вздрогнулъ, вскочилъ на ноги и чуть не обмеръ отъ страха, когда глаза его встрѣтились съ черными глазами Вяземскаго.

— О чемъ ты, колдунъ, съ Басмановымъ толковалъ? спросилъ Вяземскій.

— Ба... ба... батюшка! произнесъ мельникъ, чувствуя, что ноги подъ нимъ подкашиваются:—батюшка, князь Аѳанасій Иванычъ, какъ изволишь здравствовать?

— Говори! закричалъ Вяземскій, схвативъ мельника за горло и таща его къ колесу, говори, что̀ вы про меня толковали?

И онъ перегнулъ старика надъ самымъ шумомъ.

— Родимый! простоналъ мельникъ:—все скажу твоей милости, все скажу, батюшка, отпусти лишь душу на покаяніе.

— Зачѣмъ пріѣзжалъ къ тебѣ Басмановъ?

— За корнемъ, батюшка, за корнемъ! А я вѣдь зналъ, что ты тутъ, я зналъ что ты все слышишь, батюшка; затѣмъ-то я и говорилъ погромче, чтобы вѣдомо тебѣ было, что Басмановъ хочетъ погубить твою милость!

Вяземскій отшвырнулъ мельника отъ става.

Старикъ понялъ, что миновался первый порывъ его гнѣва

— Какой же ты, родимый, сердитый! сказалъ онъ, поднимаясь на ноги;—говорю тебѣ, я зналъ, что твоя милость близко; я съ утра еще ожидалъ тебя, батюшка!

— Ну чего же хочетъ Басмановъ? спросилъ князь смягченнымъ голосомъ.

Мельникъ между тѣмъ успѣлъ совершенно оправиться.

— Да, вишь ты, сказалъ онъ, придавая лицу своему довѣрчивое выраженіе,—говоритъ Басмановъ, что царь разлюбилъ его, что тебя-молъ больше любитъ и что тебѣ, да

Годунову Борису Өедорычу, да Малютѣ Скурлатову, только и идетъ отъ него ласка. Ну, и присталъ ко мнѣ, чтобы далъ ему тирлича. Дай, говоритъ, тирлича, чтобы мнѣ въ царскую милость войдти, а ихъ чтобы разлюбилъ царь и опалу чтобы на нихъ положилъ! Чтò ты будешь съ нимъ дѣлать! Присталъ съ ножомъ къ горлу, вынь да положь; не спорить мнѣ съ нимъ! Ну и далъ я ему корешокъ, да и корешокъ-то, батюшка, дрянной. Такъ, валящійся коречишка далъ ему, чтобы только жива оставилъ. Стану я ему тирлича давать, чтобы супротивъ тебя его царь полюбилъ!

— Чертъ съ нимъ! сказалъ равнодушно Вяземскій:—какое мнѣ дѣло, любитъ ли царь его или нѣтъ! Не за тѣмъ я сюда пріѣхалъ. Узналъ ли ты что̀, старикъ, про боярыню?

— Нѣтъ, родимый, ничего не узналъ. Я и гонцамъ твоимъ говорилъ, что нельзя узнать. А ужь какъ старался-то я для твоей милости! Семь ночей сряду глядѣлъ подъ колесо. Вижу, ѣдетъ боярыня по лѣсу, самъ-другъ съ старымъ человѣкомъ; сама такая печальная, а старъ человѣкъ ее утѣшаетъ, а болѣ ничего и не видно; вода замутится и ничего болѣ не видно!

— Съ старымъ человѣкомъ? Стало-быть съ Морозовымъ? Съ мужемъ своимъ?

— Нѣтъ, не должно быть; Морозовъ будетъ подороднѣе, да и одежа-то его другая. На этомъ простой кафтанъ, не боярскій; должно-быть простой человѣкъ!

Вяземскій задумался.

— Старикъ! сказалъ онъ вдругъ:—умѣешь ты сабли заговаривать?

— Какъ не умѣть, умѣю. Да тебѣ на̀ что̀, батюшка? Чтобы рубила сабля, али чтобъ тупилась отъ удара?

— Вѣстимо чтобы рубила, лѣшій!

— А то, бываетъ, заговариваютъ вражьи сабли, чтобы тупились али ломались о бронь...

— Мнѣ не вражью саблю заговаривать, а свою. Я буду биться на полѣ, такъ надо мнѣ, во что̀ бы ни стало, супротивника убить, слышишь?

— Слышу, батюшка, слышу! Какъ не слышать!—И старикъ началъ про себя думать: „Съ кѣмъ же это онъ будетъ биться? Кто его враги? Ужь не съ Басмановымъ ли? Наврядъ ли! Онъ сейчасъ о немъ отзывался презрительно,

а князь не такой человѣкъ чтобъ умѣлъ скрывать свои мысли. Развѣ съ Серебрянымъ? Но мельникъ зналъ, черезъ Михеича, что Серебряный вкинутъ въ тюрьму, а отъ посланныхъ Вяземскаго, да и отъ нѣкоторыхъ товарищей Перстня слышалъ, что станичники освободили Никиту Романыча и увели съ собой, стало-быть не съ Серебрянымъ. Остается одинъ бояринъ Морозовъ. Онъ за похищеніе жены могъ вызвать Вяземскаго. Правда, онъ больно старъ, да въ судномъ поединкѣ дозволяется поставить вмѣсто себя другаго бойца. Стало - быть, разчелъ мельникъ, князь будетъ биться или съ Морозовымъ, или съ наймитомъ его." — Дозволь, батюшка, сказалъ онъ,—воды зачерпнуть, твоего супостата посмотрѣть!

— Дѣлай какъ знаешь, возразилъ Вяземскій, и сѣлъ въ раздумьѣ, на сваленный пень.

Мельникъ вынесъ изъ коморы бадью, опустилъ ее подъ самое колесо и зачерпнувъ воды, поставилъ возлѣ князя.

— Эхъ, эхъ! сказалъ онъ, нагнувшись надъ бадьей, и глядя вънее пристально, —видится мнѣ твой супротивникъ, батюшка, только въ толкъ не возьму! Больно онъ старъ. А вотъ и тебя вижу, батюшка, какъ ты сходишься съ нимъ...

— Что жь? спросилъ Вяземскій, тщетно стараясь увидѣть что-нибудь въ бадьѣ.

— Ангелы стоятъ за старика, продолжалъ мельникъ таинственно, и какъ бы самъ удивленный тѣмъ что онъ видитъ,—небесныя силы стоятъ за него; трудно будетъ заговорить твою саблю!

— А за меня никто не стоитъ? спросилъ князь, съ невольною дрожью.

Мельникъ смотрѣлъ все пристальнѣе, глаза его сдѣлались совершенно неподвижны, казалось, онъ, начавъ морочить Вяземскаго, былъ пораженъ дѣйствительнымъ видѣніемъ и ему представилось что-то страшное.

— И у твоей милости, сказалъ онъ, шепотомъ, есть защитники... А вотъ теперь ужь ничего не вижу, вода потемнѣла!

Онъ поднялъ голову, и Вяземскій замѣтилъ, что крупный потъ катился со лба его.

— Есть и у тебя защитники, батюшка, прошепталъ онъ, боязливо.—Можно будетъ заговорить твое оружіе.

— На, сказалъ князь, вынимая изъ ноженъ тяжелую саблю,—на, заговаривай!

Мельникъ перевелъ духъ, разгребъ руками яму, и вложилъ въ нее рукоять сабли. Затоптавъ землю, онъ утвердилъ лезвее остріемъ вверхъ, и началъ ходить кругомъ, причитывая вполголоса:

„Выкатило солнышко изъ-за моря Хвалынскаго, восходилъ мѣсяцъ надъ градомъ каменнымъ, а въ томъ градѣ каменномъ породила меня матушка, и рожая, приговаривала: будь ты, мое дитятко, цѣлъ-невредимъ: отъ стрѣлъ и мечей, отъ бойцовъ и борцовъ. Опоясывала меня матушка мечомъ-кладенцомъ. Ты мой мечъ-кладенецъ, вертись и крутись, ты вертись и крутись какъ у мельницы жернова вертятся, ты круши и кроши всяку сталь и укладъ, и желѣзо, и мѣдь; пробивай, прорубай всяко мясо и кость; а вражьи удары чтобы прядали отъ тебя какъ камни отъ воды, и чтобы не было тебѣ отъ нихъ ни царапины, ни зазубрины! Заговариваю раба Аѳанасья, опоясываю мечомъ-кладенцомъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ!“

Онъ вытащилъ саблю и подалъ ее князю, отряхнувъ съ рукояти землю, и бережно обтеревъ ее полою.

— Возьми, батюшка, князь Аѳанасій Иванычъ. Будетъ она тебѣ служить, лишь бы супротивникъ твой свою саблю въ святую воду не окунулъ!

— А если окунетъ?

— Что жь дѣлать, батюшка! Противъ святой воды наговорное желѣзо не властно. Только, пожалуй, и этому пособить можно. Дамъ я тебѣ голубца болотнаго, ты его въ мѣшочкѣ на шею повѣсь, такъ у ворога у своего глаза отведешь.

— Подавай голубецъ! сказалъ Вяземскій.

— Изволь, батюшка, изволь; для твоей княжеской милости и голубца не пожалѣю.

Старикъ сходилъ опять въ комору, и принесъ князю что-то зашитое въ тряпицѣ.

— Дорого оно мнѣ досталось, сказалъ онъ, какъ бы жалѣя выпустить изъ рукъ тряпицу,—трудно его добывать. Какъ полѣзешь за нимъ не въ урочный часъ въ болото, такіе на тебя нападутъ страхи, что Господи упаси!

Князь взялъ зашитый предметъ, и бросилъ мельнику мошну съ золотыми.

— Награди Господь твою княжескую милость! сказалъ старикъ, низко кланяясь.—Только, батюшка, дозволь еще словцо тебѣ молвить: теперь уже до поединка-то въ церковь не ходи, обѣдни не слушай; не то, чего добраго! и наговоръ-то мой съ лезвея соскочитъ.

Вяземскій ничего не отвѣчалъ, и направился было къ мѣсту, гдѣ привязалъ коня, но вдругъ остановился.

— А можешь ты, сказалъ онъ,—навѣрно узнать кто изъ насъ живъ останется?

Мельникъ замялся.

— Да должно-быть ты, батюшка! Какъ тебѣ живу не остаться. Я тебѣ и прежде говаривалъ: не отъ меча твоей милости смерть написана!

— Посмотри еще разъ въ бадью!

— Что жь еще смотрѣть, батюшка! Теперь ничего не увидишь, и вода-то ужь помутилась.

— Зачерпни свѣжей воды! сказалъ Вяземскій повелительно.

Мельникъ, повиновался нехотя.

— Ну, что тамъ видно? спросилъ князь нетерпѣливо.

Старикъ съ примѣтнымъ отвращеніемъ нагнулся надъ бадьею.

— Ни тебя не видно, батюшка, ни супротивника твоего! сказалъ онъ, блѣднѣя,—видна площадь, народу полна; много головъ на кольяхъ торчитъ; а въ сторонѣ костеръ догораетъ, и человѣческія кости къ столбу прикованы!

— Чьи головы на кольяхъ торчатъ? спросилъ Вяземскій, пересиливая невольный страхъ.

— Не вижу, батюшка, все опять помутилось; одинъ костеръ еще свѣтится, да кости чьи-то висятъ у столба!..

Мельникъ съ усиліемъ поднялъ голову и, казалось, съ трудомъ отвелъ взоръ отъ бадьи. Его дергали судороги, потъ катился съ лица его; онъ стоная и охая, дотащился до завалины, и упалъ на нее въ изнеможеніи.

Вяземскій отыскалъ своего коня, сѣлъ въ сѣдло, и полный раздумья, поѣхалъ къ Москвѣ.

(До слѣд. №.)

ГР. АЛ. ТОЛСТОЙ.

ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ [1]

X. Своя блоха укусила.

Въ слѣдующій день послѣ описаннаго мною пиршества, я проснулся рано, и сѣлъ подъ окномъ любоваться на городъ пересѣченный садиками, вычищенный какъ должно, и еще не успѣвшій утратить благоприличнаго вида приданнаго его улицамъ по случаю пріѣзда Ивана Ивановича. Сановникъ и свита его укатили еще къ ночи; служащія лица, съ честью выпроводивъ гостя, сладко нѣжились на перинахъ; съ ними покоилось и все городское населеніе. Матвѣевъ съ восходомъ солнца ушелъ на охоту, Пучковъ еще не вставалъ съ постели, храпѣніе Ивана Петровича слышалось черезъ тонкую стѣну моей спальни, уподобляясь шуму рѣки быстро катящейся по камнямъ. Утро могло назваться прелестнымъ; въ воздухѣ пахло яблоками, соломой вывозимой изъ овиновъ, цикоріемъ и печенымъ хлѣбомъ; на рѣкѣ двѣ или три рано поднявшіяся бабы стучали по мокрому бѣлью колотушками, а въ саду хозяина двѣ горничныя разстилали холсты и пѣли тоненькими фальцетами очень жалобную пѣсню на голосъ „среди долины ровныя". Изъ пѣсни сей, какъ кажется не помѣщенной ни въ одномъ изъ печатныхъ сборниковъ, но вполнѣ достойной вниманія просвѣщенныхъ собирателей, упомнилъ я лишь два стиха, произносимые съ особливою чувствительностью:

[1] См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3, 5, 6, 7 и 8.

Лакей, свинья, безчувственный
Анютку соблазнилъ...

Покуда я вслушивался въ пѣсню и задавалъ себѣ вопросъ о томъ, гдѣ, въ какую эпоху и кѣмъ она могла быть сложена, передъ домомъ Пучкова остановился красивый дормезъ, лакей съ великолѣпными бакенбардами живо отворилъ его дверцы, и вслѣдъ за тѣмъ раздался привѣтливый голосъ Виктора Петровича Краснопольскаго:

— А, вотъ онъ,—старый пріятель! Что вы одни? Никого я здѣсь не потревожу?

— Не только не потревожите, отвѣчалъ я на это,—но даже узрите господина, котораго вчера сами признали необыкновеннымъ мыслителемъ. Домъ принадлежитъ Пучкову; впрочемъ онъ кажется спитъ послѣ своихъ вчерашнихъ успѣховъ.

— Пускай себѣ спитъ, сказалъ сановникъ новаго поколѣнія, пробираясь въ дверь, которую я ему отомкнулъ на боковомъ крылечкѣ: — записку его я просмотрю дорогой; надо скакать въ Петербургъ; и такъ ужь я съ нашимъ старцемъ потерялъ около недѣли. Какъ у васъ тутъ хорошо! продолжалъ Викторъ Петровичъ, садясь къ окну и скинувъ глазами чистую комнату, оружіе на стѣнѣ, и кусочекъ сада, весь пестрѣвшій астрами, георгинами и поздними левкоями. — Счастливый вы человѣкъ, Сергѣй Ильичъ! Всякій уголокъ, куда вы пріютитесь, такъ и просится на картинку. Когда-то мнѣ придется отдохнуть въ маленькомъ городкѣ въ родѣ нашего, и мирно сидѣть вмѣстѣ съ вами въ свѣтлой, уютной комнаткѣ, никуда не торопясь, но и чемъ не заботясь!..

— Что за идиллическое настроеніе! замѣтилъ я усмѣхнувшись.

— Нисколько не идиллическое, выразился мой гость, закуривая сигару и ласково принимая стаканъ чая отъ румяной Наташи, такъ больно колотившей по рукамъ женолюбиваго Ивана Петровича.—Времена измѣнчивы; мы несемся впередъ на всѣхъ парахъ, и человѣку извинительно подумать объ отдыхѣ послѣ этого одуряющаго движенія. И повѣрьте, что я не хуже вашего умѣлъ бы наслаждаться милымъ затишьемъ, посреди нашего добраго уѣзднаго города...

— Ну, ну, ну, драгоцѣннѣйшій мой Викторъ Петровичъ! Не все то затишье что на видъ кажется смирнымъ, и не знаю навѣрное полюбились ли бы вамъ со мной здѣшніе нравы и пришлись ли бы мы сами по нраву гг. Евдокимова, Краснобаева или Подосиновика, съ которымъ вчерашній день вы достаточно познакомились... Да неужели вы отлетаете отъ насъ сейчасъ же? И въ Петербургъ прямо? И не проститесь съ Варварой Михайловной?..

— О ней то я и хотѣлъ поговорить съ вами. Вы ее совсѣмъ забыли; хоть бы сестра ваша съ ней видалась почаще. Дѣла не даютъ мнѣ недѣли свободной, а жену я оставилъ въ такомъ положеніи...

— Будто? спросилъ я, готовясь поздравить и похвалить Виктора Петровича.

— Вы не то думаете. Оставилъ я ее въ положеніи новомъ, грустномъ и разстроенномъ. Вы знаете съ какими свѣтлыми мыслями пріѣхала она въ имѣніе. Ей такъ хотѣлось сблизиться съ крестьянами, она такъ любила ихъ всѣхъ...

— Не досказывайте, дорогой сосѣдъ, исторія мнѣ совершенно извѣстна, хотя я давно уже не видался съ Варварой Михайловной. Она желала добра, крестьяне ее не поняли, она искала популярности, а полевыя работы пошли какъ нельзя хуже. Это всегдашній подводный камень многихъ добрыхъ помѣщиковъ въ наше время. По моему крайнему разумѣнію, тутъ не виновата ни одна изъ сторонъ; виноваты лишь преувеличенныя ожиданія, съ которыми жена ваша сюда пріѣхала. Съ нѣсколькими сотнями крестьянъ не сблизишься въ какіе-нибудь два мѣсяца; да кажется мнѣ, что теперь надобность настоитъ не въ томъ чтобы сблизиться, а чтобы мирно и честно разойдтись съ ними. Сближеніе, если кто его точно желаетъ, придетъ само собой современемъ, когда ясно окажется, что обѣ стороны могутъ отъ него выиграть. Откинувъ же идеальныя ожиданія и посмотрѣвъ на все дѣло съ житейской, а не съ какой-нибудь журнальной точки зрѣнія, Варвара Михайловна перестанетъ огорчаться. Я надѣюсь, что въ вашемъ имѣніи не было же открытаго неповиновенія?..

— Этого не было, благодаря Бога, но мелкія непріятности, постоянное упорство въ переговорахъ, невозможныя требованія, даже грубыя рѣчи.... все это мучило жену и

постоянно ее мучитъ. За мое короткое пребываніе въ Варваринскомъ я надѣялся устроить дѣла, и по крайней мѣрѣ подвинуть соглашеніе по поводу уставной грамоты, но признаюсь откровенно, — и тутъ Викторъ Петровичъ понизилъ голосъ: — прошу васъ, чтобъ это осталось между нами: я уѣзжаю изъ деревни съ чувствомъ невольнаго, глубокаго отвращенія.

— Викторъ Петровичъ, замѣтилъ я,—да неужели же вы расчитывали что такое трудное и щекотливое дѣло, какъ развязка вашихъ отношеній съ крѣпостными людьми, могло сдѣлаться въ десять дней, безъ споровъ и нѣкотораго неудовольствія?

— Ни споровъ, ни открытыхъ неудовольствій я не боялся, возразилъ сановникъ новаго поколѣнія съ неподдѣльнымъ чувствомъ,—все это я еще могу преодолѣть съ прямотою и разумною уступчивостью. Я не оскорбился, когда крестьяне заплатили насмѣшками за то что жена, не жалѣя трудовъ, сама устроила имъ школу; я не виню ихъ въ томъ, что они не позволяютъ дѣтямъ ходить въ нее учиться. Я не сѣтую на то что по упорной лѣности рабочихъ, и вольныхъ и барщинниковъ, почти весь мой хлѣбъ сгнилъ въ полѣ. Но были огорченія другаго рода, которыя чуть не лишили меня моей всегдашней сдержанности. Вы знаете, добрый и старый другъ, что съ дѣтства я ненавидѣлъ все похожее на ложь, и ненависть эту сохранилъ въ себѣ посреди всякаго рода искушеній. Вините меня въ чемъ хотите, относите прямо ко мнѣ многое дурное въ ходѣ дѣлъ по крестьянскому вопросу,—я съ вами соглашусь,—но лжецомъ я никогда не былъ и все что имѣло видъ хитрости всегда возбуждало мое негодованіе. Каково же было мнѣ, при всѣхъ толкахъ съ крестьянами, при всякомъ вопросѣ изъ-за уставной грамоты, видѣть постоянную ложь и обманъ отъ людей, которымъ я никогда не дѣлалъ зла, о благосостояніи которыхъ думалъ цѣлые годы, отъ людей, въ которыхъ ждалъ за неимѣніемъ другихъ мнѣ понятныхъ достоинствъ, встрѣтить прямоту и простодушіе? Вы знаете съ какой поры посвятилъ я себя крестьянскому вопросу, вы помните то время, когда я могъ погубить свою будущность и кончить вѣкъ въ какомъ-нибудь глухомъ городѣ Россіи за мои мнѣнія по этому дѣлу... И послѣ всего этого будете ли вы сомнѣваться...

— Любезный другъ, сказалъ я, — ни въ чистотѣ мнѣній, ни въ заслугахъ вашихъ никто не сомнѣвается, но неужели вы, при зоркости вашей, можете надѣяться что крестьяне сельца Варваринскаго съ деревнями имѣютъ и могутъ имѣть хотя малѣйшее понятіе о ходѣ и значеніи вашей общественной дѣятельности?

Викторъ Петровичъ провелъ по лицу рукою.

— Вы правы сказалъ онъ: — я отвлекся отъ предмета и заораторствовался, словно въ какомъ-нибудь комитетѣ. Я началъ говорить по поводу лжей и обмановъ такъ меня возмутившихъ. Вѣрите ли, что во все мое пребываніе въ деревнѣ, кромѣ дня, проведеннаго съ Иванъ Иванычемъ, каждый день открывалъ какое-нибудь шельмовство и попытку надуть меня, какъ неразумнаго младенца. Вся земля, которою до сихъ поръ владѣли крестьяне, по ихъ словамъ оказывалась мерзкою, неудобною, каменистою. Развернувъ планъ, я предложилъ имъ выбрать земли въ пополненіе тѣхъ, которыми они недовольны; крестьяне потребовали себѣ часть моихъ лучшихъ полей и всѣ покосы, въ то же время заявляя, чтобъ я ихъ не обидѣлъ и оставилъ за ними всѣ ихъ прежнія угодья. Землемѣрскаго помощника, молодаго малаго, они подговаривали сплутовать и отрѣзать отъ меня лѣсокъ, котораго имъ почему то захотѣлось. Наконецъ произошла исторія, о которой я до сихъ поръ не могу хладнокровно вспомнить... Я васъ не задерживаю? Можетъ быть вамъ уже надоѣли всѣ эти плачевныя конфиденціи?..

— Почему, надоѣли? развѣ я самъ на розахъ? отвѣчалъ я, подавая гостю сигару.

— Дни за два до моего отъѣзда изъ Варваринскаго, крестьяне сообщили мнѣ что значительный клокъ земли, недавно отданной (кажется еще отцомъ *Barbe*) въ ихъ владѣніе, совершенно негоденъ, представляетъ одну топь, поросшую дряннымъ кустарникомъ и стало-быть не долженъ идти въ счетъ при надѣлѣ. На планѣ это мѣсто значилось покосомъ. Такое обстоятельство заставило меня сообразить, что мѣсто, когда-то хорошее, можетъ быть вновь осушено и подчищено; поэтому я отвѣчалъ, что согласенъ замѣнить эту землю другою, но при обмѣнѣ возьму себѣ назадъ негодную топь и попытаюсь ее поправить. Тутъ крестьяне какъ-то странно замялись, и одинъ изъ нихъ, порядочный

агитаторъ, сталъ мнѣ возражать въ такихъ горячихъ выраженіяхъ, что у меня невольно возбудились подозрѣнія. Я потребовалъ верховую лошадь, взялъ бурмистра и пригласилъ мужиковъ слѣдовать за мною. Сначала они шли тихо, но замѣтивъ что я направляюсь къ топи, отъ которой они повидимому отказывались, стали клянчить и плакаться. „Стоитъ ли, батюшка нашъ, ужь такую дрянь отнимать у нашего брата!“—„Хоть негодная земля, да все же какъ-то къ рукамъ, а тебѣ она на что надобна?“—„Люди смѣяться станутъ, если ты да эту болотину себѣ отрѣжешь.“ — „Ужь мы бы согласны тебѣ за нее одинъ день въ полѣ проработать.“ Я не отвѣчалъ и ѣхалъ далѣе.

„Прибыли наконецъ мы къ самому мѣсту, за которое предстояло препираться. Ничего разобрать было нельзя: сплошная стѣна молодаго лѣска торчала направо и налѣво, топи и болотинъ покуда не оказывалось. Я хотѣлъ было свернуть съ тропинки: „Тутъ твоя лошадь по шею увязнетъ,“ сказали крестьяне. И по мѣстности и по роду лѣса, топи нельзя было ожидать; я спросилъ бурмистра: онъ видимо боялся крестьянъ и отвѣчалъ что-то нескладное. Волнуясь и досадуя, я спросилъ мужиковъ: такъ какъ же, братцы, мы кончимъ? Земля эта по вашему негодная? — „Самая негодная, ваше превосходительство.“ — И покоса на ней слѣдовъ нѣту?—„На цѣлую версту телѣги одной не накосишь.“—И все-таки вы не хотите ее мнѣ отдать, хоть и требуете другой земли въ замѣну?—„Да на что она тебѣ, батюшка, а мы хоть и безъ толку, а къ ней привыкли.“ — Ну, коли такъ, идемте; прогуляемся по топи.

„Я слѣзъ съ лошади и напроломъ пошелъ черезъ густую стѣну кустарника. Крестьяне, бормоча что-то и жалуясь, тащились за мною. Не прошелъ я трехъ минутъ какъ лѣсъ сталъ рѣже и рѣже. Наконецъ онъ совсѣмъ порѣдѣлъ, и передъ нами открылась превосходная низкая луговина, замкнутая кустами и лѣсами какъ живымъ заборомъ. Подъ ногами потянулись полосы отъ недавнихъ косцовъ; куда я ни глядѣлъ, всюду шли эти полосы; нигдѣ не оказывалось признаковъ топи.—Такъ это-то ваша дрянная болотина? сказалъ я крестьянамъ:—и точно здѣсь на цѣлой верстѣ одной телѣги сѣна не скосишь? Такъ эту славную

землю вы хотѣли замѣнить моимъ покосомъ, да еще сохранить себѣ въ видѣ земли негодной?

„Крестьяне пытались что-то отвѣчать; одинъ дѣтина, для вящей низости, заплакалъ, но скоро всѣ замолчали, потому что я былъ выведенъ изъ себя и считалъ себя въ правѣ гнѣваться.—Я васъ довольно слушалъ, началъ я собравъ около себя въ кружокъ моихъ провожатыхъ, — теперь выслушайте и вы меня, въ первый разъ и въ послѣдній. Я пріѣхалъ къ вамъ съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать все возможное для вашего добра; я поступалъ съ вами правдиво и какъ слѣдуетъ честному человѣку; на это вы отвѣчали мнѣ самымъ подлымъ и недостойнымъ обманомъ. Я хотѣлъ надѣлить васъ землею свыше того надѣла, который такъ щедро предоставленъ вамъ по *Положенію*; вы захотѣли вытянуть изъ меня съ помощью презрѣнной хитрости еще что-нибудь лишнее. Съ этого дня всѣ сосѣдскія соглашенія мои съ вами покончены. Я не могу вести дѣла съ тѣмъ кто не идетъ прямою дорогою. Вы получите лишь то что̀ слѣдуетъ вамъ по закону; надѣлъ будетъ осмотрѣнъ и утвержденъ мировымъ посредникомъ; затѣмъ ни десятины лишней земли я вамъ не предоставлю. Послѣ грамоты, я отъ себя лично раздамъ часть хорошей земли, на выгоднѣйшихъ условіяхъ, тѣмъ изъ крестьянъ, съ которыми найду возможность имѣть дѣло; но знайте что собственно въ слѣдующей вамъ надѣлъ: ни одна изъ деревень не получитъ вершка лишняго. Вслѣдъ за этимъ я прогналъ отъ себя всю компанію и вернулся домой въ сквернѣйшемъ расположеніи духа.“

— Ну дорогой сосѣдъ, что скажете вы обо всей этой мизерной исторіи?

— Скажу только то, любезнѣйшій Викторъ Петровичъ, отвѣчалъ я,—что и вы, посѣтивъ свое имѣніе съ слишкомъ сентиментальными предубѣжденіями, обманулись въ нихъ точно также какъ обманулась Варвара Михайловна. Сидя въ столицѣ, вы можетъ-быть очень вѣрно смотрите на общіе вопросы по крестьянскому дѣлу, тогда какъ въ частныхъ его подробностяхъ, даже я, человѣкъ не очень практичный, могу указать кое-что вамъ еще неизвѣстное. Дѣйствительно, васъ хотѣли надуть обиднымъ и грязнымъ маперомъ; но позвольте спросить *кто* хотѣлъ надуть васъ, и справедливо ли за продѣлку нѣсколькихъ прощелыгъ, произ-

носить приговоръ надъ сотнями людей, ни въ чемъ не виноватыхъ? Простой разговоръ съ хорошимъ сосѣдомъ, и въ особенности посредникомъ, представилъ бы вамъ весь случай въ настоящемъ свѣтѣ.

— То-есть какъ печатается въ народолюбивыхъ газетахъ, окажется, что я желалъ надуть крестьянъ, и что мошенники, называя отличную землю топью, имѣли въ виду нѣчто честное и чисто русское, чего мы, оторванные отъ простаго народа несчастливцы, понять не способны?...

— Вы слишкомъ хорошо знаете, что подобную чушь, къ сожалѣнію, можно встрѣтить въ россійской печати, но ни какъ не въ разумномъ разговорѣ. Позвольте спросить, съ кѣмъ изъ вашихъ крестьянъ толковали вы на счетъ надѣла? Всѣ ли домохозяева и дѣльные мужики вашихъ владѣній сопровождали насъ на спорное мѣсто? Видите, что мой вопросъ не лишній. Большой сходки вы не собирали, и не въ теперешній рабочій мѣсяцъ сотня народа пойдетъ съ вами гулять по дальнимъ угодьямъ. Кружокъ, такъ грозно распеченный вами, непремѣнно состоялъ изъ небольшаго числа говоруновъ, сующихся впередъ передъ другими, и принявъ его за безспорныхъ представителей цѣлаго населенія, вы очень погрѣшили. Спросите всякаго, кто составляетъ уставную грамоту: даже на общей сходкѣ говоритъ и лѣзетъ впередъ съ нелѣпыми претензіями непримѣтное меньшинство; лучшій мужикъ не возвышаетъ голоса безъ крайней необходимости. Нѣтъ сомнѣнія, что и лучшій мужикъ не прочь отъ своей выгоды, какъ и всякій на свѣтѣ; но онъ не пойдетъ для нея на плутовство. Онъ не перечитъ плуту, и считая барина безмѣрно богатымъ счастливцемъ, конечно не обидится, если плутъ коечто выторгуетъ въ общую пользу; но отъ этого побужденія, весьма понятнаго въ неразвитомъ человѣкѣ, еще неизмѣримый путь до обмана. Это первое что могу я сказать вамъ. Второе будетъ то, что Варвара Михайловна, мѣсяца три добиваясь популярности въ своемъ имѣніи, сама выдвинула впередъ и отличила людей плутоватыхъ, вострыхъ на языкѣ и хорошо пользовавшихся ея неопытностію. Во всѣхъ ея бесѣдахъ съ крестьянами, эти краснобаи лѣзли впередъ, льстили ей, и я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ они почти издѣвались надъ нею. Безъ всякихъ розысковъ я увѣренъ, что эти самые люди, совер-

шеннѣйшая дрянь, извергнутая окрестными кабаками, имѣли честь толковать съ вами, и при первомъ слухѣ о томъ что баринъ готовитъ грамоту, явились къ вамъ, не теряя времени, дѣльные мужики, виноватые лишь въ томъ, что пустили ихъ впередъ, какъ пускали при разговорахъ и пиршествахъ на дворѣ у помѣщицы. Повѣрьте, что передъ посредникомъ они закусятъ языкъ, или онъ самъ велитъ имъ молчать, а за нужными свѣдѣніями обратится къ крестьянамъ совсѣмъ другаго рода.

— Кстати вы коснулись посредниковъ, перебилъ меня Краснопольскій съ тѣмъ холодно-беззаботнымъ видомъ, по которому я, хорошо зная манеры моего пріятеля, угадалъ, что дѣло подходитъ къ главному предмету бесѣды.—Вы знаете, что имѣніе жены расположено по двумъ мировымъ участкамъ, такъ что ей придется имѣть дѣло съ двумя посредниками. Въ Путиловѣ я совершенно увѣренъ; онъ даже заявилъ, что считаетъ за честь и за лучшую долю своей дѣятельности хлопоты по Варваринскому. Но что̀ это за мальчикъ Лѣсниковъ? Съ виду онъ и молодъ и задоренъ; мнѣ кажется, у него въ головѣ гибель всякихъ ложно-филантропическихъ бредней.

— Викторъ Петровичъ, вы ли говорите это? возгласилъ я со смѣхомъ:—вы, украсившіеся превосходительнымъ рангомъ чуть ли не съ двадцатипятилѣтняго возраста, вы, имя коего произносится плантаторами всей Россіи какъ имя зловреднаго филантропа и разрушителя?...

— Кто васъ пойметъ, когда вы шутите и когда говорите серіозно? смѣясь перебилъ меня мой посѣтитель:—если разные отсталые дурни и создали мнѣ какую-то нивеллерскую репутацію, вы-то слишкомъ давно меня знаете чтобъ имъ вѣрить. Къ дѣлу однакоже; итакъ вы мнѣ совѣтуете положиться на Лѣсникова?

— Не только совѣтую, но увѣренъ, что во всемъ его участкѣ всѣ дѣла разрѣшаются со всевозможною правдой, и что скорѣе Путиловъ вамъ что-нибудь напутаетъ. Лѣсниковъ, по моему крайнему разумѣнію, посредникъ превосходный и нашъ уѣздъ во многомъ будетъ ему обязанъ.

— А я думалъ, что вы скорѣе стоите за Матвѣева.

— Въ томъ, что Матвѣевъ человѣкъ отличный, нѣтъ ничего удивительнаго; при его лѣтахъ и опытности иного и ожидать нельзя. Но встрѣтить твердый житейскій смыслъ,

полное безпристрастіе и умѣніе ладить съ людьми въ юношѣ едва вышедшемъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, недавно вырвавшемся изъ Петербурга, истинная радость для меня, и лучшая защита молодому поколѣнію.

— Правда, правда, добавилъ Краснопольскій.—Но какъ бы хорошо ни были обставлены мои владѣнія, только вы поймете, другъ мой, что я все-таки простился съ *Barbe* не безъ грусти и опасеній. Поэтому я прошу васъ, какъ стараго товарища и человѣка братски ею любимаго, не покидайте ее въ настоящую тревожную пору. Съ вами я могу быть откровеннѣе, болѣе чѣмъ съ сестрой вашею, которую я тоже отъ себя прошу чаще видаться съ женою. Не скрою отъ васъ, что жена огорчена и почти раздражена непріятностями по имѣнію. Ея розовыя мечты разлетѣлись; за свое добро встрѣтила она холодность или непріязнь... Вы знаете какъ все это дѣйствуетъ на женщину. Теперь она, до этой поры пламенная и преданная дѣлу свободы, даже удивитъ васъ своими мрачными воззрѣніями. Успокойте же ея мысли, объясните ей многое чего она конечно не разумѣетъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, въ особенности не допускайте ее увлекаться своими антипатіями, какъ недавно увлекалась она своими демократическими фантазіями. Она вамъ вѣритъ и приметъ отъ васъ не только совѣтъ, но даже открытое и строгое слово осужденія.

— Въ которомъ, сколько могу я судить, и надобности не встрѣтится.

— Кто знаетъ? задумчиво продолжалъ Викторъ Петровичъ.—Souvent femme varie. И для самой развитой особы ея пола, не рѣдкость бросаться изъ крайности въ крайность. Повторяю вамъ, вы изумитесь перемѣнамъ въ образѣ мыслей вашей старой пріятельницы; поэтому-то именно васъ, какъ истиннаго друга, я прошу поберечь ее отъ крайностей. Еслибы встрѣтилась надобность, не отступайте передъ ея упрямствомъ. Въ минуты негодованія она пожалуй захочетъ совершенно разссориться съ крестьянами, будетъ передъ посредникомъ слишкомъ односторонне защищать свое владѣльческое право... Но тутъ вы ее и остановите. Растолкуйте ей въ случаѣ нужды, что *наше имя* обязываетъ, что малая потеря дохода ничто передъ нашимъ положеніемъ въ свѣтѣ, что какая-нибудь жалоба на крестьянъ и на *Положеніе*, совершенно простительная въ устахъ

старухи Чемезовой, не должна быть мыслима со стороны Barbe Краснопольской. Кто лучше васъ и съ болѣе братскимъ участіемъ можетъ передать ей что надо въ этихъ щекотливыхъ случаяхъ?

— О синьйоръ Макіавелли! перебилъ я смѣясь:—и вы еще смѣете мечтать о затишьѣ уѣздныхъ городовъ въ родѣ нашего?

— Въ крайнихъ случаяхъ, особенно же еслибы вышла какая важная непріятность по уставной грамотѣ, дайте мнѣ знать въ Петербургъ, отправьте эстафету... Боже мой, какъ однако идетъ время когда бесѣдуешь съ старымъ товарищемъ! Я разчитывалъ обѣдать на желѣзной дорогѣ, а теперь пожалуй и поѣздъ пропустишь съ здѣшними проселочными клавикордами. Прощайте, Сергѣй Ильичъ; изъ Петербурга напишу вамъ длиннѣйшее посланіе, полное всевозможныхъ сплетень и новостей. Кланяйтесь Вѣрѣ Ильинишнѣ; je suis toujours à ses pieds, embrassez bien les enfants!...

И Викторъ Петровичъ ушелъ изъ моей комнаты, но у крыльца, по дорогѣ къ дормезу, его уже дожидался Пучковъ, трепещущій отъ волненія, сіяющій лицомъ, съ престрашнымъ запасомъ писанныхъ листковъ, которые рвались изъ его рукъ, колыхаемые утренними зефирами. То была какая-то вторая записка, въ пополненіе той, которая еще вчера была вручена его превосходительству. Но увы! ожиданія бѣднаго чудака, еще не отрезвившагося отъ вчерашнихъ любезностей, оборвались плачевнымъ образомъ. Викторъ Петровичъ могъ быть простъ и ласковъ въ кабинетѣ съ пріятелемъ, на обѣдѣ послѣ шампанскаго и спичей; но на стогнахъ уѣзднаго города, предъ очами прохожихъ и своего секретаря оставшагося въ дормезѣ, могъ сказаться лишь сановникъ, хотя и молодаго поколѣнія! Его превосходительство слегка улыбнулся, сдѣлалъ рукою слабый привѣтственный жестъ, взглянулъ на Гаврилу Астафьевича, какъ бы на лету взялъ изъ его рукъ два и три листочка, окинулъ ихъ ординымъ взглядомъ, отдалъ назадъ, вскочилъ въ экипажъ и умчался не то покровительственно, не то насмѣшливо кивнувъ головою вчерашнему необыкновенному человѣку.

Покуда Пучковъ оторопѣлыми глазами глядѣлъ вслѣдъ отъѣзжавшему покровителю, а потомъ приводилъ въ поря-

докъ листы разсыпавшіеся въ безпорядкѣ, боковая дверь кабинета съ шумомъ распахнулась и въ нее вбѣжалъ общій нашъ другъ Иванъ Петровичъ, въ туфляхъ, ночномъ бѣльѣ и коломенковомъ своемъ хитонѣ, наброшенномъ для приличія.

— Своя блоха укусила! Своя блоха укусила! повторялъ онъ многократно, хохоча и вмѣсто слова блоха употребляя имя другаго насѣкомаго, упоминаемаго лишь въ самой народной рѣчи.—Правда ваша, всегда ваша правда, Сергѣй Ильичъ. Махіавель это, настоящій Махіавель, Совѣздралъ и Фуше города Петербурга!

— То-есть, замѣтилъ я,—вы тамъ лежали подъ одѣяломъ и подслушивали, пузатое чудовище!

— Слушалъ, слушалъ, батюшка мой, слушалъ и только дивился. Вотъ они каковы, благодѣтели меньшихъ братій, заступники народа и гонители упорныхъ плантаторовъ въ моемъ родѣ! Кажется и всѣмъ хорошъ, а какого Лазаря завелъ, едва только своя блоха укусила! И припомните мое слово, отъ начальства еще выпроситъ денегъ или тамъ аренду какую... я дескать, совсѣмъ раззорился, составляя уставную грамоту!

Я поспѣшилъ взять съ Ивана Петровича слово въ томъ что онъ не станетъ болтать по поводу разговора донесшагося до него черезъ стѣну, а вслѣдъ затѣмъ спросилъ его,—не пора ли, по его мнѣнію, выѣхать изъ города.

Тутъ чело моего друга и спутника поникло.

— Едва ли я поѣду съ вами, сказалъ онъ, состроивъ озабоченную мину, — надо сдѣлать кой-какія закупки да съ судьей посовѣтоваться по одному дѣлу...

— Что жь, я подожду, пока вы кончите покупки и совѣщанія.

— Да сверхъ того, продолжалъ Иванъ Петровичъ, — у себя въ деревнѣ я не былъ почти недѣлю... Сами знаете какое время! Нельзя оставлять хозяйство надолго. Ужь лучше поѣзжайте одни...

— Все вретъ, ей Богу все вретъ! перебилъ его на этомъ мѣстѣ Пучковъ, являясь въ мою комнату. — Хоть я вашъ хозяинъ и радъ видѣть васъ каждый день, и Ивана Петровича люблю какъ брата, а все-таки скажу, Сергѣй Ильичъ, увозите его какъ можно скорѣе, возьмите его отсюда не-

премѣнно! Полюбуйтесь-ка, какое посланіе нашелъ я у него въ спальнѣ.

И Гаврила Астафьичъ положилъ передо мной листъ сѣрой бумаги, на которой косыми и будто нетрезвыми литерами написано было одно слово: *Приди!* съ претолстымъ восклицательнымъ знакомъ.

Внизу слѣдовали подписи:

Вѣрный другъ твой капитанъ Илья Подосиновикъ.
Смиренный старецъ Ѳеодулъ Краснобаевъ.
Общій за всѣхъ богомолецъ Матвѣй Сребробрадовъ.
Винной части повелитель Иванъ Скорлупкинъ.

P. S. И Евдокимовъ съ нами, но только лежитъ въ безчувствіи.

Прочитавъ это, я немедленно велѣлъ подавать лошадей, и не взирая на всѣ отговорки Ивана Петровича, не успокоился покуда не отвлекъ его отъ такого опаснаго сосѣдства.

XI. Толки съ посредникомъ о посредникахъ.

Вспоминая о наслажденіяхъ и веселыхъ сценахъ, отъ которыхъ былъ оторванъ вслѣдствіе моего упорства, Иванъ Петровичъ нѣсколько верстъ хранилъ молчаніе, а если изрѣдка и раскрывалъ уста, то лишь затѣмъ чтобы говорить поносныя слова о Викторѣ Петровичѣ, его женѣ и дѣтяхъ, его гувернанткахъ, его бурмистрахъ, его чиновникахъ. Довольно уныло протащились мы около шести верстъ, когда, возлѣ парома, находившагося на весьма живописномъ и сумрачномъ мѣстоположеніи, насъ догнала небольшая колясочка тройкой, а въ коляскѣ оказался никто иной какъ посредникъ Иванъ Николаевичъ Лѣсниковъ, уже достаточно знакомый читателю.

— Ба, ба, ба, ба! возгласилъ при этомъ видѣ совершенно просвѣтлѣвшій и забывшій свою досаду Иванъ Петровичъ:— какое это ослѣпительное зрѣлище намъ представляется! Вы ли это порадовали наши взоры, нашъ юный Вильямъ Питтъ и любезный Веніаминъ всего — скаго уѣзда? Или

еще не всѣ дамы вашего мироваго участка влюблены въ васъ до изступленія? Или устремляетесь на поединокъ съ какимъ-либо петербургскимъ чиновникомъ?

— Вылѣзайте-ка, вылѣзайте изъ коляски, отвѣчалъ посредникъ,—поромъ на моей землѣ, такъ что я, пользуясь послѣднимъ годомъ моихъ феодальныхъ правъ, могу ограбить и умертвить васъ обоихъ, если вы не согласитесь провести этого дня вмѣстѣ со мной. Представьте себѣ, Путиловъ поскакалъ домой угощать одного изъ вчерашнихъ чиновниковъ, Бигельманъ удралъ изъ города никому не сказавшись, Ставицкій вчера захворалъ и послѣ обѣда ставилъ себѣ горчичники. Сколько я ни знаю моихъ бывшихъ друзей *красныхъ*, у всѣхъ у нихъ желудки негодные и сами они едва ноги волочатъ: отчего бы этого происходило? Какъ бы то ни было, съѣздъ отложенъ, и дѣла не сдѣлано на два гроша. Переѣдемте же на поромъ и возьмемъ влѣво, тутъ всего верстъ шесть, и я весь день къ вашимъ услугамъ.

— А я думалъ утромъ побывать по сосѣдству у Варвары Михайловны, замѣтилъ было я, къ неописанному ужасу Ивана Петровича.

— До нея близехонько, времени много, и я готовъ вамъ сопутствовать, отвѣчалъ Лѣсниковъ,—только обѣдать я вамъ у ней не позволю.

Но на этомъ мѣстѣ Иванъ Петровичъ, нѣсколько времени пыхтѣвшій отъ негодованія, протестовалъ съ горячностью.—Какъ мнѣ, мнѣ, произнесъ онъ,—мнѣ ѣхать къ этой привередливой гишпанской маркизѣ? И вы, сударь мой, Сергѣй Ильичъ, намѣревались увлечь меня къ Краснопольской, съ которою я уже два года какъ прекратилъ всѣ сношенія?..

— Завозили жь вы меня и къ Евдокимову и къ Пучкову, замѣтилъ я смѣясь,—отчего же и мнѣ хоть изрѣдка не быть вашимъ Виргиліемъ?

— У Пучкова и Евдокимова, государь мой, вы могли снять панталоны и сидѣть въ гостиной безъ сапогъ, не подвергаясь даже и малому нареканію. У моихъ друзей не станутъ дуться, если вы употребленія перчатокъ не признаете, а что пуще всего, не посадятъ васъ обѣдать въ часъ солнечнаго заката! Вотъ что. Но такъ какъ я человѣкъ покладливый, и въ вашемъ Веніаминѣ души не слышу,

то предлагаю таковую мѣру: заѣзжайте вы двое къ этой барынѣ, только не засиживайтесь, я же тронусь прямо до Лѣсниковки, поѣмъ, выспдюсь и стану васъ ждать... только чуръ не опоздайте къ обѣду.

Я безъ труда согласился на это предложеніе; но посредникъ, лучше меня знакомый съ порядками Ивана Петровича, объявилъ что тутъ кроется хитрость, и что нашъ пузатый другъ, если его оставить безъ должнаго надзора, немедленно улизнетъ въ городъ, къ храброму капитану Подосиновику и смиренному старцу Сребробрадову, отъ которыхъ его не вырвешь безъ кроваваго побоища или вмѣшательства мѣстной полиціи. Вслѣдствіе того приняты были должныя предосторожности, у Ивана Петровича отобранъ чемоданъ съ вещами, а въ бричку къ нему посаженъ письмоводитель Лѣсникова, съ повелѣніемъ умереть если понадобится, но ни въ какомъ случаѣ не дозволять плѣннику куда-либо сворачивать. Моему кучеру съ коляской приказали тоже ѣхать на мызу посредника, не отставая отъ брички Ивана Петровича. Кончивъ эти распоряженія, мы съ Лѣсниковымъ усѣлись въ его экипажъ, и тронулись къ сельцу Варваринскому. Дорогой я сообщилъ моему спутнику о затрудненіяхъ встрѣченныхъ Краснопольскими по составленію уставной грамоты и спросилъ его, не имѣетъ ли онъ возможности подвинуть дѣла, пользуясь доброю славой, которою онъ уже пользуется между крестьянами.

— Это моя прямая обязанность, отвѣчалъ Иванъ Николаевичъ съ полною готовностью:—по крайней мѣрѣ по части тѣхъ владѣній Краснопольскаго, которыя лежатъ въ моемъ мировомъ участкѣ. Но вопервыхъ, я до сихъ поръ и не зналъ что въ моемъ содѣйствіи нуждаются, и вовторыхъ, трудно сдѣлать что-нибудь путное тамъ, гдѣ десять человѣкъ хлопочутъ по одному дѣлу. Кромѣ Виктора Петровича и его супруги, объ уставной грамотѣ въ Варваринскомъ заботятся: землемѣръ, откомандированный нарочно, подъ видомъ казеннаго порученія, младшій чиновникъ *** канцеляріи, пріѣхавшій за тѣмъ же, еще чиновникъ Зубцовъ, который сверхъ того всюду ищетъ имѣній продающихся за грошъ или отдаваемыхъ въ аренду за два съ полтиной. Это еще не все: Путиловъ надзираетъ за тѣмъ же съ своимъ обычнымъ усердіемъ, а молодой студентъ, взятый на лѣто для уроковъ дѣтямъ, имѣетъ тоже какую-то долю въ заня-

тіяхъ. Согласитесь, что при такомъ коллегіальномъ производствѣ работъ не удивительно, если изъ нихъ выходитъ одна чертовщина.

— Это совершенная правда, но кажется есть нѣкоторое основаніе думать, что мужики Краснопольскихъ нѣсколько плутоваты, и во всякомъ случаѣ не податливы.

— И трудно ихъ винить въ этомъ, особенно намъ, хорошо знающимъ Варвару Михайловну и ея мужа. Они люди недурные, это несомнѣнно, и крестьянамъ зла не желаютъ. Но обоихъ супруговъ терзаетъ жажда популярности и какое-то стремленіе рисоваться передъ всякимъ. Помѣщица еще съ весны наговорила крестьянамъ что она имъ первый другъ, въ родѣ родной матери, что Викторъ Петровичъ чуть жизни своей не положилъ ради ихъ освобожденія: мудрено ли что крестьяне послѣ такихъ увѣреній ждутъ отъ нихъ не простой справедливости, а какихъ-то неслыханныхъ щедротъ? По мнѣ что-нибудь одно: если ищешь популярности, такъ не жалѣй своего кармана; если хочешь развязаться съ крестьянами, не отступаясь отъ своихъ законныхъ интересовъ, то дѣйствуй просто и честно, не представляя изъ себя принца Родольфа. Относительно крестьянъ нашей губерніи, условія *Положенія* такъ широки и щедры, что самый обязательный филантропъ не найдетъ къ чему придраться; только выполни ихъ безъ крючковъ и прижимокъ.

— Однако, Иванъ Николаичъ, замѣтилъ я, — вы не можете же не согласиться, что иногда сами крестьяне, совершенно отуманенные измѣненіями въ своемъ положеніи, превратно понимаютъ всякую мѣру предпринятую владѣльцемъ для соглашенія съ ними.

— Совершенно соглашаюсь!

— И что въ особенности отъ того затрудняется все движеніе по отводу надѣла и составленію уставныхъ грамотъ.

— И вслѣдствіе того, знаете ли что я совѣтую помѣщикамъ моего участка при подобныхъ затрудненіяхъ? Я совѣтую имъ не торопиться составленіемъ грамотъ.

— Иванъ Николаичъ! возразилъ я съ удивленіемъ:—но такимъ образомъ вы рискуете что у васъ или вовсе не окажется грамотъ или что къ концу переходнаго времени вы будете задавлены работой по ихъ повѣркѣ

и введенію! Вы знаете, что Матвѣевъ человѣкъ спокойный и неспособный вертѣться по вѣтру, но и онъ иногда торопитъ сосѣда-помѣщика.

— Я и самъ готовъ торопить такого, который тянетъ дѣло, не имѣя къ тому причинъ совершенно законныхъ. Но видите ли, Владиміръ Матвѣичъ хотя старѣе и практичнѣе меня, но слишкомъ обжился въ здѣшнемъ краѣ; поэтому я думаю, что мой взглядъ, во многихъ отношеніяхъ слабѣйшій его вѣрнаго взгляда, нѣсколько выигрываетъ тѣмъ что онъ свѣжѣе. Я пріѣхалъ сюда ничѣмъ не связаннымъ, страстнымъ къ работѣ, и нѣсколько мѣсяцевъ наблюдалъ за всѣмъ съ жадностью, которая и теперь не ослабѣла. Вотъ результатъ моихъ выводовъ, который мы оба провѣримъ ровно черезъ годъ, если будемъ живы. Крестьянинъ нашъ, съ самой весны находится въ такомъ напряженномъ и нетрезвомъ состояніи, что по моему мнѣнію, вести съ нимъ теперь серіозное дѣло тоже что вести его съ человѣкомъ въ просонкахъ. Онъ наговоритъ и надѣлаетъ безтолочи, самъ того не зная; поэтому надлежитъ какъ можно рѣже его тревожить, какъ можно менѣе имѣть съ нимъ столкновеній. За опьяненіемъ крестьянскимъ я наблюдалъ тысячи разъ, и говорю вамъ съ полнѣйшею увѣренностью: оно не продолжительно. Къ будущему лѣту оно, если не пройдетъ совершенно, то по крайней мѣрѣ очень ослабѣетъ и измѣнится. Жизнь съ ея ежеминутными заботами, жизнь трудовая, да еще съ надеждой на явныя улучшенія, при нѣкоторомъ количествѣ смысла, также поспѣшно отрезвитъ мужика отъ его неясныхъ фантазій, какъ она вытрезвила меня отъ сумазбродствъ нахватанныхъ, изъ книгъ и съ чужаго голоса. Не утверждаю вамъ, что черезъ полгода или черезъ годъ крестьянинъ уразумѣетъ вполнѣ до какой степени и онъ и помѣщикъ необходимы другъ другу, что онъ разительно улучшитъ свой бытъ, и въ переговорахъ съ вами поразитъ васъ высокою славянскою мудростью; но что онъ окажется существомъ вполнѣ толковымъ и совершенно довѣрчивымъ при сдѣлкахъ съ честнымъ владѣльцемъ, за это я вамъ ручаюсь. Вы мнѣ какъ-то говорили, что въ вашемъ Петровскомъ барщинники слушать не хотятъ про оброкъ: поднимите-ка съ ними споръ, да погрозитесь, ради прогресса, перевести ихъ на оброкъ насильно,—и я поручусь за скверную исторію.

Оставьте ихъ въ покоѣ до будущей весны, и я ручаюсь вамъ, что ни одинъ изъ нихъ не пожелаетъ остаться на издѣльной повинности. У Панкратьевой въ имѣніи всѣ дворовые отошли въ маѣ мѣсяцѣ, а на прошлой недѣлѣ всѣ вернулись сами, прося принять ихъ на мызу съ семьями, на прежнемъ довольствѣ. Тутъ на проломъ идти нельзя, и мировой посредникъ, который этого признать не хочетъ, причинитъ только вредъ краю.

— Ну, наши, я думаю, на проломъ не пойдутъ, замѣтилъ я улыбаясь.

— Наши не пойдутъ, а въ иныхъ губерніяхъ не такіе, отвѣчалъ Лѣсниковъ.—Вы знаете что̀ я думаю о мировыхъ учрежденіяхъ; не во многомъ похвалю я редакціонныя коммиссіи, но тому изъ членовъ кто особенно настаивалъ на мировыхъ посредникахъ, я бы выстроилъ монументъ выше пирамидъ и тверже всѣхъ металловъ; кто ѣздилъ по Россіи и видѣлъ безобразную кашу съ первыхъ чиселъ марта до устройства мировыхъ участковъ, тотъ не поскупится на пожертвованія для такой пирамиды. Все это такъ, и посредники, за весьма малыми исключеніями, начали свое дѣло прекрасно; однако самый успѣхъ повременамъ туманитъ ихъ, даже сбиваетъ съ прямой дороги. Когда видишь себя необходимымъ, когда общій почетъ приходитъ такъ быстро, трудно не пошатнуться. На дняхъ я ѣздилъ къ сестрѣ въ—скую губернію, пробылъ тамъ три дня, и всѣ три дня ругался какъ каторжный. И въ добавокъ еще ругался съ отличными людьми, въ числѣ которыхъ отыскались три посредника. Эти господа, въ томъ числѣ мой *beau frère*, отъ всего сердца вообразили себя повелителями края, путеводителями въ пустынѣ, Петрами Великими, ниспосланными въ варварскій край для цивилизованія его самыми крутыми способами. Ни одного изъ нихъ нельзя назвать *французомъ* въ томъ смыслѣ какой теперь данъ этому слову по всей Россіи, а между тѣмъ, слушая ихъ разговоръ, подумаешь, что бесѣда идетъ между какими-то партизанскими генералами въ завоеванномъ государствѣ. Распечь такого-то помѣщика, задать пфефферу сосѣдкѣ-барынѣ, сдѣлать набѣгъ на такую-то мызу, запугать такого-то мерзавца-крѣпостника,—это еще самыя мягкія выраженія мнѣ встрѣчавшіяся. Удивительная особа русскій человѣкъ, и должно-быть по сердцу ему всякій деспотизмъ,

когда онъ даже и посредничать не умѣетъ безъ крѣпкаго слова. Что̀ жь мы видимъ въ—ской губерніи, гдѣ земля гораздо лучше нашей, гдѣ народъ привычнѣй къ вольному труду и гдѣ стало-быть много лучшихъ условій для хорошаго хода дѣла? Крѣпостникъ не пугается ни мало, и съ крестьяниномъ не входитъ ни въ какіе переговоры, прикрываясь пристрастіемъ посредника. Барыни поднимаютъ гвалтъ, а если имѣютъ связи, то шлютъ свои жалобы въ столицу. Губернское присутствіе, видя что посредники не любимы, пакоститъ имъ сколько угодно, и дѣйствительно, вслѣдствіе нѣсколькихъ дурныхъ исторій, можетъ ломаться надъ ними. Наконецъ и мужикъ не выигрываетъ ровно ничего: три раза за лѣто военныя команды вступали въ губернію, дѣло съ грамотами идетъ какъ нельзя тише, а хозяйства разрушаются,—тѣ самыя хозяйства, которыя, выдержавши невзгоду переходнаго времени, могли бы обезпечить крестьянину вѣрнѣйшіе заработки на безконечные годы. И вспомните мое слово, нашъ край, не торопясь и не нуждаясь въ Петрахъ Великихъ, изготовитъ грамоты и войдетъ въ колею новыхъ порядковъ, а —ская губернія, съ ея слишкомъ энергическими посредниками, пропуститъ всѣ сроки и еще будетъ глухо волноваться. Вотъ къ чему ведетъ страсть разыгрывать роль повелителей и идти на проломъ, когда ходъ дѣлъ требуетъ величайшаго уваженія ко всѣмъ затронутымъ интересамъ!

— Во всемъ этомъ много правды, Иванъ Николаичъ, замѣтилъ я молодому посреднику,—только признаюсь вамъ откровенно, не ждалъ я отъ васъ, послѣ вашихъ вчерашнихъ громовъ на мировомъ съѣздѣ, такой сдержанности и умѣренности во взглядахъ.

— Отчего жь не ждали? Будто я ужь такъ неистовствовалъ вчера на мировомъ съѣздѣ?

Я невольно разсмѣялся при этомъ наивномъ вопросѣ.

— А Путиловъ, котораго вы повергли въ совершенное отчаяніе, а чиновники и члены губернскаго присутствія....

— Да, да.... я еще не умѣю спорить не сердясь, перебилъ меня Иванъ Николаевичъ,—только мнѣ кажется, что вы не отдаете себѣ полнаго отчета въ причинахъ, изъ-за которыхъ я поднялъ бушеваніе. Развѣ вы не видите, Сергѣй Ильичъ, что отбиваясь отъ губернскихъ властей, что ограждая независимость посредниковъ отъ всякаго напора со

стороны, мы именно дѣйствуемъ въ духѣ воздержности, которая васъ во мнѣ удивляетъ. Замашки бюрократіи повсюду и всегда одинаковы; она всегда говоритъ каждому лицу имѣющему вліяніе: ползай передо мною, и за то я разрѣшаю тебѣ въ свою очередь заставлять ползать передъ тобой всякаго. Будь деспотомъ сколько угодно, но мнѣ повинуйся рабски. Веди себя какъ паша, но чтобъ я оставалась твоимъ падишахомъ! Долго мы жили подъ такими условіями, и не мудрено что всѣ наши нравы получили оттого особливую складку. —скіе посредники, сами того не зная, стали рабами чиновниковъ и приняли роль какихъ-то пашей цивилизаціи. И если они не сстроятъ чего нибудь ужь совсѣмъ нелѣпаго, за нихъ всегда вступятся и чиновные корифеи, и даже всѣ либералы изъ числа близорукихъ. Намъ, напротивъ того, всякій подставитъ ножку за то что мы сами не ломаемся въ нашихъ участкахъ, да однако не даемъ и другимъ ломаться надъ собою. Еслибы насъ призвали за тѣмъ, чтобы ломать и разрушать, да задавать страху, то насъ не назвали бы *мировыми посредниками*, да и мы не приняли бы своихъ должностей. Конечно все что я теперь говорю еще не выяснилось во всѣхъ умахъ, конечно и самъ забавнѣйшій добрякъ Путиловъ не вполнѣ видитъ, что, вертясь по вѣтру, онъ служитъ дѣлу жесткаго деспотизма: по его идеямъ жесткой деспотъ я, или Владиміръ Матвѣичъ; онъ спорить не любитъ, онъ только повинуется всякому вицмундиру, а на дѣлѣ выходитъ то, что восторжествуй партія добряка Путилова, и все наше посредничество обратится въ рядъ злыхъ притѣсненій.

— Совершеннѣйшая истина, замѣтилъ я, невольно пораженный вѣрностью взгляда и чутья въ такомъ молодомъ человѣкѣ.—Однако мы совершенно отбились отъ главнаго предмета нашей бесѣды. Вы мнѣ не сказали что вы разчитываете дѣлать, когда, въ будущемъ году, къ глухой осени, вслѣдствіе вашей системы выжиданія, вамъ придется разомъ провѣрять десятки грамотъ, да еще и составлять ихъ цѣлую кучу, безъ содѣйствія помѣщиковъ?

— Почемъ я знаю? сказалъ Лѣсниковъ:—можетъ-быть приглашу въ помощь кандидата, найму землемѣра, стану спать на межѣ, лопну отъ излишней работы; дѣло не въ моихъ удобствахъ. Если я не ошибусь въ моихъ надеждахъ

на отрезвленіе простаго народа, тысячи людей скажутъ мнѣ искреннее спасибо за то что я не ломилъ впередъ какъ дуракъ, а переждалъ пока прошелъ день раздраженія, при которомъ не устроишь ничего прочнаго. Да и точно ли дѣло будетъ такое необъятное? Я наблюдаю за крестьянами не при однихъ спорахъ за какой-нибудь день барщины, я часто бываю на сходахъ, въ волостяхъ, слѣжу за дѣлопроизводствомъ волостныхъ судовъ, и все это, лучше всякаго термометра, показываетъ мнѣ и состояніе умовъ, и удобнѣйшую пору для всякаго дѣйствія.

Въ это время мы проѣзжали маленькую деревеньку Краснопольскихъ, въ которой, не взирая на раннюю пору, бабы и старики плясали съ неслыханнымъ усердіемъ, хотя по ихъ раздувшимся лицамъ и плохо двигавшимся ногамъ замѣтно было приближеніе послѣднихъ часовъ праздника.

— А этотъ термометръ что̀ вамъ показываетъ? сказалъ я, указывая Лѣсникову на нѣсколькихъ гулякъ, совершенно утратившихъ силу и предавшихся отдыху, непремѣнно около канавъ, а иногда и въ самой канавѣ.

Посредникъ разсмѣялся.

— Показываетъ онъ мнѣ вопервыхъ то, что два или три первыхъ дня послѣ праздника никакихъ серіозныхъ дѣлъ съ мужикомъ вести я не долженъ. Вовторыхъ, умственное мое око провидитъ, что мнѣ необходимо объѣхать всѣ волостные суды, куда вслѣдствіе бывшаго праздника потянутся толпы народа съ жалобами по большей части безсмысленными. А такъ какъ всѣ наши волостные Миносы не взирая на мои неутомимые совѣты, чрезвычайно любятъ отодрать и истца и отвѣтчика, и дѣлаютъ это съ изумительною быстротою, то моя обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ обуздать ихъ рвеніе и не стѣсняя приговоровъ разумныхъ, наложить мое *veto* тамъ, гдѣ Радамантъ въ порывѣ усердія, превыситъ мѣру власти ему предоставленной.

XII. Исторія откушеннаго носа и ея послѣдствія.

Разсуждая такимъ образомъ, мы подъѣхали къ главной деревнѣ Краснопольскихъ, отъ которой открывался видъ на помѣщичьи сады, паркъ и знакомый уже читателю господскій домъ Варваринскаго, наполовину замокъ, наполовину

изящный коттеджъ. Послѣдній, третій день праздника находился въ полномъ разгарѣ, около церкви наѣзжіе продавцы торговали яблоками и мелкимъ товаромъ, кабакъ едва вмѣщалъ въ себѣ многочисленныхъ посѣтителей, по улицѣ надлежало ѣхать осторожнѣе, чтобы не зацѣпить какого-нибудь гуляку. Со всѣмъ тѣмъ картина общей гулянки мнѣ почему-то не полюбилась: пѣсни шли какъ-то несогласно, то затихая, то безъ толку завязываясь; двѣ бабы горько плакали и о чемъ то разказывали въ кружкѣ слушателей; мимо насъ десятскій провезъ мужика очень пьянаго, но невеселаго и какъ будто чѣмъ-нибудь провинившагося. Приписывая все это печальному сосѣдству кабака, я пересталъ вглядываться во встрѣчныя группы; но Лѣсниковъ, болѣе меня понимавшій дѣло, велѣлъ кучеру остановиться и подозвалъ къ себѣ крестьянина, оказавшагося сельскимъ старшиной.—Какая у васъ гадость случилась? спросилъ онъ его строгимъ голосомъ,—драка была, что ли?

— Никакъ нѣтъ, батюшка Иванъ Николаичъ, отвѣчалъ старшина, тоже порядочно пьяный,—спросите кого угодно, драки не было, только Самсону Ѳедотову носъ откусили.

— Какъ носъ откусили? Кто откусилъ носъ? вскричалъ посредникъ, чуть не выпрыгнувъ изъ колясочки.

Одна изъ плакавшихъ бабъ подошла къ намъ и заголосила на всю улицу.

— Братъ брату носъ откусилъ, ба-тюшка, произнесла она, растягивая слова и горько рыдая,—Егоръ Ѳедотовъ моему мужу носъ откусилъ-то. Ужь не видать мнѣ моего муженька на свѣтѣ бѣломъ, батюшка! Ужь не быть ему больше живому, пропала я, горемычная!

— Какъ было дѣло? спросилъ посредникъ старшину, который, повидимому только теперь уразумѣвъ, что на него падаетъ часть отвѣтственности, поблѣднѣлъ и потерялся.

— Драки не было, право не было драки, батюшка Иванъ Николаичъ, сказалъ онъ, и въ удостовѣреніе словъ своихъ подозвалъ трехъ или четырехъ прохожихъ, тутъ же подтвердившихъ его показаніе.—Егоръ только напился черезчуръ да у себя въ домѣ сталъ ворота топоромъ рубить. Отняли у него топоръ, а Самсонъ-то, его братъ, и говоритъ гостямъ, запремте-ка его, братцы, въ чуланъ, онъ завсегда во хмѣлю разныя глупыя штуки отмачиваетъ.

Слышитъ это Егоръ, горько заплакалъ да и говоритъ такъ разумно: братъ ты мой любезный, замѣсто ты мнѣ отца роднаго, не запирай ты меня въ чуланъ передъ всѣми гостями; мнѣ срамно будетъ. Глядимъ, и Самсонъ какъ заплачетъ, мы даже подивились, съ чего бы? стало-быть пиво его ужь такъ розобрало. Стали братья цѣловаться, на оглоблю запнулись,—стояла тутъ телѣга пустая,—да оба на земь и повалились. Какъ ужь тутъ грѣхъ случился, батюшка Иванъ Николаичъ, спроси хоть кого, мы и разуму не приложимъ. Ужь лежа ли они повздорили, али какой стихъ нашелъ на Егора, только Самсонъ какъ закричитъ благимъ матомъ—мы къ нему, а они оба въ крови, а носъ возлѣ нихъ на дорогѣ... Что ты будешь дѣлать? и на свѣтъ бы мнѣ не глядѣть, вотъ какое худое дѣло доспѣлось.

Удостовѣрившись, что старшина разказываетъ исторію безъ утайки, посредникъ велѣлъ кучеру ѣхать къ господскому дому и остановиться возлѣ флигеля, въ которомъ помѣщалось нѣчто въ родѣ пріемнаго покоя для крестьянъ внезапно захворавшихъ или по отдаленности жительства не имѣющихъ возможности часто приходить за лѣкарствомъ. Докторскую должность въ имѣніи Варвары Михайловны правили весьма дѣльная старушка ключница и дворовый человѣкъ, обучавшійся въ фельдшерахъ, но пьяный и никуда не пригодный, особенно въ праздничную пору. По распоряженію Варвары Михайловны, приходившей къ больному и едва не лишившейся чувствъ при его видѣ, за уѣзднымъ докторомъ послали нарочнаго съ экипажемъ. Когда мы вошли въ пріемный покой, онъ оказался биткомъ набитымъ. Толпа пьянаго народа шумѣла, скакала и причиняла великую духоту; во всей толпѣ всѣ были чужіе кромѣ дочерей и матери Самсона, лежавшаго словно въ забытьи, съ лицомъ обвязаннымъ такъ плотно и нелѣпо, что дыханіе едва слышалось; фельдшеръ и ключница глядѣли на него какъ на мертваго; никогда не встрѣчавъ подобнаго казуса, и почему-то взирая на носъ какъ на орудіе, безъ котораго человѣку обойдтись невозможно, они только уныло качали головами. Родные крестьянина и всѣ пьяные мужики, бывшіе во флигелѣ, тоже были увѣрены, что кончина сейчасъ послѣдуетъ. Егоръ же Ѳедотовъ, арестованный и отданный подъ надзоръ десятскаго, горько

рыдалъ, умоляя, чтобъ его не уводили, а дали попросить прощенія у брата передъ его смертью.

Не взирая на весьма понятное чувство состраданія къ невинной жертвѣ праздника, я не могъ не полюбоваться находчивостью, съ которою молодой посредникъ сталъ распоряжаться во всемъ этомъ хаосѣ. Въ полъ-минуты онъ разогналъ всѣхъ ненужныхъ зрителей, отворилъ окна комнаты, успокоилъ родныхъ Самсона, и нѣсколькими мягкими, чуть-чуть шутливыми словами породилъ во всѣхъ увѣренность, что дѣло, какъ оно ни худо, но не можетъ назваться пропащимъ. Онъ безъ труда убѣдился, что больной не въ предсмертномъ безчувствіи, а просто лежитъ какъ пластъ частію отъ потери крови, частію отъ трудности дыханія, всего же болѣе отъ пива и вина наполнявшаго его утробу. Откушенный носъ, или вѣрнѣе конецъ носа лежавшій на столѣ и кажется нѣсколько разъ приставлявшійся къ ранѣ какъ будто бы его можно было приростить сызнова, подвергся осмотру, изъ котораго оказалось, что только малая часть хряща была отдѣлена, и что болѣе пострадали ноздри. Затѣмъ Лѣсниковъ приказалъ снять съ головы Самсона всѣ лишнія перевязки, оглядѣлъ рану, положилъ на нее легкій компрессъ, далъ нужныя приказанія на счетъ его перемѣны и смачиванія, и кончивъ это, велѣлъ фельдшеру идти съ собой въ аптеку, меня же попросилъ утвердительно сообщить Варварѣ Михайловнѣ, что жизнь Самсона не подвергается ни малѣйшей опасности.

Я добрался до парадной лѣстницы, миновалъ рядъ знакомыхъ комнатъ, и наконецъ отыскалъ Варвару Михайловну. Она была въ такомъ состояніи нервнаго раздраженія и безпомощности, что я удивился. Вся прислуга пировала на праздникѣ или толпилась въ кучкахъ по двору, толкуя о совершившемся казусѣ, дѣти куда-то скрылись, а обѣ гувернантки, какъ оказалось въ послѣдствіи, до того возмутились исторіей откушеннаго носа, что заперлись по своимъ комнатамъ, громко ругая Россію и русскій народъ, какъ будто бы подобныхъ продѣлокъ никогда не случалось ни во Франціи, ни въ Англіи. Супруга Виктора Петровича, не скрывая своихъ чувствъ передъ близкимъ человѣкомъ, подала мнѣ руку и залилась горькими слезами. Мои увѣренія, что больной не подвергается опасности, не принесли ей никакого облегченія. Варвара Михайловна

сама хорошо знала, что конецъ носа не принадлежитъ къ разряду органовъ необходимыхъ для жизни, и на нее видимо дѣйствовалъ не страхъ несчастія, а безобразный характеръ всей исторіи.

— Сергѣй Ильичъ, сказала она мнѣ, не удерживая слезъ,— передъ вами я не вижу никакой надобности скрываться. То что̀ вы видите началось уже давно. Почти съ моего пріѣзда сюда, я встрѣчаю лишь одни огорченія, а этотъ возмутительный случай нанесъ послѣдній ударъ всѣмъ моимъ ожиданіямъ, всѣмъ моимъ попыткамъ дѣйствовать на пользу крестьянъ нашего имѣнія. Осуждайте меня, смѣйтесь надъ моею легкомысленностію, но говорю вамъ по совѣсти, въ настоящую минуту я желала бы лучше жить посреди дикарей Африки и Новой Зеландіи. Душа моя не можетъ вынести того что̀ я вижу всякій день и чему сегодняшняя исторія служитъ достойнымъ заключеніемъ. Я никого не виню, я готова сознаться, что мои сентиментальные взгляды на простой народъ одни привели меня къ разочарованію,—mais c'est plus fort que moi; я не могу оставаться съ этими людьми, не нахожу въ сердцѣ моемъ и слѣдовъ прежняго къ нимъ расположенія!

— Я удивляюсь вамъ, добрый и дорогой другъ, сказалъ я,— хотя, говоря откровенно, всегдашняя способность Варвары Михайловны бросаться изъ крайности въ крайность давно подготовила меня къ только что слышанному,—я удивляюсь тому, какъ, при вашемъ ясномъ умѣ, вы смѣшиваете два предмета совершенно различные. Вы здѣсь не затѣмъ, чтобы любить или не любить простой народъ, и ваши занятія по устройству бывшихъ вашихъ крестьянъ нисколько не должны зависѣть отъ чувствъ сердца, и не будутъ зависѣть, потому что вы честны, а слова *долгъ* и *законъ* никогда не будутъ для васъ пустыми словами. А затѣмъ ужь это ваше личное дѣло: считайте крестьянъ Кафрами, взирайте на нихъ какъ на святыхъ людей, предпочитайте ихъ пастушкамъ Флоріана, того вамъ никто воспретить не посмѣетъ. Если изъ-за носа, откушеннаго въ пьяномъ видѣ, ваши свѣтлыя мечты пострадали...

— То-есть, быстро перебила меня Варвара Михайловна,— вы хотите сказать, что я изъ пустяковъ прихожу въ отчаяніе?.. И вамъ дѣйствительно эта отвратительная ссора двухъ братьевъ, лучшихъ крестьянъ въ имѣніи, кажется

пустяками?.. И вы въ самомъ дѣлѣ не видите ничего чудовищнаго, варварскаго, людоѣдскаго, во всемъ происшествіи?..

— Ровно ничего, извините меня, и черезъ два дня, когда ваше раздраженіе пройдетъ, вы согласитесь со мною. Ваша спокойная и немного чопорная жизнь въ столицѣ конечно не могла сводить васъ со сценами простаго быта, но чтобы пополнить этотъ недостатокъ, разспросите кого угодно изъ неглупыхъ людей, проглядите въ иностранныхъ газетахъ разказы объ исторійкахъ развязывающихся по судамъ исправительной полиціи, и вы очень хорошо увидите, что пьяный человѣкъ можетъ всегда надѣлать глупостей, не дѣлаясь Кафромъ и людоѣдомъ.

— Вы сами не вѣрите тому что̀ говорите. Подумайте, что сегодняшнюю гадость сдѣлали два брата, два отца семейства! Можетъ-быть, вамъ удавалось видѣть необыкновенныя дѣла, но мнѣ, признаюсь вамъ, даже не приходилось слышать, чтобы люди откусывали другъ другу носы, хотя бы и въ пьяномъ видѣ.

— Носъ оказывается всего виноватѣе, возразилъ я, — и согласитесь что не будь тутъ носа, не было бы ничего необычайнаго въ этой исторіи, и ни одной слезы не пролилось бы изъ глазъ вашихъ. Укуси Егоръ Самсона въ щеку или подбородокъ, никто бы даже и не донесъ вамъ о томъ событіи; въ томъ же что злаго умысла не было и что носъ подвернулся случайно, свидѣтельствуютъ вамъ слезы меньшаго брата и его истинное отчаяніе.

— Я всегда знала, что вы очень остроумны, сухо возразила Варвара Михайловна, — но извините меня, ваши ловкіе доводы безсильны тамъ, гдѣ мое сердце возмущено такъ глубоко.

— Такъ отчего жь ваше сердце не возмущалось тысячью нелѣпыхъ исторій въ родѣ сегодняшней, исторій происходящихъ въ свѣтѣ, о которыхъ свѣтъ разказываетъ. Припомните случаи дуэлей до васъ доходившіе: я смѣло утверждаю, что изъ этихъ дуэлей половина навѣрное также безобразны какъ откушеніе носа,—безобразны или по самому поединку или по причинамъ его породившимъ. Позвольте привести вамъ на память хотя бы старую исторію между вашимъ мужемъ и мною, исторію, которую мы оба сами вамъ недавно разказывали. Лѣтъ десять тому назадъ, когда

вы были уже замужемъ, и ни я, ни Викторъ, не могли уже зваться мальчиками, я его вызвалъ на дуэль, за то что онъ пѣвицу Лагранжъ шутя, и конечно заочно, потому что дѣло происходило на холостомъ обѣдѣ, назвалъ бѣлугою. Я не имѣю ни малѣйшаго пристрастія къ госпожѣ Лагранжъ и о свойствахъ рыбы бѣлуги не знаю ровно ничего, но обѣдъ затянулся до полночи, и мы, пируя въ кругу старыхъ школьныхъ товарищей, привели себя въ состояніе слишкомъ восторженное. Вслѣдствіе того мнѣ показалось, что долгъ повелѣваетъ мнѣ вступиться за оскорбленную женщину, а супругъ вашъ вообразилъ, что честь воспрещаетъ ему отвергнуть предложенный вызовъ. А что̀ еще постыднѣе, въ слѣдующее утро мы, ни тотъ ни другой, не сдѣлали шага къ примиренію, и еслибы не вмѣшательство постороннихъ посредниковъ, выстрѣлили бы другъ въ друга совершенно добросовѣстно. Потрудитесь же произвести маленькое размышленіе по случаю этого несостоявшагося поединка, и тогда я не подивлюсь если минутная ссора Егора Ѳедотова съ братомъ Самсономъ покажется вамъ не только понятнѣе, но даже логичнѣе ссоры между нами.

— И между тѣмъ, опять возразила Варвара Михайловна, — когда я узнала все дѣло, я, горячо осудивъ васъ обоихъ, не ощутила однако въ душѣ никакого невольнаго отвращенія ни къ мужу, ни къ вашей личности. Изъ этого, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ, что движенія сердца вѣрнѣе всѣхъ ловкихъ софизмовъ...

— Изъ этого слѣдуетъ только то, что мужа вашего вы любите лично, и ко мнѣ, какъ къ доброму пріятелю, имѣете расположеніе личное; Самсонъ же Ѳедотовъ и братъ его Егоръ для васъ особы чуждыя, принадлежащія къ безличной массѣ народа, очень вами любимаго, но любимаго въ книжномъ, отвлеченномъ смыслѣ.

— Въ томъ, что я люблю народъ, вы едва ли можете сомнѣваться...

— Нисколько не сомнѣваюсь, но простите меня, я скажу страшное слово, за которое заранѣе даю вамъ разрѣшеніе объявить меня отчаяннымъ ретроградомъ. Я плохо вѣрю тому, что можно крѣпко *любить* несмѣтныя, безчисленныя массы народа или, лучше сказать, считаю такую любовь достояніемъ людей весьма немногихъ, геніяльныхъ, организованныхъ не по нашему. Кто говоритъ о любви къ народу

въ книгахъ и въ гостиныхъ, не раздавъ своего имѣнія неимущимъ, не находя въ душѣ, подобно Говарду, рѣшимости умереть за дѣломъ благотворенія, тотъ, мнѣ кажется, или обманываетъ себя или имѣетъ какіе-нибудь разчеты. Вы обманываете себя, силясь полюбить народъ, ставите себя въ положеніе чудака, которому бы захотѣлось полюбить всѣхъ жителей города Одессы, всѣхъ чиновниковъ военнаго министерства, всѣхъ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства, всѣхъ мастеровыхъ занимающихся портнымъ ремесломъ. Жизнь и такъ васъ отдѣляетъ отъ простаго человѣка, и безъ того она заслоняетъ отъ васъ нужды и бытъ людей отъ васъ зависящихъ, а вы еще болѣе затемняете свой взглядъ, напрягая его вдаль, къ смутнымъ массамъ, въ которыхъ вы не разберете ничего и которымъ нужна вовсе не расплывающаяся любовь, а правда и честность при сношеніяхъ. Вслѣдствіе всего этого и та любовь, которую по вашимъ словамъ, вы питаете къ простому народу чрезвычайно слаба, и не имѣя корней въ дѣйствительной почвѣ, смѣняется то досадой, то полувраждебнымъ чувствомъ, а вслѣдъ затѣмъ вѣроятно перейдетъ въ полное равнодушіе.

— Ручаюсь вамъ, что равнодушія не будетъ снова, возразила Варвара Михайловна,—и что скорѣй во мнѣ останется постоянное раздраженіе, послѣдствіе добрыхъ чувствъ непонятыхъ и встрѣченныхъ неблагодарностью. Ахъ, Сергѣй Ильичъ! Еслибы вы были здѣсь, еслибы вы присутствовали при моихъ опытахъ, вы бы не говорили такъ хладнокровно и пожалѣли бы обо мнѣ болѣе. Все что̀ ни дѣлала я для облегченія крестьянъ, для уменьшенія работъ, вело только къ невозможнымъ требованіямъ отъ нихъ, требованіямъ высказаннымъ не безъ дерзостей. Мое ласковое обращеніе со всякимъ подало поводъ къ насмѣшкамъ и полному своеволію. Вы имѣли случай видѣть, что я почти послѣ всякаго трудоваго дня, угощала крестьянъ чѣмъ могла, приглашала ихъ въ свой садъ; это повело къ тому, что рабочіе съ половины дня стали вламываться въ мой домъ требуя водки, а въ саду начали разыгрываться такія сцены, что дѣтямъ невозможно было гулять, а гувернантки боялись ступить шагъ изъ дома. Но признаюсь вамъ, ничто не оскорбило меня такъ какъ неудача моей школы, о которой я думала такъ много, для которой я потратила столько заботъ и времени. Разказывать ли вамъ, какихъ

словъ наслушалась тамъ моя Лиди, съ такою дѣтскою горячностью вызвавшаяся учить грамотѣ дѣвочекъ?... И это дѣти! И это будущія жены, матери семей!... Повѣрите ли вы, что къ началу этого мѣсяца, во всей школѣ, учащихся осталось лишь два мальчика, и то какіе-то калѣки...

— Очень повѣрю, сказалъ я улыбнувшись,—труднѣе будетъ повѣрить тому что вы не сообразили какъ нужны въ крестьянскихъ семьяхъ даже самыя дѣти, во время уборки хлѣба.

— Дѣти нужны? Дѣти десяти и одиннадцати лѣтъ?

— Дѣти десяти и одиннадцати лѣтъ нянчаютъ ребятишекъ двухъ и трехлѣтнихъ, покуда все сколько-нибудь взрослое не возвращается домой. И изо всей толпы, проживающей въ вашемъ домѣ, ни одинъ человѣкъ не могъ вамъ растолковать этого?

Добрая Варвара Михайловна, сбитая на такомъ важномъ пунктѣ, прибѣгла къ обычному аргументу чувствительныхъ женщинъ.

— Оставьте ваши холодно-практическіе толки, сказала она съ горячностью.—Если вы и считаете меня во всемъ виноватою, то по крайней мѣрѣ не высказывайте мнѣ этого съ такою жестокостью. Оставьте мнѣ мои иллюзіи, не терзайте меня вашею логикой. Не лишайте меня послѣдняго утѣшенія въ неудачѣ, дайте мнѣ думать что я боролась покуда могла, и что я оставляю мой трудъ, потративши на него все что̀ могла, по мѣрѣ моихъ силъ и слабыхъ способностей.

На этомъ деликатномъ пунктѣ нашихъ словопреній прервалъ насъ Иванъ Николаевичъ Лѣсниковъ, и прервалъ весьма кстати. Поздоровавшись съ Варварой Михайловной, онъ повторилъ прежнее свое заключеніе о положеніи Самсона Ѳедотова, заключеніе подтвержденное приговоромъ уѣзднаго врача, котораго посланный перехватилъ на половинѣ дороги къ одному изъ сосѣдей и доставилъ въ Варваринское безъ промедленія. Врачъ остался во флигелѣ, а Лѣсниковъ пришелъ къ намъ передать его отзывъ. Поблагодаривъ посредника и принявъ отъ него совѣтъ о томъ, какимъ образомъ оградить бѣднаго преступника Егора отъ слишкомъ сильной отвѣтственности. Варвара Михайловна сказала съ своею обычною любезностью:

— Изъ всякаго вашего слова, Иванъ Николаичъ, видно

какъ неправъ нашъ общій пріятель (она оборотилась ко мнѣ), по словамъ котораго любить весь простой народъ также невозможно какъ любить всѣхъ жителей Москвы или всѣхъ чиновниковъ военнаго министерства. Вы истинно любите весь народъ, не правда ли?

— Не знаю что сказать вамъ, отвѣчалъ молодой посредникъ, не увлекающійся отвлеченными умствованіями.— Когда я безъ дѣла сидѣлъ въ Петербургѣ, мнѣ казалось, что народъ состоитъ изъ какихъ-то очаровательныхъ персонъ, но тѣмъ не менѣе я даже и нищему тогда не давалъ мѣднаго гроша. Теперь мнѣ кажется, что въ простомъ народѣ, какъ и вездѣ, есть много и дрянныхъ людей и мерзавцевъ, однако это не мѣшаетъ мнѣ, по мѣрѣ силъ, дѣлать кое-что полезное для крестьянина.

— Вы прикидываетесь холоднымъ, вы хотите казаться сухимъ изъ ненависти къ филантропическимъ фразамъ. Не имѣя истинной любви къ народу, не пріобрѣтешь въ нѣсколько мѣсяцевъ той блистательной репутаціи, которую ы себѣ добыли и между крестьянами, и даже между помѣщиками.

Иванъ Николаевичъ на своемъ вѣку слышалъ много комплиментовъ, и его мало плѣняли сладкія фразы, хотя бы и изъ такихъ красивыхъ устъ, какъ уста ея превосходительства.

— Мнѣ кажется, что мы съ вами не совсѣмъ согласны въ главномъ вопросѣ, Варвара Михайловна, сказалъ онъ хладнокровно,—по вашему мнѣнію слѣдуетъ сперва полюбить всѣхъ людей и потомъ принять ихъ какъ бы подъ свою протекцію, я же считаю за лучшее во всѣхъ сношеніяхъ съ людьми, сперва исполнять долгъ порядочнаго человѣка, а потомъ уже любить или не любить ихъ, для собственнаго удовольствія, безъ всякихъ отношеній къ общему ходу своей дѣятельности.

Вслѣдъ затѣмъ разговоръ склонился къ предстоящей уставной грамотѣ и на минуту затихъ, потому что съ почты принесли газеты и нѣсколько писемъ на имя хозяйки.

— Боже мой, что случилось! вдругъ вскричала Варвара Михайловна, пробѣжавъ одно письмо съ заграничнымъ штемпелемъ, — тетушка *Thémire* выходитъ замужъ, въ Парижѣ, за какого-то *chevalier*... должно быть *de la triste figure!*...

— Лишь бы не *d'industrie*, прибавилъ я:— пятидесятилѣтняя женщина, съ замужними дочерьми вдобавокъ! И вѣрно зоветъ на свадьбу?

— Въ другое время я бы не поѣхала, сказала Варвара Михайловна,—но признаюсь вамъ, эти хлопоты и вся моя грустная жизнь за лѣто такъ меня разстроили, что мнѣ хотѣлось бы отдохнуть гдѣ-нибудь на воздухѣ...

— Въ такомъ случаѣ торопитесь, замѣтилъ я,—въ Эмсѣ ужь пусто, въ Баденѣ остались одни подлаго вида игроки, но въ Біарицѣ найдете вы маршаловъ и графовъ, а ея величество императрица Евгенія конечно пригласитъ васъ на свои вечера и кавалькады.

Голубые глазки ея превосходительства засвѣтились какъ поверхность Средиземнаго моря въ часъ тихаго осенняго утра, откушенный носъ Самсона и все деревенское горе были забыты, и мы съ Лѣсниковымъ уѣхали съ полною увѣренностью, что уставная грамота будетъ представлена въ самомъ непродолжительномъ времени.

XIII. Сводъ итоговъ.

Подходили послѣднія числа сентября мѣсяца; важнѣйшія изъ полевыхъ работъ кончились, а съ минованіемъ горячей поры начали ослабѣвать частыя столкновенія между помѣщиками и крестьянами. Я догадывался, что подходитъ время подвести общіе итоги моимъ дѣламъ по Петровскому, и вслѣдствіе ихъ, произвести нѣкоторыя важныя измѣненія по хозяйству, но какая-то нелѣпая робость меня удерживала. Мнѣ казалось ужасно горькимъ отозваться на благую реформу значительнымъ сокращеніемъ своихъ хозяйственныхъ операцій и самому приняться за то что̀ въ другихъ помѣщикахъ казалось мнѣ дѣломъ досады или пристрастія къ старымъ порядкамъ. Подобно многимъ подобнымъ мнѣ особамъ, я часто говорилъ о жертвахъ, изъявлялъ готовность приносить жертвы, но втайнѣ думалъ, что авось либо обойдется и безъ нихъ или что въ замѣнъ жертвъ неожиданно возникнутъ и выгоды за нихъ вознаграждающія. Думая и поджидая, глядя вдаль и откладывая дѣла настоятельной необходимости, дождался я наконецъ до того, что

люди, повидимому ничѣмъ не заинтересованные въ моихъ подвигахъ, изъ одного усердія сочли долгомъ покончить мою нерѣшительность.

Въ одинъ очень скверный и печальный осенній вечеръ, явились ко мнѣ, подъ предводительствомъ старосты Власа, пастухъ Онисимъ и бывшій прикащикъ Михайло Матвѣевъ, отпущенный на всѣ четыре стороны, но не желавшій оставлять своихъ пенатовъ и присматривавшій за разными небольшими занятіями по мызѣ. Власъ и Михайло имѣли видъ торжественный, но спокойный, старикъ Онисимъ, одинъ изъ самыхъ честныхъ и преданныхъ людей, когда-либо мнѣ попадавшихся, казался огорченнымъ. Приходъ его всегда означалъ какое-нибудь бѣдствіе въ стадѣ, потому что Онисимъ, весьма уважаемый на мызѣ и особенно привязанный къ моей сестрѣ и ея дѣтямъ, отъ своихъ гуляньевъ по лугамъ и пустынямъ сталъ застѣнчивѣе всякаго отъявленнаго нелюдима, а въ господскихъ горницахъ совсѣмъ терялся.

— Что̀, Онисимъ Лаврентьичъ? отнесся я къ нему:—вѣрно опять волки пошли пакостить.

— Никакъ нѣтъ, батюшка Сергѣй Ильичъ, отвѣчалъ старикъ своимъ разбитымъ и какъ будто отвыкшимъ отъ рѣчей голосомъ:—съ прошлаго года такого грѣха не случалось.

— Отъ волковъ Богъ хранитъ покуда, вступилъ въ разговоръ Власъ Васильевъ,—а пришли мы спросить тебя, какъ ты насчетъ скота распорядиться прикажешь.

Прикащикъ положилъ на столъ записки и книги, по которымъ можно было провѣрить сборы сѣна и хлѣба въ настоящемъ году и прошломъ. Никто не рѣшался произнести словъ *убавить скота*, но лица у всѣхъ весьма омрачились.

— Да что̀ же васъ приспичило именно сегодня? спросилъ я съ неудовольствіемъ:—я и самъ скажу когда будетъ надо.

— Батюшка Сергѣй Ильичъ, отвѣчалъ староста,—на мызѣ теперь скотникъ Давыдъ и спрашиваетъ нѣтъ ли скота продажнаго. Онъ у насъ всегда и телятъ и лишнихъ бычковъ покупаетъ, мужикъ онъ разумный, шильничать не привыкъ, и съ нимъ ты поладишь. А уйдетъ онъ, такъ кулаки тебѣ за половину стада самую дрянь какую-нибудь давать станутъ.

— Время позднее, добавилъ Михайло,—кормами всѣ бѣдны, а по мызамъ сбываютъ скотъ за безцѣнокъ.

Я сталъ просматривать счеты и спросилъ Онисима, сколько по его мнѣнію, придется убавить скотины.

— Коровокъ пятьдесятъ продать надо, отвѣчалъ пастухъ и мрачно потупился.

— Не бери грѣха на душу, Онисимъ Лаврентьичъ,—возразилъ Власъ, въ то же время глядя на старика съ уваженіемъ.—Не прокормить намъ ста двадцати скотинъ; самъ знаешь много ли будетъ соломы, а покосовъ-то сколько оставлено противъ прошлаго года! Семьдесять пять продадимъ; это еще по меньшей мѣрѣ.

— Семьдесять пять продать придется, подтвердилъ Михайло.

Я очень хорошо зналъ, что сѣна, за вялою работой, заготовлено весьма мало; хорошій урожай хлѣба могъ бы до нѣкоторой степени поправить дѣло, но урожай оказывался посредственнымъ. Однако на меня припало ожесточенное упрямство.

— Я не хочу убавлять скота почти на половину, сказалъ я: — раззорить хозяйство легко, а потомъ поднимай его какъ знаешь. Потолкуйте съ крестьянами, пошлите людей въ сосѣднія мызы, закупите сѣна гдѣ можете. Уѣзжая, я оставлю денегъ на солому. Что жъ мы за люди, если при первой трудности у насъ все изъ рукъ валится? Я опредѣляю извѣстныя деньги на прокормъ скота; коли надо, проживу я этотъ годъ и безъ Петровскихъ доходовъ.

Я ожидалъ, что по крайней мѣрѣ Онисимъ одобритъ мои намѣренія, но онъ попрежнему стоялъ потупясь.—Батюшка Сергѣй Ильичъ, началъ Власъ съ особенною внушительностью,—да какая же будетъ тебѣ выгода, если ты пожалуй и весь твой доходъ на скотѣ скормишь? Запашку ты убавилъ; для остальной тебѣ и ста коровъ будетъ. На будущій годъ барщинники твои пойдутъ на оброкъ; кто жъ тебѣ станетъ твои покосы выкашивать? Нынче пожалѣлъ семидесяти коровъ, черезъ годъ придется сбыть полтораста. Чухонъ ли выпишишь для работы, такъ для этого нужно время, и постройки нужны, и все обзаведеніе. Своихъ станешь нанимать? не сразу хорошо пойдетъ дѣло; а тѣмъ временемъ скотинѣ-то быть на покупномъ кормѣ? Прошла

бѣда, отворяй ворота, а храбриться противъ Божьей воли разчету не много.

— Никакой бѣды не приходило, возразилъ я съ досадой,— а Божья воля не въ томъ чтобы мы сами плошали. Коли работы шли худо, помѣщику надо не вѣшать носъ, не разрушать хозяйства, а придумать что-нибудь для его поддержки. Отъ этого не одному помѣщику, а всему народу будетъ выгода.

— Не возьму я въ домекъ, сказалъ на это Власъ Васильевъ,—какая выгода будетъ народу оттого что ты продержишь цѣлую зиму полсотни скотинъ на покупномъ кормѣ. Маркитанты дадутъ тебѣ кое-что на лишнемъ маслѣ и творогѣ; только этимъ, и самъ ты знаешь, расходы тебѣ не покроются.

— Конечно знаю, да пойми ты что дѣло не въ расходахъ, а въ томъ чтобы не разстроить того что столько лѣтъ велось въ нашей мызѣ.

— Такъ для этого и надо тебѣ поприжаться, опять возразилъ Власъ съ своею неумолимою логикой.—Другіе господа убавили скотъ и пашутъ земли меньше; вѣдь не глупѣе жь они насъ съ тобою, а въ имѣніяхъ живутъ они всегда, стало-быть къ дѣлу-то привычнѣе. И не посердись ты на меня, батюшка Сергѣй Ильичъ, коли я тебѣ скажу свое простое мужицкое слово. Будь ты хозяинъ большой, да всякаго полеваго дѣла мастеръ, я бы съ тобой и спорить не вздумалъ. Сказалъ бы я тогда, хочетъ баринъ не убавлять скотины, значитъ придумалъ что-либо такое чего мы не понимаемъ. А вѣдь ты самъ знаешь, что хозяинъ ты новый; большимъ мастеромъ ты передъ нами и не прикидывался. Откуда жь тебѣ придумать что-нибудь небывалое? Статочное ли дѣло, чтобы всѣ хозяева сосѣди были дураками, а ты одинъ всѣхъ толковѣй? Пережди крутую пору, денегъ не швыряй попусту, теперь и барамъ и мужику не до жиру, а какъ бы продохнуть пока съ новымъ порядкомъ пообойдешься. Вотъ и у меня въ семьѣ молодежь стала работать тихо; внукъ съ женой выдѣлился и теперь самъ плачетъ; такъ ужли жь я стану ломить зря, да не пожмусь годъ другой, пока народъ образумится? Такъ ли, батюшка? А коли такъ, такъ посылай за Давыдомъ да не тяни дѣла, кончай разомъ. Ужь нашъ Онисимъ Лаврентьичъ больно закручинился!

Я еще не на столько былъ ослѣпленъ своими хозяйственными начинаніями, чтобы дурно принять откровенный совѣтъ Власа. Послѣ довольно долгаго совѣщанія, съ новымъ акуратнымъ перечисленіемъ корма, на который можно было довольствовать скотъ за зиму и весну, рѣшились убавить стадо на пятьдесятъ штукъ и потребовали Давыда, который конечно далъ за нихъ цѣну пустую, но не кулацкую, а сверхъ того повелъ всю операцію такъ какъ ее ведутъ немногіе изъ крестьянъ занимающихся промыслами. Онъ не хулилъ товара, не назначалъ суммъ обидно ничтожныхъ, и вслѣдствіе того не подвергался позорному изгнанію изъ комнаты, за которымъ у кулаковъ идетъ небольшая надбавка, съ новыми протестами продающаго, съ бранью и криками. За то, чувствуя себя хозяиномъ положенія, онъ не далъ особеннаго хода ни мнѣ, ни Власу, и когда мы стали оспаривать его цѣны съ нѣкоторою горячностью, сказалъ намъ хладнокровно:—И самъ я знаю что цѣна плохая, да время стоитъ позднее, скотъ вездѣ сбываютъ; стада вашего вамъ не прокормить, а коли я уйду, съ другими вамъ хуже не столковаться.

Я вспомнилъ Латыша Карла Карлыча и его грустныя замѣчанія о неспособности русскихъ денежныхъ людей на дѣятельность не имѣющую ничего общаго съ выкупами или проведеніемъ чугунныхъ трубъ подъ землею. Въ краѣ населенномъ и неудаленномъ отъ столицъ, безъ голода и при сносномъ урожаѣ, тысячи штукъ отличнаго скота сбывались за безцѣнокъ, и торговецъ, менѣе другихъ шильничавшій могъ съ гордостью замѣчать, что другіе торговцы не въ примѣръ его хуже. Никакой неожиданной катастрофы не было. Всѣ предвидѣли съ весны, что къ осени скотъ будетъ продаваться по сходнымъ цѣнамъ. И никто нисколько не подумалъ о томъ, что нѣкоторая помощь вовремя могла предохранить помѣщиковъ отъ этого горя (тутъ ужь конечно виноваты не одни денежные люди); даже никто кромѣ отъявленныхъ кулаковъ и не воспользовался имъ,никто не подумалъ о конкурренціи съ ними, никто изъ торговыхъ людей не рискнулъ ни грошемъ для того чтобы заняться выгоднымъ дѣломъ на разумныхъ основаніяхъ. Продажа большихъ массъ скота къ осени не рѣдкость въ нашемъ краѣ; прошлый годъ она произошла вслѣдствіе сокращеній хозяйства на мызахъ, но она бывала и прежде, при дурномъ

урожаѣ. И что всего удивительнѣе, и что можетъ происходить лишь у насъ, продажа скота за грошовую цѣну никому выгодъ не приносила. Мясо нисколько не дешевѣло ни въ столицахъ, ни въ большихъ центрахъ населенія, а скотники-кулаки, повидимому имѣвшіе въ виду неслыханный процентъ за товаръ купленный ни почемъ, возвращались изъ Петербурга мрачными, пьяными, почти нищими. Притѣсняли ли ихъ тамъ монополисты, обирали ли ихъ чиновники по дорогамъ и улицамъ столицы, спускали ли они барышъ въ увеселительныхъ пріютахъ, только всѣ они перебивались съ трудомъ и считались дрянными мужиками. Пастухъ Онисимъ, истинный пастырь древнихъ временъ, объяснялъ это тѣмъ, что нѣтъ Божьяго благословенія надъ этимъ промысломъ. „Ты пчелъ заводи, сады покупай, говорилъ онъ,—все это дѣло хорошее. И землю пашетъ человѣкъ Богу угодный. А въ кабакѣ торговать, да голодную скотину гонять на убой кто станетъ окромя прощелыги.“

Выслушавъ ультиматумъ скотника Давыда, власти села Петровскаго сочли долгомъ покориться необходимости, и съ чѣмъ-то пятьдесятъ штукъ рогатаго скота были проданы. Весь слѣдующій день скотникъ провелъ около мызы, отбирая коровъ и споря съ Онисимомъ, который отстаивалъ все что удавалось отстоять и выхлопоталъ таки, что три коровы, когда-то дававшія много молока и вообще отличавшіяся превосходнымъ поведеніемъ, не попали въ число сбываемыхъ. Къ счастію, у петровскихъ крестьянъ, которые были позапасливѣй, оказалось нѣсколько экстраординарныхъ стожковъ сѣна, и они его мнѣ охотно продали за цѣну не очень безумную: такъ какъ большая часть этого сѣна была накошена на покосахъ мнѣ принадлежавшихъ, то владѣльцы его торопились переговорами, боясь отъ меня какихъ-нибудь разспросовъ. Такимъ образомъ я не только отчасти утѣшилъ стараго нашего пастыря, но спасъ отъ продажи еще двѣ скотины, предоставивъ Онисиму самому ихъ выбрать.

Черезъ день послѣ сдѣлки съ Давыдомъ, я проснулся весьма рано, вслѣдствіе шума заставившаго меня дернуть звонокъ и спросить не случилось ли какой бѣды на мызѣ. До меня доносились крики, большой шумъ около дороги, визгливыя причитанія женщинъ, а пуще всего такой ревъ и мычаніе, какъ будто бы всѣхъ быковъ и коровъ нашего

околотка кто-нибудь умерщвлялъ посреди жестокихъ мученій. Первая мысль моя была о томъ, что навѣрное загорѣлись овины, и огонь перебросило на скотный дворъ; но вошедшій слуга донесъ что все обстоитъ благополучно, пожара нѣтъ, а гвалтъ произведенъ Давыдомъ, выгонявшимъ купленный скотъ къ большой дорогѣ. Получивъ это свѣдѣніе, я хотѣлъ было спрятать голову подъ одѣяло и заснуть сызнова, но ясное утро съ легкимъ морозцемъ взманило меня, и я, наскоро одѣвшись, вышелъ изъ дома.

Скотный дворъ отстоялъ отъ меня въ двухъ, можетъ-быть трехъ стахъ шагахъ, не болѣе; его выстроили такъ близко отъ дома по русскому обычаю, не разчитавъ разстояній, а потомъ, чтобы замазать ошибку, украсили полукруглыми окнами, да никуда не пригодною башнею, что однако глядѣло довольно красиво въ зелени старыхъ липовыхъ аллей и рощи. Желая прекратить крики и ревъ все еще продолжавшееся, я прошелъ въ ту сторону, и при блескѣ веселаго осенняго солнца скоро добрался до одной изъ печальнѣйшихъ сценъ за все время моего прошлогодняго хозяйства. Стадо выходило на лужокъ отдѣлявшій дворъ отъ главнаго прогона; покуда оно бойко двигалось по травѣ, мѣстами бѣлѣвшей ночною изморозью, скотникъ Давыдъ и его клевреты, вооружась длинными бичами, отдѣляли купленныхъ коровъ и загоняли ихъ отдѣльною группою. Дѣло шло такъ трудно и упорно, что, казалось, бѣдныя животныя не только понимали тягость разлуки съ роднымъ кровомъ, но ужасались участи имъ предстоявшей. Они не сворачивали въ сторону, упирались, обнюхивались съ счастливицами остававшимися подъ эгидой Онисима, подбѣгали къ старцу пастырю, какъ бы прося его заступничества, рвались съ отведенныхъ имъ мѣстъ, между тѣмъ какъ остальное стадо, недоумѣвая, зачѣмъ это чужіе люди, съ помощью кнутовъ, дробятъ его на двѣ части, не шло своею дорогой и глухо ревѣло. Пастухъ Онисимъ, съ лица сумрачнѣе всякой темной ночи, старался водворить порядокъ; Власъ Васильевъ помогалъ ему какъ могъ, называя самыхъ испуганныхъ коровъ разными ласковыми именами, успокоивая ихъ трепаніемъ по шеѣ и всякими другими средствами. Вся дворня была тутъ же на лицо, но помогала весьма мало: въ продажѣ скота она видѣла начало уничтоженія усадьбы и стало-быть, недоброе измѣ-

неніе въ своей собственной долѣ. Старики глядѣли кисло, бабы стояли пригорюнясь, и впереди всѣхъ, съ унылымъ ликомъ Ма́рія на кареагенскихъ развалинахъ, подпирался костылемъ бывшій садовникъ, столѣтній Никонъ.

Я поздоровался съ людьми и сталъ около нихъ, съ фигурой столько же сумрачною, съ лицомъ такимъ же кислымъ. Всегда отличаясь скорѣе излишнею беззаботностью нежели жадностью по части земныхъ благъ, я видалъ и легко переносилъ потери, передъ которыми уничтоженіе пятидесяти штукъ рогатаго скота значатъ менѣе нежели копѣечный проигрышъ въ карты передъ цѣлою раззорительною афферой. Случалось мнѣ спускать все свое походное достояніе на баденской рулеткѣ и оставаться безъ гроша въ чужомъ краѣ; удавалось мнѣ терять кой-какіе капиталы и на акціяхъ; удавалось даже поручаться за людей, которымъ никто не вѣрилъ ни гроша, и которые, вмѣсто благодарности, насмѣшливо поздравляли меня съ предстоявшею отвѣтственностью. Все это было непріятно, однако не производило во мнѣ глубокаго огорченія. Но тутъ, на своей землѣ, отпуская отъ себя часть петровскаго стада, я чувствовалъ себя истинно-огорченнымъ, даже потрясеннымъ до глубины сердца. Унылое чувство, такъ неожиданно павшее на меня, самою своею необычайностью приковало къ себѣ все мое вниманіе. „Что́ за чертовщина! говорилъ я себѣ: жадность это, что ли? Но я сейчасъ готовъ бросить въ печь порядочную пачку ассигнацій, если мнѣ докажутъ что я могу сохранить эти пятьдесятъ коровъ, не дѣлая совершеннаго безумства въ хозяйственномъ отношеніи. Любовь къ моей помѣщичьей дѣятельности? А какъ же я годы живалъ за морями, предоставляя завѣдывать моею мызой кому попало? Досада по поводу необходимаго пожертвованія? Однако я всегда былъ за крестьянское дѣло и считаю себя на столько честнымъ, что еслибъ ему не сочувствовалъ, то сказалъ бы это открыто, не таясь ни передъ кѣмъ на свѣтѣ. И мало-по-малу вслѣдъ за этими вопросами стала выясняться передо мной та спасительная, таинственная связь человѣка съ своею землею, со всѣмъ ему на этой землѣ принадлежащимъ, та связь, изъ-за которой крестьянинъ, переселяясь за три версты отъ своей деревни, съ плачемъ уноситъ горсточку своей старой земли,—изъ-за которой человѣкъ крѣпко сидящей на соб-

ственномъ полѣ завсегда будетъ считаться выше самаго ловкаго спекулятора, носящаго все свое состояніе въ карманѣ.

Была еще одна особенность въ ощущеніяхъ, съ которыми я выходилъ на первый значительный ударъ нанесенный усадебному хозяйству Петровскаго. На себѣ испытывая какъ грустно переносится все сопряженное съ упадкомъ сельскаго дѣла, я съ отчетливостью распознавалъ въ себѣ нѣкоторое весьма ѣдкое озлобленіе. Я злился на себя и на многихъ весьма дорогихъ людей, связанныхъ со мною однѣми симпатіями и однимъ образомъ мыслей. Сколько разъ мы всѣ, люди обезпеченные и еще не принесшіе никакихъ жертвъ, съ дѣтскою беззаботностью осуждали отсталыхъ людей, боязливо жавшихся въ виду необходимыхъ утратъ, неразлучныхъ для земледѣльца съ первыми годами реформы! Сколько разъ мы всѣ, съ жесткостью и даже какимъ-то непонятнымъ злорадствомъ, обсуждали стѣсненное положеніе помѣщиковъ и будущіе шансы ихъ хозяйственныхъ затрудненій? Какими насмѣшками преслѣдовали мы чудаковъ, которые, поговоривъ о государственномъ значеніи крестьянскаго вопроса, неминуемо переходили къ вопросу о томъ, чѣмъ прокормить свою семью, и на какія деньги воспитывать дѣтей, покуда станетъ длиться хозяйственный кризисъ! Имѣли ли мы право навязываться въ Катоны и Ювеналы. Чѣмъ выказали мы свой героизмъ передъ отсталыми смертными? Провѣрили ли мы свои побужденія, и могъ ли каждый изъ насъ сказать, что онъ, будь все его состояніе въ зависимости отъ земли, окажется истинно твердымъ въ виду жертвы? Одной покорности намъ казалось мало, мы желали бы чтобы жертвы приносились не только безропотно, но даже съ ликованіемъ и бранью на медлителей. Время подошло, и какими же героями мы оказались? Краснопольскій, при своемъ огромномъ содержаніи, ругается съ мужиками за покосъ не приносящій въ годъ ни одного скирда сѣна. Французъ-Ставицкій, вступаясь за угнетенныхъ, все еще держитъ цѣлое имѣніе на барщинѣ. Моя особа предается тоскѣ по случаю уменьшенія стада. Какъ же смѣли мы презрительно относиться къ тѣмъ людямъ, для которыхъ всякая убыль дохода вела съ собой убыль первыхъ удобствъ жизни,—для которыхъ не существовало ни арендъ, ни посредническаго жалованья, ни капитала въ пятипроцентныхъ билетахъ? Не скрываясь

скажу, что въ эти минуты размышленія мнѣ было очень стыдно и очень досадно.

Пока тянулось мое невеселое раздумье, скотникъ Давыдъ отдѣлилъ всю купленную скотину, и старикъ Онисимъ, въ послѣдній разъ взглянувъ на своихъ бывшихъ питомцъ, медленными шагами поплелся вслѣдъ за большимъ стадомъ. Проданныхъ коровъ также погнали своею дорогой, къ столбовому тракту. Тогда старикъ Никонъ приподнялъ свою сѣдую голову, и сказалъ мнѣ: „Такъ-то, батюшка Сергѣй Ильичъ, и ты насъ когда-нибудь угонишь съ своей мызы.“

— Ишь ты какой, старичина, возразилъ я засмѣявшись,— проживемъ какъ-нибудь, а съ коровами равнять себя не приходится.

Дворня просвѣтлѣла лицами и разошлась безъ дальнѣйшихъ разспросовъ, а вечеромъ я, кажется въ десятый разъ за лѣто, подтвердилъ ей черезъ Власа, что послѣ всего уже объявленнаго сестрой и мною, всякая боязнь дворовыхъ нашихъ людей за свою будущность примется нами какъ знакъ обиднаго недовѣрія.

Этимъ днемъ оканчиваю я мои деревенскія замѣтки за прошлое лѣто. Составленіе уставныхъ грамотъ, занявшее собою конецъ сентября и начало октября мѣсяца, не можетъ войдти въ этотъ трудъ: результатъ означенной работы просится въ поэму, по счастію, не трагическую и не печальную, а юмористическую до крайности. Развеселились ли мои крестьяне съ окончаніемъ полевыхъ работъ, раскусили ли они, что баринъ, при своей нѣсколько суровой наружности, посмѣяться любитъ; но только они изыскали самую лучшую методу для извлеченія изъ меня чего слѣдовало. Метода эта—постоянное шутовство. Она открыта крестьянами села Петровскаго, и если ее употреблять искусно, ни одинъ настоящій русскій помѣщикъ не устоитъ передъ нею. Старцы благолѣпнѣйшаго вида приходили на мызу, всякое совѣщаніе открывали балагурствомъ, разказывали мнѣ о забавныхъ приключеніяхъ въ деревнѣ, подшучивали другъ надъ другомъ, и приведя меня въ хорошее расположеніе духа, предъявляли свои требованія. Очень часто приносили они съ собой нѣчто въ родѣ подарка или взятки, непремѣнно забавнаго свойства: съ

этою цѣлью гдѣ-то добытъ былъ ракъ, кажется въ полъаршина длиною, и живой тетеревъ такихъ размѣровъ, что вся дворня пришла глядѣть на него какъ на чудо, а индѣйскіе пѣтухи, важно бродившіе около дома, лѣзли съ нимъ драться. Вся моя твердость пошла прахомъ посреди смѣха, восклицаній и шутокъ по этому случаю. Одинъ разъ даже хотѣли подарить мнѣ звѣря до такой степени необыкновеннаго по виду, что я такихъ въ жизнь мою не видалъ, и назвать его не умѣю: крестьяне называли его *щеня* и говорили, что онъ *ядовитый*. Во время разъѣздовъ по имѣнію, меня ни на минуту не оставляли въ молчаніи; кто разказывалъ мнѣ какъ скверно ругаются наши бабы, кто передавалъ о разныхъ дѣяніяхъ барышни Чемезовой, кто сообщалъ о теченіи дѣлъ на волостномъ судѣ, гдѣ его самого чуть-чуть не высѣкли; если же смѣшныхъ исторій не доставало, то краснобаи упражнялись насчетъ сосѣда Плѣшакова, котораго гулянки, единоборства съ своими мужиками и всякія сумазбродства представляли изъ себя одну безконечную хронику за цѣлое полустолѣтіе. Я очень хорошо видѣлъ къ чему клонятъ мужики, но политика ихъ была такъ нова, и сверхъ того требованія ихъ по большей части отличались такою умѣренностью, что я, при моихъ ожиданіяхъ чего-то неисполнимаго, не нашелъ въ своей душѣ никакого упорства. Наконецъ грамота была изготовлена, подписана, вручена посреднику, утверждена законнымъ порядкомъ; въ Петровской же мызѣ по этому случаю данъ *балъ*, то-есть общій обѣдъ съ хороводами, виномъ и пивомъ. Балъ, по единогласному приговору, удался въ совершенствѣ; тянулся онъ до поздней ночи, утромъ же, сверхъ многихъ гостей, мирно опочивавшихъ по канавамъ, старикъ Демьянъ Павловъ, къ общему изумленію найденъ былъ спящимъ на вѣтвяхъ превысокой рябины. Зачѣмъ онъ туда попалъ? Самъ ли взлѣзъ на рябину, или былъ посаженъ туда какими-нибудь проказниками, старикъ объяснить не могъ, и разрѣшеніе сего загадочнаго вопроса, несмотря на всѣ мои разслѣдованія, остается скрытымъ во мракѣ неизвѣстности.

С. БЕЗЫМЕННЫЙ.

ЗАМѢТКИ
О
ХОЗЯЙСТВЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ
РОССІИ.

I. Общій взглядъ на финансовое положеніе Россіи.

Много говорятъ и пишутъ о настоящемъ безденежьѣ; приписываютъ его то той, то другой мѣрѣ правительства; но никто не сознается, что главная причина этого явленія „бѣдность Россіи". Такому сознанію мѣшаетъ и спѣсь народная, и недостатокъ яснаго пониманія дѣла.

Деньги—представители имущества; и было бы имущество, будутъ и деньги. Такъ напримѣръ, въ третьемъ и четвертомъ десяткѣ нашего столѣтія, когда торговля процвѣтала, ассигнацій и металлическихъ денегъ русскаго чекана было мало, внутри Россіи обращалось много иностранной монеты, и дѣла отъ этого шли не хуже. Тогда никому на мысль не приходило обогащать Россію выпускомъ новыхъ ассигнацій. Подобная выдумка свойственна лишь нашему бумажному времени, вообразившему, кажется, что стóитъ только сшить сапоги безногому, чтобъ онъ ходилъ.

Не лучше ли подумать сперва о ногахъ, а затѣмъ уже о сапогахъ?

Но отчего, спросятъ насъ, Россія была богата тридцать лѣтъ тому назадъ, а стала бѣдна нынѣ, когда и промышленность развилась, и Сибирь доставляетъ золота на 20 милліоновъ рублей въ годъ?

Причина та, что богатство — понятіе относительное; богатъ тотъ, у кого въ приходѣ болѣе чѣмъ въ расходѣ, а кто постоянно хоть однимъ рублемъ болѣе тратитъ чѣмъ получаетъ, тотъ неминуемо бѣднѣетъ. Россія же давно въ этомъ положеніи. Производительность страны не росла въ одинаковой степени съ ея потребностями, и такая неравномѣрность проявляется столько же въ дѣлахъ почти каждаго частнаго человѣка, сколько въ отношеніяхъ всей Россіи къ другимъ государствамъ. У насъ забыли, что цѣнности созидаются трудомъ, а богатства накопляются бережливостью. Русскіе въ прежнее время, вѣроятно, не трудились болѣе чѣмъ нынѣ, но они тратили менѣе, по недостатку искушеній; теперь же не только всѣмъ нужны заморскіе товары, но и самимъ жить нужно на чужой сторонѣ и на русскія деньги, а ихъ-то становится тѣмъ менѣе чѣмъ большее число богатыхъ людей проживаетъ ихъ внѣ своего отечества.

Въ прежнее время цѣнность русскихъ произведеній, отпускаемыхъ ежегодно за границу, превышала цѣнность привозимыхъ оттуда товаровъ; излишекъ уплачивался иностранною золотою и серебряною монетой, которой по этому много обращалось въ Россіи. Такъ напримѣръ въ 1830 году было отпущено за границу товаровъ на 274.000.000 р. асс., привезено на 198.000.000 р. асс., и за отпускомъ осталось въ Россіи золота и серебра, доставленныхъ изъ-за границы, на 45.000.000 рублей ассигнаціями. Русскихъ отправилось въ тотъ годъ за европейскую границу 23.704 человѣка. Черезъ 30 лѣтъ послѣ этого, то-есть въ 1860 году, по офиціяльнымъ свѣдѣніямъ, отпущено товаровъ на 181.000.000 р. с., привезено на 159.000.000 (не считая предметовъ выписанныхъ правительствомъ и разными обществами, а также тайно водворенныхъ, коихъ въ 1860 году, безъ сомнѣнія, было гораздо болѣе чѣмъ въ 1830 году), а несмотря на то золотой и серебряной монеты отпущено болѣе чѣмъ привезено на 2.700.000 руб. Слѣдовательно,

официяльныя цифры далеко не выражаютъ истиннаго положенія торговаго баланса. Оно лишь отчасти объясняется тѣмъ что за европейскую границу выѣхало въ 1860 г. Русскихъ 275.582.

На платежъ процентовъ и погашеніе по займамъ правительственнымъ въ 1830 году назначено было 53.000.000 р. *ассигнаціями*, а въ 1861 году 54.000.000 р. *серебромъ* [1] и изъ этой суммы бо́льшая часть отправлена за границу для удовлетворенія тамошнихъ заимодавцевъ Россіи.

Съ 1862 года цифра внѣшнихъ платежей еще увеличилась заключеніемъ новаго займа въ 15.000.000 фунтовъ стерлинговъ и принятою на себя государственнымъ казначействомъ уплатою процентовъ по акціямъ и облигаціямъ Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ. Сверхъ того содержаніе за границей дипломатическихъ и другихъ агентовъ и платежи по заказамъ разныхъ министерствъ сто́ятъ не мало денегъ.

Въ началѣ нынѣшняго года хранилось въ размѣнномъ фондѣ золота и серебра на 80.000.000 р. с. менѣе чѣмъ за десять лѣтъ тому назадъ. При томъ, въ это время исчезла изъ народнаго обращенія вся бывшая въ Россіи звонкая монета (которую едва ли можно цѣнить менѣе чѣмъ въ 100.000.000 р. с.), несмотря на то, что съ 1852 по 1861 годъ добыто въ Сибири и на Уралѣ золота и серебра на 190.000.000 р. с. и занятовъ чужихъ краяхъ правительствомъ 157.000.000 р. с. Слѣдовательно, для уплаты за предметы пріобрѣтенные Россіей и Русскими, не считая того что̀ Главнымъ Обществомъ Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ заказано въ чужихъ краяхъ на суммы внесенныя иностранными акціонерами за границей съ 1852 по 1862 годъ, употреблено, сверхъ отправленныхъ въ чужіе края туземныхъ произведеній, еще золотомъ и серебромъ до 527.000.000 р. с., то-есть болѣе 50.000.000 р. с. въ годъ. Часть этой суммы получила, безъ сомнѣнія, производительное назначеніе, бывъ употреблена на покупку машинъ, пароходовъ и принадлежностей желѣзныхъ дорогъ, но едва ли настоящее безденежье не служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что другая бо́льшая часть этихъ из-

---

[1] Всѣ цифры, выставленныя въ этой статьѣ, заимствованы изъ печатныхъ отчетовъ министерствъ.

расходованныхъ нами въ послѣднія десять лѣтъ капиталовъ еще далеко не приноситъ надлежащей пользы.

Весьма понятно, что продолжать такимъ образомъ нельзя, что невозможно постоянно помогать балансу по внѣшней торговлѣ внѣшними же займами. Послѣдствіемъ такого образа дѣйствій было бы совершенное истощеніе и обѣдненіе Россіи, но и изъ настоящаго затруднительнаго положенія можно выйдти только усиленіемъ производительности Россіи и сокращеніемъ расходовъ производимыхъ нынѣ Россіей и Русскими, какъ у себя дома, такъ и въ чужихъ краяхъ. Тогда только сбереженія сдѣлаются возможными, и снова накопятся капиталы, нынѣ исчезнувшіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ появятся деньги, на недостатокъ которыхъ такъ справедливо жалуется публика.

Но какимъ образомъ достигнуть этой цѣли?

Возвышая пошлину на нѣкоторыя статьи таможеннаго тарифа, можно было бы разумѣется нѣсколько сократить привозъ иностранныхъ товаровъ, но эта мѣра не могла бы возстановить равновѣсіе во внѣшнемъ нашемъ балансѣ, а между тѣмъ увеличила бы неестественность и искусственность положенія нашей промышленности.

Затруднять отъѣздъ Русскихъ за границу было бы несправедливымъ стѣсненіемъ пока существуютъ причины заставляющія многихъ покидать свое отечество, а именно: безпримѣрная въ Россіи дороговизна, неудобства жизни вообще и тяжкій сѣверный климатъ.

Наконецъ, суммы отправляемыя правительствомъ за границу для уплаты процентовъ по займамъ, сокращены быть не могутъ, пока билеты нашей коммиссіи погашенія долговъ не перейдутъ въ руки русскихъ капиталистовъ, что весьма желательно. [1] Поэтому остается только надѣяться на уси-

---

[1] Между займами внѣшними и внутренними существуетъ огромная разница, которая не всегда достаточно взвѣшивается. Платежи производимые по первымъ есть чистая потеря для государства, тогда какъ проценты уплачиваемые заимодавцамъ, проживающимъ въ самомъ государствѣ, разливаются въ народѣ. Займы, заключенные Англіей и Франціей на этомъ основаніи, представляютъ мѣстнымъ капиталистамъ средство къ выгодному помѣщенію ихъ капиталовъ и къ дальнѣйшимъ сбереженіямъ и заставляютъ одну часть народа трудиться въ пользу другой. Слѣдствіемъ же внѣшнихъ займовъ бываетъ то, что одинъ народъ въ финансовомъ смыслѣ порабощается другимъ, его заимодавцемъ.

леніе отечественной производительности, на открытіе произведеніямъ Россіи обширнаго сбыта въ чужихъ краяхъ и на замѣнъ многихъ предметовъ, получаемыхъ нынѣ изъ-за границы, русскими товарами.

Многое, безъ сомнѣнія, могло бы быть сдѣлано для устраненія затрудненій, стѣсняющихъ у насъ промышленность и земледѣліе, и для удешевленія ихъ произведеній, но мы до того отстали отъ всѣхъ своихъ соперниковъ, что намъ не малаго труда будетъ стоить догнать ихъ; опередить же ихъ въ механическихъ и техническихъ пріемахъ нѣтъ никакой надежды, а потому, при состязаніи, преимущество останется всегда за произведеніями той страны, которая самою природой болѣе облагодѣтельствована. Къ сожалѣнію природа не была щедра въ отношеніи къ Россіи. Единственное ея преимущество передъ западными государствами заключается въ большихъ пространствахъ незаселенной еще и отчасти весьма плодоносной земли, но съ увеличеніемъ населенія преимущество это постепенно уменьшается; земля же, малоудобряемая, истощается, не исключая даже и чернозема. Суровый и континентальный климатъ, сухость воздуха и безводіе рѣкъ, увеличивающееся отъ истребленія лѣсовъ, недостатокъ горючаго матеріяла въ большой части Имперіи, краткость полевой рабочей поры, отъ продолжительности зимы, прекращающей также плаваніе по водянымъ путямъ, все это лежитъ тяжкимъ бременемъ на производительности Россіи.

Неудобства эти неотвратимы, и сколько бы умъ человѣческій ни изощрялся надъ уменьшеніемъ ихъ, природа всегда возьметъ свое.

Народъ русскій всегда жилъ неразчетливо. Уповая на количественное обиліе земли, онъ считалъ себя богатымъ производительными силами, и не только не копилъ и не берегъ запасовъ, но безъ надобности входилъ въ долги. Нынѣ наступилъ не только срокъ расплатиться съ прежними заимодавцами, но является крайняя необходимость въ капиталахъ для осуществленія предпринятыхъ повсемѣстно преобразованій; а капиталовъ въ Россіи нѣтъ. Занимать же ихъ за границею, значило бы ухудшить и безъ того незавидное свое положеніе. Притомъ къ займамъ прибѣгнуть нельзя, не убѣдившись напередъ въ способахъ къ уплатѣ какъ старыхъ, такъ и новыхъ долговъ, а способы эти явятся

только при бережливости и перевѣсѣ отпуска за границу надъ привозомъ. На подобное исправленіе торговаго баланса, впрочемъ, можно надѣяться лишь при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ производства и сбыта, которыхъ нынѣ въ Россіи не имѣется.

II. Преимущества южной Россіи передъ сѣверною.

Россія, хотя вообще мало облагодѣтельствована природою, вмѣщаетъ въ себѣ однако полосы различныя по плодородію, по климату, по богатствамъ минеральнымъ и другимъ, а потому нельзя не желать, чтобы на эти различія было обращено преимущественное вниманіе и нельзя сомнѣваться, что Россіи было бы выгодно, еслибы населеніе Имперіи сосредоточивалось въ тѣхъ ея полосахъ, которыя наиболѣе надѣлены дарами естественными.

Таковы, безъ сомнѣнія, замосковныя и южныя губерніи, гдѣ климатъ умѣренный, широкая полоса чернозема тянется съ запада на востокъ, пласты подземнаго угля представляютъ огромные запасы горючаго матеріяла, гдѣ, наконецъ, Кавказъ манитъ къ себѣ неистощимыми богатствами.

Два раза русскіе властители пытались основаться на югѣ, но оба раза оттѣсняли ихъ внѣшніе враги. По смерти Рюрика, Олегъ съ сѣвера перешелъ въ Кіевъ. Въ другой разъ Петръ I вознамѣрился основаться на берегахъ Азовскаго моря, но, побѣжденный Турками, долженъ былъ прорубить себѣ окно къ морю чрезъ болота на Финскомъ заливѣ. Екатерина II, покоривъ державѣ своей все сѣверное прибрежье Чернаго моря, могла бы возобновить планы великаго своего предмѣстника, но пока Порта Оттоманская еще въ силахъ была запирать Босфоръ, сообщенія съ Европою, посредствомъ Чернаго моря, оставались невѣрными, а поставить себя въ зависимость отъ султана было невозможно.

Нынѣ наконецъ исчезли всѣ эти затрудненія. Искусственные пути сокращаютъ всякія разстоянія. Нѣтъ болѣе надобности, при выборѣ мѣстопребыванія центральнаго правительства, стѣсняться разстояніемъ этой мѣстности отъ оконечностей государства. Между тѣмъ нравственное значеніе столичныхъ городовъ во всѣхъ государствахъ, даже

при наименьшей централизаціи управленія, такъ велико, что отъ среды, въ которой находится столица, едва ли не зависитъ характеръ всего государства. Будь столица Россіи не на тундрахъ ингерманландскихъ, но въ Кіевѣ, Харьковѣ, Таганрогѣ, Россія въ глазахъ Европейцевъ не была бы страною безпріютною, холодною, и гордясь первопрестольнымъ городомъ, всякій Русскій любилъ бы его, и чрезъ него чувствовалъ бы болѣе привязанности къ своей родинѣ.

Неисчислимы были бы выгоды сосредоточенія русской жизни около бассейна Чернаго моря. Онѣ понятны всякому. Гдѣ хлѣбъ родится какъ у насъ на сѣверѣ самъ-третей, и десятина земли даетъ не болѣе 3—4 четвертей ржи или овса, тамъ человѣческій трудъ далеко менѣе окупается чѣмъ тамъ гдѣ отъ одного зерна родятся 20 зеренъ, и пшеница, кукуруза или свекловица составляютъ главные предметы производительности. Сколько теперь пропадаетъ даромъ капитала и труда обращенныхъ на обработку земли въ Новгородской, Псковской, Смоленской губерніяхъ, и сколько бы тотъ же трудъ и тѣ же капиталы принесли пользы, если бы они употреблялись на распашку земель въ южной Россіи! На сколько Россія была бы богаче, на сколько увеличился бы ея отпускъ, еслибы половина ея населенія не томилась въ болотахъ и не тонула въ снѣгахъ?

Пятьсотъ верстъ отличнаго шоссе связываютъ С.-Петербургъ, съ увеселительными мѣстами въ его окрестностяхъ, тогда какъ въ южной Россіи, богатой произведеніями, требующими сбыта, нѣтъ дорогъ и при всякомъ ненастьѣ естественные пути дѣлаются непроходимыми.

Желѣзныя дороги отъ Москвы до С.-Петербурга, и оттуда до Динабурга проходятъ большею частію по болотамъ и мѣстамъ безлюднымъ; оттого движеніе между промежуточными станціями на этихъ дорогахъ незначительно, и цѣль ихъ состоитъ главнѣйше въ томъ чтобы связывать только оконечности. Варшавская дорога, притомъ, скорѣе военная или пассажирская, но никакъ не товарная, а потому большой пользы Россіи приносить не можетъ. Вслѣдствіе этого, и нельзя ожидать чтобы цѣнность земель прилегающихъ къ этимъ дорогамъ значительно возвысилась чрезъ ихъ проведеніе. Такое возвышеніе цѣнности земель есть однако вѣр-

нѣйшее мѣрило производительности капитала, употребленнаго на постройку желѣзнаго пути. Напротивъ, дорога проведенная по южной Россіи, на протяженіи 1.200 верстъ, то-есть на протяженіи равномъ дорогѣ отъ С.-Петербурга до Варшавы и до Ковно, придала бы огромную цѣнность всему сосѣднему району, и обогатила бы Россію на сотни милліоновъ.

Южная Россія и нынѣ считается нашею житницей. При болѣе легкомъ сбытѣ ея хлѣба и другихъ товаровъ, производительность страны и вмѣстѣ съ тѣмъ стоимость земель получили бы неисчислимое приращеніе. За исключеніемъ льна и лѣсныхъ товаровъ, почти всѣ статьи отпуска Россіи принадлежатъ и въ настоящее время южной полосѣ Имперіи. Такое преимущество Юга при нѣкоторомъ ему содѣйствіи сдѣлалось бы еще очевиднѣе.

Нынѣ же наперекоръ природѣ, которая обратила къ югу воды двухъ главныхъ рѣкъ Россіи, Днѣпра и Волги, товары стекающіеся къ этимъ рѣкамъ, отправляются на сѣверъ, противъ теченія, помощью искусственныхъ водяныхъ путей, а это дѣлается потому только, что все вниманіе правительства доселѣ обращено было на балтійскіе порты, и мы не нашли еще времени заняться даже устраненіемъ тѣхъ препятствій, которыя затрудняютъ выходъ днѣпровскихъ и волжскихъ [1] грузовъ въ Черное море.

Но всего хуже то, что необходимость искусственнаго созиданія на болотахъ ингерманландскихъ цѣлаго многообразнаго міра, извратили наши понятія о естественныхъ условіяхъ жизни. Мы дошли до того, что цѣнимъ предметы только соразмѣрно усиліямъ, которыхъ требовало ихъ осуществленіе. Мы предпочитаемъ тепличные фрукты выращеннымъ на вольномъ воздухѣ, и дорожимъ ими наиболѣе при 30 градусахъ мороза. Мы силимся разводить шелковицу въ Москвѣ, и пренебрегаемъ ею на Кавказѣ, мы воображаемъ наконецъ, что Амурскій край можетъ сдѣлаться колоніей для Россіи [2], а Киргизская степь способна доставлять намъ такія же богатства, какія доставляетъ Индія Великобританіи.

---

[1] То-есть черезъ посредство рѣки Дона.

[2] Непостижимо заблужденіе тѣхъ, которые увѣрены, что Пріамурскій край можетъ принести пользу Сибири и даже Россіи. Мы допускаемъ эту пользу единственно въ томъ случаѣ, если въ этомъ краѣ откроются богатыя

Однимъ словомъ, создавши себѣ жизнь вполнѣ искусственную, отрѣшившись отъ природы, мы лишились всякаго мѣрила для оцѣнки ея произведеній. Пора наконецъ вернуться намъ къ міру положительному, убѣдиться, что [природа всегда свое возьметъ, и что нельзя безнаказанно отъ нея удаляться.

Пока Россія находилась внѣ общества европейскихъ государствъ, пока она жила жизнью особенною, мало сообщалась съ Западомъ, не нуждалась въ его издѣліяхъ, и собственныя ея произведенія пользовались, по причинѣ дешевизны, нѣкоторою монополіей на европейскихъ рынкахъ, дотолѣ она мало чувствовала неудобство неестественнаго своего положенія. Но нынѣ, когда измѣнились всѣ условія производства въ Россіи; когда съ произведеніями ея соперничаютъ не только произведенія сосѣднихъ странъ Европы, но и Африки, Америки, Австраліи и Индіи, прорѣзываемыхъ желѣзными дорогами и оплодотворяемыхъ европейскимъ трудомъ и капиталомъ; когда всѣ эти страны далеко насъ опередили, потому, преимущественно, что южная Россія, которая одна могла бы состязаться съ ними, осталась въ первобытномъ положеніи, безъ водяныхъ и желѣзныхъ путей, и предоставленная самой себѣ,—нынѣ болѣе мѣшкать нельзя.

Не прибрежье Балтійскаго моря, не болота сѣверной полосы Россіи должны вмѣщать въ себѣ жизненныя силы государства. Да сосредоточатся онѣ на Югѣ. Туда должны быть отнынѣ направлены всѣ усилія народа. Отъ этого зависитъ экономическое возрожденіе Россіи.

Предположимъ, для болѣе яснаго обозначенія нашей мысли, что столицею Россіи былъ бы напримѣръ Кіевъ вмѣсто С.-Пе-

---

золотыя розсыпи, а безъ этого условія завоеваніе Амура Россіей есть для нея бремя, поглощающее деньги и людей, въ которыхъ избытка мы не имѣемъ. До заселенія своего, Пріамурскій край ничего разумѣется доставить не можетъ, по заселеніи же, онъ, по климату своему, въ состояніи будетъ производить лишь однородныя съ Россіею предметы; слѣдовательно обмѣна произведеній между этими двумя странами никогда быть не можетъ. Что касается Сибири, то она дѣйствительно можетъ по Амуру получать нѣкоторые товары дешевле чѣмъ изъ Россіи; но своихъ тяжеловѣсныхъ произведеній она этимъ путемъ не сбудетъ, потому что Яблоновый хребетъ, Байкальское озеро и тысячеверстное разстояніе отдѣляютъ Иркутскъ отъ того мѣста, гдѣ Амуръ становится судоходнымъ.

тербурга. Тогда произошли бы слѣдующія чрезвычайно важныя измѣненія:

1) Западныя, возвращенныя отъ Польши губерніи скрѣпились бы неразрывными узами съ остальными частями государства.

2) Россія сблизилась бы съ южно-славянскими племенами.

3) Южная полоса Имперіи воскресла бы къ новой жизни, явились бы пароходы на всѣхъ рѣкахъ, протекающихъ черезъ эту страну, и она покрылась бы сѣтью желѣзныхъ дорогъ, по которымъ ея произведенія, огромными массами, тянулись бы къ портамъ Чернаго и Азовскаго морей.

4) Наплывъ рабочихъ къ югу далъ бы возможность владѣльцамъ новороссійскихъ степей значительно усилить свои посѣвы, а съ возвышеніемъ цѣнности земель владѣльцы ихъ нашли бы выгоднымъ помыслить объ орошеніи полей; а только орошеніе можетъ сдѣлать урожаи въ степяхъ болѣе постоянными. Свободной земли въ южной Россіи находится еще достаточно для многихъ милліоновъ населенія. Стóитъ только сдѣлать доступными для частныхъ лицъ степи Донскаго войска и пространную поляну на сѣверной сторонѣ Кавказа, земли нынѣ бóльшею частію лежащія впустѣ, но принадлежащія, безъ сомнѣнія, къ самымъ благословеннымъ въ мірѣ.

5) Отъ перенесенія на югъ центра тяжести Имперіи, Россія сдѣлалась бы богаче и самостоятельнѣе. Богаче, не только потому что трудъ человѣческій, при благопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, можетъ производить на югѣ болѣе чѣмъ на сѣверѣ, но и потому что оплодотворились бы земли, нынѣ втунѣ лежащія. Россія производитъ нынѣ только хлѣбъ и нѣсколько другихъ самыхъ малоцѣнныхъ предметовъ земледѣлія и скотоводства, а потому находится въ постоянной зависимости отъ странъ болѣе южныхъ. Она стала бы тогда самостоятельнѣе, особенно еслибы она включила и Закавказскій край въ кругъ своей производительной дѣятельности.

Сырыхъ произведеній, которыя могли бы быть доставляемы, по крайней мѣрѣ отчасти, южною полосой Россіи, мы получаемъ нынѣ изъ-за границы на 35 мил. р. с. въ годъ. Главныя изъ этихъ статей суть: вина, сахаръ-сырецъ, фрукты, табакъ, краски европейскаго происхожденія, сода, шелкъ и хлопчатая бумага.

Многіе изъ этихъ предметовъ и теперь уже разводятся въ нашихъ южныхъ губерніяхъ и за Кавказомъ, но, вслѣдствіе дальней доставки ихъ оттуда на сѣверъ, однородные съ ними товары продолжаютъ приходить изъ западной Европы въ балтійскіе порты. Такъ напримѣръ, пудъ свекловичнаго сахара-сырца стóитъ на самыхъ заводахъ 4 руб., а съ доставкою въ столицы 8 руб., почему и продолжается полученіе колоніяльнаго сахара. Такъ кавказская марена все еще не успѣла вытѣснить голландскую; крымскія и кавказскія вина, по дороговизнѣ перевозки, до Петербурга вовсе не доходятъ, а табакъ малороссійскій и бессарабскій, хотя и признается отличной доброты, мало употребляется столичными нашими фабриками. Наконецъ, въ то время когда вся Европа зашевелилась и дѣлаетъ опыты разведенія хлопчатника, у насъ ни малѣйшаго вниманія не обращаютъ на то что въ Закавказскомъ краѣ и на персидскомъ прибрежьѣ Каспійскаго моря издавна произрастаетъ хлопчатникъ, и что достаточно было бы весьма небольшихъ усилій, чтобъ улучшить въ этихъ мѣстахъ породу этого растенія и увеличить его посѣвы до того, чтобы снабжать оттуда, путемъ Каспійскаго моря и Волги, наши бумагопрядильни потребнымъ для нихъ матеріяломъ.

Желательно, чтобы какъ правительство, такъ и кавказское начальство, а въ особенности пароходное общество „Кавказъ", обратили на этотъ предметъ особенное вниманіе. Послѣднее обезпечило бы черезъ это для себя постоянный и цѣнный грузъ.

Россія, будучи въ состояніи снабжать сама себя частью тѣхъ предметовъ, которые она выписываетъ нынѣ изъ-за границы, сдѣлалась бы не только независимѣе относительно сырыхъ продуктовъ, но и значительно улучшила бы свой внѣшній балансъ. Она пріобрѣла бы способы къ упроченію своей денежной системы, а когда сырые матеріялы, нужные нашимъ фабрикамъ, стали бы обходиться имъ дешевле нынѣшняго, когда часть заводовъ устроилась бы близь мѣсторожденій донскаго антрацита и они получали бы горючій матеріалъ изъ первыхъ рукъ, тогда фабриканты и заводчики не нуждались бы болѣе въ покровительственномъ таможенномъ тарифѣ, и наша промышленность стала бы наконецъ на свои ноги.

6) Дороговизна, на которую нынѣ основательно жалуются

въ Россіи, есть между прочимъ прямое послѣдствіе невыгодныхъ условій жизни въ странѣ безплодной и въ климатѣ суровомъ.

Суровость климата и сѣверная широта съ одной стороны увеличиваютъ нужды людей и требуютъ расходовъ на отопленіе и на освѣщеніе, которые неизвѣстны при климатѣ болѣе умѣренномъ, а съ другой—увеличивая нужды, сѣверный край доставляетъ менѣе южнаго предметовъ для удовлетворенія надобностей, имъ же вызванныхъ.

Изъ этого неоспоримо слѣдуетъ, что житель сѣвера долженъ или подвергнуться лишеніямъ неизвѣстнымъ для обитателей юга, или платить дорогою цѣной за то въ чемъ послѣдній вовсе не нуждается; а такъ какъ и тѣ предметы, которые производятся равно на югѣ и на сѣверѣ, здѣсь должны обходиться дороже чѣмъ при благопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, и деньги легче зарабатываются въ странахъ богатыхъ чѣмъ въ бѣдныхъ, то весьма естественно, что жизнь на сѣверѣ сопряжена съ бо́льшими лишеніями для неимущихъ, а для достаточныхъ и привыкшихъ жить по-европейски крайне дорога; потому-то всякій, къ какому бы сословію ни принадлежалъ, долженъ продавать свой трудъ или свои услуги дороже подъ 60-мъ градусомъ широты чѣмъ подъ 40-мъ, дабы пріобрѣсти ту сумму которая ему нужна для удовлетворенія потребностей, вызванныхъ мѣстными условіями жизни.

Правильность этихъ соображеній подтверждается ежедневнымъ опытомъ.

Простой народъ въ сѣверной и средней полосѣ Россіи живетъ скуднѣе чѣмъ гдѣ-либо. Онъ питается чернымъ хлѣбомъ, смѣшаннымъ часто съ мякиною; единственною почти приправою бываютъ соль и лукъ; мяса же онъ никогда не видитъ, а крѣпкихъ напитковъ потребляется въ сложности менѣе чѣмъ у жителей всѣхъ другихъ странъ Европы. Одежда его самая незатѣйливая, и жилища крайне незавидны. Скотъ содержится также скудно какъ и его хозяинъ. Въ Малороссіи, пользующейся лучшимъ климатомъ, напротивъ, несравненно болѣе довольства даже при одинаковой внѣшней или политической обстановкѣ. Въ опроверженіе этихъ замѣчаній можно было бы указать на зажиточность поселянъ въ Сибири или въ нашихъ сѣверныхъ промышленныхъ губерніяхъ, но эта зажиточность легко объясняется

тамошнимъ привольемъ, естественнымъ послѣдствіемъ безлюдности края, а въ особенности тѣмъ что потребности мѣстныхъ жителей ограничены тѣми предметами, которые они или сами производятъ или которые имъ сподручны. Всякія же дальнѣйшія затѣи имъ недоступны: Сибирь обѣтованная страна крестьянъ; но кто захотѣлъ бы тамъ подняться надъ крестьянскимъ бытомъ, почувствовалъ бы, что силъ на это не хватитъ, потому что предметовъ роскоши купить не на что.

Въ Россіи было жить дешево, пока всѣ жили неприхотливо, и рабочіе нанимались изъ-за насущнаго хлѣба. Но такъ-называемая нѣмецкая работа всегда была дорога, потому что ремесленникъ, привыкшій къ лучшему образу жизни, долженъ былъ безмѣрно возвышать рабочую плату.

Но когда всюду завелась нѣкоторая роскошь, когда крестьянамъ сдѣлалась нужна и красная рубаха и женамъ ихъ ситцевое платье, а нерѣдко чай и сахаръ; когда въ купеческомъ и въ особенности въ дворянскомъ быту образъ жизни совершенно измѣнился, и потому требуется болѣе средствъ: дороговизна стала безмѣрно возрастать, и хотя во всей Европѣ замѣтно не малое возвышеніе цѣнъ вслѣдствіе открытія золотыхъ розсыпей въ Сибири, Калифорніи и Австраліи, и отчасти вслѣдствіе постепенно-усиливающейся потребности въ рабочихъ и улучшающагося положенія этихъ послѣднихъ, но такого быстраго возрастанія цѣнъ какъ въ Россіи не только послѣ восточной войны, но и прежде ея, нигдѣ не замѣчено.

С.-Петербургъ въ особенности страдаетъ отъ недуга дороговизны, съ одной стороны потому что, подъ вліяніемъ самыхъ невыгодныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій, все обходится тамъ дороже чѣмъ гдѣ-либо, а съ другой—вслѣдствіе бо́льшаго развитія роскоши въ потребностяхъ столицы чѣмъ въ другихъ городахъ.

Для укрѣпленія строеній на болотномъ грунтѣ требуются неизвѣстные въ другихъ мѣстахъ расходы. Болотистая почва препятствуетъ также устройству хорошей мостовой, а непостоянство климата дѣйствуетъ разрушительно на всѣ сооруженія. Суровыя зимы требуютъ особой прочности домовъ и большихъ расходовъ на ихъ отопленіе. Для защиты себя отъ вліянія непостояннаго климата нужно имѣть болѣе разнообразное верхнее платье, чѣмъ гдѣ-либо, а такъ

какъ, несмотря на это, организмъ не имѣетъ времени окрѣпнуть, то болѣзней и расходовъ на медиковъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо.

Это относится ко всѣмъ классамъ народа, и потому едва ли гдѣ-либо есть столько больницъ, какъ въ С.-Петербургѣ.

Окрестности столицы, кромѣ сѣна и овощей, ничего не производятъ, и несмотря на близость моря и множество искусственныхъ путей, ведущихъ къ С.-Петербургу, все обходится дорого; промышленный классъ продаетъ свои услуги за цѣну тѣмъ высшую, чѣмъ бо́льшими удобствами жизни онъ привыкъ пользоваться, а всякое удобство обходится такъ дорого, что оно сто на сто возвышаетъ расходы семейства. Между жизнью полною всякихъ лишеній и жизнью сопряженною съ нѣкоторымъ комфортомъ въ Петербургѣ нѣтъ середины. Понятно послѣ этого, что жизнь петербургская полна лишеній для недостаточныхъ, а люди богатые за тѣ же деньги могутъ жить пріятнѣе въ западной Европѣ. За тѣмъ выдерживаютъ петербургскую дороговизну только тѣ, которые или по обстоятельствамъ принуждены тамъ оставаться, или, пользуясь высокими цѣнами за услуги, надѣются быстро нажиться.

Представляя жителямъ своимъ удобства европейской жизни, С.-Петербургъ былъ предметомъ стремленій обитателей провинцій, пока они не имѣли случая сравнить его съ заграничными городами; но когда установилось легкое сообщеніе съ Западомъ, невыгоды сѣверной столицы явились въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ.

Едва ли такое положеніе способно содѣйствовать обогащенію Россіи и развитію промышленныхъ ея силъ. Едва ли отъ этого выигрываетъ и нравственная сторона народа. Столица воспитываетъ цвѣтъ юнаго поколѣнія Россіи. Данное ему направленіе отзывается во всѣхъ слояхъ народа. А юноши, отлученные отъ природы, лишенные всякихъ естественныхъ удовольствій и ощущеній, выращенные узниками въ стѣнахъ громадныхъ зданій, подъ свинцовымъ небомъ Петербурга, не могутъ быть здоровы ни тѣломъ, ни душою.

7) Изъ Россіи ѣздятъ за границу или для цѣлей промышленныхъ и ученыхъ, или для поправленія здоровья, на воды, и въ страны пользующіяся теплымъ климатомъ. Многіе однако уѣзжаютъ единственно для развлеченія или

для экономіи. Всего болѣе денегъ вывозится столичными жителями, которые тяготятся дороговизною и тяжелымъ климатомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при бóльшихъ удобствахъ жизни у себя, они менѣе стали бы искать ихъ внѣ своего отечества. Если бы утонченности петербургской жизни были перенесены подъ солнце южной Россіи, не было бы надобности въ подобномъ переселеніи. Притомъ южная Россія представляетъ много лѣчебныхъ средствъ, какъ-то крымскія и одесскія соляныя грязи, купанье въ Черномъ морѣ и кавказскія минеральныя воды. Слѣдовательно Россія теряетъ многіе милліоны, вывозимые ежегодно путешественниками за границу, потому только что столица Имперіи находится на сѣверѣ.

Все это приняло бы другой видъ еслибы столица была на югѣ. Вся жизнь русская сложилась бы тогда иначе. Будетъ ли когда-либо исправлена невольная ошибка сдѣланная Петромъ Великимъ,—никто теперь сказать не можетъ; не подлежитъ однако сомнѣнію, что экономическая будущность Россіи зависитъ отъ той степени развитія, которая впредь будетъ дана южнымъ губерніямъ, хотя бы въ ущербъ сѣвернымъ.

III. Сокращеніе внѣшнихъ расходовъ.

Всѣ согласны въ необходимости уравновѣсить внѣшній балансъ Россіи, то есть сократить платежи, какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ за границею и усилить на столько отпускъ туда отечественныхъ произведеній, чтобы покрывать ими всѣ внѣшніе платежи, ибо текущіе расходы ни въ какомъ случаѣ не должны превышать доходовъ, получаемыхъ отъ народнаго труда. Поэтому, имѣя въ виду, какъ выведено было въ началѣ этой статьи, что Россія въ послѣдніе годы приплачивала постоянно болѣе 50 милліоновъ руб. с. въ годъ изъ народнаго дохода для покрытія своихъ заграничныхъ расходовъ, надобно полагать, что на будущее время было бы необходимо сократить внѣшніе платежи на одну половину этой суммы, и на столько же усилить производительность Россіи. Это тѣмъ болѣе нужно, что съ 1862 года обязательные платежи правительства за границею увеличились еще на 10 милліоновъ руб. с., вслѣдствіе займа заключеннаго у Ротшильда и платежа процен-

товъ по акціямъ и облигаціямъ Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ, принятаго, въ 1861 году, государственнымъ казначействомъ на себя. Слѣдовательно необходимо пріискать особыя средства и для покрытія этихъ новыхъ долговъ.

Собственно правительственные платежи за границею состоятъ: 1) въ процентахъ по внѣшнимъ займамъ, которые коммиссія погашенія долговъ обязана частью уплачивать иностранною монетой, частію же рублями по курсу; 2) въ суммахъ отпускаемыхъ на погашеніе этихъ долговъ по тиражу; 3) въ расходахъ по разнымъ заказамъ, особенно, морскаго и военнаго министерствъ; 4) въ жалованьи агентамъ правительства и 5) въ пенсіяхъ и пособіяхъ разнымъ лицамъ.

Многія европейскія правительства, особенно французское, неоднократно понижали проценты по своимъ займамъ и этимъ достигали не малыхъ сбереженій, но подобная операція возможна лишь при цвѣтущемъ состояніи финансовъ государства и при изобиліи свободныхъ капиталовъ въ странѣ; въ настоящее же время для Россіи подобный оборотъ не выполнимъ.

Значительное сбереженіе можно было бы сдѣлать превративъ наши внѣшніе займы, погашаемые по тиражу, въ непогашаемые, на подобіе французскихъ, англійскихъ и билетовъ русскаго 3% займа, заключеннаго въ 1859 г. Сумма, могущая быть сберегаемою на этомъ основаніи, не ограничивалась бы прекращеніемъ отпуска погасительнаго процента, простирающагося, по приблизительному разчету, до $5\frac{1}{2}$ милліоновъ р. с. въ годъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сберегалась бы и та часть процентовъ, которая падаетъ на погашенный уже капиталъ, а эта сумма, по нѣкоторымъ займамъ, должна быть весьма значительна.

Обязательное погашеніе займовъ посредствомъ тиража или жребія, принятое относительно всѣхъ почти займовъ, заключенныхъ въ прежнее время Россіей, имѣетъ неоспоримыя выгоды, особенно тамъ, гдѣ нельзя разчитывать на то, что правительство, безъ понужденія, станетъ погашать свои долги, но при явной невозможности производить это погашеніе изъ сбереженій по бюджету, слѣдовало бы его совершенно отмѣнить, что частью и сдѣлано правительствомъ относительно займовъ, заключенныхъ имъ въ

новѣйшее время, ибо относительно этихъ займовъ постановлено условіемъ отложить обязательное погашеніе на 20 лѣтъ.

Сокращеніе остальныхъ частей внѣшнихъ расходовъ правительства зависитъ отъ особыхъ соображеній; желательно однако, чтобъ оно оказалось возможнымъ.

Суммы, расходуемыя частными лицами за границею, обращаются или на уплату за полученные оттуда товары, или на содержаніе Русскихъ, проживающихъ внѣ своего отечества.

Товары доставляемые изъ-за границы суть или такіе, которыхъ въ Россіи вовсе нѣтъ, и тогда уменьшеніе ихъ привоза было бы сопряжено съ лишеніемъ для потребителей, или такіе, которые имѣются въ Россіи, хотя низшаго достоинства или дороже.

Еслибы правительство въ видахъ необходимаго улучшенія торговаго баланса нашло нужнымъ содѣйствовать уменьшенію привоза наложеніемъ высокихъ пошлинъ на иностранные товары, то происшедшее отъ этой мѣры стѣсненіе для потребителей могло бы быть скорѣе оправдано нежели вредъ который бы эта мѣра причинила отечественной промышленности; послѣдняя, полагаясь на покровительство, можетъ быть вовлечена въ неосновательныя предпріятія, кончающіяся всегда раззореніемъ предпринимателей. Мы впрочемъ вообще сомнѣваемся, чтобы этимъ способомъ могло быть достигнуто чувствительное сокращеніе привоза мануфактурныхъ товаровъ и всякихъ предметовъ роскоши. Такое сокращеніе послѣдуетъ и безъ того отъ общаго безденежья [1]. Притомъ, повторяемъ, всякое временное измѣненіе таможеннаго тарифа, особенно если оно относится къ статьямъ, составляющимъ предметъ отечественной производительности, не можетъ быть не признано опаснымъ, такъ какъ вызываетъ предпріятія, рушащіяся при перемѣнѣ тарифа.

Болѣе дѣйствительное средство, какъ противъ явнаго, такъ и тайнаго провоза многихъ иностранныхъ товаровъ,

---

[1] Привозъ иностранныхъ товаровъ въ 1862 году замѣтно уменьшился противъ предыдущихъ лѣтъ. Притомъ почти совершенное прекращеніе привоза хлопка послужитъ къ возстановленію торговаго баланса, хотя и въ ущербъ отечественной промышленности.

заключается въ развитіи отечественной промышленности вообще, а этого можно ожидать лишь подъ условіемъ перенесенія русской жизни въ край богатый. Но, какъ само собой разумѣется послѣдствія этой мѣры не могутъ оказаться въ скоромъ времени.

Видя, что русскіе путешественники увозятъ за границу ни какъ не менѣе 20 милліоновъ рублей въ годъ, и что сохраненіе этой суммы въ странѣ облегчило бы настоящее затруднительное положеніе, нельзя не согласиться, что правительство въ правѣ ожидать отъ всякаго любящаго свою родину, что онъ охотно откажется отъ задуманной поѣздки, если она не представляется необходимою и если притомъ правительствомъ будутъ приняты всѣ зависящія отъ него мѣры для устраненія тѣхъ разумныхъ причинъ, которыя нынѣ побуждаютъ Русскихъ къ выѣзду и проживанію за границею. Но дѣло по необходимости ограничивается тутъ одними ожиданіями, а законодательными мѣрами затруднять выѣздъ за границу было бы не согласно съ новымъ, всѣми искренно привѣтствуемымъ направленіемъ русской внутренней политики.

Нельзя однако не замѣтить, что ни одна страна въ мірѣ, кромѣ Англіи, у которой находятся въ долгу всѣ государства Европы, не могла бы существовать при ежегодномъ безвозвратномъ вывозѣ за границу столь огромныхъ суммъ, какъ тѣ, которыя нынѣ расходуются Русскими въ чужихъ краяхъ.

Всѣмъ извѣстно, что одна изъ главныхъ причинъ нищеты Ирландіи заключалась въ томъ, что всѣ богатые владѣльцы этой страны проживали внѣ своей родины. Та же участь ожидаетъ Россію, если настоящій порядокъ не измѣнится.

Таковы средства къ сокращенію расходовъ Россіи за границею. Обратимся нынѣ къ тѣмъ, чрезъ которыя можетъ быть усилена производительность государства.

IV. Средства оживленія земледѣлія и промышленности.

Въ сѣверной полосѣ Россіи земледѣліе не представляетъ достаточныхъ выгодъ, а опытомъ дознано, что и мануфактурная промышленность процвѣтаетъ лишь въ странахъ

густо населенныхъ и изобилующихъ капиталомъ, который накопляется только при условіяхъ, благопріятствующихъ успѣшной производительности. Такъ напримѣръ въ горахъ саксонскихъ и швейцарскихъ мануфактурная промышленность процвѣтаетъ лишь при помощи тѣхъ капиталовъ, которые составились въ иныхъ мѣстностяхъ этихъ же государствъ чрезъ земледѣліе или торговлю. Мануфактурному производству въ этихъ горахъ содѣйствуютъ притомъ въ Швейцаріи водяная сила, а въ Саксоніи изобиліе каменнаго угля. Одна дешевизна рабочей платы, вызвавшая въ нѣкоторыхъ скудныхъ нагорныхъ мѣстностяхъ западной Европы разные рукодѣльные промыслы, никогда не обогащала этихъ странъ; она спасала лишь жителей отъ голодной смерти. Ту же будущность готовятъ сѣверной Россіи водворившіеся тамъ промыслы, которыхъ существованіе обусловливается единственно дешевизною работы. Промыслы эти обезпечиваютъ существованіе жителей, но никогда не позволятъ имъ значительно улучшить свой бытъ, и при соперничествѣ фабрикъ, возникшихъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ и въ мѣстностяхъ обильныхъ капиталами, нынѣшняя деревенская промышленность исчезнетъ.

По этимъ причинамъ мануфактурная промышленность, не менѣе земледѣльческой, должна отыскивать мѣстности, гдѣ успѣхъ ея обезпечивался бы благопріятными условіями и представлялась бы возможность къ легкому составленію капиталовъ не только путемъ фабричнаго, но и земледѣльческаго и торговаго производства. Южная Россія, какъ страна вообще богатая, представляетъ въ этомъ отношеніи болѣе выгодныя условія чѣмъ сѣверная, а потому, со временемъ, издѣльные промыслы найдутъ болѣе выгоднымъ основаться тамъ чѣмъ на безплодномъ сѣверѣ.

Что касается степей Новороссійскаго края, представляющихъ наиболѣе простора земледѣльцамъ, то урожаю нерѣдко препятствуютъ тамъ засухи. Отъ дѣйствія ихъ можно было бы избавиться только глубокою распашкой земли, разведеніемъ лѣсовъ и мѣстами искусственнымъ орошеніемъ, но такъ какъ рѣки въ степяхъ текутъ въ глубокихъ руслахъ, то вода могла бы быть поднята до уровня полей не иначе какъ посредствомъ паровыхъ машинъ, что едва ли не превышаетъ средствъ отдѣльныхъ хозяевъ и

требуетъ, содѣйствія всего земства. Поливка нужна въ маѣ, когда даже въ самыхъ незначительныхъ рѣкахъ еще достаточно воды, и когда, посредствомъ запрудъ, она могла бы сохраниться и въ оврагахъ. Производительность Новороссійскаго края увеличилась бы чрезъ орошеніе втрое и вчетверо.

Не менѣе орошенія нужно удобреніе полей, и пока скотскій пометъ и солома будутъ, во всей южной Россіи, употребляться вмѣсто горючаго матеріяла, сельское хозяйство процвѣтать не можетъ. Для замѣна ихъ требуются, или лѣсныя насажденія, или разработка торфяниковъ, или наконецъ снабженіе всего южнаго края дешевымъ углемъ, а это тѣмъ болѣе необходимо, что въ хозяйствахъ южной Россіи употребленіе паровой силы умножитъ надобность въ топливѣ.

Возможность доставки угля изъ отдаленныхъ мѣстъ обусловливается, однако, состояніемъ путей сообщенія, которыхъ въ южной Россіи мало. Небольшое число рѣкъ, прорѣзывающихъ новороссійскія степи, пересѣкаются каменною грядой, идущею отъ Карпатскихъ горъ къ востоку и образующею рядъ пороговъ на Днѣстрѣ, Бугѣ и Днѣпрѣ. Къ устраненію ихъ очень мало сдѣлано. Притомъ, отъ повсемѣстнаго истребленія лѣсовъ, вода въ этихъ рѣкахъ столь же быстро прибываетъ весною, какъ потомъ спадаетъ; такъ что запустѣніе лѣсистой полосы Россіи и прекращеніе тамъ рубки лѣсовъ было бы истиннымъ благодѣяніемъ для плавающихъ по рѣкамъ южной Россіи, которыя принимаютъ частію свое начало на дальнемъ сѣверѣ.

Шоссе устраивать въ южной Россіи трудно по недостатку твердаго камня, а всѣ предположенія о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ были отклоняемы до окончанія линій, строившихся на сѣверѣ. Между тѣмъ сооруженіе не военныхъ, не увеселительныхъ, а товарныхъ, истинно производительныхъ желѣзныхъ дорогъ, признается всѣми первымъ условіемъ преуспѣянія Россіи. Къ быстрому, однако, ихъ устройству могли бы представиться затрудненія отъ недостатка капиталовъ и рабочихъ рукъ. Послѣднее заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что при малонаселенности Россіи отвлеченіе огромнаго числа рабочихъ отъ обычныхъ занятій, могло бы имѣть крайне вредное вліяніе на земледѣліе. Но надобно принять съ другой стороны во вниманіе: 1) что нигдѣ человѣческій трудъ не расточается

столь безразсудно какъ въ Россіи, гдѣ, напримѣръ, многія тысячи людей заступаютъ мѣсто лошадей, занимаясь тягою рѣчныхъ судовъ, гдѣ нерѣдко, къ каждому одноконному возу приставляется по человѣку, гдѣ мущины, въ цвѣтѣ лѣтъ, находятъ прибыльнымъ заниматься продажею пряниковъ и сбитня, и гдѣ милліоны въ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ живутъ на почвѣ столь не благодарной, что она, при самомъ усиленномъ трудѣ, едва ихъ прокармливаетъ; 2) что изъ 723 тысячъ мужскаго пола душъ дворовыхъ людей, освобожденныхъ притомъ на десять лѣтъ отъ рекрутской повинности, многіе нынѣ остаются безъ всякихъ занятій и, будучи большею частію неспособны къ полевымъ работамъ, скорѣе пригодятся быть землекопами; 3) что имѣя въ виду предстоящія на многіе годы безпрерывныя работы по желѣзнымъ дорогамъ въ краѣ, гдѣ работа будетъ прерываема не болѣе какъ на 2 — 3 зимніе мѣсяца, можно было бы составлять рабочія артели изъ иностранцевъ, Европейцевъ или жителей сосѣднихъ турецкихъ областей; 4) наконецъ, что наши арестантскія роты военнаго и гражданскаго вѣдомствъ нынѣ уже до того переполнены, что затрудняютъ правительство, а при предстоящемъ преобразованіи уголовнаго судопроизводства и наказаній еще болѣе наполнятся, и потому могло бы казаться полезнымъ употреблять арестантовъ для работъ на желѣзныхъ дорогахъ. Изъ соображенія этихъ обстоятельствъ выходитъ, что работа на желѣзныхъ дорогахъ, правильно и систематически организованная, не только не отвлечетъ русскаго населенія отъ болѣе производительныхъ занятій [1], но обратитъ къ полезному труду людей праздныхъ и даже можетъ содѣйствовать къ скорѣйшему заселенію какъ Русскими, такъ и иностранцами тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя будутъ проходить дороги. Такимъ образомъ исполнилась бы одна изъ задачъ, которыя предлежитъ разрѣшить южно-русскимъ желѣзнымъ путямъ, долженствующимъ окупаться не столько прямыми доходами, получаемыми отъ перевозки грузовъ,

[1] По случаю предвидимаго въ Новороссійскомъ краѣ голода, открытіе тамъ новыхъ работъ оказывается особенно полезнымъ. Работы могли бы служить также подспорьемъ для рабочихъ остающихся безъ занятія по случаю закрытія многихъ бумагопрядиленъ.

сколько увеличеніемъ доходовъ съ земель, находящихся въ районѣ дорогъ.

Еслибы, напримѣръ, чистый доходъ отъ дороги составлялъ не болѣе 3%, а сосѣдніе съ дорогою землевладѣльцы, во вниманіи къ увеличившейся доходности своихъ имѣній, согласились обложить себя поземельною податью, равняющеюся еще 3%, то дорогу нельзя не считать окупившеюся. На этомъ именно основаніи сооружались желѣзныя дороги въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, а потому тѣ, которые судили бы о доходности ихъ по одной цифрѣ дивидендовъ, получаемыхъ отъ перевозки клади и пассажировъ, крайне бы ошиблись.

Тамъ акціонеры разчитываютъ также на дополнительный доходъ отъ прилегающихъ къ дорогѣ земель, которыя ими предварительно скупаются или съ владѣльцами которыхъ они заключаютъ особое условіе. Часто также правительство штатовъ, чрезъ которые проходитъ дорога, облагая сосѣднія къ дорогѣ земли особымъ налогомъ, дѣлаетъ отъ себя пособіе строителямъ дороги.

При надлежащемъ удостовѣреніи въ томъ, что дороги тѣмъ или инымъ путемъ покроютъ проценты капитала употребленнаго на ихъ постройку, не встрѣтится затрудненія въ пріисканіи этого капитала въ Россіи или заграницею, а за тѣмъ вопросъ о возможности быстраго сооруженія дорогъ должно считать рѣшеннымъ.

Относительно направленія необходимѣйшихъ линій, публика, кажется, согласна, что наиболѣе настоитъ надобности въ линіяхъ: 1) изъ Москвы чрезъ Курскъ въ Кіевъ и Одессу; 2) изъ Курска на Харьковъ, Бахмутъ, къ каменноугольнымъ копямъ, чрезъ землю Донскихъ казаковъ въ Кавказскую область и къ тамошнимъ минеральнымъ водамъ; 3) изъ Орла въ Динабургъ для соединенія съ Ригою; 4) изъ Харькова къ крымскимъ солянымъ озерамъ; 5) изъ Коломны по направленію къ Саратову до Козлова, Моршанска или Тамбова; 6) изъ Рыбинска до Бологова; 7) изъ Перми до Тюмени.

Многіе утверждаютъ не безъ нѣкотораго основанія, что должаться вновь за границею и увеличивать чрезъ то внѣшніе наши платежи, сопряжено съ нѣкоторою опасностью, потому что сколько бы въ сложности ни увеличивалась чрезъ новые пути производительность Россіи и

вмѣстѣ съ тѣмъ отпускъ товаровъ за границу, все же при какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствахъ могутъ выдаваться годы, когда, по незначительности отпускной торговли, внѣшніе платежи лягутъ тяжкимъ бременемъ на вексельный курсъ, что̀, при большомъ количествѣ обращающихся въ Россіи бумажныхъ денегъ, крайне опасно.

Съ другой стороны, примѣръ Австріи доказываетъ, что нѣсколько удачно проложенныхъ линій желѣзныхъ дорогъ въ состояніи спасти государство отъ банкротства, ибо финансы Австріи, ея кредитъ и цѣнность бумажныхъ денегъ, поддерживаются нынѣ единственно значительнымъ отпускомъ за границу хлѣба и другихъ произведеній, начавшимся со времени открытія желѣзныхъ путей связывающихъ внутреннія области Венгріи съ Адріатическимъ моремъ и съ западною Европой вообще [1]. Поэтому хотя бы и желательно было строить дороги на русскій, а не на чужой капиталъ и пріобрѣтать всѣ принадлежности дороги въ Россіи, а не заграницею, но при невозможности имѣть у себя ни денегъ, ни рельсовъ, ни паровозовъ, надобно, не останавливаясь, брать эти предметы тамъ, откуда они предлагаются. Всякая дальнѣйшая медлительность въ сооруженіи у насъ желѣзныхъ дорогъ становится не ошибкою, а преступленіемъ, тѣмъ болѣе что давно уже не было за границею такого избытка въ праздныхъ капиталахъ, какъ теперь. Учетный процентъ въ Лондонѣ едва достигаетъ 2%.

Австрійское правительство, которое для усовершенствованія путей въ своемъ государствѣ сдѣлало самыя большія усилія, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ, будучи вынуждено прибѣгать для этой цѣли къ пособію иностранныхъ капиталистовъ, постепенно продавало уже оконченныя дороги, дабы имѣть средства къ сооруженію новыхъ, и хотя, быть-можетъ, продажи эти не всегда бывали довольно выгодны для государственнаго казначейства [2], но край несомнѣнно

---

[1] По австрійскимъ желѣзнымъ дорогамъ перевезено въ 1861 году разнаго хлѣба 92 милл. пудовъ, а рѣчными путями 37 милл. пуд. За границу отпущено изъ Австріи хлѣба по сложности 1841—1850 годъ 1.380.000 центнеровъ въ годъ, а въ 1861 году 8.580.000 центнеровъ или 21½ милл. пудовъ.

[2] Имѣя въ виду, что доходы съ желѣзныхъ дорогъ постепенно возрастаютъ, продажа ихъ дѣйствительно оказывается невыгодною, но вмѣсто продажи можно было бы выпускать для постройки новыхъ дорогъ облигаціи, обезпечиваемыя доходомъ, получаемымъ съ дорогъ уже находящихся въ дѣйствіи.

выигрывалъ, вслѣдствіе открытія новыхъ источниковъ богатства; имъ обязана Австрія возможностью выносить, не унывая, страшное бремя ежегодно возрастающихъ налоговъ.

Вмѣстѣ съ желѣзными дорогами и для той же цѣли, продавались также австрійскимъ правительствомъ горные заводы и разныя другія государственныя имущества. Примѣру этому можно было бы послѣдовать и у насъ, съ цѣлью привлеченія иностранныхъ капиталовъ.

Но промышленность и земледѣліе нуждаются сверхъ капиталовъ еще въ рабочей силѣ.

Сдѣланный многими землевладѣльцами опытъ найма рабочихъ въ Германіи не удался, и нельзя этому удивляться, потому что одиночками приходятъ обыкновенно только люди мало способные; даже лучшіе изъ нихъ легко развращаются, когда не находятъ поддержки въ своей общинѣ. Потому для успѣха колонизаціи требуется переселеніе иностранцевъ цѣлыми селеніями, съ предоставленіемъ имъ въ пользованіе или въ собственность достаточнаго количества земли казенной или частной.

Неудачные опыты колонизаціи, сдѣланные нынѣ въ Крыму, доказываютъ только, что дѣло это трудно и требуетъ болѣе заботливости сколько чѣмъ привыкло имѣть наше чиновничество. Вредъ, который наносятъ репутаціи Россіи возвратившіеся недовольные Нѣмцы, Чехи и Болгары, ничѣмъ неисправимъ. Позволительно думать, что еслибы, по введеніи одного общаго управленія крестьянскимъ населеніемъ, было учреждено въ Россіи особое министерство земледѣлія и промышленности, которое имѣло бы обязанность пещись о всѣхъ отрасляхъ отечественной промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о колонизаціи, то переселеніе иностранцевъ производилось бы болѣе систематически, ибо всякій колонистъ зналъ бы куда ему обратиться, тогда какъ теперь одни относятся въ министерство государственныхъ имуществъ, а другіе—въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Смотря съ этой стороны на раздачу, въ послѣдніе годы, весьма значительнаго количества казенныхъ земель въ Самарской и Ставропольской губерніяхъ, въ награду за заслуги гражданскимъ и военнымъ чинамъ, придемъ къ заключенію, что эта мѣра, долженствовавшая содѣйствовать заселенію этихъ мѣстъ, послужитъ только препятствіемъ къ нему, потому что переселенцы пошли бы скорѣе на

казенную, чѣмъ на частную землю, а денежные способы къ заселенію своихъ земель имѣютъ весьма немногіе изъ новыхъ владѣльцевъ; средствъ же этихъ, при безлюдности степныхъ губерній и происходящей отъ того необходимости выписывать рабочихъ издалека, требуется много.

Не безосновательно кажется опасеніе, что въ ближайшее время послѣ прекращенія барщины во владѣльческихъ имѣніяхъ количество хлѣба обращаемое нынѣ въ продажу уменьшится. Дѣйствительно должно ожидать, что въ многоземельныхъ губерніяхъ, которыя производятъ наиболѣе хлѣба, крестьяне ограничатся обработкою собственнаго своего надѣла, тогда какъ помѣщики, по недостатку денежныхъ средствъ и вольныхъ рабочихъ, или вовсе прекратятъ, или уменьшатъ свои посѣвы. Между тѣмъ, хотя бы поселяне обрабатывали свою землю лучше прежняго и расширили бы свои поля, трудъ ихъ, раздробленный на множество мелкихъ хозяйствъ, произведетъ менѣе чѣмъ пока онъ былъ сосредоточенъ въ одномъ обширномъ имѣніи. Это доказывается повсемѣстнымъ опытомъ: всякому извѣстно, что сто рабочихъ, при надлежащемъ распредѣленіи труда, въ одномъ фабричномъ заведеніи, произведутъ болѣе, чѣмъ ежели каждый изъ нихъ будетъ трудиться отдѣльно. Притомъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ и рабочій скотъ и орудія должны быть лучше чѣмъ у крестьянъ, у которыхъ механическихъ приспособленій не можетъ быть никакихъ.

Наконецъ, есть много отраслей сельскаго хозяйства, которыя составляютъ исключительную принадлежность обширныхъ хозяйствъ и которыя замѣтно уже пострадали отъ прекращенія обязательнаго труда. Таковы тонкорунное овцеводство, коневодство и тому подобное.

Едва ли не одно изъ самыхъ важныхъ затрудненій для мелкихъ хозяйствъ заключается въ сбытѣ ихъ произведеній, ибо, при отдаленности рынковъ, крестьянину труднѣе до нихъ добраться съ небольшимъ своимъ запасомъ чѣмъ помѣщику, у котораго накопляется болѣе значительное количество произведеній, а скупщикамъ легче пріобрѣтать хлѣбъ разъѣзжая по владѣльческимъ усадьбамъ, чѣмъ вести счеты съ каждымъ крестьяниномъ отдѣльно.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что крестьянинъ, выращающій болѣе хлѣба, станетъ и самъ употреблять лучшую,

пищу, и сколь бы это ни было желательно, но для продажи останется хлѣба менѣе.

Непроизводительность крестьянскаго хозяйства подтверждается примѣромъ государственныхъ поселянъ, которые, въ числѣ до 10 милл. душъ мужескаго пола, владѣя 66 милл. десятинъ удобной земли, то-есть почти вдвое болѣе узаконеннаго надѣла владѣльческихъ крестьянъ, доставляютъ для продажи весьма мало хлѣба и притомъ всегда низкой доброты, тогда какъ не менѣе 30—35 милл. четвертей, ежегодно потребляемыхъ городскимъ населеніемъ, войскомъ, винокуренными заводами и отправляемыхъ за границу, преимущественно выращаются на земляхъ частныхъ владѣльцевъ.

Такая неудовлетворительность хозяйства у государственныхъ поселянъ, безъ сомнѣнія, происходитъ отчасти отъ общиннаго у нихъ владѣнія землею, а потому до совершенной отмѣны передѣловъ общинной земли никакого успѣха въ крестьянскомъ хозяйствѣ ожидать нельзя. Притомъ безпрерывный передѣлъ земель способствуетъ раздробленію семействъ, губительному для крестьянскихъ хозяйствъ. Ни сельскій, ни другой какой-либо промыселъ не можетъ производиться безъ помощи нѣкотораго капитала, состоящаго въ орудіяхъ, рабочемъ скотѣ и въ людской рабочей силѣ, а извѣстно что при дробленіи крестьянскихъ семействъ недостатокъ во всемъ этомъ встрѣчается постоянный [1]. Съ другой стороны желательна отмѣна мѣръ, препятствующихъ образованію класса батраковъ въ Россіи. Мелкія хозяйства окупаются только тамъ, гдѣ самый дорогой изъ факторовъ земледѣльческаго производства есть земля, а самый дешевый - человѣческій трудъ; гдѣ же напротивъ, какъ въ Россіи, существуетъ совершенно обратное отношеніе, тамъ прибыльнѣе крупныя хозяйства, которыя безъ батраковъ существовать не могутъ. Потому желающіе, изъ человѣколюбія, уничтожить у насъ этотъ классъ людей, обрекаютъ Россію на вѣчную бѣдность и неразвитость, отнимая у нея

---

[1] Мы не думаемъ, чтобы слѣдовало противодѣйствовать дробленію дворовъ въ Великой Россіи, такъ какъ законодательныя мѣры, принимаемыя въ этомъ направленіи, могли бы имѣть вредное вліяніе на семейный бытъ. Но предполагаемая подворная подать будетъ вѣроятно дѣйствовать въ этомъ отношеніи съ большою пользой, воздерживая отъ раздѣловъ, не вызываемыхъ необходимостію. *Ред.*

возможность пользоваться тѣми усовершенствованіями, которыя требуютъ капитала и познаній.

Хозяйства, устроенныя въ обширныхъ размѣрахъ, съ значительнымъ оборотнымъ капиталомъ, благодѣтельны для всего окольнаго населенія; они служатъ примѣромъ; гдѣ существуютъ одни крестьянскія хозяйства, тамъ земледѣліе не подвигается. Это видно не только въ округахъ, заселенныхъ преимущественно государственными крестьянами, но и въ саратовскихъ и самарскихъ колоніяхъ Нѣмцевъ, у которыхъ земледѣліе остановилось на той точкѣ, на которой оно было сто лѣтъ тому назадъ.

Ни Соединенные Штаты Америки, ни Канада, не сдѣлали бы столь быстрыхъ, какъ нынѣ, успѣховъ въ земледѣліи безъ постояннаго прилива рабочихъ изъ Европы, которые сообщали Американцамъ новѣйшіе европейскіе пріемы и вмѣстѣ съ тѣмъ, служа у нихъ батраками, давали возможность существовать обширнымъ хозяйствамъ.

Итакъ, независимо отъ привлеченія иноземныхъ рабочихъ, одна изъ главныхъ задачъ заключается въ разумномъ употребленіи тѣхъ рабочихъ силъ, которыя у насъ уже имѣются, и въ надлежащемъ ихъ сбереженіи. Между тѣмъ въ Россіи населеніе приращается медленно [1], и вмѣстѣ

---

[1] Въ 1836 году считалось:

	Мужскаго пола.	
1) Крестьянъ государственныхъ	8.875.836	душъ.
2) Крестьянъ помѣщичьихъ . . .	10.792.692	—
3) Колонистовъ	147.301	—
4) Мѣщанъ и цеховыхъ	1.339.434	—

Въ 1858 году оказалось: № 1-го 9.785.745. № 2-го 10.972.919. № 3-го 203.923. № 4-го 1.543.257.

Слѣдовательно въ теченіи болѣе 20 лѣтъ приращеніе было по № 1-му 10%, по № 2-му $1^6/_{10}$%, по № 3-му 38% (а если исключить болгарскія колоніи, изъ коихъ часть перешла къ Молдавіи, 53%); по № 4-му 15%. Всего считалось жителей мужскаго пола (за исключеніемъ Закавказья, Польши, Финляндіи и Американскихъ владѣній) въ 1836 году 25.434.806, а въ 1858 году 28.877.538.

Изъ этого видно, что все населеніе мужскаго пола Имперіи, въ 22 года, увеличилось на 13%, то есть на $^6/_{10}$% въ годъ, тогда какъ въ Пруссіи, въ это время, приращеніе лицъ мужскаго пола составляло $^9/_{10}$ % въ годъ. Число крестьянъ всѣхъ наименованій и мѣщанъ вмѣстѣ, въ эти 22 года, увеличилось на 6%, то-есть увеличивалось на 0,27% въ годъ. Колонисты же, неподлежащіе рекрутской повинности и вообще живущіе въ большемъ

съ тѣмъ едва ли гдѣ-либо происходитъ подобная трата силъ и времени. Праздниками и воскресными днями отнимается цѣлая треть года, потеря особенно чувствительная въ сѣверномъ климатѣ, гдѣ и холодъ и короткіе зимніе дни безъ того оставляютъ мало времени для работы на открытомъ воздухѣ. Вообще нигдѣ такъ мало не дорожатъ временемъ, какъ въ Россіи и въ этомъ, къ сожалѣнію, отчасти виноваты сами административныя и судебныя учрежденія (теперь какъ извѣстно реформируемыя), подавая примѣръ расточительности и заставляя людей, имѣющихъ съ ними дѣло, проводить не дни, а годы, въ бѣготнѣ и ожиданіяхъ.

Та же неразчетливость и безхозяйственность мѣшаетъ и всякимъ сбереженіямъ и накопленію капиталовъ. Не будемъ указывать на то что сберегательныя кассы по сіе время имѣли весьма мало успѣха: тому могутъ быть многія постороннія причины. Но обратимъ только вниманіе на сплошные падежи скота, которые едва ли можно иначе объяснить, какъ общею неосмотрительностію; ибо, каковы бы ни были климатическія причины способствующія развитію скотскихъ болѣзней, при надлежащемъ уходѣ за скотомъ, чума не распространялась бы въ той мѣрѣ, какъ это нынѣ бываетъ.

То же нерадѣніе видно всюду и въ обращеніи съ лошадьми. Пусть сравнятъ петербургскихъ рабочихъ и извощичьихъ лошадей съ берлинскими и гамбургскими; сравненіе это послужитъ лучшимъ мѣриломъ хозяйственнаго состоянія жителей этихъ городовъ. Но будемъ надѣяться, что неразчетливость и небрежность, нынѣ встрѣчаемыя во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни и во всѣхъ классахъ общества, происходятъ лишь отъ недостатка просвѣщенія и что съ отмѣною безотчетной, обязательной работы, одинаково вредно дѣйствовавшей какъ на господъ, такъ и на слугъ, установится и большій порядокъ.

довольствѣ, умножались, если не считать бессарабскихъ колоній, часть которыхъ передана Молдавіи, на $2^1/_2$ % въ годъ.

Послѣдняя цифра показываетъ какихъ результатовъ можно было бы достигнуть съ устраненіемъ тѣхъ причинъ, которыя увеличиваютъ смертность въ народѣ.

V. Недостатокъ капиталовъ и положеніе кредита.

Недостатокъ въ Россіи свободныхъ капиталовъ, въ настоящее время, не подлежитъ сомнѣнію, но онъ не такъ еще великъ на дѣлѣ, какъ кажется, потому что при общемъ недовѣріи капиталисты прячутъ свои деньги, или отдаютъ ихъ въ государственный банкъ и его конторы, въ которыхъ нынѣ обращается изъ 2-хъ процентовъ 139 милліоновъ, а изъ 3, 4 и $4\frac{1}{2}$ % 137 милліоновъ рублей. Изъ первыхъ бо́льшая часть значится, безъ сомнѣнія, только по счетамъ [1], послѣдніе же суть вклады новѣйшаго времени.

Сверхъ того выпущено на 130 милліоновъ билетовъ государственнаго казначейства, и на 38 милліоновъ 4-хъ процентныхъ билетовъ государственнаго банка (металлическихъ). Тѣ и другіе продаются съ преміею и служатъ только способами для удобнаго помѣщенія капиталовъ.

При бо́льшемъ оживленіи дѣлъ, капиталы, ввѣренные банку изъ процентовъ, должны были бы выходить изъ онаго, а билеты государственнаго банка и государственнаго казначейства поступили бы обратно въ эти учрежденія, обязанныя принимать ихъ въ платежи. Тогда бы на рынкѣ не оказалось столь великаго какъ нынѣ недостатка въ деньгахъ, и ссудный процентъ не могъ бы подниматься, какъ это нынѣ бываетъ, до 12% и 15%. Присовокупимъ, что вскорѣ должны освободиться еще значительные капиталы, обращающіеся въ дѣлахъ виннаго откупа.

Изъ всего этого можно вывести заключеніе, что главный у насъ недугъ заключается менѣе въ недостаткѣ свободныхъ капиталовъ чѣмъ въ несуществованіи кредита, то-есть въ неувѣренности капиталистовъ въ томъ, что данныя ими въ ссуду деньги будутъ въ срокъ уплачены.

Сомнѣніе это совершенно основательно; неплатежъ долговъ сдѣлался столь обыкновеннымъ дѣломъ, что исправность составляетъ уже исключеніе; а такъ какъ всѣ люди торговые или дѣловые въ одно и то же время бываютъ и

---

[1] То-есть многіе билеты, значащіеся по книгамъ банка, уже потеряны.

заимодавцами и должниками, то при самыхъ честныхъ намѣреніяхъ, многіе не въ силахъ исполнять свои обязательства, потому что должники имъ не платятъ. Это круговая порука безъ начала и конца.

Причины такого грустнаго явленія кроются частію въ недобросовѣстности людей, но еще болѣе въ недостаткахъ нашего законодательства, въ неисправности судебныхъ и полицейскихъ мѣстъ и въ неудовлетворительномъ положеніи торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ вообще.

Предстоящее распространеніе на всѣ классы народа права обязываться векселями, предоставленнаго нынѣ только купцамъ, введеніе гласнаго судопроизводства и, наконецъ, устройство правильной ипотечной системы, оградятъ, надѣемся, заимодавцевъ отъ недобросовѣстности должниковъ; польза, по всей справедливости ожидаемая отъ этихъ нововведеній, такъ велика, что остается только желать, чтобы преобразованія эти совершились неотложно.

Затѣмъ надобно было бы устранить еще тѣ препятствія къ исправному платежу, которыя происходятъ отъ застоя промышленныхъ дѣлъ вообще.

Причины этого застоя заключаются: 1) въ измѣненіи отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, и происходящемъ оттого для первыхъ временномъ по крайней мѣрѣ сокращеніи доходовъ; 2) въ проживаніи многихъ за границею; 3) въ потеряхъ, понесенныхъ почти всѣми слоями общества на акціяхъ разныхъ компаній; 4) въ колебаніи монетной единицы и общей дороговизнѣ; 5) въ застоѣ отпускной торговли; 6) въ остановкѣ многихъ фабрикъ по недостатку хлопка; 7) въ прекращеніи ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій подъ недвижимыя имѣнія и въ несуществованіи, внѣ небольшаго числа городовъ, кредитныхъ учрежденій или банкировъ, производящихъ ссуды подъ залогъ цѣнностей всякаго рода; и наконецъ 8) въ недостаткѣ биржъ, гдѣ обращались бы процентныя всякаго рода бумаги.

Стѣсненное, въ настоящее время, положеніе землевладѣльцевъ есть неизбѣжное слѣдствіе измѣнившихся ихъ отношеній къ крестьянамъ, а такъ какъ помѣщики были главными покупателями на нашихъ рынкахъ, то безденежье ихъ должно было отозваться на всѣхъ классахъ народа и на всѣхъ отрасляхъ промышленности. Притомъ,

проживая частію за границею, они тратятъ тамъ оставшіеся у нихъ доходы, вмѣсто того чтобъ оживлять ими и безъ того нуждающуюся отечественную промышленность.

Такимъ образомъ дворянство менѣе чѣмъ прежде является потребителемъ на отечественномъ рынкѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ оно менѣе прежняго является производителемъ, повсюду сокращая въ имѣніяхъ посѣвы и находя для себя болѣе выгоднымъ обращать капиталы на покупку процентныхъ бумагъ русскихъ и въ особенности иностранныхъ, чѣмъ давать имъ производительное назначеніе въ своемъ отечествѣ.

Впрочемъ, лицъ владѣющихъ свободными капиталами между землевладѣльцами не очень много. Бо́льшая часть нуждаются въ деньгахъ для устройства хозяйства на вольномъ трудѣ и крайне сѣтуютъ на прекращеніе ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, въ то именно время когда деньги наиболѣе нужны помѣщикамъ.

Повсемѣстное стѣсненіе денежнаго рынка тѣмъ чувствительнѣе, что оно послѣдовало за періодомъ небывалаго оживленія во внутренней торговлѣ и промышленности, за безпримѣрнымъ избыткомъ денегъ на всѣхъ рынкахъ и за чрезмѣрною щедростію въ ссудахъ изъ банковъ. Но настоящая скудость является естественнымъ послѣдствіемъ предшествовавшихъ заблужденій, которыя были вызваны мнимыми богатствами созданными выпускомъ, на 400 милліоновъ рублей, кредитныхъ билетовъ, пониженіемъ банковыхъ процентовъ съ 4 на 3 и платежей заемщиковъ, съ 5 на 4%. Въ то время только лѣнивый не занималъ денегъ и не пускался въ предпріятія, которыя потомъ почти всѣ не удались.[1] Фабрики и заводы увеличили свое производство до такихъ размѣровъ, что и при обы-

---

[1] Въ акціонерныхъ компаніяхъ, учрежденныхъ съ 1856 года, обращается капитала до 230 милл. рублей, изъ коихъ 140 милл. въ акціяхъ и облигаціяхъ Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ. Изъ этихъ послѣднихъ находится въ рукахъ русскихъ капиталистовъ и правительства облигацій на 53 милліона и акцій, быть-можетъ, до половины. Доходъ съ тѣхъ и другихъ обезпеченъ правительствомъ, но тѣмъ не менѣе, по биржевой ихъ цѣнѣ, потеря на капиталѣ простирается до 10%. Всѣ же прочія компаніи, за исключеніемъ весьма небольшаго числа, или не даютъ никакого дохода, или даютъ доходъ весьма ограниченный, и капиталъ на нихъ употребленный долженъ считаться или совершенно, или частію, погибшимъ, такъ что можно смѣло положить, что на акціяхъ потеряно нашими капиталистами никакъ не менѣе 50 милл. руб.

кновенномъ ходѣ торговли изготовленные ими товары далеко превышали бы истинную потребность; а такъ какъ промышленность дѣйствовала большею частію на чужой капиталъ, занятый на короткіе сроки, и при общемъ безденежьи или недовѣріи востребованный владѣльцами, въ то время когда сбытъ товаровъ шелъ туго, то упадокъ фабричнаго производства былъ не избѣженъ. Сверхъ того пароходовъ, машинъ всякаго рода и орудій, навезено изъ-за границы безъ числа, но пріобрѣтатели не приготовились предварительно къ надлежащему ихъ употребленію, почему половина изъ нихъ остается мертвымъ капиталомъ, и когда пришло время къ расплатѣ, то ни у кого денегъ не стало. Всѣ кинулись къ кредитнымъ установленіямъ, но они, предвидя грядущій кризисъ, оградили себя во время консолидаціею вкладовъ и прекращеніемъ ссудъ.

Такая предусмотрительность правительства въ ущербъ, будто бы, публики (ибо никто не далъ себѣ труда подумать, что несостоятельность казенныхъ банковъ повлекла бы за собою общее банкротство) возбудила всеобщій вопль. Жалобъ этихъ нельзя не признать основательными, но только въ томъ отношеніи, что бѣдствіе дѣйствительно не подлежитъ отрицанію. Напрасно жаловались однако на помѣщеніе 274 милл. рублей банковыхъ вкладовъ въ пяти процентные банковые билеты, такъ какъ до 400 милл. рублей частныхъ вкладовъ и дотолѣ постоянно обращались въ долгосрочныхъ ссудахъ и никогда изъ банковъ не выходили. [1]

Прекращеніе ссудъ изъ кредитныхъ установленій было естественнымъ послѣдствіемъ недостатка въ нихъ свободныхъ капиталовъ, ибо ссуды производились только изъ избытковъ суммъ вносимыхъ на проценты противъ востре-

---

[1] Изъ капиталовъ бывшихъ кредитныхъ установленій остается понынѣ въ ссудахъ долгосрочныхъ: 388 милліоновъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ и 150 милліоновъ въ долгу на государственномъ казначействѣ. Поэтому существованіе банковъ не могло считаться обезпеченнымъ, пока не была за ними упрочена соотвѣтственная этимъ ссудамъ сумма частныхъ вкладовъ. Выпускъ 5% банковыхъ билетовъ на 274 милл. руб. и 4% непрерывно-доходныхъ на 147 милл. рублей даже не вполнѣ обезпечили кредитныя установленія, а потому никакъ нельзя винить ихъ въ консолидаціи слишкомъ значительныхъ суммъ, и еслибы не оставались въ банкахъ не востребованными еще прежніе вклады на 139 милл. рублей и не вносились новые, то банки еще и нынѣ могли бы быть поставлены въ затруднительное положеніе.

бованныхъ. Притомъ, съ прекращеніемъ крѣпостнаго состоянія, банки не имѣли уже никакого мѣрила для дальнѣйшихъ ссудъ, выдававшихся прежде по числу душъ.

Въ какой степени удастся замѣнить государственныя кредитныя установленія частными банками, покажетъ опытъ. Извѣстно, что въ скоромъ времени учредится нѣсколько поземельныхъ кредитныхъ обществъ; городскихъ банковъ, выдающихъ также ссуды подъ залогъ домовъ, но преимущественно занимающихся учетомъ векселей и ссудою подъ процентныя бумаги и товары, существуетъ уже большое число, и должно ожидать появленія множества новыхъ городскихъ банковъ, обѣщающихъ огромную пользу не только въ отношеніи промышленномъ, но и какъ звено, связывающее между собою всѣхъ членовъ городскаго общества. Самымъ вѣрнымъ, однако, пособіемъ должны служить землевладѣльцамъ выкупныя, на крестьянскій надѣлъ, свидѣтельства, которыхъ, еслибы всѣ помѣщики приступили къ выкупу съ помощію правительства, должно бы быть выдано на милліардъ рублей, и изъ нихъ около $^1/_5$ части пятипроцентными банковыми билетами.

Обращеніе въ наличныя деньги этихъ послѣднихъ не встрѣчало до сихъ поръ затрудненій, и потому помѣщики получатъ этимъ способомъ значительную сумму для своихъ оборотовъ, а выкупными свидѣтельствами они расплатятся съ государственными установленіями и съ частными заимодавцами. Все это вмѣстѣ должно послужить къ существенному облегченію сельскаго хозяйства, въ особенности еслибы еще удалось пріискать иностранныхъ капиталистовъ, которые рѣшились бы производить ссуды подъ выкупныя облигаціи.

Такимъ образомъ положеніе землевладѣльцевъ, въ отношеніи потребнаго имъ оборотнаго капитала, не представляется безнадежнымъ, лишь бы разверстаніе угодій съ крестьянами шло успѣшно и не было недостатка въ рабочихъ. Тогда крестьянскую реформу можно будетъ считать благополучно совершающеюся.

Но этого далеко еще недостаточно для того, чтобъ оживить у насъ сельское хозяйство, которому, чрезъ дороговизну всѣхъ произведеній земли, угрожаетъ остановка сбыта ихъ за границей, а сбытъ этотъ существенно нуженъ Россіи.

VI. Дороговизна и бумажныя деньги.

Цѣны на нѣкоторыя изъ главныхъ статей нашей отпускной торговли были слѣдующія:

Въ Одессѣ средняя цѣна четверти пшеницы была

съ 1820 по 1825 годъ	20 р. 32 k.	ассигнац.
— 1826 — 1829 —	13 р. 35 k.	
— 1830 — 1832 —	17 р. 35 k.	

и та же цѣна держалась до 1847 года, который, по необычайно высокимъ цѣнамъ, выходилъ изъ ряду обыкновенныхъ; но и тогда средняя цѣна не поднялась выше 7 руб. сереб. Въ 1852 году она была снова 5 р. 26 k. сереб.; въ 1853 г. 5 р. 76 kоп. за четверть.

Но послѣ крымской войны, цѣна на хлѣбъ вдругъ такъ поднялась, что въ сложности 1856—1860 г. она дошла до 8 р. 60 k. за четверть пшеницы и съ того времени уже не понижается. Слѣдовательно средняя цѣна въ десять лѣтъ возвысилась на 60% и болѣе.

Въ Великобританіи, напротивъ, куда преимущественно сбывается хлѣбъ изъ Россіи, среднія цѣны на квартеръ пшеницы стояли:

съ 1820 по 1829 годъ	58 шил.	5 пенс.
— 1830 — 1839 —	56 —	9
— 1839 — 1849 —	55 —	11
— 1850 — 1860 —	53 —	3

то-есть около 12 р. 75 k. за четверть; слѣдовательно въ Великобританіи цѣна на хлѣбъ не только не возвысилась, но постепенно понижалась вслѣдствіе измѣненія въ таможенномъ законодательствѣ, значительныхъ подвозовъ изъ Америки и неимовѣрныхъ успѣховъ земледѣлія въ самой Англіи.

Въ той же мѣрѣ, какъ въ Одессѣ, поднялись цѣны и въ другихъ россійскихъ портахъ. Въ балтійскихъ рожь стоила между 1822—1831 годами 3 р. 47 kоп. сер., съ 1831 по 1840 годъ 4 р. 14 kоп., до 1846 года 4 р. 50 k., а нынѣшняя цѣна рѣдко упадаетъ ниже 6 руб.

Какъ бы выгодно ни было для землевладѣльцевъ такое

возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ, но, какъ показываетъ опытъ, оно достигло нынѣ уже такихъ размѣровъ, что отпускъ хлѣба за границу возможенъ лишь при общемъ неурожаѣ въ Европѣ, и что въ Одессѣ нерѣдко лежало огромное количество хлѣба безъ движенія, по недостатку покупщиковъ, а въ послѣдніе годы, несмотря на значительное количество хлѣба отпущеннаго изъ черноморскихъ портовъ за границу, хлѣбная торговля производилась большею частію безъ прибыли и нерѣдко даже въ убытокъ.

Дороговизна хлѣба отзывается разумѣется на всѣхъ другихъ произведеніяхъ [1].

---

[1] Исключеніе составляютъ только пенька и ленъ (но не льняное сѣмя), которые въ С.-Петербургѣ цѣнились

	Ленъ		Пенька		Льняное сѣмя	
съ 1832 по 1841 годъ	33 р.	35 k.	22 р.	36 k.	7 р.	50 k.
— 1837 — 1846 —	30	50	25	—	7	—
— 1856 — 1861 —	33	92	24	85	10	14 k.

Льняное сѣмя значительно вздорожало.

Справочныя цѣны на всякаго рода потребности жизни были въ С.-Петербургѣ:

	Въ 1852 г.		Въ 1860 г.	
	р.	k.	р.	k.
Рожь за четверть	4	75	6	50
Куль муки ржаной изъ лавки	5	—	6	50
Тоже пшеничной	9	50	11	25
Горохъ за четверть	8	50	12	50
Крупы гречневой тоже	6	50	9	50
Русскаго масла коровьяго пудъ	4	50	9	10
Конопляннаго масла	3	20	5	70
Овса четверть	3	20	3	80
Мяса 1-го сорта пудъ	2	30	2	80
3-го	1	70	2	10
Баранины 1-го сорта	4	50	4	40
Свинины 1-го сорта	3	60	4	—
Куры 1-го сорта	—	70	—	95
2-го	—	60	—	75
Капуста бѣлая	—	35	—	40
Сахаръ рафинадъ 1-го сорта пудъ	10	—	11	—
Тоже 2-го	9	50	10	—
Кофе 1-го сорта	12	50	15	—
2-го сорта	10	50	13	—
Свѣчи сальныя 1-го сорта	4	60	6	80
2-го сорта	4	25	6	30
— стеариновыя	9	—	12	—

Причину дороговизны должно искать преимущественно въ удешевленіи денегъ не только общемъ во всей Европѣ, но мѣстномъ отъ упадка бумажнаго рубля, и кромѣ того въ недостаткѣ рабочихъ рукъ и рабочаго скота, истребленнаго въ огромномъ количествѣ во время крымской кампаніи.

Потребность въ рабочей силѣ безмѣрно увеличилась вслѣдствіе работъ по желѣзнымъ дорогамъ и по разнымъ, возникавшимъ послѣ 1856 года предпріятіямъ, равно вслѣдствіе усилившагося производства по всѣмъ отраслямъ промышленности вообще, а между тѣмъ чрезвычайные рекрутскіе наборы и холера не только остановили приращеніе населенія но даже едва ли не уменьшили числа работниковъ. И хотя

	Въ 1852 г. р.	к.	Въ 1860 г. р.	к.
Сѣно барочное	—	28	—	43
Дрова березовыя за сажень	3	40	4	—
Кожи черныя и бѣлыя за 10 1-го сорта	24	50	30	—
Плата рабочимъ въ день:				
Землекопу	—	50	—	75
Каменьщику	1	—	1	30
Плотнику	1	—	1	10
Чернорабочему	—	50	—	75
Кирпичъ за 100 штукъ алый	13	—	18	—
То же красный	17	—	22	—
Песокъ за кубическую сажень	16	—	16	50

Изъ этого выходитъ что справочныя цѣны въ сложности возвысились въ С.-Петербургѣ въ теченіи 8 лѣтъ на 33%.

Заготовительныя цѣны хлѣба для войска, которыя всегда значительно ниже рыночныхъ (потому главнѣйшимъ образомъ, что хлѣбъ покупается на задаточныя деньги провіантскаго департамента и слѣдовательно со сбереженіемъ процентовъ на капиталъ), были слѣдующія:

За четверть ржаной муки.

Въ губерніяхъ:	Съ 1839—1843	1844—1848	1849—1853	1854—1859	1860	1861 г.
С.-Петербургской	396	343	376	392	452	496
Воронежской	334	169	171	285	372	298
Пензенской	230	230	152	219	445	335
Саратовской	272	153	244	228	413	389
Симбирской	297	197	278	223	393	363
Средняя цѣна	$305\frac{4}{5}$	218	$258\frac{1}{5}$	$269\frac{2}{5}$	417	376
					396.	

Изъ сравненія среднихъ цѣнъ 1849—1853 годъ съ цѣнами 1860—1861 годовъ, оказывается приращеніе сихъ послѣднихъ на 52%

потомъ, благодаря пріостановкѣ рекрутскихъ наборовъ въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, подрасло цѣлое поколѣніе, но освобожденіе отъ отбыванія барщины 20 милліоновъ людей, не привыкшихъ къ самостоятельному труду и до сихъ поръ побуждаемыхъ обыкновенно къ работѣ только нуждою, не можетъ, надолго еще, не имѣть чувствительнаго вліянія на сокращеніе числа свободныхъ рукъ, такъ что удешевленія производства можно ожидать только отъ улучшенія средствъ сообщенія, отъ замѣны человѣческихъ рукъ силою механическою и отъ удешевленія капиталовъ.

Опредѣлить вліяніе, которое упадокъ бумажнаго рубля имѣлъ на цѣну товаровъ, не возможно. Судя по вексельному курсу, кредитный рубль подешевѣлъ въ сложности на 10—12%, и привозимые изъ за границы товары, поскольку они не вздорожали уже въ своемъ отечествѣ отъ общаго удешевленія денегъ, поднялись въ цѣнѣ, безъ сомнѣнія, лишь на столько свыше этихъ 10—12%, сколько оказалось нужнымъ для покрытія потерь, которыя могли быть ожидаемы отъ дальнѣйшаго упадка вексельнаго курса. Цѣна русскихъ товаровъ зависѣла преимущественно отъ взаимнаго состязанія ихъ на внутреннихъ рынкахъ, а потому упадокъ вексельнаго курса едва ли имѣлъ прямое вліяніе на повышеніе цѣнъ товаровъ. Напротивъ, многія мануфактурныя издѣлія, вслѣдствіе скопленія большихъ запасовъ и медленности сбыта, даже подешевѣли.

Фабриканты, вынужденные платить дорого не только за всѣ предметы, выписываемые ими изъ-за границы, но и за многіе изъ русскихъ сырыхъ произведеній, которымъ цѣна была поднята требованіемъ ихъ за границу, вмѣстѣ съ тѣмъ дорого платившіе рабочимъ и занимавшіе оборотный капиталъ за высокіе проценты, не имѣли возможности возвысить цѣну своихъ издѣлій, по причинѣ уменьшившагося на нихъ требованія или увеличившагося запаса. Положеніе ихъ улучшится только тогда, когда истощатся сработанные въ предшествующіе годы запасы и когда они будутъ въ состояніи поднять цѣну своихъ издѣлій соотвѣтственно тому во что̀ они обходятся имъ самимъ.

Въ неменѣе затруднительномъ положеніи находились тѣ торговцы, которые имѣли сношенія съ заграничными мѣстами, потому что при частомъ и быстромъ колебаніи вексельнаго курса они не могли дѣлать никакого вѣрнаго

разчета о томъ, во что обойдется товаръ. Это неминуемо вовлекло ихъ въ большіе убытки, тѣмъ болѣе что иностранные капиталисты ссужавшіе въ прежнее время русское купечество деньгами для оборотовъ, прекратили всякіе авансы изъ опасенія понести потерю на курсѣ, если онъ понизится, и даже стали отказывать въ кредитѣ, будучи напуганы несостоятельностью многихъ изъ старѣйшихъ въ Россіи торговыхъ домовъ. Вслѣдствіе всего этого учетный процентъ поднялся до 10—12%, а внѣ торговаго міра деньги достаются съ трудомъ за какіе бы то ни было проценты.

Подобныя явленія впрочемъ бывали неоднократно и въ другихъ государствахъ. Стоитъ только указать на кризисъ 1857 года потрясавшій весь торговый міръ Европы и Америки. Но явленія эти бывали тамъ случайными, непродолжительными и происходили отъ неумѣренныхъ спекуляцій или какихъ-либо временныхъ бѣдствій, какъ напримѣръ общаго неурожая. Съ устраненіемъ причинъ вызвавшихъ сказанные кризисы немедленно возстановлялся прежній порядокъ, а для отвращенія крайнихъ бѣдствій бывало достаточно принимать какія-либо палліативныя мѣры.

Напротивъ затруднительное экономическое положеніе Россіи коренится въ условіяхъ, постоянно дѣйствующихъ, а именно: въ географическомъ и топографическомъ положеніи государства, въ рѣдкомъ его населеніи, въ недостаткахъ законодательства и наконецъ въ томъ, что Россія живетъ свыше средствъ, и создаетъ себѣ прихоти, которыхъ не имѣетъ способа удовлетворять.

Мы указали выше на выгоды, которыя были бы сопряжены для Россіи 1) съ перенесеніемъ живительнаго средоточія ея дѣятельности въ страны болѣе плодородныя и накопленіемъ въ нихъ населенія болѣе густаго, 2) съ покрытіемъ южной Россіи сѣтью желѣзныхъ дорогъ, 3) съ привлеченіемъ туда иностранныхъ капиталовъ и составленіемъ таковыхъ въ самой Россіи вслѣдствіе большей бережливости и трудолюбія. Но подобныя предположенія могутъ осуществиться только медленно, а намъ нужна помощь мгновенная, нужны оборотные капиталы для оживленія промышленности и земледѣлія, нужно исправленіе нашего внѣшняго баланса.

Иностранцы не станутъ однако помѣщать свои капи-

талы въ странѣ, гдѣ будутъ обращаться 700 милліоновъ рублей кредитными билетами съ обязательнымъ курсомъ. Даже еслибы этихъ билетовъ было въ половину менѣе, то въ случаѣ неблагопріятнаго вексельнаго курса и требованія звонкой монеты для вывоза за границу на покрытіе баланса, неразмѣнные государственные билеты неминуемо должны бы упасть, а это нанесло бы чувствительный убытокъ иностраннымъ капиталистамъ. Существованіе государственныхъ бумажныхъ денегъ, угрожающихъ одинаковою опасностію кредиту правительства и цѣнности всѣхъ капиталовъ, [1] должно быть признано однимъ изъ главныхъ препятствій для привлеченія капиталовъ изъ-за границы и для накопленія капиталовъ въ самой Россіи. [2]

Поэтому-то сознавая преимущество билетовъ частныхъ банковъ передъ государственными, прусское правительство, въ 1856 году, уменьшило количество своихъ бумажныхъ денегъ съ 30 на 15 милл. талеровъ, то-есть до $^5/_6$ талера или 76 копѣекъ на душу, но въ то же время разрѣшило частному акціонерному банку выпускъ новыхъ билетовъ. Этихъ послѣднихъ къ 1859 году было въ обращеніи на 98

---

[1] Вездѣ гдѣ существовали бумажныя деньги съ обязательнымъ курсомъ, какъ-то въ Англіи, Франціи, Австріи и Россіи, онѣ подлежали большимъ колебаніямъ въ цѣнѣ и въ трехъ послѣднихъ изъ этихъ государствъ повели къ открытому банкротству.

[2] Вредъ происходящій отъ избытка бумажныхъ денегъ съ обязательнымъ курсомъ, всѣми признанъ въ западной Европѣ. Только въ Россіи, которую наши патріоты никакъ не хотятъ подводить подъ общія правила, требуя для нея исключительнаго положенія (вѣроятно по сосѣдству Россіи съ Китаемъ и съ Киргизскою степью), вредъ этотъ еще оспаривается. Нынѣ истые Русаки требуютъ даже выпуска новыхъ бумажекъ для поддержанія промышленности и притомъ не сотень милліоновъ, а милліардовъ.

Находя однако болѣе разумнымъ обращаться за примѣрами къ Европѣ, чѣмъ къ Китаю, замѣтимъ, что исторія бумажныхъ денегъ представляется наиболѣе поучительною въ Австріи. Тамъ количество обращавшихся государственныхъ бумажныхъ денегъ во время войнъ съ Наполеономъ I, возрасло до 1.000 милл. гульденовъ. Въ 1811 году курсъ ихъ былъ пониженъ правительствомъ на 80%, но оставшіеся за тѣмъ 200 милл. умножились снова къ 1815 году до 678.

Съ того времени для утвержденія ихъ курса, были принимаемы самыя разнообразныя и хитросплетенныя мѣры. То обмѣнивали ихъ на билеты вновь учрежденнаго государственнаго банка, обезпеченные будто бы размѣннымъ фондомъ, государственными процентными бумагами или государственными недвижимыми имуществами, то, для изъятія ихъ изъ обращенія,

милл. талеровъ при металлическомъ размѣнномъ фондѣ въ 45 милліоновъ талеровъ.

Курсъ прусскихъ банковыхъ билетовъ, однако, не гарантированъ правительствомъ, и оттого, даже въ случаѣ остановки въ размѣнѣ ихъ, чего впрочемъ нельзя ожидать, кредитъ прусскаго правительства останется неприкосновеннымъ, и денежная система государства не будетъ потрясена; все ограничится несостоятельностью частнаго банковаго общества. Между тѣмъ, за изъятіемъ изъ обращенія государственныхъ бумажныхъ денегъ на 15 милл. талеровъ и за вычетомъ 45 милл. талеровъ звонкой монеты, хранящихся въ размѣнномъ фондѣ банка, количество денежныхъ знаковъ или оборотнаго капитала въ Пруссіи увеличено на 38 мил. талеровъ, не только безъ всякаго ущерба для народнаго богатства, но къ видимой пользѣ промышленности.

Такова разница между оборотными знаками частнаго банка и государственными бумажными деньгами. Вообще количество обращающихся въ народѣ бумажныхъ денежныхъ знаковъ только въ то время можетъ быть признано не избыточнымъ, когда вмѣстѣ съ бумажками удер-

---

заключали займы *добровольные, обязательные, лотерейные, металлическіе, или бумажные* 1, $2\frac{1}{2}$, 4 и 5%, или продавали казенныя земли; въ 1857 году былъ даже заключенъ Австріею трактатъ со всѣми германскими государствами, которымъ она обязалась не выпускать болѣе бумажныхъ денегъ и немедленно открыть размѣнъ билетовъ бывшихъ тогда въ обращеніи; послѣднее изъ этихъ условій въ 1858 году было исполнено, но размѣнъ продержался не долго, и билеты стали вновь выпускать попрежнему, а затѣмъ послѣдствіемъ многолѣтнихъ усилій и напряженій австрійскаго правительства было: обремененіе государственнаго бюджета платежами по безконечнымъ займамъ, сдѣлавшимъ Австрію данницею чужихъ народовъ, оставленіе по сіе время въ обращеніи бумажныхъ денегъ на сумму 475 милл. гульденовъ, то-есть только на 100 милл. рублей менѣе чѣмъ въ 1816 голу и уменьшеніе состава государственныхъ имуществъ въ такой степени, что отъ нихъ получается нынѣ дохода не болѣе 600 т. руб. въ годъ.

Все это произошло отъ того, что австрійское правительство, не искоренивъ окончательно своихъ бумажныхъ денегъ, надѣялось, само себя обманывая, утвердить ихъ курсъ разными полумѣрами; а ясное пониманіе, положительность и рѣшительность въ мѣрахъ ведущихъ къ предположенной цѣли, ни въ какомъ дѣлѣ не составляютъ такой необходимости, какъ въ дѣлѣ кредита, въ которомъ судьею становится всемірная публика, не признающая никакого авторитета. Колебанія же и полумѣры ведутъ только къ истощенію собственныхъ силъ. Когда членъ заразится антоновымъ огнемъ, лучше его отрѣзать чѣмъ дать заразиться всему организму.

живается въ постоянномъ обращеніи и звонкая монета, какъ это мы видимъ нынѣ во всей Германіи, въ Англіи, во Франціи, гдѣ золото и серебро всюду встрѣчаются совокупно съ кредитными знаками; ибо присутствіе звонкой монеты доказываетъ, что бумажные денежные знаки удерживаются въ нормальной своей цѣнѣ, и что не требуется усиленнаго ихъ обмѣна на золото или серебро, для заграничныхъ платежей.

Впрочемъ и во Франціи, еще въ 1861 году, банкъ, по случаю неурожая и потребности въ привозѣ огромнаго количества хлѣба изъ-за границы, опасался что металлическаго его фонда не станетъ для обмѣна выпущенныхъ имъ билетовъ, еслибы они были предъявлены въ банкъ. Опасеніе это къ счастію не оправдалось и затруднительное положеніе банка во всякомъ случаѣ могло быть только временное. Въ Австріи, напротивъ, размѣнъ билетовъ тамошняго банка сдѣлался совершенно невозможнымъ, потому что пользуясь всѣми преимуществами государственныхъ ассигнацій, т. е. обязательнымъ курсомъ, они совершенно вытѣснили изъ народнаго обращенія звонкую монету, несмотря на то что банковыхъ билетовъ приходится въ Австріи на душу населенія не болѣе 8 руб. Изчезла же звонкая монета отъ невыгодности внѣшняго баланса и вексельнаго курса, которые объясняются огромными ежегодными платежами австрійскаго правительства для удовлетворенія заграничныхъ его заимодавцевъ [1], и несмотря на блестящіе, въ послѣд-

---

[1] По мнѣнію людей, наиболѣе знакомыхъ съ положеніемъ Австріи, четвертая доля всѣхъ правительственныхъ долговыхъ облигацій находится въ рукахъ иностранныхъ капиталистовъ, а потому до 40 милл. гульденовъ въ годъ должны быть отправляемы за границу для ихъ удовлетворенія. Много ли въ замѣнъ ихъ находится фондовъ иностранныхъ государствъ въ рукахъ австрійскихъ капиталистовъ, неизвѣстно.

Въ Австріи, въ народѣ, вовсе не обращается звонкой монеты, но у банкировъ можно всегда покупать значительныя суммы, съ умѣренною наддачей. Причина тому 1) что Австрія ведетъ обширную торговлю съ окружающими ее государствами, а на это нужна звонкая монета; 2) что всѣ таможенныя пошлины по закону уплачиваются звонкою монетой; 3) что въ Венеціянской области бумажныя деньги не принимаются; 4) что онѣ вообще въ оптовой торговлѣ не имѣютъ обязательнаго курса и что пріемная ихъ цѣна въ публичныхъ кассахъ также подлежала неоднократному измѣненію.

У петербургскихъ мѣнялъ также можно всегда отыскать золотой или

нiе годы, результаты отпускной торговли Австрiи, вексельный курсъ тамъ все еще не достигъ нормальнаго размѣра, хотя поднялся съ 40 и 50 % ниже пари, до 23%.

Но пока вексельный курсъ не превыситъ нормальнаго и бумажныя деньги въ Австрiи, сохраняя обязательный курсъ, не поднимутся до нарицательной ихъ цѣны, звонкой монеты въ народномъ обращенiи быть не можетъ.

Изъ этого ясно видно, что затрудненiе заключается собственно въ балансѣ внѣшнихъ платежей; бумажныя же деньги главнѣйше вредятъ тѣмъ, что безъ нихъ внѣшнiй балансъ никакъ не могъ бы дойдти до того невыгоднаго положенiя, въ которомъ онъ находится въ тѣхъ государствахъ, гдѣ обращаются преимущественно бумажныя деньги; ибо правительства, выпуская такiе знаки, создаютъ на время новый мнимый капиталъ, даютъ чрезъ это народу неправильное понятiе о его богатствѣ, вовлекаютъ его въ напрасные расходы и когда призракъ воображаемаго изобилiя изчезаетъ, послѣ выхода за границу того количества звонкой монеты, котораго мѣсто заступили бумажки, то остаются одни долги, а средства къ уплатѣ долговъ между тѣмъ не увеличились. Словомъ, пока бумажный призракъ не обращенъ въ плоть, т. е. пока каждая вновь выпущенная бумажка не послужила къ созиданiю дѣйствительной цѣнности, не только равной въ цѣнѣ съ нарицательнымъ достоинствомъ билета, но далеко ее превышающей [1], всякiе оборотные денежные знаки положительно гибельны.

серебряной монеты, но въ количествѣ ограниченномъ и за дорогую цѣну; въ остальныхъ же частяхъ Россiи звонкой монеты вовсе нѣтъ, кромѣ Закавказскаго края, составляющаго исключенiе потому, что мѣстные жители не охотно принимаютъ кредитные билеты, и торговля съ сосѣдними народами производится исключительно на звонкую монету. Въ Ригѣ, со времени Петра I до переложенiя ассигнацiй на серебро, всѣ счеты велись на серебро и таможенныя пошлины уплачивались сперва ефимками, потомъ русскою звонкою монетой, вслѣдствiе чего тамъ въ золотѣ и серебрѣ недостатка никогда не бывало. Итакъ, будь только надобность въ звонкой монетѣ, она и удержится. Надобности же этой быть не можетъ при обязательномъ курсѣ бумажныхъ денегъ, которыя всегда, по свойству своему, совершенно монополизируютъ денежный рынокъ, если только ихъ будетъ находиться въ обращенiи столько, чтобъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ въ платежныхъ знакахъ.

[1] Никакъ нельзя допустить выпуска государственныхъ бумажныхъ денегъ напримѣръ для постройки желѣзной дороги, какъ бы она ни была выгодна, потому что денежный знакъ, переходя изъ рукъ въ

Между тѣмъ одни лишь билеты выпускаемые оборотными банками, то-есть подъ учетъ векселей, и при достаточномъ размѣнномъ фондѣ, представляютъ нѣкоторое обезпеченіе въ томъ, что они дѣйствительно получили производительное назначеніе, и что выпускъ ихъ не превышаетъ количества потребнаго для денежныхъ оборотовъ въ государствѣ, а потому денежные знаки, выдаваемые на иномъ основаніи, не должны быть допускаемы.

Несмотря однако на преимущество банковыхъ билетовъ предъ государственными, и первые также, подъ вліяніемъ случайныхъ увлеченій, нерѣдко были увеличиваемы чрезъ мѣру, а потому во всѣхъ государствахъ даже частные банки нынѣ ограничиваются въ своихъ дѣйствіяхъ, и выпускъ кредитныхъ знаковъ положено обусловливать двумя коренными правилами, а именно: 1) предоставленіемъ права выпуска бумажныхъ денежныхъ знаковъ исключительно частнымъ учрежденіямъ, безъ всякаго ручательства правительства, дабы въ случаѣ несостоятельности банка не потрясти кредита государства, и 2) ограниченіемъ количества выпускаемыхъ билетовъ ненарушимыми правилами.

Изъ всего этого выходитъ, что государственныя бумажныя деньги, пользующіяся обязательнымъ курсомъ, не оправдываются ни въ своихъ началахъ, ни въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи, и что тамъ, гдѣ онѣ есть, можно только желать или совершеннаго ихъ изъятія изъ обращенія, или по крайней мѣрѣ, сокращенія ихъ въ такомъ размѣрѣ, чтобъ онѣ не могли подвергаться колебанію въ цѣнѣ въ случаѣ какого-либо кризиса и внезапнаго пониженія вексельнаго курса. Въ этомъ послѣднемъ предположеніи, слѣдовало бы довести количество государственныхъ бумажныхъ денегъ до такой ничтожной цифры, чтобъ онѣ не мѣшали выпуску билетовъ частныхъ банковъ. Для этого число ихъ должно быть до крайности сокращено.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, прусское прави-

руки, можетъ служить представителемъ такой суммы цѣнностей, которая равняется нарицательной цѣнѣ билета помноженной на число оборотовъ этого же билета. Такъ какъ однако всѣ данныя, на которыхъ основывается степень обезпеченности оборотныхъ знаковъ, чрезвычайно шатки, то и признано, что одна только положительная возможность обмѣниванія ихъ, во всякое время, на звонкую монету, способна поддерживать курсъ бумажныхъ оборотныхъ знаковъ.

тельство, какъ выше замѣчено, сократило на половину и безъ того крайне незначительное количество своихъ государственныхъ билетовъ.

Въ Великобританіи, гдѣ одновременно обращаются билеты гарантированные правительствомъ и банковые, и гдѣ первыхъ выпущено на 14 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, или около 3 руб. сер. на душу тамошняго населенія, то-есть вчетверо болѣе чѣмъ въ Пруссіи, признано нужнымъ, для обезпеченія этихъ билетовъ, смѣшать ихъ съ банковыми, открыть имъ свободный въ банкѣ размѣнъ на капиталъ акціонеровъ банка и не допускать выпуска собственно банковыхъ билетовъ иначе какъ съ обезпеченіемъ ихъ, рубль за рубль, звонкою монетой.

Трудно опредѣлить до какой степени слѣдовало бы сократить количество кредитныхъ билетовъ въ Россіи, чтобы цѣнность ихъ не могла болѣе подвергаться колебанію, или даже чтобы совмѣстно съ ними можно было допустить учрежденіе частныхъ оборотныхъ банковъ и выпускъ банковыхъ билетовъ. Послѣдняя цѣль можетъ быть достигнута лишь при доведеніи цифры государственныхъ билетовъ до самыхъ меньшихъ предѣловъ, хотя бы и не до той ничтожной цифры, до которой они доведены въ Пруссіи, то-есть до 76 копѣекъ на душу. Если же будетъ устраненъ вопросъ о допущеніи частныхъ банковыхъ билетовъ могущихъ состязаться съ государственными, то цѣнность этихъ послѣднихъ окажется утвержденною какъ скоро количество ихъ будетъ доведено до размѣра крайней въ нихъ необходимости, то-есть до того чтобы, при встрѣтившейся потребности въ платежахъ за границей, публика рѣшилась скорѣе продать какой-либо другой предметъ чѣмъ искать обмѣна кредитнаго билета на монету.

Въ такомъ только случаѣ цѣна кредитныхъ билетовъ станетъ независимою отъ временныхъ кризисовъ, а безъ этого условія колебаніе цѣнности бумажныхъ денегъ и вмѣстѣ съ тѣмъ потрясеніе всей денежной системы государства и кредита правительства—неизбѣжны.

Передъ замѣной въ Россіи ассигнаціоннаго рубля кредитными билетами, считаемыми на серебро, находилось въ обращеніи 595 мил. рублей ассигнаціями или на серебро 170 милл. руб. Въ то время много было въ государствѣ монеты серебряной и золотой, особенно иностранной, ибо

золота и серебра, съ 1824 по 1845 году, привезено въ Россію болѣе чѣмъ вывезено, на 106 милл. руб. серебромъ. Ассигнаціи тогда принимались народомъ выше опредѣленнаго имъ курса. Слѣдовательно въ нихъ не только не было избытка, но потребность въ нихъ превышала наличность.

Такъ какъ въ то время вексельный курсъ постоянно былъ въ пользу Россіи [1], то невозможно опредѣлить какимъ судьбамъ подверглись бы ассигнаціи при значительномъ пониженіи курса, однако графъ Канкринъ, вполнѣ постигавшій значеніе бумажныхъ денегъ, не счелъ обращавшееся количество ассигнацій достаточно обезпеченнымъ противъ могущаго быть кризиса. Въ этихъ видахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ намѣреніи оградить цѣну бумажекъ отъ частыхъ колебаній, онъ открылъ размѣнный для нихъ фондъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ выпускъ депозитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на звонкую монету, вносимую въ размѣнный фондъ.

Крайне замѣчательно, что начала принятыя графомъ Канкриномъ въ основаніе новой денежной его системы суть тѣ же самыя, на которыхъ въ Великобританіи почти въ то же время, т.-е. въ 1844 году, основана нынѣ дѣйствующая тамъ банковая система, которая, переживши самые сильные торговые кризисы, вполнѣ оправдалась. Даже количество разрѣшенныхъ къ выпуску въ Англіи, безъ полнаго обезпеченія, билетовъ, относительно тогдашняго населенія Великобританіи было равно обращавшейся въ то время въ Россіи суммѣ билетовъ, сравнительно съ тогдашнимъ населеніемъ Русскаго государства. Между тѣмъ результаты одинаковой повидимому мѣры оказались различными.

У насъ ближайшимъ слѣдствіемъ сказаннаго преобразованія было то, что бо́льшая часть монеты, находившейся

---

[1] Вексельный курсъ поднимался постоянно, начиная съ 1824 по 1839 годъ, когда приступлено было къ переложенію ассигнацій на серебро, а именно: въ 1824 году рубль ассигнацій стоилъ въ Лондонѣ до $9^7/_8$ пенсовъ; начиная съ 1827 года цѣна его ни разу не упадала ниже 10 пенсовъ и нерѣдко поднималась до 11, а въ 1838 году даже до 12 пенсовъ.

Если считать ассигнаціонный рубль въ 350 коп. сер., то $10^9/_{10}$ пенсовъ равняются уже курсу 38 пенсовъ за серебряный рубль.

Достоинство ассигнацій въ продолженіе этого времени постепенно возвышалось. Въ 1824 году за рубль серебряный платилось еще 375 коп. ассигнаціями, а въ 1838 году не болѣе 351—352.

въ народномъ обращенiи, перешла въ руки правительства, а въ народѣ остались преимущественно бумажки.

Съ перваго взгляда, это обстоятельство никакой, кажется, опасности не представляло, такъ какъ всякiй могъ заимствовать потребное ему количество монеты изъ размѣнной кассы, которая до того возросла, что въ декабрѣ 1853 года хранилось въ ней золота, серебра и процентныхъ бумагъ на 161 миллiонъ руб., тогда какъ кредитныхъ билетовъ было въ обращенiи на 333 миллiона рублей.

Но принимая въ соображенiе: 1) что въ 1845 году было въ обращенiи кредитныхъ билетовъ на 189 миллiоновъ при размѣнномъ фондѣ въ 86 миллiоновъ, слѣдовательно оставалось не обезпеченнымъ только 103 миллiона, тогда какъ въ 1853 году, когда прибавилось кредитныхъ билетовъ на 144 миллiона, оказались необезпеченными 172 миллiона: 2) что цѣнность привезеннаго въ Россiю изъ-за границы съ 1822 по 1853 годъ количества золота и серебра равнялась 128 миллiонамъ руб. и 3) что Сибирь доставила съ 1823 по 1853 годъ драгоцѣнныхъ металловъ 23 тысячи пуд. золота и до 30 тысячъ пуд. серебра, на сумму 325 миллiоновъ рублей, нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ состоянiе размѣннаго фонда въ 1853 году.

Въ англiйскомъ банкѣ представляется намъ совершенно противоположное явленiе. Тамъ хранилось въ 1845 г., то-есть по преобразованiи банка, золота и серебра на 13 милл. фунтовъ стерлинговъ, а билетовъ банка было въ то время въ обращенiи на 27 милл. ф. стерл. Въ 1853 же году въ фондѣ было $17^3/_4$ милл. а билетовъ только 24 милл. Наконецъ въ 1860 году въ фондѣ 15 милл. а билетовъ 22 милл. ф. стерл. [1]. Слѣдовательно въ 1845 году оставалось необезпеченныхъ билетовъ на 14 милл. ф. стерл., а въ 1860 году только на 7 миллiоновъ.

Такое различiе въ результатахъ, представляемыхъ двумя учрежденiями, основанными на одинаковыхъ началахъ, при благопрiятномъ въ обоихъ государствахъ торговомъ балансѣ и приливѣ звонкой монеты, объясняется только тѣмъ, что постоянныя правила для размѣнной кассы въ С.-Петербургѣ не были въ точности соблюдаемы и что прави-

---

[1] По послѣднимъ извѣстiямъ билетовъ въ обращенiи на 22 мил., а въ фондѣ 17 милл. ф. стер.

тельство неоднократно усиливало выпуски кредитныхъ билетовъ безъ соотвѣтственнаго взноса, золотомъ или серебромъ, въ размѣнный фондъ. Этимъ явно доказывается преимущество частнаго банковаго учрежденія предъ правительственнымъ, а равно и то, что при невозможности, въ то время, передать кредитные билеты частному учрежденію, лучше было бы, еслибы ассигнаціи оставались попрежнему въ томъ же количествѣ неразмѣнными знаками, имѣющими курсъ опредѣляемый сообразно съ биржевою ихъ цѣной. Въ такомъ случаѣ нынѣ у насъ находилось бы въ обращеніи не болѣе 595 милл. руб. ассигнаціями, что при увеличившемся, съ 1845 года, населеніи и усилившихся съ того времени торговыхъ оборотахъ, не могло бы быть обременительно для Россіи. Сверхъ того непремѣнно находилось бы въ народномъ обращеніи огромное количество звонкой монеты, потому что сказанныхъ 595 милл. рублей ассигнаціями было бы далеко недостаточно для всего торговаго оборота Россіи. Эта звонкая монета служила бы къ уравновѣшиванію нашего внѣшняго баланса, на случай пониженія вексельнаго курса.

Еслибы публика такимъ образомъ привыкла къ употребленію звонкой монеты, отъ которой совершенно отучила ее система введенная у насъ съ 1845 года, то она не поддалась бы въ послѣдствіи такъ легко на бумажныя деньги, и правительство имѣло бы болѣе вѣрное мѣрило для опредѣленія того количества кредитныхъ билетовъ, которое способно обращаться въ народѣ, безъ ущерба для нашей денежной системы.

Недостатокъ такого мѣрила долженъ былъ вводитъ правительство въ заблужденіе всякій разъ, когда требовались чрезвычайные расходы для подкрѣпленія ли кассъ банковыхъ учрежденій, или для военныхъ надобностей; видя готовность народа къ пріему кредитныхъ билетовъ, оно безъ мѣры увеличивало ихъ количество.

Вѣрнѣйшимъ способомъ для опредѣленія степени возрастанія денежныхъ оборотовъ въ Имперіи, можетъ служить то обстоятельство, что въ 1824 году было переслано по почтѣ капиталовъ казенныхъ и частныхъ на 147 мил. руб., въ 1843-мъ на 274 мил., а въ 1860 году на 721 мил. р. Мѣрило это тѣмъ болѣе вѣрно, что платежи у насъ все

еще производятся тѣми же неуклюжими средствами, какъ и за 40 лѣтъ передъ симъ.

Имѣя въ виду такое усиленіе денежныхъ оборотовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соразмѣрную потребность въ платежныхъ знакахъ, нельзя не быть увѣреннымъ, что 170 мил. рублей серебромъ бумажныхъ денегъ, которые за 20 лѣтъ тому назадъ не считались достаточно огражденными отъ вліянія торговыхъ кризисовъ, нынѣ не могли бы подлежать никакой опасности, а потому еслибы представилась возможность къ уменьшенію числа кредитныхъ билетовъ до этой цифры, то денежная наша система могла бы считаться утвержденною на прочныхъ началахъ и была бы надежда даже дойдти до учрежденія частныхъ оборотныхъ банковъ, принесшихъ неоспоримую пользу въ другихъ государствахъ и болѣе всего нужныхъ Россіи при настоящемъ у насъ недостаткѣ капиталовъ.

Потому повторяемъ, что, по крайнему нашему убѣжденію, одно только положительное уничтоженіе или сокращеніе числа государственныхъ бумажныхъ денегъ можетъ вести къ желаемому результату, и что всякія полумѣры, какъ напримѣръ возложеніе на правительственныя учрежденія обязанностей частнаго оборотнаго и размѣннаго банка, едва ли могутъ быть оправданы наукою или опытомъ. Но ясно и твердо опредѣливъ такимъ образомъ цѣль, къ которой слѣдовало бы стремиться, спрашивается: какія имѣются въ виду средства для ея достиженія; представляется ли возможность къ сокращенію у насъ 706 милліоновъ руб. кредитными билетами до 170 милліоновъ?

Понятно, что Россія не въ состояніи занять еще сотни милліоновъ для выкупа бумажныхъ денегъ, ибо будучи уже обременена долгами, она въ правѣ заключать новые займы только для употребленія непосредственно производительнаго, какъ напримѣръ для постройки желѣзныхъ дорогъ; но принимая въ уваженіе, что до 1-го мая нынѣшняго года кредитные билеты цѣнились уже на 12% ниже нарицательнаго ихъ достоинства, то-есть, что находившіеся тогда въ обращеніи 706 мил. руб. стоили въ то время на серебро только 621 мил. рублей, должно полагать, что съ помощію нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ пожертвованій со стороны публики можно было бы въ то время дойдти до окончательнаго установленія монетной единицы.

Нынѣ для достиженія этой цѣли избранъ иной путь, и остается только желать полнаго успѣха тѣмъ мѣрамъ, которыя приняты министерствомъ финансовъ.

Въ заключеніе этой статьи замѣтимъ, что въ Россіи интересы земледѣлія, промышленности и торговли, болѣе чѣмъ гдѣ-либо и когда-либо требуютъ въ настоящее время особаго представительства, въ лицѣ отдѣльнаго министра. Такъ какъ въ отчетѣ бывшаго министра государственныхъ имуществъ, генерала Муравьева, за время пятилѣтняго управленія министерствомъ, значится, что завѣдываніе государственными крестьянами имѣетъ перейдти въ министерство внутреннихъ дѣлъ, что управленіе казенными землями и лѣсами, какъ приносящими значительный доходъ государственному казначейству, принадлежитъ безспорно министерству финансовъ, то представляется весьма удобнымъ соединеніе департамента сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ съ департаментами торговли и мануфактуръ, и горнымъ, а равно съ кредитною частью, поскольку она относится къ частнымъ кредитнымъ установленіямъ. Изъ соединенія этихъ управленій могло бы образоваться новое министерство промышленности, на подобіе тѣхъ которыя существуютъ во всѣхъ государствахъ западной Европы.

Y.

БЕЗЪ РОДУ И ПЛЕМЕНИ[1]

Переводъ съ англійскаго.

МЕЖДУ СЦЕНАМИ.

Дневникъ происшествій изъ портфеля капитана Регга.

I. Дневникъ за октябрь 1846.

Я уединился въ нѣдрахъ моего семейства. Мы поселились въ уединенной деревенькѣ Росварпъ, на берегахъ Эска, въ двухъ миляхъ отъ Вытби. Наши комнаты удобны, и кромѣ того у насъ предобрая хозяйка. Мистриссъ Реггъ и миссъ Ванстонъ прибыли сюда прежде меня, соотвѣтственно начертанному мною плану ретирады изъ Йорка. На слѣдующій день я послѣдовалъ за ними съ багажемъ. Оставляя станцію, я имѣлъ удовольствіе видѣть стряпческаго дьяка въ секретномъ разговорѣ съ полицейскимъ сыщикомъ, пріѣздъ котораго я предсказывалъ. Я оставилъ его въ мирномъ обладаніи Йоркомъ и всею окружностью. Онъ отвѣчалъ мнѣ такою же любезностью, и оставилъ меня въ мирномъ обладаніи долиною Эска, въ тридцати миляхъ отъ него.

---

[1] См. *Русскій Вѣстникъ.* №№ 7 и 8.

Замѣчательными результатами увѣнчались мои первыя усилія для развитія сценическихъ способностей миссъ Ванстонъ.

Я открылъ, что она владѣетъ необыкновеннымъ мимическимъ талантомъ. Ея подвижное лицо, гибкій голосъ и острое драматическое соображеніе дѣлаютъ ее способною къ характернымъ ролямъ съ переодѣваніями. Она нуждается теперь только въ обученіи и практикѣ, чтобы быть увѣренной въ себѣ. Это открытіе воскресило во мнѣ мысль, пришедшую мнѣ въ голову въ первый разъ на одномъ изъ такъ-называемыхъ „домашнихъ представленій“ неподражаемаго комика Чарльза Матьюса. Я занимался тогда, помнится, виноторговлей. Мы подражали винопроизводительнымъ процессамъ природы въ одной задней кухнѣ, въ Бромптонѣ, и изготовляли хересъ, свѣтлый и пріятный, крѣпительный и мягкій во рту, чрезвычайно любимый испанскимъ дворомъ, по девятнадцати съ половиною шиллинговъ за дюжину, считая и бутылки въ той же цѣнѣ; смотри объявленія того времени. Барыши наши были черезчуръ малы; мы слишкомъ обогнали вкусъ вѣка, и слишкомъ задолжали бутылочнымъ торговцамъ. Теряясь въ соображеніяхъ какъ бы добыть денегъ, и видя какія толпы собирались у Матьюса, я невольно увлекся мыслью начать подражаніе самому великому „подражателю“, комику Матьюсу, въ домашнихъ представленіяхъ, даваемыхъ женщиной. Не доставало только бездѣлки—способной къ этому женщины. Съ того и до настоящаго времени я не могъ сыскать ее. Теперь, наконецъ, нашелъ я женщину. Миссъ Ванстонъ обладаетъ молодостью, красотою и талантомъ. Научите ее сценическимъ переодѣваніямъ, снабдите ее костюмами для различныхъ ролей, развейте ея вокальный и музыкальный талантъ, сдѣлайте объявленіе о „домашнемъ представленіи молодой дѣвицы“, удивите публику драматическимъ представленіемъ, которое отъ начала и до конца будетъ выполнено одною этою дѣвицей, поручите все дѣло мнѣ, и что̀ получится въ результатѣ? Слава для моей прекрасной родственницы, фортуна для меня.

Соображенія эти я высказалъ миссъ Ванстонъ такъ же откровенно, какъ всегда, предлагая составить программу представленія, взять на себя все устройство дѣла и подѣлиться барышами. Я не забылъ подкрѣпить свое пред-

ложеніе объясненіемъ, какую зависть она возбудитъ, и сколько встрѣтитъ затрудненій, если поступитъ на сцену. Я намекнулъ ей на справки, которыя ей нужны, и на личную независимость, которой она желаетъ. „Если вы вступите на сцену, сказалъ я,—служба ваша будетъ законтрактована, и директоръ можетъ удержать васъ именно тогда, когда вамъ всего болѣе нужна будетъ свобода. Если же, напротивъ, вы согласитесь на мое предложеніе, то будете совершенно независимы и можете дѣйствовать какъ заблагоразсудите.“ Замѣчаніе это, повидимому, поразило ее. Она обѣщала дать отвѣтъ черезъ день, и изъявила согласіе. Я тотчасъ же записалъ всѣ условія сдѣлки. Условія эти всѣ очень удовлетворительны, за исключеніемъ только одного. Она рѣшительно не хочетъ подписывать свое имя ни подъ однимъ изъ представляемыхъ ей мною документовъ. На словахъ она обязывается не нарушать условій, пока будетъ находить нужнымъ добывать деньги. Когда же дѣла ея измѣнятся, то она обязывается только за недѣлю объявить мнѣ о своемъ рѣшеніи. Бѣдовая дѣвушка; я уже имѣлъ случай оцѣнить ее. Одно утѣшеніе: стряпня счетовъ возложена на меня, а потому у моей прекрасной родственницы не вдругъ наполнятся карманы.

Посреди занятій моихъ съ миссь Ванстонъ для приготовленія ея къ предстоящему опыту, я успѣлъ отправить два анонимныя письма въ интересѣ этой дѣвушки. Находя, что ея безпокойство о своихъ друзьяхъ мѣшаетъ ей обращать должное вниманіе на мои уроки, я написалъ анонимное письмецо къ законнику дѣлающему о ней розыски, и дружески совѣтовалъ ему прекратить ихъ. Письмо было отправлено къ одному изъ моихъ лондонскихъ пріятелей, съ наказомъ бросить его въ почтовый ящикъ на Чарингъ-Кроссѣ. Черезъ недѣлю, я послалъ, тѣмъ же путемъ, второе письмо, прося стряпчаго увѣдомить меня, рѣшился ли онъ, вмѣстѣ съ другими, послѣдовать моему совѣту, и прося его адресовать письмо въ почтовую контору, на Вестъ-Страндѣ.

Черезъ нѣсколько дней пришелъ отвѣтъ, пересланный моимъ пріятелемъ, въ почтовую контору Витби.

Отвѣтъ стряпчаго былъ кратокъ и ясенъ: „Сэръ, еслибы другіе послѣдовали моему совѣту, то съ вами и съ вашимъ письмомъ обошлись бы съ презрительнымъ невниманіемъ, котораго вы заслуживаете. Но я не могу не обратить вни-

манія на желанія старшей сестры миссъ Магдалины Ванстонъ, и по ея просьбѣ увѣдомляю васъ, что всѣ розыски съ моей стороны окончены, но съ условіемъ, чтобы вслѣдствіе этого между обѣими сестрами могла открыться переписка. Письмо старшей миссъ Ванстонъ прилагается при семъ. Если я черезъ недѣлю не услышу, что оно получено, то снова передамъ дѣло въ руки полиціи. Вилліамъ Пендриль." Желчный человѣкъ, этотъ Вилліамъ Пендриль. Я могу сказать о немъ, что сказала одна высокая особа о своемъ грубомъ лакеѣ: „Я не желалъ бы имѣть подобнаго ему характера за всѣ блага міра!"

Очень понятно, что до передачи приложеннаго письма я прочелъ его самъ. Старшая миссъ Ванстонъ описывала себя очень разстроенною неполученіемъ извѣстій о сестрѣ, говорила о принятіи ею мѣста гувернантки въ одномъ семействѣ, объ отъѣздѣ ея чрезъ недѣлю для занятія этого мѣста, и просила утѣшить ее письмомъ при началѣ ея новаго поприща. Запечатавъ конвертъ, я передалъ письмо миссъ Ванстонъ младшей, спросивъ при этомъ: „Какъ теперь, болѣе ли вы чувствуете въ себѣ мужества и рѣшимости чѣмъ при первой нашей встрѣчѣ?" Она не замедлила отвѣтомъ: „Капитанъ Реггъ, когда я встрѣтила васъ на стѣнахъ Йорка, я не заходила еще такъ далеко, какъ теперь. Теперь я уже слишкомъ далеко зашла.

Если она дѣйствительно такъ чувствуетъ (я думаю, что она дѣйствительно такъ чувствуетъ), то переписка ея съ сестрой не можетъ причинить никакого вреда. Въ тотъ же день, она написала длинное письмо, долго проплакала надъ своимъ эпистолярнымъ трудомъ, и была ужасно сердита и брюзглива со мною, когда мы сошлись вечеромъ. Ей, бѣдной дѣвушкѣ, очень нуженъ опытъ жизни. Какъ утѣшительно, что именно я могу послужить ей въ этомъ отношеніи!

II. Дневникъ за ноябрь.

Мы живемъ въ Дерби. Программа представленія готова, и репетиціи подвигаются. Всѣ затрудненія устранены, за исключеніемъ одного—вѣчнаго затрудненія по части де-

негъ. Средствъ миссъ Ванстонъ достаетъ на наши личныя нужды, на наемъ фортепіано и для изготовленія необходимыхъ костюмовъ. Но расходы по устройству представленія выше нашихъ средствъ. Одинъ изъ моихъ здѣшнихъ театральныхъ пріятелей, котораго я хотѣлъ связать съ нашимъ дѣломъ, находится, къ несчастію, въ самыхъ плохихъ обстоятельствахъ. Поле человѣческой симпатіи, съ котораго я могъ бы пособрать необходимую денежную жатву, недоступно мнѣ по недостатку времени. Я не вижу другихъ средствъ, чтобы поспѣть къ Рождеству, какъ обратиться къ здѣшнему торговцу музыкальными принадлежностями, который, говорятъ, падокъ на спекуляціи. Частная репитиція у насъ на квартирѣ и уговоръ, который наполнитъ жадные карманы совсѣмъ посторонняго человѣка,—вотъ жертвы налагаемыя на меня суровою необходимостью при началѣ. Хорошо же! У меня остается одно утѣшеніе. Я надую музыкальнаго продавца.

III. Дневникъ за первую половину декабря.

Музыкальный продавецъ возбуждаетъ во мнѣ невольное уваженіе. Онъ принадлежитъ къ тому небольшому числу встрѣченныхъ мною въ жизни людей, которыхъ трудно надуть. Онъ мастерски воспользовался нашимъ безпомощнымъ положеніемъ и заключилъ съ нами условіе на представленіе въ Дерби и Ноттингамѣ съ такимъ торгашескимъ невниманіемъ къ чужимъ выгодамъ, что при всей моей охотѣ записывать все, я не могу рѣшиться записать нашъ уговоръ. Не зачѣмъ, говорить, что я и виду не показалъ какъ мало было для меня пріятности удовольствоваться съ прекрасною моею родственницей предложенною намъ жалкою частью выгоды. Будетъ и на нашей улицы праздникъ! Въ ожиданіи этого, душевно сожалѣю, что не познакомился съ здѣшнимъ музыкальнымъ продавцомъ прежде.

Что до меня собственно, то я не могу пожаловаться на миссъ Ванстонъ. Мы рѣшили, что она будетъ сообщать свой адресъ друзьямъ, обозначая почтовую контору города при

каждой перемѣнѣ мѣста. Кромѣ сообщеній съ сестрой, она сносится еще съ какимъ-то мистеромъ Клеромъ, живущимъ въ Сомерсетширѣ, который служитъ посредникомъ въ перепискѣ ея съ его сыномъ. Тщательные розыски освѣдомили меня, что сынъ этотъ находится теперь въ Китаѣ. Подозрѣвая съ самаго начала, что въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ какой нибудь джентльменъ, я съ удовольствіемъ узналъ, что онъ пребываетъ въ отдаленнѣйшихъ частяхъ Азіи. Пускай пребываетъ тамъ подольше!

Обязанность пріискать имя, подъ которымъ наша даровитая Магдалина могла бы явиться передъ публикой, была возложена на меня. Эта сторона дѣла очень мало интересуетъ ее. „Дайте мнѣ какое угодно имя, говоритъ она:—я столько же имѣю право на одно, какъ и на другое". Я охотно согласился на ея желаніе. Въ моей коммерческой библіотекѣ находится каталогъ полезныхъ именъ, и мы можемъ выбрать имя въ пять минутъ, когда угнетающій насъ теперь безподобный господинъ будетъ печатать свои объявленія. Объ этомъ я не безпокоюсь, но меня тревожитъ сама прелестная артистка. Я увѣренъ вполнѣ, что она сдѣлаетъ чудеса, если только въ первый вечеръ не случится никакой помѣхи. Но если почта принесетъ ей письмо отъ сестры, я трепещу за послѣдствія.

IV. Хроника за вторую половину декабря.

Даровитая родственница моя начала свои представленія, и положила основаніе нашимъ будущимъ фортунамъ.

Въ первый вечеръ, публики было болѣе чѣмъ я могъ надѣяться. Новость представленія исполненнаго съ начала до конца, безъ всякаго соучастія, одною молодою особой (см. объявленіе) возбудила общее любопытство, и мѣста были достаточно заняты. Къ счастію, въ этотъ день не было письма къ миссъ Ванстонъ. Она была совершенно спокойна до перваго своего наряда и до звонка музыкантамъ. Въ эту критическую минуту она не выдержала. Я засталъ ее въ горькихъ слезахъ, она лепетала словно ребенокъ: „О, бѣдный, бѣдный папа! Боже, еслибъ онъ видѣлъ меня теперь!" Опытность моя въ подобныхъ обстоятельствахъ тотчасъ же ска-

зала мнѣ, что тутъ нуженъ пузырекъ съ солью и добрый совѣтъ. Мы настроили ее до тона. А воспламенили ея глазки и нарумянили ея щечки внутреннею краской. Когда поднялась занавѣсь, она горѣла. Она также бросилась въ дѣло со всего размаху, какъ въ задней гостиной Розмери-лена. Прежде чѣмъ успѣла она открыть ротъ, наружность ея уже расположила къ ней всѣхъ. Быстро переходила она отъ роли къ роли, пѣла аріи, декламировала діалоги, дѣлая ошибки и ниразу не останавливаясь поправлять ихъ, вихремъ кружа съ собою публику и ниразу не прерывая себя въ ожиданіи аппломисментовъ. Все представленіе кончилось двадцатью минутами раньше чѣмъ мы разчитывали. Она дотянула его до конца и, какъ только спустилась занавѣсь, упала въ изнеможеніи на диванъ за сценой. Такъ какъ музыкальный продавецъ совершенно растерялся отъ изумленія, а у меня не было приличнаго костюма, то мы послали доктора извиниться передъ публикой, которая не переставала вызывать ее. Я подшепнулъ нашему врачебному оратору нѣсколько ловкихъ словъ изъ-за занавѣси, и никогда въ жизни не слыхалъ я подобныхъ апплодисментовъ отъ такого сравнительно незначительнаго собранія. Дань эту чувствовалъ я,—чувствовалъ глубоко. Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, въ этомъ самомъ городѣ, собиралъ я жалкія крохи посредствомъ чтенія газетъ (съ объяснительными примѣчаніями) посѣтителямъ одного трактира. И вотъ теперь я на вершинѣ древа.

Нѣтъ подобности говорить, что прежде всего я счелъ нужнымъ отдѣлаться отъ музыкальнаго торговца. Онъ явился на другой день, безъ сомнѣнія, съ щедрыми предложеніями продлить нашъ уговоръ сверхъ представленій въ Дерби и Ноттингамѣ. Ему сказали, что племянница моя не можетъ принять его по нездоровью, а когда онъ спросилъ меня, ему отвѣчали что я не вставалъ еще. Я между тѣмъ, съ большимъ чувствомъ излагалъ это дѣло передъ нашею талантливою Магдалиной. Отвѣтъ ея былъ въ высшей степени удовлетворителенъ. Она не желаетъ ни къ кому идти въ кабалу, тѣмъ болѣе къ человѣку, который безчестно воспользовался ея и моимъ стѣсненнымъ положеніемъ. Она хочетъ оставаться независимою и готова дѣлиться со мною выручкой, до тѣхъ поръ пока ей будутъ нужны деньги и пока ей будетъ это угодно. До сихъ поръ все хорошо. Но объяснен-

ная ею затѣмъ причина лестнаго предпочтенія моей особы, не такъ-то пришлась мнѣ по вкусу. „Не музыкальнаго продавца употреблю я для наведенія нужныхъ мнѣ справокъ, замѣтила она, а васъ.“ Непріятно, что въ упоеніи успѣха, она такъ настойчиво вспоминаетъ объ этихъ справкахъ. Это не обѣщаетъ добраго въ будущемъ; это предвѣщаетъ что-нибудь чертовски дурное.

V. Хроника за январь 1847 г.

Она и въ самомъ дѣлѣ показала когти. Я начинаю побаиваться ее.

По окончаніи ноттингамскихъ представленій (результаты которыхъ превзошли результаты дербійскихъ) я предложилъ,—такъ какъ все дѣло было теперь въ нашихъ рукахъ,— открыть представленія въ Ньюаркѣ. Миссъ Ванстонъ ничего не возражала до тѣхъ поръ пока рѣчь не коснулась времени; тутъ она потребовала, къ моему изумленію, отсрочки новыхъ представленій на недѣлю.

— Да для чего же? спросилъ я.

— Для того чтобы собрать справки, о которыхъ я говорила вамъ въ Йоркѣ, отвѣчала она.

Я тотчасъ же распространился объ опасности отсрочки, представляя ей всевозможные доводы. Она оставалась совершенно непреклонною. Я попытался подѣйствовать на нее финансовою стороной вопроса. Она отвѣчала мнѣ предложеніемъ своей доли сборовъ въ Дерби и Ноттингамѣ, такъ что мнѣ приходилось, сверхъ издержекъ, около двухъ гиней въ день. Удивляюсь тому, кто первый привелъ лошака въ примѣръ упрямства. Какъ мало, должно-быть, человѣкъ этотъ зналъ женщинъ!

Нечего было дѣлать. Какъ всегда, я записалъ инструкціи. Прежде всего мнѣ слѣдовало узнать мѣстожительство мистера Михаила Ванстона; отъ меня ожидали также, что я узнаю, какъ давно проживаетъ онъ тамъ, и продалъ ли онъ Комбъ-Ревенъ. Потомъ, я долженъ былъ собрать справки о его жизни, о томъ, на что онъ тратитъ свои деньги и кто съ нимъ близокъ, и еще въ какихъ отношеніяхъ къ нему находится сынъ

его, мистеръ Ноэль Ванстонъ. Наконецъ, я долженъ былъ открыть не живетъ ли у нихъ какая нибудь дама, родственница или экономка, имѣющая вліяніе на отца или на сына.

Не научи меня моя долгая опытность въ обработкѣ поля человѣческой симпатіи наведенію справочекъ объ обстоятельствахъ людей, я нѣсколько затруднился бы исполненіемъ этихъ порученій въ продолженіе одной недѣли. Но я воспользовался всѣми выгодами моей опытности и явился съ отвѣтами въ Ноттингамъ днемъ раньше назначеннаго срока. Записываю ихъ здѣсь, въ должномъ порядкѣ.

1) Мистеръ Михаилъ Ванстонъ находится теперь въ Брайтонѣ, Джерманъ-Плесъ, и вѣроятно останется жить тамъ, ибо находитъ тамошній воздухъ по себѣ. Онъ прибылъ въ Лондонъ, изъ Швейцаріи, въ сентябрѣ прошлаго года, и немедленно по прибытіи продалъ Комбъ-Ревенъ.

2) Онъ живетъ скрытно и отчужденно, рѣдко выѣзжаетъ и рѣдко принимаетъ у себя. Часть его денегъ въ фондахъ, другая — въ акціяхъ желѣзныхъ дорогъ, акціяхъ переживщихъ панику тысяча восемьсотъ сорокъ шестаго года и быстро поднимающихся въ цѣнѣ. По прибытіи въ Англію, онъ сдѣлалъ нѣсколько выгодныхъ спекуляцій на домахъ. У него есть нѣсколько домовъ въ отдаленныхъ частяхъ Лондона, а также въ нѣсколькихъ приморскихъ мѣстахъ на восточномъ берегу пользующихся теперь расположеніемъ публики.

3) Не легко узнать, кто его близкіе пріятели. Я разыскалъ только два имени. Первое — адмиралъ Бартрамъ, обязанный когда-то мистеромъ Михаиломъ Ванстономъ. Второе—мистеръ Джорджъ Бартрамъ, племянникъ адмирала, пріѣхавшій на короткое время, въ Джерманъ-Плесъ. Мистеръ Джорджъ Бартрамъ—сынъ покойной и также скончавшейся сестры мистера Михаила Ванстона. Онъ, значитъ, приходится двоюроднымъ братомъ мистеру Ноэлю Ванстону. Мистеръ Ноэль Ванстонъ плохъ здоровьемъ, и живетъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ своимъ отцомъ въ Брайтонѣ.

4) У мистера Михаила Ванстона нѣтъ никакой родственницы. Но у него есть экономка, находящаяся въ услуженіи его съ самой смерти его жены и имѣющая большое

вліяніе какъ на отца, такъ и на сына. Она—швейцарская уроженка, пожилыхъ лѣтъ вдова. Зовутъ ее мадамъ Леконтъ.

Миссъ Ванстонъ, выслушавъ отъ меня всѣ эти свѣдѣнія, не сдѣлала никакихъ замѣчаній, и только поблагодарила меня. Я попробовалъ вызвать ее на откровенность. Безуспѣшно; она только поблагодарила меня вторично, и тотчасъ же заговорила о представленіяхъ. Прекрасно. Если она не желаетъ дать мнѣ нужныхъ освѣдомленій, то дѣло ясное: я долженъ самъ добраться до нихъ.

Кончикъ этой страницы долженъ быть посвященъ дѣловымъ замѣткамъ.

Финансовая вѣдомость за третью январскую недѣлю.

Мѣсто представленій.	Представленій.
Ньюаркъ.	Два.
Чистый барышъ по отчету	Дѣйствительный чистый барышъ.
25 ф. ст.	32 ф. 10 шил.

Мнимое распредѣленіе барыша.		Дѣйствит. распредѣленіе барыша.	
Для миссъ В. . . .	12 ф. 10 ш.	Для миссъ В. . . .	12 ф. 10 ш.
Для себя.	12 — 10 —	Для себя.	20 — — —

Секретный доходъ за недѣлю,
или почтительное приношеніе самому себѣ.
7 ф. 10 шил.

Подписано Г. Реггъ. Скрѣплено Г. Реггъ.

Теперь мы отправляемся въ Шеффильдъ. На первой февральской недѣлѣ начинаемъ представленія.

VI. Хроника за февраль.

Навыкъ придалъ моей прекрасной родственницѣ увѣренность въ себѣ, которая, какъ я и предсказывалъ, должна была придти со временемъ. Ея ловкость въ переодѣваньи въ различныхъ роляхъ до такой степени поражаетъ зрителей, что тѣ же лица приходятъ въ другой разъ, чтобы добраться какъ она это дѣлаетъ. Милая слабость англійскаго общества — ненасытность хорошимъ. Публика заставляетъ ее повторять теперь одну изъ ролей,—роль старой дамы, сѣверной уроженки, скопи-

рованной съ той почтенной гувернантки въ домѣ покойнаго мистера Ванстона, которой я отрекомендовалъ себя въ Комбъ-Ревенѣ. Представленіе этой роли необыкновенно удивляетъ публику. Не мудрено съ тѣхъ поръ какъ я зазналъ сцену, ни разу не видалъ, чтобы девятнадцатилѣтняя дѣвушка съ такимъ совершенствомъ представляла старуху.

Я пишу въ нѣсколько худшемъ чѣмъ всегда расположеніи духа. Я опасаюсь за будущее. Въ самомъ разгарѣ нашихъ успѣховъ, моя строптивая ученица не забываетъ своихъ семейныхъ дрязгъ. Такимъ образомъ, я завишу отъ первой имѣющей придти ей въ голову, насчетъ Ванстоновъ, причуды,—я, творецъ ея успѣховъ. Плохо; ей-ей, очень плохо.

Она воспользовалась уже справками, которыя я принужденъ былъ собрать для нея. Она написала два письма къ мистеру Михаилу Ванстону.

На первое письмо не было отвѣта. На второе полученъ отвѣтъ. Ея чертовская ловкость помѣшала мнѣ перехватить его. Позже, уже послѣ того какъ она распечатала и прочла отвѣтъ, я немножко поддѣлъ ее. Я улучилъ минута, чтобы заглянуть въ конвертъ. Въ немъ лежало только ея собственное возвращенное письмо. Она не изъ тѣхъ, которые спокойно принимаютъ подобныя оскорбленія. Плохо было. Плохо Михаилу Ванстону, до котораго мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Плохо мнѣ, что очень важно.

VII. Хроника за мартъ.

Послѣ Шеффильда и Манчестера, мы побывали въ Ливерпулѣ, Престонѣ и Ланкастерѣ. Новая перемѣна въ этой измѣнчивой дѣвушкѣ. Она уже не пишетъ писемъ къ Михаилу Ванстону, но стала не меньше меня самого жадна до денегъ. У насъ бываютъ большіе сборы, и мы заняты до смерти. Не нравится мнѣ эта перемѣна въ ней: у нея есть цѣль, иначе она не стала бы такъ заботиться о наполненіи своего кошелька. Ничто, съ моей стороны,—ни стряпаніе счетовъ, ни самоприношенія, не могутъ помѣшать наполненію этого кошелька. Успѣхъ представленій и собственное ея искусство въ наблюденіи за своими выгодами буквально вынуждаютъ меня быть относительно честнымъ. Ей достается треть доходовъ, несмотря на всѣ мои усиленныя старанія къ предупрежденію этого. И это въ мои

годы! Послѣ моей долгой и успѣшной карьеры въ качествѣ „моральнаго агракультуриста!" Восклицательные знаки—пустое дѣло, но они заявляютъ здѣсь мои чувства, и я ставлю ихъ.

VIII. Хроника за апрѣль и май.

Мы посѣтили семь болѣе обширныхъ городовъ и находимся теперь въ Бэрмангамѣ. По свѣдѣніямъ моихъ записныхъ книжекъ, миссъ Ванстонъ добыла представленіями, до сихъ поръ, огромную сумму, простирающуюся почти до четырехсотъ фунтовъ. Очень возможно, что собственный мой доходъ превышаетъ эту сумму какою-нибудь одною или двумя жалкими сотнями. Но я—творецъ ея успѣховъ, такъ сказать, издатель ея книги, и если кто можетъ считать себя обиженнымъ, такъ конечно я.

Я убѣдился въ вышесказанномъ двадцать девятаго числа, то-есть въ годовщину реставраціи моего королевскаго предшественника на полѣ человѣческой симпатіи, Карла Втораго. Только что успѣлъ я замкнуть свой портфель какъ неблагодарная дѣвушка, обязанная мнѣ своею репутаціей, вошла въ комнату, и объявила мнѣ многорѣчиво, что дѣловыя отношенія наши прекращаются. Не пытаюсь описывать мои чувствованія; передаю только фактъ. Она объявила мнѣ, съ видомъ совершеннаго спокойствія, что нуждается въ отдыхѣ, и что у нея есть новыя цѣли въ виду. Быть-можетъ, я буду нуженъ ей для достиженія этихъ цѣлей; быть-можетъ, она вздумаетъ снова приняться за представленія. Во всякомъ случаѣ, достаточно будетъ намъ сообщить другъ другу свой адресъ, по которымъ мы можемъ списаться въ случаѣ нужды. Не желая покидать меня внезапно, она останется у меня слѣдующій день (воскресеніе) и уѣдетъ въ понедѣльникъ утромъ. Таково было ея многословное объясненіе.

Убѣжденія, какъ зналъ я по опыту, будутъ безполезны. Власти надъ ней я не могъ имѣть. Въ такихъ обстоятельствахъ, мнѣ нужно было только найдти путь, который соотвѣтствовалъ бы моимъ интересамъ, и пойдти этимъ путемъ, не теряя безполезно ни минуты.

Безъ особенно глубокихъ размышленій я могъ убѣдиться, что въ ней глубоко затаенъ какой-то планъ противъ Ми-

хаила Ванстона. Она молода, хороша собою, умна и очень рѣшительна; она добыла денегъ на прожитокъ и можетъ располагать временемъ для отысканія слабой стороны старика; она отправляется атаковать врасплохъ мистера Михаила Ванстона законнымъ оружіемъ своего пола. Можетъ ли она нуждаться во мнѣ для подобной цѣли? Едва ли. Не желаетъ ли она просто отдѣлаться отъ меня легчайшимъ способомъ? Быть-можетъ. Но способенъ ли я подчиниться такому обращенію со стороны моей ученицы? Безспорно нѣтъ: я способенъ найдти мою дорогу посреди представляющихся возможностей, и вотъ эти возможности:

Или: выразить мое согласіе на ея рѣшеніе, обмѣняться съ ней адресомъ и потомъ слѣдить втайнѣ за всѣми ея дѣйствіями. Или: изъявить нѣжное отеческое безпокойство и пострашать ее сестрою и законникомъ, если она будетъ настаивать на своемъ рѣшеніи. Или: воспользоваться какъ можно выгоднѣе извѣстными мнѣ уже свѣдѣніями, и вступить въ сдѣлку съ мистеромъ Михаиломъ Ванстономъ. Въ настоящую минуту, я расположенъ всего болѣе къ третьей изъ этихъ возможностей. Но рѣшеніе это слишкомъ важно, и я не могу торопиться. Сегодня только двадцать девятое. Прерываю хронику до понедѣльника.

Мая 31-го. И мои предположенія, и ея планы рухнули вмѣстѣ.

По обыкновенію, послѣ чаю принесли газету. Я проглядѣлъ ее и, между объявленіями о смерти, нашелъ слѣдующую знаменательную статью:

„29-го числа сего мѣсяца, скончался въ Брайтонѣ, Михаилъ Ванстонъ, эсквайръ, прибывшій изъ Цюриха; 77 лѣтъ.“

Миссъ Ванстонъ была въ комнатѣ, когда я прочелъ эти двѣ поразительныя строчки. Она уже надѣла шляпку; вещи были уложены; она нетерпѣливо ожидала времени отъѣзда. Безмолвно передалъ я ей журналъ. Безмолвно взглянула она на указанное мною мѣсто и прочла вѣсть о смерти Махаила Ванстона.

Журналъ выпалъ изъ ея рукъ; быстро опустила она свой вуаль. Я взглянулъ на ея лицо прежде чѣмъ она успѣла закрыть его отъ меня. Произведенное на меня впечатлѣніе было страшно. Чтобъ описать его съ моимъ обычнымъ юморомъ, скажу, что, судя по ея лицу, самый разумный посту-

покъ, совершенный въ жизни Михаиломъ Ванстономъ, проживавшимъ прежде въ Цюрихѣ, былъ поступокъ совершенный имъ въ Брайтонѣ, 29-го числа сего мѣсяца.

Находя мертвое молчаніе наше крайне непріятнымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ, я счелъ нелишнимъ сдѣлать одно замѣчаніе. Чувство собственнаго интереса снабдило меня сюжетомъ. Я заговорилъ о представленіяхъ.

— Послѣ случившагося, проговорилъ я, — мы будемъ, вѣроятно, продолжать попрежнему наши представленія?

— Нѣтъ, отвѣчала она, не поднимая вуаля. — Мы будемъ продолжать наши справки.

— Справки объ умершемъ?

— Справки о сынѣ умершаго.

— О мистерѣ Ноэлѣ Ванстонѣ?

— О мистерѣ Ноэлѣ Ванстонѣ.

Не имѣя вуаля, чтобы закрыть свое лицо, я нагнулся и взялъ журналъ. На минуту я потерялся было отъ ея чертовской рѣшимости. Я долженъ былъ собраться съ духомъ прежде чѣмъ заговорилъ съ ней снова.

— Новыя справки также невинны, какъ и старыя? спросилъ я.

— Совершенно.

— Что же долженъ я узнать?

— Я желаю знать, остается ли мистеръ Ноэль Ванстонъ въ Брайтонѣ послѣ похоронъ.

— А если нѣтъ?

— Если нѣтъ, я желаю знать его новый адресъ.

— Такъ. А потомъ?

— Я желаю, чтобы вы узнали затѣмъ всѣ ли отцовскія деньги переходятъ къ сыну.

Я начиналъ понимать ея намѣреніе. Слово деньги облегчило меня; я почувствовалъ себя на знакомой почвѣ.

— Еще что-нибудь? спросилъ я.

— Еще одно, отвѣчала она. — Узнайте пожалуста хорошенько, остается ли экономка, мистриссъ Леконтъ, въ услуженіи мистера Ноэля Ванстона.

Голосъ ея слегка измѣнился, когда она произносила имя мистрисъ Леконтъ: она, очевидно, настолько умна, что уже опасается экономки.

— Плата мнѣ попрежнему? спросилъ я.

— Попрежнему.

— Когда же слѣдуетъ мнѣ отправиться въ Брайтонъ?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Она поднялась и оставила комнату. Послѣ минутнаго недоумѣнія, я рѣшился исполнить новое порученіе. Чѣмъ секретнѣе будутъ справки моей прекрасной родственницы, тѣмъ труднѣе будетъ ей отдѣлаться отъ преданнаго ей Горація Регга.

Ничто не мѣшаетъ завтрашнему отъѣзду моему въ Брайтонъ. Итакъ завтра я ѣду. Если мистеръ Ноэль Ванстонъ наслѣдуетъ имущество своего отца, то онъ—единственное человѣческое существо обладающее финансовою благодатью и не возбуждающее во мнѣ чувства неутолимой зависти.

IX. Хроника за іюнь.

9-го числа. Вчера возвратился я съ моими свѣдѣніями Тайкомъ заношу ихъ сюда, для будущихъ соображеній:

Мистеръ Ноэль Ванстонъ оставилъ вчера Брайтонъ, и переѣхалъ по дѣламъ въ Лондонъ, въ одинъ изъ незанятыхъ домовъ отца, на Воксаллъ-Вокѣ, въ Ламбетѣ.— Этотъ, замѣчательно скромный выборъ мѣстожительства со стороны человѣка съ состояніемъ, показываетъ, что мистеръ Ноэль Ванстонъ любитъ денежки.

Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ мистеръ Ноэль Ванстонъ наслѣдовалъ своему отцу. Мистеръ Михаилъ Ванстонъ скончался, — что очень странно, — подобно мистеру Андрею Ванстону, безъ завѣщанія. Различіе лишь въ томъ, что старшій братъ оставилъ недѣйствительное завѣщаніе, а старшій не оставилъ завѣщанія вовсе. Самые твердые люди имѣютъ свои слабости, и слабость мистера Михаила Ванстона заключалась, кажется, въ непреодолимомъ ужасѣ передъ мыслію о смерти. Его сынъ, его экономка и повѣренный по дѣламъ пытались всѣ, нѣсколько разъ, заставить его сдѣлать завѣщаніе, но не могли преодолѣть его упрямой рѣшимости не исполнять этой обязанности,—единственной обязанности касавшейся денежныхъ дѣлъ, которою онъ пренебрегалъ. Два врача ходили за нимъ въ его послѣдней болѣзни, предупреждали его что онъ слишкомъ старъ и едва ли перенесетъ ее, но предупреждали напрасно. Онъ объявилъ свое твердое рѣшеніе не

умирать. Послѣднія предсмертныя слова его были (какъ узналъ я отъ сидѣлки, помогавшей мистриссъ Леконтъ)— „мнѣ каждую минуту становится лучше; пошлите сейчасъ за каретой и свозите меня покататься.“ Въ эту самую ночь смерть взяла свое, и сынъ его (у него только одинъ сынъ) остался законнымъ наслѣдникомъ имущества. Никто не сомнѣвается, что вышло бы то же самое, еслибъ и сдѣлано было завѣщаніе. Отецъ и сынъ вполнѣ довѣряли другъ другу и жили всегда вмѣстѣ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Мистриссъ Леконтъ оставалась у мистера Ноэля Ванстона въ качествѣ экономки, какъ и у отца, и отправилась съ нимъ въ Воксаллъ-Вокъ. Думаютъ что она осталась недовольна. Еслибы мистеръ Михаилъ Ванстонъ сдѣлалъ завѣщаніе, то она, безъ всякаго сомнѣнія, получила бы порядочную долю наслѣдства. Теперь она зависитъ отъ благодарности мистера Ноэля Ванстона и, какъ я думаю, далеко не прочь поддерживать въ немъ какъ слѣдуетъ это чувство. Не могу пока еще сказать, къ мести ли, къ деньгамъ ли стремится моя прекрасная родственница. Во всякомъ случаѣ, я могу предсказать, что она встрѣтитъ въ мистриссъ Леконтъ порядочное затрудненіе на пути.

Таковы собранныя мною до сихъ поръ свѣдѣнія. Миссъ Ванстонъ, при полученіи ихъ, обнаружила самое неблагодарное недовѣріе ко мнѣ. Она не подѣлилась со мною своимъ впечатлѣніемъ, а только высказала свою совершеннѣйшую признательность. Хитрая дѣвушка, дьявольски хитрая. Но она имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, который прозывается Реггомъ.

Ни слова болѣе не было сказано на счетъ представленій, ни слова также на счетъ переѣзда съ нашего настоящаго мѣстожительства. Прекрасно. Моя правая рука готова держать пари съ лѣвой. Ставлю десять противъ одного, что она вступитъ въ переписку съ сыномъ, какъ вступила съ отцомъ. Десять противъ одного, что она напишетъ къ Ноэлю Ванстона еще до исхода этого мѣсяца.

21 числа. Она отправила письмо съ сегодняшней почтой. Письмо должно быть большое потому что она наклеила на него двѣ почтовыя марки. (Приватная замѣтка про себя: ждать отвѣта.)

22, 23, 24. Продолженіе приватной замѣтки. Ждать отвѣта.

25. Отвѣтъ пришелъ. Какъ эксъ-военный, я натурально употребилъ нѣкотораго рода стратагему, чтобы перехватить его. Успѣхъ, награждающій настойчивость, наградилъ и меня: мнѣ удалось перехватить отвѣтъ.

Письмо написано не мистеромъ Ноэлемъ Ванстономъ, а мистриссъ Леконтъ. Возносясь до самыхъ возвышенныхъ началъ нравственности, рѣчь ея дышетъ однако нѣкоторою злобною вѣжливостью. Слабое здоровье и тяжесть недавней потери не позволяютъ самому мистеру Ноэлю Ванстону отвѣчать на полученное имъ письмо. Другія письма отъ миссъ Ванстонъ будутъ возвращаемы не вскрытыми. Личныя обращенія вызовутъ немедленное обращеніе къ покровительству закона. Мистера Ноэля Ванстона сильно предостерегалъ противъ миссъ Магдалины Ванстонъ покойный оплакиваемый имъ отецъ, и онъ не забылъ еще его совѣта. Предполагать, что образъ его дѣйствій относительно дѣвицъ Ванстонъ будетъ разногласить съ образомъ дѣйствій отца, значитъ бросать тѣнь на почтенное имя лучшаго изъ людей. Все это поручилъ онъ мистриссъ Леконтъ написать. Она же старается выражаться самымъ примирительнымъ языкомъ; она хочетъ устранить ненужную непріятность, называя миссъ Ванстонъ (изъ любезности) семейнымъ именемъ, и надѣется, что эта деликатность, говорящая сама за себя, будетъ оцѣнена какъ слѣдуетъ. (Такова сущность письма, таковъ его конецъ.)

Два заключенія вывожу я изъ этого небольшаго документа. Первое то, что онъ породитъ много зла. Второе, что мистриссъ Леконтъ, несмотря на всю свою вѣжливость, очень опасная женщина. Мнѣ хотѣлось бы ясно видѣть передъ собою мой путь. Пока еще не вижу.

29 числа. Миссъ Ванстонъ оставила меня, а съ ней оставили меня и всѣ доходы отъ драматическихъ представленій. Меня надули, единственнаго человѣка на землѣ который можетъ писать о себѣ въ такихъ неблагоприличныхъ выраженіяхъ,—меня надули!

Выскажу здѣсь, какъ было дѣло. Оно представляетъ меня съ самой несчастной точки зрѣнія, но натура человѣка беретъ свое: я долженъ записать какъ было дѣло.

Извѣстіе о ея близкомъ отъѣздѣ было сообщено мнѣ вчера. Послѣ новыхъ вѣжливыхъ изъявленій благодарности за со-

бранныя мною въ Брайтонѣ свѣдѣнія, она намекнула, что необходимо повести немного далѣе наши справки. Я тотчасъ же вызвался взяться за нихъ, какъ и прежде.

— Нѣтъ, сказала она:—это не по вашей части. Справки касаются женщины, и я думаю заняться ими сама!

Убѣжденный въ душѣ, что это новое рѣшеніе мѣтитъ на мистриссъ Леконтъ, я рискнулъ сдѣлать нѣсколько невинныхъ вопросовъ. Она спокойно отказалась отвѣчать на нихъ. Я спросилъ потомъ, когда намѣрена она ѣхать. Она намѣрена ѣхать двадцать втораго. Куда? Въ Лондонъ. Надолго? Вѣроятно, нѣтъ. Одна? Нѣтъ. Со мною? Нѣтъ. Съ кѣмъ же? Съ мистриссъ Реггъ, если я не противъ этого. Боже милосердый! Для чего же? Для того чтобы найдти себѣ приличное помѣщеніе, что̀ будетъ легче въ сопровожденіи пріятельницы болѣе почтенныхъ лѣтъ. А меня, „пріятеля почтенныхъ лѣтъ“, значитъ бросаютъ совсѣмъ? Объ этомъ нельзя сказать теперь ничего опредѣленнаго. Не нуженъ ли я для пересылки писемъ, которыя могутъ придти къ ней по нашему теперешнему адресу? Нѣтъ; она сама распорядится объ этомъ въ почтовой конторѣ; меня же проситъ дать ей адресъ, по которому могла бы писать мнѣ въ случаѣ нужды. Послѣ этого дальнѣйшіе разспросы не повели бы ни къ чему, кромѣ потери времени. Воздержавшись отъ дальнѣйшихъ разспросовъ, я сберегъ время.

Ясно было, что наши теперешнія отношенія стали похожи на наши отношенія до полученія извѣстія о смерти Михаила Ванстона. Какъ и тогда, я сталъ соображать альтернативы. Какой путь предписываютъ мнѣ мои собственныя выгоды? Долженъ ли я ожидать, что она снова обратится ко мнѣ, что я ей опять понадоблюсь? Попугать ли ее вмѣшательствомъ ея родственниковъ и друзей? Или, благодаря извѣстнымъ мнѣ свѣдѣніямъ, вступить въ сдѣлку съ богатою отраслью фамиліи? Третью изъ этихъ возможностей выбралъ я имѣя въ виду отца. Теперь выбираю ее опять имѣя въ виду сына.

Четыре часа тому назадъ отошелъ поѣздъ въ Лондонъ, и увезъ ее въ сопровожденіи мистриссъ Реггъ. Жена моя, бѣдняга, слишкомъ глупа для того чтобъ оказать мнѣ дѣятельную помощь въ настоящихъ обстоятельствахъ; но она окажетъ мнѣ пассивную помощь, поддерживая мои сношенія съ миссъ Ванстонъ, и, въ уваженіе къ этому-то, я

ласился самъ чистить свои штаны, брить свой подбородокъ и подчиниться на время другимъ неудобствамъ хожденія за самимъ собою. Легкіе проблески смысла, нѣкогда озарявшіе голову мистриссъ Реггъ, покинули ее теперь окончательно. Получивъ позволеніе ѣхать въ Лондонъ, она задала намъ тотчасъ два вопроса. Можно ли ей будетъ сдѣлать нѣсколько покупокъ? Можно ли ей оставить дома поваренную книжку? Миссъ Ванстонъ отвѣчала *да* на одинъ вопросъ, я отвѣчалъ *да* на другой, и съ этой минуты мистриссъ Реггъ находилась въ состояніи непрерывнаго разгула. Я охрипъ отъ недѣйствительности моихъ вокальныхъ усилій надъ нею. Однако теперь глупость бѣдной жены моей можетъ привести къ послѣдствіямъ непредвидѣннымъ ни кѣмъ изъ насъ. Она ни болѣе, ни менѣе какъ взрослый ребенокъ, и поэтому-то самому миссъ Ванстонъ довѣряетъ ей болѣе чѣмъ стала бы довѣрять болѣе умной женщинѣ. Я знаю дѣтей, малыхъ и большихъ получше чѣмъ моя прекрасная родственница, и говорю: остерегайтесь всѣхъ видовъ человѣческой невинности, когда хотите сохранить тайну.

Возвратимся къ дѣлу. Итакъ, вотъ въ два часа, однимъ прекраснымъ лѣтнимъ днемъ, остаюсь я совершенно одинъ, съ заботой объ отысканіи удобнѣйшаго средства—сойдтись, въ собственномъ моемъ интересѣ, съ мистеромъ Ноэлемъ Ванстономъ. Мои подозрѣнія касательно его скупости не лишаютъ меня мужества. Въ своей жизни я извлекалъ очень пріятные финансовые результаты изъ людей не менѣе его пристрастныхъ къ деньгамъ. Главное затрудненіе—мистриссъ Леконтъ. Если не ошибаюсь, госпожа эта заслуживаетъ нѣкотораго серіознаго вниманія съ моей стороны. Кончаю мою сегодняшнюю хронику, и воздаю должное этой дамѣ.

Три часа. Снова обращаюсь къ этимъ страницамъ, чтобы занести на нихъ открытіе поразившее меня своею неожиданностію.

Кончивъ послѣдній параграфъ, я вспомнилъ одно обстоятельство, замѣченное мною при сегодняшнихъ проводахъ дамъ. Я видѣлъ, что миссъ Ванстонъ взяла съ собою одинъ изъ своихъ дорожныхъ сундуковъ; мнѣ пришло въ голову, что осмотръ оставленныхъ ею вещей можетъ быть не безполезенъ. Занимавшись въ нѣкоторые періоды

моей жизни чужими замками, я безъ затрудненія справился съ сундуками миссъ Ванстонъ. Одинъ изъ двухъ не представлялъ для меня ничего интереснаго. Другой же, въ которомъ хранились костюмы, туалетныя вещи и другія сценическія принадлежности, оказался болѣе достойнымъ моего изслѣдованія: онъ привелъ меня къ открытію одной изъ тайнъ его обладательницы.

Я нашелъ въ сундукѣ всѣ платья, за однимъ знаменательнымъ исключеніемъ. Въ немъ не было костюма для роли старой дамы, сѣверной уроженки,—роли, исполнявшейся моею ученицей, какъ я уже упоминалъ, лучше всѣхъ другихъ, и скопированной, въ голосѣ и пріемахъ, съ ея старой гувернантки, миссъ Гартъ. Парикъ, накладныя брови, шляпа и вуаль, манто, подбитое ватой для обезображенія ея спины и плечь, краски и косметическія принадлежности, употреблявшіяся для приданія лицу старовидности и для измѣненія цвѣта его, все это уѣхало. Осталось только платье изъ испещренной цвѣтами шелковой матеріи, довольно полезной при представленіяхъ, но слишкомъ оригинальной цвѣтомъ и узоромъ при дневномъ свѣтѣ. Другія части костюма годны для употребленія; шляпа и зонтикъ только немного старомодны, да манто скромнаго сѣренькаго цвѣта. Изъ этого открытія я дѣлаю одинъ лишь выводъ. Такъ же вѣрно, какъ я сижу на этомъ мѣстѣ, что она уѣхала начать свою атаку противъ Ноэля Ванстона и мистриссъ Леконтъ, подъ видомъ, котораго никто изъ нихъ не заподозритъ сначала,—подъ видомъ миссъ Гартъ.

Что̀ же дѣлать мнѣ въ этихъ обстоятельствахъ? Открывъ тайну, что̀ мнѣ дѣлать съ нею? Соображенія эти довольно сложны; рѣшеніе нѣсколько затрудняетъ меня.

Не одинъ лишь тотъ фактъ, что мы нашли нужнымъ перерядиться для достиженія своихъ цѣлей, безпокоитъ меня въ настоящую минуту. Сотни дѣвушекъ переряжаются и сотни примѣровъ этого разказываются ежегодно въ газетахъ. Но мою экс-ученицу нельзя ни на минуту смѣшивать съ массою газетныхъ искательницъ приключеній. Она способна пойдти далеко выше пустой фантазіи одѣться въ мужской костюмъ и подражать мужскому голосу и пріемамъ. Въ ней есть природный талантъ принимать на себя разныя роли, какого я никогда не встрѣчалъ въ женщинѣ; она играла передъ публикой пока

не почувствовала собственной силы и не довела своего таланта въ переодѣваніяхъ до высшей степени. Дѣвушка, которая съ помощію этой способности нападаетъ въ расплохъ на самыхъ хитрыхъ людей для достиженія своихъ тайныхъ цѣлей, и которая подкрѣпляетъ эту способность твердою рѣшимостію достичь своей цѣли, — рѣшимостію, преодолѣвавшую всѣ затрудненія до сихъ поръ, способна рѣшиться на какое-нибудь новое и опасное средство обогащенія, могущее тѣмъ или другимъ путемъ привести къ очень важнымъ послѣдствіямъ. Таково мое убѣжденіе, основанное на обширной моей опытности въ искусствѣ проводить моихъ ближнихъ. Я высказываю здѣсь о предпріятіи моей прекрасной родственницы то чего я никогда не говорилъ и не думалъ до открытія сундука. Шансы въ пользу и противъ ея побѣды въ этой битвѣ о возвращеніи утраченнаго состоянія до того равны въ настоящее время, что я никакъ не могу рѣшить, на которую сторону склонятся вѣсы. Я могу сказать только что они навѣрно склонятся на ту или на другую сторону въ тотъ самый день, когда она перешагнетъ, переряженная, черезъ порогъ дома Ноэля Ванстона.

Какой путь указываютъ мнѣ теперь мои выгоды? Честное слово, не знаю.

Пять часовъ. Я придумалъ искусную сдѣлку; я рѣшился служить и нашимъ, и вашимъ.

Съ сегодняшнею почтой я послалъ, въ Лондонъ, безыменное письмо къ мистеру Ноэлю Ванстону. Оно будетъ отправлено по назначенію тѣмъ же путемъ, который удался мнѣ съ мистеромъ Пендрилемъ, и придетъ въ Воксаллъ-Вокъ, въ Ламбетѣ, не позже какъ завтра по полудни.

Письмо мое не многорѣчиво. Оно объявляетъ мистеру Ноэлю Ванстону, въ самомъ страшномъ тонѣ, что онъ можетъ сдѣлаться жертвою козней, и что зачинщица ихъ та самая молодая особа, которая уже сносилась письменно съ его отцомъ и съ нимъ самимъ. Оно обѣщаетъ ему свѣдѣнія необходимыя для обезпеченія его безопасности, съ условіемъ, что онъ какъ слѣдуетъ вознаградитъ автора письма за серіозную опасность, которой подвергнетъ послѣдняго сообщеніе свѣдѣній. Письмо кончается требованіемъ чтобъ отвѣтъ былъ напечатанъ въ объявленіяхъ газеты *Times*, съ адресомъ „Неизвѣстному другу", и съ

яснымъ обозначеніемъ вознагражденія, какое мистеръ Ноэль Ванстонъ намѣренъ предложить за обѣщаемую неоцѣненную услугу.

Письмо это, если не встрѣтится никакихъ неожиданныхъ компликацій, ставитъ меня именно въ положеніе указываемое мнѣ моими теперешними интересами. Если появится объявленіе, и если вознагражденіе будетъ достаточно велико, чтобы переманить меня въ непріятельскій лагерь, я перебѣгу. Если не явится объявленіе, или если мистеръ Ноэль Ванстонъ оцѣнитъ слишкомъ низко мою неоцѣнимую помощь, я остаюсь здѣсь, въ ожиданіи пока не понадоблюсь моей прекрасной родственницѣ, или пока не заставлю ее нуждаться во мнѣ, что выходитъ одно на одно. Если безыменное письмо попадетъ какимъ-нибудь образомъ въ ея руки, то она найдетъ въ немъ оскорбительные намеки на меня, нарочно помѣщенные, чтобы заставить ее думать, будто авторъ письма одно изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ обращался я для справокъ. Если мистриссъ Леконтъ захватитъ дѣло въ свои руки, и разставитъ мнѣ силки, я откажусь отъ ея искусительнаго приглашенія, и брошу дѣло какъ только вмѣшается въ него посторонняя особа. Каковъ бы ни былъ результатъ, я готовъ воспользоваться имъ; да, спокойный и обезпеченный совершенно и оттуда и отсюда, я жду его, „моральный земледѣлецъ“, съ глазами устремленными на обѣ жатвы, и съ готовою на все косою надувателя.

На будущей недѣлѣ газеты будутъ для меня интереснѣе чѣмъ когда-либо. Не знаю, на какую сторону перепаду я?

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

I. Воксалъ-Вокъ.

Древній архіепископскій дворецъ въ Ламбетѣ, высящійся на южномъ берегу Темзы, съ его епископскою дорогой, садомъ и террасой обращенной къ рѣкѣ, составляетъ архитектурный памятникъ Лондона первыхъ временъ, драгоцѣнный для всѣхъ любителей живописнаго, въ

современномъ утилитарномъ Лондонѣ. Къ югу, отъ этого внушающаго почтеніе зданія простирается лабиринтъ Ламбетскихъ улицъ, и почти въ серединѣ путаницы строеній лежащихъ ближе къ рѣкѣ идетъ грязный двойной рядъ домовъ, теперь, какъ и прежде, называющійся Воксаллъ-Вокомъ.

Сѣть угрюмыхъ улицъ, разстилающаяся въ окружности, заключаетъ въ себѣ по большей части самое бѣдное населеніе. Въ проѣздахъ, наполненныхъ лавками, нужда открыто заявляется на грязной мостовой, и, собираясь съ силами всю недѣлю, растрачиваетъ ихъ въ волненіи суботняго вечера, чтобы встрѣтить воскресное утро въ пасмурномъ полусвѣтѣ газа. Бѣдныя женщины, съ невѣдающими улыбки лицами бродятъ у мясныхъ лавокъ, крѣпко сжимая въ рукахъ остатки мужниныхъ заработковъ спасенныхъ отъ пивныхъ лавокъ, въ крѣпко сжатыхъ рукахъ, пожирая глазами мясо, жадно трогая его пальцами, подобно тому какъ трогаютъ брилліянты пальцы ихъ богатыхъ сестеръ.

Въ такомъ сосѣдствѣ, Воксаллъ-Вокъ выигрываетъ отъ сравненія, и заявляетъ притязаніе на порядочность, которой не можетъ не признать за нимъ безпристрастное наблюденіе. Бо́льшая часть улицы состоитъ изъ частныхъ домовъ. Разбросанныя кое-гдѣ лавки не окружаются толпой, какъ въ болѣе людныхъ улицахъ. Шумной торговли здѣсь нѣтъ, покупатели не приглашаются здѣсь громкими зазывами. Продавцы птицъ оцѣнили этотъ покой, и воркованіе голубей, и чириканіе канареекъ раздаются въ Воксаллъ-Вокѣ. Подержанныя телѣжки и кареты, старенькія кровати, разрозненныя колеса, кому что̀ понадобится, все это найдете вы здѣсь въ одномъ мѣстѣ. Одна изъ побочныхъ вѣтвей великаго потока газа, освѣщающаго Лондонъ, выходитъ съ расположенныхъ здѣсь заводовъ. Здѣсь, послѣдователи Джона Веслея воздвигли храмъ, сооруженный еще до обращенія методистовъ къ принципамъ зодческой религіи. И здѣсь же, что̀ всего поразительнѣе, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ горѣли нѣкогда тысячи огней, гдѣ прелестные звуки музыки наполняли мелодіей всю ночь до разсвѣта, гдѣ, въ продолженіи столѣтія, все что̀ было прекраснаго и моднаго въ Лондонѣ, пировало и танцовало въ лѣтній „сезонъ", въ настоящее время, разсти-

лается страшный пустырь съ грязью и мусоромъ, покинутый гніющій трупъ Воксальскихъ садовъ.

Въ тотъ день, когда капитанъ Реггъ занесъ послѣдній параграфъ въ свою хронику, у окна одного изъ домовъ Воксаллъ-Вока показалась женщина, и сняла со стекла прилѣпленное къ нему печатное объявленіе объ отдачѣ въ наемъ квартиры. Квартира состояла изъ двухъ комнатъ перваго этажа. Онѣ только что были наняты на недѣлю двумя заплатившими впередъ дамами, именно Магдалиной и мистриссъ Реггъ.

Какъ только хозяйка дома ушла, Магдалина приблизилась къ окну и украдкою оглянула противуположный рядъ домовъ. Они казались обширнѣе и красивѣе остальныхъ строеній улицы: время ихъ сооруженія, 1759 годъ, было означено на одномъ изъ нихъ. Отступая нѣсколько отъ тротуара, они отдѣлялись отъ него узкимъ палисадникомъ. Эта особенность, вмѣстѣ съ шириной улицы, не позволяла Магдалинѣ различать номеровъ на дверяхъ и видѣть болѣе чѣмъ общія очертанія подходившихъ къ окну лицъ. Несмотря на это, она продолжала стоять, пытливо устремивъ глаза на одинъ изъ домовъ, который находился почти прямо противъ нее, который она запримѣтила еще прежде вступленія въ свою квартиру и въ которомъ въ настоящее время обитали Ноэль Ванстонъ и мистриссъ Леконтъ.

Прождавъ молча у окна минутъ десять, она вдругъ обернулась, чтобы взглянуть какое впечатлѣніе на спутницу производитъ ея поведеніе.

Ни малѣйшихъ опасеній не могла возбудить ея спутница. Мистриссъ Реггъ сидѣла у окна, занятая раскладкой пестрыхъ объявленій и заманчивыхъ прейсъ-курантовъ, брошенныхъ въ окно извощичьей кареты, при ихъ отъѣздѣ со станціи желѣзной дороги. „Вотъ все говорятъ: легкое чтеніе, легкое чтеніе!“ произнесла мистриссъ Реггъ, не переставая перебирать и передвигать объявленія, какъ ребенокъ неугомонно возящійся съ новыми игрушками. „Вотъ оно легкое чтеніе, отпечатано красками. Тутъ всѣ вещи, которыя я пойду покупать завтра по лавкамъ. Одолжите намъ, пожалуста, карандашикъ,—не сердитесь вы на меня за это, нѣтъ? Мнѣ хотѣлось бы помѣтить ихъ.“ Она посмотрѣла на Магдалину, весело смѣясь надъ перемѣной своихъ обстоятельствъ и съ

неудержимымъ восторгомъ хлопая своими большими руками по столу. „Нѣтъ поваренной книжки! воскликнула мистриссъ Реггъ:—не жужжитъ въ головѣ, капитана брить завтра не надо! Хожу себѣ на пяткахъ, чепчикъ на бекрень, и никто не кричитъ на меня! Сердце радуется! Вотъ праздникъ такъ праздникъ!“—Она принялась барабанить по столу громче обыкновеннаго, пока Магдалина не подала ей карандаша. Мистриссъ Реггъ тотчасъ же опомнилась и, облокотясь на столъ локтями, погрузилась на весь вечеръ въ думы о своемъ завтрашнемъ хожденіи по лавкамъ.

Магдалина снова подошла къ окну. Она взяла стулъ, сѣла позади занавѣси и еще разъ пристально устремила глаза свои на противоположный домъ.

Въ окнахъ перваго и втораго этажа сторы были опущены. Сторы не было на полуотворенномъ окнѣ жилой комнаты внизу. Въ сосѣднихъ домахъ, двери отворялись и затворялись; народъ входилъ и выходилъ; дюжины дѣтей выскакивали играть на мостовую и производили набѣги на маленькіе палисадники, ища потерянныхъ мячиковъ и волановъ; потоки проходящаго люда непрерывно двигались взадъ и впередъ; высоко нагруженные тяжелые возы загромаживали улицу, направляясь къ сосѣдней станціи желѣзной дороги или отъ нея; всюду волновалась дневная жизнь въ своей неугомонной дѣятельности; одно лишь мѣсто составляло исключеніе. Проходили часы, а противоположный домъ оставался все запертъ, все чуждъ всякихъ признаковъ человѣческой жизни, какъ внутри такъ и снаружи Единственная цѣль, побудившая Магдалину лично отправиться въ Воксаллъ-Вокъ,—изученіе житья-бытья мистриссъ Леконтъ и ея хозяина изъ потаеннаго уголка, оказывалась до сихъ поръ неудободостигаемою. Послѣ трехчасоваго наблюденія у окна, она не могла даже распознать, живетъ ли кто въ домѣ.

Около шести часовъ, хозяйка вошла со скатертью для обѣда и прервала занятіе мистриссъ Реггъ. Магдалина помѣстилаеь за столомъ такъ чтобы можно было видѣть все происходившее на улицѣ. Однако попрежнему ничего не оказывалось. Обѣдъ кончился; мистриссъ Реггъ (убаюканная наркотическимъ дѣйствіемъ помѣтки объявленій и употребленіемъ пищи и питія съ особеннымъ аппетитомъ, усиленнымъ вслѣдствіе отсутствія капитана) усѣ-

лась въ кресло и заснула въ такомъ положеніи, которое причинило бы ея мужу острѣйшія умственныя страданія. Пробило семь часовъ; тѣни лѣтняго вечера стали ложиться на сѣрую мостовую и стѣны домовъ, а запертыя двери насупротивъ все не отворялись, а открытое окно все обнаруживало лишь темную пустоту комнаты, безжизненной и неизмѣнной будто могила.

Сопѣніе мистриссъ Реггъ становилось громче и громче; опускалась уже ночь, и только ровно въ восемь часовъ показались насупротивъ признаки жизни. Дверь противуположнаго дома отворилась въ первый разъ, и на порогѣ явилась женщина.

Была ли то мистриссъ Леконтъ? Нѣтъ. Когда она подошла ближе, по платью оказалось что это служанка. Она держала въ рукахъ большой ключь отъ наружной двери, и очевидно, была послана съ какимъ-нибудь порученіемъ. Подстрекаемая частію любопытствомъ, частію волненіемъ минуты, разжигавшимъ ея горячую натуру послѣ многихъ часовъ бездѣйствія, Магдалина поспѣшно надѣла свою шляпу и рѣшилась послѣдовать за горничной, куда бы та ни пошла.

Горничная привела ее къ сосѣдней большой проѣзжей улицѣ, наполненной лавками и называемой Ламбетъ-Вокомъ. Пройдя нѣкоторое пространство и осмотрѣвшись съ нерѣшимостію человѣка не хорошо знакомаго съ мѣстностію, служанка перебралась на другую сторону улицы и вошла въ лавку продавца письменныхъ матеріяловъ. Магдалина послѣдовала за ней и также вошла въ лавку.

Магдалина не могла разслышать чего требовала служанка. Первыя слова продавца достигли однако до нея и извѣстили ее, что той нужно купить „Путеводитель по желѣзнымъ дорогамъ.“

— За этотъ мѣсяцъ или за іюль? спросилъ ее продавецъ.

— Баринъ не сказалъ мнѣ за который, отвѣчала служанка.— Я знаю только, что онъ уѣзжаетъ изъ города послѣзавтра.

— Послѣзавтра будетъ первое іюля, замѣтилъ продавецъ.—Вашему барину нуженъ, значитъ, „Путеводитель“ на будущій мѣсяцъ. Раньше завтрашняго дня онъ не выйдетъ.

Обѣщая зайдти на другой день, служанка оставила лавку и направилась обратно въ Воксаллъ-Вокъ.

Магдалина купила въ лавкѣ первую попавшуюся ей на

глаза бездѣлку и быстро направилась туда же. Узнанное ею теперь обстоятельство было очень для нея важно: оно показывало ей необходимость дѣйствовать безъ малѣйшаго замедленія.

Въ лицевой комнатѣ, она застала только что проснувшуюся мистриссъ Реггъ, которая не очнулась еще отъ дремотной забывчивости и потеряла съ одной ноги башмакъ. Магдалина убѣдила ее, что она устала съ дороги и что было бы всего лучше для нея лечь спать. Мистриссъ Реггъ совершенно соглашалась съ этимъ, и желала только сыскать сначала свой башмакъ. Но ища башмакъ, она къ несчастію замѣтила аффишки, лежавшія на столѣ, и вспомнила о своихъ прежнихъ занятіяхъ.

— Ахъ, дайте-ка намъ карандашикъ, проговорила мистриссъ Реггъ, торопливо комкая аффишки.—Я еще не могу ложиться; я еще не помѣтила и половины того что̀ мнѣ надобно. Позвольте, на чемъ я остановилась? *Испытайте Финчевы рожки для кормленія дѣтей.* Нѣтъ! тутъ поставленъ крестъ: крестъ значитъ, что мнѣ не надо этого. *Удобство въ полѣ. Беклеровы неистребимыя охотничьи панталоны.* Ахъ, Боже мой, Боже мой! я потеряла мѣсто. Ахъ, нѣтъ, не потеряла! Вотъ оно; вотъ моя черточка. *Изящныя кашмировыя платья; совершенно восточныя, большаго размѣра; цѣна понижена до 1 фунта, 19 шиллинговъ и 6 пенсовъ. Поторопитесь, осталось всего три.* Всего три! О, одолжите же намъ денегъ и пойдемте скорѣе захватимъ хоть одно!

— Пойдемте, только не теперь, сказала Магдалина.—Не лучше ли вамъ пойдти теперь спать, а объявленіями заняться завтра? Я положу ихъ у вашей постели, такъ что вы можете заняться ими, какъ только проснетесь утромъ.

Мистриссъ Реггъ немедленно согласилась на это. Магдалина увела ее въ смежную комнату и уложила въ постель, словно ребенка съ игрушками. Комната была такъ узка и кровать такъ мала, а мистриссъ Реггъ, въ своемъ бѣломъ ночномъ костюмѣ, съ лунообразнымъ лицомъ, которое окаймлялось большимъ ночнымъ чепцомъ, смотрѣла такою несоотвѣтственною кровати великаншей, что Магдалина, какъ ни была озабочена, не могла удержаться отъ улыбки, прощаясь на ночь съ своею спутницей.

— Ага! весело воскликнула мистриссъ Реггъ:—завтра мы подхватимъ это кашмировое платье. Подойдите-ка сюда, мнѣ хочется сказать вамъ кое-что на ухо. Вотъ посмотрите, я буду спать скорчившись, а капитанъ не увидитъ, и не закричитъ на меня.

Въ лицевой комнатѣ былъ большой диванъ, который хозяйка превратила на ночь въ постель. Когда постель была готова и свѣчи поданы, Магдалина осталась одна для обсужденія своего будущаго.

Вопросы и отвѣты, обмѣненные сегодня въ ея присутствіи въ лавкѣ, ясно показывали, что черезъ день Ноэль Ванстонъ выѣдетъ изъ Воксаллъ-Вокъ. Ея первое осторожное рѣшеніе посвятить нѣсколько дней тайному наблюденію противоположнаго дома прежде чѣмъ отважиться проникнуть въ него, не могло быть исполнено вслѣдствіе принятаго обстоятельствами оборота. Она была поставлена въ затруднительную необходимость или отчаянно всѣмъ рискнуть завтра, или отложить дѣло до будущаго удобнаго случая, который можетъ-быть и не представится никогда. Ничего другаго не оставалось ей. Не увидѣвъ собственными глазами Ноэля Ванстона и не опредѣливъ себѣ чего и въ какой мѣрѣ можно опасаться со стороны мистриссъ Леконтъ, не достигнувъ этого такимъ образомъ чтобы самой остаться неузнанною, она не могла сдѣлать ни одного шага для осуществленія ея плана, который и побудилъ ее отправиться въ Лондонъ.

Минута уходила за минутой, одна за другою мелькали мысли въ ея головѣ; а она не приходила еще ни къ какому заключенію, колеблясь съ нерѣшимостью небывалою въ ней. Наконецъ она быстро встала и направилась къ своему сундуку какъ бы ища развлеченія въ раскладкѣ вещей и въ отобраніи немногаго что могло понадобиться ей на ночь. Подозрѣнія капитана Регга не обманули его. Здѣсь, между двумя платьями, были спрятаны принадлежности костюма, которыхъ не доставало въ ея бэрмингамскомъ сундукѣ. Она перебрала ихъ одинъ за другимъ, чтобъ убѣдиться не забыто ли чего-нибудь нужнаго, и затѣмъ снова подошла къ окну для наблюденія.

Въ противоположномъ домѣ, только одна комната нижняго этажа была освѣщена. Стора окна, поднятая прежде, была теперь опущена, а легкій свѣтъ сзади показалъ ей, въ пер-

вый разъ, что комната была обитаема. Когда она увидѣла это, сверкнули ея глаза и зарумянилось лицо.

— Здѣсь-то онъ живетъ! проговорила она сдержаннымъ гнѣвнымъ шепотомъ.—Здѣсь живетъ онъ на наши деньги въ домѣ, который запертъ для меня по наказу его отца.

Она опустила поднятую ею стору, возвратилась къ сундуку и вынула изъ него сѣрый парикъ, одну изъ принадлежностей ея костюма въ роли старой дамы сѣверной уроженки. Парикъ былъ помятъ при упаковкѣ: она надѣла его и подошла къ туалету чтобы расчесать. „Отецъ предостерегалъ его отъ Магдалины Ванстонъ,“ произнесла она, повторяя фразу письма мистриссъ Леконтъ и горько усмѣхаясь, при видѣ своего отраженія въ зеркалѣ. „Хотѣлось бы мнѣ знать, предостерегалъ ли его отецъ отъ миссъ Гартъ? Завтра, это раньше чѣмъ я разчитывала. Но завтра такъ завтра. Посмотримъ.“

II.

Рано утромъ, когда Магдалина поднялась и выглянула въ окно, погода стояла туманная и пасмурная. Но съ приближеніемъ дня, опасность дождя миновала; никакой помѣхи со стороны погоды не предвидѣлось для первой необходимости этого дня, для выпровода ея спутницы изъ дома.

Мистриссъ Реггъ была одѣта, вооружена всею своею коллекціею объявленій и готова къ отправленію, въ десять часовъ. Магдалина, еще прежде, какъ только встала, распорядилась чтобы съ мистриссъ Реггъ отправилась нянькой старшая дочь хозяйки, серіозная, весьма порядочная дѣвушка; Магдалина позаботилась заинтересовать ее самоё этою экспедиціей по лавкамъ, подаривъ ей маленькую сумму денегъ съ тѣмъ чтобъ она купила себѣ зонтикъ и кисейное платье. Вскорѣ послѣ десяти часовъ, Магдалина отправила въ извощичьей каретѣ мистриссъ Реггъ съ ея спутницей. Затѣмъ, она присусѣдилась къ хозяйкѣ, убиравшей комнаты на верху, чтобъ искусною болтовней вывѣдать о дневныхъ порядкахъ жителей дома.

Она узнала, что въ домѣ, кромѣ мистриссъ Реггъ съ нею,

не было другихъ жильцовъ. Мужъ хозяйки, служившій на станціи желѣзной дороги, уходилъ на весь день. На вторую дочь возлагалась забота о кухнѣ въ отсутствіе старшей. Младшія дѣти отправились въ школу и возвратятся въ часъ, къ обѣду. Сама хозяйка стираетъ тонкое дамское бѣлье и будетъ занята работой все утро, въ маленькой, пристроенной къ задней части нижняго этажа, комнатѣ. Такимъ образомъ, Магдалинѣ представлялась полная возможность выйдти изъ дому переодѣтою и незамѣченною, если только она успѣетъ сдѣлать это прежде чѣмъ дѣти возвратятся къ обѣду, въ часъ.

Въ одиннадцать часовъ окончилась уборка комнатъ, и хозяйка ушла къ себѣ заняться своимъ дѣломъ. Магдалина тихонько заперла дверь, спустила стору и начала приготовленія къ опасному предпріятію этого дня.

Та же мѣткость соображенія предстоящихъ опасностей и затрудненій, которая побудила ее оставить слишкомъ бросающуюся въ глаза часть ея сценическаго костюма въ Бэрмингамѣ, показала ей теперь огромную разницу между нарядомъ надѣваемымъ при газовомъ освѣщеніи для забавы публики, и нарядомъ надѣваемымъ при дневномъ свѣтѣ для обмороченія пытливыхъ незнакомыхъ глазъ. Прежде всего она надѣла собственное старое платье (изъ шерстяной матеріи извѣстной подъ названіемъ *альпака*) темно-коричневаго цвѣта съ бѣлыми маленькими звѣздочками. Двойная фалбала внизу платья составляла единственное его украшеніе, небезумѣстное въ костюмѣ пожилой дамы. Потомъ она занялась замаскировкой головы и лица. Она расправила сѣдой парикъ съ ловкостью долгаго навыка; тщательно наклеила поддѣльныя брови (нѣсколько широковатыя и цвѣтомъ темнѣе парика) и раскрасила лицо обыкновенными сценическими средствами, такъ чтобы замѣнить прозрачную бѣлизну своего лица тусклымъ, томно матовымъ цвѣтомъ хворой женщины. За симъ послѣдовало проведеніе морщинъ и другихъ признаковъ старости, и здѣсь представились первыя затрудненія. Искусство, удовлетворявшее при газовомъ освѣщеніи, не удовлетворяло при дневномъ. трудность скрыть замѣтно-искусственныя линіи была почти непреодолима. Она вернулась къ своему сундуку, вынула два вуаля, и надѣвъ свою старомодную шляпку, попробовала тотъ и другой. Одинъ изъ вуалей (изъ чер-

наго кружева) былъ слишкомъ плотенъ для лѣтняго времени, и могъ обратить на себя вниманіе. Другой, изъ простаго тюля, на столько прикрывалъ ея черты, что можно было съ безопасностію провести нѣсколько линій (гораздо менѣе чѣмъ обыкновенно проводила она для сцены) по лбу и у краевъ рта. Но устраненное такимъ образомъ затрудненіе породило новое: не странно ли будетъ сидѣть и бесѣдовать при опущенномъ вуалѣ, безъ особенной видимой причины на то? Минута размышленія и случайный взглядъ на маленькую фарфоровую палитру со сценическими красками родили въ ея быстромъ соображеніи средство къ устраненію неловкости опущеннаго вуаля. Она обезобразила себя, раскрасивъ краснымъ вѣки, что бы придать глазамъ видъ воспаленія, фальшивость котораго не могъ бы распознать никто, кромѣ развѣ врача, да и то на близкомъ разстояніи. Она вскочила, и съ торжествомъ посмотрѣла на свое обезображенное лицо въ зеркалѣ. Кто найдетъ теперь страннымъ, что она не подыметъ вуаля, или попроситъ у мистриссъ Леконтъ позволенія сѣсть спиной къ свѣту?

Послѣднимъ ея дѣломъ было надѣть скромное сѣрое манто привезенное изъ Бэрмингама и наваченное опытными руками самого капитана Регга, чтобы скрыть юную красоту и грацію ея спины и плечъ. Кончивъ съ костюмомъ, она начала испытывать себя въ соотвѣтствующей роли походкѣ, съ легкимъ ковылянъемъ, и возвратясь къ зеркалу послѣ минутной пробы, стала упражнять себя въ измѣненіи своего голоса и своей манеры. Это была единственная часть роли, въ которой ей было возможно скопировать миссъ Гартъ, и сходство тутъ было полное. Суровый голосъ, рѣзкіе пріемы, привычка сопровождать нѣкоторыя фразы выразительнымъ кивкомъ головы, нортомбрійскій рѣзкій выговоръ буквы „г“, всѣ эти типическія черты старой сѣверной гувернантки были представлены ею какъ въ натурѣ. Преображеніе ея личности было буквально, какъ выразился капитанъ Реггъ, торжествомъ искусства переодѣванья. Не глядя на нее близко и пристально при яркомъ свѣтѣ, который бы падалъ прямо на лицо ей, никто не заподозрилъ бы ни на минуту, что она не хворая, дурно сложенная и

непривлекательная женщина, по крайней мѣрѣ лѣтъ пятидесяти.

Взявшись за ручку двери, она осмотрѣлась внимательно, желая удостовѣриться, не осталась ли какая-нибудь изъ ея сценическихъ принадлежностей на виду, въ случаѣ еслибы хозяйка вошла, въ ея отсутствіе, въ комнату. Единственная найденная ею позабытая вещь была маленькая связка писемъ Норы, которыя она читала ночью и которыя были случайно сунуты подъ зеркало во время одѣванія. Въ то время какъ она брала письма чтобъ убрать ихъ, въ головѣ ея, въ первый разъ, явилась мысль: „узнала ли бы меня теперь Нора, еслибы мы встрѣтились на улицѣ?“ Она посмотрѣла въ зеркало и грустно улыбнулась.—„Нѣтъ,“ сказала она, „и Нора не узнала бы.“

Пождавъ минуту на площадкѣ лѣстницы, она убѣдилась, что все было тихо въ сѣняхъ внизу. Тихохонько спустилась она съ лѣстницы и вышла на улицу не встрѣтивъ никого. Въ одно мгновеніе перешла она на другую сторону, и постучалась у дверей дома Ноэля Ванстона.

Дверь была отворена тою самою служанкою, за которою слѣдовала она вчера вечеромъ въ бумажную лавку. Съ трепетомъ, напомнившимъ ей день ея дебюта передъ публикой, Магдалина (подражая голосу и манерѣ миссъ Гартъ) спросила, дома ли мистрисъ Леконтъ.

— Мистриссъ Леконтъ нѣтъ дома, сударыня, отвѣчала служанка.

— А мистеръ Ванстонъ дома? спросила Магдалина, съ утвердившеюся отъ перваго встрѣченнаго препятствія рѣшимостью.

— Баринъ не вставалъ еще, сударыня.

Новая неудача! Болѣе слабая натура приняла бы это за предостереженіе. Натура Магдалины напротивъ еще пуще взбунтовалась.

— Когда воротится мистриссъ Леконтъ? спросила она.

— Около часу, сударыня.

— Скажите ей, пожалуста, что я побываю еще, такъ, около часу. Мнѣ очень нужно видѣть мистриссъ Леконтъ. Имя мое миссъ Гартъ.

Она повернулась и пошла прочь. Нельзя было и думать сейчасъ же возвратиться къ себѣ. Служанка (какъ догодалась Магдалина, не слыша звука затворяемыхъ дверей)

смотрѣла вслѣдъ за ней; да и кромѣ того, еслибъ она возвратилась къ себѣ, ей пришлось бы выходить опять какъ разъ въ то время когда должны придти хозяйкины дѣти. Безсознательно повернула она направо, и шла все прямо, пока не достигла Вокзальскаго моста; тутъ она остановилась, устремивъ взоръ чрезъ рѣку.

Свободнаго времени у ней оставалось около часу. Куда дѣть его?

Въ то время какъ она задавала себѣ этотъ вопросъ, мысль мелькнувшая въ ея головѣ при уборкѣ пачки Нориныхъ писемъ снова явилась передъ ней. Внезапное желаніе испытать печальное совершенство своей замаскировки соединилось въ ней съ болѣе высокимъ и чистымъ чувствомъ, и въ ней усилилось естественное желаніе увидѣть лицо своей сестры. Послѣднія письма Норы описывали, со всѣми подробностями, ея житье-бытье въ качествѣ гувернантки, часы занятій, часы досуга, часы прогулокъ съ воспитанницами. Времени оставалось именно столько, что взявъ тотчасъ извощика, можно было поспѣть къ дому, гдѣ жила Нора въ ту самую пору, когда она должна будетъ выйдти для прогулки. „Одинъ взглядъ на нее скажетъ мнѣ болѣе чѣмъ сто писемъ!“ Съ этою мыслью въ душѣ и съ единственною цѣлью слѣдить за Норой въ ея ежедневной прогулкѣ, подъ покровительствомъ своей замаскировки, Магдалина поспѣшила перейдти черезъ мостъ на сѣверный берегъ рѣки.

Такъ, на поворотѣ ея жизни, передъ тѣмъ какъ она должна была сдѣлать невозвратный шагъ и переступить черезъ порогъ Ноэля Ванстона, силы добра, торжествуя въ борьбѣ за нее надъ силами зла, отвели ее отъ сцены гдѣ она готовилась разыграть задуманный ею обманъ, и жалѣя ее, повлекли ее все далѣе и далѣе отъ роковаго дома.

Она остановила первую встрѣтившуюся ей незанятую карету, велѣла извощику везти ее въ Нью-Стритъ, Спрингъ-Гарденсъ, и обѣщала ему удвоить плату, если онъ поспѣетъ вовремя. Извощикъ вполнѣ заслужилъ обѣщанное, даже болѣе чѣмъ заслужилъ, какъ показалъ результатъ. Магдалина не успѣла сдѣлать десяти шаговъ по Нью-Стриту, въ направленіи къ Сентъ-Джемсскому парку, какъ дверь одного дома отворилась передъ ней и показалась дама въ

трауръ въ сопровожденіи двухъ маленькихъ дѣвочекъ. Дама также направилась къ парку, не поворотивъ своей головы къ Магдалинѣ, при спускѣ съ крыльца. Но это было все равно: сердце глядѣло глазами Магдалины, сердце сказало ей, что это Нора.

Она пошла за ними въ Сентъ-Джемсскій паркъ, потомъ (по Пель-Меллю) послѣдовала въ Гринъ-Паркъ, приближаясь къ нимъ все болѣе и болѣе, въ то время какъ достигнувъ луга, они стали подыматься на горку къ Гайдъ-Паркъ-Корнеру. Жадными глазами пожирала она всякую мелочь Нориной одежды, и замѣчала самыя легкія измѣненія въ ея лицѣ и фигурѣ. Нора похудѣла съ осени, и голова ея опустилась немного. Траурный костюмъ ея, сидѣвшій на ней съ скромною граціей и изяществомъ, которыхъ не могло отнять у ней никакое несчастіе, соотвѣтствовалъ ея положенію; черное платье ея было изъ шерстяной матеріи; черный платокъ и шляпа — самаго простаго и дешеваго сорта. Двѣ маленькія дѣвочки, шедшія по сторонамъ ея, были одѣты въ шелковое платье. Магдалина инстинктивно возненавидѣла ихъ.

Она сдѣлала большой кругъ по лугу чтобъ обойдти ихъ и встрѣтить сестру, не возбуждая подозрѣнія въ намѣренности встрѣчи. Крѣпко билось ея сердце и страшный жаръ жегъ ее, когда она думала о фальши своихъ волосъ, цвѣта лица, костюма, и видѣла приближавшійся дорогой знакомый ей обликъ. Близко прошли они мимо другъ друга. Прекрасные темные глаза Норы поднялись съ выраженіемъ еще большей глубины и скорбной красоты чѣмъ прежде, не разпознали лица сестры и отвернулись въ сторону какъ отъ лица незнакомой особы. Этотъ мгновенный взглядъ поразилъ до глубины души Магдалину. Какъ прикованная, остановилась она на мѣстѣ. Отвращеніе отъ мерзкаго костюма, который скрывалъ ее, желаніе сбросить его узы и спрятать на груди Норы свое постыдно-раскрашенное лицо, овладѣлъ ея тѣломъ и душой. Она повернулась и взглянула назадъ.

Нора съ двумя дѣвочками поднялась выше и дошла до одной изъ калитокъ желѣзной рѣшетки, отдѣляющей паркъ отъ улицы. Влекомая непреодолимою силой, Магдалина снова послѣдовала за ними, настигла ихъ у калитки и могла слышать голоса двухъ дѣвочекъ, сердито спорившихъ куда

идти теперь. Она видѣла какъ Нора вывела ихъ черезъ калитку и потомъ, остановившись, стала что-то говорить имъ, въ ожиданіи возможности перейдти на другую сторону улицы. Отъ ея словъ, дѣти раскричались и разсердились еще пуще. Младшая, дѣвочка восьми-девяти лѣтъ, пришла въ какое-то изступленіе, заплакала, завизжала и даже стала толкать гувернантку. Прохожіе останавливались и смѣялись; нѣкоторые шутливо совѣтовали употребить маленькое исправительное средство; одна женщина спросила Нору не мать ли она дѣвочки; другая вслухъ пожалѣла ее какъ гувернантку. Прежде чѣмъ Магдалина могла пробраться черезъ толпу, прежде чѣмъ пересилившее въ ней все желаніе помочь сестрѣ заставило ее забыть всѣ другія соображенія и броситься, измѣнивъ себѣ, къ Норѣ, по мостовой медленно приблизилась коляска, задерживаемая столпившимися впереди экипажами. Пожилая дама, сидѣвшая въ коляскѣ, услышала голоса дѣтей, узнала Нору и тотчасъ же подозвала ее. Лакей растолкалъ толпу, и дѣти были усажены въ коляску. „Какое счастіе, что мнѣ случилось проѣзжать тутъ!“ замѣтила дама, презрительно указывая Норѣ занять мѣсто на переднемъ сидѣніи: „вы рѣшительно не умѣете ладить съ дѣтьми моей дочери, да кажется и не очень расположены къ этому.“ Лакей закинулъ подножку, коляска покатилась съ дѣтьми и гувернанткой, толпа разошлась, и Магдалина осталась снова одна.

— Да будетъ же такъ! печально подумала она.—Я только бы огорчила бы ее. Намъ пришлось снова испытать муку разставанія.

Безсознательно повернула она назадъ и, какъ во снѣ, возвратилась къ открытой полянѣ парка. Обманчиво укрѣпляя себя, силой любви къ сестрѣ и силой негодованія за нее, она еще болѣе поддалась пагубному искушенію ея жизни. Сквозь всю раскраску и безобразіе костюмированія, бѣшеное отчаяніе этой сильной и страстной натуры проглядывало свирѣпо и грозно. Нора — предметъ публичнаго любопытства и забавы; Нора — получающая выговоръ на улицѣ; Нора—наемная жертва дерзости старухи и каприза ребенка: и за все это слѣдуетъ благодарить того же человѣка, который отослалъ Франка въ Китай, а также и сынка его. Мысль о сестрѣ, удалившая ее отъ сцены задуманнаго обмана и возбудившая

въ ней отвращеніе къ ея маскараду, утвердила задуманное ею теперь средство, какъ и всѣ другія, годныя къ достиженію ея цѣли, снабдила ее крыльями и повлекла все ближе и ближе къ роковому дому.

Она вышла изъ парка и очутилась сама не зная гдѣ. Снова взяла она первую встрѣтившуюся карету и велѣла везти себя въ Воксаллъ-Вокъ.

Смѣна ходьбы ѣздою успокоила ее. Вниманіе ея обратилось на свой нарядъ. Необходимость удостовѣриться, не произошло ли въ немъ какой-нибудь перемѣны послѣ того какъ она оставила свою комнату, тотчасъ же представилась ея уму. Она остановила извощика у первой кондитерской чтобъ оправиться передъ зеркаломъ.

Ея сѣрый парикъ былъ не на мѣстѣ, а старомодная шляпа сдвинулась немного на сторону. Изъ остальнаго ничто не пострадало. Она поправила что было нужно, и возвратилась къ каретѣ. Была половина втораго, когда она подъѣхала къ дому и постучалась во второй разъ у дверей Ноэля Вандстона. Служанка, какъ и прежде, отворила ей.

— Мистриссъ Леконтъ дома теперь?

— Да, сударыня. Пожалуйте вотъ сюда.

Служанка провела Магдалину пустымъ коридоромъ, и обойдя голую, не одѣтую ковромъ лѣстницу, отворила дверь одной изъ заднихъ комнатъ дома. Комната была освѣщена однимъ окномъ глядѣвшимъ на дворъ, стѣны были безъ обоевъ, полъ безъ ковра. Два простые спаленные стула стояли у стѣны, а кухонной столъ у окна. На столѣ помѣщался стеклянный сосудъ наполненный водою и украшенный въ срединѣ миніатюрнымъ, пирамидальнымъ гротомъ, обвитымъ травою. Улитки липли къ стѣнкамъ сосуда; головастики и крошечные рыбки быстро двигались въ зеленой водѣ; слизистыя ящерицы и лягушки неслышно входили въ травянистый гротикъ и выходили изъ него, а на вершинѣ пирамиды, холодная какъ камень, какъ камень темная и неподвижная, сидѣла небольшая яркоглазая жаба. Искусство содержанія рыбъ и гадовъ, въ качествѣ домашнихъ баловней, не было еще распространено въ то время въ Англіи, и Магдалина, войдя въ комнату, съ неудержимымъ удивленіемъ и отвращеніемъ отшатнулась отъ этого перваго видѣннаго ею образчика акваріи.

— Не бойтесь, произнесъ женскій голосъ позади ея.— Мои фавориты никому вреда не дѣлаютъ.

Магдалина обернулась и встрѣтилась съ мистриссъ Леконъ. Она ожидала, основываясь на полученномъ ею отъ экономки письмѣ, увидѣть суровую, злобную, не красивую и дерзкую старуху. Она увидѣла напротивъ даму съ мягкими любезными манерами, одежда которой была совершенствомъ чистоты, вкуса и простоты, приличной для пожилой женщины, которая и сама была торжествомъ физическаго самосохраненія отъ разрушительнаго дѣйствія времени. Еслибы мистриссъ Леконтъ съ своихъ дѣйствительныхъ лѣтъ посбавила годковъ пятнадцать или шестнадцать, и сказала бы, что ей не болѣе тридцати восьми, то едва ли бы нашлись одинъ мущина изъ тысячи и одна женщина изъ сотни, которые не повѣрили бы ей. Въ ея черныхъ волосахъ лишь чуть-чуть показывалась просѣдь. Они были просто расчесаны подъ безупречно-чистымъ кружевнымъ чепцомъ, убраннымъ скромно нѣсколькими траурными лентами. Ни одной морщины не видно было на ея гладкомъ бѣломъ лбу и на ея полныхъ бѣлыхъ щекахъ. Двойной подбородокъ ея украшался ямочкою, а ея зубы были чудомъ ровности и бѣлизны. Губы ея могли бы быть названы слишкомъ тонкими, еслибъ ихъ не научили извлекать всевозможную выгоду изъ своего недостатка посредствомъ краснорѣчивой и убѣдительной улыбки. Ея большіе черные глаза глядѣли бы сурово у другой женщины: у мистриссъ Леконтъ они глядѣли мягко и умилительно, нѣжно, внимательно ко всему, къ чему ни обращались: къ Магдалинѣ, жабѣ на гротѣ, къ заднему дворику, къ своимъ собственнымъ пухлымъ ручкамъ, которыя она потирала легонько въ разговорѣ, къ своей хорошенькой, кембриковой шемизеткѣ, на которую она съ пріятностію посматривала, когда слушала другихъ. Ея траурное, въ память Михаила Ванстона, изящное черное платье, было не только платьемъ, но и удачнымъ комплиментомъ въ честь смерти. Ея непогрѣшительно-бѣлый передникъ былъ цѣлая хозяйственная поэмка. Ея агатовыя серьги смотрѣли такъ скромно, что любой квакеръ могъ глядѣть на нихъ безъ грѣха. Умѣренной полнотѣ ея лица вторила умѣренная полнота ея стана: тихо скользила она по полу, мѣрно покачиваясь на ходу. Не всякій мущина сталъ бы смотрѣть на мистриссъ Леконтъ съ исключительно-платонической точки зрѣнія, отроки находили бы ее непреодолимою, и только женщины

стали бы жестокосердо и безжалостно проникать за прекрасную и улыбающуюся ея наружность. Одинъ взглядъ Магдалины на эту Афродиту женской осени убѣдилъ ее, что она поступила благоразумно, утвердившись въ искусствѣ замаскировываться прежде чѣмъ рѣшилась помѣриться съ мистриссъ Леконтъ.

— Я имѣю удовольствіе говорить съ особой бывшею здѣсь сегодня утромъ? спросила экономка.—Съ миссъ Гартъ имѣю честь говорить?

Въ выраженіи ея глазъ, при этихъ вопросахъ, было что-то заставившее Магдалину отворотить свое лицо отъ окна еще болѣе прежняго. Одна мысль, что экономка могла уже видѣть ее въ слишкомъ большомъ освѣщеніи, на минуту поколебала ея самообладаніе. Но она успокоилась понемногу, и отвѣтила простымъ наклоненіемъ головы.

— Прошу извиненія, сударыня, за то что я принуждена принять васъ въ этомъ мѣстѣ, продолжала мистриссъ Леконтъ гладкимъ англійскимъ языкомъ, но съ иностраннымъ выговоромъ. — Мистеръ Ванстонъ поселился здѣсь только на время. Завтра пополудни, мы ѣдемъ въ одно приморское мѣсто, а потому мы сочли излишнимъ приводить домъ въ должный порядокъ. Не угодно ли вамъ присѣсть и сдѣлать мнѣ удовольствіе объяснить цѣль вашего посѣщенія?

Она незамѣтно приблизилась шага на два къ Магдаликѣ и поставила для нея стулъ прямо противъ свѣта.— Присядьте, пожалуста, пригласила мистриссъ Леконтъ, съ нѣжнѣйшимъ участіемъ, глядя на воспаленные глаза гостьи сквозь кисейный вуаль.

— Я страдаю, какъ вы видите, глазами, отвѣчала Магдалина, стараясь все не поворачивать лица къ окну и тщательно копируя голосъ миссъ Гартъ.—Я должна попросить у васъ позволенія не подымать вуаля и сѣсть спиной къ свѣту.

Она проговорила эти слова уже вполнѣ владѣя собою. Совершенно спокойно отодвинула она стулъ въ уголъ за окно и сѣла, стараясь, чтобы тѣнь шляпки падала хорошенько ей на лицо. Убѣдительно улыбающіяся губы мистриссъ Леконтъ пробормотали вѣжливое заявленіе сочувствія; привѣтливые черные глаза мистриссъ Леконтъ взглянули на незнакомую даму еще съ большимъ участіемъ. Она поставила стулъ для себя на одной линіи со сту-

ломъ Магдалины, и сѣла такъ близко къ стѣнѣ, что гостьѣ приходилось или поворотить немного болѣе свою голову къ окну, или быть невѣжливою и не глядѣть на особу, съ которою приходилось говорить.

— Такъ, произнесла мистриссъ Леконтъ, довѣрчиво кашлянувъ.—Чему же обязана я честью васъ видѣть?

— Позвольте мнѣ спросить васъ прежде, знакомо ли вамъ мое имя? спросила Магдалина поворачиваясь къ ней по необходимости, но преспокойно заслоняя, въ то же время, платкомъ отъ свѣта свое лицо.

— Нѣтъ, отвѣчала мистриссъ Леконтъ, съ новымъ покашливаніемъ, посильнѣе перваго.—Имя миссъ Гартъ мнѣ незнакомо.

— Въ такомъ случаѣ, продолжала Магдалина,—мнѣ легче будетъ объяснить предметъ моего посѣщенія, объяснивъ сначала, кто я. Я жила долго гувернанткой въ домѣ покойнаго мистера Андру Ванстона, въ Комбъ-Ревенѣ, и явилась къ вамъ въ интересѣ его сиротъ дочерей.

Руки мистриссъ Леконтъ, до этого мягко потиравшія другъ друга, вдругъ остановились, а губы мистриссъ Леконтъ сомкнувшись, въ забывчивости, признались при самомъ началѣ свиданія, что были слишкомъ тонки.

— Я удивляюсь, какъ вы можете выходить безъ зеленаго зонтика, замѣтила она спокойно, оставляя безъ всякаго вниманія докладъ ложной миссъ Гартъ о своей особѣ, словно его вовсе не было.

— Я нахожу, что при зонтикѣ глазамъ слишкомъ жарко въ это время года, сказали Магдалина, пристально слѣдя за экономкой.—Позвольте мнѣ спросить, слышали ли вы что̀ я сказала сейчасъ на счетъ моего посѣщенія?

— Позвольте мнѣ спросить, сударыня, въ свою очередь, чѣмъ посѣщеніе это касается *меня?* спросила мистриссъ Леконтъ.

— Я обращаюсь къ вамъ, отвѣчала Магдалина,—потому что рѣшенія мистера Ноэля Ванстона относительно двухъ дѣвушекъ были сообщены имъ въ письмѣ отъ васъ.

Этотъ прямой отвѣтъ произвелъ свое дѣйствіе. Онъ сказалъ мистриссъ Леконтъ, что незнакомка знаетъ больше чѣмъ ей показалось сначала, и что въ этихъ обстоятельствахъ едва ли было бы благоразумно не выслушать ея.

— Извините меня пожалуста, произнесла экономка,— я

не совсѣмъ поняла васъ прежде; теперь я совершенно понимаю. Вы ошибаетесь, сударыня, полагая что я имѣю какое-нибудь значеніе, или какое-нибудь вліяніе по этому печальному дѣлу. Я исполнительница приказаній мистера Ноэля Ванстона; я не болѣе какъ перо въ его рукѣ, если вы позволите мнѣ выразиться такъ, не болѣе какъ перо которымъ онъ пишетъ. Онъ человѣкъ хворый, и, какъ вообще у хворыхъ людей, у него бываютъ дурные и хорошіе дни. Тотъ день былъ у него дурной, когда былъ написанъ этотъ отвѣтъ къ молодой особѣ... назвать ли мнѣ ее миссъ Ванстонъ?—да, съ удовольствіемъ назову ее бѣдняжку этимъ именемъ. Да и къ чему мнѣ дѣлать тутъ различіе, и что мнѣ за дѣло были ли вѣнчаны ея родители или нѣтъ? Какъ я уже сказала, день отсылки этого отвѣта былъ дурной день для мистера Ноэля Ванстона, и мнѣ пришлось писать письмо, лишь въ качествѣ секретаря за недостаткомъ лучшаго. Если вы желаете говорить объ этихъ двухъ дѣвушкахъ... называть ли мнѣ ихъ просто дѣвушками, какъ вы сейчасъ выразились?—нѣтъ, бѣдняжки, я стану называть ихъ миссъ Ванстонъ. Если вы желаете говорить объ этихъ миссъ Ванстонъ, то я доложу объ васъ и объясню мистеру Ноэлю Ванстону цѣль вашего любезнаго обращенія ко мнѣ. Онъ одинъ въ своей комнатѣ, и нынче онъ чувствуетъ себя хорошо. Я имѣю на него вліяніе стараго слуги и съ удовольствіемъ употреблю это вліяніе въ вашу пользу. Идти мнѣ сейчасъ? спросила мистриссъ Леконтъ съ самою дружескою заботливостью.

— Если вамъ угодно, отвѣчала охотно Магдалина,—и если это не будетъ съ моей стороны злоупотребленіемъ вашей доброты.

— Напротивъ, возразила мистриссъ Леконтъ,—вы обязываете меня, давая мнѣ возможность, при моихъ малыхъ средствахъ, быть полезной благому дѣлу.

Она поклонилась, улыбнулась и ускользнула изъ комнаты.

Оставшись одна, Магдалина дала волю своему гнѣву, который сдерживала въ присутствіи мистриссъ Леконтъ. За неимѣніемъ болѣе благороднаго предмета, гнѣвъ ея разразился надъ жабой. Видъ отвратительной маленькой гадины, неподвижно сидѣвшей на своемъ каменномъ тронѣ съ свѣтящимися, безсмысленно устремленными въ пустоту, глазами, раздражалъ въ ней каждую жилку. Съ сосредоточенною ненавистью

посмотрѣла она на жабу и злобно прошептала сквозь сжатые зубы: „Желала бы я знать, чья кровь холоднѣе, у тебя ли, маленькое чудовище, или у этой мистриссъ Леконтъ? Желала бы я знать, что слизистѣе, сердце ли ея или твоя спина? Ты, отвратительная гадина, знаешь ли кто твоя госпожа? Госпожа твоя—дьяволъ!

Пестрая кожа подо ртомъ жабы загадочно сморщилась и потомъ разгладилась снова, какъ будто проглотивъ только что произнесенныя слова. Магдалина съ отвращеніемъ отшатнулась при первомъ замѣтномъ движеніи животнаго, какъ ни было оно ничтожно, и вернулась къ своему стулу. Едва успѣла она сѣсть, какъ дверь тихо отворилась, и мистриссъ Леконтъ явилась вторично.

— Мистеръ Ванстонъ готовъ принять васъ, произнесла она,—если вы будете такъ добры подождать нѣсколько минутъ. Онъ позвонитъ, когда кончитъ свое теперешнее занятіе, и будетъ готовъ къ вашимъ услугамъ. Старайтесь, сударыня, не разстраивать расположеніе его духа, и вообще не волновать его чѣмъ бы то ни было. Съ первыхъ лѣтъ, сердце его было предметомъ опасеній для окружающихъ. Положительной болѣзни нѣтъ, но есть хроническая слабость, ожиреніе, недостатокъ жизненной силы въ органѣ. Сердце его будетъ довольно здорово, если не задавать ему слишкомъ большой работы; таково мнѣніе всѣхъ видѣвшихъ его врачей. Вы не забудете этого, и потому соблюдете осторожность въ вашихъ словахъ. Къ слову о врачахъ, пробовали ли вы когда-нибудь золотую мазь противъ этой непріятной болѣзни вашихъ глазъ? Мнѣ говорили, что это превосходное средство.

— Оно не удалось въ моей болѣзни, отвѣчала рѣзко Магдалина.—Прежде чѣмъ увижу мистера Ноэля Ванстона, продолжала она,—позвольте мнѣ спросить...

— Извините, пожалуста, перебила мистриссъ Леконтъ.— Ваши вопросы касаются какимъ-нибудь образомъ этихъ двухъ бѣдныхъ дѣвицъ?

— Они касаются миссъ Ванстонъ.

— Въ такомъ случаѣ я не могу отвѣчать на нихъ. Извините меня, но я право не могу говорить объ этихъ бѣдныхъ дѣвицахъ (мнѣ такъ пріятно слышать, что вы называете ихъ именемъ миссъ Ванстонъ!) иначе, какъ въ присутствіи моего хозяина и съ его формальнаго позволенія.

Покамѣсть лучше поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Взгляните на мой акварій. Я думаю, что это совершенная новость въ Англіи.

— Я разсматривала его когда вы уходили, сказала Магдалина.

— Да? Но васъ, кажется, нисколько не занимаетъ это? Совершенно понятно. До замужства меня также это не занимало. Дорогой мужъ мой, скончавшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, образовалъ меня и возвысилъ до себя. Вы слышали, вѣроятно, о покойномъ профессорѣ Леконтѣ, знаменитомъ швейцарскомъ натуралистѣ. Я вдова его. Англійское общество въ Цюрихѣ (въ которомъ я жила при покойномъ господинѣ моемъ) англизировало мое имя въ Лекоунтъ. Великій народъ вашъ не желаетъ имѣть у себя ничего иностраннаго, даже имени, если можно. Но я заговорила о моемъ мужѣ, моемъ дорогомъ мужѣ, позволявшемъ мнѣ помогать ему въ его занятіяхъ. Послѣ его смерти, у меня остался лишь одинъ интересъ въ жизни, наука. Знаменитый по многимъ предметамъ, профессоръ былъ особенно великъ по части пресмыкающихся. Онъ оставилъ мнѣ своихъ субъектовъ и свой акварій. Тутъ все мое наслѣдство. Вотъ оно. Субъекты всѣ перемерли, исключая этого смирнаго дружка, этой хорошенькой жабочки. Васъ удивляетъ, можетъ-быть, моя привязанность къ ней? Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Профессоръ прожилъ достаточно времени, чтобы возвысить меня надъ табунными предразсудками касательно пресмыкающихся. Понимаемый раціонально, міръ пресмыкающихся прекрасенъ. При хорошей диссекціи, міръ пресмыкающихся поучителенъ въ высшей степени. — Она протянула свой мизинецъ, и нѣжно дотронулась имъ до спины жабы.—Такъ освѣжительно, когда дотронешься, проговорила мистриссъ Леконтъ.—Пріятно и прохладительно въ это лѣтнее время!

Въ пріемной комнатѣ раздался звонокъ. Мистриссъ Леконтъ встала, нѣжно наклонилась къ акварію, и пощебатала надъ жабой, будто надъ птичкой.

— Мистеръ Ванстонъ можетъ принять васъ. Потрудитесь слѣдовать за мной, миссъ Гартъ.—Съ этими словами она отворила дверь, и вышла изъ комнаты.

III.

— Миссъ Гартъ, сэръ, произнесла мистриссъ Леконтъ, отворяя дверь пріемной комнаты, и докладывая о посѣтительницѣ, тономъ и пріемами хорошо знающаго свое дѣло слуги.

Магдалина очутилась въ длинной узкой комнатѣ, состоявшей изъ двухъ частей, передней и задней, которыя, при открытой створчатой двери, составляли теперь одну. Близъ лицеваго окна, спиной къ свѣту, сидѣлъ хилый, бѣлокурый самодовольный человѣчекъ, въ щегольскомъ бѣломъ шлафрокѣ, слишкомъ широкомъ для него, и съ букетомъ фіалокъ на груди. На видъ ему было отъ тридцати до тридцати-пяти лѣтъ. Цвѣтъ его лица былъ нѣженъ какъ у дѣвочки, глаза свѣтло-голубые, а верхняя губа украшена рѣденькими бѣлыми усиками, напомаженными и закрученными на концахъ въ тонкій завитокъ. Если что-нибудь обращало на себя его особенное вниманіе, то онъ смотрѣлъ прищурившись. Когда онъ улыбался, на вискахъ его являлся рядъ непріятныхъ мелкихъ морщинъ. Онъ держалъ на колѣняхъ тарелку клубники съ подостланною подъ нее салфеткой, чтобы не замарать своего бѣлаго шлафрока. Съ правой его стороны помѣщался большой круглый столъ, заваленный коллекціей чужеземныхъ диковинокъ, которыя, казалось, были собраны со всѣхъ четырехъ концовъ земнаго шара. Чучелы птицъ изъ Африки, фарфоровые уродцы изъ Китая, серебряныя украшенія и домашняя утварь изъ Индіи и Перу, мозаичныя издѣлія изъ Италіи, бронза изъ Франціи, все это было нагромождено вмѣстѣ съ простыми сосновыми ящиками и черными кожаными мѣшками, служившими для упаковки ихъ. Маленькій господинъ извинился, съ веселымъ и глупо-усмѣхающимся выраженіемъ, за безпорядокъ своихъ рѣдкостей, за свой шлафрокъ и слабое здоровье, и, указавъ рукой на стулъ, съ прагматическою вѣжливостью предоставилъ свое вниманіе въ распоряженіе гостьи. Магдалина, смотря на него, усомнилась на минуту, не обманула ли ее мистриссъ Леконтъ. Ужели это человѣкъ безжалостно слѣдующій пу-

ти, которымъ шелъ прежде его безжалостный отецъ? Ей не вѣрилось. „Присядьте, миссъ Гартъ“, повторилъ онъ. Но замѣтивъ ея нерѣшимость, онъ объявилъ свое имя крикливымъ, тонкимъ и брюзгливо-важнымъ голоскомъ: „Я мистеръ Ноэль Ванстонъ. Вы желали видѣть меня, къ вашимъ услугамъ!“

— Вы позволите мнѣ уйдти, сэръ? спросила мистриссъ Леконтъ.

— Разумѣется нѣтъ! отвѣчалъ ея господинъ.—Оставайтесь здѣсь, Леконтъ, и будьте нашею собесѣдницей. Мистриссъ Леконтъ пользуется моею полною довѣренностью, продолжалъ онъ, обращаясь къ Магдалинѣ.—Все что вы скажете мнѣ, сударыня, вы скажете ей. Она—домашнее сокровище. Въ Англіи нѣтъ другаго дома, который бы обладалъ такимъ сокровищемъ какъ мистриссъ Леконтъ.

Экономка выслушала оцѣнку своихъ домашнихъ добродѣтелей, устремивъ неподвижно глаза на свою изящную шемизетку. Но бойкая проницательность Магдалины еще прежде уловила взглядъ, которымъ обмѣнялась мистриссъ Леконтъ съ своимъ хозяиномъ, и который наводилъ на мысль, что мистера Ноэля Ванстона научили предварительно какъ поступать и говорить въ присутствіи гостьи. Это подозрѣніе, вмѣстѣ съ затрудненіемъ помѣститься въ комнатѣ лицомъ отъ свѣта, заставили Магдалину быть какъ можно осторожнѣе.

Сначала она взяла стулъ по срединѣ комнаты. По минутномъ соображеніи, она сочла болѣе удобнымъ отодвинуть свой стулъ налѣво, такъ чтобы помѣститься какъ разъ у лѣваго косяка створчатой двери. Этимъ она ловко преградила единственный проходъ, которымъ мистриссъ Леконтъ могла бы обойдти большой столъ и взявъ стулъ подлѣ своего господина, сѣсть лицомъ къ лицу съ Магдалиной. Съ правой стороны стола мѣсто было занято каминомъ съ рѣшеткой, дорожными сундуками и большимъ чемоданомъ. Мистриссъ Леконтъ могла помѣститься только на одной линіи съ Магдалиной у другаго конца створчатой двери или грубо придвинуться къ посѣтительницѣ, съ очевиднымъ желаніемъ смотрѣть ей въ лицо. Выразительно кашлянувъ и не сводя взгляда съ своего господина, экономка уступила и заняла мѣсто у правой стороны двери.

„Подожди“, думала мистриссъ Леконтъ: „будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!“

— Будьте осторожнѣе, сударыня! воскликнулъ мистеръ Ноэль Ванстонъ, когда Магдалина дотронулась случайно до стола, отодвигая стулъ.—Осторожнѣе съ рукавами вашей мантильи! Извините, вы чуть не сбросили этого серебрянаго подсвѣчника. Пожалуста не думайте, что это какой-нибудь простой подсвѣчникъ. Вовсе нѣтъ, это перувіанскій подсвѣчникъ. Во всемъ свѣтѣ есть только три подсвѣчника этого рисунка. Одинъ пранадлежитъ президенту Перувіанокой республики, другой хранится въ Ватиканѣ, а третій красуется на моемъ столѣ. За него заплачено десять фунтовъ, а стóитъ онъ пятнадцать. Одно изъ пріобрѣтеній отца моего, сударыня. Всѣ эти вещи—пріобрѣтенія отца моего. Въ Англіи нѣтъ другаго дома, въ которомъ были бы такія рѣдкости. Сядьте,Леконтъ; прошу васъ не стѣсняться. Мистриссъ Леконтъ, подобно другимъ диковинкамъ, миссъ Гартъ, есть одно изъ пріобрѣтеній моего отца. Вы одно изъ пріобрѣтеній моего отца, не правда ли, мистриссъ Леконтъ? Отецъ мой былъ замѣчательный человѣкъ, сударыня. О немъ напоминаетъ здѣсь все. На мнѣ его шлафрокъ, въ настоящую минуту. Такихъ вещей не дѣлаютъ теперь, не достанешь ихъ ни за любовь, ни за деньги. Не угодно ли вамъ попробовать ткань? Вы, можетъ-быть, не знатокъ въ тканяхъ? Или можетъ-быть вы предпочитаете говорить со мною объ этихъ двухъ воспитанницахъ вашихъ? Ихъ двѣ, не такъ ли? Что̀, какъ, хорошенькія? Полненькія, свѣженькія, цвѣтущія, англійскія красавицы?

— Извините меня, сэръ, вмѣшалась мистриссъ Леконтъ съ прискорбіемъ.—Я, право, должна буду просить позволенія удалиться, если вы будете говорить такъ объ этихъ бѣдняжкахъ. Я не могу сидѣть и слушать какъ надъ ними смѣются, сэръ. Подумайте объ ихъ положеніи, подумайте о миссъ Гартъ.

— Ахъ, вы добрѣйшее созданіе! проговорилъ мистеръ Ноэль Ванстонъ, смотря на экономку полузажмуренными глазами.—Ахъ, вы славная моя Леконтъ! Увѣряю васъ, сударыня, мистриссъ Леконтъ достойная особа. Вы замѣчаете, какъ она жалѣетъ этихъ двухъ дѣвушекъ. Я не иду такъ далеко, но я могу оказать для нихъ снисхожденіе.

Я великодушный человѣкъ. Я могу оказать снисхожденіе и для нихъ, и для васъ.

Онъ улыбнулся съ самою задушевною любезностію, и взялъ одну ягодку съ тарелки на колѣняхъ.

— Вы оскорбляете миссъ Гартъ; да, сэръ, не желая того, вы оскорбляете миссъ Гартъ, убѣдительно настаивала мистриссъ Леконтъ.—Она не привыкла къ вамъ, какъ я. Будьте уважительнѣе къ миссъ Гартъ, сэръ. Изъ расположенія ко *мнѣ*, будьте уважительнѣе къ миссъ Гартъ.

До сихъ поръ Магдалина твердо хранила молчаніе. Клокотавшая сильно и неистово въ сердцѣ ея досада, которая въ одно мгновеніе выдала бы ее, еслибъ она позволила ей рвануться наружу, заставила ее молчать во время рѣчи Ноэля Ванстона. Она позволила бы говорить ему безъ перерыву еще нѣсколько минутъ, еслибы мистриссъ Леконтъ не вмѣшалась вторично. Утонченная наглость, которая высказывалась въ жалости экономки, была наглость женщины, и она принудила Магдалину тотчасъ же овладѣть собою. Никогда съ такимъ совершенствомъ не передавала она голоса и манеръ миссъ Гартъ, какъ при произнесеніи слѣдующихъ словъ:

— Вы очень добры, сказала она мистриссъ Леконтъ.— Я не имѣю претензій на особенно-почтительное обращеніе. Я гувернантка, и не жду этого. Прошу только объ одномъ. Прошу мистера Ноэля Ванстона, для его же пользы, выслушать меня.

— Вы поняли, сэръ? замѣтила мистриссъ Леконтъ.—По-видимому, миссъ Гартъ желаетъ сдѣлать вамъ важное предостереженіе. Она говоритъ, что вы должны выслушать ее для вашей пользы.

Лицо мистера Ноэля Ванстона внезапно поблѣднѣло. Онъ поставилъ тарелку съ клубникой на столъ посреди пріобрѣтеній своего отца. Рука его затряслась, а маленькая фигурка завертѣлась безпокойно въ креслѣ. Магдалина внимательно слѣдила за нимъ.

„Еще открытіе“, думала она: „онъ трусъ!“

— Что вы хотите сказать, сударыня? спросилъ мистеръ Ноэль Ванстонъ съ замѣтнымъ трепетомъ во взглядѣ и движеніяхъ.—Что вы хотите сказать, объявляя мнѣ, что я долженъ выслушать васъ для моей пользы? Если вы явились сюда стращать меня, то вы ошиблись. Твердость моего

характера замѣчалась всѣми въ нашемъ цюрихскомъ кружкѣ,—не такъ ли, Леконтъ?

— Всѣми, сэръ, отвѣчала мистриссъ Леконтъ.—Но позвольте намъ выслушать миссъ Гартъ. Быть-можетъ я ложно истолковала ея мысль.

— Напротивъ, возразила Магдалина,—вы совершенно вѣрно выразили мою мысль. Цѣль моего посѣщенія предостеречь мистера Ноэля Ванстона отъ принимаемаго имъ пути.

— Позвольте! остановила ее мистриссъ Леконтъ.—О, если вы желаете помочь этимъ бѣднымъ дѣвушкамъ, то не говорите такимъ образомъ! Смягчайте его рѣшеніе, сударыня, просьбами, но не утверждайте его угрозами!

Она ужь слишкомъ усилила тонъ уничиженія, съ которымъ произнесены были эти слова, и хватила за мѣру въ выраженіи опасенія взглядомъ, который сопровождалъ ихъ. Еслибы Магдалина не убѣдилась еще прежде, что мистриссъ Леконтъ рѣшала все сама за своего хозяина, и затѣмъ увѣряла его, что онъ дѣйствуетъ не по рѣшенію своей экономки, а по своему собственному, то она убѣдилась бы въ этомъ теперь.

— Вы слышали что̀ сказала сейчасъ Леконтъ? замѣтилъ мистеръ Ноэль Ванстонъ.—Вы слышали невынужденное свидѣтельство особы знавшей меня съ дѣтства. Будьте осторожны, миссъ Гартъ, будьте осторожны.

Онъ самодовольно стянулъ полы своего бѣлаго шлафрока на колѣни, и снова взялъ тарелку съ клубникой.

— Я не желаю оскорблять васъ, сказала Магдалина.—Я желаю только открыть глазамъ вашимъ истину. Вамъ не извѣстенъ характеръ двухъ сестеръ, состояніе которыхъ вамъ досталось. Вамъ нечего опасаться старшей сестры; она спокойно переноситъ тяжелую долю, на которую вы и еще прежде вашъ отецъ, осудили ее. Но поведеніе младшей сестры прямо противоположно этому. Она уже отказалась покориться рѣшенію вашего отца, а теперь не хочетъ покориться письму мистриссъ Леконтъ. Вѣрьте мнѣ, она способна причинить вамъ много серіозныхъ безпокойствъ, если вы не остережетесь вооружать ее противъ себя.

Мистеръ Ноэль Ванстонъ снова измѣнился въ лицѣ и снова началъ вертѣться на своемъ стулѣ.

— Серіозные безпокойства, повторилъ онъ, съ испуганнымъ взглядомъ.—Если вы разумѣете писаніе писемъ, сударыня, то она уже надѣлала довольно безпокойствъ. Она писала разъ мнѣ и два раза моему отцу. Одно изъ писемъ къ отцу было угрожающаго свойства, не такъ ли, Леконтъ?

— Она выразила свои чувства, бѣдняжка, проговорила мистриссъ Леконтъ.—Мнѣ казалось жестокимъ отсылать ей обратно письмо, но вашему батюшкѣ лучше было знать это. Я говорила тогда, отчего не дать ей высказать своихъ чувствъ? Что значатъ, наконецъ, нѣсколько угрожающихъ словъ? Въ положеніи этой бѣдняжки это слова, не болѣе.

— Я совѣтую вамъ не полагаться слишкомъ на это, сказала Магдалина.—Я знаю ее лучше чѣмъ вы.

Она остановилась при этихъ словахъ, остановилась въ мгновенномъ ужасѣ. Жало сожалѣнія мистриссъ Леконтъ раздражило ес почти до забвенія своей роли и обмолвки ея натуральнымъ голосомъ.

— Вы упоминали о письмахъ, написанныхъ моею воспитанницей, продолжала она, какъ только овладѣла собою, обращаясь къ Ноэлю Ванстону. — Не будемъ говорить о томъ чтò писала она къ вашему отцу; станемъ говорить лишь о писанномъ къ вамъ. Если въ немъ что-нибудь неумѣстное или ложное? Справедливо ли, что обѣ сестры были жестоко лишены того чтò отецъ ихъ назначалъ имъ? До сихъ поръ, завѣщаніе его свидѣтельствуетъ за него и за нихъ, и свидѣтельствуетъ безъ пользы, потому что онъ не зналъ, что бракъ требовалъ возобновленія завѣщанія и скончался прежде чѣмъ могъ исправить ошибку. Станете ли вы отвергать это?

Мистеръ Ноэль Ванстонъ улыбнулся и взялъ ягодку.

— Я не думаю отвергать этого, произнесъ онъ.—Продолжайте, миссъ Гартъ.

— Справедливо ли, продолжала настойчиво Магдалина,— что законъ, отнявшій имущество у этихъ сестеръ, отецъ которыхъ не сдѣлалъ втораго завѣщанія, отдалъ его вамъ, между тѣмъ какъ вашъ отецъ не сдѣлалъ никакого завѣщанія? Объясняйте себѣ это какъ хотите, а это, безспорно, тяжело осиротѣвшимъ дѣвушкамъ.

— Очень тяжело, подтвердилъ мистеръ Ноэль Ванстонъ. Вамъ то же самое кажется, неправда ли, Леконтъ?

Мистриссъ Леконтъ кивнула головой и закрыла свои прекрасные черные глаза.

— Возмутительно, замѣтила она; я не могу охарактеризовать этого другимъ словомъ, миссъ Гартъ,—возмутительно! Какимъ образомъ дѣвушка,—то-бишь, какимъ образомъ миссъ Ванстонъ младшая,—открыла, что мой покойный многоуважаемый хозяинъ не сдѣлалъ завѣщанія, я не могу понять этого. Быть-можетъ это было въ газетахъ? Но я прерываю васъ, миссъ Гартъ. Нѣтъ ли у васъ еще чего-нибудь сказать на счетъ письма вашей воспитанницы?

При этихъ словахъ, она тихо подвинула свой стулъ впередъ, на нѣсколько дюймовъ выше стула посѣтительницы. Это движеніе было сдѣлано очень осторожно, но оказалось безполезнымъ. Магдалина еще болѣе отвернула голову влѣво, а чемоданъ на полу не позволялъ мистриссъ Леконтъ подвинуться болѣе.

— Мнѣ остается сдѣлать еще одинъ вопросъ, сказала Магдалина.—Въ письмѣ моей воспитанницы заключалось одно предложеніе мистеру Ноэлю Ванстону? Прошу его сказать мнѣ, почему онъ отказался обратить на него вниманіе.

— Любезная моя сударыня! воскликнулъ мистеръ Ноэль Ванстонъ, воздымая свои бѣлыя брови съ ироническимъ удивленіемъ.—Серіозно ли, право, говорите вы! Знаете ли вы въ чемъ состояло предложеніе? Видѣли ли вы письмо?

— Да, очень серіозно сказала Магдалина,—я видѣла письмо. Она умоляетъ васъ вспомнить какимъ образомъ имущество мистера Андрея Ванстона досталось вамъ; оно объявляетъ вамъ, что половину этого имущества, раздѣленную между его дочерьми, онъ назначалъ имъ; и обращается къ вашему чувству справедливости съ просьбой сдѣлать для его дѣтей то что̀ сдѣлалъ бы онъ для нихъ самъ, еслибъ остался въ живыхъ. Скажу яснѣе, оно проситъ васъ отдать половину денегъ дочерямъ, и оставляетъ за вами другую половину. Въ этомъ состояло предложеніе. Отчего не захотѣли вы обратить вниманіе на это.

— По очень простой причинѣ, миссъ Гартъ, отвѣчалъ въ необыкновенно-веселомъ расположеніи духа мистеръ Ноэль Ванстонъ.—Позвольте мнѣ припомнить вамъ очень извѣстную поговорку: у дурака деньги сами лѣзутъ изъ кармана. Кто бы я ни былъ, сударыня, но я не дуракъ.

— Не говорите въ этомъ тонѣ, сэръ! убѣдительно замѣтила мистриссъ Леконтъ.—Будьте серіознѣе, прошу васъ, будьте серіознѣе!

— Невозможно, Леконтъ, возразилъ онъ.—Я не могу быть серіознѣе. Мой бѣдный батюшка, миссъ Гартъ, глядѣлъ на это дѣло съ высшей нравственной точки зрѣнія. Леконтъ, поэтому, также становится на высшую нравственную точку зрѣнія; не такъ ли, Леконтъ? Я знать не знаю ничего подобнаго. Я слишкомъ долго жилъ въ континентальной атмосферѣ, чтобы безпокоить себя какими-нибудь нравственными точками зрѣнія. Поведеніе мое, въ этомъ дѣлѣ, такъ же ясно, какъ дважды два—четыре. Мнѣ достались деньги, и я окажусь кровнымъ идіотомъ, если выпущу ихъ. Такова моя точка зрѣнія! Не мудреная, не такъ ли? Я не толкую о своемъ достоинствѣ, я не говорю вамъ о законѣ, который безраздѣльно на моей сторонѣ; я не осуждаю вашего посѣщенія, съ цѣлью попытать и измѣнить мое рѣшеніе; я не осуждаю обѣихъ дѣвушекъ за ихъ желаніе опустить свои пальцы въ мой кошелекъ. Я говорю только, что я не такъ глупъ, чтобъ открыть его. *Pas si bête*, какъ мы говаривали въ англійскомъ кружкѣ въ Цюрихѣ. Вы понимаете по-французски, миссъ Гартъ? *Pas si bête!*—Онъ отставилъ снова въ сторону свое блюдо съ клубникой, и тщательно обтеръ пальцы своею тонкою бѣлою салфеткой.

Магдалина сдержала себя. Еслибъ она могла убить его въ это мгновеніе, поднявъ руку, вѣроятно она подняла бъ ее. Но она сдержала себя.

— Понимать ли мнѣ, спросила она,—что послѣднее ваше слово въ этомъ дѣлѣ есть то, которое сказано было за васъ въ письмѣ мистриссъ Леконтъ?

— Именно такъ, отвѣчалъ Ноэль Ванстонъ.

— Вы наслѣдовали имущество вашего отца, равно какъ и имущество мистера Андрея Ванстона, и не считаете себя обязаннымъ дѣйствовать справедливо и великодушно относительно этихъ двухъ сиротъ? Вы считаете нужнымъ сказать имъ только то, что вамъ достались деньги, и что вы не хотите разстаться ни съ однимъ фардингомъ изъ нихъ?

— Очень точно выражено! Миссъ Гартъ, вы дѣловая женщина. Леконтъ, миссъ Гартъ—дѣловая женщина.

— Не обращайтесь ко мнѣ, сэръ! воскликнула мистриссъ Леконтъ, граціозно ломая свои полныя, бѣлыя руки. — Я не могу перенести этого! Я должна вмѣшаться. Позвольте мнѣ предложить,—ахъ, какъ это по-англійски?—да, сдѣлку. Дорогой мистеръ Ноэль, вы дурно дѣлаете, отказываясь оправдать себя; у васъ есть болѣе уважительныя резоны чѣмъ тѣ, которыя сказаны вами теперь мистриссъ Гартъ. Вы слѣдуете примѣру вашего достойнаго отца, вы считаете себя обязаннымъ изъ уваженія къ его памяти поступать въ этомъ дѣлѣ такъ какъ поступалъ онъ прежде васъ. Таковы причины его дѣйствій, миссъ Гартъ; умоляю васъ на колѣняхъ, считайте ихъ истинными причинами его дѣйствій. Онъ будетъ поступать такъ какъ поступалъ его дорогой родитель, ни болѣе, ни менѣе. Его батюшка сдѣлалъ одно предложеніе, и самъ онъ теперь возобновитъ это предложеніе. Да, мистеръ Ноэль, вы не забудете что̀ говоритъ эта бѣдная дѣвушка въ письмѣ къ вамъ. Сестра ея принуждена была взять мѣсто гувернантки, а сама она, потерявъ свое состояніе, потеряла надолго надежду выйдти замужъ. Вы не забудете этого, и дадите сто фунтовъ одной и сто фунтовъ другой, которые прежде предлагалъ имъ вашъ превосходный отецъ? Сдѣлавъ это, миссъ Гартъ, сдѣлаетъ ли онъ довольно? Если онъ дастъ по сту фунтовъ каждой изъ этихъ несчастныхъ сестеръ?.

— Онъ будетъ раскаиваться въ оскорбленіи до послѣдняго часа своей жизни, сказала Магдалина.

Когда отвѣтъ этотъ сорвался съ ея языка, она готова была отдать весь свѣтъ, чтобы взять его назадъ. Жало мистриссъ Леконтъ, наконецъ, тронуло у ней чувствительное мѣсто. Эти горькія слова страстно вырвались у Магдалины ея собственнымъ голосомъ.

Лишь навыкъ въ публичныхъ представленіяхъ спасъ ее отъ увеличенія своего важнаго промаха стараніемъ исправить его. Ея опытность въ представленіяхъ явилась къ ней на помощь, и заставила ее тотчасъ же продолжать голосомъ миссъ Гартъ, какъ будто ни въ чемъ ни бывало.

— Вы желаете добра, мистриссъ Леконтъ, сказала она,— но вмѣсто того дѣлаете вредъ. Мои воспитанницы не согласятся на сдѣлку подобную предлагаемой вами. Мнѣ больно, что я высказалась такъ рѣзко; прошу васъ, извините меня.

Пытливо смотрѣла она въ лицо экономки, когда произносила эти примирительныя слова. Но та избѣжала пытливаго взгляда, приложивъ платокъ къ своимъ глазамъ. Замѣтила она или нѣтъ мгновенный переходъ голоса Магдалины съ притворнаго тона на естественный? Богъ знаетъ.

— Что же еще могу я сдѣлать? проговорила мистриссъ Леконтъ, изъ-за платка. — Дайте мнѣ времени подумать, позвольте мнѣ придти въ себя. Можно мнѣ удалиться на минуту, сэръ? У меня разстроились нервы отъ этой грустной сцены. Мнѣ нуженъ стаканъ воды, иначе мнѣ сдѣлается дурно. Не уходите еще, миссъ Гартъ. Прошу васъ дать мнѣ времени уладить это непріятное дѣло, если возможно; прошу васъ, не уходите до моего возвращенія.

Въ комнатѣ были двѣ двери. Одна—въ ея передней части налѣво отъ Магдалины и очень близко къ ней. Другая—въ задней, за спиною Магдалины. Мистриссъ Леконтъ прошла чрезъ открытую створчатую дверь, къ этой послѣдней, чтобы не обезпокоить посѣтительницы. Магдалина выждала пока не отворилась и не затворилась задняя дверь, и рѣшилась извлечь всевозможную пользу изъ этого случая чтобы поговорить наединѣ съ Ноэлемъ Ванстономъ. Совершенная невозможность возбудить въ этой низкой натурѣ какое-либо благородное движеніе была доказана теперь опытомъ. Оставалось только говорить съ нимъ какъ съ трусомъ, и дѣйствовать на него страхомъ.

Прежде чѣмъ успѣла она заговорить, мистеръ Ноэль Ванстонъ самъ нарушилъ молчаніе. Онъ былъ полуразсерженъ, полуиспуганъ, какъ хитро ни старался скрыть это, удаленіемъ экономки. Съ недоумѣніемъ глядѣлъ онъ на посѣтительницу и выказывалъ нервное безпокойство умаслить ее до возвращенія мистриссъ Леконтъ.

— Пожалуста не забывайте, сударыня, что я всегда находилъ дѣло это непріятнымъ, началъ онъ.—Вы сказали, что не желаете оскорблять меня, и я, право, также не желаю оскорблять васъ. Не позволите ли вы мнѣ предложить вамъ клубники? Не хотите ли осмотрѣть пріобрѣтенія моего отца? Увѣряю васъ, сударыня, я въ душѣ очень добрый человѣкъ и сочувствую этимъ сестрамъ, особенно младшей. Заговорите о нѣжныхъ чувствахъ, и вы тронете мое слабое мѣсто. Ничто не доставитъ мнѣ такого удовольствія, какъ услышать, что женихъ миссъ Ванстонъ (право, я всегда

называю ее миссъ Ванстонъ, равно какъ и Леконтъ), я говорю, сударыня, ничто не доставитъ мнѣ такого удовольствія, какъ услышать, что женихъ миссъ Ванстонъ возвратился и женится на ней. Если ссуда нѣкоторой суммы можетъ ускорить его возвращеніе, и если обезпеченіе надежно, и повѣренный по дѣламъ моимъ найдетъ, что я...

— Остановитесь, мистеръ Ванстонъ, произнесла Магдалина. — Вы совершенно ошибаетесь въ вашемъ мнѣніи на счетъ особы, съ которою вамъ приходится имѣть дѣло. Вы сильно ошибаетесь, полагая, что свадьба младшей сестры, еслибъ она могла совершиться хоть черезъ недѣлю, измѣнитъ сколько-нибудь убѣжденія заставившія ее писать къ вашему отцу и къ вамъ. Я не отвергаю, что разныя причины вмѣстѣ заставляютъ ее дѣйствовать. Я не отвергаю, что она не оставляетъ надежды ускорить свой бракъ и избавить сестру отъ зависимаго положенія. Но еслибъ обѣ эти цѣли были достигнуты другими путями, то она все-таки ни за что не оставила бы васъ въ спокойномъ обладаніи наслѣдствомъ, которое отецъ ея назначалъ своимъ дѣтямъ. Я знаю ее, мистеръ Ванстонъ! Она теперь несчастное созданіе безъ имени, безъ дому, безъ друзей. Законъ, который заботится о васъ и заботится о законныхъ дѣтяхъ, выкидываетъ ее, словно падаль, на вѣтеръ. Онъ за васъ — не за нее. Она въ немъ видитъ лишь оружіе мерзкаго насилія, нестерпимой несправедливости. Сознаніе этой несправедливости преслѣдуетъ ее какъ навожденіе дьявола. Рѣшимость исправить эту несправедливость горитъ въ ней какъ огонь. Еслибъ эта несчастная дѣвушка завтра же вышла замужъ и получила бы милліоны, не думайте, что она отступитъ хоть на вершокъ отъ своей цѣли. Говорю вамъ, она будетъ до послѣдняго издыханія, противиться низкой несправедливости разразившейся надъ несчастными дѣтьми, вслѣдствіе бѣдственной смерти ихъ отца! Говорю вамъ, она не отступится ни отъ одного средства, къ какому только можетъ прибѣгнуть женщина въ отчаяніи, чтобъ разжать вашу сомкнутую руку или умереть въ попыткѣ!

Она остановилась внезапно. Въ другой разъ, неукротимый пылъ ея выдалъ ее. Въ другой разъ, — естественное благородство этой испорченной натуры возвысилось надъ обманомъ. Затѣя минуты была забыта ею и

рѣшеніе всей жизни рванулось наружу, жарче и жарче изливаясь изъ сердца ея собственною рѣчью, ея собственнымъ голосомъ. Трусливо и безмолвно сидѣлъ передъ ней подлый человѣчекъ. Страхъ позволилъ ли ему замѣтить перемѣну въ ея голосѣ? Нѣтъ; лицо *его* говорило правду: страхъ ошеломилъ его. На этотъ разъ, счастіе поблагопріятствовало ей. Дверь позади ея стула еще не отворялась. „Только его уши слышали меня, думала она съ чувствомъ невыразимаго облегченія. Я избѣгла мистриссъ Леконтъ.“

Ничего не бывало. Мистриссъ Леконтъ вовсе и не выходила изъ комнаты.

Отворивъ дверь и, не выходя, затворивъ ее снова, экономка тихонько опустилась на колѣни за стуломъ Магдалины. Прислонясь къ косяку створчатой двери, она вынула изъ кармана ножницы, выждала пока Ноэль Ванстонъ (отъ глазъ котораго она была совершенно скрыта) привлекъ вниманіе Магдалины, заговоривъ съ ней, и потомъ наклонилась съ готовыми ножницами въ рукѣ. Край платья фальшивой миссъ Гартъ, изъ темной альпаковой матеріи съ бѣлыми звѣздочками, касался пола на разстояніи доступномъ экономкѣ. Мистриссъ Леконтъ приподняла верхнюю фалбалу изъ двухъ окаймлявшихъ край платья, осторожно вырѣзала небольшой неправильный лоскутокъ изъ нижней фалбалы, и потомъ хорошенько отогнула и разгладила верхнюю, такъ чтобы скрыть вырѣзанное мѣсто. Въ то время какъ она опускала въ карманъ ножницы и подымалась на ноги (прячась за косякъ створчатой двери), Магдалина произнесла свои послѣднія слова. Мистриссъ Леконтъ спокойно повторила церемонію открытія и закрытія дверей, и скользнула на свое мѣсто.

— Что̀ случилось въ мое отсутствіе, сэръ? спросила она, съ безпокойнымъ взглядомъ обращаясь къ своему хозяину.—Вы блѣдны, вы взволнованы! О, миссъ Гартъ, неужели вы забыли сдѣланное мною вамъ предостереженіе въ другой комнатѣ?

— Миссъ Гартъ забыла все, воскликнулъ мистеръ Ноэль Ванстонъ, успокоиваясь при появленіи мистриссъ Леконтъ.—Миссъ Гартъ грозила мнѣ самымъ оскорбительнымъ образомъ. Я запрещаю вамъ впредь сожалѣть объ этихъ двухъ дѣвушкахъ, особенно о младшей. Это самая

отчаянная штука, какихъ мало! Если она не въ состояніи получить отъ меня деньги хорошими средствами, то грозитъ отнять ихъ у меня гнусными. Миссъ Гартъ сказала мнѣ это прямо въ лицо. Прямо въ лицо! повторилъ онъ складывая свои руки и глядя смертельно обиженнымъ.

— Успокойтесь, сэръ, сказала мистриссъ Леконтъ,—прошу васъ, успокойтесь, и позвольте мнѣ поговорить съ миссъ Гартъ. Мнѣ прискорбно слышать, сударыня, что вы забыли о чемъ я говорила вамъ въ другой комнатѣ. Вы взволновали мистера Ноэля; вы повредили интересамъ, для защиты которыхъ явились сюда, и вы только повторили то что̀ было извѣстно намъ прежде. Способъ выраженій, который вы позволили себѣ употребить въ мое отсутствіе, тотъ самый который ваша воспитанница имѣла сумазбродство употребить въ своемъ второмъ письмѣ къ моему покойному хозяину. Какъ можетъ женщина вашихъ лѣтъ и вашей опытности повторять серіозно подобныя глупости? Дѣвушка эта хвастаетъ и пугаетъ: она сдѣлаетъ то, сдѣлаетъ это. Вы пользуетесь ея довѣренностію, сударыня. Скажите же мнѣ пожалуста прямо что̀ можетъ она сдѣлать?

Какъ ни остро было жало, но она сверкнуло безвредно. Мистриссъ Леконтъ слишкомъ ужь часто передъ тѣмъ запускала свое жало. Магдалина встала, въ полномъ обладаніи своею ролью, и спокойно прервала объясненіе. Не зная что̀ случилось позади ея стула, она замѣтила однако перемѣну во взглядѣ и пріемахъ мистриссъ Леконтъ, что̀ служило ей предостереженіемъ отъ дальнѣйшаго риска и дальнѣйшаго пребыванія въ домѣ.

— Я не пользуюсь довѣренностію моей воспитанницы, произнесла она.—Когда придетъ время, собственныя дѣйствія ея будутъ отвѣчать на вашъ вопросъ. Могу вамъ сказать лишь, основываясь на собственномъ знакомствѣ съ ней, что она не хвастаетъ. Что̀ писала она мистеру Михаилу Ванстону, то она была намѣрена сдѣлать, и какъ я имѣю основаніе думать, была уже готова привести въ исполненіе, когда смерть его разрушила ея планы. Сыну мистера Михаила Ванстона сто̀итъ только продолжать идти путемъ своего отца, чтобъ увидѣть въ скоромъ времени, что я не ошибаюсь въ моей воспитанницѣ и что я приходила сюда не для пуганія васъ праздными угрозами. Дѣло мое кон-

чено. Я оставляю мистера Ноэля Ванстона между двумя путями. Онъ можетъ выбрать раздѣлъ имущества мистера Андрея Ванстона съ дочерьми мистера Андрея Ванстона, или остаться при своемъ теперешнемъ отказѣ и ожидать послѣдствій.

Она поклонилась и направилась къ двери.

Мистеръ Ноэль Ванстонъ вскочилъ на ноги, со смѣшаннымъ выраженіемъ досады и безпокойства, заявлявшимся прежде всего на его поблѣднѣвшемъ лицѣ. Прежде чѣмъ успѣлъ онъ открыть свой ротъ, пухлыя руки мистриссъ Леконтъ опустились на его плечи, усадили его тихонько на стулъ и поставили тарелку съ клубникой на прежнее мѣсто на его колѣняхъ.

— Вы живете въ Лондонѣ, сударыня? спросила мистриссъ Леконтъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Магдалина,—я живу въ провинціи.

— Если мнѣ понадобиться написать вамъ, куда адресовать письмо?

— Въ Бэрмингамскую почтовую контору, сказала Магдалина, называя послѣднее мѣсто своего пребыванія, куда посылались до сихъ поръ всѣ письма адресованныя къ ней.

Мистриссъ Леконтъ повторила адресъ чтобы лучше запомнить его, сдѣлала два шага по коридору и тихо положила свою правую руку на руку Магдалины.

— Слово совѣта, сударыня, проговорила она:—одно слово, на прощаніе. Вы смѣлая женщина и ловкая женщина. Не будьте слишкомъ смѣлы; не будьте слишкомъ ловки. Вы рискуете болѣе чѣмъ думаете!—Она быстро поднялась на носки и шепнула на ухо Магдалинѣ: „*Я держу васъ въ моей рукѣ!*" съ бѣшенымъ, шипящимъ удареніемъ на каждомъ слогѣ. Лѣвая рука ея сжалась тайкомъ при этомъ,—та самая рука, въ которой она спрятала лоскутъ матеріи отъ платья Магдалины.

— Что̀ вы хотите сказать? спросила Магдалина, отталкивая ее отъ себя.

Мистрисъ Леконтъ вѣжливо скользнула впередъ, чтобъ отворить дверь.

— Ничего, теперь, проговорила она:—подождите немного, и время покажетъ. Еще одинъ послѣдній вопросъ прежде чѣмъ простимся съ вами. Когда воспитанница ваша была

маленькимъ невиннымъ ребенкомъ, любила она забавляться постройкой карточныхъ домиковъ?

Магдалина нетерпѣливымъ движеніемъ отвѣчала утвердительно.

— Случалось ли вамъ видѣть, какъ подымался все выше и выше ея домикъ, пока не дѣлался совершенною пагодой? продолжала мистриссъ Леконтъ. — Случалось ли вамъ видѣть, какъ широко открывала она свои дѣтскіе глазки и глядѣла на него, и такъ гордилась сдѣланнымъ, что хотѣла продолжать дальше? Случалось ли вамъ видѣть, какъ осторожно приподнимала она свою хорошенькую ручку, сдерживала невинное дыханіе и клала на вершину новую карту, и какъ черезъ мгновеніе отъ всего дома оставалась лишь куча развалинъ на столѣ? А, вамъ случалось видѣть это! Передайте же ей, пожалуста, мое дружеское слово. Я думаю, что построенный ею домикъ уже довольно высокъ и совѣтую ей быть поосторожнѣе при кладкѣ новой карты.

— Я передамъ ей ваши слова, сказала Магдалина съ безцеремонностью и выразительнымъ кивкомъ головы миссъ Гартъ.—Но я сомнѣваюсь, чтобъ она обратила на нихъ вниманіе. Рука ея тверже чѣмъ вы думаете, и я полагаю, что она положитъ еще карту.

— И раззоритъ домикъ, замѣтила мистриссъ Леконтъ.

— И выстроитъ опять, перебила Магдалина. — Желаю вамъ добраго утра.

– Добраго утра, произнесла мистриссъ Леконтъ, отворяя дверь.—Еще одно слово, миссъ Гартъ. Подумайте о томъ о чемъ я говорила вамъ въ задней комнатѣ. Попробуйте золотую мазь противъ этого непріятнаго воспаленія глазъ.

На крыльцѣ, Магдалину встрѣтилъ почтарь съ письмомъ, вынутымъ изъ бывшей въ рукѣ его связки. Проходя палисадникомъ на улицу, она услышала какъ тотъ произнесъ вопросительно:—Ноэль Ванстонъ, эсквайръ?

Она вышла изъ калитки, не думая отъ какого новаго затрудненія и какой новой опасности спасъ ее своевременный уходъ. Письмо, только что переданное почтальйономъ въ руки экономки, было ни болѣе ни менѣе какъ безыменное письмо капитана Регга къ Ноэлю Ванстону.

IV.

Мистриссъ Леконтъ возвратилась въ пріемную комнату съ лоскуткомъ платья Магдалины въ одной рукѣ и съ письмомъ капитана Регга въ другой.

— Избавились ли вы отъ нея? спросилъ мистеръ Ноэль Ванстонъ.—Выпроводили ли вы, наконецъ, эту миссъ Гартъ?

— Не называйте ее миссъ Гартъ, замѣтила мистриссъ Леконтъ, презрительно улыбаясь.—Она столько же миссъ Гартъ, какъ и вы. Мы имѣли удовольствіе присутствовать при искусномъ маскарадѣ, и еслибы мы сняли костюмъ съ нашей посѣтительницы, мы нашли бы подъ нимъ, пожалуй, самою миссъ Ванстонъ. Вотъ письмо къ вамъ, сэръ, только что принесенное почтальйономъ.

Она положила письмо на столъ подъ руку своего хозяина. Изумленіе мистера Ноэля Ванстона отъ сообщеннаго ему открытія сосредоточило все его вниманіе на лицѣ экономки. Онъ лишь мелькомъ взглянулъ на положенное передъ нимъ письмо.

— Вѣрьте мнѣ, сэръ, продолжала мистриссъ Леконтъ, спокойно усаживаясь.—Когда посѣтительница наша придетъ домой, она уложитъ свои сѣдые волосы въ коробку и вылѣчитъ это непріятное воспаленіе глазъ теплою водой и губкой. Еслибъ она также хорошо расписала морщины на лицѣ какъ воспаленіе глазъ, я ничего не замѣтила бы и была бы навѣрно обманута. Но я видѣла слѣды кисти; я видѣла подъ грязнымъ цвѣтомъ лица кожу молодой женщины; я слышала въ этой комнатѣ истинный голосъ въ гнѣвѣ, равно какъ поддѣльный съ акцентомъ, и я ни чему не вѣрю въ наружности этой дамы. Это она сама, наша дѣвица, мистеръ Ноэль,—и надобно сознаться, смѣлая дѣвица.

— Отчего же вы не заперли двери и не послали за полиціей? спросилъ мистеръ Ноэль.—Мой отецъ послалъ бы за полиціей. Вы знаете не хуже меня, Леконтъ, что отецъ мой послалъ бы за полиціей.

— Извините, сэръ, замѣтила мистриссъ Леконтъ. — Я думаю, что отецъ вашъ обождалъ бы пока не накопилось

бы болѣе дѣла для полиціи чѣмъ теперь. Мы увидимъ эту госпожу еще разъ, сэръ! Быть-можетъ, она явится сюда, въ скоромъ времени, съ своимъ собственнымъ лицомъ и собственнымъ голосомъ. Мнѣ интересно бы видѣть ея собственное лицо; мнѣ интересно бы испытать, узнаю ли я ея голосъ, когда она будетъ говорить спокойно. У меня осталась отъ ея визита маленькая память, о которой она не знаетъ, и она не уйдетъ отъ меня такъ легко какъ думаетъ. Если память эта окажется полезною, вы узнаете въ чемъ дѣло. Если нѣтъ, я не стану безпокоить васъ подобными пустяками. Позвольте мнѣ напомнить вамъ, сэръ, о лежащемъ подлѣ васъ письмѣ. Вы не взглянули на него до сихъ поръ.

Мистеръ Ноэль Ванстонъ распечаталъ письмо. Прочтя первыя строчки, онъ остановился въ испугѣ, пождалъ минуту въ нерѣшимости, и затѣмъ быстро прочелъ его до конца. Листокъ выпалъ изъ его рукъ, и самъ онъ упалъ на спинку стула. Съ живостью молодой женщины бросилась мистриссъ Леконтъ къ его ногамъ и подхватила письмо.

— Въ чемъ дѣло, сэръ? спросила она. Лицо ея измѣнилось при этомъ вопросѣ, а большіе черные глаза зажглись неподдѣльнымъ чувствомъ удивленія и безпокойства.

— Пошлите за полиціей, воскликнулъ господинъ ея.— Леконтъ, я требую обезпеченія моей безопасности. Пошлите за полиціей!

— Могу я прочесть письмо, сэръ?

Онъ сдѣлалъ слабый знакъ рукою. Мистриссъ Леконтъ прочла внимательно письмо, и положила его на столъ не говоря ни слова.

— Вы ничего не имѣете сказать мнѣ? спросилъ мистеръ Ноэль Ванстонъ, съ глубокимъ недоумѣніемъ выпучивъ глаза на свою экономку. — Леконтъ, меня хотятъ ограбить. Мерзавецъ написавшій это письмо знаетъ все и ничего не хочетъ сказать мнѣ безъ платы. Меня ограбятъ! Да здѣсь, на этомъ столѣ, находится имущества на нѣсколько тысячъ фунтовъ, имущества незамѣнимаго, котораго не могли бы добыть, еслибы захотѣли, всѣ коронованныя головы Европы. Заприте меня, Леконтъ, и пошлите за полиціей!

Вмѣсто посылки за полиціей, мистриссъ Леконтъ взяла

съ каминной доски большой вѣеръ изъ зеленой бумаги и сѣла насупротивъ своего хозяина.

— Вы взволнованы, мистеръ Ноэль, сказала она, — вы разгорячены. Позвольте мнѣ прохладить васъ.

Съ выраженіемъ лица вовсе неласковымъ, съ меньшею нѣжностью чѣмъ иныя женщины обнаруживаютъ при безосвобожденіи мухи изъ кружки съ молокомъ, она, безмолвно и терпѣливо, опахивала его минутъ пять или нѣсколько болѣе. Навычный глазъ, при видѣ особой синеватой блѣдности лица его и очевидной трудности, съ которою переводилъ онъ дыханіе, не могъ бы не замѣтить, что великій органъ жизни былъ въ немъ, какъ сказала экономка, слишкомъ слабъ для исполненія своего назначенія. Сердце работало въ немъ словно сердце одряхлѣвшаго старика.

— Легче ли вамъ, сэръ? спросила мистриссъ Леконтъ.— Можете ли вы поразсудить немного?

Она встала и приложила руку къ его сердцу съ такимъ механическимъ вниманіемъ и съ такимъ отсутствіемъ душевнаго участія, какъ еслибъ она пробовала, достаточно ли нагрѣты къ столу тарелки. — Да, продолжала она, усаживаясь снова, и снова принимаясь за опахало,—вамъ уже получше, мистеръ Ноэль. Не спрашивайте меня объ этомъ безыменномъ письмѣ, пока не подумаете о немъ сами и не выскажете сначала своего собственнаго мнѣнія.—Она продолжала опахивать его, не сводя глазъ съ его лица. — Думайте про себя, говорила она:—думайте про себя, не разстраивая себя выраженіемъ вашихъ мыслей. Вѣрьте, что мое искренное сочувствіе къ вамъ сумѣетъ прочесть ихъ. Да, мистеръ Ноэль, письмо это есть жалкая попытка напугать васъ. Что̀ сказано въ немъ? Въ немъ сказано, что вы предметъ козней со стороны миссъ Ванстонъ. Намъ уже извѣстно это, — дама съ больными глазами сказала намъ это. Мы можемъ щелкнуть пальцами надъ этими кознями. Что̀ сказано въ письмѣ кромѣ этого? Въ немъ сказано, что писавшій его готовъ сообщать вамъ важныя свѣдѣнія, если вы согласны платить за нихъ. Какъ сами вы назвали сейчасъ этого господина, сэръ?

— Я назвалъ его мерзавцемъ, произнесъ мистеръ Ноэль Ванстонъ, принимая свой важный видъ и поднимаясь понемногу на стулѣ.

— Я согласна съ вами въ этомъ, сэръ, какъ согласна во всемъ, продолжала мистриссъ Леконтъ.—Онъ мерзавецъ располагающій дѣйствительно этими свѣдѣніями и знающій что дѣлаетъ, или же онъ орудіе миссъ Ванстонъ: она велѣла написать это письмо, чтобы смутить насъ новою замаскировкой. Истинно ли письмо или фальшиво (не угадываю ли я вашихъ мыслей, мистеръ Ноэль?), во всякомъ случаѣ, у васъ есть въ виду кое-что получше предостереженія вашихъ враговъ преждевременнымъ обращеніемъ къ полиціи. Я совершенно согласна съ вами, не надо полиціи теперь. Вы позволите этому безыменному господину или этой безыменной женщинѣ вообразить себѣ, что васъ легко запугать; въ отвѣтъ на ихъ западню, вы поставите свою; вы отвѣтите на письмо и посмотрите что затѣмъ послѣдуетъ, и заплатите за полицейскія розыски лишь тогда, когда убѣдитесь въ необходимости этого. Я и тутъ опять согласна съ вами, не надо издержекъ, если можно обойдтись безъ нихъ. Рѣшительно во всемъ, мистеръ Ноэль, я съ вами согласна.

— Вы такъ смотрите на это, Леконтъ, да? произнесъ мистеръ Ноэль Ванстонъ.—Я самъ думаю такъ, совершенно такъ. Я не желаю платить ни фардинга за розыски, если можно обойдтись безъ нихъ.—Онъ взялъ снова письмо и очень взволновался при второмъ чтеніи.—Но господинъ этотъ хочетъ денегъ! съ нетерпѣніемъ вскрикнулъ онъ. — Вы, кажется, забыли, Леконтъ, что онъ хочетъ денегъ.

— Денегъ, которыя вы обѣщаете ему, сэръ, возразила мистрисъ Леконтъ, — но, какъ я прочла уже въ вашихъ мысляхъ, денегъ, которыхъ вы не дадите ему. Нѣтъ! нѣтъ! вы скажите этому человѣку: „подставьте вашу руку, сэръ,“—и когда онъ подставитъ, вы шлепнете по ней за труды, и спрячете вашу руку обратно въ карманъ. Я такъ рада, что вы смѣетесь, мистеръ Ноэль, такъ рада, что вы развеселись! Мы отвѣтимъ на письмо объявленіемъ въ газетѣ, какъ желаетъ авторъ,—объявленія такъ дешевы! Бѣдная рука ваша дрожитъ не много; не взять ли мнѣ перо за васъ? Я не способна къ чему-нибудь поважнѣе, но могу всегда держать за васъ перо.

Не ожидая его отвѣта, она пошла въ заднюю часть комнаты и возвратилась съ перомъ, чернилами и бумагой. Положивъ бювар на колѣни и глядя идеаломъ смиренной

покорности, она придвинулась еще ближе къ своему хозяину.

— Писать мнѣ подъ вашу диктовку, сэръ? спросила она.— Или не набросать ли мнѣ начерно, а вы потомъ потрудитесь поправить? Я набросаю начерно. Позвольте мнѣ взглянуть на письмо. Мы должны напечатать объявленіе въ *Times* и адресовать его „неизвѣстному другу.“ Что̀ писать мнѣ, мистеръ Ноэль? Позвольте; я напишу, а потомъ вы рѣшите: „*Неизвѣстнаго друга* просятъ означить (посредствомъ объявленія въ *Times*) адресъ, по которому можно послать къ нему письмо. За доставленіе обѣщаемыхъ свѣдѣній назначается въ награду...“ Сколько прикажите поставить, сэръ?

— Не ставьте ничего, воскликнулъ мистеръ Ноэль Ванстонъ, съ внезапною вспышкой нетерпѣнія.—Деньги мое дѣло, говорю вамъ, деньги *мое* дѣло, Леконтъ. Предоставьте это мнѣ.

— Само собою разумѣется, сэръ, отвѣчала мистриссъ Леконтъ, протягивая бювар своему хозяину.—Вы будете щедры въ назначеніи награды, зная впередъ, что ничего не заплатите?

— Не учите меня, Леконтъ! Я не хочу плясать по чужой дудкѣ! произнесъ мистеръ Ноэль Ванстонъ, заявляя все съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ свою независимость.— Я самъ желаю распорядиться этимъ дѣломъ. Я хозяинъ, Леконтъ!

— Вы хозяинъ, сэръ.

— Отецъ мой былъ хозяинъ у себя. А я сынъ моего отца. Говорю вамъ, Леконтъ, я сынъ моего отца!

Мистриссъ Леконтъ поклонилась съ покорностью.

— Я поставлю столько сколько найду нужнымъ, продолжалъ мистеръ Ноэль Ванстонъ, яростно вскидывая свою бѣлокурую головку.—Я самъ пошлю въ бумажную лавку объявленіе. Служанка отнесетъ его [1]. Когда я позвоню два раза, пошлите ко мнѣ служанку. Поняли вы, Леконтъ? Пошлите тогда служанку.

Мистриссъ Леконтъ поклонилась снова и тихо направилась къ двери. До совершенства знала она когда нужно

[1] Продавцы письменныхъ матеріяловъ, въ Англіи, часто принимаютъ объявленія, въ качествѣ журнальныхъ агентовъ.

было вести своего хозяина за руку, когда нужно было оставить его на волѣ. Опытъ научилъ ее управлять имъ во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, и уступать потомъ въ мелочахъ. Характеристическою чертой его слабой натуры, какъ и всѣхъ слабыхъ личностей, было упрямство въ пустякахъ. Пустымъ обстоятельствомъ было въ настоящемъ случаѣ помѣщеніе цифры въ пробѣлѣ объявленія, и мистриссъ Леконтъ успокоила мнительное опасеніе хозяина не водитъ ли она его за носъ, немедленно уступивъ ему въ этомъ пунктѣ. „Мой лошакъ пошелъ лягаться," сказала она на своемъ природномъ языкѣ, отворяя дверь. „Сегодня мнѣ ничего уже съ нимъ больше не сдѣлать."

— Леконтъ! закричалъ ея хозяинъ, когда она вышла въ коридоръ.—Воротитесь.

Мистриссъ Леконтъ воротилась.

— Я вѣдь васъ не обидѣлъ, нѣтъ? спросилъ не совсѣмъ спокойно мистеръ Ноэль Ванстонъ.

— Конечно нѣтъ, сэръ, отвѣчала мистриссъ Леконтъ.— Вы хозяинъ, какъ вы сейчасъ сказали.

— Доброе созданіе! Дайте мнѣ вашу руку.—Онъ поцѣловалъ ея руку и улыбнулся необыкновенно довольный своею любезностію.—Леконтъ, вы достойное созданіе!

— Благодарю васъ, сэръ, произнесла мистриссъ Леконтъ. Она поклонилась и вышла. „Еслибъ была хоть капля мозгу въ этой мартышкиной головѣ, проговорила она про себя въ коридорѣ,—вотъ вышелъ бы бездѣльникъ! "

Оставшись одинъ, мистеръ Ноэль Ванстонъ погрузился въ безпокойныя размышленія надъ пробѣломъ въ объявленіи. Повидимому намекъ, который сдѣлала ему мистриссъ Леконтъ касательно щедрости въ назначеніи денежной награды, при твердомъ намѣреніи не платить ихъ, былъ основанъ на глубокомъ знаніи его характера. Онъ наслѣдовалъ скаредную жадность къ деньгамъ отца своего, не наслѣдовавъ толковой способности отца распоряжаться деньгами. Единственною заботой его относительно своего богатства была забота объ удержаніи его. Онъ былъ до того закоренѣло скупъ, что простое предположеніе быть щедрымъ, въ одной теоріи, уже пугало его. Онъ взялъ перо, положилъ его обратно, и прочелъ въ третій разъ безыменное письмо, съ недоумѣніемъ покачивая надъ нимъ головой. „Если я пред-

ложу этому человѣку значительную сумму,“ пришло ему вдругъ въ голову: „почемъ я знаю, что онъ не найдетъ средствъ заставить меня дѣйствительно заплатить ее. Женщины всегда спѣшатъ. Леконтъ всегда спѣшитъ. У меня еще цѣлыхъ полдня впереди; я успѣю еще обсудить это дѣло.“

Онъ съ досадою положилъ бюваръ и проектъ объявленія на стулъ, съ котораго встала передъ тѣмъ мистриссъ Леконтъ. Возвращаясь на свое мѣсто, онъ знаменательно закачалъ своею головкой и оправилъ у колѣнъ свой бѣлый шлафрокъ, съ видомъ человѣка поглощеннаго важными заботами. Минута смѣняла минуту; четверти часа и полчасы истекали другъ за другомъ на циферблатѣ мистриссъ Леконтъ, а мистеръ Ноэль Ванстонъ все еще терялся въ раздумьи и все еще не раздавался звонокъ долженствовавшій призвать служанку.

Между тѣмъ Магдалина, оставивъ мистриссъ Леконтъ, рѣшилась благоразумно не идти къ себѣ прямо черезъ улицу, и не прежде какъ сдѣлавъ кругъ по сосѣднимъ улицамъ, рискнула возвратиться домой. Въ Воксаллъ-Вокѣ, ея вниманіе привлекла на себя прежде всего извощичья карета, стоявшая у дверей квартиры. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она увидѣла у дверецъ хозяйкину дочь, спорившую съ извощикомъ о платѣ. Замѣтивъ, что эта дѣвушка приходилась къ ней спиной, Магдалина тотчасъ же воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, и скользнула незамѣтно въ дверь.

Она прошла сѣни, поднялась на лѣстницу и, на первой площадкѣ, встрѣтилась лицомъ къ лицу со своею спутницей! Да, то была мистриссъ Реггъ, съ кучей мелкихъ покупокъ въ рукахъ, безпокойно ожидавшая исхода спора съ извощикомъ. Броситься назадъ было невозможно; шумъ раздраженныхъ голосовъ подходилъ все ближе. Оставаться долѣе въ нерѣшимости было хуже чѣмъ безполезно. Оставалось одно, — идти впередъ, — и Магдалина отчаянно рѣшилась на это. Она протолкалась мимо мистриссъ Реггъ, не говоря ни слова, бросилась въ свою комнату, скинула свой плащъ, шляпку, парикъ и спрятала ихъ въ промежутокъ между диваномъ и стѣной.

Въ первое время, удивленіе отняло языкъ у мистриссъ

Реггъ и приковало ее къ мѣсту, на которомъ она стояла. Два свертка изъ коллекціи ея покупокъ вывалились изъ ея рукъ на лѣстницу. При видѣ этой бѣды, она опомнилась.—Воры! вскрикнула мистриссъ Реггъ, пораженная внезапною мыслью.—Воры!

Магдалина услышала это чрезъ дверь, которую она не успѣла еще затворить совсѣмъ.—Это вы, мистриссъ Реггъ? крикнула она своимъ натуральнымъ голосомъ. — Въ чемъ дѣло?—Говоря это она схватила полотенце, помочила его въ водѣ и поскорѣе вытерла имъ нижнюю часть лица. При звукѣ знакомаго голоса, мистриссъ Реггъ обернулась, выронила третій свертокъ, и, забывая его въ своемъ изумленіи, поднялась на второй всходъ. Магдалина вышла на площадку перваго этажа, держа полотенце у лба, какъ будто страдая отъ головной боли. Фальшивыя брови требовали для снятія нѣкотораго времени, и головная боль представляла самый удобный предлогъ прикрыть ихъ.

— Что это? о чемъ это вы шумите на весь домъ? спросила она. — Пожалуста потише. Я почти ослѣпла отъ головной боли.

— Что̀ такое случилось, сударыня? спросила хозяйка съ низу.

— Ничего, отвѣчала Магдалина.—Пріятельница моя робкаго нрава, и споръ съ извощикомъ напугалъ ее. Заплатите ему что̀ онъ проситъ, и отошлите его.

— Гдѣ же она? спрашивала мистриссъ Реггъ съ трепетнымъ шепотомъ.—Гдѣ та женщина, которая юркнула мимо меня въ вашу комнату?

— Ну, вотъ еще! сказала Магдалина.—Никакой женщины не юркнуло мимо васъ, какъ вы выражаетесь. Смотрите сами.

Она отворила дверь. Мистриссъ Реггъ вошла въ комнату, осмотрѣлась кругомъ, не нашла никого и заявила свое изумленіе, выронивъ четвертый свертокъ и отчаянно задрожавъ съ головы до ногъ.

— Я видѣла, какъ она вошла сюда, сказала съ выраженіемъ благоговѣйнаго испуга мистриссъ Реггъ.—Женщина въ сѣромъ салопѣ и капорѣ. Грубая женщина. Она юркнула мимо меня на лѣстницу, точно юркнула. Вотъ комната, а въ ней нѣтъ женщины. Ахъ, дайте мнѣ молитвенникъ! воскликнула мистриссъ Реггъ, смертельно блѣдняя и роняя,

одинъ за другимъ, всѣ свои свертки.—Мнѣ нужно прочесть что-нибудь отъ Божества. Я должна подумать о моемъ смертномъ часѣ. Я видѣла духа.

— Глупости! сказала Магдалина.—Вы бредите; ходьба по лавкамъ совсѣмъ разстроила васъ. Ступайте въ свою комнату и снимите шляпу.

— Я слышала о привидѣніяхъ въ ночныхъ кофтахъ, въ простыняхъ, въ цѣпяхъ, продолжала мистрисъ Реггъ, стоя какъ окаменѣлая, въ заколдованномъ кругу своихъ свертковъ.—А это привидѣніе хуже всѣхъ, привидѣніе въ сѣромъ салопѣ и капорѣ! Я знаю что̀ это такое, продолжала мистриссъ Реггъ, заливаясь слезами покаянія.—Это наказаніе мнѣ за то, что я радовалась что отъ капитана уѣхала. Это наказаніе мнѣ за то, что у меня нынче, какъ я ходила по лавкамъ, то на одной, то на другой ногѣ стаптывалась пятка. Не оставляйте меня, милая моя; дѣлайте что̀ хотите, только не оставляйте меня!

Она схватила крѣпко за руку Магдалину, и снова задрожала вся отъ одной мысли остаться одной.

Въ такихъ обстоятельствахъ оставалось только подчиниться необходимости. Магдалина усадила мистриссъ Реггъ на стулъ такъ чтобы самой ей можно было повернуться спиной къ своей спутницѣ, пока отмачивала наклеенныя брови.

— Подождите здѣсь немного, сказала она,—попытайтесь успокоить себя, пока я буду мочить себѣ голову.

— Успокоить себя? повторила мистриссъ Реггъ. — Какъ мнѣ успокоить себя, когда я головы на плечахъ не чувствую? Жужжаніе съ поваренною книжкой ничего не значитъ передъ теперешнимъ! Вотъ тебѣ и праздникъ! Нѣтъ, ужь будетъ, везите меня назадъ, милая моя, когда хотите везите; будетъ съ меня!

Отклеивъ наконецъ брови, Магдалина принялась искоренять всѣми возможными средствами убѣжденія несчастное впечатлѣніе, поразившее ея спутницу.

Старанія оказались тщетными. Мистриссъ Реггъ не отказывалась отъ своего убѣжденія, основаннаго на обстоятельствѣ, замѣтимъ въ скобкахъ, которое убѣдило бы многихъ духовидцевъ поумнѣе ея, что ее сверхъестественнымъ образомъ посѣтилъ гость изъ міра духовъ. Осторожными разспросами, Магдалина могла удостовѣриться только, что у мистриссъ Реггъ не доставало соображенія,

чтобы въ мнимомъ привидѣніи узнать старую гувернантку которую она представляла. Успокоивъ себя насчетъ этого, остальное она могла предоставить естественной неспособности удерживать впечатлѣнія, когда впечатлѣнія эти не возобновлялись постоянно, способности составлявшей одинъ изъ характеристическихъ недуговъ слабаго мозга ея спутницы. Подкрѣпивъ мистриссъ Реггъ неоднократно повторенными завѣреніями, что одно явленіе (на основаніи всѣхъ законовъ и правилъ относительно привидѣній) не значитъ еще ничего, если вслѣдъ затѣмъ не послѣдуютъ еще два явленія; обративъ, послѣ терпѣливыхъ усилій, вниманіе ея на покупки разбросанныя по полу и по лѣстницѣ, и обѣщавъ оставить смежную дверь двухъ комнатъ полуотворенною, съ условіемъ что мистриссъ Реггъ, съ своей стороны, удалится въ свою комнату и не станетъ говорить болѣе объ ужасномъ привидѣніи: Магдалина получила, наконецъ, возможность обдумать на свободѣ событіе этого знаменательнаго дня.

Два важные результата послѣдовали за ея первымъ шагомъ. Мистриссъ Леконтъ подмѣтила ея обмолвку собственнымъ голосомъ; случай столкнулъ ее въ нарядѣ съ мистриссъ Реггъ.

Какими выгодами вознаграждались эти бѣды? Собраніемъ свѣдѣній о Ноэлѣ Ванстонѣ и мистриссъ Леконтъ, какихъ не добыла бы она и въ нѣсколько мѣсяцевъ, еслибы довѣрила нужныя ей справки другимъ. Съ однимъ неизвѣстнымъ, до сихъ поръ безпокоившимъ ее обстоятельствомъ, было покончено. Планъ, составленный ею тайно противъ Михаила Ванстона, который былъ отчасти угаданъ проницательнымъ капитаномъ Реггъ, когда она въ первый разъ говорила ему о прекращеніи товарищества, былъ прямо признанъ ею теперь неудобоисполнимымъ по отношенію къ сыну Михаила Ванстона. Спекуляціонныя наклонности отца служили основаніемъ, на которомъ была построена вся система задуманнаго ею дѣла. Такой выгодной стороны не было замѣтно въ скаредномъ характерѣ сына. Мистеръ Ноэль Ванстонъ былъ неуязвимъ съ той именно стороны, которая была открыта для нападенія въ отцѣ его.

Послѣ такого вывода, къ чему прибѣгнуть ей въ будущемъ? Какое новое средство придумать ей, которое при-

вело бы ее тайно къ ея цѣли, вопреки злобной бдительности мистриссъ Леконтъ и скареднаго недовѣрія Ноэля Ванстона?

Она сидѣла передъ зеркаломъ, механически разчесывая свои волосы, когда соображенія эти занимали ея мысль. Волненіе возбудило лихорадочный румянецъ на ея щекахъ и зажгло ея большіе сѣрые глаза. Она сознавала, что она необыкновенно хороша, сознавала какъ много выигрываетъ ея красота отъ контраста, послѣ замаскированія. Прекрасные свѣтлокаштановые волосы ея казались гуще и мягче обыкновеннаго, послѣ своего освобожденія изъ-подъ сѣдаго парика. Она закручивала ихъ туда и сюда своими быстрыми искусными пальцами, ихъ прядями опускала на свои плечи, и отбрасывала ихъ потомъ назадъ, глядясь со стороны какъ падаютъ они, и озирая свою спину и плечи, сбросившія съ себя искусственное уродство наваченнаго манто. Черезъ минуту, она снова повернулась лицомъ къ зеркалу, засунула глубоко въ волосы свои обѣ руки, и опершись локтями на столъ, стала всматриваться ближе и ближе въ свое изображеніе, пока ея дыханіе не затемнило стекла.

„Я могу любаго мущину закрутить вокругъ моего пальца, пока я сохраню мою красоту, подумала она съ улыбкой гордаго торжества.—Еслибъ этотъ презрѣнный негодяй увидѣлъ меня теперь...“

Съ внезапнымъ ужасомъ къ себѣ, отказалась она прослѣдить свою мысль до конца, съ трепетомъ отодвинулась отъ зеркала и закрыла свое лицо руками. „О Франкъ!“ прошептала она: „если бы не ты, какимъ могла бы я выйдти презрѣннымъ существомъ!“ Ея горячіе пальцы вырвали бѣленькій шелковый мѣшечекъ изъ его тайника на груди, а губы покрыли его безмолвными поцѣлуями. „Душечка мой! ангелъ мой! О, Франкъ, какъ люблю я тебя!“ Слезы брызнули изъ ея глазъ. Быстро отерла она ихъ, положила на мѣсто мѣшечекъ и отвернулась отъ зеркала. „Не буду больше думать о себѣ,“ молвила она про себя, „сегодня не буду больше думать о себѣ, о безумной, о жалкой!...“

Отказавшись отъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій о предстоящемъ ей пути, о грозно темнѣвшемъ будущемъ, съ которымъ связанъ былъ теперь, во глубинѣ ея сокровеннѣйшихъ мыслей, Ноэль Ванстонъ, она нетерпѣливо оглянула комнату, ища какого-нибудь домашняго занятія, ко-

торое отвлекло бы ея мысль отъ самой себя. Ей припомнился костюмъ, сунутый ею въ промежутокъ между стѣной и кроватью. Оставить его тамъ было невозможно. Мистриссъ Реггъ (занятая теперь разборомъ своихъ покупокъ) можетъ утомиться своимъ занятіемъ, можетъ вдругъ войдти въ комнату, можетъ пройдти вблизи дивана и увидѣть сѣрый плащъ. Какъ быть?

Первою мыслью ея было уложить костюмъ обратно въ сундукъ. Но, послѣ случившагося, казалось опаснымъ имѣть его такъ близко при себѣ, будучи съ мистриссъ Реггъ подъ одною кровлей. Она рѣшилась отдѣлаться отъ него нынче же вечеромъ и смѣло рѣшила отослать его обратно въ Бэрмингамъ. Въ ея сундукѣ находилась ея шляпная коробка. Она вынула эту коробку, положила въ нее парикъ и плащъ и безжалостно прихлопнула сверху шляпку. Платье (котораго она до сихъ поръ еще не снимала) принадлежало ей; мистриссъ Реггъ привыкла видѣть ее въ немъ, а потому не представлялось надобности отсылать его. Прежде чѣмъ закрыть коробку, она наскоро набросала на листкѣ бумаги слѣдующія строчки: „Я ошибкой взяла съ собою прилагаемыя вещи. Пожалуста удержите ихъ у себя, вмѣстѣ съ другими, находящимися у васъ, моими вещами, до новаго извѣстія отъ меня.“ Положивъ бумагу сверхъ шляпки, она надписала на коробкѣ, „капитану Реггу въ Бэрмингамъ, тотчасъ же снесла ее внизъ и послала хозяйкину дочь сдать коробку въ первой пріемной конторѣ. „Съ этимъ затрудненіемъ покончено“, думала она, возвращаясь въ свою комнату.

Мистриссъ Реггъ все еще была занята разборомъ покупокъ на своей узенькой маленькой постели. При появленіи Магдалины, она обернулась и вскрикнула съ испугомъ.

— Ужь я думала, что опять привидѣніе, произнесла она. —Я хочу, моя милая, обратить въ пользу себѣ что случилось со мной. Я всѣ мои покупки выложила прямо и ровно, какъ пріятно было бы видѣть ихъ капитану. Пятки у моихъ башмаковъ, у обоихъ въ порядкѣ. Если я сомкну глаза сегодня ночью, хотя я этого не надѣюсь, то буду спать прямо, какъ только сумѣю сладить съ ногами. И ужь во всю жизнь не захочу еще другаго праздника. Авось, Богъ дастъ, обойдется, проговорила мистриссъ Реггъ, печально покачивая головою.—Авось, Богъ мнѣ проститъ.

— Проститъ! повторила Магдалина.—Еслибы всѣ женщины были такъ грѣшны, какъ вы... Но полно объ этомъ толковать! Чтобы вамъ развернуть ваши покупки! Давайте-ка! Мнѣ хочется посмотрѣть что вы накупили сегодня.

Мистриссъ Реггъ замялась, вздохнула смиренно, подумала немного, робко протянула руки къ одному изъ свертковъ, вспомнила о сверхъестественномъ знаменіи и отшатнулась отъ своихъ покупокъ съ отчаяннымъ самовоздержаніемъ.

— Разверните вотъ этотъ, замѣтила Магдалина, чтобы ободрить ее.—Что̀ это такое?

Поблекшіе голубые глаза мистриссъ Реггъ засвѣтились тускло, вопреки угрызеніямъ совѣсти, но она самоотверженно покачала головой. Господствующая въ ней страсть хожденія по лавкамъ могла восторжествовать со временемъ, но теперь привидѣніе поглощало все ея вниманіе.

— А дешево вы купили? спросила Магдалина секретнымъ тономъ.

— Охъ, за безцѣнокъ! воскликнула бѣдная мистриссъ Реггъ, стремглавъ попадая въ западню и кидаясь на свертокъ такъ падко какъ будто ничего не случилось.

Около часу проболтала съ ней Магдалина о покупкахъ, и затѣмъ благоразумно рѣшила увести ее гулять, чтобъ отвлечь ея вниманіе отъ всякихъ мыслей о привидѣніяхъ.

Когда они выходили на улицу, дверь дома Ноэля Ванстона отворилась, и въ ней показалась служанка съ письмомъ, которое она заботливо держала въ своей рукѣ. Сознавая, что у нея не готовъ еще планъ ни для опаденія, ни для обороны, Магдалина подумала, съ минутнымъ опасеніемъ, не рѣшилась ли мистриссъ Леконтъ открыть новыя сношенія, и не было ли это письмо адресовано на имя миссъ Гартъ.

Но не этотъ адресъ значился на письмѣ. Мистеръ Ноэль Ванстонъ разрѣшилъ наконецъ свою денежную задачу. Пробѣлъ въ объявленіи былъ наполненъ, и отвѣтъ мистриссъ Леконтъ на безыменное предостереженіе капитана было теперь на пути къ напечатанію въ *Times*.

(До слѣд. №.)

КРЕСТЬЯНСКІЕ ВОЛОСТНЫЕ СУДЫ.

Мы только сейчасъ изъ деревни, и пишемъ еще подъ свѣжими впечатлѣніями, которыя произвелъ на насъ современный порядокъ вещей въ нашемъ помѣщичьемъ и крестьянскомъ бытѣ, и между прочимъ устройство крестьянскихъ судовъ. Объ этомъ-то послѣднемъ предметѣ мы и намѣрены сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Недавно минуло Россіи цѣлыхъ тысячу лѣтъ, а Россія все еще, говорятъ намъ, не созрѣла. Мы не знаемъ и не беремся судить, въ чемъ именно, на сколько и почему мы не созрѣли, и сколько вѣковъ намъ необходимо еще прожить, чтобы получить аттестатъ на совершеннолѣтіе и удовлетворительную зрѣлость. Вѣрно только то, что напрасно навязываютъ намъ незрѣлость и неопытность въ дѣлахъ и вещахъ, которыя давнымъ-давно пережилъ и теперь еще переживаетъ нашъ народъ.

Сельскіе и волостные суды въ вѣдомствѣ государственныхъ *имуществъ*, то-есть государственныхъ *крестьянъ*, существуютъ уже двадцать три года, — съ тѣхъ поръ какъ въ видахъ попечительства надъ десятью милліонами душъ государственныхъ крестьянъ было учреждено особое министерство съ подвѣдомственными ему инстанціями, палатами, окружными управленіями, волостными и сельскими расправами, съ департаментами сельскаго хозяйства и учебными фермами. Въ недостаткѣ опытовъ упрекнуть насъ поэтому нѣтъ никакой возможности: было бы инте-

ресно и поучительно извлечь и сберечь результаты этихъ опытовъ, опредѣлить насколько удались они, и если не удались, изслѣдовать причины такой неудачи и воспользоваться въ будущемъ и при случаѣ, если не положительными, за недостаткомъ ихъ, то по крайней мѣрѣ отрицательными результатами опытовъ. Если не узнаешь что̀ слѣдуетъ дѣлать, то будешь знать, по крайней мѣрѣ, чего дѣлать не слѣдуетъ, и въ этомъ получится немаловажный уже выигрышъ. Все дѣло заключается поэтому не въ томъ, что мы не зрѣлы и неопытны, а въ томъ, какимъ образомъ мы воспользуемся нашею опытностію; не доставитъ ли, напримѣръ, двадцатилѣтняя опытность въ судебной дѣятельности сельскихъ и волостныхъ расправъ у государственныхъ крестьянъ какихъ-нибудь полезныхъ указаній и практическихъ данныхъ для устройства волостныхъ судовъ временно-обязанныхъ крестьянъ, надъ которыми тяготѣло крѣпостное право помѣщиковъ, въ то время когда ихъ собраты, крестьяне государственные, не были подчинены этому праву, и находились подъ управленіемъ имѣвшимъ видъ свободныхъ учрежденій?...

До упраздненія въ 1861 году одной изъ двухъ инстанцій управленія государственныхъ крестьянъ, извѣстные разряды дѣлъ вѣдались въ двухъ инстанціяхъ, въ сельской и волостной расправахъ. Съ отмѣною сельской расправы, остается теперь только волостная; но судъ въ ней происходитъ на основаніи прежнихъ полицейскаго и судебнаго уставовъ, такъ что главныя основанія судопроизводства остаются безъ всякой существенной перемѣны.

Сельская расправа, какъ первая степень *домашняго* суда, состоитъ изъ трехъ лицъ избираемыхъ на три года. Изъ этихъ трехъ лицъ, одно есть представитель суда и въ то же время сельскій старшина; другіе два члена называются добросовѣстными,—одинъ старшій, другой младшій. Дѣла должны рѣшаться, какъ бы маловажны они ни были, по большинству голосовъ, и не иначе какъ *въ полномъ присутствіи членовъ*, мѣста которыхъ, въ случаѣ законныхъ причинъ къ неявкѣ, заступаютъ кандидаты. Разборъ дѣла хотя и допускается словесный, но члены обязаны составлять приговоръ письменный, „въ которомъ должно быть изъяснено: 1) въ чемъ именно состоялъ проступокъ; 2) былъ ли онъ умышленный, неосторожный или случайный;

3) сознался ли въ немъ виновный, и если не сознался, то чѣмъ изобличается въ немъ или чѣмъ опровергается доносъ или жалоба противъ обвиняемаго, и 4) заключеніе расправы объ оправданіи или обвиненіи подсудимаго, о мѣрѣ взысканія или наказанія за проступокъ, съ приведеніемъ приличныхъ статей устава, на основаніи коихъ оное опредѣляется."

Въ этотъ же приговоръ должно вноситься *особое* мнѣніе того члена, который не согласенъ съ большинствомъ. Подписанный или скрѣпленный печатями трехъ членовъ, и кромѣ того, въ случаѣ мировой сдѣлки и безграмотности членовъ, четырьмя свидѣтелями; приговоръ, за скрѣпою писаря, прочитывается тяжущимся, отъ которымъ отбирается отзывъ объ удовольствіи или неудовольствіи на рѣшеніе. Затѣмъ приговоръ записывается въ особую книгу, потомъ вкратцѣ въ другую, штрафную, а если налагается штрафъ денежный, то и въ третью.

До упраздненія сельскихъ правленій, расправа сельская обязывалась принимать къ своему разсмотрѣнію дѣла о проступкахъ и по спорамъ объ имуществѣ, на сумму не свыше пятнадцати рублей, согласно правиламъ, подробно изложеннымъ въ судебномъ уставѣ. Когда цѣна иска превышаетъ пять рублей, когда обвиняемый присуждается къ наказанію тѣлесному сверхъ двадцати ударовъ, то при неудовольствіи обвиняемаго на рѣшеніе, оно поступаетъ на апелляцію изъ сельской въ волостную расправу, которая утверждаетъ или кассируетъ рѣшеніе. Въ случаѣ опредѣленія тѣлеснаго наказанія сверхъ двадцати ударовъ, или когда цѣна спорному имуществу оказывается на сумму превышающую пятнадцать рублей, то волостная расправа въ первомъ случаѣ представляетъ приговоръ на утвержденіе окружнаго начальства, а во второмъ предоставляетъ тяжущимся вѣдаться въ уѣздномъ судѣ.

Изъ описанія устройства и судебной процедуры волостной и сельской расправы, съ особенною очевидностію выставляется необыкновенная заботливость, съ которою законодательство старалось обезпечить для тяжущихся и обвиняемыхъ правильность и безпристрастіе суда и приговора. *Одноличность* суда устраняется, какъ видно, совершенно: разборъ дѣла и рѣшеніе происходитъ *коллегіально*, и не иначе какъ въ полномъ присутствіи членовъ, даже со

внесеніемъ въ приговоръ особыхъ мнѣній. По закону устраняется всякое вмѣшательство чиновниковъ въ составленіи приговора; ибо сельскій старшина и волостной голова, служащіе по выбору крестьянъ, не считаются чиновниками. Прежде нежели судьи начнутъ разбирать дѣло, они обязаны предложить тяжущимся разбираться черезъ посредниковъ, на основаніи особыхъ, существующихъ на этотъ предметъ правилъ. Еслибы тяжущіеся согласились окончить дѣло миромъ, то для засвидѣтельствованія мировой сдѣлки не считается достаточнымъ подпись членовъ коллегіи, но требуются особые свидѣтели, по два съ каждой стороны. Далѣе, въ случаѣ несогласенія между тяжущимися въ опредѣленіи цѣны спорному имуществу, цѣна опредѣляется особыми посредниками и старшиною, безъ всякаго участія добросовѣстныхъ. Наконецъ, рѣшеніе сельской расправы считается окончательнымъ въ извѣстныхъ только случаяхъ; въ другихъ же, дѣла подлежатъ аппелляціи въ волостную расправу. Однимъ словомъ, вся процедура обставлена такими формами коллегіяльности и гарантіями для обвиняемыхъ, что ими можетъ удовлетвориться вкусъ самый взыскательный въ вещахъ подобнаго рода.

Не трудно угадать, какимъ образомъ отозвалось въ дѣйствительности такое устройство суда и судебной процедуры, и какую степень довѣрія могъ вызвать подобный судъ у крестьянъ.

Въ книгахъ разсылавшихся ежегодно изъ палатъ въ сельскія расправы, для записки судебныхъ приговоровъ и рѣшеній, оказывались всегда, къ концу года, чистыя разграфленныя страницы. При вопросѣ у добросовѣстнаго, какого рода дѣла находились у него въ разсмотрѣніи, онъ обыкновенно отвѣчаетъ такою улыбкой, какую можетъ вызвать на лицѣ человѣка только самая невинная шутка. Если добросовѣстный изъ трусливаго десятка, то печально понуривъ голову, онъ посматриваетъ изъ подлобья на писаря, и взоромъ своимъ умоляетъ его вывести изъ затруднительнаго положенія, въ какое поставленъ онъ вопросомъ начальника ревизующаго управленіе. Встрѣчаются, правда, и дѣятельные добросовѣстные; но эта дѣятельность имѣетъ совершенно особый характеръ, и проявляется преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда добросовѣстный

ведетъ дружбу съ сельскимъ начальствомъ. Такіе добросовѣстные изыскиваютъ всевозможныя средства, какъ бы завлечь крестьянина съ жалобою на кого-нибудь изъ его односельцевъ, и залучивъ крестьянина въ расправу, добросовѣстный вмѣстѣ съ старшиною и писаремъ, уже не выпускаетъ изъ своихъ рукъ попавшуюся жертву, до тѣхъ поръ пока не обопьютъ, елико возможно, обѣ тяжущіяся стороны; это и называется мировою сдѣлкой, о которой впрочемъ въ книгу не записывается, и которая совершается по обыкновенію въ кабакѣ.

Этимъ ограничивается участіе добросовѣстныхъ, какъ членовъ коллегіи, въ судѣ. Въ исполненіи всѣхъ пріемовъ судопроизводства, въ собраніи уликъ, доказательствъ, опредѣленіи степени проступка и степени наказанія, на основаніи судебнаго устава, предсѣдатель коллегіи оказывается столь же искуснымъ, какъ и ея члены. Мы люди слѣпые, грамотѣ не знаемъ, бываетъ всегдашнимъ отвѣтомъ на вопросы, почему жалобы крестьянъ не разбираются въ расправѣ. Крестьяне дѣйствительно рѣдко относятся съ своими жалобами въ расправу, которая привлекаетъ крестьянъ преимущественно *по требованію начальника*, и за неисправную уплату податей подвергаетъ тѣлесному наказанію. При этомъ, сперва обыкновенно производится наказаніе, а потомъ уже по формѣ записывается въ книгу приговоръ. Недовѣріе крестьянъ къ сельскимъ и волостнымъ расправамъ выражается, между прочимъ, множествомъ прошеній и жалобъ, которыя подаютъ они въ высшія административныя мѣста; когда высшее начальство требуетъ настойчиво о непремѣнномъ и скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла, то расправы по большей части прекращаютъ дѣла на томъ основаніи, что искъ превышаетъ пятнадцать рублей, или что дѣло кончилось миромъ. Крестьяне продолжаютъ тогда обращаться съ жалобами въ палату, къ начальнику губерніи, въ министерство, нерѣдко къ министрамъ другихъ вѣдомствъ. Разказываютъ, что однодворцы одной губерніи обращались съ жалобою къ посланнику персидскаго шаха, во время проѣзда его въ Петербургъ чрезъ губернскій городъ. Бо́льшая часть жалобъ приносится крестьянками и вдовами. Женщина въ крестьянскомъ быту не считается ревизскою душой, никакихъ податей не платитъ, никакихъ повинностей за общество не отбываетъ, никакого права на надѣлъ зем-

лею не имѣетъ; однимъ словомъ „баба—не человѣкъ". При такомъ общественномъ положеніи и безправности женщины, понятно почему сельскія и волостныя расправы обращаютъ еще менѣе вниманія на разборъ и удовлетвореніе жалобъ крестьянокъ. И вотъ, баба идетъ за сотни верстъ, нерѣдко съ груднымъ младенцемъ, въ губернію; послѣ многихъ мытарствъ, отыскиваетъ управляющаго палатою, и разказываетъ ему свои горести, какъ выгналъ ее изъ дому деверь, какъ отнялъ у нея овецъ и свитку покойнаго мужа, или какъ живой мужъ пропиваетъ до тла все состояніе и немилосердно ее колотитъ; и на все это получаетъ она въ отвѣтъ, что дѣло рѣшить здѣсь невозможно, не выслушавъ обѣихъ сторонъ, и что жалобу ея будетъ предписано разобрать въ расправѣ. Выслушавъ такое рѣшеніе, баба становится на колѣни, повергается въ ноги, и начинаетъ вопить, что въ расправѣ она была уже много разъ, но суда ей тамъ никакого не даютъ; палата-де предписывала окружному; окружной волостному, волостной наказывалъ старшинѣ, старшина старостѣ, а суда все нѣтъ, какъ нѣтъ.

Въ началѣ учрежденія волостныхъ и сельскихъ расправъ, нѣкоторыя палаты въ ежегодныхъ отчетахъ своихъ доносили, что „вообще нравственность государственныхъ крестьянъ со введеніемъ новаго управленія измѣнилась къ лучшему: лѣность, нерадѣніе къ домоводству, равно нетрезвость, хотя оставили еще нѣкоторые слѣды, но неповиновенія къ начальству и прежнѣй склонности къ ябедамъ и тяжбамъ уже незамѣтно. Довѣренность къ управленію водворяется повсюду въ казенныхъ селеніяхъ, и крестьяне значительно преуспѣли въ такомъ-то году." Мѣстное губернское начальство издавало циркуляры, выставлявшіеся на самыхъ видныхъ мѣстахъ сельскихъ и волостныхъ правленій, о томъ чтобы крестьяне не осмѣливались предаваться пьянству, особенно въ воскресные дни, которые они должны посвящать богомыслію; отъ окружныхъ начальниковъ требовались ежемѣсячные отчеты о мѣрахъ, какія принимаемы были ими для улучшенія нравственности крестьянъ. Все это писали люди, безкорыстно, смиренно и искренно желавшіе блага людямъ, ввѣреннымъ ихъ попеченію, употреблявшіе всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры къ удовлетворенію справедливыхъ жалобъ крестьянъ, къ устройству пріютовъ и школъ для бездомныхъ и круглыхъ сиротъ. Однимъ сло-

вомъ, не было недостатка и въ усердіи начальства. Такимъ образомъ, все кажется было придумано при устройствѣ судовъ, съ самою благонамѣренною цѣлью, для обезпеченія тяжущихся и обвиняемыхъ; составъ суда принятъ коллегіальный изъ выборныхъ людей; вліяніе чиновниковъ, назначаемыхъ отъ правительства, устранено, по закону, отъ судебной власти; самая коллегія суда не пользуется полнымъ довѣріемъ законодательства, и одна гарантія громоздится надъ другою. И несмотря на все это, нельзя не сознаться, что изъ громады ежегодныхъ отчетовъ о состояніи и дѣятельности, по судебной части, волостныхъ и сельскихъ расправъ, невозможно извлечь ровно никакихъ указаній полезныхъ для юридической практики нашихъ сельскихъ судовъ. Нѣтъ даже сколько-нибудь достовѣрныхъ цифръ о наказаніяхъ и проступкахъ. Видно только, что изъ числа наказаній, огромную долю составляютъ тѣлесныя наказанія, и весьма малую часть составляютъ денежные штрафы, и что изъ этой малой части, самая малая дѣйствительно взыскивалась въ мірскіе капиталы.

Въ статистическомъ обзорѣ государственныхъ имуществъ за 1858 годъ, изданномъ по распоряженію министра въ 1860 году, не упоминается ничего о дѣятельности волостныхъ и сельскихъ расправъ. Въ отчетахъ одной губерніи, показывалось, напримѣръ, что въ 1855 году, число подвергнутыхъ тѣлесному наказанію по всей губерніи было 277 мущинъ и 2 женщины, а въ 1856 году, 1.971 мущина и ни одной женщины. Несообразность и неправдоподобіе такихъ цифръ, извлекаемыхъ изъ отчетовъ волостныхъ правленій, то-есть волостныхъ писарей, сами собою бросаются въ глаза,

Съ упраздненіемъ сельской расправы, какъ особой инстанціи суда, остается только расправа волостная; но тѣмъ не менѣе „сельскому старостѣ поручается, по существующему обычаю, разборъ, при участіи лучшихъ людей (старожиловъ, уважаемыхъ стариковъ и вообще людей пользующихся въ селеніяхъ особеннымъ уваженіемъ и почетомъ), домашнихъ между крестьянами-односельцами ссоръ, обидъ и жалобъ. Съ этою цѣлію предоставляется старостѣ право подвергать крестьянъ за маловажные проступки, и вообще замѣченныхъ въ буйствѣ, пьянствѣ и непослушаніи, наказанію, а именно: аресту на три дня, назначенію на такой же срокъ въ общественную работу и безочеред-

нымъ нарядамъ для отправленія натуральной повинности, о чемъ волостное правленіе, по докладу старостою, отмѣчаетъ въ особой штрафной книгѣ.“ Затѣмъ, въ болѣе важныхъ случаяхъ, виновные представляются въ волостное правленіе, гдѣ добросовѣстные, подъ предсѣдательствомъ волостнаго головы, разсматриваютъ тяжебныя дѣла крестьянъ и опредѣляютъ взысканія за маловажные проступки, на основаніи сельскихъ полицейскаго и судебнаго уставовъ. Согласно такому порядку, отмѣна всѣхъ формальностей въ производствѣ суда относится къ тѣмъ лишь проступкамъ, за которые опредѣлено по уставу наказаніе старостою при участіи схода, въ вышеупомянутыхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, для волостнаго суда оставлена коллегія съ нѣсколько-упрощенными формальностями; а въ низшую инстанцію суда сельскаго, съ уничтоженіемъ всякой формальности, введенъ новый элементъ—участіе сельскаго схода.

Коллегіальныя формы судебной процедуры, нисколько, какъ извѣстно, не обезпечиваютъ правильности судебныхъ рѣшеній, при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находятся наши общіе суды не только первой, но и второй степени, то-есть суды уѣздные и губернскіе, гдѣ почти всегда орудуетъ всѣми дѣлами одинолично секретарь. Что же сказать о значеніи коллегіяльности въ сельскихъ и волостныхъ расправахъ, въ которыхъ ни одинъ членъ не умѣетъ ни писать, ни читать, и всегда почти пьяный писарь исправляетъ обязанности секретаря?

Нѣтъ, кажется, нужды доказывать, послѣ опыта, продолжающагося двадцать слишкомъ лѣтъ, что коллегіяльность сельскаго волостнаго суда, со всею его процедурой и обрядностію по правиламъ полицейскаго и судебнаго уставовъ, изданныхъ для употребленія въ расправахъ, не принесла ожидаемой пользы сельскимъ обывателямъ, какъ и все совершаемое для пользы народа, внѣ самаго народа, не соотвѣтствуетъ ихъ потребностямъ, и не вызываетъ нисколько ихъ довѣрія. Опытъ оказался во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельнымъ, и не привелъ къ предполагаемой цѣли, къ юридическому воспитанію той части народа, къ которой прилагался опытъ.

О юридическомъ смыслѣ нашего народа говоритъ тотъ же опытъ, что какіе бы законы ни причитывалъ началь-

никъ крестьянину, какъ бы онъ ни увѣрялъ его и ни объяснялъ ему, что дѣло его не право, и никакому удовлетворенію жалоба его не подлежитъ, что противно закону поступить не возможно, крестьянинъ выслушаетъ начальника терпѣливо и покорно, и, вслѣдъ затѣмъ, опускается торжественно на колѣни, складываетъ и поднимаетъ руки, и увѣряетъ въ свою очередь начальника, что начальникъ все можетъ сдѣлать, если пожелаетъ. Крестьянинъ хотя и не можетъ отговариваться незнаніемъ закона, но онъ закона не знаетъ. Удивительное равнодушіе и невниманіе къ законодатедьству простирается у насъ до такой степени, что почти никто изъ крестьянъ, и даже сами помѣщики не знали о существованіи, напримѣръ, закона 1848 года о дарованіи крѣпостнымъ крестьянамъ права пріобрѣтать земли по купчимъ на ихъ собственное имя, а не на имя ихъ помѣщика. Если крестьянинъ до такой степени несвѣдущъ въ законахъ своего отечества, то единственнымъ олицетвореніемъ закона становится для него живое *лицо*, въ которомъ онъ желаетъ видѣть свою защиту и своего судью. И не только для нашихъ крестьянъ, но и для людей всѣхъ классовъ и состояній, обезпеченіемъ правильности суда служитъ не одна только буква закона; они ищутъ этого обезпеченія въ свободныхъ проявленіяхъ человѣческой совѣсти, неуловимыхъ ни въ какіе параграфы кодекса, въ приговорѣ живаго лица, въ приговорѣ присяжныхъ, для которыхъ необходимо знать законъ, не потому что они не могутъ отговариваться незнаніемъ закона, а для того чтобы знать заранѣе какому наказанію подвергается обвиняемый, если совѣсть ихъ признаетъ его дѣйствительно виновнымъ.

Мы имѣемъ поэтому основаніе предполагать, что сообразно опыту, сообразно существующимъ правамъ, степени образованія нашихъ крестьянъ, и потребностямъ ихъ въ правильномъ судѣ, *единственно возможный для нихъ судъ первой степени, есть судъ одноличный, съ привлеченіемъ въ извѣстныхъ случаяхъ присяжныхъ.*

Если коллегіальный составъ суда ни сколько не пригоденъ для нашихъ судовъ сельскихъ и волостныхъ, то участіе сельскихъ сходовъ въ судебномъ разбирательствѣ точно также не вноситъ ровно ничего въ юридическую жизнь народа, а напротивъ окончательно ее затемняетъ и забиваетъ. Мы знаемъ, что одною изъ любимыхъ темъ

извѣстнаго разряда либераловъ и дилеттантовъ самоуправленія служитъ мірской сходъ. Послушавъ этихъ господъ, можно подумать, что здѣсь-то и кроется вся тайна самоуправленія. Но дѣйствительная разгадка этой тайны вовсе однакоже не та, какую предполагаетъ невинный смыслъ усердныхъ демагоговъ, и столь же усердныхъ централизаторовъ: двѣ эти крайности сходятся и на этой почвѣ, также какъ въ большей части случаевъ, въ удивительномъ согласіи. Если первые готовы признать въ сельскомъ сходѣ и въ его рѣшеніяхъ источникъ всякаго блага для народа и его соціальнаго развитія, то вторые считаютъ какъ бы недостойнымъ для законодательства страны—снисходить до такихъ низшихъ и мелкихъ сферъ народной жизни, какъ обезпеченіе личной свободы каждаго изъ сельскихъ обывателей и огражденіе правъ ихъ на имущество оцѣняемое мѣдными грошами. Для нихъ важно не то чтобы народъ воспитывался юридически, не то чтобъ имущественныя и личныя права каждаго находили себѣ вѣрное обезпеченіе и защиту въ законѣ и въ судѣ; для нихъ единственный интересъ заключается въ томъ, чтобы народъ исправно платилъ подати, исполняя казенныя повинности, былъ послушенъ начальству, и вообще служилъ бы надежнымъ средствомъ къ исполненію такъ-называемыхъ высшихъ государственныхъ и административныхъ предначертаній. При утверждающемся мало по-малу сознаніи въ безполезности опеки надъ крестьянами учреждаемой на ихъ счетъ, и въ необходимости предоставленія самимъ крестьянамъ бо́льшаго участія въ ихъ собственныхъ дѣлахъ, родилась вмѣстѣ съ симъ мысль о предоставленіи имъ такого же участія и въ судѣ надъ своими односельцами. Оставляя въ полной силѣ административную іерархію высшихъ степеней, стали считать вмѣшательство чиновничьяго элемента во внутреннее управленіе сельское или волостное не только безполезнымъ, но и крайне вреднымъ для интересовъ крестьянъ; вмѣшательство чиновничества, съ его бюрократическими обычаями и взяточничествомъ, нашли необходимымъ устранить отъ народа, какъ власть чуждую его обычаямъ и нравамъ, почти какъ язву, которая своимъ присутствіемъ заражаетъ здоровую атмосферу, гдѣ вращается простой, безыскусственный, чуть

не патріархальный бытъ народа. Пусть, говорятъ, живутъ, распоряжаются и судятся они по своимъ обычаямъ и потребностямъ, сами собою, и пусть вырабатываются такимъ образомъ изъ этой самостоятельной жизни, сами собою, органически, формы мѣстнаго суда. Чиновничество же должно оставаться въ сторонѣ, *только* для наблюденія за исполненіемъ обязанностей крестьянъ въ отношеніи къ правительству и начальству. При этомъ всегда бываетъ готовъ достаточный запасъ весьма убѣдительныхъ примѣровъ мудрости рѣшеній и приговоровъ, постановленныхъ мірскими сходами, мудрости не заимствованной, но своей собственной, туземной.

Всѣ иллюзіи о глубокихъ достоинствахъ и мудрости сельскихъ сходовъ разлетаются, какъ дымъ, при первомъ соприкосновеніи съ суровою дѣйствительностію, предъ неотразимымъ свидѣтельствомъ фактовъ. Что можетъ выработаться, спросимъ у себя, какое обычное право, какія формы суда, въ той средѣ, гдѣ люди помышляютъ исключительно, въ своихъ курныхъ избахъ гдѣ трескаются волосы на головѣ, объ удовлетвореніи своихъ потребностей въ пищѣ и въ одеждѣ, гдѣ мысль объ ежедневномъ пропитаніи поглащаетъ всю дѣятельность человѣка, и гдѣ онъ не можетъ осмыслить, правильно сознать и выразить свои дѣйствительныя общечеловѣческія потребности? Онъ, конечно, сознаетъ эти потребности; но степени сознанія бываютъ весьма различны. Спросите у невольника на плантаціи, какія его потребности, и какую форму суда онъ находилъ бы для себя наиболѣе удовлетворительною. Самый мягкосердый изъ невольниковъ отвѣтитъ вамъ, что онъ желалъ бы получать поменьше палочныхъ ударовъ отъ своего хозяина; а другой скажетъ, что всѣхъ плантаторовъ слѣдовало бы перевѣшать. Изъ подобныхъ элементовъ едва ли можетъ выработаться что-нибудь органическое; подобная среда останется навсегда въ окаменѣломъ спокойствіи, которое по временамъ будетъ нарушаться убійствами, поджогами и мятежами. Поднимемся на нѣсколько ступеней выше: мірская сходка не новость, о мірскомъ сходѣ, и о судѣ по обычаямъ и черезъ стариковъ, чуть ли не писалъ еще преподобный Несторъ; и если черезъ тысячу лѣтъ, мы пришли именно къ такой формѣ суда, то въ этомъ, конечно, не важная еще находка. Нѣтъ

никакого сомнѣнія, что мірской сходъ, какъ собраніе людей разсуждающихъ о своихъ нуждахъ и потребностяхъ и рѣшающихъ вопросы, которые касаются интересовъ цѣлой общины, есть первое зерно гражданственности, и составляетъ одно изъ первыхъ проявленій общественной жизни. Но зерно это можетъ остаться на вѣки вѣковъ однимъ зерномъ, если шелуха, въ которую оно заключено, будетъ недоступно благотворному дѣйствію круга свободной, болѣе сильной, болѣе зрѣлой образованной среды, которая могла бы сообщить дальнѣйшій ростъ и развитіе этому зерну. Грубость и неразвитость отнюдь не есть еще непремѣнный признакъ свѣжести и силы; общество можетъ одряхлѣть и преспокойно сгнить на первой и очень еще молодой ступени своего развитія. Самые жаркіе защитники нашего сельскаго схода должны согласиться, что мудрость его не далеко ушла въ продолженіи десяти вѣковъ, и кабакъ не потерялъ нисколько своей силы и рѣшительнаго вліянія на всѣ его приговоры. А между тѣмъ, потребности сельскаго общества замѣтно измѣнились и ушли впередъ, сообразно измѣненію и движенію общихъ экономическихъ условій цѣлой страны и сообразно тому понятію о достоинствѣ человѣческой личности, которое успѣло, не смотря на всѣ стѣсненія, проникнуть сюда изъ другой болѣе образованной среды. Когда законодательство страны, оставляя безъ вниманія такъ-называемые низшіе классы людей, предоставляетъ сельскія общества самоуправленію; то предлогомъ къ этому равнодушію, имѣющему видъ благонамѣренной децентрализаціи, служитъ обыкновенно то, что бытъ этихъ сословій слишкомъ еще простъ и несложенъ, что потребности ихъ маловажны и немногочисленны, и жизнь ихъ приближается чуть ли не къ первобытнымъ временамъ простоты и невинности. Но кто знаетъ бытъ нашихъ крестьянъ и отношенія нашихъ сельскихъ обывателей къ землѣ и къ различнымъ формамъ ея владѣнія, тотъ легко пойметъ, что всякія предположенія о патріархальности быта, допускающаго отсутствіе писаннаго закона, не могутъ имѣть никакого приложенія къ нашимъ сельскимъ обществамъ, и проистекаютъ единственно отъ совершеннаго незнакомства съ дѣйствительными потребностями этихъ обществъ. Изъ числа такихъ потребностей, нашего крестьянскаго сословія, живо чувствуется, между прочимъ, потребность правильнаго и

скораго суда, но въ мірскомъ сходѣ, не заключается необходимыхъ для этого условій. Если, съ другой стороны, сочинить судебный уставъ, самый пространный и подробный, для руководства сельскому или волостному сходу или судьямъ избраннымъ изъ лицъ того же схода, то всякій уставъ останется мертвою буквой. Уставъ будетъ читать только писарь, съ тѣмъ чтобы пользоваться употребленіемъ его какъ своею привилегіей, и кормиться имъ. Нѣтъ ничего печальнѣе, и въ то же время опаснѣе, положенія того общества, которое при живомъ и горячемъ сознаніи своихъ потребностей, не замѣчаетъ въ самомъ себѣ силъ и способовъ для того чтобы ясно высказать и разумно удовлетворить эти потребности.

Одно горячее и не ясное сознаніе обладаетъ только разрушительными силами слѣпаго инстинкта, чему наша отечественная исторія представляетъ не мало примѣровъ.

Въ такомъ безвыходномъ состояніи будетъ находиться то общество, которое насильственно замкнуто въ извѣстную сословную сферу, и къ которому внѣшняя сила не допускаетъ никакихъ болѣе сильныхъ и болѣе образовательныхъ элементовъ изъ другихъ сословій, также въ свою очередь замкнутыхъ въ ихъ привилегіи и сословныя права. Если мірскіе сходы не въ состояніи сами выразить и формулировать свои потребности правильнаго и скораго суда, то естественно раждается вопросъ: *признаютъ ли эти сходы полезнымъ выбирать для себя судей изъ собственной среды?*

Самое благотворное свойство цивилизаціи заключается въ привлеченіи всѣхъ лучшихъ силъ народа. Не будь этой привлекающей силы, приходилось бы отчаиваться въ возможности для большинства людей всякаго развитія и успѣховъ гражданственности.

Масса народа, угнетаемая ежедневными, столько же человѣческими, какъ и общеживотными потребностями, не перестаетъ инстинктивно искать живаго источника своей силы въ той средѣ, которая менѣе порабощена необходимостію поденнаго физическаго труда, и которая своимъ нравственнымъ и умственнымъ образованіемъ стоитъ выше уровня образованія простаго народа. Всякій, въ комъ не уснули или не забиты общечеловѣческія свойства, желаетъ улучшить свой бытъ матеріяльный, съ тѣмъ чтобы

поднять свои умственныя и нравственныя силы и приблизиться къ классамъ людей, обладающихъ и тѣмъ и другимъ. Такое тяготѣніе естественно и законно, и если вмѣсто тяготѣнія обнаруживается недовѣріе, боязнь, отвращеніе и вражда, то причины такого грустнаго явленія заключаются въ тѣхъ искусственныхъ перегородкахъ, которыя разъединяютъ сословія, ихъ интересы и взаимныя отношенія. Неравноправность и сословные предразсудки останутся навсегда источниками взаимнаго недовѣрія и вражды одного класса людей къ другому, и будутъ всегда нарушать простой и естественный законъ свободнаго подчиненія менѣе образованныхъ болѣе образованнымъ классамъ. Нигдѣ съ большею ясностію и силою не можетъ выражаться этотъ законъ, какъ въ существованіи независимой судебной власти, равно одинаковой для всѣхъ классовъ общества и равно признаваемой всѣми классами за наиболѣе способную и достойную къ исполненію возлагаемыхъ на нее обязанностей. Такая судебная власть есть самое прочное звено, связывающее различные классы людей и поддерживающее ихъ взаимное довѣріе и силу.

Нѣтъ, поэтому, ни малѣйшаго основанія предполагать какую-нибудь пользу отъ такого устройства сельскихъ и волостныхъ судовъ, въ которыхъ судьи непремѣнно должны быть избираемы изъ лицъ крестьянскаго сословія, и судить притомъ коллегіяльно или цѣлымъ сходомъ. Нѣтъ также никакого основанія ожидать, чтобы выработалось что-нибудь изъ такой судебной практики, сколько бы времени она ни продолжалась. Такіе суды всегда подвергнутся той же участи, какъ волостные и сельскіе суды государственныхъ крестьянъ; крестьяне не будутъ имѣть къ нимъ никакого довѣрія и уваженія, будутъ избѣгать и бояться ихъ, будутъ признавать не судами, а *расправами*, въ буквальномъ значеніи этого слова, и дѣла въ такихъ судахъ будутъ возбуждаемы исключительно по *требованіямъ начальства.*

Признавая вполнѣ, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, необходимость отдѣленія судебной власти отъ административной, мы тѣмъ не менѣе не можемъ придавать особенно важнаго значенія такому приложенію этого принципа, какъ устраненіе волостныхъ старшинъ отъ участія въ волостныхъ судахъ временно-обязанныхъ крестьянъ.

Послѣднія развѣтвленія суда и администраціи такъ тонки, что значеніе того и другаго становится здѣсь почти однороднымъ, и сліяніе ихъ во власти одного лица, мироваго судьи, было бы въ этомъ случаѣ дѣломъ желательнымъ для крестьянъ.

Что касается до выборныхъ судей изъ крестьянъ, то мы не понимаемъ ихъ значенія иначе какъ въ смыслѣ присяжныхъ. Суды временно-обязанныхъ крестьянъ тамъ только идутъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ, гдѣ мировые посредники, пользующіеся довѣріемъ крестьянъ, вмѣшиваются, по просьбамъ тяжущихся, въ суды, объясняютъ судьямъ спорныя дѣла и даютъ направленіе ихъ приговорамъ. Но гдѣ мировые посредники совершенно отстраняютъ себя, какъ того требуетъ законъ, отъ подобнаго вмѣшательства, тамъ безпрерывно повторяются случаи въ родѣ слѣдующаго: Въ нашемъ селѣ, въ число судей выбраны Лапша и Жукъ; изъ нихъ Лапша имѣетъ привычку рубить лѣсъ въ чужихъ дачахъ, а Жукъ бываетъ каждую недѣлю по три раза пьянъ, и по этой-то именно причинѣ и выбранъ въ судьи; ибо какъ мужикъ ледащій, онъ на заработки не отлучается и для своего семейства безполезенъ. Пусть его сидитъ дома: зла отъ этого никому-де не будетъ. Съ назначеніемъ Лапши въ судьи, онъ не имѣлъ никакого основанія оставить свою привычку воровать лѣсъ, и караульщикъ помѣщика поймалъ его на самомъ мѣстѣ порубки. Помѣщикъ представилъ Лапшу въ волостной судъ, который при участіи Жука такимъ образомъ разсудилъ дѣло о поступкѣ своего коллеги: съ караульщика взыскать три рубли серебромъ штрафа, за то что онъ оскорбилъ Лапшу, назвавъ его воромъ; а Лапшу отъ всякаго наказанія освободить, потому что онъ рубилъ лѣсъ днемъ, а не ночью.

Въ умѣньѣ отличать такіе оттѣнки проступка, какъ воровство днемъ и воровство ночью, можно пожалуй имѣть доказательство глубокаго юридическаго смысла врожденнаго славянскому племени.

Н. В.

ПРИМИРЕНІЕ.

(Подражаніе А Шенье.)

I.

Все ясно мнѣ теперь!.. Ужасная развязка!
Съ довѣрчивыхъ очей свалилася повязка;
Блаженства моего пробилъ послѣдній часъ;
Все кончено: она другому отдалась!..
И все не вѣрю я! Ужели въ самомъ дѣлѣ
Она лукавила? О, для какой же цѣли
Свободную любовь отъ друга укрывать
И ласки нѣжныя насильно расточать?
И въ очи мнѣ смотрѣть съ безумнымъ упоеньемъ?
И сердце мнѣ терзать ревнивымъ подозрѣньемъ?
Зачѣмъ въ ночной тиши, со мной наединѣ,
Прильнувъ къ моей груди, она шептала мнѣ
Такія сладкія и страстныя названья,—
И разжигала вновь уснувшія желанья,
То вдругъ сомнѣнія ревниваго полна,
Мгновенно дѣлалась сурово-холодна?
Зачѣмъ она сама мнѣ прямо не открыла,
Что ей любовь моя навѣки опостыла,
Что сердцу пылкому теперь другой ужь милъ?
Собравшись съ мужествомъ, я все бы ей простилъ,—

И разставаясь съ ней на вѣчную разлуку,
Я могъ бы протянуть ей дружескую руку,
Я могъ бы слезы лить!.. Теперь нѣтъ слезъ!.. Она
Уже уличена въ обманѣ, въ преступленьи:
Презрѣнья одного, холоднаго презрѣнья,
Къ безчестной женщинѣ душа моя полна!

II.

Достанетъ ли во мнѣ разсудка, твердой воли,
Чтобъ покорить себя своей суровой долѣ,
Чтобы разстаться съ ней, разстаться навсегда?..
Камилла такъ нѣжна, прекрасна, молода,
И я... я молодъ такъ! Могу ль я съ ней разстаться?
Я только началъ жить, лишь началъ разгораться
Желаній первый жаръ въ проснувшейся крови:
Могу ли прожить спокойно безъ любви,
Одинъ въ своемъ углу безъ ласковой подруги?
Съ кѣмъ буду я дѣлить вечерніе досуги?
Кто, въ мрачные часы моихъ тоскливыхъ думъ,—
Когда въ уныніи безмолвенъ и угрюмъ,
Сижу я, на руку склонившись головою,—
Приблизится ко мнѣ знакомой мнѣ стопою,
И съ тихой нѣжностью обнявъ меня рукой,
Мнѣ скажетъ ласково: „Ты грустенъ! что̀ съ тобой?“
Да, все, что̀ сердце мнѣ и грѣло и живило,
Теперь утрачено! Безцвѣтно и уныло
Жизнь снова потечетъ размѣренной чредой:
Сегодня книги, трудъ да сонъ, и завтра то же.
Съ какой мучительной, гнетущею тоской
Сегодня утомленъ работою дневной,
На опостылое я опущуся ложе!
И къ утру, пробужденъ желаньемъ и зарей,
Забывъ недавнюю суровую разлуку,
Начну отыскивать привычною рукой
Подруги молодой привѣтливую руку
И не найду ее и вспомню жребій свой,—
Что я.... я одинокъ, что друга нѣтъ со мной.

III.

Нѣтъ, гнѣвъ любовника и слабъ и скоротеченъ!
Скажите какъ я могъ быть такъ безчеловѣченъ?
Какъ могъ я не простить красавицы моей?
Когда бы вы видѣли, друзья, что̀ сталось съ ней—
Съ моей подругою надменной, своенравной!
Камилла гордая, такъ часто, такъ недавно
Встрѣчавшая меня съ нахмуреннымъ челомъ,
Теперь, дрожащая, унижена стыдомъ,
Худая, блѣдная, убитая позоромъ,
Съ молящимъ, любящимъ и робко-нѣжнымъ взоромъ,
Съ лицомъ, измученнымъ раскаянья тоской
И одинокими безсонными ночами,
Съ очами впалыми, поблекшими очами,
Какъ привидѣніе, стояла предо мной,
Стараясь задушить въ груди своей рыданья:
Дрожащія уста шептали оправданья,
Рѣчь обрывалася и голосъ замиралъ,—
И я, растроганный, рыдающій, смущенный,
Глубоко любящій, глубоко потрясенный,
Не помня ничего, на грудь ея упалъ.

Б. АЛМАЗОВЪ.

Москва.
9-го іюля 1852 г.

ГОСПОДИНЪ ЕРАНДАЕВЪ.

ГЛАВА ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧЕБАНОСОВА.

Я миновалъ уже четвертую станцію; не болѣе двадцать верстъ оставалось до города, какъ мой тарантасъ, до сихъ поръ мнѣ вѣрно служившій, вдругъ покачнулся и сѣлъ на бокъ.

— Знать, колесо слетѣло... замѣтилъ ямщикъ, слѣзая съ козелъ:—такъ и есть! Вишь, разсыпалось... Извѣстно, теперь засуха.

— Какъ же быть? сказалъ я, выскакивая изъ тарантаса.

— Да какъ быть, говорилъ ямщикъ, глядя на колесо:— кабы кузнецъ, онъ бы перетянулъ... Ничего не подѣлаешь! Нешто вернуться на станцію? Какъ-нибудь дотащимся... Такъ опять тамъ нѣтъ кузнеца...

— Да нѣтъ ли гдѣ-нибудь по близости?..

— Есть въ Крючковѣ; такъ далече: верстъ пять будетъ въ сторону.

— Ну, тащи какъ-нибудь въ Крючково... Это лучше.

— Тащи-то-тащи, да какъ его тащить, говорилъ ямщикъ, продолжая смотрѣть на колесо, хотя оно не представляло ничего особенно замѣчательнаго. Затѣмъ онъ взвалилъ колесо на козлы; нашелъ какое-то бревно, при-

крѣпилъ его къ оси веревкою, и тронулъ лошадей. Мой тарантасъ вдругъ превратился въ плугъ: онъ проводилъ глубокую борозду по дорогѣ. Ямщикъ шелъ подлѣ лошадей, я нѣсколько поодаль. Спустя минутъ двадцать, ямщикъ свернулъ съ большой дороги и поѣхалъ проселкомъ.

— Отсюда, сказалъ онъ:—версты три до Крючкова.

Узкая дорожка, по которой тащился тарантасъ, была изрыта; насъ окружало пожелтѣвшее поле сожженное солнцемъ; и только послѣ получасоваго движенія мы увидѣли признаки усадьбы: длинную плотину и двѣ водяныя мельницы. Я пошелъ впередъ, къ плотинѣ, и наконецъ оставилъ тарантасъ далеко за собою. На плотинѣ—признаки жизни: босоногій мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, въ синей, дыравой рубашкѣ и безъ шапки, гонитъ двухъ козъ, размахивая хворостиной.

— Мальчикъ, ты откуда? спросилъ я.

— Съ поля; а что?

— Да нѣтъ: ты чей?

— Чей? Ерандаихинъ.

— Она гдѣ живетъ?

— Извѣстно гдѣ: въ Крючковѣ живетъ.

— А, такъ въ Крючковѣ, помѣщица... Она одна живетъ?

— Извѣстно, съ бариномъ, съ Ерандаевымъ.

— А баринъ дома?

— Да гдѣ жь? Долженъ быть дома.

— Не спитъ теперь? Что онъ...

— Извѣстно что: юродничаетъ...

— Какъ-такъ?

— Всѣ говорятъ, юродничаетъ...

— Что же такое онъ дѣлаетъ?

— А кто жь его знаетъ что онъ дѣлаетъ!

„Мальчикъ не шибко развитъ", подумалъ я и спросилъ:— Ты можешь проводить меня прямо къ барину?

— Для чего! можно! сказалъ мальчикъ:—теперь его никто не боится.

— Вотъ какъ... А далеко до барскаго дома?

— Недалече, за плотиной...

Слѣдуя за мальчикомъ, я прошелъ плотину, и только что повернулъ направо, передо мной открылась барская усадьба: дикій деревянный домъ, съ четырьмя бѣлыми колоннами, возвышается надъ группою другихъ построекъ; за

домомъ виденъ большой садъ, правѣе рѣка, которая, огибая садъ, пробѣгаетъ по зеленому лугу и далѣе исчезаетъ за лѣсомъ. Большой дворъ дома обнесенъ досчатымъ заборомъ.

— Вотъ тебѣ и баринъ, сказалъ мальчикъ, указывая на существо, стоявшее у воротъ, въ халатѣ.

— Такъ это баринъ? господинъ Ерандаевъ? спросилъ я.

— А то кто жь? сказалъ мальчикъ.

Я пошелъ къ барину; увидя меня, онъ принялся молоткомъ колотить ворота.

— Кто бъ вы ни были, милостивый государь, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и прерывая работу:—вы видите предъ собой помѣщика двухсотъ душъ, который самъ починяетъ вороты... люди совершенно ничего не хотятъ дѣлать! Вотъ какое наше положеніе!.. До чего мы дожили!..

Господину Ерандаеву лѣтъ около пятидесяти; онъ средняго роста, болѣе сухощавъ нежели полонъ, лицо его красновато, волосы съ просѣдью, животикъ не большой и совершенно круглый; когда онъ говоритъ, то обнаруживаетъ маленькіе, рѣдкіе зубы, и его нижняя челюсть дрожитъ немного. Я подошелъ къ г. Ерандаеву и, кланяясь ему, сказалъ: „И я въ критическомъ положеніи". Я разказалъ о томъ происшествіи, которое привело меня къ нему и, въ заключеніе, выразилъ мои надежды...

— Милостивый государь, вдругъ сказалъ Ерандаевъ:— смѣю спросить:—вашъ чинъ, имя, отчество и фамилію, и буде служите, мѣсто вашего служенія?

Я объявилъ.

— Въ такомъ разѣ, покорнѣйше прошу къ намъ въ домъ... Я затѣмъ больше и вышелъ, говорилъ Ерандаевъ, идя со мной по двору:—жду мироваго... пускай онъ самъ увидитъ что мы отъ этихъ людей терпимъ... вы вообразить не можете!..

На крыльцѣ дома насъ встрѣтила дама, довольно высокаго роста, среднихъ лѣтъ, съ продолговатымъ, нѣсколько желтымъ лицомъ, и съ каштановыми волосами начесанными на щеки. Повидимому, она ожидала встрѣтить во мнѣ знакомаго или посредника, потому что вглядѣвшись въ меня, нѣсколько смѣшалась.

— Это мой истинный другъ, сказалъ мнѣ г. Ерандаевъ:— вотъ мы вмѣстѣ бѣдствуемъ... А это, добавилъ онъ, под-

водя меня къ дамѣ:—въ критическомъ положеніи путешественникъ, господинъ Чебоносовъ.

Я поклонился хозяйкѣ.

— Вы женаты? вдругъ спросилъ Ерандаевъ.

Я отвѣчалъ отрицательно.

— Желаю вамъ, сказалъ онъ: найдти себѣ такую жену, какъ моя Капитолина Михайловна... Знаете, на свѣтѣ много женъ; но нажить истиннаго друга — трудно... Покорнѣйше прошу въ покои.

Мы прошли безлюдную переднюю, обширную и пустую залу, и вошли въ кабинетъ хозяина. Когда мы сѣли, господинъ Ерандаевъ, охвативъ руками свои колѣни, сказалъ, обращаясь къ Капитолинѣ Михайловнѣ:

— Съ господиномъ Чебоносовымъ случилось несчастіе: изломался тарантасъ.

— Какая непріятность! сказала Капитолина Михайловна.

— Вотъ что я вамъ скажу, милостивый государь продолжалъ Ерандаевъ, относясь ко мнѣ: — кузнецъ у насъ есть; и я считаю христіянскимъ долгомъ всякую помощь оказать странствующему, но... кузнецъ—не дворовый! я не имѣю на него никакого вліянія... Будь онъ дворовый, я бы сумѣлъ его заставить починить вашъ тарантасъ въ двѣ минуты; я ужь принялъ такія мѣры... У меня заведенъ вотъ какой порядокъ: всѣмъ дворовымъ я назначилъ хорошее жалованье, хотя *Положеніемъ* владѣлецъ къ тому не обязывается, ибо тамъ жалованье дворовому не опредѣлено. Но я за всякую неисправность дворовой души произвожу вычетъ изъ жалованья; и сей вычетъ не поступаетъ въ мою пользу,— нѣ—етъ!.. — Господинъ Ерандаевъ остановился.

— Да, это мнѣ очень нравится! сказала Капитолина Михайловна:—онъ прекрасно придумалъ...

— Я какъ произвожу вычетъ? продолжалъ г. Ерандаевъ:— У меня есть гербовая бумага всякихъ цѣнъ; и въ случаѣ ослушанія двороваго, я излагаю ему мою просьбу на гербовой бумагѣ. Весьма естественно, что чѣмъ важнѣе проступокъ, тѣмъ дороже бумага для сего употребляется; при выдачѣ же виновному жалованья, деньги за бумагу, употребленную на его обузданіе, удерживаются и какъ бы поступаютъ въ казну...

— Знаете, сказала Капитолина Михайловна:—не скажутъ, что мы изъ корысти дѣлаемъ вычетъ...

— Нѣ-етъ! ужь не скажутъ, что любостяжателенъ, нѣ-етъ!.. повторялъ господинъ Ерандаевъ, и его нижняя челюсть сильно дрожала.

— У насъ даже живетъ для этого старичокъ, онъ изъ семинаристовъ, сказала Капитолина Михайловна:—мы платимъ ему пятнадцать рублей въ годъ...

— Да, Силичъ, добавилъ Ерандаевъ: — онъ прочитываетъ людямъ прошенія и ведетъ вѣдомость... Знаете, такимъ образомъ дворовые и къ письменности пріучаются.

— Еслибы вы знали какъ трудно съ ними ладить! сказала Капитолина Михайловна:—вы себѣ представить не можете что мы терпимъ отъ этихъ людишекъ! Около насъ теперь только и прислуги, что мальчикъ да дѣвочка...

— И тѣ, присовокупилъ Ерандаевъ,—боятся насъ единственно по малолѣтству... Ничего, милостивый государь, не могу для васъ предпринять: ибо кузнецъ—не дворовый!

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ я:—позвольте мнѣ обратиться прямо къ кузнецу.

— Вы гораздо лучше сдѣлаете, замѣтила Капитолина Михайловна,—если отнесетесь къ нему какъ будто безъ нашего вѣдома...

— А то онъ вамъ ничего не сдѣлаетъ... дополнилъ Ерандаевъ.—Но просилъ бы васъ съ нами откушать, ибо уже второй часъ, время обѣда. Пока вы будете толковать съ кузнецомъ, обѣдъ готовъ будетъ... Эй! готовьте столъ... Васька! Палашка!.. Гдѣ Васька?

На зовъ явилась красноногая, босая дѣвчонка, лѣтъ одиннадцати, въ затрапезномъ платьѣ, безъ таліи, и потомъ побѣжала отыскивать Ваську. Я отправился на деревню, и скоро съ кузнецомъ поладилъ; но колесо не могло быть готово ранѣе утра слѣдующаго дня; ямщику нельзя было ожидать: онъ уѣхалъ, и я остался безъ лошадей, съ одною надеждой на великодушіе Ерандаевыхъ.

Возвратившись въ домъ, я нашелъ хозяевъ въ сильномъ волненіи.

— Вотъ, сказалъ, увидя меня, господинъ Ерандаевъ: — будьте вы свидѣтелемъ нашего, можно сказать, отчаяннаго положенія: не только обѣдъ до сихъ поръ не готовъ, но и никто не говоритъ когда онъ будетъ!

— Просто можно сойдти съ ума отъ этихъ безпорядковъ! воскликнула Католина Михайловна.

— Нечего дѣлать, сказалъ Ерандаевъ, — нужно обратиться къ мѣрѣ взысканія...—Онъ вынулъ изъ комода листъ гербовой бумаги, въ четырнадцать копѣекъ, безъ титула, и мелкимъ, но крючковатымъ почеркомъ на немъ написалъ:

„Госпожѣ кухаркѣ,

„Отъ ея бывшаго барина, артиллеріи поручика,
„Ивана Антонова Ерандаева,

„нижайшее прошеніе:

„Милостивая Государыня,

„Аксинія Ивановна!

„Вашъ бывшій баринъ, Иванъ Антоновичъ, нижайше васъ проситъ поскорѣе стряпать: ибо гость проѣзжій и проголодался. А кушаніе вамъ уже давно извѣстно; оно суть: 1) щи съ бараниной, и къ онымъ пирожки съ ветчиной, 2) соусъ съ грудинкой и съ стручками, 3) на жаркое будутъ бекасы, которыхъ набилъ Андрюшка, а 4) пирожное—кудри съ клубничнымъ вареньемъ, каковое вы уже давно получили отъ барыни.

„Ожидаемъ вашего благораспоряженія.
„Артиллеріи поручикъ Иванъ Антоновъ Ерандаевъ.“

Повидимому, Иванъ Антоновичъ для того только распространился въ своемъ прошеніи, чтобы щегольнуть передо мною своимъ слогомъ.

— Васька! закричалъ онъ, свертывая бумагу вчетверо. На зовъ прибѣжавъ бѣлокурый мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, въ синемъ казакинѣ и безъ сапоіъ.

— Вотъ отдай эту бумагу госпожѣ кухаркѣ, Аксиньѣ Ивановнѣ, сказалъ Ерандаевъ.

Мальчикъ взялъ бумагу и въ припрыжку выбѣжалъ изъ комнаты. Минутъ черезъ десять онъ возвратился, и едва удерживаясь отъ смѣха, сказалъ: — Кухарка велѣла доложить...—Ваську прорвало: онъ зажалъ носъ и разразился смѣхомъ.

— Ты чему смѣешься, каналья? спросилъ Ерандаевъ, вставая.

— Вотъ подумайте! сказала Капитолина Михайловна, тоже вставая и подходя къ Васькѣ.

Мальчикъ еще чмыхнулъ и убѣжалъ изъ комнаты.

— Вотъ вы посторонній человѣкъ, сказала, обращаясь ко мнѣ, Капитолина Михайловна:—вы сами теперь видите что̀ мы терпимъ... вотъ этакъ во всемъ...

Въ комнату вошла кухарка Аксинья, высокая женщина, съ засученными рукавами.

— Я бы давно отпустила обѣдъ, сказала она, наклоняя голову и выставляя руки впередъ:—да Андрюшка только что пришелъ и не принесъ бекасовъ.

— Какъ не принесъ? вскричалъ г. Ерандаевъ.

— Не принесъ, повторила кухарка.

— Позови сюда Андрюшку, сказалъ г. Ерандаевъ.

Кухарка пошла, но въ дверяхъ обернулась и сказала:

— Вишь, говоритъ, нѣтути бекасовъ...

— Ну, позови!.. закричалъ Иванъ Антонычъ.

Явился и Андрюшка, бѣлокурый парень, лѣтъ двадцатипяти, небольшаго роста, съ длинными волосами.

— Ты почему не принесъ бекасовъ? спросилъ Иванъ Антонычъ.

— Да гдѣ жь ихъ возьмешь, коли нѣтъ! отвѣчалъ Андрюшка:—всѣ болота выходилъ, хоть бы одинъ! Куликъ попадался...

— Вѣдь прежде ты приносилъ, сказала Капитолина Михайловна.

— Были, такъ и приносилъ, отвѣчалъ Андрюшка.—А гдѣ жь возьмешь бекаса, коли его нѣтъ?

— Оттого что ты сталъ баринъ!.. сказалъ Иванъ Антоновичъ; его нижняя челюсть отвисла и задрожала.

— Я не баринъ... возразилъ Андрюшка:—да и баринъ, гдѣ жь онъ возьметъ бекаса, коли его нѣтъ?

— Вотъ и судите! воскликнула Капитолина Михайловна.

— Да ты, подлецъ, и не ходилъ въ болото, сказалъ Иванъ Антонычъ:—ты въ кабакѣ просидѣлъ...

— Извольте, отвѣчалъ Андрушка:—я покажу одежу; вся, какъ есть, мокрая...

— Ты и нарочно намочишь, каналья!.. Онъ, видите, баринъ!.. говорилъ Иванъ Антоновичъ.

— Я напрасно мочить одежи не стану, сказалъ Андрюшка.—А бекаса коли нѣтъ, его не сдѣлаешь...

— Пошелъ вонъ, дуракъ! крикнулъ Иванъ Антоновичъ.

— Гдѣ жь его возьмешь?.. говорилъ, уходя, Андрюшка.

— То-есть, я вамъ скажу, воскликнулъ господинъ Ерандаевъ:—это не то что наказаніе Божіе, это хуже всякой каторги!

— Ужь точно, что хуже... сказала Капитолина Михайловна.—А вы, спросила она, обратясь ко мнѣ:—успѣли въ вашемъ дѣлѣ?

— Да, отвѣчалъ я:—съ кузнецомъ я поладилъ, колесо будетъ готово завтра; но меня безпокоитъ то что я остался безъ лошадей: ямщикъ уѣхалъ...

— Очень радъ! воскликнулъ Иванъ Антонычъ:—ибо вы должны будете у насъ погостить; а лошадей мы дадимъ вамъ завтра. Что отъ меня зависитъ, я радъ душевно... Я желалъ бы, чтобы мировой при васъ пріѣхалъ; вотъ уже третій день мы его ожидаемъ...

Наконецъ, часа въ три, обѣдъ былъ поданъ, и мы вошли въ столовую, довольно большую комнату, съ круглымъ столомъ посреди и стеклянною дверью въ садъ. У стола стояли и Васька, и Палашка. Васька уже не смѣялся: было замѣтно, что его гдѣ-то помяли, вѣроятно на кухнѣ. Минуту спустя, стеклянная дверь отворилась, и въ комнату вбѣжалъ краснощекій, лѣтъ восьми, мальчикъ; за нимъ плавно вошли двѣ дѣвицы, обѣ съ блѣднозелеными лицами, голубыми глазами и прекрасными каштановыми волосами, заплетенными въ косички; а за дѣвицами вступила чахлая дама, лѣтъ сорока пяти, съ лицомъ свѣтлокофейнаго цвѣта и съ узенькими слезливыми глазками.

— Вотъ мое семейство, сказалъ Иванъ Антоновичъ:—это моя старшая дочь Капитолина; ей ужь вотъ пятнадцать лѣтъ; это—вторая моя дочь, Евпраксія, а это—сынъ Ванька, шалунъ первой степени... Вѣдь ты Ванька? прибавилъ онъ, относясь къ сыну.

— Нѣтъ, Иванъ Иванычъ! отвѣчалъ мальчикъ, спуская лѣвый рукавъ своей шелковой, лиловаго цвѣта, куртки, повидимому, возникшей изъ старой мантильи Капитолины Михайловны.

— Ну, братъ, погоди: до Ивана Иваныча не доросъ еще, сказалъ Иванъ Антонычъ.—А это, продолжалъ онъ, смотря на вошедшую даму:—наша гувернантка, или, сказать обстоятельнѣе, нашъ старый другъ, Элеонора Гавриловна...

— Которой, дополнила Капитолина Михайловна, —мы

столько обязаны, что, кажется, во всю жизнь съ нею не расплатимся.

Въ продолженіе всего обѣда, гувернантка и дѣвицы молчали; а Ваня такъ вертѣлся, что даже столъ приходилъ въ движеніе; повидимому, это безпокоило и Ивана Антоновича.

— Ну, Ваня, сказалъ онъ:—видно, что нѣтъ Константина Іосифыча: ты сидѣлъ бы смирно.

— Да, промолвила Капитолина Михайловна,—безъ Константина Іосифыча какъ будто не достаетъ чего-то. У насъ былъ отличнѣйшій учитель, продолжала она, относясь ко мнѣ:—онъ изъ студентовъ, нѣкто Замбржицкій, юристъ... и, вообразите, съ какимъ даромъ! Прекраснѣйшія трагедіи сочинялъ...

— Да, отозвался Иванъ Антоновичъ:—онъ-таки не мало насъ потѣшалъ; и я вамъ скажу, онъ эти трагедіи какъ блины пекъ.

— И съ Ваней какъ онъ хорошо занимался! сказала Капитолина Михайловна:—онъ уже прошелъ съ нимъ всю... какъ это, Иванъ Антонычъ?

— Лонгиметрію, подсказалъ Иванъ Антоновичъ.

— Всю лонгиметрію, продолжала Капитолина Михайловна. — И онъ тоже отошелъ черезъ людишекъ: не могъ ужиться...

— Ну, онъ хорошо и сдѣлалъ, что отошелъ, сказалъ Иванъ Антоновичъ:—хотя и съ большимъ дарованіемъ, однако человѣкъ неблагонамѣренный... Я потому только и терпѣлъ его, что онъ былъ Ванѣ полезенъ.

— Ты, мой другъ, къ нему несправедливъ, замѣтила Капитолина Михайловна.

— Какое несправедливъ! возразилъ Иванъ Антонычъ, обращаясь ко мнѣ:—можете вообразить: онъ обучалъ людей равенству...

— Ахъ, Иванъ Антонычъ, какъ же онъ обучалъ!.. сказала Капитолина Михайловна:—онъ больше такъ, разсуждалъ, какъ ученый...

— Обучалъ! возразилъ Иванъ Антоновичъ:—даже въ поле ходилъ и тамъ крестьянамъ доказывалъ, что всѣ люди равны, что всѣ люди равны суть. Я знаю: это масонство называется; у насъ это Сибирью пахнетъ...

— Однакоже, замѣтила Капитолина Михайловна: — дворовые его какъ огня боялись...

— Точно, онъ ихъ поколачивалъ, сказалъ Иванъ Антоновичъ:—а кончилось тѣмъ, что поваръ Тимошка ему самому насосъ скололь... Вотъ какъ было, продолжалъ онъ, относясь ко мнѣ: нашъ Константинъ Іосифовичъ выдумалъ ночевать въ рощѣ; блажь! а весьма можетъ-быть и трагедіи того требовали; онъ спалъ тамъ на сѣнѣ, а Тимошкѣ приказывалъ себя караулить; тотъ... тоже ракалія не малая; онъ теперь у меня на эпитимьѣ: свиней смотритъ... Онъ его ночи три караулилъ, а потомъ, какъ учитель уснетъ, онъ и маршъ на кухню...

— Константинъ Іосифычъ его подстерегъ, примолвила Капитолина Михайловна.

— Хватился, продолжалъ Иванъ Антоновичъ:—нагналъ каналью уже за рощей и схватилъ за волосы; Тимошка обернулся, да его... вѣдь всю морду Константина Іосифыча исковеркалъ... Вотъ это-то и доказываетъ, добавилъ онъ, обратясь къ Капитолинѣ Михайловнѣ и стуча ножомъ по столу:—что онъ и его обучалъ равенству: ибо, въ противномъ случаѣ, Тимошка не смѣлъ бы поколотить его... Вольнодуменъ, вообще вольнодуменъ!

Когда дошло до жаркаго, Иванъ Антоновичъ не вытерпѣлъ и ругнулъ Андрюшку.

— Вотъ подлецъ! сказалъ онъ: — вѣдь дуракъ, а сумѣлъ сдѣлать насъ безъ жаркаго... Не взыщите!.. А признаюсь, мнѣ давно уже хочется бекасовъ.

За то кудри были необыкновенно хороши; къ тому же ихъ такъ много подали, что, казалось, они были приготовлены по крайней мѣрѣ на пятьдесятъ человѣкъ. Ваня ѣлъ какъ акула; онъ истребилъ чуть не половину кудрей, и когда вышли изъ-за стола, онъ до такой степени былъ выпачканъ медомъ, что Капитолина Михайловна нашла нужнымъ сказать ему:—Ты умойся, такъ не ходи въ садъ, а то на тебя нападутъ пчелы...

Послѣ бѣда, супруги удалились въ свою спальню; я вышелъ въ садъ.

Преддверіе сада составляютъ цвѣточныя клумбы, расположенныя полукругомъ у дома и охраняемыя со стороны сада деревянными солдатами, разставленными шагахъ въ двадцати другъ отъ друга. Солдаты сдѣланы не совсѣмъ натурально и не довольно искусно раскрашены. Ихъ лица, кивера и въ особенности плечи запачканы птицами, а у

многихъ часовыхъ даже недостаетъ нѣкоторыхъ частей тѣла, необходимо нужныхъ солдату. Вообще садъ запущенъ, хотя онъ великъ и деревья такъ стары, что иного дерева не охватишь обѣими руками. Въ саду много аллей, и почти въ концѣ каждой аллеи встрѣчаешь какую-нибудь неожиданность: или деревяннаго раскрашеннаго Турка, или такого же Черкеса; въ концѣ березовой аллеи, на высокой насыпи, устроена платформа. По деревяннымъ ступенямъ я поднялся на платформу и нашелъ тамъ чугунную пушку, довольно большаго калибра, направленную на рѣку; оттуда я посмотрѣлъ вдаль: за садомъ блеститъ рѣка, ея волны катятся спокойно и медленно; за рѣкой яркозеленѣющій лугъ раскинулся до горизонта; окрестность облита лучами солнца, а надъ лугомъ едва колеблется легкій паръ, сверкая золотистыми иглами... Съ какимъ-то непонятно-грустнымъ чувствомъ я спустился съ платформы и пошелъ далѣе. При входѣ въ липовую аллею, я увидѣлъ Элеонору Гавриловну: она, съ чулкомъ въ рукахъ, шла мнѣ на встрѣчу. Было замѣтно, что она меня ищетъ, что, можетъ-быть, она получила приказаніе занимать меня. Подойдя ко мнѣ, она слегка кашлянула, и потомъ, улыбаясь, сказала:

— Говорятъ, вы бывали въ Москвѣ... Не знали ли вы тамъ одного, г-на Кабыляева? Онъ прежде служилъ въ магистратѣ, а потомъ поступилъ на высшій окладъ...

— Нѣтъ, сударыня.

— Вѣдь я Москвичка, продолжала она:—и родилась въ Москвѣ... Я думаю, какъ измѣнилась Москва! Вѣдь я очень давно оттуда; вотъ ужь скоро одиннадцать лѣтъ, какъ я здѣсь живу, у Ивана Антоныча. Я къ нимъ, какъ къ роднымъ, привыкла. Они прекрасные, добрѣйшіе люди; Иванъ Антонычъ немножко крутъ нравомъ, но Капитолина Михайловна умѣетъ съ нимъ ладить. Ахъ, она очень умная женщина!..

— Слѣдовательно, сказалъ я:—вы и начали воспитаніе дочерей Ивана Антоныча?

— Да, могу похвалиться, продолжала она съ нѣкоторою восторженностью:—что я одна дала имъ воспитаніе; только надо сказать, что онѣ награждены блестящими способностями... Онѣ давно уже изучили всего Телемака на французскомъ языкѣ; съ русскаго языка прошли всю

пространную грамматику Востокова... Вѣдь я сама институтка. Особенно у второй, Евпраксіи Ивановны, отличная память; ей только двѣнадцать лѣтъ, и можете себѣ представить, она повѣсти Карамзина наизусть знаетъ безъ ошибки, между прочимъ, „Бѣдную Лизу"... Ахъ, Лизинъ прудъ! я видѣла его. Видѣли вы Лизинъ прудъ... около Симонова монастыря?

— Видѣлъ.

— И я видѣла. Историческое мѣсто!

Мы прошли уже двѣ трети аллеи; въ концѣ ея показалась бесѣдка, въ видѣ ротонды, украшенная снаружи колоннами.

— Это нашъ храмъ наукъ, сказала Элеонора Гавриловна:—лѣтомъ мы здѣсь занимаемся. Не угодно ли вамъ войдти?

Мы вошли въ храмъ наукъ,—большую, круглую комнату, съ двумя окнами. Стѣны храма были расписаны альфреско и, вѣроятно, поэтому не были заставлены мебелью: мебель была сдвинута на средину храма. Прямо противъ двери было изображено большое дерево, подъ которымъ сидитъ крокодилъ съ раскрытою пастью, а противъ него дитя, въ красной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками. На двухъ столахъ лежали книги, тетради, стояли тарелки съ натертыми на нихъ красками, нѣсколько шкатулокъ и проч. У одного окна Евпраксія Ивановна, молча, рисовала карандашомъ цвѣтокъ, а у другаго окна сидѣла Капитолина Ивановна, съ книгой въ рукахъ; я взглянулъ на книгу:

Слова и рѣчи Фенелона, архіепископа кембрійскаго. Библіотека храма наукъ, повидимому, состояла изъ книгъ серіознаго содержанія: на столѣ лежало нѣсколько исторій, нѣсколько томовъ *Сочиненій Карамзина*, и одна раскрытая книга; я посмотрѣлъ ея заглавіе: *Исторія о якобинцахъ, открывающая всѣ противохристіянскія злоумышленія.*

— И это также учатъ наизусть? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣчала Элеонора Гавриловна: — это я читаю имъ въ свободное отъ занятій время, историческое. Не правда ли, продолжала она, съ улыбкой, озирая комнату:— здѣсь поэтическое мѣсто?

— Да, отвѣчалъ я:—хорошенькая бесѣдка; и какъ свѣжа живопись на стѣнѣ!

— Это извѣстный художникъ рисовалъ, замѣтила Элеонора Гавриловна, — тотъ самый, который въ городскомъ соборѣ писалъ иконостасъ; это очень дорого стоитъ.

Она подошла къ столу и открыла небольшую, краснаго дерева, шкатулку наполненную разнаго рода лоскутьями, сверхъ которыхъ лежали довольно большіе серебряные часы.

— Однако, сказала она, взглянувъ на часы, — уже шестой часъ!... У насъ время распредѣлено, продолжала она съ улыбкой:—въ лѣтній сезонъ, шестой часъ—у насъ экономическій; сегодня мы должны варить варенье...

Я разстался съ Элеонорой Гавриловной и, по каштановой аллеѣ, отправился далѣе; аллея вела прямо къ дому. Подойдя къ цѣпи деревянныхъ часовыхъ, я былъ встрѣченъ неожиданностью другаго рода: между клумбами цвѣтовъ я увидѣлъ знакомое мнѣ лицо молодаго человѣка, съ тонкими чертами и небольшою темною бородкой. Годъ тому назадъ, я столкнулся съ нимъ на другой дорогѣ, въ другомъ концѣ Россіи; и онъ и я стремились тогда къ одной цѣли; онъ пересѣлъ въ мой тарантасъ изъ своей перекладной телѣги, и дня три былъ моимъ спутникомъ. Встрѣча съ нимъ у Ерандаева казалась мнѣ невозможною.

Молодой человѣкъ расхаживалъ между клумбами; въ его походкѣ видна была не то лѣнь, не то усталость. Увидя меня, онъ остановился.

— Боже мой! вскричалъ онъ, всматриваясь:—неужели это вы, г. Чебаносовъ?...

— Г. Карповичъ... сказалъ я, идя къ нему на встрѣчу,— какимъ образомъ?...

— Какими судьбами вы здѣсь? воскликнулъ онъ, подавая мнѣ руку.

Я разказалъ.

— А я, сказалъ онъ,—вотъ ужь полгода, какъ я сталъ здѣшнимъ помѣщикомъ и, по волѣ судебъ, мировымъ посредникомъ.

— Вотъ что! Такъ г. Ерандаевъ васъ это ждетъ съ такимъ нетерпѣніемъ?

— Мнѣ сказали, что онъ спитъ... Да, онъ давно меня вызываетъ, но дѣла!... Боже мой, знаете ли, это не дѣла, часто это битвы, которыя кончаются тѣмъ, что обѣ стороны

считаютъ себя разбитыми... Выдержитъ развѣ тотъ посредникъ, который исполняетъ букву закона механически... Нѣтъ, вы не знаете этихъ рыцарей status quo; вы не знаете что значитъ быть мировымъ посредникомъ!

— Видно, что вы задѣты... сказалъ я.

— Да нѣтъ, послушайте, продолжалъ раздражаясь Карповичъ:—мы понимаемъ, что значитъ отстаивать свое право, какъ бы ни были ложны или даже безчеловѣчны его основанія, если съ этимъ правомъ соединены особенныя житейскія выгоды... Это не то: рыцари отказались отъ такого права добровольно... теперь борьба идетъ за то, что не имѣетъ даже названія...

— Грустная исторія, сказалъ я.

— Да вотъ вамъ обращикъ... а еще лучше, чтобъ оцѣнить этотъ обращикъ, обратимся нѣсколько назадъ, продолжалъ Карповичъ, указывая на окружавшую насъ цѣпь деревянныхъ часовыхъ: — вотъ, говорятъ, всѣ эти затѣи стоятъ г. Ерандаеву большихъ издержекъ... ихъ много; я слышалъ, здѣсь есть пушка...

— Видѣлъ, сказалъ я,—очень хорошая пушка.

— Говорятъ, что ее везли на нѣсколькихъ тройкахъ нѣсколько сотъ верстъ, изъ Москвы или Брянска; изъ этой пушки палятъ три раза въ годъ: въ день тезоименитства хозяина дѣлаютъ одиннадцать пушечныхъ выстрѣловъ, въ день именинъ хозяйки—десять, да три выстрѣла при наступленіи новаго года. Назначеніе пушки неважное, а между тѣмъ, она обошлась г. Ерандаеву такъ дорого, что даже серебряная пушка, безъ доставки, стоила бы дешевле...

— Ну, это—удовольствіе, замѣтилъ я.

— Да, удовольствіе... Вотъ куда пошли труды двухсотъ душъ! Средства, какъ видите, тратились безсмысленно... Положимъ, что все это — личное дѣло Ивана Антоновича: онъ хотѣлъ разстроить свое состояніе и чрезмѣрными налогами довести своихъ крестьянъ до раззоренія,—они дѣйствительно въ плохомъ положеніи; но дѣло вотъ въ чемъ: чѣмъ же онъ хочетъ теперь поправить свои обстоятельства? какъ вы думаете?.. Онъ имѣетъ право требовать отъ крестьянъ перенесенія ихъ усадьбъ; для крестьянъ это раззорительно и для него невыгодно, потому что должно быть исполнено на его счетъ; онъ не пойдетъ на это, однакожь заявилъ свое требованіе, и какъ оказывает-

ся только для того чтобы принудить крестьянъ къ сдѣлкѣ, для нихъ невыгодной, чтобъ оттянуть отъ нихъ нѣкоторыя грошевыя выгоды... Конечно, я надъ этимъ бодрствую и, пользуясь довѣріемъ крестьянъ, не допущу ихъ быть обманутыми; понятно, что я вооружу противъ себя г. Ерандаева; это еще бѣда меньшая. Но предположите, что я не успѣлъ бы убѣдить крестьянъ, и они, напуганные г. Ерандаевымъ, пошли бы на добровольную съ нимъ сдѣлку... Какой же это залогъ для будущности самого г. Ерандаева?.. Развѣ такимъ путемъ можно сблизить эти два сословія? Развѣ такимъ образомъ можно согласить ихъ интересы, для взаимной ихъ пользы, для благосостоянія общественнаго?..

Послѣднія слова Карповичъ произнесъ съ силой изумительною.

— Понимаю... сказалъ я:—но я еще не видѣлъ васъ въ минуты вдохновенія.

— Да, проговорилъ онъ, — это дѣло мнѣ близко... Но послушайте мою исторію. Итакъ, рыцарь самъ налагаетъ на себя руку, посягаетъ на свою будущность; я являюсь защитникомъ его интересовъ противъ него самого; онъ возстаетъ на меня, объявляетъ меня врагомъ человѣчества, предателемъ отечества, и чортъ знаетъ чѣмъ!.. Нѣтъ, послушайте, послушайте... Какая каналья распустила эти слухи о прогрессѣ! Гдѣ же этотъ прогрессъ? въ программѣ? Это прогрессъ?.. Да мы этой программы не исполнимъ еще въ тысячу лѣтъ! Будущіе мыслители скажутъ, что наше общество, дойдя до извѣстной степени развитія, остановилось, въ силу различныхъ историческихъ обстоятельствъ... Какой тутъ чортъ историческія обстоятельства! Натура историческая...

У стеклянныхъ дверей дома показался, въ пестромъ шелковомъ халатѣ, Ерандаевъ; въ одной рукѣ у него была небольшая тетрадь, другую руку онъ держалъ надъ глазами въ видѣ зонтика.

— Нашъ защитникъ и миротворитель! воскликнулъ онъ, увидя посредника.

— Здравствуйте, Иванъ Антонычъ, сказалъ, подходя къ нему, Карповичъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, давно ожидаемый благо-

творитель, молвилъ Иванъ Антонычъ:—Покорнѣйше прошу въ покои.

Въ домѣ, Капитолина Михайловна привѣтствовала посредника.

— Что у васъ за событія? спросилъ Карповичъ.

— Двѣнадцать жалобъ о поруганіи правъ моихъ! воскликнулъ Ерандаевъ, потрясая тетрадью.

— Кѣмъ? спросилъ посредникъ.

— Временно-обязанными мнѣ крестьянами, дворовыми людьми и сельскимъ обществомъ, совокупно съ старостой, отвѣчалъ Иванъ Антоновичъ.

— Позвольте узнать, въ чемъ дѣло, что такое?.. сказалъ Карповичъ.

— Вотъ! воскликнулъ Иванъ Антоновичъ, подавая ему тетрадь.

— Вы жалуетесь, сказалъ посредникъ, пробѣжавъ тетрадь:—на неповиновеніе дворовыхъ, на непочтительность къ вамъ крестьянъ...

— Я слабо выразилъ, воскликнулъ Иванъ Антоновичъ:—невѣжество крестьянъ!

— Принимаю во вниманіе и невѣжество; но что же сельскій староста и общество?.. спросилъ посредникъ.

— Они, вопреки 159 статьи *Общаго Положенія*, не сообщаютъ мнѣ своихъ мірскихъ приговоровъ, на сельскомъ сходѣ состоявшихся, сказалъ Иванъ Антонычъ:—и вообще не оказываютъ мнѣ должнаго вниманія, хотя, по силѣ 148 статьи, того жъ Положенія, я долженъ быть почитаемъ попечителемъ сельскаго общества, и вмѣстѣ съ симъ, такъ сказать, его полицеймейстеромъ.

— Да, отвѣчалъ посредникъ:—общество должно сообщать амъ свои мірскіе приговоры, если вы того желаете; я отъ него этого потребую, но... Иванъ Антоновичъ, взываю къ вашему благоразумію... власть ваша надъ крестьянами рушилась невозвратно; поддерживать ея призракъ будетъ вамъ стоить большихъ усилій и — къ чему поведетъ это?.. Послушайте, назадъ идти невозможно; пойдемте впередъ! Что вамъ впереди нужно? уваженіе, довѣріе къ вамъ крестьянъ, безъ справедливости съ вашей стороны?..

— Мнѣ нужно оградить мое право! горячо сказалъ Иванъ Антоновичъ, прерывая Карповича:—а зарабатывать ихъ уваженіе я не буду. Если они не станутъ меня уважать, они

должны быть судимы по статьѣ 154, каковая ссылается на 440-ю статью уголовнаго уложенія; а это Сибирью пахнетъ!..

— Я говорю о чувствѣ уваженія, замѣтилъ Карповичъ.

— Я ихъ чувствомъ и воротъ не починю, возразилъ Иванъ Антоновичъ:—я вотъ самъ чинилъ сегодня ворота; вотъ свидѣтель! прибавилъ онъ, указывая на меня:—дворовые люди не оказываютъ мнѣ ни малѣйшаго повиновенія...

— Хорошо, я разберу, сказалъ посредникъ:—прикажите собрать обвиняемыхъ; я попрошу у васъ доказательствъ...

— То-есть, какъ доказательствъ?... воскликнулъ Иванъ Антоновичъ:—вы хотите поставить меня съ ними на одну доску?

— Зачѣмъ же на одну доску? сказалъ Карповичъ:—законъ требуетъ доказательствъ...

— Законъ не требуетъ, возразилъ Иванъ Антонычъ,— ибо въ 64 статьѣ „Положенія объ учрежденіяхъ" именно сказано, что посредникъ можетъ предоставить одной сторонѣ *принять на душу* справедливость своего показанія...

— Что такое?... сказалъ Карповичъ:—да... Это произвольное толкованіе; тамъ сказано: *сверхъ доказательствъ*...

— Тамъ не сказано *сверхъ!* возразилъ Иванъ Антоновичъ:— сказано „*кромѣ* доказательствъ" и означаетъ какъ бы: за исключеніемъ...

— Это означаетъ, сказалъ Карповичъ,—что когда доказательства недостаточны, отъ усмотрѣнія посредника зависитъ принять и другія мѣры удостовѣренія; при томъ же въ дѣлахъ другаго рода.

— Однако, прежній мировой посредникъ всегда руководился симъ узаконеніемъ, замѣтилъ Иванъ Антонычъ.

— Онъ имѣлъ свои причины, проговорилъ Карповичъ хриплымъ голосомъ.

— Да, милостивый государь, сказалъ Иванъ Антоновичъ,— онъ имѣлъ причины, ибо онъ задушевный человѣкъ былъ! Нижняя челюсть г. Ерандаева сильно задрожала. — Вы, милостивый государь, продолжалъ онъ гнѣвно, — обнаруживаете пристрастіе въ самопроизвольномъ толкованіи слова *кромѣ*. Никто не скажетъ, чтобъ оно означало *сверхъ*. И въ сей день я имѣю основаніе сказать, что намъ за обѣдомъ были поданы всѣ заказанныя блюда, *кромѣ* бекасовъ, ибо ихъ не было... Какой же безпристрастный

и благонамѣренный человѣкъ истолкуетъ это въ той силѣ, что намъ подавали бекасовъ *сверхъ* другихъ блюдъ! Имѣете ли вы право утверждать такъ?..

— Да, дѣйствительно, мы сегодня безъ жаркаго, присовокупила Капитолина Михайловна,—потому что дворовый человѣкъ, Андрей...

Иванъ Антоновичъ прервалъ Капиталину Михайловну и дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ сказалъ:

— Приношу, между прочимъ, мою жалобу на Андрея Ероѳеева Тифлисскаго... а Тифлисскимъ онъ прозывается по непотребству своей матери, бѣжавшей, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, въ городъ Тифлисъ съ нижнимъ воинскимъ чиномъ, бывшимъ въ годовомъ отпуску, послѣ чего...

— Позвольте... прервалъ Карповичъ.

— Милостивый государь! возразилъ Иванъ Антоновичъ,— я говорю о нравственности; еще никто не возбранялъ...

— Дѣло, дѣло, милостивый государь... говорилъ Карповичъ глухимъ голосомъ:—это къ дѣлу не относится...

— Знаю я, милостивый государь, произнесъ Иванъ Антоновичъ шипящимъ голосомъ:—что мы до того уже дожили, что у насъ нравственность къ дѣлу не относится...

— Вы уклонились отъ дѣла, нѣсколько разъ повторялъ Карповичъ; но онъ напрасно пытался дать разговору желаемое направленіе; кончилось тѣмъ, что послѣ трехчасовой „битвы“ съ Иваномъ Антоновичемъ, посредникъ долженъ былъ уѣхать, не сдѣлавъ ровно ничего.

Суматоха этого дня утомила меня, и я, не безъ труда впрочемъ, получивъ отъ Ивана Антоныча увольненіе отъ ужина, отправился въ приготовленную для меня комнату (эта комната была кабинетъ хозяина), и скоро погрузился въ глубокій сонъ.

Шумъ, раздавшійся въ моей комнатѣ, внезапно разбудилъ меня.

— Баринъ, а, баринъ... говорилъ кто-то впотьмахъ надъ моимъ ухомъ.

— Кто здѣсь? спросилъ я въ просонкахъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Это я, Палашка, отвѣчалъ голосъ,—барыня прислала вамъ на ночь воды съ морсомъ.

„Нѣтъ, подумалъ я, вновь засыпая: кто что ни говори, только Готентотъ не оцѣнитъ русскаго гостепріимства.“

На другой день я всталъ рано и тотчасъ отправился на деревню освѣдомиться о моемъ тарантасѣ. Колесо было готово; оказалось, что починкою его занимался не только кузнецъ, но и деревянщикъ, потому что въ немъ были двѣ новыя бѣлыя спицы. Кузнецъ при мнѣ уже обмазалъ ихъ дегтемъ; потомъ на нѣсколько шаговъ отошелъ въ сторону, и глядя на спицы, сказалъ:

— Чтобы не отличали! Не замай такъ.

Когда я возвратился въ ту комнату, въ которой провелъ ночь, въ домѣ только что начинали пробуждаться. Отъ нечего-дѣлать, я сталъ внимательнѣе обозрѣвать кабинетъ хозяина. Это небольшая, съ однимъ окномъ, комната, одна стѣна которой увѣшана разнаго рода оружіемъ, а двѣ другія стѣны картинами военнаго содержанія. У окна стоитъ письменный столъ, налѣво отъ него небольшой комодъ, а у стѣны, увѣшанной оружіемъ, диванъ обтянутый кожей, который служилъ мнѣ постелью. На письменномъ столѣ, нѣсколько тетрадей, чернилица, рюмочка съ зубочистками и календарь. Я взялъ календарь и сталъ его перелистывать; на одномъ листкѣ я нашелъ замѣтку: „Сего числа (4 августа), у сосѣда Капитонова, сгорѣло три мужичьихъ избы; однако Господь меня помиловалъ, хотя вѣтеръ дулъ на Крючково и могъ нанести искры на наше гумно: ибо оное находилось отъ пожара въ 43 шагахъ, какъ сего числа, по измѣреніи, оказалось.“ Противъ 12 числа іюня было написано: „день рожденія моей второй дочери Евпраксіи“, а ниже находилась замѣтка: „Не забыть: разбить Андрюшкѣ морду за дыню“.

Я держалъ еще календарь въ рукахъ, какъ въ кабинетъ вошелъ Иванъ Антоновичъ.

— Какъ почивали? спросилъ онъ.

— Прекрасно; очень вамъ благодаренъ, сказалъ я.

— Что это вы читаете?

Я указалъ на замѣтку.

— Это вотъ... сказалъ Иванъ Антоновичъ, указывая на залу, гдѣ вчера стоялъ Андрюшка:—вы эту образину видѣли.

— Я долго думалъ надъ этою замѣткой, сказалъ я.

— О чемъ? спросилъ Иванъ Антонычъ.

— Я себя спрашивалъ: какая могла быть надобность за-

писывать это въ календарь? зачѣмъ? Если вы тотчасъ не привели въ исполненіе...

— Зачѣмъ? А я вамъ сейчасъ скажу зачѣмъ... Это давній календарь, однако я помню... Мнѣ, наканунѣ 12 іюня, принесли изъ парниковъ дыню, вотъ какую, въ полъ-аршина; ее прозвали Бова-Королевичъ, когда она еще въ парникѣ лежала. Я отдалъ ее Андрюткѣ, дабы отнести на погребъ, да тутъ же и послалъ его въ городъ за покупками. Что же онъ, шельма, выдумалъ? Онъ пошелъ запрягать себѣ лошадь, а дыню оставилъ въ конюшнѣ. Хватились безъ него, дыни нѣтъ нигдѣ! Ужь на другой день кучеръ принесъ; ну, навозомъ пахнетъ... И надо было, по возвращеніи Андрюшки, воздать его мордасамъ должное... Теперь, этихъ людей вы знаете; но посудите, милостивый государь: чего же ожидать мнѣ отъ нихъ послѣ того, какъ якобинскія дѣйствія посредника удостовѣрили и самихъ разбойниковъ, что на нихъ правосудія нѣтъ!.. Да, мировой показалъ себя! попралъ и посрамилъ мое право, будучи самъ владѣльцемъ... Но не попущу, нѣ-етъ! Я знаю что̀ сдѣлаю... Я почиталъ его человѣкомъ благомыслящимъ, а какъ дѣло до него коснулось... да, тутъ-то якобинецъ и познается! Якобинецъ!... Что̀ бишь я хотѣлъ сказать вамъ?.. Да.. лакомились ли вы когда медвѣжьими котлетами?

— Нѣтъ, никогда, отвѣчалъ я.

— Я такъ и думалъ, сказалъ Иванъ Антонычъ:—а мясо молодаго медвѣдя необычайно вкусно, и у меня есть медвѣженокъ, пріобрѣтенный съ немалымъ трудомъ... Признаюсь, люблю хорошій кусокъ; и предки мои, начиная съ боярина Ѳомы Ерандая, тонкимъ вкусомъ славились... Да, милостивый государь, предъ вами—старинный дворянинъ: родъ нашъ ведется болѣе двухсотъ лѣтъ и состоитъ внесеннымъ въ шестую часть родословной дворянства книги, бархатную... Такъ позвольте васъ спросить, имѣю ли я причину быть разборчивымъ?.. Вотъ мой сосѣдъ Кособрюховъ, помѣщикъ... упоминаю о немъ съ крайнимъ неудовольствіемъ: ибо онъ не иное что какъ предатель, скаредъ и прелюбодѣй; онъ каналья изъ цѣловальниковъ вышелъ... такъ онъ, несмотря на то, что имѣетъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ пищу употребляетъ всякую мерзость, даже тряпки ѣстъ... Вотъ что, милостивый государь: я просилъ бы васъ сегодня съ нами откушать...

— Иванъ Антонычъ, отвѣчалъ я:—повѣрьте, что я умѣю цѣнить...

— А весьма можетъ быть, добавилъ онъ:—что у васъ экстренное дѣло...

— Да, мнѣ нужно поспѣшить...

— Ну, Богъ съ вами! поѣзжайте, сказалъ Иванъ Антонычъ:—только я васъ упреждаю: если кучеру сказать просто, чтобъ онъ заложилъ для васъ лошадей, то онъ ближе вечера не заложитъ; а я вотъ что сдѣлаю: прошеніе,—краткое...

Онъ вынулъ такой же листъ гербовой бумаги, какъ и тотъ, на которомъ было написано прошеніе кухаркѣ и, не торопясь, написалъ слѣдующее:

„Господину кучеру Артему прошеніе о запряженіи тройки разгонныхъ лошадей въ тарантасъ г. Чебоносова, коему нужно торопиться отъѣздомъ въ городъ, по моему собственному дѣлу.“

Написавъ послѣднюю строку, Иванъ Антоновичъ посмотрѣлъ на меня и, моргнувъ глазомъ, сказалъ:

— Такъ будетъ лучше: „по моему собственному дѣлу.“

Прошеніе тотчасъ же было отправлено по принадлежности, а черезъ полчаса тарантасъ мой былъ поданъ; на козлахъ его торчалъ Артемъ, сухой и высокій мужикъ лѣтъ тридцати пяти, съ черною жиденькою бородкой.

Прощаясь со мною, Иванъ Антоновичъ вручилъ мнѣ письмо къ купцу Сорокопяткину, живущему въ городѣ, и примолвилъ:

— Не поставьте себѣ въ трудъ передать письмо лично: ибо это болѣе обяжетъ Сорокопяткина. Я полагаю, вы о немъ слышали: вельможа, каналья, силачъ! Весь городъ въ руки взялъ. У него столько денегъ, сколько не найдется во всей губерніи. У меня съ нимъ счеты есть...

Я обѣщалъ Ивану Антоновичу исполнить его порученіе, и простясь съ его семействомъ, отправился въ путь.

Верстъ десять Артемъ гналъ лошадей во всю мочь; наконецъ, остановивъ ихъ, сказалъ:

— Надо имъ дать вздохнуть маненько.

— Да, замѣтилъ я:—надо, господинъ Артемъ.

Артемъ засмѣялся и сильно покрутилъ головою.

— Вотъ вы видѣли нашего барина, сказалъ онъ:—вотъ завсегда такъ чудитъ... на господской линіи насъ поставилъ. Это еще что!..

— А вѣдь онъ своими прошеніями васъ донимаетъ? спросилъ я.

— Только смѣхъ творитъ, отвѣчалъ Артемъ: — вонъ зубоскалъ Гаврюшка-портной, такъ тотъ нарочно такъ дѣлаетъ, чтобы прошеніе получить; пойдетъ съ нимъ это къ Силичу, да съ Силичемъ въ кабакъ; начнутъ тамъ это читать при народѣ, поднимутъ хохотъ на всю деревню... И на что у него это Силичъ, запокидышъ поповскій? На кой лядъ онъ его держитъ? Онъ нашего же брата поджигаетъ... Кабы нашъ братъ былъ совсѣмъ дуракъ, да сталъ бы слушаться Силича, тутъ натворили бы такое, что и Господи упаси!..

Артемъ махнулъ рукой, потомъ подобралъ вожжи, тронулъ лошадей и вновь понесся стрѣлою.

Я уже у цѣли моего странствованія: только двѣ версты остается до города.

Ближе къ городу—другія встрѣчи. Вотъ, подъ деревомъ, сидитъ глистообразный молодой человѣкъ, въ нанковомъ сюртукѣ, повидимому семинаристъ; онъ курить трубку и поглядываетъ по направленію къ городу: видно кого-нибудь поджидаетъ. Вотъ, по дорогѣ, на бѣговыхъ дрожкахъ, прокатилъ усастый баринъ, въ соломенной шляпѣ: видно, онъ проѣзжаетъ сѣраго, въ яблокахъ, рысака; рысакъ фыркаетъ, и пѣна съ него клубами падаетъ на дорогу. Вотъ, по валу, который окаймляетъ дорогу, идетъ молодой парень, повидимому мастеровой; онъ въ розовой ситцевой рубахѣ, босикомъ: сапоги его связаны и перекинуты черезъ плечо. Нагоняя его, за нимъ бѣгутъ двое другихъ босыхъ парней, въ синихъ поддевкахъ, также съ сапогами, перекинутыми черезъ плечо. Слышно, они кричатъ: „Ваня! слышь-ка, Ваня!“

Я вспомнилъ замѣтку одного туриста, Француза, въ тридцатыхъ годахъ проѣхавшаго по Россіи. Зимою, на улицѣ одного селенія, онъ увидѣлъ огни, разложенные проѣзжими чумаками, готовившимися варить себѣ кашу. По этому случаю, туристъ въ своихъ запискахъ замѣтилъ: „русскіе имѣютъ обыкновеніе топить улицы“. Еслибъ этому проницательному господину бросились въ глаза парни, которыхъ я встрѣтилъ, онъ непремѣнно сказалъ бы: „русскіе употребляютъ сапоги двоякимъ образомъ: одни надѣваютъ ихъ на ноги, а другіе вѣшаютъ на плечо, въ видѣ украшенія.“

ВЛАДИСЛАВЪ ГОРЧАКОВЪ.

О МИНИНѢ

Г. ОСТРОВСКАГО

И ЕГО КРИТИКАХЪ.

Въ жизни каждаго народа есть всегда какое-либо святое воспоминаніе, какое-либо событіе, отдѣляемое отъ всѣхъ прочихъ, и по преимуществу чтимое народною памятью. Къ числу такихъ святыхъ дѣлъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ въ русской исторіи эпоха 1611—12, когда народъ единодушно возсталъ для очищенія земли своей отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Эту эпоху и выбралъ г. Островскій предметомъ для драмы. Драма эта возбудила самые разнорѣчивые толки. Извѣстно, что г. Островскій въ своемъ *Мининѣ* принужденъ былъ дать почти одинаковое мѣсто и значеніе лирическому элементу съ драматическимъ: отсюда и противорѣчащіе толки. Всѣ тѣ, которые сильно потрясены были лирическою частію піесы, этою попыткой воспроизвести строй мысли и духъ поэзіи XVII вѣка, стали на сторонѣ новаго произведенія; напротивъ, непріязненно отнеслись къ нему всѣ тѣ, которые обратили главное вниманіе на его драматическую сторону: они не нашли драмы въ томъ смыслѣ въ какомъ ожидали. Споръ о *Мининѣ* г. Островскаго въ сущности былъ споръ двухъ

воззрѣній: одно изъ нихъ цѣнитъ выше всего воспроизведеніе внутренней, духовной жизни эпохи, примиряясь съ однообразіемъ, тишиной и скромностію картины; другое напротивъ требуетъ, чтобъ обнаружены были причины событій, ищетъ разнообразія личностей, и отъ ихъ столкновенія ждетъ главнаго интереса. Должно жалѣть, что споръ этотъ шелъ преимущественно въ обществѣ и не былъ поддержанъ литературою, которая, кажется, окончательно пристроилась къ мнѣнію противниковъ г. Островскаго, на основаніяхъ, впрочемъ, не вполнѣ обнаруженныхъ ею. А между тѣмъ, ставъ между этихъ двухъ воззрѣній, литература могла бы присоединить нѣсколько соображеній объ особенныхъ условіяхъ, которыя вытекали для автора изъ того обстоятельства, что онъ избралъ предметомъ своего труда историческое явленіе, получившее въ сознаніи народа характеръ, размѣры и аттрибуты „святаго дѣла“.

Прежде всего надо замѣтить, что событіе, возведенное на эту степень народнымъ представленіемъ, ограждено отъ критики, повѣрки и суда писателя. Къ нему можетъ вести его только одна торная дорога, отступить отъ которой искусство не въ состояніи. Какія бы открытія ни дѣлала наука по поводу эпохи, въ которую совершилось святое дѣло, какія бы новыя черты ни вводила она въ физіономію главныхъ лицъ, ни событія, ни лица ничего отъ этого не теряютъ, равно какъ и ничего не выигрываютъ; сложившимся народнымъ убѣжденіемъ они, такъ-сказать, ограждены отъ всѣхъ возможныхъ открытій и измѣненій. Примѣровъ этому много. Говорите что̀ хотите объ эпохѣ *des états généraux* 89 года во Франціи, судите какъ угодно о настоящихъ поводахъ вызвавшихъ утвержденіе парламентской власти въ Англіи, разъясняйте съ любой точки зрѣнія сожженіе папской буллы Лютеромъ: народъ тѣхъ странъ, гдѣ свершились эти событія, а за нимъ, разумѣется, и искусство, будутъ относиться къ нимъ не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Также можно отыскивать свидѣтельства, что нижегородское ополченіе, и вообще движеніе 1611 г. не вполнѣ имѣло характеръ самоотверженія, безкорыстія и единодушія, сообщенный ему преданіемъ, что руководители этого движенія похитили въ исторіи себѣ роль, которой не играли въ дѣйствительности (хотя убѣдительныхъ документовъ въ пользу такого предположенія врядъ ли позво-

лительно ожидать), все-таки толчокъ данный изъ Нижняго Русской землѣ, и люди управлявшіе силами народа въ то время, не утратятъ ни одного луча изъ окружающаго ихъ ореола. Для того чтобы наука могла сократить въ глазахъ народа преувеличенные размѣры преданія, или отнять у событія всѣ украшенія сообщенныя ему воодушевленною рѣчью современниковъ и добавками потомства, надо сперва, чтобы самъ народъ запамятовалъ первоначальный смыслъ подвига и пересталъ видѣть въ немъ законную причину для своей гордости. Тогда святое дѣло распадается въ сознаніи народа при малѣйшемъ скептическомъ прикосновеніи къ нему, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаютъ и всѣ личности, съ которыми было оно неразрывно связано, какъ это случилось, напримѣръ, во Франціи, относительно облика Іоанны д'Аркъ и его чудодѣйственной орифламы. Такихъ потухшихъ свѣтилъ на горизонтѣ исторіи можно насчитать почти столько же, сколько и свѣтилъ блестящихъ еще полнымъ свѣтомъ. Въ свое время не нужно бываетъ даже и большаго ума или особенной проницательности для разрѣшенія отживающаго преданія. Тогда орудіемъ окончательнаго его паденія можетъ быть одно простое слово, одна простая шутка. Большею частію случается такъ, что литература и наука приступаютъ къ скептическомуанализу событія уже тогда, когда остались отъ него одни потухшія воспоминанія.

Возвышеніе извѣстнаго событія на степень святаго дѣла и паденіе его съ этой высоты зависитъ всегда отъ религіознаго созерцанія народа и отъ того нравственнаго идеала, который онъ имѣетъ передъ собою. Это вѣрно даже относительно народовъ наиболѣе положительныхъ, наиболѣе огражденныхъ отъ мистическихъ увлеченій. Святое дѣло, это духъ народа, нѣкогда явившійся въ очію; въ немъ народъ, сквозь призму своего религіознаго настроенія, видитъ самого себя въ лучшемъ, блистательнѣйшемъ, идеальномъ видѣ, въ какомъ только онъ можетъ самъ представить себя. Поэтому, не всякое событіе важное по своимъ результатамъ и по жертвамъ принесеннымъ для ихъ достиженія, восходитъ на степень святыни для народа и становится частію его духовной жизни. Всѣ усилія искусственно поднять событіе на такую степень

оказываются обыкновенно напрасными. Нужно, чтобы событіе было тѣсно связано съ общимъ религіознымъ настроеніемъ, и чтобъ оно отвѣчало въ свое время внутреннимъ надеждамъ и стремленіямъ народа, удовлетворяло невысказаннымъ потребностямъ его жизни и соотвѣтствовало наклонностямъ всей нравственной его природы. Читатель замѣтитъ, конечно, что мы ничего не говоримъ о достоинствѣ или недостаткахъ, о широтѣ или ограниченности самаго идеала, какой представляется народу въ данное время: это очень важно, но сюда не относится. Мы только говоримъ о томъ, какъ зараждается благоговѣніе къ извѣстнымъ историческимъ событіямъ, и почему, до времени, оно остается незыблемо при всевозможныхъ нападеніяхъ скептицизма и отрицанія. Чтобы развѣнчалось въ глазахъ народа его великое событіе, нужно чтобъ измѣнилась та религіозная призма, сквозь которую смотритъ народъ, нужно чтобы предсталъ предъ нимъ другой идеалъ: бывшее святое дѣло представится тогда умственному взору его съ другими красками и въ другихъ очертаніяхъ. А до того, оно заговорено противъ всѣхъ непріязненныхъ покушеній. Стороннему зрителю приходится только наблюдать самый ростъ событія предназначеннаго къ этой роли, и его постепенный ходъ отъ простаго факта до легенды съ характеромъ неприкосновенной святыни. Это зрѣлище, по нашему мнѣнію, представляетъ одно изъ поучительнѣйшихъ въ исторіи.

Изъ сказаннаго нами истекаетъ самъ собою весьма важный выводъ, котораго никакъ не слѣдуетъ упускать изъ вида при оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній. Когда въ произведеніи изображается событіе благоговѣйно чтимое народною памятью, тогда не столько авторъ владѣетъ своимъ предметомъ, сколько предметъ владѣетъ авторомъ. Прежде всего писатель не имѣетъ права дѣлать выборъ между причинами, которые участвовали въ событіи; онъ обязанъ ограничиться только тѣми или тою, которая указывается преданіемъ, и одна изъ всѣхъ уцѣлѣла въ народномъ воспоминаніи. Въ дѣлѣ освобожденія земли Русской отъ Поляковъ, казаковъ и боярской крамолы, напримѣръ, вмѣстѣ съ главнымъ побужденіемъ возстановить вѣру и государство, играло, безъ сомнѣнія, еще множество другихъ побужденій, въ числѣ которыхъ конечно не послѣднее

мѣсто занимали надежды личнаго и областнаго возвышенія, стремленія къ возстановленію отжившихъ порядковъ и т. д. Но поэтъ не имѣетъ права вызывать на смотръ всѣ элементы, изъ которыхъ сложилось событіе. Такого рода добросовѣстность превратила бы тотчасъ же его произведеніе въ ревизію историчеекихъ свидѣтельствъ, а при нѣкоторомъ своеволіи фантазіи, ввела бы его въ тяжбу съ принятымъ мнѣніемъ и лѣтописью, тѣмъ болѣе несчастную, что она велась бы не въ той формѣ, въ какой должны быть ведены тяжбы подобнаго рода. Въ поэтическомъ произведеніи должна быть соблюдена другаго рода добросовѣстность. Оно обязано сохранить преданіе во всей его цѣлости и возпроизвести его для народа въ томъ же блескѣ, достоинствѣ и величіи, въ какомъ держитъ его самъ народъ. Поэтому первою заботой должна быть разработка той стороны событія, которой общимъ голосомъ приписывается наибольшая творческая сила. Художнику такимъ образомъ заранѣе указаны основной тонъ и главный мотивъ произведенія. Ему ничего не остается болѣе какъ, обрабатывая готовый матеріалъ, дать лишь слегка почувствовать постороннія силы и второстепенныхъ двигателей событія.

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ, чтобы преданіе было совершенно неприкосновенно для повѣрки и изслѣдованія. Сохрани насъ Богъ отъ этой мысли: мы говоримъ только объ условіяхъ воспроизведенія преданія въ искусствѣ, ни о чемъ болѣе. Услуги, какія можетъ оказать обществу тщательное историческое изслѣдованіе предмета, принимаемаго всѣми на вѣру, безъ сомнѣнія огромны. Оно иногда полагаетъ основаніе новому, болѣе совершенному пониманію прошедшей и настоящей жизни общества, хотя бываетъ иногда и то, что оно только сильнѣе укрѣпляетъ способъ прежняго представленія. То достовѣрно однакоже, что пока длится критическая разработка прошедшаго, плодотворная для общества, къ какимъ бы окончательнымъ результамъ она ни привела,—а длится она, какъ извѣстно, немалое время,—люди занятые ею становятся поодаль отъ другихъ, и поневолѣ обрекаютъ себя на нѣкоторое нравственное одиночество; таково условіе ихъ положенія. Художникъ-писатель не способенъ къ такой жертвѣ, и она отъ него не требуется. Умственная жизнь его всегда

течетъ между живыхъ людей, живыхъ образовъ и живыхъ преданій; къ этимъ живымъ преданіямъ онъ обращается за свидѣтельствами и доказательствами, даже тогда, когда становится обличителемъ и повидимому врагомъ окружающаго. Скептиковъ-художниковъ нѣтъ и не было, не исключая и такихъ именъ, какъ Вольтеръ или Байронъ. Въ каждомъ изъ нихъ, любой рьяный отрицатель найдетъ множество, по его мнѣнію слѣпыхъ убѣжденій, пустыхъ надеждъ, неоправдываемыхъ симпатій и пр. Серіозный скептицизмъ можетъ увлекать писателя-художника и служить для него предметомъ удивленія и поэтическихъ думъ. Но собственно создать своимъ скептицизмомъ онъ ничего не въ силахъ, а поэтому не въ силахъ и измѣнить смыслъ историческаго событія и лица сообразно съ скептическимъ воззрѣніемъ; его достанетъ только на то чтобы prелишить то и другое смысла и образа. Люди и дѣянія превратятся у него въ химерическія существа не имѣющія себѣ подобія на землѣ. Нѣчто похожее на такое превращеніе случилось и съ Козьмой Захарычемъ Мининымъ, когда, по поводу новаго произведенія г. Островскаго, часть нашего общества обратилась съ любопытствомъ къ этой личности и принялась дѣлать въ ней психическія открытія, на основаніи догадокъ и темныхъ намековъ собственнаго опыта. Еслибы собрать въ одинъ образъ всѣ представленія, которыя возникали въ этихъ толкахъ, то знаменитый мясникъ Нижняго Новгорода, вышелъ бы какою-то невообразимою смѣсью вдохновенія и плутовства, святости и добродушнаго коварства, идеаломъ патріотизма основаннаго на корыстныхъ разчетахъ и купеческой смѣткѣ, — словомъ личностію совершенно невозможною.

Къ числу неблагопріятныхъ условій для писателя, изображающаго святыню народныхъ воспоминаній, принадлежитъ необходимое однообразіе въ выраженіи всѣхъ лицъ участвовавшихъ въ событіи. Однообразная духовная физіономія есть своего рода помазаніе, налагаемое на всѣ лица, пріобщенныя къ святому дѣлу. Характеристическія отличія ихъ другъ отъ друга едва-едва, и то изрѣдка, успѣваютъ проглянуть сквозь единство настроеній, намѣреній и поступковъ. За исключеніемъ немногихъ главныхъ лицъ, всѣ прочія разнятся только такими общими отличіями, каковы полъ, возрастъ, степень образованія и

достатка; по духу никто изъ нихъ ни выше, ни ниже. Являются новыя лица, другой оборотъ рѣчи, даже оригинальные, своеобычные характеры, но развернуться вполнѣ передъ зрителемъ никому нѣтъ ни мѣста, ни времени: всѣ торопятся собраться въ одну группу и вторить пѣснѣ, уже начатой другими прежде нихъ. Изъ этого дѣйствительно образуется громадный, великолѣпный хоръ, который способенъ потрясти чувство самое притупленное и устранить всякое желаніе узнавать силу и объемъ каждаго отдѣльнаго голоса въ его составѣ. Но тѣмъ не менѣе творческая дѣятельность принуждена бываетъ ограничивать себя, и изъ уваженія къ главной задачѣ отказываться отъ употребленія своихъ силъ въ возможной для нихъ полнотѣ.

По той же самой причинѣ нельзя ожидать и драматическаго движенія въ такихъ произведеній, хотя бы они и приняли форму драмы: борьба и столкновеніе интересовъ, составляющія жизнь драмы, поглощены здѣсь единодушіемъ общаго настроенія. Если оно и нарушается, то нарушается не драматически. Въ драмѣ обыкновенно хотятъ видѣть борьбу на смерть двухъ или многихъ несовмѣстныхъ между собою началъ, но это опредѣленіе неполное. Борьба, напримѣръ, патріотизма съ подкупленною измѣной не можетъ сдѣлаться достояніемъ истинной драмы. Драма развивается только тогда, когда для нея найдена нейтральная почва, а страсти, вступавшія въ борьбу, имѣютъ одинаково свои корни въ нравственной природѣ, и одинаково могутъ быть поддерживаемы доводами нравственнаго же свойства. Но историческое дѣйствіе, въ которомъ народъ видитъ свой высочайшій подвигъ, и притомъ подвигъ запечатлѣнный всенароднымъ одушевленіемъ, по самому существу своему, не можетъ допустить противодѣйствія себѣ иначе какъ въ смыслѣ величайшаго нравственнаго и даже физическаго безобразія. Какая драма тамъ, гдѣ съ перваго раза являются люди имѣющіе всѣ права на своей сторонѣ, и противопоставляются людямъ неимѣющимъ сказать въ свою пользу ничего разумнаго? Вмѣсто драмы, тутъ устраивается нѣчто похожее на тріумфальное шествіе, въ которомъ одни владѣютъ всѣми правами на торжество, похвалу и сочувствіе, а другіе отданы на презрѣніе,—презрѣніе ничемъ не смягченное, какъ оно смягчается въ настоящей драмѣ, гдѣ еще можно удивляться

хотя бы силѣ воли или ума и другимъ качествамъ души самаго закоренѣлаго преступника. Преданіе о великомъ народномъ дѣлѣ не знаетъ такого снисхожденія; оно беретъ и охраняетъ только своихъ почетныхъ дѣятелей. За то они ростутъ сами, и все вокругъ нихъ ростетъ неимовѣрно скоро. Съ перваго же ихъ появленія въ произведеніи, всѣ сторонятся передъ ними, всѣ руки указываютъ на нихъ какъ на избранниковъ, всѣ умы и сердца знаютъ чего ожидать отъ нихъ. Вскорѣ и весь народъ, убѣжденный ими, сознаетъ себя какъ лицо исполняющее великое призваніе на землѣ и освящается въ собственныхъ глазахъ. Понятно, что поэтъ не можетъ не идти съ народомъ. Покинуть народъ или преданіе въ то время, когда они дѣлаютъ самое Небо участникомъ подвига, значило бы измѣнить собственному знамени.

Великое чудо, не нарушая нисколько правдоподобія, должно просто и естественно явиться въ произведеніи, какъ просто и свободно явилось оно нѣкогда въ самой жизни: чудо обязано стать въ рядъ дѣйствующихъ пружинъ событія и, наравнѣ съ другими, добросовѣстно исполнить свое назначеніе, по отношенію къ святому дѣлу.

Таковы условія, ограниченія и трудности представляемыя драматическою хроникой, которая имѣетъ своимъ предметомъ священныя воспоминанія народа; а что теорія нами не выдумана, тому служитъ доказательствомъ довольно плодовитый отдѣлъ европейской литературы, именно отдѣлъ религіозной испанской драмы. Драма эта преимущественно посвящена „святымъ дѣламъ“, и главныя черты ея всегда будутъ повторяться въ произведеніяхъ того же рода. Спрашивается, какихъ же результатовъ достигла религіозная драма? Они извѣстны. Несмотря на однообразіе всѣхъ ея пріемовъ, на постоянно-героическій складъ мыслей, царствующій въ рѣчахъ и поступкахъ лицъ выводимыхъ ею, несмотря на отсутствіе чего-либо похожаго на колебаніе или движеніе жизни въ иную сторону, несмотря на то, что нѣсколько яркихъ, одинаково лучезарныхъ доблестей постоянно вращаются передъ глазами вашими, религіозная испанская драма одолѣваетъ читателя съ неотразимою силою. Читатель одинаково покоряется ей, и тогда когда расположенъ считать идею драмы мрачнымъ

явленіемъ историческаго процесса, и тогда когда согласенъ признавать ея высокое значеніе въ человѣческомъ развитіи. На чемъ же основывается эта сила? На невидимомъ дѣйствіи того глубокаго энтузіазма, съ которымъ относится драма къ предмету, ею избранному, на могучемъ чувствѣ благоговѣнія къ вѣрѣ, представленіямъ, идеаламъ народа, чувство, которое она прививаетъ и зрителю. Драма становится раскрытіемъ поэтической думы цѣлой страны, и выражаетъ въ одномъ мгновеніи всю ея нравственную жизнь, которая многочисленными каналами проходитъ по ея исторіи. Точно ту же цѣль могъ имѣть въ виду и г. Островскій, когда писалъ своего *Козьму Минина*, и его произведеніе, по характеру и особенностямъ своимъ, носитъ признаки такого родства съ отдѣломъ испанской религіозной драмы, что можетъ быть признано, безъ всякаго укоризненнаго намѣренія, явленіемъ совершенно аналогическимъ съ нею.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ возраженіемъ, которое обойдти не возможно, потому что оно часто слышится въ разныхъ кругахъ общества. „Прежде чѣмъ заниматься поэтическою думой народа, говорятъ намъ, надо по крайней мѣрѣ удостовѣриться есть ли самый народъ, понятый, разумѣется, не въ смыслѣ сборища единицъ, живущихъ какъ пришлось, подъ одними и тѣми же обязательными законами, а въ смыслѣ нравственнаго лица, хранящаго свои дорогія преданія, имѣющаго свой взглядъ на исторію, свой кодексъ морали и своеобычное представленіе доблести и героизма. Въ народѣ испанскомъ не одна драма показываетъ извѣстныя ноты; испанскій народъ является тѣмъ же самымъ при всякомъ случаѣ, иначе и драма его не могла бы явиться. По отношенію къ русскому обществу предстоитъ еще вопросъ: существуютъ ли у него духовныя стремленія, ему одному принадлежащія, и можно ли дѣйствительно распознать въ немъ народъ, помнящій свою исторію и имѣющій къ ней свои глубокія симпатіи и антипатіи. Вотъ вопросъ! Доселѣ еще никто не могъ сказать порядочно, къ какому историческому дѣятелю особенно лежитъ сердце народа, въ комъ и въ чемъ находитъ онъ свой идеалъ красоты и добра, и наконецъ, точно ли онъ такъ связанъ съ поэзіей религіознаго созерцанія, какъ увѣряютъ писатели“. Возраженіе это намъ знакомо. Оно обыкновенно слышится отъ той стороны,

которая, основываясь на внѣшнихъ фактахъ, даже всю старую цивилизацію Россіи, наравнѣ съ Петровскимъ періодомъ ея исторіи, считаетъ заимствованіемъ, и предоставляетъ народной самодѣятельности только созданіе пѣсень, да бытовыхъ, общественныхъ и семейныхъ понятій, болѣе или менѣе не выдерживающихъ критики.

Если бы возраженіе было справедливо, то пропала бы дѣйствительно не только возможность поэтическаго возсозданія нашей прошедшей жизни, но была бы утрачена и цѣль общественнаго развитія. Намъ, кажется, однакожъ, что это возраженіе не заключаетъ въ себѣ ничего болѣе кромѣ скептическихъ отвлеченностей. Противъ него достаточно простаго довода. Кому неизвѣстно, что только неорганическое тѣло можетъ служить матеріяломъ для совершенно чуждыхъ ему, нисколько не однородныхъ съ нимъ произведеній, а тѣло органическое и живое производитъ только такія явленія (физическія и нравственныя, все равно), основный типъ которыхъ носитъ въ самомъ себѣ. Достаточно одного этого соображенія, чтобы въ народѣ, добывшемъ себѣ мѣсто и роль въ исторіи, предполагать присутствіе духовныхъ силъ, хотя бы мы мало знали ихъ сущность.

Одновременно съ этимъ возраженіемъ, возникло въ публикѣ неудовольствіе на автора *Козьмы Минина* за то, что онъ предпочелъ ограничиться одною религіозною стороной событія, а не произвелъ исторической хроники, по образцу Шекспировскихъ. При этомъ случаѣ, появился запросъ на русскую историческую хронику, во вкусѣ Шекспира. Отовсюду послышались голоса: давайте намъ такую хронику: только она способна отнестись безпристрастно ко всѣмъ живымъ силамъ древней Руси, не давая скучнаго предпочтенія которой-либо изъ нихъ; только такая хроника позволяетъ намъ угадывать смыслъ историческихъ явленій, помимо монашескихъ или придворныхъ свидѣтельствъ лѣтописи, и безъ вмѣшательства народныхъ повѣрій и преданій затемняющихъ истину.

Но хроника въ родѣ Шекспировской представляетъ у насъ свои трудности не менѣе тѣхъ, какія встрѣчаетъ и художественная разработка „преданія“. Мы уже имѣемъ довольно многочисленные образцы, и участь Шекспира въ

гостяхъ у русской исторіи, должно признаться, нисколько не была завидна.

Мы не только взяли себѣ за образецъ ту свободу, съ которою Шекспиръ относится къ историческимъ дѣятелямъ, но мы и употребили во зло эту свободу, прежде чѣмъ успѣли понять ее. Рука наша не дрогнетъ замѣшать любое историческое лицо въ какую-угодно шалость, или при реторическомъ настроеніи духа, въ какую-угодно чудовищность. Со времени Пушкина мы еще не видѣли у себя драматическаго писателя, который бы поднялся въ ровень съ историческими лицами входящими въ его произведеніе, а видѣли только весьма успѣшныя старанія низвести ихъ до той среды, гдѣ возможно фамильярное обращеніе съ ними. Нельзя жаловаться также чтобы мы были очень скромны въ вымыслѣ, или чтобы для фантазіи нашей не доставало смѣлости и развязности. Никто не отступитъ у насъ передъ заманчивою мыслію пустить на арену историческаго событія плодъ собственнаго воображенія, какое-нибудь темное лицо, которое безъ зазрѣнія совѣсти перепутываетъ и оскорбляетъ историческую тему своевольнымъ участіемъ въ ея развитіи. Мы, напротивъ, нуждаемся теперь болѣе всего въ противовѣсіи, въ ограниченіи черезчуръ усвоенной нами независимости: намъ нужно пріобрѣсть ту глубину созерцанія, которая даетъ возможность художнику прожить нѣсколько мгновеній одною жизнію съ великими людьми исторіи; нуженъ даръ угадывать тѣ живые разнообразные типы, въ которыхъ представляется древнее общество, а къ этому ведетъ только долгое изученіе исторіи. До тѣхъ поръ не помогутъ никакая пестрота красокъ, никакія претензіи и размахи кисти. За ними дѣло не станетъ у насъ, а дѣло станетъ только за истинною силой изображенія, и преимущественно за умѣніемъ прилично держать себя въ сферѣ свободнаго творчества.

Будемъ ли удивляться послѣ того, что г. Островскій, для перваго своего опыта въ исторической драмѣ, выбралъ тотъ родъ ея, который представлялъ гораздо болѣе надежныхъ основаній, несмотря на всю стѣснительность условій, налагаемыхъ имъ на творчество? Нѣтъ сомнѣнія, что оковы, неизбѣжныя въ этомъ родѣ драмы, не остались безъ видимыхъ послѣдствій въ произведеніи: онѣ дали ему тотъ однообразный родъ, то принужденное выраженіе покорности и

подчиненія своей темѣ, которыхъ должно было ожидать. Но взамѣнъ того, авторъ получилъ многое, чего никогда не получилъ бы, рѣшившись на иной выборъ. Оставивъ за Мининымъ и земскимъ дѣломъ 1611 года все что укрѣплено за ними преданіемъ, принявъ относительно къ нимъ положеніе, въ какомъ стоитъ къ нимъ народъ, увѣровавъ въ нихъ, какъ самый простой, непосредственный слушатель лѣтописей, авторъ оставилъ за собой замѣчательную *цѣльность* вдохновенія, столь рѣдкую въ нашемъ искусствѣ. А это помогло ему сразу отыскать стройную рѣчь, весьма выразительный и живописный стихъ, также точно какъ помогло выдержать произведеніе во всѣхъ его частяхъ съ одинаковою силой и теплотой убѣжденія. Нашлись однако люди, которые приписали это желанію автора написать піесу, годную для офиціяльнаго употребленія, и мы лично имѣли удовольствіе слышать, какъ она уподоблялась драмамъ, скропаннымъ на случай праздниковъ. Конечно, приговоръ этотъ ничего не опредѣляетъ, кромѣ эстетическаго образованія тѣхъ лицъ, которые рѣшились его высказать; но онъ допускаетъ и нѣсколько общихъ выводовъ. Можно спросить, въ какомъ образованномъ государствѣ, имѣющемъ судъ общественнаго мнѣнія, возможно было бы заподозрить благородство побужденій и чистоту патріотическаго чувства въ авторѣ, за то только что онъ обратился къ поэтическому возсозданію идеаловъ семейнаго и гражданскаго быта, нѣкогда существовавшихъ въ странѣ? Гдѣ и въ какомъ обществѣ мѣриломъ достоинства и честности намѣреній признается только болтовня на современные мативы, а серіозная попытка осмыслить преданіе и отыскать глубоко нравственныя стороны его вызываетъ только сомнѣніе въ чистотѣ нравственныхъ побужденій? Впрочемъ, надо, сказать приговоры въ родѣ того, о которомъ идетъ рѣчь, произносились и у насъ украдкой, какъ бы избѣгая свѣта и разъясненій...

Содержаніе драмы г. Островскаго, кромѣ собственно историческаго преданія, составляютъ семейныя и общественныя представленія древней Руси, возведенныя до идеаловъ, вмѣстѣ съ поэтическимъ изображеніемъ тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя проявлялись у нея въ минуты высшаго напряженія. Исторія является въ его драмѣ не цѣликомъ, какъ въ плохихъ ея передѣлкахъ на романы, а только въ своемъ отраженіи на нравахъ, понятіяхъ и вѣрованіяхъ эпохи.

Исторія только исполняетъ, такъ сказать, атмосферу, въ которой движутся лица его драмы; но сами эти лица являются совсѣмъ не затѣмъ чтобы разъяснить какой-либо историческій вопросъ, а единственно затѣмъ чтобы жизнію и дѣйствіями своими обнаружить поэтическую сторону и нравственный смыслъ современнаго имъ быта. Горенка вдовы Мареы Кириловны такое же важное звено въ драмѣ г. Островскаго, какъ и слезное моленіе народа въ соборѣ и избраніе Минина въ повѣренные отъ земли Русской. Первое совѣщаніе вождей народнаго возстанія происходитъ въ этой горенкѣ, между пѣснями сѣнныхъ дѣвушекъ, при заботливомъ угощеніи хозяйки. Самый девизъ ополченія: „за спасеніе вѣры и земли", повторяемый всѣми, имѣетъ свое особенное содержаніе. За этою формулой слышится убѣжденіе въ необходимости крѣпкаго строя и великаго единства для государства, которые могутъ быть достигнуты совѣтомъ, участіемъ и приговоромъ всего народа. Знамя съ этимъ девизомъ уже нѣсколько разъ подымалось и прежде; но только тогда, когда оно перешло въ руки Минина, уяснился настоящій смыслъ его, который и помогъ уничтожить всѣ ложныя представленія государственнаго единства, выдуманныя партіями и наполнившія страну измѣнами, преступленіями и бѣдствіями всякаго рода. Съ этой минуты политическая формула начинаетъ производить чудеса, и вчерашніе злодѣи отечества торжественно исповѣдуютъ ее; она исправляетъ негодяевъ, вразумляетъ маловѣрующихъ и быстро поднимаетъ общій уровень нравственности. Такое толкованіе исторіи стоитъ кропотливаго разбора той или другой черты въ лѣтописяхъ, опущенной можетъ-быть авторомъ.

Кстати о чертахъ. Лицо Минина въ піесѣ г. Островскаго показалось для многихъ лицомъ отвлеченнымъ, созданнымъ для выраженія патріотическаго и религіознаго энтузіазма, но лишеннымъ живой физіономіи. По мнѣнію ихъ, это собственно не живое лицо, а простое олицетвореніе героическаго чувства. Требованіе на мелкія, но выразительныя подробности въ характеристикѣ лица, возникло у насъ изъ знакомства съ западными историками, которые черпаютъ матеріялъ для яркой обрисовки характеровъ въ богатомъ запасѣ записокъ, переписокъ, современныхъ памятниковъ, дипломатическихъ, полемическихъ и

всякаго рода документозъ; но оно въ большей части случаевъ не приложимо къ нашей исторіи. Съ лицами русской исторія чаще всего остается дѣлать одно изъ двухъ: или сохранять физіономію, сложившуюся въ теченіи времени и знакомую всѣмъ, или цѣликомъ выдумывать ее. Къ такимъ лицамъ принадлежитъ, кромѣ многихъ другихъ, и Мининъ. Свойство нашихъ историческихъ документовъ таково, что они даютъ величавый очеркъ фигуры, способный оживиться подъ кистью истиннаго художника, но матеріяловъ для подробнаго психическаго анализа не представляютъ. Попытки примѣнить къ нашимъ историческимъ образамъ манеру западныхъ историковъ, пользуясь скудными намеками, кое-гдѣ встрѣчающимися въ документахъ, всегда будутъ имѣть видъ ученой забавы. Нѣтъ никакой возможности снять портретъ съ многихъ героическихъ лицъ древней Руси, а еще менѣе поддаются они покушеніямъ снять съ нихъ фотографическія карточки, а этого собственно, кажется, и жаждутъ нѣкоторые ревнители *жизненности.* Авторъ *Минина* обнаружилъ вѣрное пониманіе задачи, когда сохранилъ Минину его эпическую физіономію, добавивъ ее только тѣми чертами, которыя составляютъ ея же естественную принадлежность. Онъ создалъ образъ, послѣ котораго возможенъ только одинъ вопросъ: въ какой степени соотвѣтствуетъ это созданіе историческимъ свидѣтельствамъ и народному представленію. Въ этомъ все дѣло.

Мы упомянули также о народныхъ совѣщаніяхъ. Удивительно, что критики г. Островскаго не обратили вниманія на эти, по истинѣ, превосходные *morceaux d'ensemble* (да простятъ намъ читатели этотъ музыкальный терминъ!), гдѣ народъ является въ разные моменты, однимъ живымъ, дѣйствующимъ лицомъ, всегда вѣрнымъ себѣ, но выражающимъ себя тысячью голосовъ и мнѣній. Это многосложное на лицо испытываетъ въ піесѣ г. Островскаго, на глазахъ нашихъ, нѣсколько превращеній, обнаруживающихъ его правственную природу. Въ первой сценѣ совѣщанія (II дѣйствіе, явленіе III) оно входитъ въ чистую свѣтлицу вдовы Мареы Борисовны подъ видомъ трехъ вождей народнаго возстанія, которые чинно занимаютъ мѣста, согласно правиламъ установленнаго общежитія, и начинаютъ бесѣду простою формой вопрошенія для того чтобы придти къ со-

глашенію относительно цѣли, значенія и средствъ подвига: „Москва разорена!.. Такъ ей и оставаться? Москва корень прочимъ городамъ!.. Москва намъ мать!.. А развѣ дѣти могутъ мать покинуть?“ и проч. Во второй сценѣ совѣщанія (III дѣйствіе, явленіе III). То же самое лицо, но уже подъ видомъ шумной, нетерпѣливой толпы, захватываетъ палату воеводы Алябьева, требуетъ у него согласія и заводитъ горячее преніе съ недоброхотами, которые не вѣруютъ въ народныя силы и средства. Разгоряченное споромъ, оно доходитъ до религіозно-патріотическаго энтузіазма, и устами своихъ начетчиковъ начинаетъ выбирать примѣры изъ *Библіи*, гдѣ сильные враги сокрушаются слабыми руками, и завершаетъ доводы свои этими цитатами какъ послѣднимъ и неопровержимымъ словомъ. Наконецъ, въ V дѣйствіи, то же самое лицо является въ домъ Минина, какъ униженный проситель, обезсиленное, потерявшее надежду на себя, но еще сохраняющее мысль о подвигѣ, для осуществленія котораго оно отказывается отъ права располагать собою, отдается въ руки Минину, требующаго этой послѣдней жертвы, и радуется успѣху въ дѣлѣ самоуниженія и самоограниченія, какъ неожиданной побѣдѣ. Мы нисколько не сомнѣваемся, что эти сцены народныхъ совѣщаній, эти хоры, эти morceaux d'ensemble піесы, могутъ дать понятіе о томъ, какого рода интересъ, историческій и поэтическій, можетъ быть достигнутъ хроникой „святаго дѣла“, хотя бы драмы, въ настоящемъ смыслѣ слова, въ ней не оказалось, или хотя бы драма была къ ней пристроена искусственно и произвольно.

Затѣмъ мы можемъ повторить еще разъ, что коренные недостатки произведенія состоятъ въ томъ, что вся его перспектива вполнѣ открывается зрителю съ первыхъ же сценъ, что оно представляетъ сплошь одну лучезарную поверхность, гдѣ почти нѣтъ тѣней или гдѣ тѣни едва-едва намѣчены, что въ немъ дано слишкомъ мало мѣста и значенія элементу противоборствующему, который существовалъ въ то время и существуетъ при каждомъ историческомъ явленіи; что наконецъ краски, которыми очертилъ авторъ отрицательную сторону, могли бы быть поярче; но какая польза изъ всего этого? Вѣдь недостатки эти коренятся въ условіяхъ самого рода драмы избраннаго авторомъ, и, какъ неизбѣжные, почти перестаютъ

быть недостатками. Можно было менѣе подчиниться имъ, но совершенно освободиться отъ нихъ не было возможности. Во всякомъ случаѣ, нельзя не согласиться, что это новое произведеніе г. Островскаго есть первый серіозный опытъ русской *исторической* драмы послѣ *Бориса Годунова* Пушкина. Если бы мы предались критическому увлеченію, то, конечно, должны были бы остановиться преимущественно на лицѣ благочестивой вдовы Мароы Борисовны. Образъ этотъ взятъ авторомъ тоже изъ преданія, но очерченъ гораздо свободнѣе чѣмъ всѣ другіе. Типъ, который мелькаетъ въ лицѣ Мароы Борисовны, прекрасно задуманъ, но какъ намъ кажется, не совсѣмъ твердо и ясно выраженъ. Соединеніе глубокаго, сосредоточеннаго религіознаго чувства съ младенческою ясностью сердца, аскетизма съ веселостью, внутренней суровости съ добродушными и уклончивыми пріемами, требовало бы большей обработки, какъ ни превосходны намеки, брошенные авторомъ относительно психической глубины этого характера. Намековъ тутъ недостаточно. Читатель все-таки остается въ недоумѣніи передъ изображеніемъ, чувствуя, что противуположности, которыя оно въ себѣ заключаетъ и которыми оно отличается отъ другихъ, могутъ быть примирены, но не видя этого примиренія на дѣлѣ. А какъ опасно предоставлять самой публикѣ трудъ довершенія образа, видимъ мы изъ того, что Мароа Борисовна принята были многими за типъ набожной кокетки!

Объяснить подобнаго рода недоразумѣнія и войдти въ разборъ отдѣльныхъ частей произведенія было бы задачей полнаго отчета о драмѣ, котораго мы не имѣли въ виду. Цѣлью нашею было только указать настоящій смыслъ *Минина*, не всѣми признаннаго, и отдать справедливость серіозному и добросовѣстному поэтическому труду, предпринятому въ то время, когда на подобные труды общество наше смотритъ какъ на дѣло до него не касающееся, не понимая того, что такого рода произведенія могутъ въ свою очередь служить могущественнѣйшими двигателями общественнаго развитія.

П. АННЕНКОВЪ.

Іюнь. 1862 г.

КЪ МАТЕРІЯЛАМЪ

ДЛЯ ИСТОРІИ

РАСКОЛЬНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Книга Александра Б. *Описаніе раскольническихъ рукописей*, года два тому назадъ изданная, познакомила публику съ нѣсколькими раскольническими сочиненіями, преимущественно съ тѣми, которыя принадлежатъ первымъ расколоучителямъ. Помѣщенное затѣмъ въ *Библіографическихъ Запискахъ* извлеченіе изъ библіографическаго словаря Павла Любопытнаго дополнило во многомъ скудные свѣдѣнія, сообщаемыя г. Александромъ Б. Но ни та ни другая книга далеко не исчерпываетъ всего богатства раскольнической литературы. Въ особенности бѣдны мы свѣдѣніями о раскольнической литтературѣ позднѣйшей, то-есть принадлежащей къ настоящему столѣтію, или даже ко второй его четверти. Одно изъ такихъ сочиненій попалось намъ въ руки, и мы считаемъ не лишнимъ передать его содержаніе.

Сочиненіе о которомъ идетъ рѣчь, носитъ слѣдующее заглавіе: *Истинный и неложный путь ко спасенію. Кромѣ сего нигдѣ ты не обрящеши, отъ мене грѣшнаго больше сего ничего не пытай. Паче бо сего искать не могу.* Оно было въ

1837 году представлено извѣстному поборнику противъ раскола, саратовскому епископу Іакову, единовѣрческимъ монахомъ Мельхиседекомъ Якубовскимъ. Надпись, сдѣланная Якубовскимъ, объясняетъ отчасти, кто былъ сочинитель этой книги и когда она написана: „списокъ изъ книги вновь сочиненной саратовскимъ лжеучителемъ или проповѣдникомъ мѣщаниномъ Тимофѣемъ Васильевымъ Бондаревымъ, еще нынѣ здравствующимъ въ приклопполѣтіи, самокрещенаго (отчаяннаго во спасеніи) согласія, представленный мной 1837 года мая 16 дня.“ Кто былъ этотъ Тимоѳей Бондаревъ и по какому ближайшему поводу написана его книга, къ сожалѣнію мы не имѣемъ свѣдѣній. Но это и не такъ важно; важно собственно самое содержаніе книги.

Секта самокрещенцевъ, представителемъ которой является Бондаревъ, характеризуется въ извѣстной книгѣ Ѳеофилакта Лопатинскаго слѣдующими словами: „ересь самокрещенцы — отъ простаго мужика Романа Даниловца. Училъ онъ народы россійскіе крещеныхъ перекрещивати. впадше въ воду, крещается рабъ Божій и прочее. И таковой ради причины, что-де въ нынѣшнихъ временѣхъ всѣ отступили отъ православія, какъ отъ поповъ, такъ и отъ чернцовъ и отъ простыхъ мужиковъ, не дѣйствуетъ благодать святаго духа, и крестятся дважды и трижды.“ Новѣйшій историкъ раскола, епископъ Макарій, въ своей исторіи относя эту секту къ мелкимъ, готовымъ исчезнуть, отзывается о ней подобнымъ же образомъ: „самокрещенцы не довольствуются не только православнымъ крещеніемъ, но и перекрещиваніемъ безпоповцевъ, какъ скверныхъ, и сами крестятся въ рѣкахъ или источникахъ“. Изъ этихъ отзывовъ можно судить, что самокрещенцы представляютъ одну изъ самыхъ крайнихъ ступеней, до которой дошелъ расколъ въ своемъ развитіи. Мысли излагаемыя въ *Истинномъ и неложномъ пути* дѣйствительно подтверждаютъ такое заключеніе.

Взглядъ Бондарева вообще тотъ же самый, какой свойственъ всѣмъ безпоповцамъ: „антихристъ царствуетъ въ мірѣ“; но послѣдователь самокрещенаго согласія проводитъ это положеніе до крайней степени пессимизма, не останавливаясь логическими послѣдствіями, какія должны вытекать отсюда для жизни.

Предварительно, по мнѣнію Бондарева, антихристъ воцарился въ лицѣ римскаго папы; въ немъ осуществились всѣ свойства, приписываемыя антихристу Св. Писаніемъ и ученіемъ св. отцовъ. „Папа," говоритъ *Истинный и неложный путь*, „превознесеся гордостію надъ всѣми, и воспріялъ на себя власть не только царскую и святительскую, но и Божію: вкупѣ царь и святитель и еще Богъ наречеся. Онъ паки всѣхъ до единаго судитъ и судити имать, его же самого никто же отъ земнородныхъ судити можетъ. Онъ паки и такое странное и неслыханное имѣлъ мудрованіе, яко не то что на земли, но и на небеси власть имать, и никто же безъ его ходатайства въ число святыхъ принять быти можетъ. И онъ единъ властенъ на земли и на небеси чины раздавати: онъ въ нѣдрахъ своихъ Святаго Духа имать. И паки изъ числа земнородныхъ никто же безъ грѣха: онъ же единъ ни согрѣшити когда, ни прельститися можетъ."

Высказавъ это замѣчаніе о характерѣ папства, замѣчаніе, котораго нельзя не назвать остроумнымъ, Бондаревъ пытается разъяснить, какимъ образомъ изъ Рима царство антихристово распространилось по всему міру. На востокѣ, антихристъ воцарился современи завоеванія магометанъ, а на Руси современи Никона. Здѣсь Бондарева останавливаетъ нѣсколько мысль, что, по преданію, предъ пришествіемъ антихриста, должны явиться Енохъ и Илія: но не задумывается принять это явленіе въ духовномъ смыслѣ, то-есть какъ явленіе духа и ревности Иліиной. Этотъ духъ и ревность Иліи, по Бондареву, открылись именно въ первыхъ расколоучителяхъ. „О коль многихъ, восклицаетъ онъ, замѣчаю равныхъ и подобныхъ тѣмъ пророкамъ, во время проклятаго Никона бывшихъ и всеревностне того Никона злобу обличающихъ, коимъ неоднократно и языки были рѣзаны, но отъ Бога паки языки тѣмъ даны быша, также руцѣ отсѣчены быша, но и руцѣ паки тѣмъ израстоша!"

Признавая царство антихристово не только наступившимъ, но и всюду распространеннымъ, Бондаревъ обвиняетъ въ служеніи этому царству не однихъ „никоніанъ", но и самихъ раскольниковъ, именно поповщинцевъ, которые, по выраженію его, суть дѣти той же матери. Дѣйствительно, несмотря на то, что всѣ раскольники, какъ извѣстно изъ исторіи, шли отъ мысли о воцареніи антихриста, поповщина

является среди нихъ такою сектою, которая въ развитіи этого ученія остановилась на полдорогѣ. Съ точки зрѣнія другихъ, болѣе рѣшительныхъ раскольниковъ, поповщина, уже тѣмъ самымъ помирилась съ „царствомъ антихриста“, и помирилась на самомъ унизительномъ для себя условіи, что согласилась отъ никоніанъ принимать къ себѣ бѣглыхъ поповъ. Понятно, что этотъ родъ доктринерства, эта сдѣлка, жестоко порицается болѣе рѣшительными раскольниками, и не избѣгаетъ обвиненій въ служеніи антихристу. Изъ самыхъ безпоповщинцевъ, нѣкоторыя секты, какъ-то поморцы и близкая къ нимъ ѳеодосѣевщина, хотя не принимаютъ къ себѣ поповъ рукоположенныхъ іерархіей, но не могутъ однако отрѣшиться отъ необходимости имѣть своего рода поповъ, хотя бы и называемыхъ просто „старцами“. Но раскольникъ-радикалъ, каковъ самокрещенецъ, не можетъ помириться и съ этимъ. Самокрещенство именно и составляетъ попытку послѣдовательнѣе разрѣшить задачу: какъ можно остаться православнымъ христіяниномъ, обойдтись совершенно безъ іерархіи, и даже безъ всякаго вида ея?

Въ первыя времена раскола, задача эта рѣшилась у нѣкоторыхъ ученіемъ объ обязанности самосожженія. Послѣдователи этого ученія съ героизмомъ шли на костеръ, ради того чтобы не оскверниться прикосновеніемъ къ міру, зараженному скверною антихриста. Примѣровъ этому особенно много было въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія; но слѣды этого изувѣрства встрѣчаются и позже, даже во второй четверти настоящаго столѣтія. Въ 1827 году, напримѣръ, въ Саратовской губерніи, въ селѣ Копенахъ, приложено было къ практикѣ то же самое вѣрованіе съ нѣкоторымъ только измѣненіемъ формы: ужасное самосожигательстно было замѣнено еще болѣе ужаснымъ свободнымъ убійствомъ. Нѣкто раскольникъ, Иванъ Юшкинъ, уговорилъ шестьдесятъ своихъ единовѣрцевъ рѣшиться на добровольную смерть, и вызвался собственноручно препроводить ихъ въ царство небесное. Тѣ рѣшились, одинъ за другимъ клали головы на плаху, а Юшкинъ хладнокровно наносилъ имъ смертные удары. Такъ погибли тридцать пять человѣкъ и погибли бы всѣ шестьдесятъ, еслибъ одна женщина не ужаснулась кроваваго зрѣлища и не ударила въ набатъ.

Къ числу этихъ рѣшительныхъ раскольниковъ принад-

лежатъ и самокрещенцы, но они не заходятъ такъ далеко, и выискиваютъ другое менѣе трагическое средство сохранить свою послѣдовательность. Они ограничиваются тѣмъ, что не принимаютъ не только никакой іерархіи, но, такъ сказать, и никакой тѣни ея, не соглашаясь даже при самомъ крещеніи пользоваться постороннимъ посредничествомъ, такъ какъ всякое посредничество, чье бы оно ни было, уже напоминало бы собою іерархію. Не можемъ утвердительно сказать, составляютъ ли самокрещенцы особенную секту въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, то-есть совершенно отдѣльный и замкнутый кругъ. Едва ли; скорѣе можно думать, что это есть крайнее *направленіе*, прорывающееся по временамъ, въ томъ или другомъ послѣдователѣ той или другой безпоповщинской секты. Не знаемъ также, самокрещенцамъ ли собственно принадлежитъ пѣснь, текстъ которой слѣдуетъ ниже; но эта пѣснь хорошо характеризуетъ это направленіе полнаго церковнаго разобщенія. Вотъ она:

Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ,
Съ попами, дьяками хлѣбъ-соли не водитъ,
Къ Богу съ покаяньемъ часто прибѣгаетъ,
Къ слезной молитвѣ всякъ день прилегаетъ,
Стой-ка съ покаяньемъ предъ Св. Спасомъ:
Обрадованъ будешь архангельскимъ гласомъ.
Лягъ-ка съ рабой Божьей, съ Христовой любовью.
Причаститъ тебя Ангелъ христовою кровью.
Кайся-ка поутру, встань-ка въ умиленьи:
Получишь отъ Спаса Петрово крещенье.
Кайся съ воздыханьемъ, запершися въ клети:
Избавленъ ты будешь діавольской сѣти.
Самъ Спасъ исповѣдникъ, самъ Спасъ и причастникъ;
Въ Христовой любви праздникомъ есть праздникъ.

Нельзя не видѣть здѣсь стремленіе къ рѣшительному разрыву связи съ формами жизни, которыя сдѣлались формами жизни „слугъ антихриста“, со всякою іерархіею и со всякимъ напоминаніемъ объ іерархіи. Покаяніе, причащеніе, бракъ, крещеніе, словомъ, всѣ таинства этою пѣснію отвергаются, и на мѣсто ихъ предлагается, какъ исключительно достойная христіянина практика для нашего времени: жизнь самоуглубленная, уединенная, мистическая, созерцательная и въ то же время эгоистически разнузданная (въ особенности относительно брачнаго союза).

Этотъ-то образъ, сосредоточенно-представленный въ пѣснѣ, болѣе подробнымъ образомъ раскрываетъ Бондаревъ въ своей книгѣ. Всѣ его разсужденія направлены къ объясненію, что можно совершенно обойдтись безъ видимой церкви. „Аще право вѣруеши, говоритъ Бондаревъ, и со всякою истиною къ Создателю твоему прибѣгнеши: то аще гдѣ-либо прилучится, вездѣ и на всякомъ мѣстѣ можеши поставити жертвенникъ: жертва бо Господу Богу—духъ сокрушенъ; сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ... Святая, соборная православная церковь—не стѣны и покровъ, но вѣра православная, правое исповѣданіе, по благочестіи подвигъ. Таковыя-то святыя церкви сынъ есмь. Въ такой церкви есть православные законы, святыхъ апостоловъ и святыхъ богоносныхъ отецъ истинное и непревратное ученіе и наказаніе, слежащее въ святыхъ и нерастлѣнныхъ книгахъ. Якоже въ видимой и вещественной церкви имѣется содержатель и украситель тоя, православный епископъ, яко Христовъ намѣстникъ: въ сей же нашей духовной церкви начальникъ и украситель самъ той первоначальный пастырь, Творецъ и Владыка, архіерей вѣчный... Таковаго архіерея имуще, не требуемъ видимой и вещественной церкви потому наипаче, понеже бо въ видимой и вещественной церкви многія видимыя и чувственныя вещи имѣются: равно же подобно тому и въ нашей духовной церкви таковыя же и чувственныя вещи состоятъ, какъ-то святыя иконы и книги: *безъ тѣхъ бо и сія наша церковь ни пасти, ни состоятися не можетъ.*“ Въ этихъ послѣднихъ словахъ нельзя не замѣтить непослѣдовательности, и они объясняются очень просто. Къ разсужденіямъ о ненадобности іерархіи, и вслѣдъ за тѣмъ о ненадобности видимыхъ таинствъ, привела раскольника *невозможность* достать себѣ правильно поставленную іерархію. Но относительно иконъ этой невозможности раскольникъ не испытываетъ: онъ можетъ достать ихъ, и вотъ онъ измѣняетъ на этотъ разъ своей идеи о невидимой церкви. „Въ видимой, продолжаетъ Бондаревъ, паки и вещественной церкви, есть стѣны и покровъ: въ нашей же духовной церкви—правая и непорочная вѣра, и православные законы, и о истинномъ благочестіи труды и подвиги.“ Къ церкви—невидимой Бондаревъ относитъ и обѣтованіе Спасителя о вѣчности существованія церкви: „видимая и

вещественная церковь созидается смертныхъ и тлѣнныхъ человѣкъ руками: наша же духовная созидается самимъ Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ. Видимая и вещественная церковь подлежитъ тлѣнію, лѣтами старѣетъ и временемъ обетшаваетъ: наша же духовная всего того превыше есть.“

Эти положенія о невидимой или, какъ онъ еще называетъ, *разумной* церкви, Бондаревъ раскрываетъ и доказываетъ довольно подробно въ шести отвѣтахъ. Мы не будемъ передавать эти подробности, но приведемъ самые вопросы, на которые отвѣчаетъ Бондаревъ, и по которымъ можно отчасти угадывать самые отвѣты, даваемые имъ сообразно основному взгляду. Вопросы эти слѣдующіе: 1) Которыя церкви сынъ есмь? 2) Что̀ есть соборная, апостольская церковь? 3) Имѣется ли таковая церковь нынѣ? 4) Аще ли таковая нынѣ церковь имѣется, то мы въ ней ли крещены? 5) Аще ли не имѣется въ нынѣшнее время видимыя и вещественныя церкви, то покажи о томъ отъ Писанія. 6) Которыя церкви сынъ есмь, видимыя или разумныя?

Въ отвѣтахъ на эти вопросы, Бондаревъ раскрываетъ собственно только идею церкви. Далѣе онъ разсуждаетъ уже о составныхъ частяхъ и принадлежностяхъ церкви. Понятно къ какимъ результатамъ пришелъ онъ и здѣсь. На вопросъ: „св. видимыя тайны и священства нынѣ имѣются ли, или не имѣются, такъ же и вся служба, и всѣ церемоніи, и догматы?“—отвѣчаетъ: „всякой вещи время есть свое. Аще ли Всепремудрый Создатель нашъ годичное время раздѣли на четыре времени: есть весна, есть лѣто, есть осень и зима; не тожде ли самое и о духовныхъ помыслити имамы?.. Было время весны и сѣянія, въ неже сѣяше самъ Христосъ Спаситель нашъ и святіи того ученицы и апостоли и вси святіи богоносніи отцы, иже на седьми вселенскихъ и на девяти помѣстныхъ соборѣхъ сошедшіеся. По сѣяніи же томъ найде тлетворная осень, наступи уже и вихреломательная зима: видимъ же яко и градныя груды умножишася, и снѣгъ глубокій покры всю землю... Въ нынѣшнее лукавое время, во всей поднебесной при видимыхъ людехъ и вещахъ, кромѣ единаго, безсмертнаго Владыки Спаса Христа, нигдѣ на земли, ни подъ землею не проповѣдуется ни спасенія, ни жизни вѣчныя,

Если кто изъ числа земнородныхъ съ правою вѣрою, и съ чистою совѣстію, и нераздвоенною мыслію, и съ теплымъ усердіемъ, призоветъ Христа Господа, и присвоитъ Того къ себѣ житіемъ непорочнымъ: тогда той устроитъ самъ себѣ жилищемъ, и покоищемъ, и церковію, Бога Вышняго. И тогда Господь нашъ Іисусъ Христосъ, яко неразлученъ сый съ Отцемъ и Духомъ Святымъ, вселится въ онь и никакоже разлучится отъ таковаго. И паки въ душѣ вѣрнаго по неразлучному пребыванію, яко архіерей вѣчныхъ, совершитъ свое таинство; идѣже бо архіерей безсмертный вселится, тамо могутъ быть и священство, и служба, и вся церемонія, и догматы.“ Послѣднее положеніе напоминаетъ ученіе квакеровъ и другихъ духовныхъ сектъ запада, а также и нашихъ духоборцевъ и молоканъ.

Въ доказательство противъ видимости церковной, Бондаревъ приводитъ, по обычаю, мѣсто Св. Писанія и сочиненій отеческихъ. Но мы не имѣемъ возможности останавливаться на этихъ подробностяхъ. Мы приведемъ только его взглядъ на исторію религіи, напоминающій собою западный раціонализмъ. Онъ выходитъ изъ положенія, что все въ мірѣ старѣетъ, ветшаетъ, и изъ отжившаго раждается новое, которое въ свою очередь также старѣетъ и смѣняется новымъ. Это положеніе онъ примѣняетъ ко „многимъ законамъ“, которые были даны роду человѣческому Богомъ. Законы эти: 1) Адаму, 2) Ною, 3) Аврааму, 4) Моисею, 5) Аарону, 6) Соломону, 7) евангельскій,—всѣ даны для вѣчнаго исполненія „до вѣка“. „Всѣ законы оные, говоритъ Бондаревъ, даны бяше не на время нѣкое урочное и опредѣленное, но въ завѣтъ вѣчный: но судьбами Божіими вся измѣнишася, и шесть оные законы никтоже хранитъ: и такое оныхъ нехраненіе Господу Богу непротивно. Седьмый же и послѣдній евангельскій законъ, аще и хранитися имать до самого славнаго втораго на землѣ Христова пришествія; однакожь не такимъ образомъ, какъ ты и всѣ тебѣ равные и подобные разумѣете и мыслите, и никакъ не видимо, нечувственно, но духовно и мысленно, не въ самомъ дѣлѣ и въ видѣ всѣмъ и каждому, но въ правой мысли и истинной проповѣди точію.“

Понятно, что строго слѣдуя основной своей мысли, Бондаревъ порицаетъ внѣшнюю сторону не только въ церкви, но и въ самыхъ раскольническихъ сектахъ, которыя допу-

скаютъ старчество и наставниковъ. Вотъ какъ Бондыревъ относится ко всѣмъ саратовскимъ раскольникамъ: „азъ многогрѣшный всѣхъ тѣхъ до единаго, сколько бы ихъ въ здѣшнемъ градѣ ни было, вопервыхъ отъ святыя соборныя и апостольскія церкви, а потомъ и отъ истиннаго разума отступниками нарицаю. Понеже бо кійждо отъ нихъ своимъ самовольствомъ мнятся учители быти. Едини не пребываютъ, не внимающе своему спасенію: но собираютъ стада, читаютъ книги и толкуютъ несогласно, и едино слово раздираютъ наразно, кійждо на свой разумъ превращаетъ. А посему, по писанію преподобнаго Никона Черногорскаго, могутъ нарещися еретики-разумоборцы. И таковыми разными пути ходяще, овъ заразился больше, иный же меньше, инъ бо можетъ нарещися еретикъ, инъ же раскольникъ, а иный подцерковникъ, а иный по невѣдѣнію заблудникъ.“ Дальше на вопросъ: „чесо ради мы съ таковыми обще не стоимъ?“ Бондаревъ отвѣчаетъ: „они насъ гнушаются, что мы ихъ гнушаемся отцами и не ходимъ къ нимъ на покаяніе: а мы ихъ гнушаемся за восхищеніе не данныя имъ власти. Еще же и то реку ти: понеже бо они нарицаются по именамъ учителей своихъ новыхъ: инъ бо именуется поморянинъ, инъ же ѳеодосѣевъ, инъ филипповъ, а иный балчужный [1]; слѣдовательно они и сами могутъ сказати о себѣ признательно: что они на страшномъ судѣ станутъ съ тѣми своими учительми. Отъ самаго же Спаса Христа отступили самовольно, и разными ересьми заразились и между собою несогласны.“

Въ томъ же родѣ его отношеніе ко всему поморскому толку. Здѣсь Бондыревъ порицаетъ какъ духъ гордости, проявившійся въ незаконномъ присвоеніи права учительства, такъ и всю внѣшнюю организацію этого толка. „Первая главнѣйшая вина поморскаго монастыря есть такая: что оная обитель превозноситъ себя паче Ливана, и вос-

---

[1] Сколько намъ извѣстно, не было еще нигдѣ напечатано о раскольническомъ толкѣ Балчужнаго. Подъ знаменемъ Балчужнаго, въ Саратовѣ, были извѣстны лютые противники браковъ и чтители „Галилейской ереси“, то-есть той мысли, что не нужно молиться за царя. О самомъ Балчужномъ есть свѣдѣнія въ книгѣ Павла Любопытнаго.

хищаетъ власть главнаго архипастыря Христа... И что всего важнѣе, яко составляютъ книги и разсылаютъ по всѣмъ странамъ: въ коихъ попущаютъ всякому простому и непосвященному всякое таинство творити и совершати... Паки же посылаютъ отъ себя во вся грады и страны пастырей и учителей подъ образомъ истинныхъ учителей и проповѣдниковъ, съ таковымъ точно законопреступнымъ наставленіемъ: двоечастный крестъ нарицати хульнѣ мерзостію, запустѣніемъ, идоломъ, печатію антихристовою, крыжемъ латинскимъ... [1] Паки же соборне собираются на молитву и пѣніемъ тщеславятся... Вмѣсто того, чтобы всякому прибѣгати къ Господу Творцу своему и Спасителю, и отъ Того единаго помощи и заступленія просити, они мужеска и женска половъ безчисленно отъ Того отводяще подъ свою паству привлекаютъ и начальство Христово себѣ восхищаютъ. Таковая же толикая гордость и возношеніе не только во единой Поморской обители, но и во всѣхъ перекрещиванцахъ, ихъ же и кромѣ тоя обители множество. Овыя бо изъ нихъ нарицаются поморскія, овыя бо филипповы" и т. д.

То же отрицаніе внѣшности у Бондарева видно и въ рѣшеніи вопросовъ о предметахъ ежедневной религіозной практики. На вопросъ: „въ нынѣшнее время можно ли имѣть въ домѣ моленіе по церковному положенію?" онъ отвѣчаетъ: „на кого бо призрю, глаголетъ Господь, но на кроткаго и смиреннаго и трепещущаго словесъ моихъ. Вѣси бо, предобрый вопросителю, яко разбойникъ и мытарь не во многихъ словесѣхъ спасошася и услышани быша. А посему-то весьма добро и похвально вельми всѣмъ и каждому сихъ разбойника и мытаря подражати. О гласномъ же пѣніи пишется во святомъ писаніи (?), яко многихъ до дна адова сведе; и посему хотящіи спастися и безъ пѣнія спа-

---

[1] Просимъ обратить вниманіе на этотъ фактъ: раскольникъ рѣшается жертвовать однимъ изъ самыхъ важныхъ раскольническихъ догматовъ, для того чтобы поддержать идею выработанную изъ самого же этого догмата. Бондаревъ не хочетъ ругать, и другихъ порицаетъ за ругаліе, двоечастнаго креста: а между тѣмъ къ мысли о невидимой ереси безпоповщина между прочимъ изъ непріязненнаго отношенія къ двоечастному кресту.

сутся“. На вопросъ: „во время великаго моленія можно ли святыя иконы кадить крестообразно или не можно?“ онъ отвѣчаетъ: „Богъ не маханіе наше смотритъ, но усердію внимаетъ и теплотѣ сердечной... Сія жертва паче всякаго пѣнія, паче службы и паче бдѣнія и всенощнаго стоянія можетъ умилостивити Господа Бога и грѣхамъ нашимъ прощеніе даровати.“ Мы знаемъ, что у раскольниковъ имѣетъ большое значеніе исповѣдь у простыхъ старцевъ, вмѣсто священниковъ. Бондаревъ жестоко порицаетъ это: людей присваивающихъ себѣ право надъ совѣстію другаго онъ называетъ „дерзкими, скаредными, сумазбродными нахалами“, а обращающихся къ нимъ называетъ „лѣнивыми и нерадивыми“. Право надъ нашею совѣстію, по Бондыреву, имѣетъ Богъ: „Богъ намъ прибѣжище и сила и помощникъ въ скорбѣхъ. Къ Тому и ты прибѣгай, возлюбленне, кался и плача, покайся любимче мой и не тужи... Покажемъ грѣхи наша не поношающему, не зазирающему Владыцѣ нашему, но паче милующу и цѣлящу... Не точію бо грамотные, но и безграмотные и невѣжды сущіе: нѣсть бо никаковыхъ мудрости сказать таковое слово со смиреніемъ: Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному; Боже очисти грѣхи моя“ и пр. „Ибо Господь смотритъ на нашу внутренность, слушаетъ и внимаетъ нашему усердію... Всякъ спасаяй, *да спасетъ свою душу*: кто же болѣе потрудится, тотъ и спасется, и кійждо отъ своихъ дѣлъ или прославится, или постыдится, и кто что̀ посѣетъ, то самое и жати имать.“

Религіозныя начала, высказанныя въ предшествующихъ разсужденіяхъ, Бондаревъ прилагаетъ и къ общественнымъ отношеніямъ. Здѣсь, какъ и нужно было ожидать, онъ отличается особенною нетерпимостію: всякое сближеніе не только съ иностранцемъ, но даже съ Русскимъ, который живетъ по другимъ началамъ, считается за оскверненіе. Мысль о воцареніи антихриста во всемъ и во всѣхъ потребовала ученія объ обязанности совершеннаго сосредоточенія въ себѣ, съ исключеніемъ всего посторонняго. Отъ этой исключительности Бондаревъ не отрѣшается и при взглядѣ на государственную власть.

Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ нравственное начало, однако, у Бондарева беретъ перевѣсъ надъ исключительно-

стію. Во исполненіе заповѣди апостола: молитеся другъ за друга, да исцѣлѣете, и *за любовь естественную* (какъ онъ выражается), онъ совѣтуетъ молиться за всѣхъ, впрочемъ „точію о единомъ обращеніи, да обратитъ Господь Богъ всѣхъ и каждаго въ истинную и православную вѣру, да укротитъ же брани и свары и всякое междуусобіе, и да будемъ вси едино стадо, имуще единаго пастыря и правителя Христа Бога.“ Эта уступка естественной любви—добрый признакъ.

К. КУСТОДІЕВЪ.

НОВЫЕ ПОДВИГИ

НАШИХЪ

ЛОНДОНСКИХЪ АГИТАТОРОВЪ.[1]

Лондонскимъ пропагандистамъ нуженъ въ Россіи кругъ читателей. Какое же удовольствіе, въ самомъ дѣлѣ, актеру играть передъ пустымъ партеромъ, профессору читать лекціи четыремъ стѣнамъ, публицисту писать и печатать малочитаемые листы? Лондонскимъ агитаторамъ нужны читатели; этого мало — имъ нужны люди, которые бы отверстою душою приняли ихъ ученіе; имъ нужны наконецъ такіе люди, которые бы, сдѣлавшись ихъ учениками, сами сдѣлались фанатиками и проповѣдывали бы соціализмъ массамъ, а для бо́льшаго успѣха пропаганды обладали бы болѣе или менѣе значительными матеріяльными средствами. Слыхали они про русскихъ раскольниковъ, слыхали, что

---

[1] Мы еще не имѣли случая видѣть тѣхъ новыхъ листковъ, о которыхъ пишетъ авторъ этой замѣтки, но очень благодарны ему за это сообщеніе. *Ред.*

у нихъ много денегъ, доходили до нихъ слухи о милліонныхъ капиталахъ на Преображенскомъ и Рогожскомъ кладбищахъ, о томъ что лѣтъ пятнадцать тому назадъ раскольники употребили огромныя деньги на исканіе архіерейства на Востокѣ и на водвореніе своей митрополіи въ Бѣлой Криницѣ. Слыхали они, что между раскольничьими наставниками, уставщиками, большаками, нерѣдко бываютъ люди обладающіе сильнымъ даромъ убѣжденія, словомъ и дѣломъ неотразимо дѣйствующіе на народныя массы. Слыхали они все это, хотя и не совсѣмъ ясно понимали дѣло. Тѣмъ не менѣе они задумали, для обращенія раскольниковъ въ приверженцевъ соціализма и матеріализма, въ распространителей ихъ ученія, издавать для нихъ особый печатный органъ подъ названіемъ *Общее Вѣче*. Съ 15 іюля нынѣшняго года листокъ *Общаго Вѣча* раздается при *Колоколѣ*, въ видѣ добавочныхъ листковъ, непостоянно, а по мѣрѣ накопленія статей. До сихъ поръ вышли три нумера этого изданія.

Расколъ—явленіе въ русской жизни, доселѣ еще далеко неизслѣдованное, несмотря на увѣренія этихъ господъ, наивно утверждающихъ будто по изслѣдованіямъ о расколѣ въ послѣднее время создана цѣлая *новая наука*. Раскольники живутъ очень замкнуто; изучить домашній ихъ бытъ, ихъ взаимныя отношенія чрезвычайно трудно для всякаго не принадлещаго къ ихъ согласію. Да и въ случаѣ одинаковости мнѣній они со всякимъ незнакомымъ или недавно знакомымъ обращаются крайне осторожно. Что касается до раскольнической литературы, изъ нея можно узнать лишь одну сторону жизни раскольниковъ, сторону религіозную. Не считая себя компетентнымъ знатокомъ этого дѣла, г. Герценъ не взялся лично за редакцію *Общаго Вѣча*, а предоставилъ ее г. Кельсіеву. Г. Огаревъ былъ менѣе разборчивъ и болѣе самонадѣянъ: всѣ три нумера *Общаго Вѣча* изобилуютъ его туманнымъ бредомъ. Въ № I, онъ помѣстилъ *Письмо къ вѣрующимъ всѣхъ старообрядческихъ и иныхъ согласій и сынамъ господствующей церкви*, читая которое, не знаешь чему болѣе удивляться, ослѣпленію ли пензенскаго стихотворца, воображающаго, что его вялое и неудобопонимаемое слово можетъ имѣть на раскольниковъ, и вообще на простонародіе, какое-либо вліяніе, или

тѣмъ до крайности искусственнымъ пріемамъ, которые употребляетъ онъ въ своемъ письмѣ. Мы возвратимся къ этому письму, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о редакторѣ новаго лондонскаго изданія, г. Кельсіевѣ.

Василій Ивановичъ Кельсіевъ, молодой человѣкъ 27 лѣтъ, внукъ священника и сынъ чиновника при с.-петербургскомъ таможенномъ пакгаузѣ, никогда не имѣлъ случая познакомиться съ простонародіемъ лицомъ къ лицу. Десяти лѣтъ, онъ поступилъ въ петербургское коммерческое училище, и пробывъ въ этомъ закрытомъ заведеніи десять лѣтъ, кончилъ курсъ въ 1855 году. По окончаніи курса въ училищѣ, онъ далъ обязательство Россійско-Американской компаніи, на счетъ которой воспитывался, прослужить извѣстное число лѣтъ въ ея колоніяхъ, въ видѣ вознагражеенія за капиталъ потраченный на его воспитаніе. Въ это время, извѣстными трактатами, былъ расширенъ кругъ торговыхъ сношеній нашихъ съ Китаемъ. Россійско-Американская компанія хотѣла воспользоваться этимъ, и г. Кельсіеву предложено было заняться изученіемъ китайскаго и манджурскаго языковъ. Для этого онъ слушалъ въ Петербургскомъ университетѣ лекціи по предмету этихъ языковъ (1855 — 1857). Въ 1857 году отправился онъ въ колонію. Компанейскій корабль, на которомъ ѣхалъ г. Кельсіевъ, остановился въ Плимутѣ. Г. Кельсіевъ совершенно неожиданно сошелъ съ борта, и нарушивъ данное обязательство, объявилъ, что не намѣренъ служить компаніи и остается въ Англіи. Само собою разумѣется, что этимъ онъ затворилъ себѣ двери въ отечество, гдѣ поступокъ его относительно компаніи не остался бы безъ законнаго взысканія. Итакъ онъ сдѣлался выходцемъ—политическимъ,—какъ полагаютъ рьяные поклонники лондонской колоніи *герценствующихъ* соціалистовъ.

Въ Лондонѣ, Кельсіевъ сблизился съ однимъ Евреемъ, и сталъ у него учиться еврейскому закону и языку. Плодомъ этихъ занятій былъ переводъ на русскій языкъ Пятикнижія Моисеева, изданный имъ въ Лондонѣ въ 1860 году. Этотъ переводъ былъ очень хорошо разобранъ въ *Православномъ Обозрѣніи* 1860 года. Цѣль г. Кельсіева, которую онъ поставилъ себѣ при изданіи перевода Библіи, состояла въ томъ, чтобы чтимое сотнями милліо-

новъ людей за неприкосновенную святыню слово Божіе низвести на степень *легкаго и занимательнаго чтенія*, и сдѣлать переводъ, пригодный „для преній и изученія еврейскаго языка". Это — собственныя слова его.[1] Замѣчательно, что нынѣшній старообрядческій журналистъ считаетъ русскій народъ безбожниками и всегдашними отщепенцами отъ Христовой церкви. „Наша *нерелигіозная, атеистическая* натура, говоритъ онъ, мало имѣла общаго съ церковью въ своемъ развитіи?"[2] Чтобы судить о его переводѣ съ христіянской точки зрѣнія, достаточно упомянуть, что онъ всѣ мѣста *Пятикнижія*, издревле признаваемыя церковью за пророчества о пришествіи въ міръ Искупителя, исказилъ въ подражаніе еврейскимъ раввинамъ. Переводъ *Пятикнижія* разошелся въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и потому дальше Второзаконія г. Кельсіевъ и не счелъ возможнымъ продолжать свой переводъ раввинскаго текста Библіи. Онъ обратился къ изданію книгъ раскольническихъ, какъ къ предпріятію болѣе выгодному. Онъ издалъ *Стоглавъ*, но по такому дурному списку и съ такими, не въ обиду будь ему сказано, ученическими промахами, что это изданіе оказалось совершенно ничтожнымъ и въ глазахъ ученыхъ изслѣдователей старинной русской литературы, и въ глазахъ старообрядцевъ. Лондонскій *Стоглавъ* не могъ имѣть значительнаго успѣха уже и потому что въ то же время начато въ Казани редакціею *Православнаго Собесѣдника* превосходное изданіе *Стоглава* по четыремъ сличеннымъ спискамъ — двумъ XVII, одному XVIII и одному XIX вѣка. Еще по лучшимъ спискамъ приготовляется изданіе *Стоглава*, въ Петербургѣ, г. Кожанчиковымъ. Затѣмъ г. Кельсіевъ предпринялъ изданіе *Сборника о раскольникахъ*, котораго до сего времени издалъ три тома, и обѣщаетъ четвертый. Въ этомъ сборникѣ есть дѣйствительно любопытные документы, большею частію записки чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, пока еще у насъ не изданныя, но къ сожалѣнію корреспондентами ли г. Кельсіева, самимъ ли издателемъ, умышленно

---

[1] См. предисловіе къ книгѣ *Второзаконія*.
[2] См. предисловіе къ книгѣ *Бытія*.

ли, по невѣдѣнію ли—испорченные. Эти документы были причиною успѣха Кельсіевскаго сборника. Но что̀ сказалъ недавно *Русскій Вѣстникъ*[1] объ изданныхъ г. Герценомъ историческихъ документахъ, вполнѣ относится и къ издателю *Сборника о расколахъ*, то-есть, что заслуга въ напечатаніи матеріяловъ для исторіи раскола относится не столько къ личности г. Кельсіева, сколько къ условіямъ англійской конституціи. Изданіе въ Россіи матеріаловъ по расколу конечно вскорѣ наложитъ печать молчанія на уста г. Кельсіева, что̀ едва ли будетъ ему пріятно.

Познакомивъ читателей нашихъ съ личностью редактора *Общаго Вѣча* и съ его предшествовавшею дѣятельностью, обращаемся къ лежащимъ передъ нами нумерамъ его газеты. Капитальная и руководствующая статья перваго нумера: письмо г. Огарева, о которомъ мы уже упомянули. Сущность этого письма—проповѣдь соціализма *во имя вѣры* русскаго народа.

Обращаясь къ русскому простонародью, г. Огарѐвъ, съ свойственною писаніямъ его многорѣчивостью, съ свойственною складу его ума сбивчивостью понятій, наборомъ фразъ и неудобопонимаемыхъ реченій, силится доказать, что русскому народу *„для устройства стада человѣческаго“* должно послушаться его призывнаго голоса и разрушить весь государственный и общественный строй, выработанный тысячелѣтнею исторіею. Для этого проповѣдуетъ онъ уничтоженіе духовной и гражданской іерархіи, упраздненіе розни сословной и наконецъ обращеніе всей поземельной собственности на всемъ пространствѣ Россіи въ одно общинное владѣніе. „Вы видите, братья, говоритъ онъ,—что „корень всего зла, корень всей розни сословной, поземельная „собственность. Пока земля не будетъ признана достояніемъ „народнымъ, достояніемъ земства, достояніемъ общимъ—царство любви и правды не возможно. Пророкъ Давидъ говоритъ: „небо небесе господеви, землю же даде сыновомъ человѣческимъ. Да и здравый смыслъ говоритъ, что отнять у кого-нибудь да отдать другому право на воздухъ необходимый для „дыханія, право на воду напоющую, право на землю родящую

---

[1] № 6. Статья издателя: *Замѣтка для издателя Колокола.*

„нужное для пищи и жительства, грѣшно и безсмысленно, и „послѣдствія такого неправеднаго права не могли не быть „ложными и гибельными. Человѣкъ отдѣльно имѣетъ право „на созданіе рукъ своихъ, а то что дано „сыновомъ чело-„вѣческимъ“, на то они имѣютъ право только сообща, брат-„ски разчитываясь, сколько по числу душъ каждому изъ „общаго достоянія приходится. Братья, горе тому изъ васъ, „кто, захватывая себѣ лишнее изъ общаго достоянія, умретъ „не покаявшись и не возвратя земству—земское! Горе тому „изъ васъ, кто имѣя деньги и польстившись на предложеніе „властей, самихъ себя ставящихъ, захочетъ скупить себѣ „одному землю земскую, земское достояніе! Если теперь „изъ васъ люди денежные пойдутъ на скупку помѣщичьихъ „земель, которыя, по правдѣ, слѣдуетъ отдать въ міръ, или „на скупку казенныхъ крестьянскихъ участковъ, которыя, „по правдѣ, достояніе земства, и могутъ быть развѣ только „у земства на срокъ нанимаемы, пока не понадобятся для „выселковъ изъ селъ малоземельныхъ, если изъ васъ денеж-„ные люди пойдутъ на такія покупки, то они создадутъ „новое небывалое сословіе поземельныхъ собственниковъ „разночинцевъ; ихъ захватъ земли потребуетъ себѣ огражденія новымъ неправеднымъ закономъ.“

Изъ какого лагеря идетъ такая проповѣдь? Какъ люди, говорящіе это, сами распорядились своею собственностью? Они продали свои имѣнія, это правда; но роздали ли его нищимъ? Раздѣли ли они пришедшіеся на долю ихъ немалые лишки по-братски, какъ теперь проповѣдуетъ г. Огаревъ? Извѣстно, что г. Огаревъ, которому принадлежатъ выписанныя сейчасъ строки, вывезъ изъ Россіи не мало „лишковъ общаго достоянія“, выручивъ деньги изъ продажи поземельной собственности. Почему же онъ не отдалъ свою собственность міру? Вѣдь вывезенные имъ капиталы „не созданіе рукъ его“, они „не добыты трудомъ его“: зачѣмъ же онъ не „разчитался братски этимъ достояніемъ съ другими, по числу душъ, сколько каждому изъ этого общаго достоянія приходится?“ Зачѣмъ же онъ, прежде всего, не примѣнилъ проповѣдуемаго имъ ученія къ собственному карману? Вѣдь всѣ проповѣдники новыхъ ученій, всѣ законоположники всегда бывали и бываютъ первыми исполнителями своего ученія. Иначе, кто же повѣритъ

имъ? Положимъ, что совѣты, даваемые Огаревымъ въ письмѣ его, были бы и полезны и осуществимы; но не будетъ ли первою мыслью всякаго его слушателя, всякаго читателя: зачѣмъ же онъ, самъ съ толстымъ карманомъ, не совѣтуетъ бѣдному крестьянину увеличивать свою собственность и пріобрѣтать поземельные участки, какъ самые надежные капиталы для благосостоянія его и его семейства? Почему же онъ, не подалъ самъ примѣра тѣхъ правилъ, которыя онъ теперь провѣдуетъ? Нѣтъ, онъ лжетъ о своей вѣрѣ или ради корысти, или ради самолюбія, скажетъ всякій его читатель, всякій слушатель. А кто лжетъ о своей вѣрѣ? На это самъ Огаревъ даетъ положительный отвѣтъ въ томъ же письмѣ: „враги наши, говоритъ онъ, обращаясь къ старообрядцамъ,—настоящіе враги наши, это люди, которые лгутъ о своей вѣрѣ ради корысти или самолюбія, это книжники и фарисеи.“ Самъ себѣ сказалъ приговоръ г. Огаревъ. Если онъ проповѣдуетъ одно, сдѣлавъ совершенно противное, онъ лжетъ о своихъ убѣжденіяхъ и своей вѣрѣ. Ради чего онъ лжетъ, ради ли корысти, ради ли самолюбія—это все равно. А такихъ людей онъ самъ называетъ фарисеями и врагами русскаго народа. Кто же онъ? Насъ, быть-можетъ, упрекнутъ въ томъ, что мы выводимъ на публичную арену дѣло домашнее, дѣло частное, то-есть продажу имѣнія и распоряженія вырученнымъ капиталомъ, и упрекъ былъ бы совершенно справедливъ, еслибъ онъ относился до кого-либо другаго, а не до проповѣдника общности имѣній. Продажа имѣній г. Огаревымъ находится въ тѣсной связи съ его нынѣшнею публичною дѣятельностью. Она доказываетъ лицемѣріе и недобросовѣстность проповѣдника. Онъ такъ рекомендуется старообрядцамъ и вообще простонародью: „мы—выходцы ради свободы человѣческаго слова, добровольные изгнанники, ради того чтобы несвязаннымъ словомъ служить дѣлу общему; мы не перестанемъ *дотолковываться* до правды“. А на повѣрку выходитъ, что все это одно лицемѣріе.

„Вотъ, баринъ, ужо погоди, сказалъ мнѣ сегодня крестьянинъ“, пишетъ г. Небольсинъ въ недавно-изданной имъ книгѣ *Около мужичковъ*: „постой, дай двухъ годковъ дождаться. Какъ уставныя-то грамоты намъ выдадутъ, да какъ

свои то 3 $1/4$ десятины (надѣлъ) я выкуплю въ вѣчность, да какъ *собственникомъ-то* стану, какъ значитъ передѣлки полей нашему брату бояться станетъ ужь нечего, такъ я тѣ шесть поль заведу: меньше гулять земля станетъ.“ [1] То же самое всѣ крестьяне твердятъ въ одинъ голосъ. Всѣ они и спятъ и видятъ только выкупъ надѣловъ въ частную нераздѣльную свою собственность и прекращеніе мірскаго владѣнія землей, ея передѣловъ, и пр. А г. Огаревъ, какъ бы въ отвѣтъ на такія стремленія всего крестьянства, говоритъ: „нѣтъ, не смѣй выкупать своего надѣла въ собственность; по правдѣ, всю землю, пріобрѣтенную у помѣщика ли, у казны ли, надо отдать въ міръ. Горе тебѣ если ты купишь себѣ землю!“

Да пусть въ любой деревнѣ попробуетъ кто-нибудь давать эти премудрые совѣты крестьянамъ, — нахохочутся мужички и скажутъ о проповѣдникѣ, что видно онъ съ ума сошелъ. Много въ нашей литературѣ является въ послѣднее время статей о народномъ житьѣ-бытьѣ и народныхъ нуждахъ и потребностяхъ; встрѣчаются между ними нерѣдко и такія, что читать ихъ — только уши вянутъ. Описываютъ русскій народъ, зная его столько же, какъ и японскій. Но такого незнанія народа, такого невѣжества въ самыхъ простыхъ вещахъ, какія встрѣчаются на каждомъ шагу у г. Огарева въ его „письмѣ“, напечатанномъ въ *Общемъ Вѣчѣ* и вообще въ его зарубежныхъ статьяхъ—и днемъ съ огнемъ поискать. А еще въ Пензенской губерніи въ деревнѣ жилъ! Впрочемъ въ деревнѣ онъ былъ преимущественно занятъ сочиненіемъ стихотвореній...

Но что скажутъ объ *Общемъ Вѣчѣ* и въ особенности о письмѣ Огарева старообрядцы всякихъ статей, для которыхъ преимущественно издается *Общее Вѣче*, и съ которыми лондонская соціалистическая компанія ищетъ сближенія? Думаемъ, что нехорошо скажутъ. Вѣдь нельзя же было предполагать, чтобы не дошли до нихъ слухи о томъ, что за люди къ нимъ обращаются и чѣмъ эти люди прежде заявили себя. Вотъ и узнаютъ они, что эти люди, вывезя изъ Россіи значительныя суммы денегъ и въ довольствѣ

---

[1] *Около мужичковъ.* П. И. Небольсина, стр. 34.

проживая за границей, коварно проповѣдуютъ, чтобы никто изъ крестьянъ не смѣлъ покупать ни пяди земли въ свою собственность, что собственность (кромѣ ихней разумѣется) должна быть общая, и что горе тому, если кто воспользуется хоть малѣйшимъ копѣечнымъ лишкомъ. Нѣтъ, скажутъ старообрядцы, не по Христову слову эти люди поступаютъ. Оно точно, Христосъ заповѣдалъ не стяжать имѣній, но вѣдь онъ же и деньги, вырученныя отъ продажи, велѣлъ раздавать нищимъ, а самъ не имѣлъ мѣста, гдѣ главу преклонить.

Старообрядцы всѣхъ вообще согласій чрезвычайно осторожны и даже до крайности подозрительны въ сношеніяхъ съ новыми для нихъ людьми, особенно, если сношенія эти сколько-нибудь касаются дѣлъ вѣры. Это доказывается и ихъ литературой, и ихъ дѣйствительною жизнью. Новаго человѣка, который говоритъ имъ во имя вѣры, во имя исканія добра и правды, они тщательно испытуютъ „*коего онъ духа человѣкъ*". Не упоминаемъ о внѣшнихъ обрядахъ богопочитанія, которые въ глазахъ старообрядцевъ также дѣло первѣйшей важности при установленіи согласныхъ и искреннихъ отношеній съ кѣмъ бы то ни было. Для того чтобъ узнать *какого духа человѣкъ* навязывающійся имъ въ любовь, они, обыкновенно, прежде всего разбираютъ все его прошлое, все какъ онъ дѣломъ или словомъ когда-либо относился къ вѣрѣ отеческой. Если имъ попадется *Общее Вѣче*, они достанутъ и *Колоколъ* и *Полярную Звѣзду* и *Съ того берега*, и все написанное и напечатанное зарубежными проповѣдниками новаго „устройства стада человѣческаго." На что же они, прежде всего, обратятъ свое вниманіе въ этихъ изданіяхъ? Разумѣется, на то, какъ относятся и относились издатели къ отеческой вѣрѣ и церкви. Что же они увидятъ?

Прочитавъ прежнія изданія людей, обращающихся теперь къ русскому простонародью съ своимъ *Общимъ Вѣчемъ*, старообрядцы вотъ что скажутъ: „эти люди, ушедшіе изъ Россіи, гордости и самолюбія ради, эти люди теперь напрашивающіеся къ намъ въ дружбу, въ прежнихъ своихъ *напечатанныхъ* сочиненіяхъ, ругались надъ церковью Христовою и ея обрядами, смѣялись надъ иконами, поносили святыхъ угодниковъ, кощунствовали надъ таинствами,

искажали Священное Писаніе, примѣняясь къ еврейскому толку, отвергали безсмертіе души, жизнь будущаго вѣка и второе страшное Христово пришествіе, Христа признавали человѣкомъ простымъ, а не Сыномъ Божіимъ „во плоти пришедшимъ", печатали о Немъ, что былъ Онъ казненъ Римлянами за нѣкое преступленіе, а именно за бунтъ противъ Римлянъ, что Онъ не воскресъ и не вознесся, печатали, что апостолъ Павелъ былъ человѣкъ неправды, исказившій и испортившій ученіе Христово, печатно отрицали благодать Божію," и пр. и пр.

И старообрядцы скажутъ правду, ибо дѣйствительно все это проповѣдывалось русскими выходцами, нынѣ въ Лондонѣ пребывающими; ими отрицалось даже самое бытіе Бога. Этого слишкомъ достаточно, чтобы русское простонародье съ негодованіемъ отвергло дружбу и общеніе, которыя предлагаютъ ему эти господа. Стоящіе во главѣ старообрядческихъ согласій, какъ скоро дойдетъ до нихъ *Общее Вѣче*, разберутъ „коего духа" люди, къ нимъ обратившіеся, и, какъ водится, разошлютъ по всѣмъ старообрядческимъ окружнымъ общинамъ посланія, чтобы повсюду знали старовѣры „коего духа" люди навязываются на ихъ дружбу и любовь. Въ Москвѣ это уже сдѣлано тамошними старообрядцами...

Г. Кельсіевъ, начавъ заниматься расколомъ уже въ Лондонѣ, лично старообрядцевъ, разумѣется, не знаетъ, но мы не имѣемъ основанія рѣшительно отвергать, чтобы онъ не зналъ старообрядческой литературы. Взявшись за дѣло, за которое онъ взялся, онъ долженъ былъ предварительно ознакомиться съ нею. А если онъ хотя немного съ этою литературой ознакомился, то безъ сомнѣнія знаетъ *Преніе Трифилія съ Тарасіемъ*, написанное въ Москвѣ въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ этомъ сочиненіи развиваются, между прочимъ, воззрѣнія раскольниковъ на матеріалистовъ и на послѣдователей ученія автора *Contrat social* и другихъ французскихъ мыслителей того времени. Тамъ ученіе ихъ называется *исходящимъ отъ дьявола, антихристовымъ*. Въ этомъ отношеніи взгляды старообрядцевъ и доселѣ неизмѣнны.

Вотъ отзывъ объ *Общемъ Вѣчѣ* одного изъ вліятельнѣйшихъ московскихъ старообрядцевъ:

„У насъ, во всѣхъ согласіяхъ такъ водится, что всякое письмо начинается *по молитвѣ*, но здѣсь и имени Божія ни разу не упомянуто. А это ужь одно подаетъ большую вину для сумнѣнія. Прежде всего восходитъ на умъ такое помышленіе: не писано ли это отъ „духа лестча“, который, извѣстно, не можетъ стерпѣть великаго и страшнаго имени Божія. „Оно не взыдетъ на языкъ его“, потому, что „отецъ лжи, сирѣчь дьяволъ, не можетъ говорить о правдѣ Божіей.“

„Пишущіе *Общее Вѣче* до сего хулили не токмо Святое Писаніе, святыя иконы и святыхъ угодниковъ Божіихъ, но возносили хулу на самого Господа, не исповѣдуя *Іисуса Христа во плоти пришедша*. Это для насъ особенно важно, потому что въ Писаніи сказано, что будутъ лжехристы и лжепророки, и что такихъ лжехристовъ и лжепророковъ всемѣрно должно опасаться христіянину. Примѣты же пророковъ лживыхъ, ясно указанныя апостоломъ и евангелистомъ Іоанномъ Богословомъ, любимѣйшимъ ученикомъ Господа, совершенно и вполнѣ подходятъ къ лукавнующимъ нынѣ лондонскимъ писателямъ. Они, отрицая Троичное Божество, не исповѣдуютъ Іисуса Христа во плоти пришедша. А Іоаннъ Богословъ сказалъ: „*братіе не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи:* мнози лживи пророцы изыдоша въ міръ: о семъ познавайте Духа Божія и духа лестча. Всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша—отъ Бога нѣсть и сей есть—антихристовъ [1].“

„И Ефремъ Сиринъ въ Словѣ о Антихристѣ сказалъ „всяцѣмъ коварствомъ куетъ (антихристъ), да отнюдь имя Господа Спасителя пресвятое и славное не именуется во времена зміева, боящеся и трепеща святыя силы имени Спасова ее говорить не мощны [2].“ Такъ и они въ письмѣ своемъ боятся, трепеща, именовать Спасово имя, которое до того богохульственно поругали.

„А что до раздѣла земли и иныхъ порядковъ, о которыхъ говорятъ они (лондонскіе агитаторы), то чему вѣрить, имъ ли христоборцамъ, или слову Св. Писанія „довольны будете оброки“ и еще: „ему же урокъ—урокъ, ему же честь—честь“?

---

[1] 1 послан. Іоанна, IV. 1—3.

[2] Слово 105 о Антихристѣ, листъ 299.

Таковъ отзывъ о „письмѣ“ Огарева старообрядцевъ, прочитавшихъ его съ крайнимъ негодованіемъ, и разославшихъ уже, какъ мы упомянули, предостереженіе къ своимъ единовѣрцамъ, чтобы они опасались новыхъ проповѣдниковъ. И дѣйствительно, надо быть до крайности ослѣпленнымъ, до неразумія самообольщеннымъ, чтобы надѣяться на какой-либо успѣхъ *Общаго Вѣча* въ средѣ старообрядцевъ и вообще въ средѣ русскаго простонародія. Простаго русскаго человѣка нельзя увлечь фантазіями и утопіями, онъ не оторванъ отъ своей почвы; онъ слишкомъ положителенъ, и здраваго смысла у него несравненно больше чѣмъ воображаютъ лондонскіе агитаторы и ихъ пособники. Русскій народъ лучше ихъ знаетъ „что нужно ему“ и „что надо дѣлать ему“.

Во второмъ нумерѣ *Общаго Вѣча* Огаревъ идетъ дальше. Въ статьѣ „что надо дѣлать народу“, онъ уже *предписываетъ* ему, какъ ему должно устроиться. Проповѣдникъ мнимой свободы, онъ не предоставляетъ никому свободы подумать о собственныхъ дѣлахъ, которыя народъ знаетъ лучше чѣмъ онъ, но прямо говоритъ: дѣлай такъ, а не иначе. Таковы всегда мнимые поборники народнаго блага. Это деспоты, какихъ и въ Азіи не много бывало. Исторія представляетъ много тому примѣровъ, и явленіе, представляемое теперь маленькими лондонскими деспотами, драпирующимися мантіею ложнаго либерализма—не новое явленіе.

Въ третьемъ нумерѣ тотъ же Огаревъ, подъ заглавіемъ: *Гоненія за вѣру*, разбираетъ: *Собраніе постановленій по части раскола*, напечатанное въ Петербургѣ. Статья состоитъ изъ выписокъ изъ этихъ постановленій, и между ними разсужденія Огарева, вполнѣ достойныя ихъ автора. Статья еще не кончена, и потому мы не можемъ говорить о ней обстоятельно.

Въ мелкихъ статьяхъ *Общаго Вѣча* предлагаютъ такія извѣстія, надъ которыми вдоволь нахохочется простонародье, если дойдутъ до него листки г. Кельсіева. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что на Нижегородскую ярмарку нынѣшняго года былъ командированъ генералъ фонъ-деръ-Лауницъ для наблюденія за дѣйствіями мѣстной полиціи на ярмаркѣ и въ приволжскихъ губерніяхъ. Мы знаемъ о дѣйствіяхъ генерала Лауница, знаемъ, что первостатей-

ное русское купечество, а также Армяне и подданные бухарскаго эмира благодарили его адресами за охраненіе порядка на ярмаркѣ. Извѣстно и то, что дѣла нынѣшней ярмарки, вопреки ожиданіямъ, были несравненно лучше чѣмъ въ послѣдніе годы. А г. Кельсіевъ говоритъ, что „нижегородскую ярмарку оцѣпили войскомъ, подъ командою генерала Лауница,“ что „Нижегородская губернія въ самое рабочее и прибыльное время будетъ *раззорена постоемъ*, а торговля на ярмаркѣ *сгнетена военно-полицейскими притѣсненіями*,“ что „ярмарка, на которую сбиралось купечество и крестьянство со всѣхъ концовъ Россіи, гдѣ торговый человѣкъ и рабочій человѣкъ находили дѣло и прибыль,—ярмарка, которая въ этомъ году безденежья и обѣдненія хотя бы сколько-нибудь да поправила торговыя дѣла и поддержала людей, ее-то именно въ этотъ годъ правительство и вздумало *сгубить военною осадой середь мира*.“ Дѣйствительно, на нижегородскую ярмарку и въ нынѣшнемъ году собиралось купечество и крестьянство со всѣхъ концовъ Россіи и во всѣ концы Россіи разнеслась вѣсть, что дѣла торговыя на ярмаркѣ 1862 года шли лучше чѣмъ въ прежніе годы, что съ генераломъ Лауницемъ не то что корпуса, но и роты солдатъ не было, что лишняго постоя въ Нижегородской губерніи не было, что никакого осаднаго положенія не было, что больше всего не поздоровилось на ярмаркѣ ворамъ и мошенникамъ, обыкновенно съѣзжающимся къ Макарью; они дѣйствительно были сгнетены и *бѣжали съ ярмарки* ради самосохраненія, вслѣдствіе чего не было воровства на ярмаркѣ и не слышно было казенной пѣсни [1].

Кому больше повѣритъ русское простонародье: этимъ ли господамъ проживающимъ въ Лондонѣ, или полумилліону своей братіи, бывшей на ярмаркѣ и видѣвшей что̀ тамъ происходило? И повѣритъ ли оно извѣстіямъ, сообщеннымъ *Общимъ Вѣчемъ*, когда издатели его говорятъ такую наглую ложь, какъ осада ярмарки цѣлымъ корпусомъ войска, раззореніе ярмарочныхъ торговцевъ постоемъ и военно-полицейскими притѣсненіями и проч. Сви-

---

[1] Караулъ.

дѣтелей, что все это умышленная ложь, полмилліона, если не болѣе, людей, собиравшихся на устье Оки со всѣхъ концовъ Россіи.

Ложь и клевета руководятъ перомъ издателей *Общаго Вѣча* съ перваго нумера. Старообрядцы уже оцѣнили по достоинству обращенное къ нимъ лицемѣрное слово Огарева; не замедлятъ также оцѣнить его и другіе люди изъ простонародія, до которыхъ какимъ бы ни было путемъ дойдетъ *Общее Вѣче*.

Д. П.

ВЪ КОНТОРѢ

ТИПОГРАФІИ КАТКОВА и К°,

въ Армянскомъ переулкѣ,

продаются слѣдующія книги:

ПОЛНЫЯ ТАБЛИЦЫ для опредѣленія количества оброка или числа барщинскихъ дней въ каждомъ имѣніи, сообразно надѣлу крестьянъ землею, составленныя на основаніи Высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1861 года Положеній о крестьянахъ. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Ц. за оба тома 3 р. 50 коп.; за перес. за 3 ф.

РУКОВОДСТВО КЪ ЧАСТНОЙ ПАТОЛОГІИ И ТЕРАПІИ, преимущественно съ физіологической и анатомо-патологической точки зрѣнія. Д-ра Феликса Нимейера. Переводъ съ нѣмецкаго. Выпускъ первый. Переводъ М. Боголюбова. М. 1861. Цѣна 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

РУКОВОДСТВО КЪ ОБЩЕЙ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМІИ тканей человѣческаго тѣла. Д-ра А. Винтера. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

ПРАВИЛА для найма рабочихъ, Высочайше утвержденныя 13-го марта 1861 года. Ц. 25 коп.

РАЗЧЕТНАЯ КНИЖКА для рабочихъ, составл. на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ для найма рабочихъ. Ц. 5 коп.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ, книга для чтенія и перевода. Составл. Л. Фонъ-деръ-Эльснитцомъ. М. 1861. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ. Переводы В. Д. Костомарова и Ѳ. Н. Берга.

Выпускъ I: Викторъ Гюго, Г. Гейне, П. Ж. Беранже, А. Трегеръ, А. Шамиссо, Леопарди, Филикайя, Никколини, Х. Г. Андерсенъ, А. Эленшлегеръ. М. 1860. Ц. 1 р., перес. за 1 фунтъ.

Выпускъ II: Р. Борнсъ, Г. Гейне, А. Шультсъ, Г. Х. Андерсенъ. Съ портретомъ и факсимиле Борнса. Въ приложеніи: Легенды Сербовъ. М. 1862. Ц. 1 р. 25 коп., перес. за 1 фунтъ.

МОЯ БІОГРАФІЯ. Посмертное сочиненіе БЕРАНЖЕ. Съ приложеніемъ портрета автора и перевода нѣкоторыхъ, нигдѣ не напечатанныхъ, пѣсенъ. Изд. В. Д. Костомарова. М. 1861. Ц. 1 р. с., перес. за 1 фунтъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ В. И. КРАСОВА. Изданіе П. Шейна. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп. с.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА Виленской губерніи на 1861 годъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 коп.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

